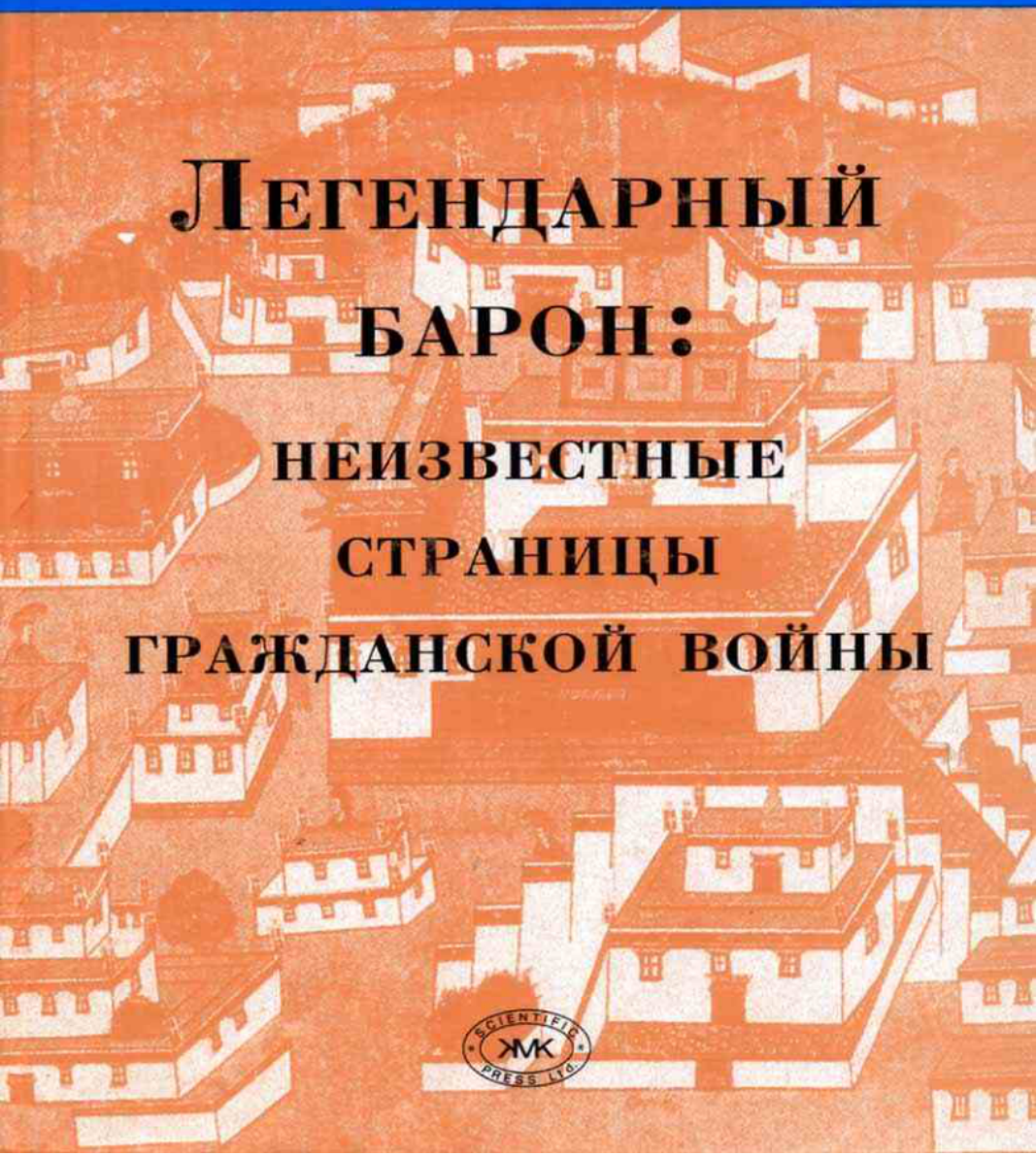
Сфера Евразии

Легендарный барон: неизвестные страницы гражданской войны



SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Впервые в России публикуются мемуары двух белых офицеров, воевавших в гражданскую войну в России и Монголии под командованием барона Р.Ф. фон Сарыл-гун-хурэа:

Н.Н. Князев. Легендарный барон;

М.Г. Торновский. События в Монголии-Халхе в 1920–1921 годах: военно-исторический очерк (воспоминания).

Книга первого из них была опубликована в Харбине в 1942 г. и почти неизвестна, а мемуары второго публикуются впервые. Оба автора живым и ярким языком описывают события, очевидцами которых были. Их воспоминания контрастируют с некоторыми домыслами, существующими вокруг жизни и деятельности барона Унгерна. Вводится в оборот ряд фотографий, имеющих отношение к данной теме. — Книга адресована гуманитариям, в первую очередь историкам, востоковедам, этнографам, политологам, культурологам, а также широкому кругу читателей, интересующихся историей.

С.Л.Кузьмин (сост.)

-
- Легендарный барон:
- Забытые мемуары о бароне Унгерне
- Н. Н. Князев Легендарный барон
- ГЛАВА I
- ГЛАВА II
- ГЛАВА III
- ГЛАВА IV
- ГЛАВА V
- ГЛАВА VI
- ГЛАВА VII
- ГЛАВА VIII
- ГЛАВА IX
- ГЛАВА X
- ГЛАВА XI
- ГЛАВА XII
- ГЛАВА XIII
- ГЛАВА XIV
- ГЛАВА XV
- ГЛАВА XVI
- ГЛАВА XVII
- ГЛАВА XVIII
- ГЛАВА XIX

- ГЛАВА XX
- ГЛАВА XXI
- ГЛАВА XXII
- ГЛАВА XXIII
- ГЛАВА XXIV
- ГЛАВА XXV
- ГЛАВА XXVI
- ГЛАВА XXVII
- ГЛАВА XXVIII
- ГЛАВА XXIX
- ГЛАВА XXX
- ГЛАВА XXXI
- ГЛАВА XXXII
- М. Г. Торновский
- События в Монголии — Халхе в 1920–1921 годах. Военно — исторический очерк (воспоминания)
- Комментарии
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24
  - 25
  - 26

- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70

- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79

9
Л384

Сфера Евразии

Легендарный барон: неизвестные страницы Гражданской войны

Легендарный барон: неизвестные страницы гражданской войны

Забытые мемуары о бароне Унгерне

Начало XX века в Евразии ознаменовалось масштабными общественными катаклизмами. Первая мировая война (которую у нас называли Великой), падение крупнейших континентальных империй — Российской, Маньчжурской и Австро-Венгерской — и смена в них общественного строя за короткое время изменили геополитический облик этой сферы. Гражданская война в России и соседних странах была одной из самых трагичных и, вместе с тем, героических страниц того времени. Столкновение разных проектов общественного устройства стоило жизни миллионам людей. Такой оказалась цена независимости, исторической преемственности развития и сохранения государственности. Советский Союз стал достойным преемником великих евразийских государств прошлого, в том числе Российской империи. Он сумел противостоять внешней экспансии, прежде всего — экспансии Запада, с его вечным стремлением навязать миру собственную цивилизационную модель.

В те годы существовал широкий спектр возможных направлений будущего развития, и некоторые общественные проекты, которые сейчас кажутся “безумными”, имели потенциал для реализации. Ведь и социализм казался чем-то подобным…

Одной из наименее известных глав гражданской войны до недавнего времени оставалась эпопея барона Р. Ф. фон Сарыл-гун-хурэа, пытавшегося противопоставить советской модели свой, монархический проект евразийского государства и традиционного общества. Хотя этот проект и не был реализован, он оставил заметный след в истории и имел далеко идущие геополитические последствия. До недавнего времени наши соотечественники недооценивали его и знали лишь в тех рамках, которые были очерчены в РСФСР еще в 1920–е гг. Широкий читатель смог лучше понять смысл событий лишь в 1990–х гг., благодаря документальному роману Л. Юзефовича (1993), основанному на ранее недоступных материалах.

С тех пор появился ряд новых книг. Большинство тех, кто писал о бароне Унгерне, справедливо отмечали его жестокость, особенно к коммунистам, евреям и, как ни парадоксально — к собственным соратникам. Вместе с тем, объективному анализу до сих пор препятствовали стереотипы, сложившиеся за долгие годы. Привлечение новых документов и мемуаров позволило отказаться от обвинений Унгерна в деятельности в пользу Японии, бандитизме, фашизме, оккупации Монголии, установлении там

диктатуры и т. д. (подробнее см.: Белов, 2003; Кузьмин, 2004). Выясняется, что по вине Унгерна погибло гораздо меньше людей, чем от рук революционеров и китайских оккупантов, с которыми он боролся. Согласно последним статистическим данным (Эрлихман, 2004), людские потери в Монголии за период китайской оккупации 1918–1920 гг. составили 17 тыс. человек, антикоммунистического восстания 1932 г. — 3 тыс., коммунистических репрессий 1928–1952 гг. — 50 тыс. В то же время за всю революцию 1921 г. (когда в Монголии были белые) погибло 2 тыс. человек — сюда входят потери обеих противоборствующих сторон.

А суммарные потери немонгольского населения (русские, буряты, евреи и т. д.) в Монголии и Забайкалье, судя по мемуарам, едва ли превысили 2500–3000 человек — в основном, боевые потери.

Однако главное в том, что Унгерн, наряду с монгольскими революционерами и СССР, сыграл ключевую роль в восстановлении независимости Монголии. Он изгнал китайских оккупантов, а затем своим вторжением в Сибирь создал законные основания для вступления в Монголию войск Советской России, которая стала гарантом сохранения независимости страны. Именно это уникальное стечение обстоятельств позволило Монголии — единственной из стран, ранее оккупированных Китаем — восстановить свою независимость.

Вместе с тем, многие эпизоды деятельности Унгерна известны недостаточно. Документы весьма фрагментарны. После его расстрела красными, собранные ими материалы, возможно, хранились в Наркомате иностранных дел РСФСР (сейчас в Архиве внешней политики РФ — АВПРФ) и Комиссии по изучению истории партии в г. Иркутске. По крайней мере, оттуда в 1925 г. поступили фотографии в Центральный музей революции СССР (сейчас Государственный музей современной истории России — ГМСИР). Далее материалы из этой комиссии, вероятно, были частично утрачены, а частично распределены по разным хранилищам. С некоторых документов были сняты копии для других архивов. Список архивов, где имеются документы, опубликован ранее (Кузьмин, 2004). Не удалось обнаружить новых документов в ряде других хранилищ, имеющих фонды по Сибири и Монголии: Государственные архивы Новосибирской и Читинской, областей, Приморского и Хабаровского краев; Национальный архив республики Бурятия; Государственные архивы документов по личному составу Республики Бурятия, Иркутской и Читинской областей; Российский государственный исторический архив (С. — Петербург); Российский

государственный исторический архив Дальнего Востока (Владивосток); Российский государственный архив новейшей истории (С. — Петербург); Российский государственный архив кинофотодокументов (Красногорск, Московская область); Центральный архив ФСБ РФ; Региональные управления ФСБ по Иркутской и Новосибирской областям; Иркутский краеведческий музей; Институт востоковедения РАН. Возможно, эти сведения принесут пользу будущим исследователям.

Основная часть имеющихся документов и мемуаров о жизни и деятельности Р.Ф. Унгерна опубликована ранее (Кузьмин, 2004). Там же введены в оборот два важных источника. Это мемуары двух офицеров, долго остававшиеся в забвении. Из-за этого многие страницы унгерновской эпопеи оставались неизвестными.

Первый из них — Н. Н. Князев, книга которого “Легендарный барон” была опубликована в 1942 г. в Харбине Главным бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской империи. по-видимому, эта книга почти неизвестна в России: во всяком случае, ее не удалось найти ни в одном списке книг по Белому движению, гражданской войне или Монголии, за исключением недавно вышедшего перечня харбинских изданий (Соловьева, 2003). Сама книга достаточно редкая: имеется в нескольких зарубежных библиотеках, а в России — лишь в харбинском фонде Государственного архива Хабаровского края. Не следует забывать, что она была издана русскими эмигрантами в марионеточном государстве Маньчжоу-Го в период японской оккупации, в разгар войны на Дальнем Востоке.

Об авторе известно немного (Князев, см. ниже; Торновский, см. ниже; Соловьева, 2003). Николай Николаевич Князев родился 7 октября 1891 г. в Санкт — Петербурге. В 1910 г. окончил Третью Петербургскую гимназию, в 1915 г. — юридический факультет Московского университета. Затем работал помощником начальника- делопроизводителя министерства путей сообщения, публиковал статьи в газетах “Новое время” и “Русское слово”, издававшихся в Санкт — Петербурге. В 1916 г. окончил кавалерийскую школу, участвовал в Первой мировой войне. С февраля 1918 г. боролся с Советской властью в Псковской губернии. В 1920 г. Князев попал в плен к красным, бежал в Монголию.

В начале 1921 г. он попал в Азиатскую конную дивизию. Там, в звании поручика, некоторое время занимал должность начальника Комендантской команды — то есть главы контрразведки. Судя по книге, Князев хорошо знал барона Унгерна со времен службы в Даурии, участвовал с ним в походах

в Монголию и Сибирь, был свидетелем последних дней Азиатской конной дивизии. Когда возник план ее отвода в Урянхайский край (сейчас Тува), Унгерн поручил Князеву собрать сведения о настроении личного состава. Однако сослуживцы знали о его работе контрразведчика и не были с ним откровенны. Поэтому Князев не был посвящен в заговор против Унгерна. Узнав о недовольстве в дивизии, он явился к барону для доклада, но в последний момент испугался и сообщать не стал. Во время заговора Князев оказался не в той бригаде, которая подчинялась лично Унгерну, а в другой, подчинявшейся генералу Б. П. Резухину.

После того, как переворот удался, заговорщики повернули дивизию в Маньчжурию. Теснимый красными отряд, с которым шел Князев, вышел через восточно-монгольский пограничный хошун Сан-бэйсэ (300 верст на юго-запад от ст. Маньчжурия) в Баргу и там разоружился. В октябре 1921 г. Князев прибыл в Харбин. Работал агентом уголовного розыска железнодорожной полиции (1922 г.), затем конторщиком и преподавателем Вечерних технических курсов, позже преподавал в Конвенте сестер-урсулок (1931–1935 гг.), работал в компании “Чурин” (с 1938 г.), в свободное время пел в хоре. Его дальнейшая судьба неизвестна.

В отличие от большинства других мемуаристов, Князев с определенным пониманием относился к мировоззрению Унгерна и монгольским обычаям. Например, в его книге нет огульного недоверия к предсказаниям и гаданиям лам. Более того, он приводит ряд примеров, когда эти предсказания весьма точно отражали будущие события. Однако деталей взглядов Унгерна Князев, видимо, не знал. Он не знал, например, что барон хотел реставрировать державу Чингисхана — Срединное царство под эгидой маньчжурской династии. Князев ошибочно называл Срединным царством Внешнюю Монголию (Халху) и считал, что восстановление ее независимости и было основной целью Унгерна.

Князев вел дневник — по крайней мере, в Монголии и Сибири, где записывал даты, наиболее важные события и т. д. Позже этот дневник, вместе с воспоминаниями автора, лег в основу его мемуаров. Некоторые другие сослуживцы Унгерна тоже вели дневники. К сожалению, они до нас не дошли.

Часть воспоминаний Князева, выдержанных в духе апологетики Унгерна, выходили в харбинском журнале “Луч Азии” (№ 2, 1934, с. 13–17; № 3, 1934, с. 12–16; № 4, 1934, с. 23–28; № 34/6, 1937, с. 7–9; № 35/7, 1937, с. 7–9; № 36–8, 1937, с. 19–20; № 5, 1935, с. 12–16). Полностью переработанный и

расширенный вариант был издан отдельной книгой в 1942 г. Он сильно отличается от того, что опубликовано в статьях.

Надо отметить несомненный литературный талант Князева — у него весьма художественный стиль. Князев старается описать и проанализировать ход событий, а не смаковать жестокости или обличать Унгерна — в отличие от многих других белых мемуаристов. Именно так себя вел, например, личный адъютант барона, есаул А. С. Макеев. По свидетельству Князева, он втирался в доверие и к Унгерну, нашептывая ему агентурные сведения", и к участникам заговора против него, ожидая, чья возьмет. Впоследствии он написал мемуары (Макеев, 1934), одной из целей которых было самооправдание. Последнее, по-видимому, вообще было важно для тех белых офицеров, заговор которых привел их командира к аресту и расстрелу красными. Впоследствии заговорщики подчеркивали, что они хотели только арестовать Унгерна — но Князев в своих мемуарах убедительно показывает, что их целью было убийство.

В книге Князева есть четыре фотографии. Две из них — Р. Ф. Унгерна — лицеиста и его матери — не удалось обнаружить в других источниках. Но портрет есаула Унгерна, сделанный, согласно Князеву, на Германском фронте (или в Даурии? — *С. К.)* — почти такой же, хотя и не идентичен ранее опубликованной (Кузьмин, 2004) фотографии из Российского государственного военного архива (РГВА, ф. 39532, оп. 1, д. 60, л. 3). Наконец, четвертая фотография подписана "Генерал-лейтенант барон Р. Ф. Сарыл-гун-хурэ в бытность его в походе по Монголии и Забайкалью". В действительности вместе с двумя другими она сделана во время допроса барона в штабе 5–й армии в г. Иркутске (Кузьмин, 2004: ГМСИР, колл.: фото, № 19086/1356). По-видимому, несколько фотографий Унгерна, сделанных после его пленения красными, были широко доступны не только в РСФСР, но и за рубежом, так как судебный процесс был публичным и широко освещался в средствах массовой информации.

В год появления книги Н. Н. Князева закончил свои мемуары другой бывший унгерновец — М. Г. Торновский. В отличие от Князева, он так и не сумел их опубликовать.

Рукопись М. Г. Торновского хранится в архиве Гуверовского института войны, революции и мира (Стэнфорд, США). Она озаглавлена "События в Монголии — Халхе [в] 1920–1921 годах. Исторический очерк (воспоминания). Шанхай, 1942" (Hoover Institution on War, Revolution and Peace, 48014–10. V). Рукопись не подписана, но на регистрационной карточке архива значится под фамилией "С. Лавров (Lavrov, Sergei)", под которой должна цитироваться согласно требованиям этого учреждения. Именно

так она и была процитирована в книге, где из нее опубликовано несколько небольших фрагментов (Кузьмин, 2004). На первой странице рукописи есть краткая биографическая справка, которую я счел относящейся к С. Лаврову.

Планируя дальнейшую публикацию рукописи, я получил ее полную копию и в процессе изучения выяснил, что в действительности автором является не С. Лавров, а другое лицо — Михаил Георгиевич Торновский. В связи с этим, здесь она публикуется именно под этой фамилией.

Торновский пишет, что был близко знаком с семьей И. А. Лаврова, управляющего Ургинской конторой Центросоюза. Лавров много лет собирал материал об ургинских событиях на предмет написания книги, но этому помешала смерть. Его жена, С. О. Лаврова, передала весь собранный материал Торновскому. Последний включил его в свою рукопись. Так что Лавров, в какой-то мере, может рассматриваться как соавтор Торновского. И. А. Лавров скончался в эмиграции в Китае, а его два сына и дочь жили в США. Возможно, Сергей Лавров — один из сыновей И. А. Лаврова, и ему, как другу семьи, Торновский передал свою рукопись, а уже от него она попала в Гуверовский архив.

Сам автор, судя по рукописи — офицер выпуска 1904 г., участвовал в Русско-японской, Первой мировой и гражданской войнах. В гражданскую войну командовал 1–м Егерским полком Оренбургской армии, затем воевал в Азиатской конной дивизии и вместе с ней попал в Маньчжурию.

Недавно о М. Г. Торновском стало известно больше (Ежова, Черепанова, 2002). Родился он в 1882 г. в г. Покровск (сейчас г. Энгельс Саратовской области). Вскоре вместе с семьей переехал в Иркутск. В 1904 г. окончил Иркутское военное училище, затем учился в Петроградской Главной гимнастической фехтовальной школе, далее на курсах преподавателей военных училищ в Иркутске. В Первую мировую войну командовал батальоном на Русско-германском фронте в 1916–1917 гг., где получил чин полковника и был отправлен обратно в Иркутское военное училище. После революции уехал в г. Харбин, где вступил в антибольшевистскую организацию “Комитет защиты Родины и Учредительного собрания”. Был назначен начальником снабжения всех формирований Белой армии в Харбине (до ноября 1918 г.). Вскоре он вернулся в Иркутское военное училище, а по прибытии в Иркутск получил телеграмму от генерала Тонких (начальника штаба Южной армии адмирала А. В. Колчака) и выехал в Стерлитамак, где сформировал и принял 1–й Егерский полк. В его составе Торновский участвовал в боях против Красной армии в районе Актюбинска. В 1919 г. командование полком сдал

и был командирован в ставку адмирала Колчака. По дороге, находясь в г. Урга (сейчас Улан-Батор) и получив известие, что адмирал расстрелян, перешел на эмигрантское положение и стал заниматься коммерцией в Монголии.

Здесь он и стал очевидцем и участником походов Азиатской конной дивизии барона Унгерна. Судя по рукописи Торновского, после поражения белых в Монголии его семья осталась в Урге, откуда ее отпустил в Китай красный комиссар Васильев — хотя и знал, кто такой М. Г. Торновский. Последний встретил семью недалеко от монгольской границы — в г. Калгане. Оттуда они уехали в Харбин, а в 1932 г. — в Шанхай.

В этом городе Торновский работал в русских белоэмигрантских изданиях “Восток” и “Гун-Бао”, в магазине “Просвещение”, издательстве и представительстве Русской духовной миссии в Китае, счетоводом на КВЖД, владел угольным складом, заводом по производству фруктовых и минеральных вод, был даже сторожем и охранником. В Шанхае входил в антисоветские белоэмигрантские организации “Эмигрантское общество в Шанхае”, “Русское общественное собрание”, “Российский общевоинский союз”, “Национально — трудовой союз нового поколения”, “Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурии (БРЭМ)”. 7 августа 1941 г. через газету “Заря” Торновский открытым письмом объявил о выходе из всех этих организаций. Будучи подлинным патриотом своей страны, он был не согласен с объединенным решением этих организаций оказать поддержку фашистской Германии против СССР: “Я лично, хотя и продолжал оставаться на своих прежних позициях — отрицательного отношения к Советскому Союзу, вместе с тем был противником того, чтобы Россия была покорена немцами”.

На протяжении Великой Отечественной войны он был всей душой с тем государством, против которого еще недавно боролся. Восхищаясь патриотизмом народа, его борьбой с нацистами, он изменил свое отношение к Советской власти, подготовившей победу над врагом. по-видимому, Торновский еще в период гражданской войны отдавал должное создателям Советского государства. В своих мемуарах он писал, что не разделяет мнение о том, будто В. И. Ленин — “кретин” или “идиот”, а считает, что его имя “войдет в историю наряду с реформаторами. На истории России Ленин оставит глубокий след”.

После опубликования указа Президиума Верховного совета СССР от 20 января 1947 г. “О даровании права советским подданным, находящимся за границей, вернуться на Родину с полными правами советских граждан”, Торновский прибыл в город Молотов (сейчас Пермь). В феврале 1948 г. он устроился

табельщиком автогрузчика на строительство “Камгэсстроя”, а примерно в ноябре перешел работать бухгалтером. 16 февраля 1949 г. был арестован по статье 58, а 16 мая 1949 г. осужден на 25 лет мордовских лагерей, где стал полным инвалидом. В 1955 г. он был реабилитирован постановлением Особого совещания при МГБ СССР, ввиду преклонного возраста и полной инвалидности.

Очевидно, публикуемая здесь рукопись Торновского не была известна в Советском Союзе. Иначе он вряд ли мог бы рассчитывать на реабилитацию. Ведь в ней он не только описал свои воспоминания, как участник похода Унгерна в Сибирь, но и дал в целом положительную оценку деятельности барона. Торновский широко использовал неопубликованные мемуары современников и книги, вышедшие к тому времени. В частности — книгу Князева, которую прокомментировал во введении.

Согласно пометке на титульном листе, Торновский начал писать свои воспоминания 1 августа 1940 г. и закончил 1 июня 1942 г. в г. Шанхае. Как отмечает автор, к этому времени политическая и экономическая обстановка существенно изменилась к худшему. Очевидно, имелось в виду обострение ситуации на Дальневосточно-Тихоокеанском театре Второй мировой войны после вступления США и Великобритании в войну против Японии в декабре 1941 г. К январю 1942 г. Квантунская армия стала самой сильной из сухопутных группировок вооруженных сил Японии. Развивая наступление, японцы зимой 1942 г. отрезали Китай от путей снабжения по суше, расширили контролируемые в Китае территории, а уже к маю выполнили все свои планы, составленные на первый период войны (Яковлев, 1965).

После освобождения Маньчжурии Советской армией, судьбы русских эмигрантов сложились по-разному. Многие вернулись в СССР, многие уехали в другие страны; мало кто остался в Китае. Обстоятельства не позволили Торновскому вернуться к работе над своими мемуарами. Они так и остались в своем черновом варианте — 141 страница трудно читаемого рукописного текста, снабженного многочисленными вставками и кроками нескольких боев.

Торновский отмечал, что текст требует перепечатки на машинке и обработки. Предчувствуя, что рукопись попадет в чужие руки, он просил не изменять ее по существу, а выпустить в свет, внеся лишь стилистическую правку. Выполняя это, я сознательно старался ограничиться исправлением стилистики и очевидных ошибок. Монгольские и китайские названия изменены согласно транскрипции, принятой в настоящее время. Имена

“Джамбалон, Клингберг, Костромитин, Слюз, Мухаметдинов, Чжан-Ку-ю, Чингиз”, названия “Боций, Ново-Дмитрово” везде исправлены на Жамболон, Клингенберг, Костромин, Слюс, Мухаметжанов, Чжан Куню, Чингисхан, Боссий, Ново-Дмитриевка”, но фамилия “Сипайлов” оставлена в этом, наиболее распространенном написании (хотя в действительности должно быть “Сипайло”). Из текста изъят известный приказ № 15, поскольку он публиковался неоднократно, в том числе и в последние годы (например, Юзефович, 1993; Кузьмин, 2004). В конце книги я привожу его фотокопию. Кроме того, изъята перепечатка из романа Д. Уайта “Монгольский клад” (две страницы машинописи из газеты “Заря”, примерно 1923–24 гг.), так как она не составляет часть мемуаров.

У Торновского главы не выделены, есть только названия отдельных разделов, по-видимому, предварительные. Поэтому я сделал рубрикацию и ввел названия нескольких глав: “Поход на Русь генерала Унгерна” (по аналогии с такой же главой про Резухина), “Заговор и бунт”. Названия нескольких глав отредактированы в целях унификации. Вместо инициалов Торновский обычно пишет сокращения званий (ген., полк, и т. д.). Чтобы облегчить чтение, в публикации звания даны полностью и, по возможности, опущены при повторах. В рукописи есть кроки нескольких боев унгерновцев. При их публикации географические названия, по возможности, отредактированы согласно современным требованиям, линии и стрелки сделаны четче и ровнее, убрана сетка, местами сдвинуты пояснения. В остальном они оставлены без изменений.

Хотя в литературном отношении рукопись Торновского уступает книге Князева, она также читается увлекательно. К воспоминаниям Князева и Торновского даны единые комментарии. В них я старался избегать повторения того, что опубликовано в комментариях раньше (Белов, Кузьмин, в кн.: Кузьмин, 2004). Рисунки из Князева и Торновского помещены в подходящих местах среди текста. Фотографии из разных источников, имеющие отношение к описываемым событиям, помещены в конце книги.

Хочется надеяться, что публикуемые мемуары позволят читателю по-новому взглянуть на личность и деятельность Р. Ф. Унгерна. Как писал М. Г. Торновский, “Личность генерала Унгерна многогранна, и к нему нельзя подходить с обычной меркой.

Литература

Белов Е. А. 2003. Барон Унгерн фон Штернберг: биография, идеология, военные походы 1920–1921 гг. М.: Аграф.

Ежова Е., Черепанова М. В. 2002. Белой мечты крушенье. http://diaghilev.perm.ru/confirence/ s8/newpage4.hlm.

Кузьмин С. Л. (сост.). 2004. Барон Унгерн в документах и мемуарах. М.: КМК.

Макеев А. С. 1934. Бог войны — барон Унгерн. Шанхай: изд. А. П. Малык и В. П. Камкина.

Соловьева Н. А. (сост.). 2003. Печатные издания харбинской россики. Хабаровск: изд. Частн. колл.

Торновский М. Г. 1942. События в Монголии — Халхе в 1920–1921 годах. Военно — исторический очерк (воспоминания). Шанхай (рукопись). Hoover Institution on War, Revolution and Peace, 48014–10.V (собрание С. Лаврова).

Эрлихман В. 2004. Потери народонаселения в XX веке: справочник. М.: Русская панорама:

Юзефович Л. 1993. Самодержец пустыни (феномен судьбы барона Р. Ф. Сарыл-гун-хурэа). М.: Эллис Лак.

Яковлев Н. Н. 1965. От Перл-Харбора до капитуляции (война на Тихом океане 1941–1945 гг.). М.: Политиздат.

С. Л. Кузьмин.

Благодарности

Хотелось бы искренне поблагодарить К. Адлера (Нью-Йорк, США) за ксерокопию книги Н. Н. Князева (1942); Н. Ф. Евдокимову и JT. В. Саляеву (Государственный архив Хабаровского края) — за сканирование фотографий из этой книги; JT. В. Василькову, И. М. Глухову и Г. Б. Урвачеву (Государственный музей современной истории РФ), А. Р. Ефименко и В. JI. Воронцова (Российский государственный военный архив), Е. М. Лясковскую (Минусинский региональный краеведческий музей), Международный центр Рерихов (МЦР) — за предоставление фотографий; М. Ю. Блинова — за разрешение использовать материалы из его собрания; Ж. Оюунчимэг — за консультации по монгольскому языку, топонимике и истории.

Н. Н. Князев Легендарный барон

“Мы кровью крещены под лязг войны железной, Опалены огнем, оглушены пальбой, Чтобы как вихрь, как свет прорвавшаяся нежность Преобразила нас, готовых в новый бой”.

А. Ачаир. Лаконизмы.

От автора

Рукопись книги, предлагаемой теперь вашему вниманию, написана много лет тому назад, когда свежи были воспоминания об этой одной из самых героических и, может быть, поэтому — безрассудных страничек истории белой борьбы.

Герой эпопеи, барон Р. Ф. Унгерн, зарисован с натуры таким, каким автор знал его в Монголии и каким затем преломился он в сердце его соратника, пройдя через призму зрелого сознания. Барон взят во всю ширину фона той своеобразнейшей страны.

Несмотря на то, что автор писал бесстрастную историю, все же книга о легендарном бароне сохранила значительную долю остроты. Сама по себе тема оказалась настолько щекотливой, что даже и в этой спокойной форме не может не вызвать волнующих чувств.

Худо ли, хорошо ли, но — “из песни слова не выкинешь”. Что было — то было…

Автор берет смелость заверить в правдивости своего рассказа, так как книга, по замыслу, должна служить достоверным источником для изучения Белого движения в Восточной Сибири.

Автор.

Июль 1941 г., Харбин.

ГЛАВА I

Барон Роман Федорович Унгерн фон Штернберг родился в 1882 г. в прибалтийской помещичьей семье, весьма родовитой, хотя и утратившей в XIX веке блеск своего имени, но сохранившей кровную связь со многими аристократическими домами России и Германии. Полулегендарный период существования рода Унгернов начинается в VI или VII веке нашей эры. Из семейных преданий этого родного для него источника юный барон щедро черпал увлекательные повествования о подвигах своих предков, одни из которых являлись рыцарями времен крестовых походов и пали в боях с неверными, а другие блистали силой и отвагой на турнирах. Но, вероятно, ярче всего в душе мальчика запечатлелся образ рыцарей Ральфа и Петра, неутомимо бороздивших моря в поисках приключений и добычи. Впоследствии в Монголии в хорошие свои минуты Роман Федорович охотно вспоминал о них и отыскивал параллель между собой и этими красочными фигурами Средневековья. Что же касается официальной родословной (Кн. Долгорукий, “Российская родословная книга”, часть III, с. 416–418), то она гласит, что фамилия Штернберг была известна во Франконии уже в XI веке.

В начале XIII века род Штернбергов разветвился на германскую и ливонскую линии. Родоначальником последней, из которой произошел Роман Федорович, является Иоанн фон Штернберг, служивший в венгерских войсках, и из Венгрии прибывший в Ливонию в 1211 г., во главе отряда из 500 всадников и многих пеших ратных людей. Иоанн фон Штернберг называл себя Ungam (венгерец) по месту своего происхождения, а потомки его, несколько видоизменив это прозвище, писались вплоть до начала XVII века Унгернами. Затем, в течении сравнительно короткого времени, рыцари Унгерны именовались Сарыл-гун-хурэами. Несколькими годами раньше того, как германская ветвь этого рода, по воле императора Леопольда I, получила графский титул, королева шведская Христина 27 октября 1653 г. возвела трех дворян Унгернов в баронское достоинство, с приказанием именоваться впредь Унгерн фон Штернбергами.

Русская линия происходит от барона Карла-Лудвига, вступившего в службу императрице Анне Иоанновне около 1740 г. Три сына Карла-Лудвига дослужились до генеральских чинов. Один же из них, Карл Карлович, скончавшийся в 1799 г. в чине

генерала от инфантерии, стоял в первом ряду храбрейших людей суворовского времени.

Эти исторические справки отнюдь не излишни в биографическом очерке, потому что они дают ключ к пониманию сложной личности Романа Федоровича, ощущавшего в своей душе голос крови длинного ряда честолюбивых храбрецов и отважных разбойников.

Первоначальное образование Роман Федорович получил дома. Немецкий и русский языки были для него в одинаковой степени родными; по-русски он говорил с едва уловимым акцентом. Мысли же отвлеченного характера свободнее всего излагал по-французски. Этим языком Унгерн владел чрезвычайно тонко. Не чужд ему был и английский — во всяком случае, он свободно читал на этом языке. Свое образование барон Унгерн начал в Императорском Александровском лицее. Но перспектива службы по дипломатической части, являющейся как бы привилегией лицеистов, была не по душе юному потомку рыцарей-меченосцев. С детства он мечтал о войне и путешествиях и поэтому из общеобразовательных классов Лицея перевелся в соответствующий класс Морского корпуса. В памяти сверстников барона по Корпусу осталось представление о долговязом гардемарине, с очень сдержанным, замкнутым характером.

Вскоре после начала Русско-японской войны на утренней проверке как-то недосчитались трех гардемарин младшего класса; одного из них, конечно, звали Романом Унгерн фон Штернбергом. Через некоторое время выяснилось, что беглецы благополучно проехали в действующую армию и по телеграфному ходатайству получили Высочайшее разрешение на прикомандирование к Уссурийскому казачьему дивизиону. Во время войны барон Унгерн получил несколько ранений и заслужил три степени Георгиевского креста.

По окончании боевых действий он поступил в Павловское военное училище, но закончил его, сказать по правде, не без содействия своих влиятельных родственников, потому что, по временам, сильно грешил против училищной дисциплины и, кроме того, совершенно пренебрегал некоторыми из предметов преподавания.

На Дальний Восток барон попал не случайно. В 1907 г. (год производства его в хорунжие) не вполне еще смолкли отзвуки недавно отгремевшей войны. Пыл и страсти еще, может быть, не унялись тогда в сердцах недавних участников событий. И вот молодой офицер, как бы инстинктивно, тянется туда, куда влечет жажда подвига его беспокойную душу. Хорунжий барон Унгерн получил назначение в 1–й Аргунский полк Забайкальского

казачьего войска. Через некоторое время он приписался к Цаган-Олуевской станице 2–го отдела. Этим шагом молодой офицер как бы порвал связь с создавшей его Европой, делаясь действительным членом в семье народов уже тогда мистически влекущей его Азии.

К этому времени относится первое посещение им Монголии. В 1911 г. барон вынужден был перевестись в 1–й Амурский казачий полк. Причиной ухода его из полка послужила ссора с сотником М., со взаимными оскорблениями и обнажением оружия. Сотник нанес Унгерну очень неприятную рану шашкой в голову, но от дуэли отказался[1]. Эта несчастная рана, по собственному признанию Романа Федоровича, давала чувствовать себя до конца его дней, потому что, порой, вызывала нестерпимые головные боли; возможно, что она вообще отразилась на состоянии его душевного равновесия.

В первый день Св. Пасхи 1911 г. барон выехал из Забайкалья к месту новой службы, в Амурскую область. Весь путь (около 900 верст) он проделал верхом, в сопровождении одной лишь собаки, следуя по кратчайшему направлению через Большой Хинган, охотничьими тропами. Проводника — орочона[2] пришлось отпустить с первой же четверти пути — у того пала лошадь. В своем инстинкте разведчика Унгерн умышленно выбирал самое безлюдное направление, и потому добывал себе пропитание исключительно охотой.

Но вот, новые места — Амурская область — изучены, яркость впечатлений поблекла и Романа Федоровича снова потянуло назад к забайкальцам. Влекла его туда возможность перейти на постоянное жительство в безбрежные просторы Монголии, куда переведен был один из полков Забайкальского казачьего войска, в связи с отделением этой страны от Китая[3]. Перевод не состоялся, потому что командир Амурского полка не согласился отпустить барона из своей части. На такую меру Роман Федорович ответил рапортом об увольнении в запас: казалось, никакие внешние препятствия не могли побороть его настойчивых устремлений в монгольские степи.

Летом 1913 г. Унгерн появился в Кобдо, где расположен был в то время дивизион 2–го Верхнеудинского полка. Он приютился в сотне есаула Комаровского, у которого состоял младшим офицером друг барона, Б. П. Резухин. Роман Федорович занял должность нештатного офицера сотни.

За время, протекшее с конца 1913 г. до августа 1914 г., Роман Федорович посетил все значительные пункты Халхи. Побывал вне сомнения, во многих буддийских монастырях; сделал интересовавшие его знакомства с некоторыми представителями

аристократии и духовенства, а главное — до краев наполнился теми настроениями, которые дают волнистые дали Монголии, ее причудливые храмы, и стада многочисленных дзеренов, спокойно пасущихся на зеленых коврах необъятных падей, и люди ее, как бы ожидающие могучего толчка, чтобы пробудиться от векового сна, и даже, может быть, дымки над юртами и монотонное, медлительное скрипение повозок какой-то монгольской семьи, перекочевывающей в беспредельность. К тому же периоду острого ознакомления с Монголией относится, вероятно, и следующий шаг, совершенный Романом Федоровичем по пути освоения этой страны, а именно, восприятие религии Монголии, ее ламаизма.

Весна 1914 г. предстала перед бароном вся разубранная цветами, на фоне изумрудно-зеленых далей. Ничто, как будто бы, не предвещало грядущих событий. Проникшийся поэзией Монголии, Унгерн поседлал коня, свистнул собаку и отправился в свои полуохотничьи, полуэтнографические исследования. Несколько месяцев скитался он между Кобдо и Ургой. Можно предположить, что именно в этот период своей жизни он услыхал голос подлинной, мистически близкой ему Монголии.

Облик конников — монголов оказался созвучным любимой мечте о возвращении к временам рыцарства. Ведь и сами рыцари в его представлении прежде всего были конниками. И, если подумать, что для его сурового сердца все прекрасные проявления человеческой натуры, то есть истинная воинская доблесть, подлинная честность и идейная преданность своему долгу — достигали высоты идеала лишь в рыцарскую эпоху, то понятна станет тайна очарования Монголией, глубоко затронувшая его душевный мир. Ему мерещились картины былого величия монгольского народа и перед ним восставал суровый образ Чингисхана, посылавшего в пылящуюся даль свои орды. Возможно, что тогда уже грезил барон о новом вожде, который поведет разбуженных им от долгого сна конников на подвиги воинской славы и чести. Ему, вероятно, было известно, что дух каждого народа точнее всего отражается в его эпической поэзии. Монгольская поэзия, полная героических мотивов, в этом отношении представляет значительный интерес и, рано или поздно, но сулит народам монгольского племени большое и славное будущее.

Известие о вспыхнувшей войне на западе было для барона зовом из мира грозной действительности. Роман Федорович спешит вступить в казачьи ряды. Он поскакал в Читу и там выяснил, что забайкальцы получили распоряжение оставаться на местах. Барон едет на фронт одиночным порядком. Он вливается в ряды одного из второочередных полков Донского казачьего

войска. Унгерн был рожден для войны, и поэтому очень скоро выделился своей доблестью. Разведка ли, наступление, или партизанский налет в тылу у немцев — барон повсюду и всегда на первом месте.

Он оказался непревзойденным мастером по части добывания “языка”, но порой пользовался для этой цели довольно рискованными приемами: случалось, что в разведке он доставал из кармана смятую фуражку германского офицера и даже набрасывал на плечи шинель неприятельского образца.

За время службы на фронте в должности младшего офицера сотни Роман Федорович никогда не уходил с полком в резерв. Он обычно пристраивался к какой либо части, остававшейся в боевой линии, или же уходил одиночным порядком в неприятельский тыл и не раньше возвращался в свои ряды, чем тогда, когда полк снова выступал на позицию. С получением сотни барон вынужден был ограничить свои отлучки из полка.

Выдающаяся доблесть Унгерна неоднократно отмечалась в приказах. В продолжении первого года войны он получил четыре ранения и удостоен был ордена Св. Георгия[4], георгиевского оружия и к началу второго года войны представлен к чину есаула.

По свойственной его натуре скромности, барон никогда не распространялся о своих подвигах. На расспросы же товарищей по полку неизменно отделывался решительными отговорками: “О чем тебе рассказывать? Ты там не был, поэтому не поймешь”, — чаще всего отвечал барон. В забайкальской казачьей дивизии, куда барон Унгерн перевелся вскоре после вступления ее в действующую армию, было лишь глухо известно, что Роман Федорович заслужил орден за взятие сотней донцов какой-то высоты на Австро-германском фронте. Слышно было, что этот случай являл собой подвиг выдающегося героизма[5]. Совершенно, даже до странности равнодушный к чинам и к другим наградам, Унгерн ценил только орден Св. Георгия, как высокое и при том исключительно военное отличие. Рассказывают, что в ночь накануне расстрела он изгрыз зубами свой орден, который, как известно, коммунисты не сняли с его груди.

Унгерн был крайне волевым человеком, с ярко подчеркнутым властолюбием, твердостью и настойчивостью прямолинейностью и по справедливости считался одним из храбрейших офицеров дивизии. Это был высокий, худощавый блондин, с крепко посаженной головой, украшенной рыжеватыми усами, обычно опущенными вниз по углам его тонко очерченного рта; он был силен, отважен до дерзости, вынослив и жил исключительно войной. Барон не имел других интересов на фронте, кроме тех,

которые целиком укладываются в узкую военную сферу деятельности. Его не влекло с позиции ни в отпуск, ни на отдых. Он не был знаком с чувством утомления и мог подолгу обходиться без сна и пищи, как бы забывая о них. Именно в этой обстановке нашли лучшее применение его врожденные особенности, унаследованные от воинственных предков.

В строевом отношении барон не безупречен. По свидетельству бывшего полкового командира, барона Врангеля (“Белое Дело”, т. V), Унгерн, в качестве командира сотни, грешил против элементарных правил службы, что с избытком искупалось его боеспособностью и заботливостью о казаках и конском составе своей части. Роман Федорович охотно вспоминал о том, что в бою Врангель давал ему самые ответственные поручения, а с отходом на отдых — отсылал в обоз. Несмотря на некоторые трения с командиром полка, унгерновская сотня была и обмундирована лучше других и ее котел загружался полнее, чем это полагалось согласно нормам довольствия, так как ее командир, не признавая никакой отчетности, умел добывать предметы довольствия.

В Великую войну[6] барон испытал достаточное количество резких столкновений с чинами хозяйственной части полка, вследствие неизбежных в его обиходе перерасходов. Возможно, только благодаря своим выдающимся качествам Роман Федорович не попал под суд за грубые нарушения хозяйственных обязанностей командира сотни. Но зато в гражданскую войну, когда все зависело от него одного, барон организовал при своей дивизии изобильно снабженную интендантскую часть. Он лично следил за интендантством для того, чтобы оно работало тщательно и без перебоев. Известен случай, когда он заставил интенданта дивизии съесть в его присутствии пробу недоброкачественного сена. Для большей наглядности нашего представления о бароне нужно подчеркнуть его полное равнодушие к элементарным требованиям комфорта. Он мог спать вповалку с казаками, питаясь из общего котла; не чувствовал потребности в опрятной одежде.

Было бы ошибкой думать, что опрощение барона объяснялось его желанием снискать популярность среди казаков. Во всем образе поведения его, в его равнодушии к деньгам и жизненным удобствам, в небрежности в одежде, в его повелительной манере обращения с людьми — для чуткого слуха звучали горделивые нотки сознания бароном своего превосходства. Какое бы то ни было заискивание или приспособляемость совершенно не укладывались в натуре Романа Федоровича.

Все самое необычайное выходило у барона настолько

естественно, что никто из чинов его сотни не испытывал удивления, увидев однажды своего есаула стирающим белье вестового-бурята, в то время, как последний возился у костра с обедом. В обстановке еще мирного времени барон не имел никаких вещей, кроме надетого на нем платья. Если же тот или иной предмет обмундирования приходил в естественную ветхость, Роман Федорович брал соответственную вещь у своего товарища по полку, и проделывал эту экспроприацию с такой простотой, что отказать ему было невозможно. Впрочем, каждый из таких кредиторов мог компенсировать себя с большей лихвой, взяв у барона деньги в момент получения им пособия от бабушки из Германии. Настоятельно лишь требовалось не упустить этого срока, потому что Унгерн с легкостью расставался с деньгами.

Даже такой строгий критик, как барон Врангель, не отрицает за Унгерном острого ума и способности быстро схватывать сущность мысли. К выраженному определению умственных достоинств барона Унгерна можно добавить, что он был весьма вдумчивым офицером, к тому же достаточно развитым во многих отраслях знаний. Он любил одиночество и, следовательно, имел досуг для чтения общеобразовательного характера.

Данному положению о несомненной образованности и начитанности Унгерна, в силу контрастности его природы, отнюдь не противоречит несколько странный эпистолярный стиль его приказов и телеграмм. Вот образцы таковых. Из приказа по дивизии: “Авиационному отряду. К субботе собрать все аппараты. Если в воскресенье не увижу их над Даурией, в понедельник будете летать с крыш”. Или телеграмма в штаб армии по поводу перевода фельдшера из Даурии в другую часть: “И. д. Старш. сан. инспектора, врачу. Ты. Запятая. Не смей лезть грязными руками в мою чистую дивизию. Точка. Приедешь. Тире. Выпорю”.

Унгерн тщательно избегал женщин. Если он и женился в 1920 г. на китаянке, происходившей из знатного рода, то нужно полагать, что брак этот имел для него в то время какой-то политический смысл. Кроме того, брак барона и принцессы является союзом, так сказать, на известной дистанции: муж жил в Даурии, а жена — в Маньчжурии. Через полгода своего своеобразного замужества баронесса, богато вознагражденная, была возвращена в ее отчий дом.

В дружеской беседе с генералом Комаровским в Урге Роман Федорович как-то разразился грозной филиппикой по адресу тех мужчин, которые влюбляются до потери рассудка. “Скажите, Роман Федорович, кому Вы в Хайларе подносили букеты?” — с улыбкой прервал его генерал Комаровский. Унгерн покраснел и по-детски замахал руками: “Молчите, молчите! Ради Бога, не

передавайте этого Борису Петровичу (Резухину)". Вероятно, в бытность его молодым офицерам барон Унгерн не был вполне застрахован от увлечений.

С течением времени Роман Федорович стал считать женщину злым началом в мире. Эта неприязнь, основанная на подлинном аскетизме его натуры, доходила порой до мелочности. Во время командования Азиатской дивизией он, например, неизменно увеличивал меру взыскания каждому провинившемуся, за кого ходатайствовала какая-нибудь неосмотрительная женщина. Несколько "особ слабого пола" в Урге высечено за сплетни, а одна из сестер милосердия провела несколько суток на льду реки и получила 150 ташуров — правда, от руки мужа. Такова, видно, судьба многих драматических эпизодов, что они сдобрены у барона анекдотом: Вместе с легкомысленной сестрой милосердия пострадал ее почтенный супруг за то, что плохо наблюдал за поведением жены.

Если повествовать о суровости наказаний, к которым прибегал барон, то нужно также подчеркнуть крайнюю быстроту в расправах, не только ташуром, но и револьвером. По свидетельству члена Войскового круга Забайкальского казачьего войска, войскового старшины Фирсова, Унгерн в его присутствии в разное время застрелил двух офицеров за злоупотребление властью. В обоих случаях он вызывал офицеров, на которых жаловался Фирсов, в кабинет и после первого же вопроса убивал выстрелом в лоб.

В принципе, барон Унгерн был доверчив, как дитя. Он, думается мне, верил каждому докладу, но требовал от докладчика стопроцентной правды. По тем же причинам нетрудно было выудить у барона денег на какую-нибудь фантастическую цель. Если он кому-нибудь верил, то, даже и под конец своей жизни, после того, как знал непривлекательную послереволюционную сущность человеческой натуры, он верил во всем. Но и разочарование его достигало сверхчеловеческих глубин. "Привези мне его голову (маньчжурского коммерсанта Никитина), чтобы я мог посмотреть на эти подлые, лживые глаза. Я не пожалею никаких денег". Так писал барон из Урги своему есаулу Дзыно в Хайлар.

Мировую войну барон Унгерн закончил в чине есаула, и в период гражданской войны дольше, чем остальные начальники отдельных частей Дальневосточной армии, носил есаульские погоны. Некоторые неудобства, сопряженные с незначительным чином при командовании им в Даурии Азиатской конной дивизией, побудили его принять чин полковника, а затем — генерал — майора. Что же касается чина генерал — лейтенанта,

то этой наградой атаман Г. М. Семенов воздал должное трудам и подвигам самого барона и чинов его дивизии, проявленным при взятии Урги.

В настоящую задачу не входит обзор деятельности Романа Федоровича Унгерна в Забайкалье до выхода его из Даурии в августе месяце **1920** г. Можно лишь заметить к общей характеристике его, что в те дни он не прятал монархические убеждения под крыло различных душеспасительных фикций. Пусть порой и не дипломатична такая линия поведения, но что поделать — Унгерн создан был из негнущегося материала. Борьбу с большевиками барон вел с момента зарождения — антибольшевистского ядра атамана[7] и понимал свою задачу как борьбу до последнего вздоха. Он постоянно напоминал своим подчиненным, что после революции офицеры не имеют права помышлять об отдыхе и еще меньше того — об удовольствиях. Каждый офицер обязан иметь взамен того одну лишь непрестанную заботу — с честью сложить свою голову… Только смерть избавляет офицера от долгой борьбы с коммунистами. Такова была бескомпромиссная формула барона, в которую уложилась вся его послереволюционная философия.

В нескольких статьях любопытнейшего приказа номер 15 от 5 мая 1921 г. барон Унгерн выражает основные положения политической и боевой программы своей деятельности на территории Сибири. В них прямо указывается и всячески подчеркивается, что Роман Федорович чрезвычайно высоко расценивал факт непрерывности своей борьбы с большевиками. Объявляя в начале приказа о своем подчинении атаману Семенову и, как должно понимать, — о согласованности своих действий с директивами атамана, барон далее устанавливает, что командование всеми вооруженными силами Сибири перешло к нему, как “военачальнику, не покладавшему оружия в борьбе с красными и ведущему ее на широком фронте”. Из того “программного” приказа номер 15 явствует и второе положение — понятие о суровой дисциплине, которую барон кладет во главу угла всякого военного начинания. Именно такую дисциплину он создал и всемерно поддерживал в своих даурских воинских частях. Задачу эту барон разрешил самым радикальным образом: воспитывая подчиненных в должном духе, одновременно охранял свое войско, как он любовно называл дивизию, от проникновения туда разлагающих влияний извне. В этих соображениях Роман Федорович избегал слияний с другими частями Дальневосточной армии, предпочитая видеть свой отряд на некотором расстоянии от собратьев по оружию.

Благодаря неусыпным заботам своего начальника, Азиатская

конная дивизия стала на значительную высоту в смысле дисциплины и выучки. Боевые же качества этой части были вне критики, невзирая на сравнительно низкий культурный уровень и разношерстность ее офицерского состава. Правда, все унгерновские офицеры имели большой боевой стаж и понимали толк в личной храбрости, но интеллектуальное их развитие было слабовато. Этим недостатком в особенности страдал старший командный состав, выдвинутый бароном из нижних чинов. Считая таких людей всецело ему обязанными, Роман Федорович вполне на них полагался и верил только им. “Для борьбы с большевизмом не нужны офицеры в настоящем смысле этого слова” — заявил барон своему однополчанину есаулу Воробей, — “Мне нужны лишь слепые исполнители моей воли, которые выполнят без рассуждений любое мое приказание, к примеру — не дрогнув убьют даже родного отца”.

При такой постановке вопроса становиться понятным, почему барон укрыл у себя подлежавшего по суду смертной казни прапорщика Чернова, впоследствии им самим сожженного заживо (в Даурии находили убежище многие из “удальцов”, отданных под суд атаманом Семеновым).

До взятия Урги барон имел самое незначительное количество офицеров интеллигентного типа, с военно-училищным образованием. В Урге в дивизию влилось по мобилизации 110 офицеров, пробиравшихся на Дальний Восток от генерала Бакича из-под Чугучака или же из других частей армии адмирала Колчака. По понятным причинам, обе группы офицеров — вышедших с бароном из Даурии и мобилизованных в Урге — чувствовали взаимную отчужденность. Естественно сложившиеся разновидности “даурцев” и “ургинцев”, так и не слились друг с другом до момента развала дивизии. Враждебность даурцев питалась от того источника, что сам барон крайне недолюбливал офицеров-ургинцев, справедливо считая их людьми, чуждыми духу его дивизии. “Погубят они мое дело”, — высказался он в беседе с генералом Комаровским в Урге.

В тяжелые минуты случалось барону вверять командование дивизионом и даже полком кому-либо из образованных офицеров, но порядок этот допускался лишь как мера временная. По миновании надобности такой офицер возвращался в строй на свое прежнее место командира сотни или помощника командира полка. Интересно, что за ошибки или же неуспех операций барон взыскивал иной раз не с командира, а с кого-нибудь из интеллигентных офицеров полка, полагая, что хорошо разбирающийся в обстановке офицер должен был своевременно принять все меры к достижению успеха — может быть, вплоть до

оказания надлежащего давления на своего командира. Даже “кадровые” даурцы вызывали осторожное к себе отношение со стороны барона, если только они не подходили под среднюю его мерку. Достойнейший, казалось бы, с точки зрения самого Романа Федоровича даурец, ротмистр Забиякин, как-то был назначен генералом Резухиным на должность временно — командующего 4–м полком, барон отставил это назначение: “Больно грамотен”, — лаконически пояснил он.

С представлением о дисциплине всегда соединялся вопрос о наказаниях, так сказать, о каре… Карать Роман Федорович действительно умел, в чем нужно отдать ему беспристрастную оценку. Согласно вышеупомянутому приказу № 15, наказания могли быть двоякого рода — дисциплинарные взыскания или же смертная казнь. В качестве мер дисциплинарного воздействия, барон Унгерн применял арест, усугубленный сидением на крыше или дереве — в походной обстановке, или в леднике, или же в минированной динамитом гауптвахте — на стоянке в Даурии; применялись весьма широко спешивание в походе, телесные наказания и смещение на положение всадника в дисциплинарную сотню. Вопрос о смертной казни поставлен был бароном на солидную, так сказать, ногу, и мыслился как смертная казнь “разнородных степеней”.

Параграф 10 приказа гласит: “В борьбе с преступными разрушителями и осквернителями России помнить, что, по причине совершенного упадка в России нравственности и полного душевного и телесного разврата, нельзя руководствоваться прежними законами, не предполагавшими существования преступлений, подобных совершаемым в настоящее время. Мера наказания может быть только одна — смертная казнь разных степеней. Старые основы правосудия — “правда и милость” — изменились: теперь должны царствовать “правда и беспощадная суровость”. Единоличным начальникам, карающим преступника, помнить об искоренении зла навсегда и до конца, и о том, что неуклонность и суровость суда ведет к миру, к которому мы стремимся, как к высшему дару Неба”.

В целях поддержания дисциплины Роман Федорович чрезвычайно ополчался против пьянства. Забавно было со стороны наблюдать, к каким уловкам прибегали любители алкоголя, чтобы не попасться на глаза барону. Но никакая предупредительность не гарантировала вполне от внезапных ревизий начальника дивизии, не знавшего различий между днем и ночью и оттенками погоды. Даже на походе, когда дивизия растягивалась верст на десять, барон, ездивший только лишь наметом, имел способность появляться там, где его меньше всего

ждали.

Особенно же сурово Роман Федорович карал недобросовестность в денежных вопросах. Но и здесь, как и в других делах, многое определялось его интуицией: он мог простить растратчика значительной суммы (прапорщик Козырев прокутил 10000 р. золотом и был прощен), но мог повесить и за сравнительно меньшую недобросовестность (заведующий ургинским кожевенным заводом Г-в повешен на заводских воротах за попытку скрыть аванс в 2000 р. золотом, который он провел по отчету, как билонное серебро[8], по номиналу). Очень только жаль, что денежные средства, столь необходимые во всякой войне, часто растекались по бездонным карманам гадальщиков и буддийского духовенства. По заметкам из сохранившейся записной книжки полковника К-на, состоявшего одно время начальником штаба барона, траты на монастыри были чрезмерны. Например, в один из монастырей Роман Федорович дал крупнейшую сумму денег перед походом в Троицкосавск. Возможно, что эти деньги сданы были на хранение, или же, может быть, барон оплачивал ими какую-нибудь сложную политическую игру. В той же записной книжке отмечены и другие менее крупные пожертвования монастырям “за молитвы”: 2000 р., 4000 р., 8000 р.

Об особой, наводящей на размышления, интуиции барона стоит поговорить. Взгляд его цепляющихся серых глаз, как бы просверливал душу. После первой же встречи с бароном делалось очевидным, что в глаза ему не солжешь. Чувствовалось, что он прекрасно учитывает все недоговоренное, и что эти глаза в любой момент могут помутиться от безудержного гнева. К той же области относилась особая способность барона чутьем угадывать коммунистов, ярко проявлявшаяся при разбивке пленных красноармейцев. Обычно эта процедура происходила в таких тонах: барон медленно проходил вдоль шеренги построенных перед ним пленных, каждому внимательно заглядывая в глаза. По известным ему признакам, бывало, отберет партийцев-большевиков, быстрым движением ташура вышлет их вперед на несколько шагов и затем спросит у оставшихся в строю: “Если кто-нибудь из них не коммунист — заявите”. Нужно заметить, что отбор барона был до странности безошибочен…

Теперь надлежит перейти к очень тяжелому вопросу о палочной дисциплине в дивизии.

В минуты высочайшего напряжения своей начальнической энергии или же почти отчаяния, при виде того, что никто его не понимает, никто не проявляет должной жертвенности, видя вокруг себя лишь шкурнический, как ему казалось, страх, барон

приходил в чрезвычайное раздражение и тогда готов был побить кого придется, даже и генерала Резухина. Неудивительно, что все чины дивизии боялись Унгерна больше, чем самой смерти. Забегая несколько вперед, нельзя не обмолвится, что бароновский ташур (ташур — это камышовая палка, аршина полтора длины, утолщающаяся книзу; барон имел ташур не менее двух дюймов толщины) был одной из существенных причин развала дела барона и гибели его самого.

Такая линия отношения барона к офицерам, которую он проводил в повседневной практике, не могла не вызвать острой оппозиции со стороны некоторых лиц, как уже испытавших побои, так и не имевших никакой склонности к тому, чтобы пострадать в ближайшем будущем. Начальник дивизии как бы забывал, что офицер, побитый в присутствии нижних чинов, уже не будет являться авторитетом для последних. Вопреки завету Чингисхана, что “плох тот начальник, который плетью добивается послушания подчиненных”, утратившие уважение офицеры должны будут в свою очередь требовать повиновения лишь с помощью подобного же метода.

Ташур, возможно, в той или иной форме употребляется во всех армиях мира — и в боевой обстановке, и на походе. И у монголов есть ташур, несмотря на их расовую невозмутимую сдержанность, но, по их понятиям, совершенно немыслимо ударить нойона (начальника, офицера) или же тайджи (дворянина). По этим соображениям монголы молчаливо не одобряли некоторых поступков барона, и у них, как это впоследствии выяснилось, появлялось временами сомнение, бурхан ли он, то есть бог ли барон Унгерн, или докшит (докшит — свирепый дух, изображаемый с лицом, полным гнева, окруженный принадлежностями смерти, пыток и мучений). В том, что он тот или иной перевоплощенец, никто из монголов не сомневался.

В Забайкалье, когда дивизия входила в состав Дальневосточной армии, барон был несколько иным человеком, чем впоследствии, в Монголии. Прежде всего, он считался с авторитетом атамана; затем, немаловажно было и то, что в даурский период почти постоянно возле барона находился кто-нибудь из таких лиц, к которым он относился с известным, если не сказать — уважением, то вниманием и к голосу которых он прислушивался. Их советы, поданные в надлежащий момент, а иногда и приятельский выговор, служили для него сдерживающим началом.

В Монголии же Роман Федорович имел самое ничтожное “окружение”, робко заглядывавшее в баронские глаза с

подобострастием весьма дурного тона, и каждую выходку начальника дивизии принимавшего с благоговейным восторгом. Как ни странно, храбрейший генерал Резухин, сверстник и старый приятель барона, совершенно немел в его присутствии. Таким образом, распуская свои нервы с каждым днем все больше и больше, Роман Федорович день ото дня расширял круг лиц, над которыми не стеснялся производить свои эксперименты.

Бегство командующего, 15 офицеров и 22 всадников 2–го полка из-под Урги после второй неудачной попытки взять этот город поколебало в бароне остаток формального, еще сохранившегося в нем уважения к офицерскому званию. В связи с этим случаем положение офицеров в отряде сразу и значительно ухудшилось.

Чрезвычайно, и опять-таки, по-унгерновски любопытно, что барон не расстреливал за проявление самообороны против его ташура, но даже как будто с того момента начал считаться с теми офицерами, которые имели смелость в самый острый момент схватится за револьвер. К сожалению, вспоминается не более двух-трех таких случаев. Да они и не могли быть частыми, вследствие полной неожиданности подобных экзекуций: барон налетал почти всегда внезапно, как шквал, на намете и несколькими быстрыми ударами сбивал всадника с коня.

К концу 1921 г. врожденная суровость барона стала переходить почти в жестокость, потому что военная обстановка приняла почти катастрофический характер, повсюду он стал замечать неискренность, ничем не завуалированный страх перед палкой, и ясно чувствовал, что его личный воинский идеал уже враждебен сердцам уставших от войны людей. Даже Б. П. Резухин на перевале через Модонкульский голец, за два дня до своей трагической кончины вслух мечтал хоть месяц пожить под крышей, а чистая постель рисовалась ему в виде недостижимого идеала земного благополучия. Совершенно естественно, что барон, у которого одна за другой рушились все иллюзии, вдруг узрел себя в состоянии крайнего одиночества. Обычная трагедия слишком гордых или слишком доверчивых сердец…

Довольно… Пора закрыть эту страницу, полную мрачного драматизма.

Личность барона Унгерна столь красочна в своих проявлениях, что, отвлекшись в одну какую-нибудь сторону — например, драматическую — рискуешь потерять всякую объективность. Вот почему так часто в рассказах рі воспоминаниях о нем, барон представляется нам или чудовищем жестокости, или же идеальнейшей фигурой всего Белого движения. Но под каким бы углом зрения ни рассматривать

барона Унгерна, нельзя не признать, что он в высшей степени обладал талантом сообщать своим солдатам и офицерам героический порыв. Второе и третье наступление на Ургу — разве это не сплошной порыв горсти плохо одетых, почти не вооруженных людей, устремившихся к победе сквозь зимнюю стужу, навстречу режущему монгольскому ветру? Или в какой, например, воинской части было мыслимо, чтобы орудие в мгновение ока затаскивалось на вершину крутой безлесной сопки? Или разве возможно было бы без особого по-унгерновски импульсивного воздействия то невероятное напряжение сил, которое проявлено Азиатской конной дивизией при переходе Модонкульского и Цежинского гольцов и таящихся между ними заболоченных верховьев реки Желтуры; переход по охотничьим тропам, по которым проведен обоз, в количестве свыше 200 подвод, 10 орудий, раненые… Барон не разрешал себе ни минуты отдыха в продолжении почти двухсуточного перехода. Повсюду одним своим появлением он вливал новые силы и восстанавливал утраченный темп движения. О трудности этого перехода свидетельствовал бывший минусинский партизан Щетинкин. Его 500–сабельный отряд, при одном орудии, с тремя лишь подводами, застрял на неделю между гольцами в болотистой тайге.

Много примеров высокого героизма можно было бы привести из повседневной жизни дивизии, вся боевая служба которой — это блестящий ряд проявления отваги и величайшего напряжения сил в борьбе с превосходящим по численности и таким жестоким врагом, как коммунисты. И так трагически ясно, что этот дух особой, нечеловеческой стойкости сообщался одной только личностью — бароном Унгерном. Не стало его — те же храбрейшие из храбрых бросали обозы, пушки, пулеметы, раненых, неудержимой лавиной устремлялись на спасительный восток.

Многие скажут, что это был лишь “героизм ташура”, но такое объяснение страдает совершенно излишней примитивностью. Чтобы держать воинскую часть на высоте беспрерывного подвига, начальник ее должен являть образец самоотверженного служения своему долгу. С этой точки зрения Роман Федорович казался подлинным вождем, чрезвычайно импонировавшим и русским, и, в особенности, монголам — и своей внешностью, и сурово — повелительными манерами, и своим аскетизмом. Им дано бесконечное количество примеров личной отваги, бдительности и постоянной готовности подвергнуть себя опасности, хотя бы только во имя выручки отдельных своих подчиненных. Барон неоднократно спасал свои разведывательные части то от засад, то

внезапно вырастая перед разъездом в непосредственной близости от противника, то прогоняя слишком упорного разведчика из зоны жестокого обстрела. В период опасных маршей дивизии барон следовал впереди головного отряда, а в бою находился в том пункте, где положение всего серьезнее. Такой же самоотверженности он искал в каждом офицере и всаднике. “Это ведь так просто”, — вероятно, думал барон — “нужна только честность до конца — победить большевиков или же умереть с оружием в руках”…

Но и здесь, как повсюду, простое на взгляд — на деле оказывается чрезвычайно трудным… Рано или поздно барон должен был почувствовать, что он более чем одинок на своей идеологической вершине, что он изолирован на ней. Кто из нормальных, по общежитейской терминологии, людей мог бы идти на добровольную жертву в ногу с ним?

Распутывая яркие нити, из которых соткан причудливый рисунок натуры барона, мы подошли к вопросу о том, нормален ли был он с точки зрения психопатологии. Воды р. Селенги, в бассейне которой разыгрались главнейшие события лета 1921 г., отражавшие в ту пору нахмуренные лица странных по виду и чуждых им людей, очищенные от всего, что принесла река захваченного с собой в суетливом ее беге, дано уже успокоены в глубинах таинственного Байкала. Многие и многие из сподвижников барона, прокатившиеся бурным потоком по просторам Монголии, перешагнули уже грань вечности. Но оставшиеся в живых не в силах еще забыть своих красочных переживаний, волнующих их до сего времени… По прошествии многих лет и в обстановке мирной жизни так просто анализировать события минувшего. Отгремевшие грозы некоторым, пожалуй, покажутся лишь легкими облачками на далекой лазури их молодости… Но в 1921 г., когда, верный своей идее борьбы до конца, барон решил схватится со всей 5–й советской армией, многим из нас приходила мысль о бесцельности такой формы самоубийства, и непрестанно вновь и вновь восставал вопрос — кто же он, наш начальник дивизии?

Некоторый ответ на вопрос дает весьма интересный психологический документ барона, его приказ № 15, о котором было уже упомянуто выше. Этот приказ красочен и отнюдь не банален. Вне сомнения, приказ № 15 является крупнейшим из литературных произведений барона, выделявшегося, даже из скупых на слова военачальников, крайним лаконизмом речи. Приказ разделен на три части. В первой из них Роман Федорович изложил политическую программу, обязательную для всех отрядов, борющихся с красными на территории Сибири. Барон

декларировал, что “Россия создавалась постепенно из малых отдельных частей, спаянных единством веры, племенным родством, а впоследствии — и общностью государственного начала”. Пока России не коснулась революция, занесенная с чуждого ей Запада, Россия оставалась крепко спаянной, могущественной империей — “народ, руководимый интеллигенцией, как общественно-политической, так и либерально-бюрократической… начал сбиваться с прямого пути… терял прежние, давшие величие и мощь стране устои, перебрасывался от бунта во главе с царями — самозванцами к анархической революции и потерял сам себя… Потребовалось для разрушения многовековой работы только три месяца революционной свободы”, — говорит далее барон — “Пришли большевики и дело разрушения было доведено до конца”.

Барон Унгерн полагал, что после происшедшего катаклизма Россию нужно строить заново, воссоздавая ее по частям. Но, чтобы вновь собрать воедино русский народ, разочарованный, в равной мере, и в революции, и в белом неудавшемся контрреволюционном движении, нужно дать некий “символ святой”, по слову поэта, то есть нужно имя. Таким именем является “законный хозяин Земли Русской — Император Всероссийский Михаил Александрович, который мудро воздержался от осуществления державных прав до времени опамятования и выздоровления русского народа”. Можно добавить, что имя государя императора Михаила Александровича начало поминаться во всех случаях, предусмотренных воинским артикулом, еще задолго до опубликования цитируемого приказа. Далее барон кратко упоминал о том, что им сделано для Монголии, а именно: свергнута власть китайских революционеров — большевиков, оказана посильная помощь делу объединения Монголии и воссоздана власть ее законного державного главы, Богдо-хана. “По завершении упомянутых операций, Монголия стала единственным исходным пунктом для начавшегося выступления против красных в советской Сибири. Русские отряды находятся во всех городах, хурэ и шаби (монастыри) вдоль монголо-русской границы и… наступление будет проходить по широкому фронту”.

Первую главу приказа Роман Федорович заканчивает фразой о том, что у него нет сомнения в успехе, так как выступление против красных основано на строго обдуманном и широком политическом плане. Вторую часть приказа № 15 барон Унгерн начинает с заявления о подчинении себе отрядов, сформированных в Сибири для борьбы с красными: он дает при этом общие указания организационного характера, устанавливая

порядок соподчинения начальников при совместных действиях. В п. № 4 барон объявляет, что выступление в Сибири начато по следующим направлениям:

а) западнее ст. Маньчжурия,

б) на Мензинском направлении, вдоль реки Селенги;

г) на Иркутск;

д) вниз по реке Енисею на Уряханский край;

е) вниз по р. Иртышу.

Конечными пунктами для каждого стратегического направления являются города на магистрали транссибирского пути. Командующие секторами, то есть начальники, объединяющие все отряды какого-либо района, должны были сообразовываться с вышеизложенными общими указаниями. В следующем пункте приказа Роман Федорович недвусмысленно предупреждает, что он будет жестоко карать начальников за трения и разногласия между ними, а рядовым бойцам внушает мысль, что он приравнивает к государственной измене войну только лишь за освобождение своего села или станицы. Но барон одновременно предписывает не удерживать в отрядах тех бойцов, которые отошли на 300 верст от своего постоянного места жительства.

На должности гражданского управления барон приказывал командующим секторами назначать лиц по их действительной пригодности, причем ответственность за неудачливого “администратора” несет начальник, сделавший назначение. При чрезвычайной суровости барона этот пункт звучал весьма серьезно для многих. В других пунктах второй части приказа № 15 генерал Унгерн рекомендует привлекать на свою сторону мобилизованных красноармейцев, не рассчитывать на помощь иностранцев, оружие добывать у своего прекрасно вооруженного противника. Барон строжайше воспрещает возить жен и семьи, приказывая оставлять их на попечение освобожденным от красных селений — “не делая различия ни чинам, ни сословиям”. Этот отдел Роман Федорович заканчивает категорическим воспрещением “ловчения”, то есть что все боеспособные должны служить только в строю; в штабах и тыловых учреждениях могут быть оставлены лишь непригодные к строю, доказавшие на опыте свои способности к службе именно этого сорта (с присвоением им поперечного погона).

Самое, конечно, интересное в приказе — это заключение. Дословно оно звучит так: “Народами завладел социализм. Социализм, лживо проповедующий мир — злейший враг мира на земле, так как смысл социализма — борьба. Нужен мир — высший дар неба… Ждет от нас подвига в борьбе за мир тот, о

ком говорит св. пророк Даниил (гл. XI), предсказавший жестокое время гибели носителей разврата и нечестия и пришествия мира: “восстанет в то время Михаил, Князь Великий, стоящий за сынов народа Твоего, и станет время тяжкое, какого не было с тех пор, как существуют люди, до сего времени; но спасутся в то время из народа Твоего все, которые будут записаны в книге. Многие очистятся, убедятся и переплавлены будут во искушении, нечестивые же будут поступать нечестиво, и не уразумеет сего никто из нечестивых, а мудрые уразумеют. Со времени прекращения ежедневной жертвы и наступления мерзости запустения пройдет тысяча девяносто дней. Блажен, кто ожидает и достигнет тысячи трехсот тридцати дней”. “Твердо уповая на помощь Божию, я отдаю настоящий приказ и призываю вас, г. г. офицеры и солдаты, к стойкости и подвигу”.

Поступки повседневности, идеология барона, заключительная часть его приказа, в которой он приобщает всех чинов дивизии к его собственной мистике, может быть, за полным отсутствием иных, более реальных утешений — все это, вместе взятое, давал богатый материал для определенных уже выводов об умственных и душевных способностях барона.

Приходиться ответить: да, он был безумцем, но, конечно, не в том смысле, как это представляется всем лицам, враждебно относящимся к его имени. В своем “безумии” он почти порвал со всякой деятельностью, пытаясь поднять людей на борьбу с Третьим Интернационалом с помощью одного только лозунга: “Победить или умереть…” Он был безумцем или же, может быть, величайшим идеалистом и мечтателем всех эпох. Идеи Романа Федоровича были, поистине, грандиозны в такой мере, что выполнение их не по плечу не только отдельному человеку, но даже и целой нации. Можно сказать, что барон стоял на грани почти гениальности и безумия.

В 1919–1920 гг. генерал Унгерн вполне выявил сокровеннейшие свои мысли в беседе с г. Саратовским — Ржевским, которого чрезвычайно ценил за светлый ум и благородное сердце. Барон утверждал, что с некоторого времени человеческая культура пошла по ложному и вредному пути. Вредность барон усматривал в том, что культура нового времени в основных проявлениях перестала служить для счастья человечества — возьмем ли ее, например, в области технической или новейших форм политического устройства или же, хотя бы, в сфере чрезвычайного усугубления некоторых сторон человеческого познания. Роман Федорович считал величайшей несуразностью, что вновь открытые глубины этих познаний не только не приблизили человека к счастью, а, пожалуй, отдалили

и в будущем еще больше отдалят от него.

Таким образом, культура, как ее обычно называют — европейская культура дошла до отрицания себя самой и из величины подсобной сделалась как бы самодовлеющей силой.

На поставленный ему собеседником вопрос о том, в какую же именно эпоху человечество жило счастливее, Роман Федорович ответил, что в конце средних веков. Когда не было умопомрачительной техники, люди находились в более счастливых условиях, хотя, может быть, это звучит как парадокс (вспомним, что в эту эпоху и рыцарство было таковым в любимом для барона смысле). “В девятнадцатом веке уже стало ясно, что развитие техники идет в ущерб счастью рабочего, потому что машина вытесняет его труд шаг за шагом. Борьба за существование обостряется”, — говорил далее барон — “развивается чудовищная безработица и, как результат изложенного процесса, повышаются социалистические настроения”.

Барон Унгерн полагал, что Европа должна вернуться к системе цехового устройства, чтобы цехи, то есть коллективы людей непосредственно заинтересованных как в личном труде, так и в производстве данного рода в целом, сами распределяли бы работу между сочленами на началах справедливости. Невольно поражаешься и осведомленности и как бы прозорливости барона в социально — политических вопросах, потому что взгляды, высказанные им в **1920** г., близки к новейшему понятию о “цехизме”, появившемуся в английской литературе значительно позднее. Можно было думать, как это полагает г. Саратовский — Ржевский, что основы учения о солидаризме, зародившегося во Франции в **1906** г., были знакомы барону. Равным образом, Роман Федорович тогда уже предвидел роль того политического направления, которое ныне носит наименование фашизма и является самообороной общества против коммунизма. Назревший уже конфликт между личностью и культурой разрешался бароном в совершенно “унгерновском” стиле, а именно: вся европейская культура, ушедшая по неправильному пути, заслуживает лишь того, чтобы смести ее от азиатских степей до берегов Португалии… На развалинах Европы нужно начать новое строительство с тем, чтобы, пользуясь опытом минувшего, не повторить ошибок прошлых веков. Смелый вождь, как утверждал барон, может совершить это “оздоровление” Европы при помощи народов-конников, то есть казаков, бурят, татар, монголов, киргизов, калмыков и т. д… Только среди природных конников в наш меркантильный век, по мнению барона, еще хранится искорка этого огня, который вдохновлял

таких же конников — средневековых рыцарей на подвиги высокого героизма.

Барон Унгерн далее пояснил своему собеседнику, что собственно монголы, то есть халхасцы, баргинцы и тибетцы являются самым подходящим материалом для назначенной цели. По существу, они стоят на той же ступени культурного развития (может быть, только в иных формах), которое было в Европе в конце XIV и начале XV в. Именно этот исторический момент барон считал отправным в деле созидания обновленной культуры. Ему казалось, что в **1920** г. уклад семейных и общественных отношений и государственное устройство Монголии во многих чертах походили на феодально — цеховую Европу. Эту свою грандиознейшую идею, имевшую в основе спасение мира от коммунистической опасности, Роман Федорович начал претворять в действительность тотчас же после занятия им Урги и сформирования Монгольского правительства. Он вступил в деятельную переписку с наиболее видными светскими и духовными феодалами Внешней и Внутренней Монголии, а также одновременно сделал попытку завязать сношения с теми китайскими генералами, которые были известны ему своей преданностью идее монархической формы правления в Китае.

Вероятно, к этому же времени относится обоюдная попытка барона завязать сношения с близкими ему по духу Джа-ламой (по-тибетски Тенпей-Чжалценом), этой самой колоритной фигурой Западной Монголии на фронте первой четверти двадцатого века. Джа-лама, носивший религиозное имя Амурсаны, как перерожденец этого монгольского вождя восемнадцатого века[9], в 1921 г. уже воздвигал свой совершенно фантастический город Тенпей-Чжалцен-байшин в горах Ма-Цзун-Шаня, в юго-западной Монголии. Имя Джа-ламы могло бы переплестись в необычайный орнамент с именем барона Унгерна, если бы суждено было соединится для совместных действий этим двум наиболее ярким перерожденцам Монголии последних столетий.

Впоследствии, после крушения всего дела, начатого бароном, выяснилось, что монгольские правительственные круги и такой, например, умный политик, как Джалханцза-хутухта[10] не оценили всей широты колоссального размаха барона и поставили ему в вину сношения с китайскими генералами. Поступок барона, конечно, был неосмотрителен: он не мог не знать, что монголы, столь искренне ненавидевшие все сколько-нибудь китайское, почувствуют охлаждение и к нему, коль скоро установят связь его с китайскими генералами.

В письме генералу Чжан Куню, который в 1921 г. командовал войсками Маньчжуро-Хайларского района, датированном 5 мая 1921 г., барон заявляет, что он вошел в сношения с киргизами Букеевской орды, имевшей исторический притязания на территорию от Иркутска до р. Волги. Что же касается генерала Чжан Куню, то ему предлагается из Пекина действовать в направлении на Тибет и китайский Туркестан (к сожалению, благодаря, может быть, плохим переводам, фраза не вполне ясна), подчеркивая необходимость восстановления императорской династии в целях спасения Китая от революционной заразы. “Как только мне удастся дать сильный и решительный толчок всем отрядами лицам, мечтающим о борьбе с коммунистами”, — писал барон — “как только я увижу планомерность поднятого в России выступления, а во главе движения — преданных и честных людей, я перенесу свои действия в Монголию и союзные с ней области для окончательного восстановления династии Цинов. В чем вижу меры борьбы с мировой революцией”.

В другом письме от 20 мая 1921 г., адресованном в Пекин одному из сановников Китайской империи, барон еще подробнее рисует свою паназиатскую программу. После обычных комплиментов, которые соответствовали хорошему китайскому тону, барон писал: “В настоящее время мной обращено особое внимание на восточно-монгольские области, которые должны явится оплотом против натиска революционного Китая, а затем будут приняты меры для объединения Западной Монголии. По одобренному Монгольским правительством плану, присоединяющиеся области не будут подчинены власти Совета министров в Урге, но сохранят в целости и неприкосновенности самостоятельность аймаков, свои законы и суды, административно — общественную структуру, составляя лишь в военном и финансово — административном отношении одно целое, в виде добровольного союза под благословением Богдо….Цель союза двоякая: с одной стороны, создать ядро, вокруг которого могли бы сплотится все народы монгольского корня; с другой стороны — оборона военная и моральная от растущего влияния Запада, одержимого безумием революции и упадком нравственности во всех душевных и телесных проявлениях. За Кобдосский район я спокоен также, как и за урянхайский народ, они охотно присоединяются сюда, испытав одни — гнет Китайской республики, другие — тяжелую руку китайских революционных коммунистов и коммунистов-большевиков. Следующим этапом организационной работы, идущей под лозунгом “Азия для азиатов”, является создание “Срединного Монгольского Царства”, в которое должны войти все

монгольские народы….Я уже начал сношения с киргизами… Следует подчеркнуть во всех отношениях необходимость спасения Китая от революционной заразы, путем восстановления Маньчжурской династии, так много сделавшей для монголов и покрывшей себя славой. Необходимо вернуть в дело китайских магометан, для которых связь наша киргизами единоверцами может служить реальным мотивом для переговоров" (И. И. Серебренников, "Великий отход", с. 84–85).

Перед монгольскими владетельными особами барон Унгерн ставил три главных цели: 1) военного и финансового объединения аймаков, в виде добровольного союза под благословением Богдо-хана; 2) сплочение монгольского народа всего корня и 3) оборона военная и моральная от растущего разлагающего влияния Запада, одержимого безумием революции и упадком нравственности.

Основной своей целью барон, таким образом, имел борьбу против разложившегося, безнравственного Запада, являющегося носителем идеи мировой революции; но в первую очередь устремлял свою энергию на борьбу с коммунистами в России.

Первый уже шаг грандиозного плана барона требовал для своего осуществления тщательного и осторожного к нему подхода. Предварительно необходимо было использовать все блестящие возможности, которые открывались перед бароном в Монголии, где он принят был, как желанный освободитель, перерожденец могучего батора (богатыря) прежних времен или даже гения войны. Воспользовавшись этим, следовало создавать амию из мобилизованных монголов и русских добровольцев. Одновременно не излишне было бы также позаботиться об упрочнении политической позиции вновь народившегося тогда совершенно самостоятельного Монгольского государства. И только укрепив всеми доступными способами свою монгольскую базу, барон Унгерн имел бы основание ринуться вперед на своего кровавого врага — коммунистов России. По некоторым данным, Роман Федорович, вероятно, так именно и понимал свою задачу, и не его исключительная вина в том, что развязка монгольской трагедии наступила слишком быстро.

Интересно также подметить, что по какой-то странной случайности барон имел о России только ту информацию, которая толкала его на самые активные действия в Забайкалье. Все перебежчики из большевистского стана повествовали в один, что называется, голос о восстании в Забайкалье и Сибири и о страстном чаянии казаков поскорее примкнуть к барону. Трудно сказать, была ли это определенная провокация со стороны красных комиссаров, которым, конечно, важно было создать

прецедент для вторжения в Монголию, или же осведомители барона выражали лишь сильно преувеличенные надежды их собственных сердец. Никто не знает, шел ли Роман Федорович в русские пределы с такой действительно фанатической уверенностью в быстром и решительном успехе, как это было выражено в выше упомянутом приказе № 15 и сквозило в его речах.

С большой смелостью и искусством прошел барон по русской территории. Его дивизия опрокинула или же обошла все преграды, подготовленные противником. Этот 500–верстный рейд по первому отделу Забайкальского казачьего войска войдет в историю русской конницы, как памятник дерзкой отваги лихого начальника кавалерийской дивизии.

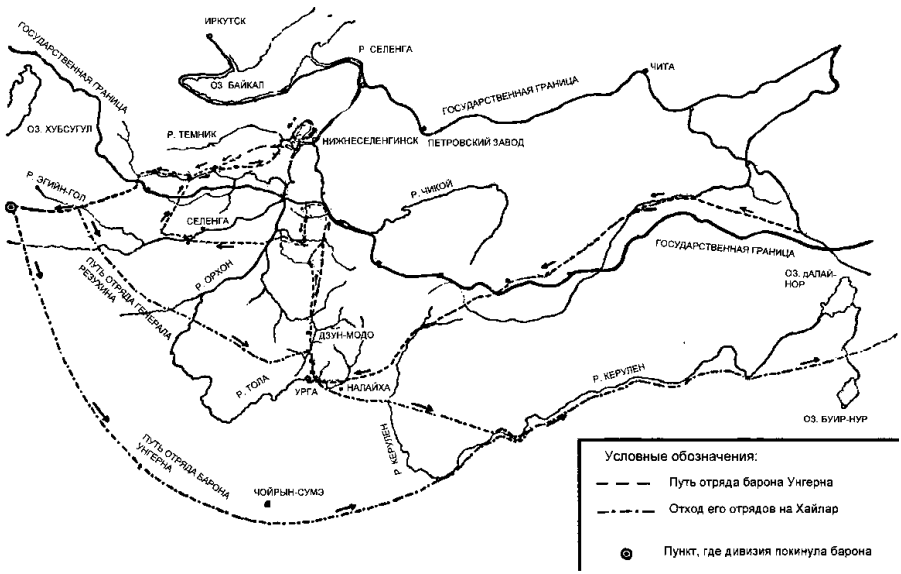
Итак, снова Монголия… С глубоким разочарованием уходил барон из Забайкалья. Он на опыте убедился в неправдоподобности сведений о восстаниях; и где тысячи добровольцев, обещанных ему перебежчиками? В станицах он чаще всего наблюдал растерянные, чем восторженные лица местного населения, робко жавшегося к домам. Но Роман Федорович не сломлен неудачей. В последние дни командования дивизией он деятельно готовился к тому, чтобы перенести борьбу в Урянхайский край[11] и, соединившись там с атаманом Казанцевым, развить боевые операции в землях Енисейского казачьего войска. Перед уходом в дебри Урянхая барон полагал взять поселок Хытхыл (на южном берегу оз. Хубсугул), чтобы за счет складов Центросоюза снабдиться предметами первой необходимости. Но барон слишком перетянул струну. Нервы бойцов не выдержали.

19 августа 1921 г. загремели выстрелы полковника Евфаритского, направленные в своего начальника дивизии, тотчас же вызвавшие взрыв в форме отказа от повиновения. С присущим ему мужеством, барон предпринял попытку овладеть, так сказать, массой, но было уже поздно: он снова наткнулся на выстрелы, потому что в тот психологический момент перед слишком уж многими забрезжили вдали теплые огоньки гостеприимной Маньчжурии, ставшей внезапно такой желанной и такой возможной. Преследуемый несколькими офицерами он ускакал в темноту ночи. Но и этот удар не сломил барона Унгерна. Утром следующего дня он разыскал своих монголов. И снова деятельно заработал его мозг, в поисках выхода из отчаянного положения.

Монголов не потянешь в Урянхай, значит нужно отказаться от прежнего плана. Барон принял решение уходить в Тибет, чтобы там создать новую базу для борьбы с красными в Монголии. Но старший нойон (начальник) монгольского отряда, Бишерельту-

гун, уже оценил бессилие барона. На первом же переходе он предательски схватил Романа Федоровича и живьем выдал его красным[12]. Теперь уже все кончено. Впереди неминуемая смерть.

Но сколько мучений выпало на долю гордого, рыцарски — благородного барона! Сперва — унижение ареста; затем торжествующие физиономии и издевательства его жесточайших врагов; бесконечные допросы; клетка, чтобы лишить его права считать себя человеком; комедия “всенародного суда” и, наконец, просто оскорбительный выстрел в затылок, отнявший у храбреца последнее утешение — встретиться со смертью лицом к лицу.



Карта походов барона Унгерна по Монголии и Забайкалью.

ГЛАВА II

Лето 1920 г. во всем Забайкалье протекало в обстановке неблагоприятной для Белой армии. До тех пор, пока армия эта боролась лишь с силами местных большевиков, войска атамана Семенова держались в Забайкальской области вдоль линии Амурской железной дороги. Но с подходом весны 1920 г. к левому берегу р. Селенги 5–й советской армии положение семеновцев резко ухудшилось, потому что большевистские войска получили новую организацию и пополнились регулярными частями Красной армии, переправленными на правый берег Селенги под видом добровольческих отрядов (на правой стороне этой реки была так называемая ДВР[13], якобы совершенно независимая от РСФСР). Под давлением превосходящих сил противника, немногочисленная армия начала стягиваться к железной дороге Чита — Маньчжурия и отходить вдоль нее к границе.

Барон Унгерн своевременно учел неустойчивость положения в Забайкалье и еще в июне 1920 г. предпринял подготовительные шаги к походу в Монголию. Именно по этим соображениям он обратил внимание на г. Акшу, лежащий приблизительно в 300 верстах юго-западнее ст. Даурия, на р. Онон. Этот населенный пункт расположен вблизи монгольской границы и связан трактовой дорогой с г. Ургой. Здесь барон заблаговременно создал базу запасного интендантского имущества и огнеприпасов. “Нужно уходить, пока еще не разложилось мое войско”, — заявил он, когда тыловые учреждения отступающей армии стали подходить к Даурии. По распоряжению барона, генерал Б. П. Резухин 8 августа 1920 г. выступил из Даурии в Акшу с тем, чтобы там ожидать дальнейших приказаний. В отряд генерал — майора Резухина вошли: 1–й Татарский и 2–й Анненковский конные полки, имевшие в своих рядах всего лишь, в общем, 6 сотен (4 татаро-башкирских и 2 русских), отдельный бурятский дивизион (2 сотни), комендантский дивизион из 1 казачьей сотни и 1 эскадрона, 3–орудийная батарея 75–мм французских пушек облегченного типа и 13–14 станковых пулеметов.

Не могу не коснуться здесь способа перевозки пулеметов в частях барона Унгерна. Эта хлопотливая для конницы задача, судя по войне 1914–1918 гг., была разрешена бароном чрезвычайно практично: к оси от тарантаса приделывалось легкое длинное дышло; на этом подвижном ходу устанавливалась небольшая платформа, на которой укреплялся пулемет и

укладывался запас зарядных лент. Везли пулемет посменно два всадника, которые становились с обеих сторон дышла и брали на передние луки своих седел поперечно привязанную палку (“давнюр”). Такой способ перевозки пулеметов чрезвычайно удобен в походе и просто неоценим во внезапно вспыхнувшем бою, так как пулемет на этой установке всегда готов к стрельбе, стоит только отбросить давнюр с седла и заложить в пулемет здесь же находящуюся ленту с патронами.

20 августа в Акшу прибыл барон. Он привел с собой японскую добровольческую сотню, посаженную на коней комендантскую роту ст. Даурия, вторую такую же трехорудийную батарею и 7 пулеметов. Привез он также полученные от атамана деньги на расходы по экспедиции, по некоторым данным — 360 тысяч золотом. Общий подсчет сил, выведенных из Даурии, давал следующие цифры: 1045 всадников, 6 орудий и 20 пулеметов Максима и Кольта. Отряд имел значительный артиллерийский парк с огнеприпасами и несколькими тысячами винтовок. О своих дальнейших планах барон никого не осведомил, — таково уж было свойство его характера.

В Акше отряд не задержался. Барон подчинил себе стоявший в этом городе 12–й казачий полк (двухсотенного состава) и с этим полком и частью своего отряда отправился в экспедицию по ликвидации красных партизан, скопившихся в верховьях рек Чикоя и Ингоды. Он доходил до Булыринских минеральных источников (250–300 верст от г. Акши на юго-запад). Экспедиция эта была быстро и успешно закончена, и около 15 сентября барон пришел в поселок Алтанский (80 верст юго-западнее Акши), где к тому времени сосредоточились все подчиненные ему люди. В названном поселке Унгерн простоял до 30 сентября, в ожидании точной информации о положении в районе железной дороги. Все приготовления к большому походу закончились 29 сентября. 12–му казачьему полку было приказано возвращаться в Акшу, якобы для охраны оставшихся там дивизионных складов.

Невольно тут возникает вопрос: почему, имея такой численно слабый отряд, барон отослал от себя две сотни? Ответ, вероятно, нужно было искать в том, что казаки 12–го полка, принадлежавшие к категории мобилизованных, не подходили по духу к отряду Унгерна с его исключительно добровольческим контингентом и установившимися суровыми традициями. Барон хорошо учитывал опасности, могущие возникнуть от внедрения в его войско чуждого элемента; и будущее показало, что — с его точки зрения — он был прав. Впоследствии, выйдя на широкий путь, в Урге он вынужден был прибегнуть к мобилизации. И что же получилось? Унгерн не смог перевоспитать на свой лад

бывших колчаковцев и, в конечном результате, неизбежное столкновение двух традиций привело барона к гибели.

12–й полк покинул поселок Алтанский на рассвете 30 сентября. Через несколько часов в западном направлении выступил оттуда дивизион прапорщика Галданова, на которого барон возложил задачу пройти по русской территории, вдоль границы, до ст. Мензинской. Теперь начали определяться дальнейшие планы барона. Можно было уже догадываться, что он собирается выйти через Монголию вновь на русскую сторону. Понятно стало, что последняя экспедиция из Акши к Булыринским источникам имела целью обезопасить будущий правый фланг от натиска красноармейских сил. Барон не мог вести отряд тем путем, где должен был идти Галданов, потому что в приграничном районе нет колесных дорог.

В тот же день, 30 сентября барон Унгерн вышел из Алтайского во главе отряда из 940 всадников. Каждый всадник имел по 250 патронов и вез заручную винтовку (лишние винтовки предназначались для будущих добровольцев); в обозе везли лишь до 150 патронов на бойца. По мнению барона этого запаса было достаточно, потому что и винтовки и патроны надлежало получить от обильно снабженного врага.

1 октября отряд перешел монгольскую границу, р. Букукун и стал углубляться внутрь страны, двигаясь на юго-запад. Через степь Булуктуй дошли до реки Болджи (левый приток р. Онон), переправились через эту реку; затем прошли Ханкорским перевалом через один из отрогов Яблонового хребта и 5 октября вышли в верховья р. Онон. Здесь барон переправил отряд на правый берег Онона и повел вверх по реке Борха (правый приток р. Онон). Перевалив горы Борха-даба (отроги Яблонового хребта), унгерновцы вышли на р. Керулен, несущую свои воды в оз. Далай-нор.

Чем дальше от Алтайского, тем пересеченнее становилось местность и многоголоснее становились реки. Осеннее солнце не спешило выходить из-за надвинувшихся со всех сторон зубчатого горизонта. Сперва оно зажигало нежнейшим золотом легкие облачка, затем снимало с вершин их ночные туманы, заставляя розоветь обращенные к нему склоны, и, наконец, поднявшись над барьером гор, заливало все ярким, ровным блеском. И горные склоны и долины шумливых речек жадно впитывали в себя последние ласки осени. В ту тонко скомпонованную гармонию ярких лучей, блеклых красок и пряных ароматов увядающих цветов вторгались из боковых падей струйки бодрящей свежести и едва уловимого дыма… Ночи сделались по-монгольски прохладными. Не плохо было бы иметь шубы, чтобы надевать их

после захода солнца, но, по совершенно непонятным для такого хозяйственного человека соображениям, барон не снабдил своих бойцов теплой одеждой при выходе из Акши.

Было бы ошибочно вводить барона в рамки нашего привычного представления о людях, так как он являл собой фигуру, резко выделявшуюся даже на фоне великой русской смуты, казалось бы, изобиловавшей самыми разнообразными персонажами. Поэтому, чтобы вычертить исторически правильный облик барона Унгерна, нельзя опускать “мелочи быта”, так сказать, анекдотическую сторону, потому что в этой, именно, области ярче всего проявилась оригинальные особенности его натуры. Нельзя поэтому обойти молчанием, что своего дивизионного интенданта, того, который имел в свое время несчастье плотно закусить недоброкачественным сеном, теперь, на походе, за неумеренное употребление алкоголя барон приказал купать в Керулене до полного вытрезвления, а затем, вместе с его собутыльниками, держал на противоположном берегу реки без шинелей до следующего вечера.

13 октября отряд пришел на р. Дзун-Тэрэлдж (незначительный приток Керулена) и расположился здесь лагерем. Барон имел, видимо, намерение двинуться на станицу Мензинскую, до которой из данного пункта казаки насчитывали 110 верст, чтобы через Бичуринскую, Шарагольскую и Кударинскую станицы выйти к г. Троицкесавску.

Высланная в мензинском направлении разведка соединилась с дивизионом Галданова и по возвращении доложила что обозы и артиллерия не могут пройти через горную область Хэнтэй. Это обстоятельство осложнило задачу барона… Но не его характере было отказываться от принятого решения. Единственный путь на Троицкосавск, в обход Хэнтэя, вел через Ургу. “Тем лучше”, — сказал Унгерн — “пойдем на Ургу”!

С этой стоянки барон послал свой бурятский дивизион (2 сотни) на север, с заданием: пройти по Причикойским станицам (вдоль р. Чикоя), чтобы навербовать добровольцев, и присоединиться к отряду в Троицкосавске. Но дивизион был окружен девееровцами тотчас же по выходе его на русскую территорию и целиком уничтожен. Несколько лишь случайно спасшихся казаков-бурят возвратились к барону под Ургу.

Что же касается самого барона Унгерна, то по Керулену он спустился на юг до Акшинского тракта и этой дорогой пошел на запад, к Урге. Приблизившись к столице, он вступил через монголов в переговоры с начальником ургинского гарнизона генералом Чжаном о пропуске отряда через город. В ожидании же ответа приказал раскинуть бивак на реке Барун-Тэрэлдж, притоке

реки Толы, в 30 верстах на восток от города.

Переговоры эти носили следующий характер. На запрос барона из Урги поступило требование сообщить со всеми подробностями, какой именно русский генерал подошел с вооруженным отрядом и что ему нужно. Барон приказал доложить, что отрядом командует генерал барон Унгерн, монархист, который дерется со всеми социалистами, к какой бы национальности они ни принадлежали. В словах этих звучал прямой вызов в адрес генерала Чжана, потому что Унгерн не мог не знать, что ургинские власти были связаны с южно-китайскими революционно-политическими группировками. Далее барон поручил сообщить, что он идет в Троицкосавск, и вынужден зайти в Ургу по причине отсутствия других дорог, ведущих в этом направлении. По пути же он предполагал бы сделать кратковременную остановку в городе, для пополнения своих запасов — конечно, за справедливое денежное вознаграждение.

ГЛАВА III

К осени 1920 г. во Внешней Монголии сложилось весьма напряженное политическое положение, и барону Унгерну суждено было сыграть немаловажную роль в разрешении создавшегося кризиса. Чтобы составить надлежащее представление о политической обстановке того момента, нужно перевернуть одну из страниц истории и затем обратится к неглубоким истокам монгольской автономии.

Внешняя Монголия, или Халха подпала под власть Срединной империи (Китая) около 1750 г. Последний борец за национальную независимость, обожествленный Амурсана, в 1757 г. был вытеснен с остатками своих приверженцев на русскую территорию и закончил свое земное странствие в г. Томск в 1759 г.

Трудно с определенностью установить, с какого именно момента молящие о помощи взоры монгольских сепаратистов начали обращаться к русским императорам. Возможно, что еще в царствование императора Николая Павловича решительная и дальновидная политика на Дальнем Востоке графа Н. Н. Муравьева — Амурского влила в монгольские сердца надежду на помощь России в деле освобождения их от порабощения Китаем. Политически и экономически гнет Китая в такой мере отягощал плечи монгольского народа, что в стране ощущалась самая подлинная ненависть к поработителям. Российское правительство, имевшее со времен графа Муравьева-Амурского постоянного представителя в Урге, было прекрасно осведомлено относительно чаяний монгольского народа, но, в силу некоторых соображений и главное — своей традиционной, до наивности корректной иностранной политики, долгое время воздерживалось от вмешательства в монгольские дела.

Смещение угла зрения на данный вопрос со стороны нашего Министерства иностранных дел произошло в конце 1911 г. в связи с революцией в Китае. Вовлеченный в сложную орбиту Англо-франко-германо-русских отношений эпохи 1910–1914 гг., С. Д. Сазонов был в принципе против аннексий в Азии, способных лишь ослабить положение России в Европе. Растущая активность Германии вынуждала Сазонова сосредоточить все свое внимание на этой проблеме. Тем не менее, и монгольский вопрос, переместившийся силой вещей в плоскость политических бурь, требовал в тот же период времени внимательного взора министра и приложения более активной дипломатической энергии.

События в Монголии начались с того, что один из монгольских дворян, некто Баир-Тогтохо-тайджи, баргут по рождению и русофил по убеждениям, в 1909 г. поссорился со своим хошунным князем, который, к слову сказать, придерживался несколько иных взглядов в вопросе об автономии. Тайджи набрал тогда отряд из сотни головорезов и стал нападать на китайцев. Когда же китайцы вытеснили его в приграничную с Россией горно — таежную область, Тогтохо попросился в русское подданство. Он был принят и поселен возле г. Нерчинска, на отведенном ему и его сотоварищам казенном участке в 2000 десятин. Китайские власти выместили свое озлобление против Тогтохо на его родственниках, а он, при сочувственном отношении монгольского населения, стал делать набеги на Цэцэнханский аймак, где убивал и грабил китайцев и вел пропаганду за независимость страны. Влиятельную поддержку Тогтохо нашел в лице князя Ханда-цин-вана, имевшего ставку в Ванхурэ. Этот князь вскоре и возглавил сторонников монгольской независимости.

Первые раскаты революционного грома, донесшегося из Китая, заставили монголов насторожиться. Когда же они рассмотрели и оценили по существу разыгравшуюся в Пекине драму, в Урге, по инициативе Богдо, собрался съезд всех значительных владетельных особ — князей и лам Внешней Монголии. Официально съезд собрался для обсуждения предложенного Китаем вопроса о колонизации китайцев в Монголию, а неофициально — для выявления своего отношения к революционному Китаю. На съезде тотчас же вспыхнула страстная мысль о полной возможности получить — наконец-то! — политическую независимость. Идея эта была приятна и тотчас же стала приводиться в исполнение. Съезд решил немедленно послать депутацию Белому царю, с просьбой принять Монголию под свое покровительство. Одновременно князья поставили в известность новое китайское правительство, что после падения династии Цинов порвалась формальная связь их с Китаем и Монголия автоматически сделалась самостоятельным государством. Представители новой Монголии встретили в Петербурге благожелательный прием и заручились обещанием поддержки.

Самый переворот произошел в Урге 18 ноября 1911 г. Он протекал в следующих тонах. Утром в городе появились объявления от имени ханов и влиятельных князей четырех аймаков о том, что монголы более не подчиняются китайским и маньчжурским сановникам. Власть этих чиновников уничтожается, а они должны немедленно выехать на родину.

Восьмой перерожденец великого Джэбцзундамба-хутухты, то есть ургинский Богдо, провозглашается великим ханом Северной Монголии.

Китайская администрация крайне растерялась, несмотря на то, что в сущности, никаких эксцессов допущено не было. Ургинский амбань (представитель Китайского правительства) не сопротивлялся и при посредстве русского консульства выехал через два дня в Пекин через Кяхту. Генерал-губернатор Монголии (резиденция его была в Улясутае), обратившийся за советом к русскому консулу, позволил убедить себя срочно покинуть Монголию без борьбы. Оба сановника вскоре поняли свою оплошность и сделали попытку возвратится из России на Монгольскую территорию, но получили вежливый отказ.

Монголы умели ненавидеть китайцев, но не очень хорошо знали, как им быть дальше с объявленной независимостью. Они обратились к России. Петербургский кабинет принял во внимание энергичные представления генерального консула г. Люба и допустил, чтобы 6 августа 1912 г. в Урге провозглашена была автономия Монголии.

Осенью 1912 г. в Монголию прибыл И. Я. Коростовец, командированный С. Д. Сазоновым для оказания содействия монголам в деле создания нового государства. На Коростовца выпала крайне неблагоприятная роль — согласовать требования монголов с крайне деликатной политикой русского министра, желавшего во что бы то ни стало избежать конфликта с Китаем. Коростовец неуклонно и настойчиво убеждал монголов не порывать окончательно с Китаем. Вокруг хутухты кипели страсти, потому что монголы упорно не соглашались отказаться от мысли о полной независимости, но, в конце концов, победила русская точка зрения.

Соглашение с Коростовцем подписано было монголами 21 октября 1912 г., в форме договора с посланником в Пекине Б. М. Крупенским. Революционный Китай отлично сознавал свое бессилие в монгольском кризисе и потому, вероятно, в душе был очень тронут корректным подходом Российского правительства к данному вопросу. Это соглашение было закреплено в 1915 г. Кяхтинским тройным Русско-Монгольско-Китайским пактом. Согласно вышеупомянутому дипломатическому документу, формальная зависимость от Китая выразилась в том, что в Ургу внедрен был резидент Китайского правительства Чэнь И, который по своему званию дубаня автономной Монголии в надлежащих случаях осуществлял надлежащие функции верховной власти от имени пекинского правительства.

Фактическое же положение вещей в Халхе было таковым, что

она вошла в русло политической и экономической зависимости от России. Что же касается образа правления, то съезд князей постановил, что Внешняя Монголия превращается в наследственную монархию, во главе которой становиться старший в ранге из божественных перевоплощенцев — гэгэнов, ургинский хутухта. Полное имя его звучало так: Джэбцзундамба-хутухта Богдо-хаган. Богдо должен был править страной при участии двух законодательных палат, причем власть его распространялась на аймаки восточной и западной Монголии: Цэцэнханский, Тушэтуханский, Сайннойонханский, Дзасактуханский и Кобдосский округ, в свою очередь делящийся на Далайханский и Дзориктуханский аймаки.

Мировая война 1914–1918 гг. и русская революция отозвались в Монголии, в смысле резкого ослабления влияния России и усиления зависимости от Китая (как быстро жестокая судьба подчеркнула неудачные статьи Кяхтинского трактата!).

В 1919 г. Китай уже начал вводить свои войска в Халху, а в первой четверти следующего года занял всю страну своими гарнизонами. В качестве предлога, якобы вызвавшего такой шаг, Китай формально выставил опасность для него со стороны так называемого “Правительства Великой Монголии”, которое образовано было в 1919 г. на ст. Даурия известным монгольским деятелем Нэйсэ-гэгэном.

Действия Китайского правительства не вызывали протеста со стороны посланника в Пекине князя Кудряшева, тогда не совсем еще безгласного; ничего не возразил также и ургинский консул г. Орлов, потому что названные дипломатические агенты сами вели широкую компанию в китайских и иностранных кругах за немедленное занятие Халхи китайцами из опасения, что в противном случае туда проникнут большевики.

Первым шагом Китайского правительства после внедрения в страну и накопления достаточных сил была ликвидация автономии Внешней Монголии. Представитель Китайского правительства, уже известный нам Чэнь И, мягкими по началу мерами и сохранением всех родовых привилегий за светской и духовной аристократией обеспечил некоторое сочувствие к своей политике со стороны крупных монгольских феодалов. Управление Внешней Монголией, созданное Чэнь И, сохранило призрак автономности, будучи поручено выбранному князьями из своей среды должностному лицу — сайту, а также монгольским министрам и двум законодательным палатам. Вместе с тем, Чэнь И подтвердил, что им признаются в силе все законы, изданные Богдо-гэгэном после 1911 г.

Особым декретом китайского правительства, по

представлению Чэнь И, за Бог- до сохранен титул “хагана”, то есть царя и, кроме того, даны два новых и весьма красочных титула “Наставника президента Соединенного государства” и “Владыки желтой религии северной Внешней Монголии”. На личные расходы Богдо-гэгэна и его жены Эхэ-дагини Китайское правительство обязалось отпускать ежегодно по 30000 серебряных лан на каждого.

Но для монгольского населения созданное Чэнь И “Положение об управлении Внешней Монголией” оказалось чрезвычайно тяжелым, так как оно восстанавливало аннулированные в 1911 г. старые долги китайским фирмам, заключенные на основе кабальной круговой поруки. К долгу присчитаны проценты, наросшие с 1911 г. и, таким образом, оказалось, что все халхинские кочевники попали в жесточайшую кабальную неволю, от которой они успели уже поотвыкнуть за время русского протектората.

Одновременно, но по совершенно иным мотивам, и центральное правительство проявляло нетерпеливое неудовольствие установленными Чэнь И порядками. “Положение” было признано слишком мягким, не отвечающим принципам китайской великой державности. В Халху послано было пособие карательной экспедиции, возглавленной видным аньфуистом генералом Сюй Шучжэном, известным в просторечии под именем “маленького Сюя”. По прибытии в Ургу грозный Сюй арестовал незадачливого Чэнь Й и отправил для суда в Китай. Схвачены также были все министры — монголы и брошены в тюрьму без суда и следствия. По отношению с самому Богдо-гэгэну Сюй первоначально не осмелился на откровенно репрессивные меры, ограничившись предъявлением ему требования о безграничном подчинении Китаю.

С подобными же требованием генерал Сюй обратился и к монгольским законодательным палатам. Верхняя палата, более аристократичная по составу, проявила быструю уступчивость и даже склоняла Нижнюю палату к безоговорочному подчинению требованиям Сюя. Но последняя упорно защищала свою точку зрения, настаивая на автономности Монголии. Видя неуступчивость Нижней палаты и колебания Богдо, генерал Сюй решительными “заплечными” средствами вынудил арестованных министров подписать петицию на имя китайского правительства об отмене автономии Монголии, а затем окружил солдатами дворец самого Богдо и заставил его дать формальное согласие на вышеуказанную петицию министров. Богдо-гэгэн с того времени оставлен был под охраной 50 китайских солдат. В виде, вероятно, слабого утешения за потерю власти и свободы он награжден был

еще одним титулом “Блюстителя благополучия”.

Что же касается “маленького Сюя”, то он остался в Урге в должности комиссара северо-западной окраины Китая. Отсюда видно, что китайские революционные деятели предприняли попытку искоренить впредь даже самое название страны — Монголия.

В дополнение к бездне испытаний, выпавших на долю, поистине, многострадальной Монголии, генерал Сюй царапнул монгольские национальные чувства пышным обрядом перенесения из Пекина в Ургу портрета президента Китайской республики, символизировавшим потерю автономии и возвращение к порядкам до 1911 г. Нетрудно представить беспомощное положение номада, обитающего в таких отдаленных от центра местах, откуда “хоть три года скачи, все равно никуда не доскачешь”. Да и кому он мог принести жалобу на бесцеремонное хозяйничанье китайских администраторов всех рангов, на жестокое выколачивание китайскими фирмами долгов, а также на насилия и грабежи, творимые солдатами.

Монголы называли китайских солдат “гаминами”, то есть красными солдатами[14]. Войска эти принадлежали к армии Южного Китая и были настроены достаточно революционно. Теми же настроениями была проникнута политика военных властей по отношению к большевикам. Китайская администрация допустила проникновение в Ургу советских комиссаров и позволила им образовать русское большевистское самоуправление. Некоторое ослабление режима китайской оккупации, в связи с отъездом Сюя, не разрядило, однако, атмосферы острой взаимной ненависти между покорителями и покоренными. Китайскому правительству требовалось иметь значительные гарнизоны по городам, хурэ и шаби всей Внешней Монголии.

Такова была политическая и военная обстановка в Монголии, когда подошедший к Урге барон Унгерн предъявил китайскому командованию свой ультиматум о пропуске его через город.

ГЛАВА IV

Бивак на реке Барун-Тэрэлдж (только 30 верст на восток от Урги!). Холодно, неуютно жить в палатках, почти у ворот города, который манил к себе, суля отдых и радости. Протекла целая неделя в ожидании ответа от начальника ургинского гарнизона, но вместо ожидаемого пропуска в город, пришло через монголов известие о спешной подготовке китайцев к обороне. Полученные сведения утвердили барона Унгерна в решении немедленно захватить Ургу силой, хотя предпринимаемая операция ни в какой еще степени не была им подготовлена: местность известна лишь в самых общих чертах и почти не имелось данных о противнике. А между тем, как это впоследствии выяснилось, ургинский гарнизон состоял из двух бригад пехоты и двух — трех конных полков, изобильно снабженных пушками и пулеметами.

По мнению бывшего кобдосского генерального консула А. П. Хионина, который осенью 1920 г. проживал в ургинской консульской резиденции, численность гарнизона достигала 11000 солдат, вероятно, при 40 орудиях и более чем 100 пулеметах. К моменту же взятия Урги бароном количество гаминов (монгольское название китайской республиканской армии) возросло до 15–18 тысяч. Унгерн полагал, что неожиданность нападения является лучшей гарантией успешности предпринимаемого им налета.

Вечером 26 октября 1920 г. боевая часть отряда, в составе 9 сотен при 4 орудиях и 10 пулеметах снялась с бивака. Перевалив ряд хребтов (местность в этом районе чрезвычайно пересеченная), унгерновцы вышли к верховьям р. Хуин-гол, впадающей в р. Толу верстах в десяти выше Маймачена. Здесь отряд разделился на две группы: 1–й татарский полк (3 сотни) с 1 орудием и частью пулеметов, во главе с генералом Резухиным, получил задание спустится по Хуин — голу и напасть на китайцев с востока одновременно с тем, как отряд барона набросится на них с севера.

Появление генерала Резухина в пункте, лежащем непосредственно на восток от Маймачена, было прямой угрозой флангу и тылу ургинского гарнизона, прерывало сообщение по Калганскому тракту, и должно было внести нервность в ряды китайцев. Расчет барона был не плох. Со столь слабыми силами, как три сотни Резухина и шесть у него, он мог взять город лишь в том случае, если бы ему удалось основательно напугать противника.

Группа Резухина на рассвете 27 октября заняла гору Баян-Дзурх (в *Ъ — А* верстах от Маймачена), но дальше не продвигалась. Да этого и не требовалось обстановкой, потому что не трудно было догадаться о неудаче барона. Резухин держался на Баян-Дзурхе весь день 27 октября, ведя редкую оружейную и артиллерийскую перестрелку с гаминами, которые занимали ряд смежных возвышенностей. Лишь 28 октября 1–й Татарский полк присоединился к отряду барона, когда последовало соответствующее приказание. Что же касается группы, возглавляемой самим бароном, то она перешла горами в падь речки Улятуйки, протекающей через восточную часть города Урги, Маймачен, и направилась вниз по ее течению.

Осенняя резкая сырость энергично пробивалась под легкие дождевики и подержанные английские шинельки, в которых унгерновцы были тогда обмундированы. Барон приметным образом торопил отряд. Вопреки обыкновению — спешивать всадников через каждый час и вести затем людей не менее версты — “в поводу, шагом марш”, — он почти уже два часа идет в конном строю. Унгерн, конечно, впереди. Он следует с разведывательным взводом…

Как-то вдруг заметно стало, что узкое ущелье горной речки расширилось. Но едва ли кто-нибудь в отряде знал в тот момент, что мы уже у цели. Трах, трах, трах!

Тататата! — отозвалась тут же в горах вспыхнувшая впереди беспорядочная стрельба, вскоре столь же неожиданно прекратившаяся.

Через несколько минут барон остановил отряд, а сам утонул в темноте. Было ровно два часа ночи. Унгерновцы в конном строю спокойно ожидали дальнейших распоряжений своего начальника. Последовала команда: “Не курить”, и от головы колонны прокатилось до замыкающего ее взвода. Кое — где сдержанно разговаривали. Минут через двадцать послышался голос барона. Он вновь тронул отряд и повел его куда-то вправо, на сопки. Указав позицию для пушек, он кратко бросил: “Стреляйте!” В один миг орудийная прислуга приготовилась. Но куда стрелять? Капитан Попов подлетел к барону и попросил распоряжения о том, в каком направлении и по какой цели открыть огонь. В ответ на вопрос Унгерн протянул руку, как будто бросил ее, в ту сторону, куда в данный момент напряженно смотрел, силясь преодолеть взором охватывавший его со всех сторон мрак. “Туда!”, — приказал он со свойственной ему лаконичностью.

Ночное небо прорезалось длинными вспышками орудийных выстрелов. Вслед затем гранаты гулко громыхнули где-то внизу; звуки разрывов многократным эхом прокатились по невидимым

горам. Китайцы ничем не реагировали на наши выстрелы. Было настолько тихо в этом мире ночной темноты, что в отряде никто даже и не подозревал о близком соседстве города, притаившегося тут же, почти под ногами. Барон молчаливо и неподвижно стоял в продолжении некоторого времени неподалеку от батареи, вероятно, в ожидании ответного сигнала генерала Резухина. Слишком, конечно, большим испытанием было бы для него оставаться в бездействии до наступления рассвета. Потому, убедившись в том что Резухин не слышит, Унгерн направился на разведку — как всегда, один.

В продолжении тех нескольких часов, которые протекли с момента исчезновения барона до начала рассвета, командиры сотен, что называется “самоопределились”, то есть каждый из них занял какую-либо позицию, с намерением, как тогда ночью казалось, образовать общий фронт. На деле же получилась иная и совершенно грустная картина: в темноте сотни разбрелись по сопкам, утратив всякую связь между собой. Никто не знал, где находится барон и какие должны последовать от него распоряжения. Поэтому ни один из начальников частей не решился проявить собственную инициативу.

Унгерн же в то время носился на своем скакуне по неведомым ему окрестностям города, разыскивая сперва китайцев, затем генерала Резухина и, наконец, свой отряд. Спустившись с сопки, на которой он поставил батарею, барон вскоре подъехал к стене г. Маймачена. Продвигаясь вперед вдоль нее, он добрался до какого-то проезда и через это отверстие в стене проник внутрь города. У одного из домов его окликнул часовой. Барон вихрем налетел на гамина, сбил его с ног ударом своего ташура и ускакал. Из Маймачена Унгерн направился на розыски генерала Резухина, но в темноте потерял ориентировку и заблудился.

Впоследствии, когда сделалось возможным воспроизвести в целом картину этого неудачного налета, выяснилось что отряд врезался в расположение сторожевого охранения китайцев, занимавшего окопы в версте — двух от города. Китайцы оправились за те несколько часов, которые имели в своем распоряжении, и перед рассветом с трех сторон набросились на унгерновцев. Разрозненно действовавшие сотни начали отходить, неся потери.

После того, как отступивший отряд перевалил от Маймачена гребень гор, он, по счастью, оказался в мертвом пространстве, и там, в сравнительно спокойной обстановке, оправился от неожиданного конфуза. Часть сотен с пулеметами ушла вперед, чтобы организовать отпор гаминам на следующем гребне гор на

тот случай, если они отважились бы на преследование, а остальные потихоньку отступали вслед за ними. Батарея, выдвинутая бароном слишком далеко вперед и вправо, почти к самой радиостанции, сразу же очутилась в критическом положении: выход на *прежнюю дорогу, в падь реки Улятуйки закрыт бешено стрелявшими китайцами;* сзади возвышался обрывистый склон горы, на который не поднимешь орудий даже в спокойной обстановке, а не только под огнем противника.

Одну пушку успели увезти сравнительно благополучно, под прикрытием огня двух других орудий и конной контратаки комендантского эскадрона. При отходе была побита почти вся орудийная запряжка и смертельно ранен следовавший с орудием поручик Матвеев.

Два оставшихся на позиции орудия капитан Попов приказал вывозить по очереди. Он повел первое из них и тотчас же попал под жесткий пулеметный обстрел, под которым погибли и лошади и ездовые, а капитан упал с перебитым бедром тут же подле орудия. Ко второй пушке не удалось даже подать передков. Третий офицер батареи, подпоручик Виноградов, стрелял “на картечь” до последней возможности. Его спас самоотверженный поступок вестового, подавшего лошадь в тот момент, когда китайские солдаты были в 15–20 шагах от пушки. Вестовой бросил в них ручную гранату и, воспользовавшись замешательством врагов, посадил раненого Виноградова в седло. Комендантский эскадрон дважды бросался в конную атаку на гаминов, чтобы облегчить положение батареи. Первое орудие вытащено из огня при содействии именно этого эскадрона. Большего сделать было невозможно, потому что эскадрон понес большие потери и, в частности, в нем ранены все офицеры.

Барон в бою не участвовал. Он разыскал свои части лишь по стрельбе и прискакал слишком поздно, когда сотни его перешли уже гору. Возвращаясь к своим, барон проехал подле брошенных пушек и видел зверски добитого китайцами капитана Попова. Благополучно проскочив через неприятельские цепи, он догнал отряд в следующей пади. Все тревожно насторожились, когда заметили барона, потому что не знали, как он станет реагировать на потерю пушек. Когда отряд остановился, Унгерн выслушал доклад о бое. Барон был явно огорчен. Несколько раз в раздумье он повторил заданный самому себе вопрос: “Из чего же теперь мы будем стрелять?” В общем же, он остался вполне удовлетворен действиями своих артиллеристов и даже похвалил их за то, что успели привести в негодность для стрельбы одну из брошенных пушек. Бомбардиру, который имел дерзость снять прицельные приспособления с пушки под самым, что называется, носом у

китайцев, барон немедленно выдал награду в размере 300 руб. золотом.

После описанного боя барон отвел свой отряд верст на пятнадцать от Урги. Учитывая ту возможность, что китайцы разовьют преследование его отряда, барон без промедления отправил раненых в заимки русских колонистов, находящиеся верстах в пятидесяти на восток от Урги, где река Баян — гол впадает в реку Толу На следующий день после неудачного боя наши разъезды выяснили, что китайцы не только далеки от мысли о преследовании, но даже не ведут разведки перед своими позициями. На основании этого донесения, барон отправил к Урге телеги, чтобы подобрать брошенные в момент отхода артиллерийские снаряды. Все 104 снаряда, пролежавшие два дня в небольшом леске, менее чем в двух верстах от окопов противника, были разысканы и возвращены в артиллерийский парк отряда.

В полупереходе на северо-восток от Урги барон стоял 7 дней.

ГЛАВА V

Стоянку эту Унгерн использовал для приведения отряда в должный порядок и для разведки местности. Людской кадр его частей в каждый данный момент был достаточно тренирован для боя, и с этой стороны все обстояло благополучно; но барону настоятельно требовалось срочно обновить и пополнить конский состав. Так как в ургинском горном районе монголы не занимались коневодством в широких размерах, то приобретение лошадей сопряжено было с превеликими затруднениями и стоило больших денег. Унгерн платил в то время от 80 до 100 р. золотом за лошадь, то есть в пять раз дороже рыночной цены.

Генерал Унгерн все свое время отдавал тогда разведке. Он лично обследовал окрестности Урги и позиции гаминов. Им было установлено, что передовая китайская позиция находиться на втором от города гребне гор, который господствовал над первым. Но и ближайшие к Урге горы гамины также изрыли окопами. Третья же линия оборонительных позиций тянулась непосредственно вдоль все северной окраины города. Хорошо прикрыты были окопами долины речек Улятуйки и Сэлби.

Барон был весьма тонким разведчиком. Очень часто — и в войне с красными в Забайкалье и с китайцами в Монголии — выдвинувшиеся далеко вперед разъезды устанавливали, что барон уже успел побывать в расположении противника. Иногда Роман Федорович считал полезным для дела притаится для того, чтобы проследить работу разведчиков или же спасти их от подготовленной засады.

Достаточно характерен для данного положения рассказ хорунжего Порядкова о разведке им долины реки Сэлби. По-своему искусно пользуясь руслом речки и складками местности, хорунжий добрался до китайских фанз, стоявших в полутора верстах от того пункта, откуда начинаются уже природные юрты. Но лишь только он тронулся дальше, китайцы жестоко обстреляли его перекрестным огнем из окопов, которыми в изобилии были изрыты оба склона пади. Порядков остановился, чтобы обдумать, в достаточной ли степени он выполнил возложенную на него задачу, может ли он возвращаться. В этот критический для него момент он услышал знакомый голос своего начальника дивизии и, оглянувшись, увидел, что барон стоит возле фанзы и жестами призывает к себе. “Езжай назад, а не то ранят”, — приказал барон.

В ночь на 2 ноября барон вновь выступил к Урге, пополнив

ряды всеми нестроевыми и теми из раненых, которых возможно было привлечь для боя. На этот раз барон имел план овладения горой Мафуской и смежными с ней возвышенностями, командующими на Ямынем и Консульским поселком, полагая, что таким способом всего проще овладеть городом. На рассвете отряд барона занял исходное для боя положение, причем Унгерн наметил трехверстный фронт — от Троицкосавского тракта на восток.

Когда китайцы обнаружили перед собой противника, они открыли огонь, быстро разгоревшийся веселой стрекотней по всей линии. Наступление начал 2–й Аннековский полк на правом фланге отряда. Полк двигался по гребню гор, которые возвышаются между Троицкосавским трактом и долиной реки Сэлби, и параллельно с этим выбивал противника из окопов в речной пади. В центре велись энергичные атаки на базальтовую сопку, являющуюся командной высотой во втором кряже гор, и затем, когда высота эта была занята нами, то барон повел наступление на гору Мафуску.

За два дня боя 2 и 3 ноября китайцы повсюду были сбиты с позиций и в некоторых пунктах отошли на последнюю перед Ургой линию своих окопов. Левый фланг барона лишь оборонялся от обходных колонн противника, путем постоянного вынужденного растягивания. Таким способом, на второй день боя фронт удлинился до семи верст, поглотив все резервы барона. На третий день, то есть 4 ноября, барон нашел возможность снять некоторые части со своего левого фланга и перебросить их для решительной атаки на правый фланг.

Энергичный удар по первоначалу увенчался полным успехом. Китайцы были сбиты с последних возвышенностей и отброшены за Да-хурэ, к самому Хурэ. Если бы у барона нашелся еще один дивизион, чтобы использовать его для фиксации достигнутого положения, то город остался бы за нами. Но в том-то и несчастье, что унгерновские резервы совершенно истощились, а запас патронов пришел к естественному концу, пулеметы замерзли, люди измотались до степени полного истощения. Поэтому, когда китайское командование бросило в контратаку свежий батальон, бароновцы были отбиты и начали отходить в падь реки Сэлби.

После этой неудачи Унгерн уже не пытался атаковать противника. В два часа утра 5 ноября начался общий отход от Урги, и к вечеру того же дня отряд возвратился на свой первый бивак, на реку Барун-Тэрэлдж. Когда подсчитали потери, то установили, что отряд потерял свыше 100 человек одними убитыми. Не менее 200 оказались ранеными и еще больше того — обмороженными, то есть потери барона равнялись примерно 65

процентам наличного состава его частей. Особенно чувствителен был урон в офицерском составе, из которого выбыло за дни боев 40 процентов убитыми. На ургинских сопках остались лучшие боевые офицеры, участники Германской войны.

Причина поражения барона кроется не только в численном превосходстве сил противника и в неправильном выборе направления, но, скорее, в полной нашей неподготовленности к борьбе с суровой природой. В ноябрьские холода, сопровождаемые монгольским режущим ветром, голодные, полузамерзшие люди дрались с величайшим напряжением сил. Но студеные дни и еще более жуткие ночи на сопках, без костров, сломили героический порыв бойцов. И в этом ничего нет удивительного, потому что одеты все были отнюдь не по сезону. В лучшем случае всадники и офицеры имели по легкой шинельке, вывезенной из Даурии. Что же касается тех, которые потеряли верхнюю одежду на походе или первом бою под Маймаченом, то они вынуждены были довольствоваться одной лишь гимнастеркой. И обувь отрядников, изодранная об острые камни, давно уже не исполняла своего прямого назначения. Крайнему истощению сил бойцов способствовало также и то обстоятельство, что сражение шло в безводной местности (за исключением сравнительно небольшого участка речки Сэлби). В продолжение всех трех дней боя люди не только вынуждены были отказаться от удовольствия согреть себя горячим чаем, но во многих пунктах фронта, в подлинном смысле, не имели глотка сырой воды, чтобы освежить пересохшее до спазм горло.

Таким образом, если первое наступление барона на восточную часть Урги, Маймачен, носило чисто случайный эпизодический характер, то второе наступление, направленное на северную и западную части города, по своему упорству и напряженности походило на жест отчаянья… Многое можно было бы рассказать яркого из области отдельных эпизодов, описанного здесь лишь в самых общих чертах второго наступления на Ургу, но я не стану вдаваться в детали, потому что для будущего историка интересна лишь личность самого Унгерна и только то, в чем проявлялась его любопытнейшая индивидуальность. Опуская поэтому подробности трехдневных боев, в которых барон принимал живейшее и непосредственное участие, остановлюсь лишь на случае с прапорщиком Козыревым, дающем представление о своеобразной фразеологии барона Унгерна. Пулеметный офицер, прапорщик Козырев, который, имея в своем подчинении два действовавших еще пулемета, системы “Кольт” (“Максимы” замерзли), на третий день боя неоднократно попадал в тяжелое положение, иной раз, может быть, вследствие своей

горячности. Барон заметил это и, как всегда, серьезно, предупредил Козырева: “Смотри, если тебя ранят — повешу”…

ГЛАВА VI

Третий день боя под Ургой и, в особенности, его печальный финальный аккорд — атака на Да-хурэ — переживался, как подлинная трагедия. Но и выход из боя не принес облегчения: сзади — слишком много трупов, растерянных по сопкам и падям, а впереди — полнейшая неопределенность. Монголия, правда, велика, много найдется в ней укромных местечек, где можно было бы притаится, чтобы зализать свои жестокие раны. Но дело осложнилось наступлением резких холодов. В такой обстановке не мудрено задуматься даже заправскому оптимисту, для которого принципиально не существовало заботы о завтрашнем дне.

Барон повел жалкие остатки своего измученного и павшего духом войска на северо-восток. Он остро переживал свою неудачу, почти катастрофу, оставившую в нем след более глубокий, чем у кого-либо из подчиненных. С того времени начала прогрессировать его повышенная раздражительность. Первой жертвой, принесенной во имя поддержания духа и сохранения дисциплины, был милейший, но немножко смешной поручик Смигельский, который устало тащил в гору свою поредевшую сотню… До того случая барон не опускал палки на офицера.

Барон Унгерн вновь разбил бивак на реке Барун-Тэрэлдж, потому что этот район изобиловал подножным кормом для лошадей монгольской породы; для русских же коней имелись здесь запасы сена, накошенного монголами для китайской кавалерии. Отряд время от времени менял стоянку, в зависимости от состояния кормов. Люди жили в палатках, вывезенных из Даурии, или же в майханах (легкие палатки), купленных у монголов. Рациональнее, конечно, было бы рыть землянки, но к тому в продолжение долгого времени никто не решался приложить собственные инициативы, так как не имелось охотников вмешиваться в компетенцию нашего сурового начальника.

Холода усиливались. Выпал снег. Пришлось приноравливаться к обстоятельствам; и вот, закипела работа по изготовлению из бычьих шкур теплой одежды и обуви, первобытным способом, завещанным от доисторических предков, причем вместо ниток и дратвы пущены были в дело жилы этих же благодетельных животных.

После того, как найден был относительный выход из

положения в вопросе зимней экипировки отряда, самым уязвимым пунктом в хозяйстве барона стало снабжение частей продовольствием. Скромные запасы, вывезенные из Забайкалья, пришли к естественному концу. Требовалось перестроить систему довольствия по туземному образцу, то есть перейти на исключительно мясную пищу. Но можно ли добыть достаточное количество скота? Ведь район реки Толы опустел. Напуганные отзвуками военных действий, монголы откочевали на сотни верст. В близлежащем районе попадались лишь юрты бедняков-араатов, затерянные в хорошо укрытых от нескромных взглядов распадках (разветвления падей) южного Хэнтэя. Достаточно взглянуть на этих исхудалых, почерневших от грязи и дыма кочевников, чтобы понять, что здесь ничего не добудут самые искусные фуражиры.

Кроме того, питание одним мясом, без признаков хлеба, казалось очень, так сказать, неубедительным для наших желудков: съешь, бывало 3–4 фунта, а через два часа снова голоден. Истощение хлебных запасов в интендантстве барона скоро отразилось на конском составе, потому что лошадям, выведенным из Забайкалья, не подходила монгольская система фуражного довольствия; требовалось заменить их местными конями, которые обходятся без овса, но даже в страхе храпят и бывало шарахаются от кормушки с зерном. В тот период барону суждено было познакомится с обратной стороной командования конной частью, когда конница стоит лицом к лицу перед угрозой вынужденного спешивания. Хроническое недоедание, всевозможные лишения и отсутствие утешительных перспектив привело к тому, что сложившаяся обстановка стала расцениваться, как совершенно безнадежная. В связи с этим взоры многих офицеров и всадников обратились на восток, и началось дезертирство.

Нужно только заметить, что беглецы плохо кончали. Лишь трем чинам посчастливилось выбраться в Маньчжурию. Остальным же не суждено было вырваться из цепких рук барона. Погоня имела перед ними слишком большое преимущество; она скакала на сменных, так называемых уротинских лошадях.

В связи с катастрофическим положением отряда, заметно потемнели и заострились аскетические черты лица барона Унгерна. “Дедушка” день ото дня становился мрачнее и суровее. Вне сомнения, он был осведомлен о скрытом брожении и по этой причине усилил репрессии. Именно в те печальные дни и вошла в систему “палочная дисциплина”, создавшая Унгерну громкую известность, к слову сказать, послужившая также и причиной его преждевременной гибели. В целях надзора, барон стал

покровительствовать системе “наушничества”. Для суда же и расправы организовал застенок в юрте личного ординарца, прапорщика Бурдуковского. Вследствие того, что никто из офицеров не мог считать себя достаточно гарантированным от детального знакомства с бароновским ташуром, в отряде создалась крайне удушливая атмосфера. Она переживалась острее любой опасности; да и на самом деле была много страшнее смерти на поле битвы. Настороженные дни чередовались с напряженными ночами, прорезавшимися нервной стрельбой, дикими криками “Лови! Держи!”, и топотом бешеной скачки.

Чтобы вполне исчерпать эту грустную тему, позволю себе упомянуть, что бежали одиночным порядком, а также группами, в ночь же на 28 ноября 1920 г. дезертировало сразу 15 офицеров и 22 всадника так называемой офицерской сотни 2–го Анненковского полка, во главе с временно командовавшим полком подъесаулом Царегородцевым. Барону доложили на рассвете. Он вскочил на коня и помчался в Анненковский полк.

“Почему Вы не убежали?”, — резко обратился он к начальнику пулеметной команды поручику Аргентову. “Пулеметы целы?” — “Так точно, Ваше Превосходительство” — “Вы хорошо в этом убеждены?”, — допытывался барон. “Так точно”, — еще тверже доложил пулеметный офицер. “Замки где?” — “Как всегда — у меня под подушкой”. — “Покажите!” Генерал пересчитал замки и тщательно осмотрел пулеметы.

Вдруг взгляд его нацелился на растрепанную фигуру есаула Макеева, так неудачно для себя выскочившего на шум из палатки. “Ты почему не убежал?”, — налетел на него барон. “Я… Я проспал, Ваше Превосходительство”, — пролепетал *Макеев, и тотчас же бык награжден* несколькими крепкими ударами.

Разряженный этой вспышкой, Унгерн вернулся к своей юрте и застыл у костра. Из его глаз катились слезы, ручейками сбегавшие вдоль щек… Но не долго предавался барон этому настроению. Глаза его просохли сами собой и приняли обычный оттенок холодного колодца, в который страшно заглянуть. Он принял решение. “Позвать Найден-гуна!”, — бросил он в пространство. Через несколько минут к нему уже подходил развалистой походкой природного конника вызванный князь — разбойник. А спустя полчаса вдогонку за беглецами поскакало две сотни чахар на уртонских лошадях. Дня через два, когда тема о Царегородцеве и его спутниках, казалось, была исчерпана до конца, она снова приобрела злободневность в связи с тем, что чахары вернулись из погони и — не с пустыми руками: привезли три кожаных мешка голов, да трех добровольно сдавшихся офицеров.

Несмотря на поздний час, барон осмотрел у костра каждую доставленную ему голову и пересчитал их, чтобы не внушавшие ему доверия разбойники не подсунули ему фальшивки в корыстных целях. Известно было, что чахары не любят утруждать себя продолжительной скачкой и неохотно идут на риск. Но в данном случае все обстояло честно, и барон приказал головы сжечь. Чахары со звериной хитростью захватили Царегородцева и его людей ночью во время сна. Двум офицерам этой группы удалось спастись в поднявшейся суматохе, остальные же безголовыми трупами легли на окровавленном снегу, затоптанном сотнями ног. Там нашли упокоение не только лишь убитые в скачке, но и четверо обезоруженных в борьбе.

Кто этот Найден-гун и откуда он появился на Тэрэлдже? С отрядом подвластных ему харачин и чахар он служил у китайцев и нес охрану крупного земледельческого района реки Хары (в 140 верстах с северу от Урги). Вероятно, Найден-гун должен был охранять китайские фирмы, как тогда назывались богатейшие заимки на реке Харе, от нападения на них унгерновцев. Вместо этого, в середине ноября он переметнулся со своими молодцами на службу к барону. Князь этот не в первый уже раз работал с русскими. Он служил под начальством достаточно известного в Забайкалье Фушенги в Даурии, в 3–м Хамарском полку Азиатской конной дивизии барона Унгерна; участвовал в восстании против русских, поднятом там Фушенгой летом 1919 г. (в отсутствие барона), а затем влился в состав Монголо-бурятской конной дивизии генерала Левицкого, стоявшей в Верхнеудинске.

В феврале 1920 г. чахары Найден-гуна предательски убили на льду Гусиного озера всех русских офицеров отряда и начальника своей дивизии (из мести за Фу-шенгу), после чего ушли к китайцам в Монголию. Вместе с теми 80 чахарами, которые вышли с бароном из Даурии, у Найден-гуна (получившего титул вана за взятие Урги) образовался дивизион из трех сотен. Для русских офицеров чахарские сотни обратились в своего рода дисциплинарный дивизион. В эту воинскую часть, сформированную из полудикарей, барон ссылал провинившихся офицеров на положение рядовых всадников.

В самый, как казалось бы, критический момент у барона стали завязываться дружественные сношения с монголами, начавшими проявлять симпатии к пришельцам, в которых они угадывали своих освободителей от ненавистного китайского ига. Первые монголы прибыли в унгерновский лагерь во второй половине ноября месяца 1920 г. С этого времени они стали приезжать со спекулятивными целями, а именно пригоняли рогатый скот и лошадей, привозили юрты, одежду и съестные

припасы. Но требовали они при этом поистине чудовищные цены. Круг, например, мороженого молока (не более 6–7 бутылок) расценивался в 5 рублей; в такой же цене шла горсточка табаку, вмещающаяся в спичечную коробку; за пару самодельных сапог, так называемых унтов, монголы требовали 20 рублей; немудреная шуба из овчины шла за 50–60 рублей… И это за полноценную золотую валюту! Не обращая внимания на явно грабительский ее характер, барон покровительствовал монгольской торговле, потому что считал большим шагом вперед одно то обстоятельство, что монголы не только не бегут от него, а так или иначе пытаются сблизится.

Первым из числа знатных монголов приехал к барону Дугар-Мэрэн (слово “мэрэн” означает военный чин, равный должности командира полка, согласно еще, может быть, чингисхановской организации). Через Дугара быстро завязались сношения с князьями северо-восточных хошунов Цэцэнханского аймака. Со свойственной ему практической смекалкой и предприимчивостью, Унгерн не замедлил широко пользовать в своих целях это благоприятное обстоятельство. Он без промедления поскакал в Бревен-хийд (250 верст на северо-восток от Урги) для личных переговоров с виднейшими духовными и светскими феодалами северо-восточной Монголии.

На этом политическом свидании собравшиеся для совещания феодалы изъявили готовность признать Унгерна тем вождем, на котором лежит историческая задача по восстановлению былой независимости Монголии от Китая. Этим самым определилась весьма выигрышная позиция барона. Вскоре после съезда князей в Бревен-хийде барон получил возможность осторожно сносится с самим Богдо-гэгэном. Последний одобрил идею бревенхийдских князей и тайно (ведь он жил пленником в своей резиденции) принялся рассылать по хошунам Внешней Монголии свои приказы об оказании полного содействия барону Унгерну во всем, что тому потребовалось бы для войны с китайцами.

Почти одновременно с приездом Дугар-Мэрэна, а этот момент является поворотным в сторону грядущего успеха, унгерновцы отбили у китайских солдат 800 казенных лошадей, пасшихся на вершине реки Барун-Тэрэлдж. Табун пришелся как нельзя более кстати, потому что отряд испытывал острую нужду в монгольских лошадях. В начале декабря ряды унгерновцев стали пополнятся монголами, мобилизированными в помощь Унгерну. Часть монголов, около ста человек, прибыла с винтовками русского образца.

Теперь в лагере не было уже места унынию. В сотнях кипела работа по строевой подготовке новых отрядников. Нелегкая это

была задача — сколачивание воинских частей из такого материала! Монголы изводили обучающих своей малоподвижностью в пешем строю и, вообще, органической неспособностью к чрезвычайно необходимой на войне расторопности, а также и рабским, бессмысленным преклонением перед русскими нойонами (начальниками).

Новый благоприятный ветер принес много хорошего для бароновцев. Вместе с отрядами монголов хошунные власти посылали скот для питания своих цириков (солдат). С того времени мясной скот для нас поступал регулярно и сдавался в интендантство по сходным ценам, вследствие чего представилась барону возможность установить твердые уже цифры мясного порциона. Он определил, что русские, мусульмане, буряты и японская сотня получают по 4 фунта мяса в день, если не выдавалась мука для лепешек, и по 2 с половиной фунта, когда интендантство имело возможность порадовать нас мукой. Монголам же давалось по 7 фунтов мяса в день на каждого, потому что они не знакомы с другими предметами питания и имеют счастливую способность поглощать его в ужасающем количестве. Любопытно отметить, что барон разрешал выпекать хлеб в продолжении всего времени пребывания в Монголии. Этой мерой он желал исподволь приучить людей к самой рациональной в данной стране системе питания, потому что мука в те годы считалась у номадов предметом большой роскоши.

Из лагеря на р. Барун-Тэрэлдж Унгерн выслал две “заставы богатырские”: сотне Хоботова приказано было притаиться возле калганского тракта, а сотне Янкова — держать под своим контролем тракт на Маньчжурию. Южнее же Хоботова в Гоби рыскали наши служивые чахары. С того времени Урга сообщалась в внешним миром или по Улясутайскому тракту на запад, или же через Троицкосавск. Как большие праздники расценивались у нас дни, когда заставы присылали в отряд какой- нибудь перехваченный ими караван с такими, например, приятными грузами, как *мука,* сахар, соль, белье или обувь. Добыча распределялась интендантом между всеми чинами отряда; вьючные верблюды поступали в обоз.

ГЛАВА VII

Полтора месяца унгерновцы находились в районе, удаленном на 30–35 верст от Урги, меняя время от времени стоянку, в зависимости от корма для лошадей. 10 декабря 1920 г. в отряд влилась сводная оренбургско-забайкальская сотня из 120 казаков при 15 офицерах. Привел ее войсковой старшина Архипов. Во второй половине декабря барон начал проявлять активность, выразившуюся в ряде нападений на китайские гарнизоны. Самыми крупными из экспедиций подобного рода являлись поход в населенные пункты, лежащие на Троицкосавском тракте: набеги на д. Мандал (40 верст к северу от Урги), а также на угольные копи Найлаха (25 верст к востоку от Урги). В Найлаху, например, ходил довольно значительный отряд, состоявший из 4 сотен при 2 орудиях. Унгерновцы разгромили на копях батальон китайцев и через сутки без потерь возвратились на общий бивак.

В описываемый период Унгерн не имел еще налаженных сношений с внешним миром. Монголы доставляли ему лишь сведения случайного характера. Барона чрезвычайно интересовало положение в Забайкалье и Маньчжурии; информацию, идущую из этих областей, он оплачивал исключительной щедростью. Унгерн пытался связать свой лагерь с Хайларом (1300–1400 верст). Его бичиги (письма), снабженные птичьими перьями, в знак величайшей спешности, отсылались по уртонской почте. Судьба тех донесений осталась неизвестна. Ответных писем не поступало. Не было связи и с атаманом Семеновым.

Единственно правильным решением для барона в создавшейся обстановке было сосредоточить все внимание на ургинских делах, отложив до поры до времени борьбу с коммунистами. И он не стал терять ни минуты. Тотчас же по получении грамоты Богдо, барон разослал по северо-восточной Халхе монгольских чиновников и своих офицеров, владевших языком, призывая население следовать приказу их духовного главы и оказывать помощь “барону джанджину”. В последних числах декабря к барону прибыли первые мобилизованные хошунными князьями. Как правило, кочевники являлись на службу с конем, снабженные теплой одеждой; некоторые из них имели за плечами винтовки. В конце декабря при оружии пришли к барону две сотни казаков — бурят, приведенные Галимовым и Галдановым.

2 января 1921 г. отряд перешел на реку Керулен и

остановился примерно в том же районе, в котором мы кочевали перед первым наступлением на Ургу Пади в верховьях Керулена изобиловали хорошими пастбищами. Имелись и запасы сена, заготовленные китайским командованием. Новая лагерная стоянка имела то преимущество, что находилась лишь в 30 верстах от интендантской базы и дивизионного лазарета. Кроме того, ее сравнительная удаленность от Урги (150–160) верст обеспечивала спокойствие, необходимое при формировании воинских частей и, в то же время, позволяла держать под контролем важнейшую коммуникацию — Кал- ганский тракт, а также дороги на Маньчжурию и Акшу.

С переходом на Керулен отряд устроился по-зимнему: палатки были заменены юртами; построено 8 зимовьев для тех, кто нуждался в особом режиме; сооружены бани и дезинфекционная камера, в связи с чем появилась почти уже забытая возможность переодеваться и стирать белье. Улучшилось и питание чинов отряда, так как монгольская администрация стала регулярно присылать мясной скот. Местные власти пригнали в распоряжение барона табун из 1500 отличных керуленских коней, справедливо считающихся одними из лучших скакунов Центральной Азии. Теперь у барона образовался запасной фронт лошадей для регулярного обмена уставших в строю на свежих. В Монголии, с ее огромными просторами и исключительно травяным кормом, настоятельно необходима постоянная связь между строем и табуном, иначе воинская часть рискует потерять свою активность.

Рождество и Новый год (по старому стилю) барон Унгерн отметил раздачей подарков в виде муки, вин, сластей и фруктов. Эти праздничные яства предназначались, собственно говоря, для офицеров ургинского гарнизона, но весьма кстати для нас попали в руки заставы, охранявшей Калганский тракт.

Но не этими мимолетными вкусовыми ощущениями памятны святочные дни унгерновского лагеря на Керулене. Живое воспоминание о них закреплено драматической сценой сожжения прапорщика Чернова, красочно проведенной бароном в форме мрачного парада. Комендантский офицер Чернов изобличен был в том, что убил с целью ограбления нескольких казаков, находившихся на излечении в дивизионном лазарете. Поступок Чернова, даже при самом снисходительном отношении, не вмещался ни в какие рамки, поэтому и наказание, назначенное бароном, также выделилось своей исключительностью и как бы сразу отодвинуло нас на 700–800 лет назад, в глубину средневековья: приказано было сжечь преступника на медленном огне. Его привязали к суку над костром. “Здесь вы меня жжете”,

— крикнул злобно Чернов — “подождите, придет мой черед: на том свете я вас пуще буду жечь”. Умер он достаточно героически, с точки зрения того молодца, который по балладе “умел держать ответ”… Ни стона, ни жалобы, лишь беспрерывный поток проклятий, закончившийся с последним хрипом.

Рикошетом от Чернова пострадало еще два лица. Он сильно задел сердце одной из сестер милосердия, к сожалению замужней. Барону доложили. По складу своего характера он не мог оставаться равнодушным к нарушению сестрой ее супружеского долга и приказал мужу дать своей легкомысленной жене 150 ташуров, а затем “прописал” полсотни палок и почтенному супругу на том основании, что муж обязан следить за поведением жены.

Из событий того периода вспоминается неделя приятного волнения и хлопот, в связи с получением через монголов сведений о том, что атаман формирует в Хайларе шеститысячный отряд добровольцев для похода в Монголию. Унгерн загорелся. Тотчас же разослал по хошунам людей с приказанием принять на учет юрты, одежду и лошадей для будущего пополнения. Слух не подтвердился, к барону никто не приехал.

Январь месяц прошел в усиленных строевых и тактических занятиях. К концу этого месяца унгерновский отряд исчислялся 1400 всадников, разделенных на 16 сотен, при 4 орудиях и 8 пулеметах. Несмотря на то, что из Акши каждый всадник вывез по две винтовки, к моменту решительной операции в отряде остро ощущался недостаток в самом необходимом вооружении. Вновь сформированные монгольские сотни были по возможности вооружены запасными винтовками и взятыми у нестроевых чинов. Но, невзирая на столь энергичную мобилизацию оружия, барону все же нечем было вооружить четыре сотни монголов. Этих всадников Унгерн распределил по сотням, в качестве постоянных коноводов, что являлось остроумным выходом из положения. С огнеприпасами дело обстояло еще хуже. Скромный запас патронов (по 400 на бойца) истощился в боях под Ургой. В конце 1921 г. некоторые всадники русского подданства и все монголы имели от пяти до пятнадцати патронов на винтовку.

По племенным признакам отряд делился на пять основных групп. Около 250 человек насчитывалось в нем европейцев, 200 татар и башкир, 150 бурят и примерно 600 монголов; пятую группу составляли три чахарские сотни, общим количеством до 160 всадников. Японцев к тому времени оставалось в живых не больше 65 человек.

С целью создать у противника преувеличенное представление о своих силах и активных возможностях, за десять дней до

намеченного наступления на Ургу барон выслал два рекогносцировочных отряда. Первый из них, силой в 6 сотен, имел задание глубоко обойти Ургу с севера и сделать возможно больший шум на Троицкосавском тракте. Второй отряд, двухсотенного состава, барон направил в обход города с юга. Этим сотням приказано было пройти вокруг Богдо-улы до Улясутайского тракта для того чтобы у китайцев сложилось впечатление о полном окружении города войсками барона Унгерна: сообщение на восток и на юг прервано было в ноябре месяце прошлого года, а теперь унгерновцы добрались также и до дорог, ведущих на север и на запад.

Северный отряд разогнал в вершине реки Хары батальон из 600 гаминов (китайских солдат) и оттуда без потерь прошел к сухаревской заимке, расположенной в 30 верстах к востоку от Урги, где барон назначил сбор частей.

Второй отряд противника не встретил. В 10 верстах на юго-запад от города сотни натолкнулись на большой табун и стада баранов, принадлежавшие китайской кавалерийской бригаде. Унгерновцы рассеяли охрану и захватили 2700 лошадей и 800 баранов. Наш “дедушка” (мы так называли барона) приказал на радостях выдать всадникам баранину в неограниченном количестве. Изголодавшиеся люди ели с ожесточением, не испытывая пресыщения.

Все силы барона собрались в долине Убулун, возле Сухаревской заимки 28 января. Калганская застава пришла с автомобилем, захваченным 26 января. На этой машине и на задержанном одновременно с ней грузовике пытались выскочить из Урги несколько китайских купцов и большевистских комиссаров. Унгерн приказал замаскировать автомобиль под броневик и вооружить пулеметом. Участие этой машины в боях под Ургой являлось неприятным сюрпризом для китайского командования.

29 и 30 января унгерновцы отдыхали, делая последние приготовления к решительной схватке с гаминами. Но сам барон в продолжении этих двух дней стоянки в Убулуне проявлял лихорадочную деятельность. Днем он вел разведку неприятельских позиций, а по ночам беспокоил китайские заставы, чтобы приручить их к своим визитам и, таким образом, усыпить бдительность.

30 января в лагерь прибыл божественный перерожденец учителя Джэбцзун-дамбы, (чьим перевоплощением считается ургинский Богдо), являющийся по религиозному преемству учителем и последнего Богдо-гэгэна. Он сообщил барону, что его Святейшество, совершая ритуальные гадания по поводу грядущих

событий, получил следующее откровение: Барон — джанджин должен подойти ко дворцу с тибетцами и освободить его, Богдо; китайцы будут побеждены на следующий день войсками Барона — джанджина. По-видимому, гадание имело обязательный для Унгерна характер.

Требование Богдо-гэгэна было вполне осуществимо, потому что за три дня перед тем к барону прибыли две сотни добровольцев, родом из приграничной с Тибетом Монголии. Этих-то тибетцев барон и решил использовать для освобождения Богдо. Он составил из них особый дивизион, командование которым поручил прапорщику Тубанову (из ясачных инородцев) [15].

Кочевники эти заслуживают того, чтобы им была уделена некоторая доля внимания. Представляя одну из разновидностей монголов, они отличаются от халхасцев и языком, и внешним видом. Прежде всего, они крупнее ростом, шире в плечах, имеют не столь широкоскулое лицо, как степняки — монголы. Нос у них горбинкой, а глаза и весь вообще облик напоминает хищную птицу. Они воинственны и поразительно выносливы: например, раненый в голову тибетец упорно отталкивал подушку, отдавая предпочтение более привычному для него краю котла. Стрелки они замечательные — на любом аллюре, сидя в седле, срезают выстрелом движущуюся цель. Вместо чашек они употребляют габала, то есть сосуды, выпиленные из черепов убитых врагов. Несмотря на то, что очень часто габала оправлена в серебро, все же чаепитие из такой посуды требует, по меньшей мере, навыка.

Во второй половине дня 31 января барон приказал построить для осмотра и получения от него последних инструкций. Под его наблюдением командиры частей освидетельствовали лошадей и тщательно проверили вооружение, седловку и наличие трехдневного запаса продовольствия в сумах каждого всадника. Всадникам, в особенности монголам, татарам и чахарам, барон преподал строжайшее внушение — не трогать иностранцев, при этом для наглядности показаны были флаги некоторых государств. Тележный обоз и денежный ящик Унгерн приказал оставить в Убулуне, а снаряды и патроны погрузить на верблюдов. Смотр закончился в сумерках поверкой и общей молитвой, которую каждая национальность пела на родном языке и по своему обряду. Ввиду многоплеменности состава этой подлинно Азиатской дивизии, получился тогда разноголосый хор, так как одновременно звучали напевы русских, бурят, башкир, татар, японцев, монголов халхасских, тибетских и чахар.

ГЛАВА VIII

Барон Унгерн выступил из Убулуна в ночь на 1 февраля. Первым снялся с лагеря тибетский дивизион прапорщика Тубанова. Он должен был глубоко обойти с юга китайские позиции, прикрывающие калганский тракт, подняться на гору Богдо-ула к Огурда Гадзару (так назывался священный район, в котором стояли дворцы Богдо-гэгэна) с тем, чтобы вырвать Его Святейшество из рук китайского отряда. В общем плане наступления на Ургу, детально разработанном бароном, при участии незадолго перед тем прибывшего к нему с запада Генерального штаба полковника Дубовика, тубановский дивизион являл собою левый фланг унгерновского отряда. Вслед за Тубановым тем же обходным путем двинулся к Богдо-уле вновь сформированный монгольский полк войскового старшины Архипова, которому барон приказал выйти в тыл защитникам Маймачена. Чахарский дивизион и некоторые монгольские части, оставленные на Калганском тракте, принимали лишь весьма скромное участие в боях, составляя, по существу, бутафорию отряда. Ударное же задание барон возложил на русско-татарско-бурятскую группу, разделив ее, в свою очередь, на две части.

Наступление начато было на рассвете 1 февраля. Две русские сотни — 4–я Хоботова и 5–я Неймана (оренбургско-забайкальская Архипова) — получили распоряжение свернуть с тракта вправо и занять гору Баян — Дзурх, подошва которой лежит верстах в трех к востоку от Маймачена, а затем продвигаться горами до тех пор, пока они не займут сопок с севера от этого города. Хоботов и Нейман овладели Баян — Дзурхом утром 1 февраля. В этом бою хорунжий Слюс со взводом оренбуржцев захватил пригодную для стрельбы пушку системы Норденфельда и два пулемета. В продолжение дня сотни Хоботова — Неймана успешно продвигались вслед за китайцами, отходившими с одной возвышенности на другую, по направлению к Худжир-Булунским казармам, и к вечеру обошли эти казармы с востока.

На рассвете следующего дня, то есть 1 февраля Хоботов и Нейман перешли речку Улятуйку и заняли сопки, командующие над Маймаченом с севера. Здесь они оставались до конца боевых операций под Ургой. Ударная группа из пяти сотен, возглавляемая генералом Резухиным, на рассвете 1 февраля вошла в соприкосновение с противником, закрывающим проход в долину реки Толы со стороны Калганского тракта. В утренние часы сотни Резухина сбили батальон гаминов и конный отряд из

200 всадников. Этот заслон отошел к своим главным силам, занимавшим ряд сопок по правую и по левую стороны от тракта, которые были изрыты заранее приготовленными окопами, почему каждую из них требовалось брать с боя. Весь день 1 февраля гамины обороняли этот участок фронта с достаточным для них упорством. Лишь к 17 часам Резухин занял селение Верхний Мадачан, расположенное у восточного склона Богдо-улы. Китайские войска отошли от деревни версты на полторы к западу и прочно закрепились на высотах у Нижнего Мадачана. На этой позиции они дрались в течении целого дня 2 февраля.

Барон энергично наступал. Он то бросал свои сотни на центр китайского расположения, то устремлял их для охвата того или иного фланга; но все его усилия разбивались о прекрасную позицию и огромное численное превосходство противника. Под конец второго дня боя у наступающих иссяк их скудный запас патронов. Тем решительнее продолжал барон Унгерн развивать наступательные операции. Два из своих четырех орудий он послал Хоботову и Нейману для того, чтобы энергичным обстрелом левого фланга линии обороны группа эта привлекла на себя возможно большее внимание противника.

Если обратиться к вопросу о сношении сил нападающей и обороняющейся сторон, то получалась поразительная картина: против 5 сотен неполного состава унгерновских бойцов, китайцы имели 10000 солдат при 20–24 орудиях и соответствующем количестве пулеметов, расположенных по фронту от Худжир-Булунских казарм до Нижнего Мадачана.

Вечером 2 февраля Унгерн и Резухин бросили свои пять ударных сотен в решительную атаку и сбили с высот противника, не привыкшего драться в обстановке ночного боя. По топографическим условиям китайцы должны были отойти к самому Маймачену. Полученный крупный боевой успех мог бы казаться для барона “пирровой победой”, потому что бойцы его расстреляли ружейные патроны до последнего. Но счастье тогда еще сопутствовало барону — под горой у Нижнего Мадачана он захватил две двуколки с патронами. Ввиду того, что китайцы и унгерновцы имели оружие одного и того же японского образца, эта случайная удача спасла положение.

Что же произошло у прапорщика Турбанова, на которого возлагалась такая существенная часть унгерновской операции как похищение “живого бога всея Монголии”? Если принять во внимание, что Богдо по своему высокому официальному положению и по несравненному искусству был безошибочен в гаданиях, то нужно признать, что его предварительное освобождение из-под стражи являлось необходимым условием

взятия города.

Одной лишь европейской скептической усмешкой не объяснить монгольской мистики гаданий, которая, пожалуй, очень близка к нашему представлению о телевизии[16]. Конечно, и в сердце Монголии, где природа и самый воздух насквозь пропитаны особенной, непостижимой для жителей городов мистикой, не меньше встречается шарлатанов, чем среди любого культурного народа, но это обстоятельство лишь подчеркивает поразительное искусство некоторых благочестивых чойджинов, то есть гадальщиков — прорицателей.

Под покровом темноты вечером 1 февраля Тубанов благополучно взобрался на Богдо-улу. С соблюдением всех предосторожностей он вошел в связь с дворцом Богдо-гэгэна, потому что порученное ему дело требовало не только известной смелости и ловкости, но и должно было окончиться совершенно благополучно для здоровья Богдо и всего его окружения. Поздно вечером 2 февраля, по заранее согласованному с обитателями дворца плану, тибетцы набросились на батальон гаминов, охранявший священный город. Воспользовавшись замешательством врагов, подали на карьере лошадей к дворцу, посадили на них Богдо и его семью и ускакали. Слух о похищении хутухты с предельной скоростью распространился по Урге и ее окрестностям. В унгерновском отряде известие это подняло дух бойцов, порядком уже измотавшихся за два дня беспрерывного боя. На китайское же командование этот факт произвел весьма удручающее впечатление. Начальник гарнизона придавал этому событию исключительно серьезное значение, каким оно в действительности и было.

После занятия Нижнего Мадачана барон имел намерение немедленно, той же ночью наступать дальше на Маймачен и Консульство. Но сильное утомление конского состава, а также и опоздание сотни, которая шла на подкрепление генерала Резухина вынудили барона отложить бой до следующего вечера.

3 февраля наши части отдыхали. Лишь редкая артиллерийская двухсторонняя стрельба нарушала тишину. В этот день сравнительного покоя внимание барона было привлечено к Худжир-Булунским казармам. Там сидело не менее 500 гаминов. Барон лично обследовал этот опасный для него участок и чутьем опытного разведчика угадал, что гарнизон казарм находиться в состоянии деморализации. Унгерн решил ничего не предпринимать против Худжир-Булунеких казарм. Для него стало совершенно очевидным, что группа эта не осмелится ударить ему в тыл в то время, когда он будет наступать на Маймачен (в особенности, если эта операция произойдет под

покровом ночной темноты). Так оно и случилось. После отхода их компатриотов из Маймачена, гарнизон казарм разбежался.

Отряд генерала Резухина насчитывал 3 февраля 6 сотен при 3 орудиях и 8 пулеметах. Ключом позиции, защищающей Маймачен, следовало считать Белые казармы. Они представляли собой военный городок, обнесенный крепкими двухсаженными стенами, в котором было расквартировано тысячи две солдат. Казармы стояли в одной версте от северного фаса города и занимали командующее положение над всем Маймаченом. Согласно диспозиции, Резухин должен был выступить из Нижнего Мадачана с таким расчетом, чтобы до рассвета еще подойти к Белым казармам. Этот переход равнялся пяти-шести верстам.

Днем 3 февраля барон побывал и на Богдо-уле и у Неймана — Хоботова, и наметил место костров, по которым должен был ориентироваться генерал Резухин. С наступлением темноты с трех сторон от Маймачена запылало множество огней. Заблаговременно высланные люди развели костры на каждой сопке, на каждой возвышенной точке для того, чтобы у китайцев создалось ошибочное представление как о силах барона Унгерна, так и о его действительных намерениях. Огни эти горели до рассвета. Колонна бесшумно соскользнула с сопок южного берега реки Толы и осторожно перешла реку. Не слышно было ни стука копыт, ни тарахтения колес, потому что все это было обмотано войлоком. Две громоздкие пушки барон оставил на тракте с чахарским дивизионом. С собой барон брал захваченного “Норденфельда” и пулеметы. Имея прекрасные ориентировочные точки — гигантские костры, сотни держали точное направление. За рекой Толой началась сплошная наледь, образованная водой речки Улятуйки. Резухин вынужден был спешится и вести отряд “в поводу, шагом марш”.

В своем движении отряд прошел вблизи заставы, охранявшей Маймачен с восточной стороны. Застава услыхала шум и произвела несколько выстрелов, не вызвавших у них тревоги. Барон предусмотрительно приучил китайцев к своим ночным визитам. Гамины полагали, что и в данном случае они имели перед собой только разведчиков, и успокоились…

Но, конечно, такой ответственный марш, пересекавший линию обороны противника, не мог протечь без хотя бы маленьких чисто “унгерновских” инцидентов. Когда штурмовая колонна проходила вблизи Маймачена, у пушки соскочило колесо. Отряд пошел дальше, потому что было более чем рискованно останавливаться, может быть, в 300 или 500 шагах от постов противника. По счастью, артиллеристы быстро исправили повреждение и не заблудились, догоняя в темноте отряд. Этот

незначительный эпизод интересен лишь тем, что с ним связана весьма выразительная пантомима. Барон налетел на командира орудия поручика Виноградова с поднятым ташуром, но офицер столь решительно схватился за наган, что “дедушка” сделал поворот направо, сдержанно выругавшись сквозь зубы. К чести генерала нужно заметить, что происшествие не имело для Виноградова неприятных последствий. Вероятно, барон стал после этого случая даже, в общем, лучше к нему относится.

Барон и Резухин провели отряд вокруг Белых казарм и разместились у северной стены, неподалеку от ворот, ведущих вовнутрь казарменного двора. Все шесть сотен построились в две шеренги, развернутым фронтом. Артиллерия и пулеметы стали на сопке над казармами.

Лишь только забрезжил свет барон двинул свое войско в атаку. Застава перед воротами была закидана гранатами, затем быстро выбиты самые ворота с помощью притащенного откуда-то бревна. Когда же выстрелы загремели уже внутри двора, несчастные китайцы в крайнем испуге подняли странный вой, напоминающий мяуканье множества расстроенных кошек. Большинство населения казарм успело выскочить через южные ворота. Здесь их сразу же накрыла артиллерия (3 орудия) и пулеметы. Припоминается еще один легкий артиллерийский анекдот. Барон подъехал к Виноградову и приказал дать выстрелом сигнал к атаке, но капризный “Норденфельд” заупрямился — отказывается стрелять, да и только… Предприимчивый юноша схватил тогда кирку — мотыгу и со всего плеча “дернул” ею в сердцах по ударнику. Не следовало никогда испытывать терпение барона…

После занятия Белых казарм барон разделил отряд на две части. Половину своих сил направил на Маймачен, а остальные сотни бросил в конном строю для преследования противника, отходящего к Консульству. В Маймачене разыгрались кровопролитные уличные схватки с засевшими там и сям мелкими отрядами китайских солдат. В стычках этих, происходивших в кривых и узких улочках восточного города, унгерновцы понесли значительные потери. В Маймачене за несколько часов потеряли больше, чем в трехдневных боях на подступах к Урге.

В то время, когда сотни Парыгина, Исаака и Забиякина очищали Маймачен, барон теснил гаминов на запад, по направлению к Монголору. Так назывался в Урге самый большой дом, принадлежавший одноименной золотопромышленной компании, он стоял в полуверсте от восточной окраины Консульского поселка.

Этот дом и самый бугор, на котором он расположен, представлял сильную позицию, потому что к нему нужно было подходить по совершенно открытому, ровному подъему. В 10 часов утра барон выбил китайцев с этой позиции, и они отошли на ров, отделяющий участок Монголора от Консульства. Но через два часа гамины перешли в энергичную контратаку, поддержанную артиллерийским огнем. Барон вынужден был временно отойти на северо-восток, по направлению к радиостанции. Но когда монгольский полк и чахарский дивизион обошли по сопкам левый фланг, а сотня Хоботова продвинулась по долине реки Толы, в обход правого фланга, китайцы начали отходить.

После нескольких удачных попаданий нашей батареи они не только оставили Монголор, но и Консульство и отступили в Хурэ и Гандан.

До вечера 4 февраля гамины удерживались за речкой Сэлби; барон почти не тревожил их. Вечером начальник гарнизона и его ближайшие сотрудники покинули Ургу на двух автомобилях. Они выехали на Улясутай. Вероятно, в автомобилях отбыли все старшие начальники, потому что войсками, уцелевшими после ургинского разгрома, командовал офицер в чине подполковника. Гамины оставили столицу Монголии той же ночью. Они удалились по Троицкосавскому тракту, по направлению к русской границе. В продолжение всего дня 5 февраля войска барона энергично очищали город от мелких групп гаминов. В Урге взято было в плен 400 гаминов. По распоряжению барона они тотчас же занялись уборкой трупов погибших соратников. С нашей стороны потери выразились в скоромных цифрах: 28 убитых и 87 раненных, не считая монголов.

Китайское командование оставило в Урге значительное количество неисправных орудий, до 50 пригодных к действию пулеметов, 6 автомобилей, 800 бычьих подвод — арб, обширные склады запасного оружия, патронов и снарядов, а также все продовольствие и аптечно-вещевое имущество. Двадцать четыре пушки брошены были в окрестностях города на сопках. Они находились лишь в сравнительно исправном состоянии, так как носили следы неумелого и небрежного обращения. Найдены были и обе наши пушки. Они спокойно почивали в ожидании лучших времен на том месте, где их оставили.

Отступление китайцев от Урги носило панический характер. На протяжении первых 10 верст Троицкосавский тракт казался сплошь усеянным одеждой, обувью и продуктами, то есть предметами, совершенно необходимыми самим бывшим собственникам.

В момент занятия Ямыня (так называлась та часть города, в которой сосредоточены были официальные учреждения, между Консульским поселком и базаром), из тюрьмы вышло 60 русских офицеров — западников, бывших чинов армии генерала Бакича. Эти офицеры, пробиравшиеся через Ургу на восток, невольно задержались в городе, в связи с событиями. Китайская администрация обвинила их в шпионаже в пользу Белой армии и во время второго наступления на Ургу заключила в свою тюрьму. Как водится у китайцев, заключенные содержались в маленьких, грязных до последней степени помещениях, нетопленых и холодных. Тюремщики не выпускали узников из-под замка и выдавали им по чашке сырой чумизы в день на человека. Неудивительно, что многие из арестованных покинули тюрьму лишь с посторонней помощью. По совершенно достоверным сведениям, китайские власти отдали 3 февраля распоряжение отравить всех русских заключенных[17], и только недосуг, вполне понятный в тревожной обстановке того дня, помешал выполнению этого замысла.

Корреспондент “Morning Post” телеграфировал 5 февраля из Урги, что барон Унгерн встречен населением с триумфом, как желанный освободитель.

ГЛАВА IX

Монголы называли свою столицу Да-хурэ или Богдо-Хурэ. Русские же окрестили ее “Урга”, переделав это слово из монгольского — “Орго”, что означает по-русски “дворец, ставка”. Урга эпохи 1920–1921 гг. была не похожа на те города, к которым привыкла наша мысль. Это ведь и не город в собственном смысле, а группа связанных между собой поселений, каждое из которых имеет собственный облик и отражает характерные черты своих обитателей. Урга разбросилась по долине реки Толы, которая течет здесь почти правильно с востока на запад. Ургинская падь окаймлена высокими горами, почему на первый взгляд может создаться впечатление, что город укрылся от внешнего мира в низкой котловине. Но это заключение было бы лишь весьма относительным, потому что, по европейским понятиям, Урга стоит очень высоко — она приподнята на 1400 метров над уровнем моря.

Где-нибудь возле оз. Байкала на этой высоте лежал бы вечный снег. Но даже и для 47 градуса северной широты, на котором расположена Урга, это тоже достаточно высоко. Поэтому ургинский климат суров и сух. Дующие там круглый год ветры летом приносят с юга гобийскую пыль, а зимой засыпают снегами, врывающимися туда долинами речек Сэлби и Улятуйки. С севера поднимаются над Ургой сопки горной системы Чингильту-ула. Она из них нависла обрывом над самым Да-хурэ. Далее, считая с запада на восток, за речкой Сэлби — массивная гора Мафуска покровительственно прикрывает от северного ветра Ямынь и Консульский поселок. Еще дальше в том же направлении идут зубчатые вершины сопок, командующих над Маймаче- ном. С востока ургинская падь ограничена горой Баян — Дзурх и ее отрогами.

За рекой Толой поднимается зеленый Хан-ула, в просторечии Богдо-ула, величественная гора со спокойными формами, закрывающая горизонт в южную сторону. Богдо-ула — это обширный заповедник, имеющий 28 верст и окружности. Со времен второго ургинского хутухты, Ундур-гэгэна, то есть с 1730–х годов, гора эта объявлена священной. С того времени там не звучал топор и не прогремело выстрела. Люди не вмешивались здесь в звериные дела и животные были там доверчивы, как дети. За жизнью обитателей священной горы наблюдали специальные сторожа от монастырей. Делалось это исключительно в целях охраны животных от посягательств со стороны какого-нибудь

отъявленного безбожника.

Если начать осмотр ургинских поселений с запада на восток, то первый визит наш будет направлен в монашеский городок Гандан-сумэ, созданный энергией последнего, восьмого Джэбцзундамба — хутухты. Городок раскинулся симметрично расположенными прямоугольниками своих кварталов по нагорному берегу степного оврага вдоль Троицкосавского тракта. Над бревенчатыми однотипными домиками, в которых жило до 8000 лам, возвышаются позолоченные главы цаннитских и тантристских академий[18], мирно уживающихся одна подле другой, несмотря на явный антагонизм, наблюдающийся между этими учениями. Ведь Истина — одна, и лишь отражается она в нас по-разному, сообразно с состоянием человека. Так учит буддизм.

Над Ганданом царит исполинский храм Арьябало, известный далеко за пределами Монголии тем, что в нем находится грандиознейшая статуя Милостивого Будды и 10000 бурханов Аюши, покровителя долгоденствия. После того, как глаза освоятся с обычной для кумирен полутьмой, вырисовываются детали огромной чаши — лотоса, затем появятся гигантские руки, держащие чащу, и, наконец, вся вообще, фигура этого Будды, упирающегося головой в купол храма на 14–саженной высоте от пола. Вокруг него — море хадаков[19], колеблющихся от движения воздуха, мерцают лампады. Носится дым курений… Храм Арьябало закончен в 1914 г. Строил его последний Богдо-гэгэн и посвятил будущему чуду — своему исцелению от глазной болезни: на основании самых убедительнейших гаданий, подкрепленных хорошими предзнаменованиями, Богдо веровал, что исцеление придет к нему одновременно с завершением постройки храма.

В полуверсте от Гандана начинается торговый город, так называемый Хурэ. Западная часть Хурэ населена китайцами. Она обнесена с трех сторон высокой глинобитной стеной. И это очень характерно, что китайцы не могут чувствовать себя вполне уверенно и не способны спокойно отдаваться труду, если не имеют ощущения какой-то внешней ограниченности и хотя бы искусственной сжатости. Тогда как монгола невозможно заставить жить в таких условиях, потому что “душу номада даль зовет” — ему нужны просторы. Дома здесь китайской формы, с загнутыми углами крыш. Каждая усадьба отделена от улицы сплошной стеной и высокими причудливыми воротами, обычно расписанными яркими китайскими красками. Но через эти ворота можно лишь проникнуть на первый двор, а склады, торговые и жилые помещения укрыты еще за двумя — тремя крепкими

воротами, в глубине внутренних дворов.

На восточном берегу речки Сэлби встречаются дома европейской постройки, с типичными для уездного городка тесовыми воротами, крылечками и оконцами, украшенными резьбой. Живут в них русские колонисты, и их дома, расположенные неподалеку один от другого, с обязательными деревянными заборами, образуют подобие двух-трех улиц.

Еще дальше — базар с китайскими, монгольскими и русскими лавками. Эта часть Урги носит название Захадыр. Против центральной части Захадыра сосредоточены главнейшие святыни монгольского народа. С севера от базара через площадь лежит Да-хурэ. Здесь возвышается храм Майдари, сверкающий позолотой своих крыш. Он весь облеплен ярко окрашенными будочками с молитвенными колесами (хурдэ) и множеством деревянных домиков для лам. Неподалеку от него стоит Цогчин, являющийся древней кафедральной кумирней Богдо-гэгэнов и местом их упокоения. В южной стороне центральной части Урги находится храм Чойджин-ламын-сумэ, построенный в восхитительном китайском стиле.

В части города, примыкающей к главным храмам, расселились монголы. Они раскинулись почти от реки Толы до самой горы и, отчасти, втянулись в падь речки Сэлби. Некоторые знатные монголы, имели усадьбы примерно такого, общего для всех типа: на плацу, обнесенным глинобитным хашаном или же оградой из прутьев, они расставляют 2–3 юрты (иногда встречаются еще и домик, крытый на два ската); сооружают затем высокую коновязь: этим и ограничивается все, что требуется монголу в его обиходной жизни. Для них, как и для китайцев, местом свалки нечистот служит улица.

Дальше на восток, после небольшого перерыва, идет квартал китайско — монгольских правительственных мест, так называемый Ямынь. В трех четвертях версты от Ямыня на плоском бугре стоят резиденция русского консула и дома некоторых русских и иностранных коммерсантов. Само консульство и частная квартира генерального консула помещалась в двухэтажном доме, к которому пристроена единственная в Урге православная церковь. В полуверсте от восточной окраины Консульского поселка, отделенное от него глубоким рвом, стоит самое большое в Урге здание, принадлежащее золотопромышленной компании Монголор.

В трех верстах на юго-запад от Монголора находится большой китайский торговый город — Маймачен, с узкими, кривыми и крайне грязными улочками. Город окружен высокими стенами и имеет такой же характер, как и китайская часть Хурэ. В

окрестностях Маймачена расположены два военных городка — известные уже из предыдущих глав Белые и Худжир-Булунские казармы. В последних китайское командование оборудовало артиллерийскую мастерскую, вполне пригодную для изготовления снарядов и исправления материальной части орудий. Деревни Верхний и Нижний Мадачаны стояли в 5–6 верстах от Маймачена по Калганскому тракту и населены были китайскими и монгольскими рабочими.

Чтобы закончить описание Урги, нужно добавить несколько слов о священном городке Богдо-гэгэна, расположенном в двух с половиной верстах от центральной части города, по обоим берегам реки Толы. На правом, городском берегу Толы стоял двухэтажный дом и монастырь Дучин-Галабын-сумэ зимней резиденции Богдо, а на левом, в лесу, на склоне Богдо-ула рассыпались дачные дома, так называемые летники самого Богдо и его приближенных. Возвышающаяся над лесом кумирня носила наименование Манджушри.

Несмотря на поражающую антисанитарию, Урга весьма характерна в своем стиле и поэтому не лишена известного очарования. Под утро смолкают собаки, неистовствовавшие в продолжение всей ночи.

Светает… В Да-хурэ раздается заунывный, протяжный звук, повторяющийся во всех храмах города. Так начинается день монгольской столицы. Из домиков, лепящихся возле монастырей, появляются красные и желтые фигуры монахов. Перебирая четки, медленно и важно обходят они вокруг храма и длинной лентой втягиваются в его широкие двери. Они занимают места и уставщик (умзат) низким басом заводит хвалебный гимн Победоносному Будде, подхватываемый общим хором.

Тем временем на улицах появились уже пешеходы и всадники в синих, красных и желтых тарлыках. Привлекают внимание необычайные прически женщин, в виде крыльев, закованных в серебро. У некоторых из них на самой макушке головы красуется кокетливая изящная шапочка (княгини и княжны узнаются по красным пятнам на лбу, щеках и подбородке). Пронесется кавалькада в цветных шелках, с павлиньими перьями на собольих шапках. Верховые ловко объезжают странных людей, которые — ступят шаг вперед, взмахнут руками и снова сделают шаг и вновь упадут… Каждый день сотни таких вот богомольцев приползают к ступенькам храма, выполняя благочестивые обеты.

Протянулся караван… Верблюды размеренно сгибают колчана и плывут, плывут вперед, полупрезрительно, полуобиженно выпячивая свои толстые губы. Когда же закатное солнце как бы смывает со всего вековую монгольскую грязь, в

глубине монастырских стен снова нестройно, но грозно и настойчиво завоют огромные трубы лам, призывающих к молитве.

День окончился. В вечерних сумерках вы можете заметить приземливающуюся фигуру старого ламы с барабаном в руках. Он каждый вечер с молитвой медленно ползает вокруг монастыря, чтобы отогнать злых демонов мрака. По временам лама приостанавливается, бьет в барабан и грозно возвышает свой голос.

С наступлением темноты все замирает. Теперь до утра в городе хозяйничают многочисленные дикие собаки. Далеко не безопасно пройти по Урге вечером даже в центральной части. В районе же Гандана совершенно невозможно вечером выйти со двора. Здесь собаки особенно свирепы и сильны. Единственным оправданием обилия в городе этих животных является то обстоятельство, что на них возложена вся санитарная часть, а также и немаловажные обязанности, входящие в погребальный обряд. Монголы не хоронят своих умерших в земле, не смея нарушать девственности ее. По их религиозным представлениям, чем скорее исчезнет земная человеческая оболочка, тем это лучше для стремящейся к перевоплощению души покойного. Поэтому они уносят трупы на сопку и там кладут их на землю, возлагая все дальнейшие хлопоты на собак и волков.

Как справка: в 1919 и 1920 гг. в Урге проживало 100000 человек. Из этого числа на долю русских приходилось 3000 человек, монголов главным образом, духовенства — 30000, остальное население составляли китайцы. Эти 3 тысячи русских людей были окружены ореолом почти волшебного могущества.

ГЛАВА X

Унгерн быстро подавил анархию, прекратил грабежи и насилия монголов над мирными китайцами. В первые два дня он неутомимо объезжал город и с присущей ему суровостью развешивал грабителей, захваченных с поличным. Повешены были десятки монголов, которые в сладком упоении грабили и уничтожали богатейший ургинский базар. Той же участи подверглись двое европейцев. Брошенные китайскими купцами склады товаров почти не пострадали, потому что барон в первый же день приказал создать управление китайской частью населения через старост, избранных ими из своей среды.

В литературе и изустных преданиях достаточно освещена та черта характера барона Унгерна, которая может быть названа органическим предубеждением против евреев. Барон не сомневался в том, что русская революция устроена евреями и что лишь злая еврейская сила поддерживает и усугубляет революционный процесс в России. Он полагал, что установление порядка на нашей родине невозможно, пока существуют евреи. Следовательно, и ургинских евреев ждал печальный конец. Но барон допускал некоторые исключения из этого, как казалось бы, непреложного принципа: он оставил при себе некого Вольфовича, в качестве контрразведчика; сохранил жизнь омского присяжного поверенного Муриупольского, который известен был ему своими правыми политическими убеждениями (за него хлопотал генерал Ефтин); оставил в живых зубного врача, а также еще одного из евреев, во внимание к усиленным просьбам так называемых трех ургинских баронов (барона Фитигофа, барона Тизенгаузена и фон Витте). Из русского населения повешены были все члены ургинского большевизированного самоуправления, в состав которого входили единственный местный священник о. Парняков и городской врач Цыбыктаров.

Барон возложил на комендатуру обязанность срочно привести в известность и взять на учет все бесхозное имущество. По беглому подсчету, такого имущества в районе Урги набралось на шесть — семь миллионов серебряных долларов. Самый же город, разделенный на два комендантства — Ургинское и Маймаченское, руками пленных был приведен в 3–4 дня в такой порядок и опрятный вид, какого он еще никогда не знал за все семисотлетнее свое существование.

Первым шагом хозяйственного характера было восстановление подорванной китайцами радиостанции. Но и

здесь, верный чувству оригинальности, а может быть осторожности, он приказал убрать со станции аппаратуру, служащую для отправления радиодепеш. Урга слушала… и молчала.

Работа кипела: одни приводили в порядок электрическую осветительную станцию, другие занялись оборудованием кожевенного завода, мукомольной мельницы и различных интендантских мастерских. В Худжир-Булунских казармах без промедления пущена была в ход пригодная для продолжения работы артиллерийская лаборатория китайских войск. Барон находил возможность лично наблюдать за всеми работами. В оружейных складах обнаружено 5–6 тысяч новых винтовок, но, увы, они оказались без затворов. Интендантские чины с ног сбивались в безуспешных поисках в продолжении нескольких дней и, наконец вынуждены были доложить барону. Обещание денежной награды утроило страдания дивизионного интенданта, капитана Россианова; он развил максимальную энергию в лазании по чердакам и подвалам домов военного ведомства. Его усердие было вознаграждено по заслугам, когда нашел хитро запрятанные затворы. Барон заплатил Россианову 500 рублей золотом.

10 февраля к генералу Резухину, имевшему штаб в Маймачене прискакал ка- кой-то испуганный монгол и заявил, что к Урге подходит со стороны Калгана сильный китайский отряд. Резухин тотчас же выступил с двумя сотнями и двумя пулеметами к Верхнему Мадачану и там остановился поджидать гаминов на удобной позиции. Хотя китайцы не имели информации об оставлении Урги их соотечественниками, но многое наводило их на подозрение о том, что в городе произошли существенные перемены. Китайцы поэтому подходили с большими предосторожностями. Они заняли ряд сопочек, не дойдя полутора верст до унгерновцев; вперед выслали группу конных разведчиков с флагом.

Барон прискакал к началу боя. Когда гамины убедились в том, что они наткнулись на русских, загорелся небольшой бой, в котором сразу же определилось, что со стороны противника участвовал батальон пехоты. Китайцы чувствовали себя неважно, что было вполне понятно, так как они находились во враждебной стране, в 250 верстах от своего ближайшего гарнизона. Дрались они без всякого энтузиазма. Правда, добросовестно портили патроны — стрельба гремела, как в хорошем бою, но пули летели высоко в небо.

“Займи вот эту сопку”, — приказал барон одному из офицеров. “Ваше Превосходительство, со мной пять человек”, —

доложил офицер, потому что с указанной бароном сопки слышалось 150–200 винтовок. “Ну, и отлично! Вперед!” Барон оказался прав. Китайцы бросили сопку, когда шесть человек спокойно, ведя лошадей в поводу, подошли шагов на 80 к их цепям.

После энергичного удара во фланг и тыл, гамины сдались. Победители получили ценный приз в виде 450 верблюдов, вьюченных снарядами и патронами, 15 верблюдов с грузом серебренных денег и несколько верблюдов с продовольствием и подарками. Подарки тут же, на месте, были розданы бароном сотням и командам, участвовавшим в бою. Захваченный 10 февраля обоз и батальон следовали из Чойрынской базы на усиление ургинского гарнизона. Во время боя генерал Резухин получил очередное ранение в правую руку (он только что снял повязку после ранения, полученного во второе наступление на Ургу).

В административно-политической сфере поначалу все складывалось в сторону упрочения влияния барона в стране, так как вопросы внутренней и внешней политики разрешены были новым правительством в соответствии с чаяниями монгольского народа. Правительство, сформированное из крупнейших духовных и светских феодалов, возглавлено было Джалханцза-хутухтой (из воплощенцев Западной Монголии), который, по мнению русского Министерства иностранных дел, являлся самым способным из государственных деятелей Монголии эпохи 1910–1920 гг. Барон Унгерн официально не вошел в состав правительства. Он ограничился лишь тем, что ввел в Совет министра без портфеля, есаула Жамболон-вана (из русских ясачных инородцев), на которого возложил обязанности по наблюдению за деятельностью членов кабинета. Специальным манифестом Богдо сообщил барону титул хана, с правами старшего среди равных между собой ханов четырех аймаков Монголии, и подтвердил за ним звание главнокомандующего всеми вооруженными силами Монголии. С того момента барон Унгерн сделался узаконенным диктатором государства[20].

Прежде всего, барон объявил о полном отделении Монголии от Китая и восстановлении во всей полноте прав Богдо-гэгэна[21]. Этим же актом уничтожена навсегда ненавистная кабальная зависимость должников-монголов от их извечных кредиторов-китайцев, а Монголия гордо декларирована Срединным царством[22].

Как ветер летало теперь по всей стране из конца в конец громоподобное имя Барона — джанджина, предреченного благочестивыми чойджинами, долгожданного Освободителя. С

любовным усердием номады вплетали в венок барона все новые и новые лавры. Очень скоро, при существующей между кочевниками быстроте обмена новостями, имя его приобрело мифологический блеск, сочетавшись с представлением о нем, как о перевоплощенце самого могущественного батора древнейших времен.

ГЛАВА XI

Для полного торжества провозглашенного монархического принципа надлежало короновать ургинского хутухту на царство. Барон убедил главу государства в необходимости и логичности этого шага, после объявления Монголии независимым Срединным царством и восстановления его самого в сане Богдо-хагана, то есть царя. Выработку же церемониала предоставил духовенству. Торжество было назначено на 20 февраля.

Повелитель Монголии носил религиозное имя Джэбцзундамба-хутухта Богдо-хаган и почитался восьмым перевоплощенцем знаменитого проповедника буддизма в Индии и Тибете Даранаты, жившего с 1575 по 1634 г. нашей эры. Собственное имя Богдо никогда не упоминалось, потому что, по освященному веками порядку, оно обнародовалось лишь после смерти этого перерожденца одновременно с тем, как его позолоченное, мумифицированное тело водружалось в кафедральную кумирню ургинских хутухт для вечного упокоения. Восьмой Богдо-хаган родился в 1870 г. в семье тибетского чиновника, принял посвящение от двенадцатого Далай-ламы и привезен в Ургу в 1875 г.

Самый же порядок его избрания носил следующий ритуальный характер. Когда в Тибет поступило из Урги официальное сообщение о смерти седьмого Джэбцзундамба-хутухты, перерожденец Будды Амитабхи (Будды Беспредельного света), почитающийся учителем Далай-ламы — его религиозное имя Панчен-ринпоче — вместе с самим Далай-ламой отобрали двенадцать мальчиков из предоставленного им списка и приказали доставить этих детей в Лхасу. Особая комиссия из ученых лам, имеющих высшую степень буддийской духовной школы, так называемых лха- рамба, произвела тщательное обследование каждого ребенка для того, чтобы выбрать из этой группы трех мальчиков, обладавших признаками физических свойств Будды.

Сама церемония избрания Богдо состоялась в монастыре Потала. В присутствии Далай-ламы, Панчен-ринпоче и Дэме-хутухты (одного из четырех главнейших тибетских лам и законного регента во время малолетства Далай-ламы) имена трех мальчиков записаны были на бумажках и положены в особую золотую урну — сэрбум. Затем совершено было торжественное богослужение, с чтением соответствующих молитв, и после того вынута из сэрбума одна из записок. Написанное на ней имя и

определило восьмого Джэбцзундамба-хутухту, являвшегося перевоплощенцем духа бодхисатвы (в одной из глав было уже упомянуто, что каждый бодхисатва перевоплощается отдельно духом, словом и телом).

День 20 февраля начался не по-зимнему рано. Город проснулся в 4 часа. Конные и пешие монголы стягивались к дворцу Богдо и к Да-хурэ. Нужно ведь было заблаговременно занять лучшее место, чтобы иметь возможность лицезреть необычайную, невиданную и даже неслыханную в Монголии церемонию. Если принять во внимание, что монголы часто ездят за 200 верст о дву-конь только лишь для того, чтобы попить чаю и поболтать с приятелем, то нетрудно представить, как велик был съезд кочевников ко дню коронации. После 5 часов к объявленным в приказе по дивизии пунктам потянулись воинские части. Первыми подошли в конном строю бурятская и монгольская сотни, а часам к семи прибыли и русские части. Последние были в пешем строю. Войска стали шпалерами вдоль пути следования Богдо из дворца до храма Майдари в Да-хурэ, на протяжении двух с половиной верст, причем люди размещены были на дистанции 3 шага один от другого.

Когда взошло солнце, заискрился снег и засияла позолота на крышах многочисленных ургинских кумирен, дорога эта представилась в образе сплошной ленты, на которой, среди основного синего тона, пестрели яркие пятна желтого и красного цветов. Богдо-хаган, предшествуемый и сопровождаемый князьями и гэгэнами самых высоких рангов, вышел из дворца в 9 часов. Появление его возвещено было шестью орудийными выстрелами. Впереди кортежа вели двух светло — серых скакунов со свешенными изображениями. Кони тревожно косились на людей и пружинисто перебирали мельчайшей иноходью. Богдо следовал в позолоченной, застекленной карете, в которую впряжено было три мула (два в дышло и один впереди). Десятка два лам почтенного возраста тянули карету за веревки, привязанные к передней оси справа и слева от запряжки.

Когда процессия вышла из ворот Огурда-Гадзара, барон Унгерн подал команду: “Дзоксо! Барун тайши! (Смирно! Равнение направо!) Господа офицеры!”, и поскакал к карете Богдо, чтобы отдать рапорт царю всея Монголии. По этой команде русские взяли шашки “на караул”, а монголы и буряты опустились на правое колено, держа повод на локтевом суставе правой руки и туда же склонив ствол поставленной на землю винтовки.

Унгерн оставался при Богдо до конца церемонии. Как главный виновник торжества, он следовал верхом на самом почтенном месте, то есть с правой стороны кареты. Барон

наряжен в ярко-желтый тарлык (халат) и в две надетые одна на другую почетные курмы (куртки), на голове его красовалась ханская шапочка. Поводья лошади и вальтрап под седлом были строго установленного для особы столь высокого сана образца и цвета.

Монголы падали ниц перед каретой своего повелителя, русские же опускали глаза долу, так как были предупреждены приказом по дивизии о том, что никто не имеет права встречаться взглядом с божественным Богдо. Вместе с Джэбцзундамба-хутухтой сидели его любимая жена и перевоплощенец — учитель (тот, который приезжал к барону в Убулун). В продолжении пути Богдо раздавал милостивые благословения.

В кумирне Майдари с утра звучал странный оркестр из морских раковин; оглушительно гремели гигантские трубы, и музыка эта сопровождалась аккомпанементом барабанов всевозможных размеров. По храму носились густые облака ароматических курений. Экипаж Богдо-хагана был встречен многочисленным духовенством, разряженным в парадные облачения. Монахи вынесли Богдо из кареты и, осторожно поддерживая под руки, повели через настежь открытые центральные двери храма. Богдо проследовал до главного алтаря, возле которого стоял приготовленный для него трон.

Церемония коронации длилась полтора часа. Мелодично позвякивали колокольчики, привязанные к позлащенной узорчатой крыше Майдари. Шуршали и хлопали по ветру развешанные повсюду флаги… Внутри же храма мерцали тысячи лампад, на этот раз победивших своими соединенными усилиями таинственный полумрак ламаистской кумирни. Можно было рассмотреть изображения Будд и бодхисатв и художественные редкости: свешивающиеся иконы, покрывала балдахинов, расшитые шелками, длинные хадаки — шарфы и украшения из металла и камней. Непосредственно вслед за возложением короны на Богдо-хагана, состоялось наречение барона Унгерна воплощением бога войны. Богдо возложил на барона какой-то необычайный головной убор, отдаленно напоминавший митру католического епископа. Затем ламы торжественно взяли барона под руки и вывели из кумирни, чтобы показать народу[23].

Выход из храма коронованного главы Срединного царства был ознаменован салютом в 21 орудийный выстрел. Прежним порядком Богдо возвратился во дворец, где сразу же начался парадный обед, на котором присутствовали все высшие сановники страны и почетные гости. Барон, конечно, восседал подле Богдо. Генерал Резухин занимал место в соответствии с пожалованным ему званием вана. Сидело за столом несколько

старших офицеров, возведенных в наследственное княжеское достоинство. Все участвовавшие в церемонии русские нарядились в монгольские национальные костюмы и нацепили на шапки шарики, согласно звания и чина.

За два дня до коронации Богдо подписал манифест с именным перечислением русских чинов унгерновского отряда, получивших награды за заслуги, оказанные.

Монголии. Барон, как мы помним, сделался первым ханом страны и удостоился почетных отличий (алый с золотым ханский тарлык, желтая курма, поводья и прочее). Генерал Резухин награжден был саном цин-вана (князя 1–й степени) и соответствующими почетными отличиями (тарлык желтый, но курма и поводья зеленые). Есаул Жамболон, который исполнял при бароне то роль старшего пастуха для “мобилизованного” скота, иногда же — высокого советника, а то даже самого генерал-прокурора, имевшего право вето в отношении правительственных постановлений, получил звание цзюнь-вана (князя 2–й степени).

Штаб-офицеры и особо отличившиеся в боях под Ургой обер-офицеры удостоились награждения потомственным княжеским саном. Припоминается, что двое из них возведены были в сан князя 5–го класса, так называемого улсын- тушэ-гуна, большинство же удостоено было звания гуна младшего 6–го класса (туслагчи-гун). Некоторые г. г. офицеры сделались личными князьями. Остальные же офицеры и многие из вахмистров причислены были к чинам первых восьми монгольских классов.

День коронации отмечен был общим офицерским обедом в гарнизонном собрании. Всадникам интендантство отпустило увеличенный порцион и выдало на каждого по бутылке вина. Через неделю после коронации Богдо-хаган издал манифест о том, что чинам отряда он предоставляет земельные участки по 40 десятин на каждого и дает им право безданно и беспошлинно заниматься любым трудом в пределах Срединного царства. В этом манифесте указывалось, что под будущее поселения отводится 50–верстная полоса, идущая вдоль русской границы. В нем нашла свое выражение идея барона о возрождении нового казачества взамен уничтоженного революцией.

ГЛАВА XII

Барон Унгерн вывез из Даурии 36000 золотых рублей. Но это золото быстро утекло из денежного ящика, потому что жалование чинам отряда, их довольствие и все вообще расходы оплачивались этими деньгами, и к началу 1921 г. барон едва ли имел в своем распоряжении больше 60–70 тысяч рублей. К счастью для него, примерно за месяц до взятия Урги одна из застав захватила караван большевистского Центросоюза с грузом серебра в русской монете. С того времени выплата жалования стала производиться в этой валюте. В Урге барон получил значительный денежный приз. Китайское командование успело вывезти из города лишь часть наличности своего банка. Семьдесят верблюдов, завьюченных каждый десятью пудами банковского и билонного русского серебра, брошено было китайцами во дворе банка в Ямыне (700000 рублей по номиналу); да в самом здании банка оставлено несколько пудов золота 500000 китайскими серебряными долларами и банкнотами и около 2000 — американскими долларами.

После взятия Урги барон принял решение экономить свой золотой запас. С того времени золото отпускалось по личным запискам барона (каждую выдачу он заносил в записную книжку), в исключительных случаях. Все же расходы нормального порядка он приказал выплачивать русским серебром. Офицерское жалование определялось должностью, а не чином. Младший офицер получал 25 р., командир сотни 30 р., и командир полка 40 р., нижние же чины — от 5 до 15 р. Расход билонного серебра на жалование составлял 30–35 тысяч рублей в месяц.

Барон Унгерн намечал коренную реорганизацию денежного хозяйства Срединного царства. Для разработки нового финансового законодательства и для проведения в жизнь этой серьезнейшей реформы приглашен был действительный статский советник И. А. Лавров, опытный и способный чиновник Министерства финансов. Из этих любопытных начинаний ничего не вышло, потому что уже в июне 1921 г. определилось, что Монголия потеряна для белых.

После того, как значительная сумма попала в руки красных под Троицкосавском, у барона осталось не очень-то много денег. В момент катастрофы, то есть 19–20 августа 1921 г., в денежном ящике Азиатской конной дивизии имелось лишь несколько тысяч рублей билоном.

Второй, то есть ургинский денежный ящик, поручен был

попечению интендантского чиновника Коковина. Когда последний бежал из Урги на автомобиле вместе с бутафорским начальником штаба, помощником присяжного поверенного Ивановским, то захватил с собой весь вверенный ему остаток денежных знаков. Этот груз Коковин и Ивановский благополучно доставили к Буиру (Буир-нур), где стоял небольшой отряд связи барона с Хайларом. Специально организованная комиссия приняла там по акту от Коковина нижеследующие ценности: 3 пуда 37 ф. золота, 4 пуда билонного серебра, 18000 руб. банковским серебром, 2 пуда ямбами и рубленым серебром и 1400 американских долларов. Часть золота роздана была чинам буирнурского отряда, а также и прибывшим из Урги раненым (по 50 р. на человека); 20 фунтов золота взяли себе Коковин и Ивановский, 20 фунтов получил комендант Урги подполковник Сипайлов. Слишком, видно, много было крови на этих деньгах, потому что никому они не пошли в прок…

Правда, Коковин и Ивановский ухитрились провезти деньги во Владивосток, но едва ли смогли их там использовать, потому что оба они остались в Приморье после занятия этого края большевиками в 1922 г. Что же касается Сипайлова, то он спрятал деньги в воде, под берегом, в укромном местечке. Но китайцы, арестовавшие его по обвинению а убийстве китайских и иностранных граждан в Урге, говорят, вынудили под жестокими пытками указать, куда он скрыл свою сумочку с золотом. Равным образом и остальные участники дележа унгерновских денег отказались от них в пользу китайского военного командования. Не исключена возможность, что в окрестностях Урги и по сию пору хранятся некоторые ценности, зарытые Сипайловым и другими членами отряда.

В виде исключения, барон оплачивал в твердой валюте услуги чахар, а также расходы по привлечению на свою сторону сердец монгольских чиновников и духовенства. Унгерн не по средствам щедро оплачивал молитвы буддийских монахов. Как правило, он выдавал от 2 до 8 тысяч рублей на монастырь, но в каком-то одном исключительном случае взнос с той же краткой пометкой “на молитвы” равнялся 200000 рублей (по свидетельству бывшего начальника штаба полковника К — на).

В своих тратах на монастыри барон преследовал политическую цель. Он лично знал, что в этой стране монашество имеет исключительное влияние на политику и что путь к сердцам кочевников шел через карманы многочисленного духовенства, которое в то время (1921 г.) в глазах простого народа сохраняло еще непререкаемый авторитет. Вероятно, неплохо было бы сделать какую-то ставку и на самих кочевников, помимо

ухаживания за монахами и чиновниками, но у нашего диктатора не было для этого достаточно досуга и опыта. Этот порядок не нравился некоторым из унгерновцев. “Кадровые даурцы”, например, осуждали финансовую политику барона за то, что он жесточайшим способом выколачивал от них деньги и ценности, полученные ими в качестве приза войны, для того, чтобы тотчас же переместить эти милые безделушки в другие карманы.

Китайское командование оставило в унгерновском районе наследие из 18000 лошадей и 5000–6000 голов крупного рогатого скота. Ввиду того, что основным, даже единственным предметом питания унгерновских частей являлось мясо этих животных, можно считать, что барон был обеспечен довольствием почти на целый год. Перед выходом из Урги в поход на Троицкосавск в мае 1921 г. Унгерн приказал перегнать на реку Орхон в свои новые базы 3000 голов рогатого скота и примерно такое же количество лошадей. Часть гурта и табуна последовала за бароном в троицкосавский поход и попала к красным. Уцелевший скот доставлен был на Селенгу в лагерь генерала Резухина. Этих животных мы гоняли с собой в поход по 1–му отделу Забайкальского казачьего войска.

Хлеба в Азиатской конной дивизии не выпекались, потому что барон категорически это воспретил. Если представлялась возможность, интендантство выдавало муку в сыром виде, одновременно с этим уменьшая мясной паек. Весной 1921 г. барон приказал сделать большие запашки хлебных злаков в плодороднейших долинах рек Хары, Орхона и Иро. Но жатву собрала Красная армия. Унгерновское интендантство не имело времени заняться сбором своего хлеба, потому что пришлось спешно очистить указанные районы в первых числах июля месяца 1921 г. Всего лишь 50 возов зерна, вместо ожидаемых нескольких тысяч пудов было вывезено на базу на р. Селенга. Во время нашего марша по русской территории интендантство покупало муку у жителей по способу меновой торговли. По условиям тогдашнего рынка, крестьяне охотно отдавали нам 2 пуда ржаной муки за один аршин мануфактуры или же за одну восьмую плитки чая.

Чай занимал третье место в довольствие чинов Азиатской конной дивизии, непосредственно после мяса и муки. Китайские торговые фирмы оставили на ургинских складах солидные запасы всевозможных чаев. Следовательно, дивизионное интендантство имело в Урге и в новой базе на реке Селенге более, чем значительные запасы этого товара. Гораздо хуже обстояло дело со снабжением дивизии солью, потому что продукт этот являлся предметом роскоши для коренного населения страны. На

ургинском рынке никогда не имелось запасов соли; не было ее и у нас. Но когда соль вышла, мы быстро отвыкли от нее, и в дальнейшем не испытывали никаких страданий от того что ели мясо в пресном виде. Еще легче человек примиряется с отсутствием сахара.

В целом ряде хозяйственных начинаний барона самым интересным являлся кожевенный завод. Это предприятие принадлежало когда-то еврейским коммерсантам, но пришло в упадок задолго до занятия Урги бароном. Унгерн мгновенно возродил дело. Завод весной выпускал уже прекрасную кожу для сапог и тонкую цветную замшу для одежды (барон дал распоряжение одеть дивизию в кожаные куртки и такие же брюки). Свыше 2000 комплектов готового кожаного обмундирования досталось красным в Урге. Следует также отметить оборудование скипидарного завода на прииске Дзун-модэ. По мысли барона, скипидар должен был заменить для автомобилей бензин, в котором в Урге ощущался недостаток.

ГЛАВА XIII

До взятия Урги барон Унгерн не расформировывал 1–го Татарского и 2–го Анненковского полков и не доводил эти 3–сотенные части до нормального полкового состава. В до ургинский период он находил более для себя удобным порядок деления на сотни и дивизионы. Последние были составлены по племенному признаку, например бурятский дивизион, чахарский и, перед самым взятием Урги — тибетский дивизион. Тибетцы впоследствии именовались личным конвоем Богдо-гэгэна. В награду за разумно проделанное ими похищение Его Святейшества, они получили также и священное знамя, перед которым монголы падали ниц. Остальные сотни бароновского отряда не входили ни в какие соединения и значились по фамилиям своих командиров.

Недели через две после занятия Урги барон объявил приказ о мобилизации всего русского населения Монголии, начиная от восемнадцатилетнего возраста. За неявку грозила смертная казнь, а все опоздавшие к назначенному часу лишались права на льготы по семейному положению. Эта мера дала барону около 1000 бойцов. В Урге в дивизию влилось 110 офицеров, служивших во время гражданской войны в корпусе генерала Бакича и в других частях армии адмирала Колчака.

В связи с событиями в городе застряло три генерала. Барон любезно предоставил им возможность выехать на Дальний Восток. Унгерн откладывал со дня на день обнародование приказа о мобилизации, может быть, потому что являлся убежденным противником такого способа пополнения войск. До мобилизации он переформировал некоторые из своих частей и создал новую систему военно — административного управления. Он начал с того, что расформировал штаб, оказавший ему немало услуг в боях с 1 по 5 февраля. Начальник штаба, Генерального штаба полковник Дубовик получил скромную должность заведующего оружием. Объяснялось это тем, что барон не переносил офицеров Генерального штаба. Дубовика заменил военный чиновник, бывший помощник присяжного поверенного Ивановский, который имел лишь весьма отдаленное знакомство с военной службой. Ивановский возглавлял личный штаб барона — полувоенный, полуполитический. В Маймачене создан был штаб генерала Резухина, на которого барон возложил руководство операциями против отошедших к Троицкосавску китайцев. Свой личный штаб “дедушка” приказал перевести в Хурэ.

Начальник штаба и комендант города реквизировали для этой цели лучший в городе дом и повезли барона осматривать его будущее жилище. Не выходя из автомобиля, он окинул взглядом отведенный ему двухэтажный особняк и спросил: “Поду- жши ли ъы о ттал, чю * дезшъ ъ ж\ таяхтЧ ˆстрги» та>, ччъ ж, %

приказал тотчас раскинуть для жилья и для штаба две обыкновенные юрты на окраине города, вблизи Да-хурэ. По этому поводу барон разразился следующим приказом по дивизии: “Нет людей глупее, чем у меня в штабе. Приказываю чинов штаба и коменданта города лишить всех видов довольствия на три дня. Авось, поумнеют”[24].

В назначенный для мобилизации день к штабу барона собралось несколько сот ургинцев из числа тех, которые воздерживались до поры до времени от добровольного вступления в унгерновские полки. Построились. Вышел Ивановский со списками. Через минуту из юрты показался сам грозный барон. С неизменным ташуром в руке, в малиновой шубе — новой, но уже изрядно засаленной, с орденом на груди, в мягких сапогах, он легкой походкой подошел к правому флангу.

Началось представление штаб-офицеров. “Полковник-инженер Ф.” — “Вы нужны мне.” — “Генерального штаба подполковник О.” — “Вы потребуетесь позднее.” — “Генерального штаба подполковник И.” — “Этой сволочи мне не нужно”. — “Ученый агроном Р.” — “Придите ко мне сегодня”. И представление офицеров было закончено в самом энергичном темпе. Нижних чинов и молодежь барон разбил на группы по семейному признаку. “Семейный?”, — спрашивал каждого барон — “Где семья?” — “В России”. — “Направо. Остаешься”. В ту же категорию попали многосемейные ургинцы. Остальные были зачислены в отряд.

Штаб-офицеры получили приказание лично представиться начальнику дивизии. Беседа барона с некоторыми из них была не лишена известной доли оригинальности. По словам полковника Кастерина, барон Унгерн молча подошел к нему вплотную и, указывая на орден Св. Георгия, красовавшийся на груди полковника, быстро спросил: “Что это?” Кастерин покосился в направлении бароновского пальца и ответил, что это Георгиевский крест. “Что это такое?”, — повторил вопрос барон. Кастерин решил отрапортовать несколько подробнее: “Орден святого великомученика и победоносца Георгия, жалуемый гг. офицерам за храбрость”. — “Да нет. Я не о том Вас спрашиваю. Скажите — кто пожаловал?”, — совершенно уже нетерпеливо произнес барон. “Государь император”, — доложил тогда полковник. Складка на лбу барона разгладилась. С любезностью

светского человека он усадил полковника, предложил курить и выразил удовольствие видеть его в рядах своей дивизии. Интересно, какой прием ожидал бы полковника, если бы орден был заслужен им в революционное время?

На следующий день после завоевания Урги барон разделил войско на отряды, численностью от четырех до шести сотен каждый. Один из отрядов, в составе 1 русской, 1 бурятской и 3 монгольских сотен 8 февраля уже шел на север для преследования китайцев. Во второй половине февраля месяца 1921 г. барон располагал следующими силами: 9 русскими сотнями, 1 башкирской, 1 татарской, 4 бурятскими, 1 японской, 7 монгольскими, 3 харачино-чахарскими и 2 тибетскими сотнями. Из взятых в Урге орудий сформировано 2 дивизиона и одна отдельная батарея, всего 16 орудий. Пулеметные же части были сведены в отдельную, самостоятельную единицу, разделенную на команды, по 10 станковых пулеметов в каждой.

Несмотря на мобилизацию, русские и мусульманские сотни вышли из Урги в неполном составе. Лишь впоследствии, после нескольких боев с большевиками, они были доведены до нормального состояния за счет пленных красноармейцев. В апреле месяце того же года Унгерн сформировал четырехсотенный полк из бывших гаминов, взятых в плен генералом Резухиным. Помощник командира этого полка и все младшие офицеры были в нем китайской национальности. Но командовал полком поручик Попов и во главе сотен стояли русские офицеры. После неудачного похода на Троицкосавск, в июне 1921 г. барон расформировал этот полк, оставив у себя лишь две сотни более или менее боеспособных добровольцев.

Об офицерском составе унгерновских частей следует сказать, что на 70 % он принадлежал к русской национальности. На равных с ними основаниях служили буряты-казаки. Японской добровольческой сотней, насчитывавшей в своих рядах до 80 бойцов в момент выхода из Даурии, командовал капитан Судзуки, по унгерновской, так сказать, линии сотню возглавлял толковый и боевой офицер, штабс- капитан Белов. В дивизии насчитывалось несколько офицеров из татар и башкир и 2–3 монгола (Дугар-Мэрэн принят чином сотника).

Вопрос о чинопроизводстве был разрешен бароном не без остроумия. А именно: по должности начальника отдельной дивизии в даурский еще период барон имел право назначать военных чиновников. Такой чиновник нес в сотне службу младшего офицера, отличаясь от прапорщика лишь тем, что носил на плечах узкие погоны. Когда же с выходом в Монголию Унгерн оторвался от атамана Семенова, которому принадлежало

право производства в офицерские чины на Дальнем Востоке, барон начал “переименовывать” чиновников в прапорщики. При производстве в следующий чин (исключительно за боевые отличия) в приказе писалось, что тот или иной офицер “представляется к производству”. По установившемуся порядку, “представленный” получал все права и преимущества, связанные с новым чином, тотчас же после отдачи приказа по дивизии. Об этих производствах — представлениях барон докладывал атаману, как главнокомандующему, при каждой оказии. И атаман со своей стороны слал в Ургу ответные приказы, с утверждением всех представлений[25]. В награду за Ургу барон получил от атамана право самостоятельного производства в чин прапорщика. Для производства в следующие чины сохранен был порядок представлений.

Возвращаясь назад, позволю себе добавить, что в феврале 1921 г. барон сформировал лишь два полка. Это были: 2–й конный полк, составленный из 4 русских и 2 монгольских сотен с есаулом Хоботовым во главе, и 3–й конный полк, первоначально из пяти, а затем из шести сотен, из которых две сотни были русские, две бурятские и две монгольские. Командовал полком подъесаул Янков. Вследствие трудно объяснимых, точно неизвестных мне причин барон относился с пренебрежением к службе связи. Поэтому ни при полках, ни в штабе дивизии не имелось соответствующих команд.

Унгерновские полки имели весьма эффектное обмундирование: разноцветные тарлыки (кафтаны монгольского покроя), светло — синие, малиновые, красные, голубые, синие рубашки и шаровары; белые папахи; широкие пояса из цветного шелка. Само по себе понятно, что не только верхняя одежда, но и белье было построено из добротного китайского шелка. Восточные народности сохранили свое национальное обмундирование. Лишь вместо шинелей они получили синие суконные тарлыки. По этим тарлыкам впоследствии мы издали распознавали своих всадников от чужих. Сотня должна была иметь в головном взводе семь синих тарлыков, а разведка не сильнее взвода — три, вне зависимости от национальности всадников. Как уже упомянуто, барон намечал осенью одеть свои части в кожаные куртки и галифе.

Уже к началу июля 1921 г. унгерновское интендантство заготовило несколько тысяч комплектов такого обмундирования. Но обстановка сложилась к тому времени столь катастрофично, что запасы пришлось бросить в Урге.

ГЛАВА XIV

Крупный скотопрогонный пункт, почтово — телеграфная станция и один из самых значительных центров религиозного значения, Чойрын-сумэ (в просторечье Чойрын), находится на Калганском тракте, в 250 верстах к югу от Урги. В этой географической точке скрещивались и там разветвлялись дороги идущие по всем направлениям Внешней Монголии, поэтому китайское командование устроило здесь промежуточную базу снабжения своих гарнизонов Восточной, Северной и Западной Монголии. Сумэ (монастырь) расположен у южной оконечности Чойринского горного массива, неожиданно взлетевшего ввысь среди спокойного гобийского полустепного, полухолмистого ландшафта и как бы внезапно оборвавшегося отвесными скалами над самыми монастырскими стенами. Чойринский массив "высоко поднимает свои вершины и издали манит к себе путника. Сложен он из гранитов, представляющих лабиринт ущелий, трещин и отвесно ниспадающих утесов и скал, лепящихся уступами в живописном беспорядке и уходящих остриями гребней в голубую высь" (П. К. Козлов. Три года в Монголии).

В связи с захватом под Ургой каравана с воинским грузом, о чем упоминалось в одной из предыдущих глав, барон заинтересовался Чойрыном, откуда вышел караван, и решил немедленно ликвидировать эту базу противника. Путем опроса пленных гаминов, а также и монголов, прибывших из чойринского района на коронацию, барон установил, что там стоит пятитысячный гарнизон и что на обширной площади у монастыря сосредоточены склады продовольствия, обмундирования, огнеприпасов и бензина.

Унгерн выступил из Урги 1 марта 1921 г., с отрядом из 11 сотен при 8 пулеметах и 4 орудиях. В состав отряда вошли русские, мусульманские сотни, чахарский дивизион и монгольский дивизион Дугар-Мэрэна. Отряд двигался верст по двадцать пять в сутки, потому что не только весь обоз был завьючен на медлительных верблюдов, но они солидно выступали также в артиллерийских запряжках. Несмотря на то, что хорошо выкормленные верблюды легко делают 45–верстные суточные переходы, направляясь в далекий рейд, в неопределенной обстановке барон решил беречь силы животных.

11 марта Унгерн подошел к Чойрыну. Он остановил отряд в 5 верстах к северу от монастыря и спрятал между складками местности. Начальник чойринского гарнизона проявил

максимальную беспечность. Он не вел никакой разведки в сторону Урги и поэтому ничего до утра 12 марта не знал о том, что враг подошел к нему на пушечный выстрел.

Ночь с 11–го на 12–е барон провел в разведке. Он побывал в монастыре и в китайском лагере; все лично рассмотрел и перед рассветом двинул свой отряд в наступление. По условиям рельефа местности невозможно было скрыть этот маневр — китайцы заметили нас и открыли бешеный огонь. Ключом чойринской позиции являлась сильно занятая противником скалистая сопка, художественно описанная П. К. Козловым в вышеприведенной цитате из книги “Три года в Монголии”. Этот массив высится слева от тракта (если ехать от Урги к Калгану). Для защиты же монастыря и складов гамины укрепили ряд бугров на правой стороне от дороги.

Барон разделил свои сотни на две группы. Левая колонна бросилась на Чойринскую сопку и с налета захватила нижний ее ярус, а правая повела атаку на те китайские позиции, которые прикрывали монастырь. Весь день на нашем левом фланге гремела оживленная ружейная, пулеметная и артиллерийская перестрелка и шла планомерная упорная борьба за каждый камень. На правом же фланге барон решил покончить с противником одним энергичным ударом. Для этой цели он выбросил четыре сотни в конном строю; но сотни эти не смогли доскакать до цели. Даже участие самого барона в двух повторных атаках, следовавших одна непосредственно за другой, не дали никакого результата. Китайцы расстреливали атакующих из пулеметов на ровной, как стол, степи.

Убедившись в невыполнимости своего первоначального плана, сводившегося к тому, чтобы разбить противника на равнине, барон повсюду перешел в наступление в пешем строю. Он сосредоточил усилия на том, чтобы сбить противника с командной высоты, невзирая на всю сложность этого предприятия. Для того, чтобы влить особую энергию в сердца своих бойцов, он применил испытанные в подобных случаях поощрительные денежные награды. Чойринский массив сложен как бы из двух больших каменных глыб, отдельных от вершин, из поднимающихся один над другим уступов, и барон объявил, что, если атака велась сотней, то каждый первый из сотни, забравшийся на утес или уступ, получал 1000 рублей; если наступал взвод, то первый из взвода получал 500 рублей; когда же лезло вверх отделение, то особо отличившийся из числа его чинов получал 100 рублей. В этом состязании на храбрость и ловкость разыграно было призов на 19000–20000 рублей (сотня Забиякина заработала 11 тысяч).

Некоторые опорные пункты переходили по несколько раз из рук в руки прежде, чем окончательно были закреплены за унгерновцами. Хотя китайцы дрались отлично, русские и татары бесстрашно ползли все выше и выше, по направлению к остриям гребня Чойринского массива. Незаметно подкралась темнота, с наступлением которой барон остановил сражение, чтобы дать людям возможность отдохнуть и сварить чай. В полночь он снова перешел в атаку на командную высоту, вершина которой оставалась еще в руках гаминов, и одновременно послал монгольский дивизион в конном строю, в обход левого фланга китайцев, чтобы вызвать панику в их тылу.

На рассвете 13 марта барон занял гору. В последний момент гамины отказались от сопротивления. Когда взошло солнце, то с вершины открылась безбрежная равнина. Далеко на горизонте виднелось несколько темных пятен, которые могли быть лишь колоннами противника, отходившего к Калгану. Еще накануне, в послеобеденные часы наблюдались какие-то передвижения в китайском стане, давшие основания заподозрить, что дух гаминов сломлен и подходит конец их сопротивлению. И действительно, ночью гамины вышли из Чойрына, оставив в прикрытии конную часть, на долю которой выпала тяжелая обязанность оборонять вершину горы до наступления рассвета. После занятия сумэ объяснилось, почему китайцы сдали свою прекрасную позицию: в 2 часа дня нашим снарядом был убит их старший начальник. Его смерть внесла полную растерянность в ряды начальствующих лиц и угнетающим образом подействовала на всех чинов гарнизона.

Барон вступил в Чойрын 13 марта утром. Здесь он нашел интендантские грузы всех наименований, оружие и огнеприпасы. На монастырской площади стояло шесть неисправных автомобилей. И по всему обширному участку, который занят был под лагерь и военную базу, бродили сотни верблюдов. Из 1200 верблюдов своего обоза китайцы увели лишь 400–500 животных, завьюченных продовольствием. Барон немедленно выслал чахарский дивизион (три сотни) вдогонку за отступающими. Чахары получили приказание вырваться верст на двадцать пять. В продолжение 4 часов для отдыха и приведения сотен в порядок перед новым, тяжелым походом, барон не имел ни минуты даже сравнительного покоя. Он кипел энергией: нужно было составить представление о количестве брошенного имущества, сделать все необходимые распоряжения по отряду и разрешить ряд вопросов административно — политического характера.

В 1 час дня 13 марта Унгерн выступил с шестью сотнями в поход для преследования гаминов. Артиллерийский дивизион и монголы Дугар-Мэрэна отпущены были в Ургу. Тяжеленько

пришлось китайцам на первых 30 верстах пути их отступления, судя по тому, что они поразбросали много продуктов, оставили на дороге несколько поломанных автомобилей, с сотню повозок, запряженных быками и столько же, примерно, вьючных верблюдов. Всеми мерами они старались оторваться от Чойрына на возможно большую дистанцию; но это не так просто было сделать, и удалось поэтому не всем…

Первый караван в 300 китайских всадников барон догнал между вторым и третьим уртонами от Чойрын-сумэ (в 70–80 верстах). Он приказал разоружить китайцев, подсчитать и выдать им продовольствия и по одному вьючному верблюду на каждых четверых солдат. Из этого пункта барон отослал чахар назад в Ургу, а оставшиеся при нем шесть сотен пересадил на верблюдов. Лошадей было приказано сдать в табуны и гнать вслед за отрядом. На следующий день унгерновцы настигли еще одну группу отступавших гаминов, 200–250 человек, являвшуюся, по всей вероятности, остатком какого-то полка. Подобно тому, как и первую партию, этих пленных барон также отправил в Калган, снабдив продуктами и вьючными верблюдами.

Каждый раз теперь с рассветом открывался перед нами типичный гобийский ландшафт, напоминающий разволнованное море. Барханы следовали за барханами, покрытые местами сероватым снегом и выцветами соли. В промежутках между волнами-барханами сияли короткие охряные горизонты. Слышалось поскрипывание вьюков и учащенное дыхание верблюдов. Мерно раскачиваясь на ходу, то поднимаясь на бархан, то вновь погружаясь в овраги, проплывал отряд версту за верстой, а к вечеру тени, падающие от верблюдов, принимали гигантские размеры.

Когда бароновцы таким образом прошли 200 верст по направлению к юго- востоку от Чойрына, от монголов поступили сведения о том, что по Старо-калганскому тракту параллельно с нами движется на Сайр-усу бригада гаминов численностью до 5 тысяч человек. Эта воинская часть командирована была на усиление ургинского гарнизона, но она опоздала и теперь возвращалась в Китай. Барон дальше не пошел. Он передал командование есаулу Парыгину, с приказанием догнать и ликвидировать отступающую китайскую бригаду. Унгерн вернулся в Ургу на автомобиле. Парыгин вышел прямой дорогой на старый тракт и сразу же установил, что бригада гаминов прошла здесь неделю тому назад в сторону Калгана; ему не оставалось иного выбора, как вести отряд в Ургу.

При рассмотрении операции по преследованию разбитых у Чойрына гаминов можно остановится на вопросе о том, почему

барон сменил лошадей на верблюдов. Казалось бы, что для успешности преследования требуется, прежде всего, быстрота передвижения и известно, что лошадь в среднем проходит 60–65 верст в день, тогда как верблюд — не более 40–45 верст. Но дело в том, что в нескольких верстах от Урги, сразу же за рекой Толой, начинается знакомая всем со школьной скамьи таинственная пустыня Гоби. По всему пространству этой обширнейшей области Центральной Азии растут лишь кустики колючей травы, столь незатейливого вкуса, что только невзыскательные верблюды находят в ней какое-то слабое утешение для своего желудка. Трава же попадается в пустыне лишь изредка, местами, и при том вкусовые и питательные ее свойства настолько слабы, что она пригодна только для верблюда и гобийской лошади. О несравненных качествах гобийского коня можно сказать несколько весьма убедительных слов. Эта лошадь крупнее, чем степная “монголка”, коренастее и, вероятно, самая выносливая из всех лошадей мира.

Несмотря на то, что ургинские лошади были целиком сменены в пути на гобийских, барон все же предпочел двигаться на верблюдах. По гобийским условиям невозможно выкормить и напоить за время ночного отдыха такое количество лошадей, какое имелось в отряде барона. Наши табуны, следовавшие за отрядом с монголами — пастухами, в силу изложенных условий, за одну неделю похода отстали на три суточных перехода…

ГЛАВА XV

Отряд подъесаула Янкова (5 сотен, 2 пулемета и 1 орудие — знаменитый “Норденфельд”), вышедший из Урги 8 февраля по Троицкосавкому тракту, 10–го был уже на р. Хара-гол и разбил арьергардный отряд противника. Китайцам пришлось отодвинуться дальше на север, до р. Иро. В тот же день Янков ушел от тракта на восток, вверх по р. Хара-гол, потому что получил сведения, что в 25 верстах от тракта в этом направлении стоит сильный отряд гаминов, базирующийся на богатейшие сельскохозяйственные фирмы. Утром 11 февраля Янков вел бой с батальоном гаминов четырехротного состава и, отбросив его на север, стал гарнизоном на р. Хара-гол.

Одну сотню он выдвинул по тракту на север, к уртону Муктуй, на р. Шара — гол, до соприкосновения с китайской заставой.

В то время, когда Янков воевал с китайцами на Троицкосавском направлении, барон сформировал в Урге 2–й конный полк есаула Хоботова. Этот полк он послал на смену Янкову. 25 февраля Унгерн приезжал в Дзун-модэ и на реку Хару с инспекционными целями, и в тот же день возвратился в Ургу. Янков получил от барона распоряжение идти на формирование 3–го конного полка в Маймачен (Ургинский).

2- й полк, выступивший из Урги 16 февраля, через русскую деревню Мандал и прииск Дзун-модэ прибыл на Хару 26 февраля. Вскоре полк этот продвинулся с незначительными боями до реки Иро (50 верст к югу от Кяхты), вследствие чего китайцы вынуждены были отойти в Кяхтинский Маймачен, стоящий у самой границы в версте от русского города Кяхты. Китайцы квартировали в этом городе почти до 20 чисел марта месяца, пока их не вытолкнули оттуда девееровские власти, при посредстве монгольских партизан (они оставили Маймачен 19 марта в 6 часов вечера).

24 марта в Ургу прискакал от Хоботова нарочный с письмом, снабженным птичьим пером в знак спешности. Китайцы отошли от Кяхты и уже потеснили 2–й полк. Они двигаются на Ургу. На них напали красные монголы, состоящие на службе Временного революционного правительства Монголии, организованного в Троицкосавске. Так доносил Хоботов. Барон приказал генералу Резухину выступить против китайцев со всеми наличными силами и тотчас же выехал на автомобиле ко 2–му полку.

Резухин вышел из Урги утром 25 марта. Во время обеденного

привала к отряду подлетел бароновский автомобиль. Начальник дивизии разведал обстановку. Он лично с гор наблюдал за китайцами и установил, что они свернули от р. Иро на запад к р. Орхону и что в настоящий момент двигаются в юго-западном направлении, вверх по течению реки. Не трудно было бы догадаться, что гамины намереваются обойти Ургу с запада с тем, чтобы добраться до одной из дорог, ведущих из Западной Монголии в Китай, и затем по ней скоренько убраться восвояси.

Барон приказал генералу Резухину ликвидировать эту группу китайских войск. На привале барон изобличил одного из местных князей в сношениях с революционным правительством Монголии; крепко разбил ему голову и приказал всыпать 150 ташуров. В те дни барон был уже осведомлен о зарождении в Троицкосавске красной монгольской ячейки, именующей себя “Революционным правительством”, в состав которого вошли два коммуниста, Данзан и Дамба-Доржи и националист-революционер Сухэ-Батор. Последний из них именовался “главнокомандующим всеми вооруженными силами” (из 900 всадников). Все это конечно, так, но едва ли было разумно выводить на публичное посрамление такую крупную по монгольскому масштабу фигуру, как хошунный князь. Этот пример, к сожалению, не единственный в практике барона Унгерна, был явно оскорбителен для исконных традиций монгольского народа.

Барон уехал в Ургу в самом скверном настроении. Генерал Резухин немедленно повернул на запад. Он перешел горы Халцан и Гурбан — Урту-нуру и вошел на Ванхурэнский тракт. Генерал шел спокойным маршем. Суточные его переходы равнялись 45 верстам, потому что верблюды, впряженные в орудийные запряжки, не могли двигаться с большой скоростью.

Яркие зори, оснеженные пади и искрящиеся на солнце горы; морозный, бодрящий воздух и зверский аппетит… Ночлеги по уртонам в теплых юртах, наполненных разъедающим глаза дымом; вкусный чай, жирная, ароматная баранина, поднесенная склоняющимся до земли монголом и, как последнее впечатление, с которым погружаешься в мертвый сон — бешеное наступление кровожадных “туземцев”…

Ночь на 31 марта генерал Резухин стоял в 5 верстах то китайского лагеря, на 5–м утроне тракта Урга — Ван-хурэ. Китайцы расположились на эту ночь в одной из широких падей урочища Баян — гол, верстах в 150 на запад — северо-запад от Урги. Они уже отошли от реки Орхона и начали огибать Ургу правым плечом, по широкой дуге. Генерал Резухин подошел к ним с северо-востока. После короткой перестрелки с нашей головной сотней китайцы отошли к южной окраине урочища, в

растерянности не предприняв почти никакой попытки к тому, чтобы удержать за собой две сопки, возвышавшиеся по середине баянгольской пади. Одна наша сотня пошла вперед, чтобы занять гору в западной стороне урочища, а семь сотен отряда устремились через падь к двум только что отмеченным важным в позиционном отношении сопкам среди пади.

С бугра предо мной открылось все урочище. По широкой пади, розовой от первых лучей торжественно поднимающегося солнца, быстро продвигались разошедшиеся веером семь сотенных колонн. Они шли в атаку на центральную “Генеральскую” сопку, откуда доносилась оживленная трескотня трех — четырех сот винтовок. Когда я доскакал до сопки, на ней оставались лишь самые упорные последние защитники. Батальон же гаминов только что покинул позицию и теперь убегал врассыпную к своим главным силам.

Генерал немедленно овладел и второй сопкой, после чего наша позиция представилась в следующем виде. Две сотни правого фланга поднялись до полугоры и там по возможности, закрепились. Центральную сопку занимал генерал с главными силами (4 сотни и артиллерия). В версте на юго-восток от “Генеральской” сопки, на круглой сопочке находился наш левый фланг (2 сотни под командой начальника штаба отряда полковника Торновского). Китайцы имели большое преимущество в огне на обоих флангах. На правом нашем фланге они владели гребнем горы и поэтому расстреливали, как им было угодно, дивизион прапорщика Степаненко. Позиция полковника Торновского, на которой не было никаких укрытий со стороны гаминов, обстреливались ими артиллерийским и пулеметным огнем с дистанции 1400–1500 шагов. Силы противника исчислялись приблизительно в 6000 солдат, из которых 2000 принадлежали к коннице. С ними ехало до двух тысяч ургинских и маймаченских (из-под Кяхты) купцов и чиновников. Гамины имели до 30 пулеметов и 12 орудий, тогда как мы располагали лишь двумя горными орудиями, потому что к двум французским пушкам у нас не было ни одного снаряда соответствующего калибра.

Во второй день боя гамины произвели энергичные нажимы на наши фланги. Несколькими повторными атаками они сбили с сопки Торновского дивизион сотника Очирова (сменил раненого Торновского), несмотря на то, что он каждый час бросался в контратаку и, вообще, огрызался как зверь. Генерал не пытался поддержать Очирова, так как едва ли возможно было успешно защищать эту сопку, полого спускающуюся в сторону противника и не имеющую укрытия для самого чувствительного нерва

конницы, ее коноводов. На правом фланге китайцы планомерно теснили наш дивизион. Но помощник командира 3–го полка, Генерального штаба подполковник Островский, привел туда еще одну сотню и решительными действиями восстановил первоначальное положение. Наступление темноты вновь, как и в первую ночь, прервало сражение и позволило отойти к обозу на отдых. Китайцы ночью не воевали.

Третий день боя, 2 апреля, начался в совершенно неблагоприятной для нас обстановке. Гамины обстреливали теперь артиллерийским и пулеметным огнем “Генеральскую” сопку и угрожающе накапливались против позиции Островского. Очень скоро предприимчивость китайцев дошла до такой дерзости, что их сотня напала на транспорт раненых, перевозившихся в обоз с “Генеральской” сопки. Правда, сотня эта удалилась в сторону сопки Торновского, не приняв атаки ординарцев штаба полка, но было неприятно, что конная часть противника безнаказанно прошла в тылу, вдоль всего нашего расположения.

При преследовании адъютант полка догнал и взял в плен китайского офицера, сидевшего на прекрасном, но престарелом “англо-арабе”. Случай этот подтверждает правило о непригодности кровных лошадей в монгольских условиях. Наши “монголки” почти ничего не ели на протяжении двух суток (трава под “Генеральской” сопкой была вытоптана и прогрызена конями до земли) и, конечно, вместо воды похватали за это время лишь немного снега, но в ответственный момент они безотказно проскакали 5–6 верст и при этом показали достаточную резвость.

В 12–м часу дня 2 апреля положение противника начало ухудшаться. До того момента, казалось, достаточно им было бы увеличить нажим на наш правый фланг, чтобы заставить отойти к обозу. Учитывая это обстоятельство, генерал выслал полусотню с пулеметами на линию обоза, чтобы обеспечить себе более или менее спокойный отход на тыловые позиции. Но, чу! — загремели солидные залпы с тех гор, которые темнели слева от нас, в тылу правого фланга противника. “Это залпует барон”, — подумали мы с облегчением.

Часа через полтора он прискакал на “Генеральскую” сопку и наметом взлетел на вершину. Унгерн проехал возле лагеря и всех позиций гаминов. Потерянная шапка и возбужденный вид свидетельствовали без слов о характере его скачки. Барон объяснил, что он привел из Урги чахар. Это они стреляют по китайскому лагерю с зеленых сопок. Начальник дивизии приказал отпустить пленного китайского офицера на условии, что тот вручит своему начальнику письмо с предложением сложить

оружие, а затем привезет ответ.

Еще не окончен был перевод письма барона на китайский язык, как справа послышались орудийные выстрелы: стреляла одна пушка, шрапнели которой рвались позади левого фланга китайцев. Подходил 2–й донный полк, с опозданием на двое суток. Полк этот должен был бы “сидеть на хвосте” китайцев, начиная от р. Иро, после боя с их арьергардом. Но в ночь на 30 марта поднялась такая сильная метель, что Хоботов потерял след и теперь только вновь нашел его, ориентируясь по звукам нашего боя.

Таким образом, в то момент, когда начальник китайского отряда читал письмо барона, он имел все основания чувствовать себя “в мешке”. У него не было иного выхода, как ответить полным согласием на предложенные ему условия сдачи в плен, тем более что наш “дедушка” гарантировал бароновским словом сохранение жизни и личного имущества своих бывших врагов, оставлял им все перевозочные средства и продукты, и даже давал конвой для охраны в пути от всегда враждебных им монголов.

Китайский офицер возвратился через два с половиной часа. С радостным видом он вручил барону письменное согласие начальника отряда, подполковника Чжу (генералы и старшие офицеры убежали из Урги), на предложенные условия. Барон приказал снять три копии с ответа подполковника Чжу и тотчас же по изготовлении отправить с русскими офицерами на китайские позиции центра и обоих флангов. “Так будет надежнее”, — пояснил он.

Не в характере барона было ожидать спокойного завершения какого-нибудь дела. Его натура требовала постоянного форсирования событий. После вторичного отъезда пленного офицера барон приказал подать коня и ускакал к китайцам вдвоем с переводчиком, вероятно, для того, чтобы собрать точные данные о количестве оружия, подлежащего сдаче. “Ваше Превосходительство”, — говорили ему офицеры штаба генерала Резухина — “не ездите: китайцы обстреливают каждого всадника, появившегося в пади”. “Ну, нужно еще попасть”, — возразил на это барон, садясь на коня. Китайцы приветствовали Унгерна довольно энергичным огнем из центра и с круглой сопки (Торновского). Видно было, что лошади барона и его спутника нервничали, когда они подъезжали к расположению гаминов. “Дедушка” вернулся в глубоких сумерках, в прекрасном расположении духа. Отряд заночевал в доставленных из обоза палатках тут же на позиции, чтобы с утра начать прием китайского вооружения.

Было совершенно еще темно, когда наш лагерь всколыхнулся

по сигналу “тревога”. Некоторое время все недоумевали, почему так лихо заливается труба, так как вокруг царила мертвая тишина. Но вот раздалась команда: “По коням! Садись! Рысью ма-а-рш!”. И отряд пошел по направлению к китайскому лагерю. По рядам пронеслось тревожное: “Гамины убежали”… В китайском лагере царило смятение. Растерянные фигуры метались между палатками и повозками обоза. Убежало около половины китайцев, в частности, вся конница и группа пехотинцев на подводах. Но начальник отряда и большинство старших офицеров не пожелали разделить с ними превратности судьбы. Они сдались барону.

Унгерн одним из первых прискакал в лагерь. Бледный, раздраженный до последней степени и вероломством китайцев, и чахарами, которые позорно проспали врага, он в высоких тонах, пронзительно кричал командиру 5–й сотни 2–го полка, ротмистру Нейману: “Догнать! Рубить без пощады всех стриженых (революционеров) но монархистов (с косами) не трогать”. Сотня поскакала на юго-восток. Вслед за ней через 15 минут тронулся рысью генерал Резухин и 3–й конный полк Янкова. Барон задержался в китайском лагере. Он приказал вызванному на место происшествия 2–му полку принять оружие, пленных сдать тибетскому дивизиону для конвоирования их в Ургу, и следовать за 3–м полком.

Затем грозный барон полетел к чахарам чтобы “вдребезги разнести” их и приказать идти на присоединение к 3–му полку. Не дождавшись чахар, барон с одним офицером и несколькими ординарцами поскакал вдогонку за убежавшими. Верст уже через пять начали попадаться ему на пути отдельные трупы китайцев. Еще несколько верст — и за изгибом дороги открылась пологая долина, усеянная сотнями тел. Здесь оренбургско-забайкальская сотня догнала хвост обоза и, видимо, крепко поработала. Досужая память сохранила несколько характерных картинок. Например: прижавшись как-то боком к колесу брошенной у дороги повозки, китаец силится держать свой разрубленный череп. Впечатление от этого зрелища, вероятно, было усилено тем, что его поднятые к голове руки напоминали жест полнейшей безнадежности…

Барон Унгерн выехал в крайне нервном настроении, о чем свидетельствовали землистый оттенок его лица, свинцовая тяжесть во взгляде, закрученный вверх правый ус и некоторая напряженность в посадке. С того момента, как стали встречаться трупы стриженных гаминов, барон начал успокаиваться. “Не уйдут от меня, догоню”, — вероятно, думалось ему. Когда же взору его представилась падь с несколькими сотнями лежащих на ней тел, “дедушка” прояснился, спокойным жестом поправил усы

и перешел на ровную рысь.

Третий конный полк шел рысью два с половиной часа. Первая задержка произошла у перевала через невысокий хребтик, где засел арьергард противника. Через полчаса гамины были сбиты обходным движением одного из наших дивизионов, и преследование продолжалось в прежнем темпе, примерно еще верст пятнадцать. Не остановило ни генерала Резухина, ни шедшую в голове сотню то обстоятельство, что внизу, за перевалом, у края дороги остался труп ее командира, ротмистра Неймана. Убил его притаившийся в канаве гамин, приняв за большого начальника.

Около 14 часов 3 апреля генерал Резухин дал отдых коням, сделавшим не менее 40 верст за утренний переход. Здесь, на привале барон догнал Резухина. “Дедушка” похвалил оренбуржцев и забайкальцев 5–й сотни за их подвижность и хорошую рубку. Генерал Резухин снялся в 16 часов с 3–м полком и пулеметной командой. Барон остался на привале с 5–й сотней, чтобы дождаться подхода 2–го полка и чахарского дивизиона. До поздней ночи 3–й полк продолжал свое преследование, стремясь “сесть на хвост” спешно отступавших гаминов. Остановку для ночлега полк сделал на подъеме через какой-то значительный хребет, у самого перевала. Вероятно, это были горы Улан — Хада, и данный пункт отстоял на 130–140 верст на юго-запад от Урги. Вершина перевала была еще в руках китайцев, но наши посты стояли не дальше, как в 50 саженях ниже перевала.

Ночь выдалась на редкость тяжелая… Мороз доходил, вероятно, до 40°R, потому что мы стояли на высоте не менее 5000 футов над уровнем моря. Кроме того, наш северный склон открыт был для пронизывающего монгольского ветра, и поэтому даже костер не создавал иллюзии тепла. За хребтом Улан — Хада лежит долина реки Толы, и весь следующий день 3–й полк двигался вверх по течению этой реки, вдоль правого берега.

У развалин какого-то древнего города барон вновь догнал нас. На этот раз он приехал на автомобиле. С ним был Жамболонван, который привез из Урги свежие новости политического характера. Сообщение Жамболона было, во всяком случае, настолько существенно, что барон счел нужным немедленно повидаться с Резухиным для срочного инструктирования. Эта беседа двух старших начальников Азиатской конной дивизии является поворотным моментом, с которого начинается новый этап жизни барона Унгерна. С китайцами кончено. Барон приказал выгнать их в Гоби и, не увлекаясь самому продолжительным преследованием, окончательное уничтожение этой группы поручить чахарам и суровым условиям среды —

географической и политической.

Гамины перешли на левый берег реки Толы верстах в 10 выше по течению от места развалин старого города и повернули на юго-восток. Вечером отступающие вошли в пади отрогов хребта Долон-Хара, покрытые густой травой — ветошью, и пустили широкие палы (степные пожары), воспользовавшись тем, что ветерок тянул в нашу сторону. Но наивный расчет гаминов не оправдался. Черная, тысяченогая унгерновская змея безостановочно скользила среди огненных потоков, разлившихся по падям и дохлестнувшихся до вершин, с каждой пройденной верстой сокращая дистанцию между собой и преследуемыми.

Пожар уходил на юг и полыхал за невидимыми горами. Снова глубокая ночь, которая лишь изредка нарушалась выстрелами арьергардных застав, но мы оставляли эту мелочь без внимания. Одно время казалось, что мы потеряли китайцев, слишком уклонившись на юг, после перехода через горы Долон-Хара. Но первобытный инстинкт наших проводников — номадов помог найти верное направление. В 3 часа открылись огни лагеря гаминов, притаившихся в очень укрытой котловине, верстах в трех — четырех ниже перевала через горы Обер-Онгжюль (175–180 верст на юго-запад от Урги). Полк вклинился между лагерем и линией сторожевого охранения противника и остановился в полу — горе, под самым перевалом. Освещенный кострами лагерь представлял в этот момент настолько заманчивый объект для атаки, что командир полка пылал желанием броситься туда с двумя русскими сотнями — “шашки вон, марш — марш”. И лишь случайная утрата связи между генералом и штабом полка помешала атаке. Командиры сотен по собственной инициативе уклонились вправо от лагеря и заняли сопки, грядой отходившие от перевала. Связь между частями порвалась.

На тех сопках стояло китайское охранение. Поднялась стрельба. Китайцы погасили огни и замерли в страхе. Перед рассветом они выслали в падь 400–500 всадников с целью прикрыть дорогу, по которой им нужно было уходить через перевал, и одновременно потянулись в гору, насколько возможно уклоняясь влево от занятых нами сопок. Гамины оставили в лагере пулеметы, два крупповских конно-горных орудия и почти все свое личное имущество. По приблизительному подсчету, ушло через хребет около 2000 всадников.

В 9 часов подошли чахары. Генерал приказал им немедленно выступить вслед за гаминами. Ввиду полной деморализации, достаточно было трех чахарских сотен для окончательной ликвидации всей этой неприятельской группы. Русские офицеры, служившие в чахарском дивизионе, рассказывали впоследствии,

что лишь очень немногим отдельным китайским солдатам и офицерам посчастливилось отойти по Гоби дальше трех переходов от перевала через хребет Обер-Онгжюль…

В полдень 5 апреля подтянулся отставший от нас на пол — суток 2–й конный полк. Вечером того же дня бригада генерала Резухина, в составе 2–го и 3–го полков, выступила в поход на северо-запад, по направлению к русской границе. В соответствии с полученной им накануне инструкцией, генерал Резухин должен был вести бригаду в Ван-хурэ (по картам — ставка Дайцин-вана) и из этого близкого к границе центра Северной Монголии начать оказывать непосредственное давление на советское Забайкалье. Трехсотверстный переход до Ван-хурэ бригада сделала в 6 дней.

Дикая гобийская весна вступила в свои права. Может быть, нужно любить эту страну, как любят только свою родину, чтобы восхищаться картиной ранней весны в этой части Монголии. С каждого бугра или перевала через невысокий хребтик открывался неизменно унылый пейзаж: пустая равнина в пять, десять, а иногда и 20 верст ширины; за ней пологий подъем на плоские холмы, а дальше — угадывалась снова совершенно однотипная равнина, с такими же пятнами грязного снега и выцветами соли. Казались безрадостными желтые утренние зори и ярко — красные вечерние, предвещавшие, что завтра весь день будет дуть резкий ветер, который только один в этой пустыне и чувствует себя подлинным хозяином положения: он то проносится с гулом над головой, то хлещет в лицо мелкой галькой, а на стоянках силится порвать в клочья брезент палаток.

ГЛАВА XVI

Мы знали, что в Ван-хурэ формируется бригада полковника Н. Н. Казагранди, первого командира изумительного по доблести 16–го Ишимского полка, и затем начальника одной из лучших дивизий Сибирской армии. Утром 11 апреля наши полки перешли по льду реку Орхон, а в полдень уже входили в город. Казагранди встретил нас в нескольких верстах от города. Его щегольская внешность — нарядный шелковый тарлык, надетый поверх парадной курмы, и малиновые шаровары, заправленные в лакированные гусарские сапожки, подчеркнуто выделялась на суровом фоне унгерновских полков. Казагранди сообщил, что по распоряжению нашего генерала, который накануне пересел в коляску и опередил нас на полусутки, для лагеря отведен участок в четырех с половиной верстах от города, вверх по течению речки Ачиучу, и любезно проводил нас до места.

После разгрома Сибирской армии Н. Н. Казагранди вышел в восточный Урян-хай с тремя офицерами его погибшей под Красноярском дивизии. Он пробрался в п. Хытхыл, расположенный на южном берегу оз. Хубсугул, и здесь обосновался на заимке ветеринарного врача Гея. В начале ноября месяца 1920 г. Казагранди сорганизовал офицеров, проживавших в Хытхыле, снабдился за счет местного отделения Центросоюза, а затем уехал оттуда со своими людьми на пароходе в местечко Ханга (у северной оконечности озера, в 120 верстах от Хытхыла), где в то время стоял бело — партизанский отряд полковника Плевако, составленный из казаков-иркутян. После неизбежной в подобных случаях борьбы за возглавление отряда, полковник Казагранди одержал верх над полковником Плевако и объединил обе группы. В виде компенсации казакам иркутского войска за избрание его начальником отряда, Казагранди вынужден был немедленно же, в 20 числах ноября месяца предпринять налет на станицу Шинкинскую (в 80 верстах на север от Ханги, в верховьях р. Иркута), потому что казаки жаждали получить точную информацию о состоянии своих хозяйств и навестить семьи.

Поход, конечно, был крайне неудачен и отозвался в виде различных репрессий со стороны красных по отношению к казачьему населению приграничной полосы. После ликвидации антисоветских элементов у себя дома, красные вторглись в пределы Монголии и оттеснили Казагранди из района оз. Хубсугул. Белые отступили сперва к Цаган — Бургас-хурэ (40 верст по воздушной линии на юг от Хытхыла), а затем

отодвинулись еще южнее, в более спокойный район, и в первых числах января 1921 г. расположились на заимке колониста Шишкина, в 140 верстах к югу от Хытхыла.

В половине января 1921 г. Казагранди выступил с отрядом численностью в 100 всадников в поход в приграничный поселок Модонкульский, Забайкальского войска, лежащий примерно в 230 верстах на северо-восток по воздушной линии от заимки Шишкина. После незначительного сбоя с советской пограничной заставой, белопартизаны вошли в поселок. Казагранди и чины его отряда питали в глубине своих сердец надежду на то, что население поддержит их порыв, даст добровольцев и вооружение; но при первом же соприкосновении с действительностью испытали жестокое разочарование: они были встречены с почти открытой враждебностью, а ночью подверглись предательскому нападению, о котором ни один казак не нашел нужным их предупредить. Лишь хладнокровие и распорядительность полковника Казагранди спасли отряд от совершенного уничтожения.

Казагранди отошел от Модонкуля в юго-восточном направлении. В середине февраля месяца он прибыл на заимку братьев Сухаревых, которая находилась в 100 верстах на юго-восток от Модонкуля и в 160–180 верстах к северу от Ван-хурэ.

Хозяин заимки, сотник Сухарев, имел в своем подчинении 50 казаков-партизан, размешенных им по заимкам того района. По предложению полковника Казагранди он составил из этих людей сотню и влился в его отряд. Во время пребывания в этой заимке Казагранди впервые услыхал о бароне Унгерне. В двадцатых числах февраля месяца 1921 г. Казагранди отправил первое свое донесение барону, с целью завязать с ним прочные отношения. Проездом в Ургу, офицеры полковника Казагранди сделали остановку в Ван-хурэ. От них жители этого города узнали о полковнике Казагранди и поспешили пригласить его к себе, так как требовалось срочно разоружить китайский гарнизон, во избежание повторения тех событий, которые незадолго перед тем имели место в других пунктах северо-западной Монголии и окончились погромом всего населения.

Казагранди прибыл в Ван-хурэ 1 марта, а сухаревскую сотню оставил на Селенге, в виде заслона от красных. По приезде в Ван-хурэ, Казагранди получил от князя полномочия объединить русских военных беженцев, проживавших в северо- западном секторе Монголии, и тотчас же приступил к формированию русско-монгольского отряда. Кадром для отряда полковника Казагранди, таким образом, послужили следующие группы: 70 повстанцев — голумедцев (из села Голумеди, расположенного в

Иркутском районе близ Черемхова), затем нескольких десятков казаков — забайкальцев и иркутян и, наконец, из всех способных носить оружие русских и бурят, которые оказались в данном районе ко дню объявления мобилизации.

Казагранди первоначально сформировал русский конный дивизион двухсотенного состава. После же получения от князя мобилизованных последним монголов, развернул свой дивизион в бригаду из трех полков: 1–го Хытхытского конного полка (из одного русского эскадрона и одной монгольской сотни), с поручиком Арямовым во главе, и 2–го Хангинского казачьего полка (из одной казачьей сотни и одной монгольской) с есаулом Петровым в должности командира полка. Третий же полк предположено было создать исключительно из монголов, с бурятами унтер- офицерами в качестве инструкторов.

Сотня Сухарева вскоре ушла к барону в Ургу. Ванхурэнский отряд был чрезвычайно беден вооружением: на две сотни основных имелось лишь 90 винтовок русского образца и 2 пулемета. Только в апреле месяце Казагранди получил — и уже от барона — винтовки, пулеметы и одно орудие.

Прибытие унгерновцев нарушило мирное течение жизни Казагранди и чинов отряда. Их пугала специфическая дисциплина унгерновских войск, а первое же знакомство с некоторыми нашими распорядками повело к тому, что имя грозного барона вызывало у них трепет.

Интересно проследить, как складывались отношения между бароном Унгерном и входящим в игру новым партнером, полковником Казагранди. Вскоре после того, как Казагранди донес в Ургу, что он и его отряд подчиняются барону, в Ван- хурэ прискакал курьер с сообщением о тревожном положении в районе Дзаин-шаби (по карте — Дзаин-гэгэн — хурэ, верст 200 на юго-запад от Ван-хурэ). Владетель Шабинского округа, Пандита-гэгэн-хутухта молил о помощи, так как китайские солдаты выступили против монголов и русских колонистов, громят и избивают местное население.

Полковник Казагранди тотчас же поспешил в Дзаин-шаби с дивизионом своих всадников. Возвратился же он оттуда ровно через месяц. В отсутствие начальника гарнизона замещал полковник Васильев, на долю которого выпала в течение этого месяца обязанность дважды принимать у себя барона, приезжавшего со специальной целью — познакомится с полковником Казагранди.

Вот что рассказывает полковник И. В. Васильев о своей первой встрече с легендарным бароном (“Воспоминания начальника штаба отдельного русско-монгольского отряда имени

полковника Казагранди”, рукопись):

“В средних числах марта, когда полковник Казагранди находился в Дзаин-шаби, у меня как-то была срочная работа по штабу и я заработался до глубокой ночи. В 4–м часу я прилег на кровать, которая стояла тут же в штабе, за перегородкой, не успел я задремать, как услышал шум автомобильного мотора, и вскочил с кровати, на которой лежал, не раздеваясь. В комнату штаба вошел офицер в папахе; поверх полушубка пришиты генеральские погоны. Генерал поздоровался, снял папаху и сел к столу, не снимая полушубка. Это был высокий человек, в возрасте около 40 лет, худощавый, с выпуклым лбом и серыми, глубоко сидящими в орбитах, пронизывающими глазами, с редкими рыжеватыми волосами и длинными рыжими усами.

“Садитесь, полковник, и рассказывайте все: кто Вы, откуда, как образовался отряд и скоро ли приедет из Дзаина полковник Казагранди?” В полной уверенности, что предо мной сидит ближайший сотрудник барона Унгерна, генерал Резухин, я спокойно и просто рассказал сначала все подробно о себе, начиная от Боксерской кампании[26] вплоть до момента встречи с полковником Казагранди в ноябре месяце прошлого года в Хытхыле, а затем изложил эпопею отряда Казагранди в Монголии и наши походы за русский рубеж. Во время моего рассказа генерал молча ел горячий ужин, наскоро приготовленный для него нашим китайцем — поваром. За чаем он начал расспрашивать подробности о полковнике Казагранди, о нашем отряде и о местных делах. Задаваемые им вопросы были коротки и отрывисты, и я также старался отвечать по возможности коротко. Осторожно я спросил об Урге, желая узнать, где барон и что он делает там. На мой вопрос генерал ответил: “Да вот, недавно к югу от Урги, у Чойрына я разбил около 10000 гаминовских солдат”.

Тогда только я понял, что предо мной не генерал Резухин, а сам барон, страшный барон Унгерн, и растерялся… Барон объяснил, что оставил генерала Резухина в Урге, а сам решил съездить к нам, чтобы познакомиться с полковником Казагранди и нашим отрядом. Он высказал сожаление, что не застал Казагранди в Ван-хурэ.

Мой безыскусный рассказ ему, видимо, понравился, но, увы, смелость покинула меня, и я стал в дальнейших разговорах сдержанным и осторожным. Барон это заметил и сказал: “Говорите, как раньше: просто, спокойно и правдиво”. Во время нашего разговора в штаб прибыли депутации от монгольского князя, от лам и от населения. Монголы нарядились в парадные халаты, и надели шапки, отороченные соболями с шариками и

павлиньими перьями. Делегаты подносили хадаки. Они падали на колени, делали земной поклон перед бароном и, стоя на коленях, протягивали ему эти “платки счастья”.

Барон собрался уезжать в 9 часов, проведя ночь без сна. Заметно было, что ему у нас понравилось. Он свободно разговаривал со старшими чинами отряда и даже шутил с ними. Перед отъездом он позвал своего шофера: “Достань-ка там мешочек”, — приказал он. Минуту спустя шофер подал барону небольшой замшевый мешочек. Передавая мне эту вещь, барон сказал: “Вот здесь 1000 рублей золотом на нужды отряда. Большего жалования чинам отряда я платить не могу. Ну, а пока считайте по 30 рублей билонным серебром на каждого офицера и по 10 рублей на солдата”. Пожав мне руку, барон раскланялся с чинами отряда, сел в автомобиль и укатил в сторону Урги”.

Второе посещение бароном Ван-хурэ было не менее стильно. “В день св. Алексея (30 марта по новому стилю)”, — пишет полковник Васильев — “Хангинский казачий полк справлял свой полковой праздник. После молебна я принял парад. Затем состоялся обед, и в 14 часов все закончилось. Как бы предчувствуя, я приказал командиру полка убрать всех выпивших казаков и пошел к себе в штаб. В 16–м часу перед штабом загудел автомобиль, и из него поспешно вышел барон. Я встретил его у ворот рапортом. Унгерн, видимо, рассчитывал застать нас врасплох, ввиду казачьего праздника. Поздоровавшись, барон спросил у меня: “Ну, как у Вас здесь? Все ли в порядке? Сегодня праздник казаков. Много ли пьяных?” Я доложил, что пьяных нет. “Ну, хорошо. Посмотрим, как расположен Ваш отряд. Ведите меня по помещениям!” Барон обошел сотенные помещения, приемный покой, мастерские и, не найдя ни одного пьяного, остался доволен результатами своей внезапной ревизии. В штабе он, посмеиваясь, сказал: “А я торопился к Вам приехать пораньше, да автомобиль закапризничал, задержал в дороге, хотя и не надолго”. После чаю барон, тепло распрощавшись, снова высказал сожаление в том, что не застал Казагранди.

Барон Унгерн познакомился с полковником Казагранди лишь в свой третий приезд в Ван-хурэ, перед Пасхой 1921 г. По мнению начальника штаба отряда, полковника Васильева, Казагранди допустил сразу же большую ошибку в том, что не проявил перед бароном никакой самостоятельности, а рабски отдался в полное подчинение ему. Из беседы с бароном Васильев вынес впечатление, что барон готов был очень считаться с Казагранди, как с военачальником, свершившим много подвигов во время командования Боткинской дивизией. Казагранди же не смог взять верный тон. Он явно трепетал перед бароном и заискивающе

любезничал, то есть вел себя не солидно и в том именно стиле, который барону чрезвычайно не нравился. Полковник не пытался, например отстоять перед бароном семью Гея, которому был очень обязан, как лично, так и в качестве начальника отряда. Не защитил он также и некоторых офицеров. И в конечном результате сам погиб от той же суровой карающей руки барона Унгерна.

В силу инструкций, полученных от барона 11 апреля, когда он догнал нас на автомобиле у мертвого города, генерал Резухин 15 апреля, то есть на четвертые сутки после прибытия в Ван-хурэ, отправил 2–й конный полк на север к русской границе. Полку приказано было активно оборонять от экспансии красных левый берег реки Селенги и для этой цели вести усиленную разведку, чтобы заблаговременно определять силы и намерения красного командования. С того момента, как генерал Резухин остановился у перевала через хребет Обер-Онгжюль 5 апреля 1921 г. и повернул на Ван-хурэ, для большинства его офицеров понятно стало, что приближается весьма ответственный для всех момент столкновения с 5–й советской армией.

Армия эта, в 1921 г. имевшая штаб в Иркутске, располагала силами до трех пехотных дивизий девятиполкового состава каждая. Слабой стороной 5–й армии можно было считать отсутствие в ней отдельной армейской конницы и авиации. Вся дальневосточная кавалерия была раздроблена на отдельные эскадроны, приданные к каждому пехотному полку, в виде команды конных разведчиков. Конечно, и боевые, специфически конные свойства этих эскадронов равнялись почти нулю. Что же касается авиационных сил, то в распоряжении Иркутского штаба едва ли имелось больше 2–3 исправных аэропланов. До июня месяца 1921 г. красноармейские части в Забайкалье еще не переходили на правый берег р. Селенги без той или иной вуали на лице, чтобы не причинять смертельных потрясений своему хилому детищу — ДВР, произошедшему от противоестественного альянса РСФСР с иностранными державами, заинтересованными в дальневосточных делах.

В районе Троицкосавска весной 1921 г. ДВР располагала 2 эскадронами Сретенской кавбригады и 3–4 сотнями слабо обученных монгольских партизан, едва ли пригодных для серьезного боя. Поэтому с севера, со стороны Троицкосавска в начале 1921 г. еще не существовало непосредственных угроз городу Урге. Но само собой разумеется, что на левом берегу р. Селенги обстановка была иная. Войска Иркутского военного округа как бы висели над Монголией. Оттуда барону грозили большие неприятности, которые он не мог не учитывать. Казалось

бы, что, по совершенно понятным соображениям, барону следовало приложить всю свою кипучую энергию к упрочению военного и политического положения Монголии, как плацдарма для предстоящей борьбы “с коммунизмом и мировой, вообще, революцией” (выдержка из его письма к генералу Чжану от 5 мая 1921 г.) и где создалась чрезвычайно благоприятная для этого атмосфера. Он вошел в Монголию, как желанный освободитель, и поэтому без борьбы получил в свое полное распоряжение громадную территорию, с сочувственно настроенной к нему властью.

Чрезвычайно было также существенно, что высшие духовные авторитеты подвели под него прочный религиозный фундамент, объявив его божественным перевоплощением величайшего из легендарных баторов. В этой стране, где самый воздух и каждая пядь земли насквозь пропитаны мистицизмом, хубилган — барон мог блестяще использовать свое положение “живого бога”, чтобы заставить монгольский народ с сердечным трепетом благоговейно преклониться перед его волей. Не лучше ли было, воздерживаясь всеми мерами от острого конфликта с Советской Россией, охранять страну от советских партизан и, добиваясь признания автономии Срединного царства, усилить военную подготовку монгольских войск? И русские добровольцы, несомненно, потекли бы к нему, как из иммиграции, так и из-за советского рубежа[27]. Так, по крайней мере, понимали задачу момента некоторые из офицеров барона, которые, увы, в силу известных обстоятельств занимали в дивизии лишь третьестепенные должности.

Что же думал барон Унгерн о своем неизбежном конфликте с РСФСР? Какие планы имел он, прежде всего — в отношении ближайшего будущего и, затем, как он расценивал свою мессианскую роль в борьбе с коммунизмом и вообще революционными идеями? Из документальных данных, относящихся к маю месяцу 1921 г., а также “программных” писем к феодалам Монголии и к китайским генералам-монархистам, он, якобы, решил нанести быстрый удар по советскому престижу в Забайкалье и в Сибири, чтобы пробудить к жизнедеятельности антикоммунистические страсти, кипящие внутри этих областей. Он верил, что от незначительного внешнего толчка вспыхнет общенародное восстание. После же того, как он даст надлежащую организацию этим русским национально мыслящим силам и увидит во главе людей честных и преданных идее, барон предполагал возвратиться в Монголию, чтобы заняться созданием “интернационала” народов — кочевников, с которыми он пойдет искоренять в первую очередь русский, а затем — западноевропейский социализм. Было ли это вынужденным

решением или же вполне добровольным, но такова, во всяком случае, была его официальная фразеология.

Какие же причины могли способствовать Унгерну перейти к непосредственным действиям против большевиков на русской территории?

Прежде всего, он имел самую утешительную информацию из Сибири и Забайкалья, передававшую о крестьянских восстаниях, которые, само собой разумеется, требовалось энергично поддержать, не теряя напрасно ни одного дня. И затем, с некоторых пор барон стал чувствовать себя в Урге неуютно, потому что в его отношения с Богдо-хутухтой и правительством Монголии вкрались ноты взаимного охлаждения. Унгерн принимал близко к сердцу усиливавшееся с каждым днем взаимное непонимание между ним и монголами. Но существуют некоторые данные, заставляющие думать, что еще в апреле месяце барон держал в голове несколько иные намерения, а именно: можно предположить, что он хотел предварительно сплотить в одно целое, под видом добровольного союза, Монголию Внешнюю и Внутреннюю, так называемые Халху, Баргу и Восточные сеймы, чтобы провести формирование крупных монгольских войсковых соединений, и только после того схватить звериной хваткой горло своего злейшего врага — Советскую власть.

Откуда же черпал Унгерн свою информацию, которая в значительной степени определяла его политическую линию поведения? Помимо весьма скудной переписки с атаманом, барон мог получать политические новости через ургинскую радиостанцию. Из этого источника он знал о восстании в Тобольской губернии и о партизанском движении в Забайкалье и в Приморье. Вне сомнения, он был осведомлен также о зарождении во Владивостоке белого правительства, возглавлявшегося братьями Меркуловыми. Больше же всего барон интересовался сведениями о настроении и чаяниях казачьего населения ближайших к Монголии станиц и поэтому всегда лично опрашивал беженцев из Забайкальской области. Если даже отбросить подозрение в том, что власти подсылали к барону своих агентов с провокационной информацией, с целью подтолкнуть на немедленное выступление, психологически понятно, что слишком субъективный по природе барон мог из своих опросов получить те данные, которые соответствовали его собственному душевному настроению. Не из тех ли типично беженских повествований, напоминавших заученный урок, барон почерпнул уверенность в том, что казачье население Забайкалья видит в нем единственного избавителя от советской неволи?

ГЛАВА XVII

Второму конному полку, являвшемуся по своему составу (4 русских и 2 монгольских сотни) едва ли не самой боеспособной частью в дивизии барона Унгерна, генерал Резухин передал 10 пулеметов и 1 конно-горное орудие и отправил из Ван-хурэ 15 апреля на север, к русской границе, во исполнение распоряжения барона о переходе к активной обороне. 18 апреля полк переправился через Селенгу в районе кумирни Харха-Догун (в 100 верстах на север от Ван-хурэ). 21 апреля унгерновцы выступили дальше вверх по Селенге, и следовали вдоль нее до урочища Шарын- гей; из этого пункта они повернули прямо на север к р. Желтуре. 25 апреля унгерновские войска впервые вторглись на советскую территорию, перейдя русско-монгольскую границу верстах в 30 к югу от поселка Нарына-Горохонского.

Советское командование располагало в том районе лишь незначительными отрядами пограничной стражи. Это обстоятельство позволило командиру 2–го полка войсковому старшине Хоботову совершить два безболезненных для себя набега на русские поселения по реке Джиде. 26 апреля полк побывал в поселке Хулдате, отстоящем в 20 верстах по воздушной линии на запад от Троицкосавска, а 27 апреля с боем вторгся в станицу Желтуринскую (в 95 верстах по воздушной линии на запад от Троицкосавска). В обоих случаях унгерновцы утром внезапно появлялись из-за границы, учиняя легкий разгром красных отрядов и, собрав нужные сведения, к вечеру возвращались в пределы Монголии. 28 апреля Хоботов отошел верст на 50 вглубь страны и до конца мая ограничивался лишь наблюдением за противником посредством разъездов, высылаемых вечером к границе.

За месячный срок своего пребывания в Желтуринско-Джидинском районе 2–й конный полк проделал большую черновую работу по разведке противника и захватил 800 голов прекрасных коней, принадлежавших Центросоюзу, из табуна, пасшегося на монгольской территории вблизи границы.

Выступление генерала Резухина из Ван-хурэ задержалось на несколько дней вследствие значительного, почти целую неделю, запоздания чахарского дивизиона, входившего в состав его бригады. Резухин спешил на север, чтобы успеть перейти реку Селенгу по льду. Он получил из Урги огнеприпасы, интендантский обоз и был готов отдать распоряжение о выступлении 3–го полка на соединение с ранее отправившимися в

экспедицию 2–м полком, когда ему доложили, что чахары подходят к Ван-хурэ. Издали можно было рассмотреть, что колонна чахарского дивизиона значительно, по сравнению с прежним, удлинилась за счет вьючного обоза, явно отягощенного “лаврами”, приобретенными при преследовании китайцев.

С чувством гордого сознания своих заслуг чахары медленно поднимались к нам от Ван-хурэ, вверх по течению реки. Победно при этом гудел традиционный оркестр из морских раковин… Но, увы, их ожидала неприветливая встреча: генерал вызвал по тревоге дежурную сотню и приказал разоружить почтенных “союзников”. Раздалось несколько выстрелов. Кажется, кое-кто из чахар пострадал и, во всяком случае, все они потерпели значительный материальный ущерб, так как генерал не только конфисковал обоз, но приказал также перетрясти личные вещи каждого всадника с целью отнятия награбленного ими китайского и монгольского добра. На следующий день Резухин отправил чахар обратно к барону.

Больше всего, хотя и косвенно, эпизод с чахарами отразился на судьбе русских офицеров, которые служили в этом дивизионе на положении рядовых всадников. С переводом в 3–й полк, как ни странно, их судьба ухудшилась. “Дедушка” — барон, ссылая провинившихся офицеров к чахарам, представлял себе, что служба офицера, в качестве рядового всадника среди полудикарей явится тяжким и унизительным наказанием. Но это было далеко не так. Офицерам жилось у чахар довольно неплохо. Они имели вестовых для личных услуг и не несли никакой службы.

“Чахары не любят “белых ворон” (то есть ранних вставаний)”, — рассказывал поручик Хлебин о своей службе в том дивизионе. Когда часу в восьмом загудят раковины, можно, значит, вставать, не торопясь. К тому времени вестовые — китайцы и хозяева юрт — монголы, наварят баранины и вскипятят чай, обильно заправленный молоком. Чахары усаживаются вокруг котлов. Еда является одним из приятнейших удовольствий в жизни кочевников и чахары твердо это помнят. Лишь около девяти часов идут они к лошадям. А пленники в это время готовят вьюки. Снова засвистят — загудят раковины. Это второй сигнал, по которому всадники садятся на коней и вытягиваются в дорогу. Затем новый сигнал: наконец-то пошли…

После 12 часов нойоны (начальники) начинают ощущать пустоту в желудке и утомление от путешествия, поэтому они устраивают привал в первых же юртах. Здесь чахары обедают и отдыхают, свято соблюдая обычай “мертвого часа” после принятия пищи. Около 16 часов они снова выступают в поход с

тем, чтобы к сумеркам добраться до каких-нибудь юрт, там сытно поужинать и заночевать. На привалах чахары проявляют много личной инициативы по части добывания продуктов и осмотра юрт. Они, видимо, зарекомендовали в стране столь высоко, в смысле специфической хозяйственности и распорядительности, что не только пленные слуги- китайцы, но даже неторопливые по природе хозяева — монголы порхают у них веселее ласточек.

К сожалению, мирное течение жизни нарушается иногда неприятными неожиданностями и военными опасностями. Например, могут же где-нибудь на горизонте показаться конные фигуры… Загудят тогда, засвистят раковины, а чахары врассыпную поскачут к ближайшим сопкам. И не раньше пустятся они в дальнейший путь, чем выяснят осторожно “боевую”, так сказать, обстановку. Если же где- нибудь раздадутся выстрелы, то гордые всадники с быстротой ветра полетят на своих скакунах к сопкам, в противоположную сторону от выстрелов. Они водрузят на вершинах сотенные знаки как символ бдительности, а сами попрячутся за надежное прикрытие, чтобы переждать эту неприятность. Но добить деморализованного противника, разгромить и навести панику на мирное население — в подвигах этого сорта чахары проявляли непревзойденное мастерство”.

Накануне выступления в поход генерал Резухин присутствовал на торжественном хурале, отслуженном на плацу главной кумирни города. В строю находилось около 1000 монголов. Половина этого количества принадлежала к составу нашего полка, остальные же были из отряда полковника Казагранди. В центре плаца выделялась уверенная фигура генерала.

23 апреля генерал Резухин выступил с 3–м полком из Ван-хурэ на север, к р. Селенге, до которой в выбранном для похода направлении насчитывалось примерно 140 верст. Вопреки традициям Азиатской конной дивизии, генерал организовал в своей бригаде самостоятельный штаб, с Генерального штаба подполковником П. Л. Островским во главе, чтобы в дальнейшем слушаться оперативных советов своего опытного начальника штаба.

Утром 26 апреля полк благополучно перешел Селенгу по льду. С соблюдением некоторых предосторожностей переведена была на левый берег также и наша артиллерия. Погода настолько потеплела, что, судя по средней температуре суток, странно было видеть реку под ледяным покровом. Это явление объяснялось, вероятно, тем, что в верхнем течении, в ущельях Хангая еще держались значительные ночные холода. Двигаясь вдоль левого берега Селенги, через двое суток мы подошли к незадолго перед

тем сожженной красными заимке того сотника Сухарева, который прежде входил со своими одностаничниками в отряд Казагранди, а затем присоединился к нам и теперь влился в ряды 2–го конного полка.

Местечко это являлось одним из очаровательнейших уголков Монголии. Речка Баян — гол верстах в четырех от устья вырывается из теснин, представляющих собой нагромождение обрывистых гор, покрытых растительностью таежного характера. Дальше она шуми среди мягко очерченных гор, замаскированная от взоров густым кустарником. Внизу, у Селенги, там, где торчали печальные остовы пожарища, по обоим берегам речки разросся старый сосновый лес, своим до странности корректным видом напоминающий скорее курортный парк, чем дикую Монголию. О лучшей стоянке не приходилось даже и мечтать! Мы имели обильные, мягкие корма для лошадей, укрытое место для лагеря и, если потребовалось бы, недурную позицию, ограниченную слева непроходимыми горами, а справа полноводной рекой Селенгой. В сосновом бору, так вкусно пахнувшем смолой, чувствовался уют, словно мы обосновались здесь прочно, на долгий срок.

Природа тем временем проснулась от зимнего сна. Весна начала щедро рассыпать свои радости. Близится день Пасхи, с которым связаны лучшие воспоминания детства. Последние два дня Страстной промелькнули для пасхального стола. Из вьюков извлечены остатки муки, сахару и соли.

Русских же, кроме того, ожидало исключительное в анналах унгерновских войск событие — пасхальная заутреня, потому что в Ван-хурэ к бригаде присоединился иеромонах о. Иннокентий, который по праву мог считать себя первым православным священником в дивизии: у нас имелся мулла и многочисленный штат ламаистского духовенства, но мысль о христианском священнике, вероятно, еще не попадала в сферу внимания барона. На расчищенной полянке, декорированной березками и гирляндами из зелени, сооружен алтарь. Будни с их заботами и тревогами отошли куда-то, и хотелось всецело отдаться пасхальному настроению, хотя бы потому, что никто ведь не мог угадать, что за жребий вытащит он в начавшейся уже войне с большевиками.

Вечер Великой субботы. Очередная сотня расходиться в сторожевку. Один из ее взводов потянулся вверх по пади, другой поднимается в гору, по направлению высоты, командующей над нашей позицией, и вот — вот сейчас скроется из глаз за ближайшей складкой местности. Третий движется вдоль опушки леса. Он медленно спускается в долину и вместе с поворотом

дороги исчезает за бугром. С уходом охранения действительность как бы отодвинулась за серо — синие горы, громоздившиеся со всех сторон на закатном фоне нашего горизонта. В лагере заметно прибавилось костров, и чувствовалось непривычное для позднего часа оживление, когда я выехал в объезд сторожевого охранения. После почти двухчасового скитания в темноте по горам и оврагам, наконец-то, объезд закончен. Можно теперь возвращаться.

Хочется не опоздать к богослужению. Слишком грустно было бы отказаться от заутрени, мысль о которой сделалась любимой мечтой последних дней. Я перехожу на крупную рысь. Ординарцы сзади уже скачут. За поворотом дороги и ее последним перегибом открываются далекие, широко разбросавшиеся огоньки, которыми было иллюминировано лагерное расположение. Дробно цокали копыта лошадей по твердому грунту, и только этими звуками, да еще, пожалуй, шуршанием речки справа меж кустов заполнена была тишина весенней ночи. Откуда-то издали чуть угадывается слабый лай собак, может быть, потревоженных непрошеным визитом тоскующего волка. В этот мистически — прекрасный момент заполнилась пропасть, отделяющая реальный мир взрослого человека от сказки: грезилось, что там, внизу, где рассыпались веселые огоньки, родные гномики моего детства торжественно празднуют пробуждение природы.

Когда огни лагеря выросли в непосредственной близости, донеслась тонкая струйка отдаленного пения. Вслед затем, как на театральной декорации, вырисовались освещенные изнутри палатки. В них сдержанный говор. Это — стоянка татарских частей.

Теперь — долой с коня… И, оправляя на ходу шашку и маузер, скорее к поляне, где круглятся розовеющие от смоляных факелов березки алтаря лесного храма. Поляна заполнена четкими рядами. Впереди — всегда щеголевато — подтянутая фигура генерала. Но, как странно, вследствие, может быть, контраста между с детства дорогими словами и напевами пасхальной службы, с одной стороны, и сильно монголизированным видом молящихся, с другой, в сердце на мгновение закралось грустное разочарование: не то, не настоящее все это… Заутреня кончилось под широкополосное многолетие самодержцу всероссийскому, государю императору Михаилу Александровичу.

ГЛАВА XVIII

В соответствии с директивами барона, генерал Резухин приказал своей бригаде приготовиться к походу. Подготовка, в сущности, сводилась к тому, чтобы по возможности подправить конский состав, потерявший силы в длительных переходах и похудевшей от бескормицы. Но в монгольских условиях ранней весны почти невозможно выкармливать лошадей, потому что кони, пренебрегая ветошью (прошлогодней сухой травой), выщипывают лишь побеги молодой травки, чего, конечно, для питания недостаточно. Хотя бы для того чтобы лошади, выражаясь профессионально, еще больше не спали с тела, бригада усиленно пасла коней.

Начальник штаба бригады тем временем вел деятельную разведку будущего противника через монголов и бурят, одних из своих разведчиков полковник Островский систематически посылал к границе, а других — за рубеж, на русскую территорию. Первые разведчики ушли еще из Ван-хурэ. Выполнив задание, эти люди постепенно возвращались в бригаду. Они дали полученную картину дислокации красноармейских частей, как в приграничной полосе, так и внутри Забайкалья. Некоторые из них присоединились значительно позднее, когда бригада проходила по русской земле. Доставленные ими сведения были особенно ценны и впоследствии помогли Резухину выскочить из подготовленного для нас мешка. Но об этом позднее.

По имевшимся данным, красное командование приняло следующую систему охраны своей страны. В приграничном районе по всем населенным пунктам стояли незначительные гарнизоны, образующие как бы первую линию обороны. Верстах в шестидесяти от границы расквартировано было уже примерно по батальону в каждом значительном пункте, и эти части составляли вторую линию. В 50–60 верстах от второй линии, на всех главнейших направлениях, находились отряды, в которые входило не менее полка пехоты в каждом.

За несколько дней до похода к нам прибыл поручик Бабушкин с саперами, командированный из Урги для постройки моста через реку Селенгу. Бабушкин тотчас же приступил к работам на выбранном генералом месте, в урочище Ергин.

19 мая генерал Резухин выступил на реку Желтуру. На первом привале, который мы сделали у Хулустена, во время обеда поднялась тревога. Что-то случилось с японцами (в то время японская сотня входила в состав 3–го полка). Несколько человек

из сотни корчились в судорогах и один за другим умирали. Часть пострадавших удалось спасти. Расследованием было установлено, что заболели те из них, которые приправляли свой суп белым корешком, по внешнему виду напоминающим обыкновенный сельдерей, но на деле — чрезвычайно ядовитым. Свойства корня издавна известны монголам и забайкальцам, потому что соком этого растения они очищают особенно запущенные раны на спине у лошадей: если капнуть, например, соком в такую рану, говорят казаки, то все черви мгновенно свернутся в клубок и выйдут из раны.

Уверенными, неторопливыми переходами через Хурэ-Наман-хан вышли в вершину речки Темур, впадающую в Желтуру, верстах в 40 от русской границы. Через Малый Модонкульский хребет, служащий водоразделом между Селенгой и Желту- рой, проложена дорога, по которой наши 3 конно-горных орудия прошли без затруднения. Вершина хребта и живописный спуск по северному склону покрыты густым лесом, меж которого виднелось много ласкающей взор березовой листвы. По реке Темуру полк спустился до реки Желтуры и расположился лагерем на одном из островов в том месте, где Желтура, прорвавшись через массивный горный кряж, с помощью только что принятых вод Темура, спокойно легла несколькими рукавами среди лиственного леса и нарядного багульника.

23 мая подошел на присоединение 2–й конный полк, несший до того времени службу по охране границы, в районе нижнего течения реки Желтуры. 25 мая рано утром командир бригады получил донесение начальника одного из разъездов, что на монгольской территории замечен отряд красноармейцев, силой до двух рот пехоты, спускавшихся от границы по речке Шибетый (левый приток Желтуры). Ввиду того, что красные двигались по пади смежной с той, где расположен 2–й полк, то приказано было этому полку ударить во фланг и тыл тому отряду, а дивизиону 3–го полка с двумя пушками встретить его снизу, со стороны реки Желтуры. Вследствие большого превосходства в силах с нашей стороны, красноармейский отряд значительно пострадал. В бою взято было орудие (новенькая итальянская горная пушка, которая, как выяснилось, захвачена в Кяхтинском Маймачене у китайцев), а также 4 пулемета и 100 пленных.

Все пленные изъявили желание поступить к нам добровольцами. Впоследствии они прекрасно дрались в наших рядах, а уцелевшие из них вышли в Маньчжурию с остатками унгерновцев.

Ликвидированный отряд носил наименование “партизанского”. Из показаний “партизан” было установлено, что

такое название не соответствует действительности — перед нами были обыкновенные кадровые красноармейцы, и объяснялся маскарад тем, что советское командование, не имеющее еще достаточных оснований к агрессии, в ту пору остерегалось осложнений с иностранными державами. Способ формирования таких квази-партизанских отрядов был крайне прост: выстраивалась воинская часть развернутым фронтом и подавалась команда: “Вторые номера, три шага вперед!” Из них создавался “партизанский” отряд.

По свидетельству пленных, в Забайкалье было создано несколько таких отрядов для действий на главнейших направлениях Монголии, то есть на Улясутай, Ван-хурэ и Ургу (для операций против Урги в то время — май 1921 г. — в Троицкосавске имелся красно-партизанский монгольский отряд, силой в 600–800 всадников монгольского революционера Сухэ-Батора. Под его руководством велась уже энергичная пропаганда большевизма по хошунам правого берега реки Селенги, в районе рек Орхона, Иро и др.), и барону Унгерну во время похода на Троицкосавск пришлось считаться с новыми монгольскими настроениями. 28 мая 2–й полк соединился с 3–м, после чего бригада генерала Резухина выступила одной колонной по направлению к границе вниз по реке Желтуре. Ведя усиленную разведку, 29, 30 и 31 мая мы медленно продвигались к границе. Все эти дни бригада имела перед собой группу красноармейцев, вероятно, второй такой же “партизанский” отряд, который отходил под давлением наших разведывательных частей.

31 мая впервые над нами загудел аэроплан и, начиная с этого дня, вплоть до 1 августа, ежедневно прилетал для разведки. Аэроплан этот устраивал нам разные неприятности, в виде сбрасывания бомб и обстрела из пулемета, но за два дня убил лишь одного всадника и ранил семерых.

1 июня генерал Резухин подошел к границе. Противник, видимо, в этот день не располагал здесь достаточными силами и почти без сопротивления пропустил нас в узкую котловину Желтуринской пади, которую можно было бы легко защищать, потому что горные хребты — с востока Гунзан-ола и Хутагай-ту с запада — считаются непроходимыми для воинских частей; самая же падь реки, на протяжении первых 5–6 верст, имеет ширину менее версты. Советская пехота сделала слабую попытку задержать нас вблизи границы, у кожевенного завода и Санжанкина острова. После небольшого боя отступила сразу на 9 верст, к самой станице Желтуринской, расположенной у впадения одноименной реки в р. Джиду.

2 июня утром бригада Резухина подошла к станице и

завязала бой с батальоном пехоты, окопавшимся в самой узкой части Желтуринской пади, верстах в двух к югу от станицы. Красные, под угрозой обхода с обоих флангов, скоро вынуждены были отойти на основную позицию, заготовленную в 1920 г. Там имелись окопы, снабженные пулеметными гнездами и оплетенные несколькими рядами проволочных заграждений. Несмотря на сильный порыв унгерновских сотен, красноармейцы до вечера держались в своих окопах. В бою нами взято три пулемета и десятка два пленных. Вечером генерал Резухин отказался от мысли прорваться внутрь Забайкалья через желтуринское дефиле, чтобы не нести напрасных потерь. В ночь со 2 на 3 июня бригада отошла от станицы тем же путем и, перейдя государственную границу, свернула на восток.

Утром 3 июня арьергард имел перестрелку с преследовавшим нас противником. Но советские войска удовольствовались лишь тем, что проводили унгерновцев до входа в Монголию, а дальше не пошли. Весь день 4 июня полки двигались в восточном направлении, параллельно с границей, основательно выкармливая коней на привалах. Вечером, когда уже смеркалось, генерал приказал круто повернуть на север в Боссинскую падь. Вероятно, противник не ожидал нашего удара на станицу Боссий, полагая что мы направляемся в какой-нибудь пункт, лежащий ближе к реке Селенге; ведь в эти самые дни барон наступал на Троицкосавск и нуждался в том, чтобы мы отвлекли на себя часть внимания красного командования. Боссинская падь охранялась постами по обеим ее сторонам; но посты эти добросовестно спали у горящих костров. С соблюдением всех предосторожностей мы быстро проскользнули на 15–18 верст пади и перед рассветом подошли вплотную к полевому укреплению, занятому двумя ротами красноармейцев. Это укрепление задержало нас на 3–4 часа. Оно было взято лишь после того, как мы дружно навалились на него со всех сторон. Часть защитников спаслась бегством, но 100 человек попали в плен и у них было отобрано 10 исправных пулеметов.

Утром 5 июня, когда из печных труб так вкусно пахло ржаным хлебом, отряд Резухина прошел через станицу с песнями и искренним весельем. Население встретило унгерновцев весьма сочувственно, с национальными флагами, звоном колоколов, и радушно делилось домашней снедью. За этот порыв Боссинские казаки понесли жестокую кару, когда большевики вернулись в станицу. Со своей стороны, мы раздавали серебро горстями, угощали сигаретами и одаривали казачек шелками, солью, сахаром и чаем. Помимо безыскусного сердечного мотива, при раздаче денег и вещей мы желали создать представление о

широком довольстве Азиатской конной дивизии, чтобы этим жестом привлечь добровольцев.

Видимо, должное впечатление и было произведено. Станичный сход высказался за оказание помощи нашему отряду и обратился к генералу с просьбой объявить мобилизацию казачьего населения. Но Резухин категорически отказался, потому что барон разрешил принимать только добровольцев (лишь внутри Монголии пополнение дивизии произведено было в порядке мобилизации). Казаки очень и очень призадумались, когда им предложили поступить к нам лишь на правах добровольцев. Едва ли кто-нибудь ушел с нами. Из Боссия Резухин направился вниз по р. Джиде.

В тот же день 5 июня бригада имела два столкновения с пехотой противника и с боем заняла поселки Старый и Новый Энхор. Последний из них, вероятно, с не казачьим населением, вечером был подожжен, в наказание за какую то враждебную демонстрацию — кажется, обстрел разъезда. Под прикрытием спустившихся сумерек красные отошли вглубь страны. По мере наступления темноты все ярче и ярче разгоралось на противоположном берегу Джиды пожарище Нового Энхора. Не расседлывавшиеся вторую ночь лошади старательно хрустели зубами, инстинктивно торопясь набраться сил для будущих длительных переходов. Под эти успокаивающие звуки отряд погрузился в сладкое оцепенение.

Пробуждение пришло мгновенно, когда привычное ухо уловило выстрелы; они заставили схватить винтовку и быстро вскочить на ноги. Наступал рассвет второго дня пребывания на русской территории. Ночью разразился ливень, погасивший пожар и наполнивший водой наши походные постели из раскатанных палаток. А мы-то и не почувствовали, что лежим в воде! Еще до восхода солнца загорелся бой с подошедшим к нашему лагерю батальоном красноармейцев. Противник, которому не удалось захватить нас врасплох, был отбит и поспешно отскочил в северо- западном направлении, бросив несколько подвод с мукой. В течении суток мы дважды переходили вброд р. Джиду в соответствии с кратчайшим путем на Дэристуйский (или Джидинский) дацан, и вечером 6 июня перешли Джиду в третий раз.

В 23 часа ночи с 6 на 7 июня “унгерновским” шагом бригада проскочила через дацан, а на рассвете подходила к Билютайскому перевалу. Вправо над Селенгой клубился густой туман; влево от дороги он плотным кольцом окутывал каждую отдельную вершину. Над низиной же плавали отдельные причудливые облака, цепляясь за крыши трогательно простых, словно

карточных бурятских домиков. Вошедшие в падь дозоры 2–го полка заметили, что красноармейцы подбегают к сопке, закрывающей вход в падь. Командир головной 5–ой сотни лихо залетел на ту сопку в конном строю и успел опередить красных на несколько шагов. Казаки — оренбуржцы открыли с вершины огонь, почти в упор. Противник растерялся от неожиданности и покатился вниз. После удачного маневра 5–й сотни, 2–й полк легко распространился по правой стороне пади, быстро продвигаясь с одной вершины на другую, по направлению к перевалу.

Батальон красноармейцев, отброшенный на левую сторону пади, поставлен был под угрозу окружения, и после 2–3–часового сопротивления не только ушел за перевал, но, опасаясь преследования конницы, оставил даже и д. Билютай, лежащую у северного склона занятого нами горного хребта. Красные предпочли удалиться в станицу Селенгинская Дума (10–12 верст к северу от Билютая).

Хотя дорога к Новоселенгинску и к Гусиноозерскому дацану была теперь открыта, генерал Резухин позволил убедить себя в том, что ему не следует спускаться в котловину Гусиного озера. С одной стороны, перед ним стояло грозное приказание барона двигаться на Верхнеудинск, а с другой — агентурные сведения говорили за то, что дальше идти нельзя, так как красное командование принимает срочные меры, чтобы не выпустить нас обратно в Монголию. Штаб бригады знал, что обратная дорога на Боссий закрыта сильными отрядами. В том Боссинско — Желтуринском районе роты и батальоны, сведенные уже в полки, заняли горные проходы. В то время, когда бригада кормила коней на горе у Билютая, генерал Резухин и его наштабриг подполковник Островский обсудили вопрос о том, как выскочить из мешка. Они остановились на решении держаться ближе к Селенге с тем, чтобы прорваться через Цаган-Усунскую станицу. Островский правильно учел, что из этого пункта и, вообще, из всего приселенгинского района советское командование вынуждено было эвакуировать свои войска на правый берег, в ДВР, для отражения наступления барона Унгерна на Троицкосавск.

В 16 часов 7 июня генерал Резухин приказал выступать назад к Дэристуйскому дацану. Серое предутреннее освещение придавало неживую окраску наивным бревенчатым домикам, лепящимся вокруг дацана, когда мы вновь проходили через него при обратном движении в Монголию. Никто из монахов не вышел и не выглянул даже через окно, но чувствовалось, что из многих щелей настороженные люди наблюдают непривычную для них

картину и, перебирая бусинки четок, шепчут слова молитвы. Остановка для кормежки коней была сделана на одном из островов р. Джиды.

Утром 8 июня красноармейцы открыли по нашему лагерю огонь из четырех полевых орудий. Они стреляли с предельной дистанции, чтобы находится вне выстрелов нашей горной артиллерии. Правда, по причине излишней их осторожности и стрельба гранатой или шрапнелью “на удар” почти совершенно не причиняла нам вреда. Несмотря на то, что они били по густо населенному острову, пострадало лишь 5–6 человек легко ранеными. Пехота же не осмелилась подойти к нам на расстояние ружейного выстрела. Под аккомпанемент орудийных выстрелов и гул взрывов, бригада генерала Резухина потянулась вверх по отлогому скату до ближайшей дороги и затем пошла по ней на юго-восток, к деревне Зарубино, которая расположена на левом берегу реки Селенги, почти против Усть-Кяхты.

Мы ничего еще не знали о положении под Троицкосавском и верили, что барон имел там успех. Вероятно, многим из простых сердец в тогдашней почти безнадежной обстановке необходима была вера в какую-то чудодейственную силу, которая поможет нам в борьбе с большевиками. В Урге мы слыхали о волне восстаний, разлившихся по Сибири и Забайкалью, но сведения не подтвердились. Рассчитывали на поддержку населения, а оно отнеслось к нам более, чем сдержанно. Даже и уход в Монголию сулил нам все, что угодно, кроме спокойствия и отдыха, так как мы отдавали себе отчет в том, что советское командование перенесет теперь борьбу с Унгерном в пределы Монголии. Собственных сил у нас было очень мало и, таким образом, что же оставалось в нашем распоряжении, помимо слепой веры в военное искусство барона и его чрезвычайную удачливость? Теперь было бы уместно задать себе вопрос: откуда бралась такая уверенность? Во всяком случае, с того момента, как мы лишились этой последней надежды, положение наше сделалось по- истине невыносимым.

Намеченная Резухиным и Островским дорога в Монголию пролегала вдоль левого берега Селенги. В продолжение всего дня мы жадно всматривались в девееровский берег, в поисках каких-либо признаков присутствия на той стороне барона, и настораживали слух, чтобы поймать звуки пушечной стрельбы. Было уже около 19 часов, когда бригада прошла через Цаган — Усунекую. В станице сделали остановку на 30–40 минут, чтобы дать возможность напиться чаю и немного остыть лошадям перед тем, как подниматься на пограничный хребет. Когда части генерала Резухина вытянулись уже из станицы и поползли по

довольно крутому подъему, отчетливо обрисовались две колонны пехоты и какая-то конная часть, старательно пылившая в 5–6 верстах к западу от Цаган-Усунской. Подходил 235–й советский полк, к нашему счастью, опоздавший часа на два.

Ура! Дорога в Монголию свободна! Бригада так ловко выскочила из капкана, что волна животной радости, заливавшая сердце, вытеснила все заботы, тревоги и волнения последних дней. На смену им появилось ощущение приятного спокойствия за ближайшую ночь и, по крайней мере, следующий день. На хребте в 15–20 верстах от Цаган-Усунской сделана была остановка для кормежки усталых лошадей. Наши добрые “монголки” честно заслужили свой ужин, потому что без завтрака и обеда они шагали в течение 13–14 последних часов. Едва-едва слышно шелестели деревья, и из серебряных прогалин, на которых паслись кони, тянуло нежным запахом цветов.

Следующая остановка была сделана днем 19 июня под хребтом, на дороге к перевалу Дзун-Харьястай. Вечером перешли через хребет и разбили лагерь на южном склоне этого перевала. Утро 10 июня не предвещало никаких событий, и командир бригады объявил дневку. В обеденное время разнесли по сотням приказ, предупреждающий о пробе новых пулеметов. И тотчас же, словно на смех, сзади на хребте послышались выстрелы, перешедшие в залпы, к которым вскоре присоединились пулеметы. Сотни потянулись назад на перевал, где загорелся бой с наступающим 235–м полком, который шел за ними следом из Цаган-Усунской.

Интересно отметить, что первыми же выстрелами монголы убили командира полка Преображенского и полкового адъютанта, ехавших впереди полковой колонны. Это не было простой случайностью, потому что стрелки вели правильную охоту за красными командирами и неплохо на этом деле зарабатывали. Барон платил по 25 рублей серебром за голову. Собственные наблюдения за этой “охотой” мы проверяли путем опроса пленных и от них имели подтверждающие сведения о больших потерях в командном составе их частей. В частности, тот же самый 235–й полк на следующий день потерял и второго своего командира, что отнюдь не удивительно, так как некоторые из монголов бьют без промаха по бегущей косуле на 1200–1500 шагов. Объяснение такого явления кроется в исключительной остроте зрения и отсутствии у этих первобытных людей того, что у нас зовется нервами.

Бой на перевале Дзун-Харьястай продолжался до наступления темноты. С нашей стороны введено было полтора полка — 2–й полк и монгольский дивизион 3–го полка подъесаула Бородина. В

начале боя красные потеснили Бородина и заняли некоторые возвышенные точки на хребте. Но контратакой 4–й русской сотни 2–го полка они были сбиты и отброшены за перевал. Пользуясь большим превосходством в силах, красноармейцы растянули фронт (что было крайне невыгодно для нас) и в продолжении дня медленно, но планомерно зажимали нас в клещи, продвигаясь вверх справа к перевалу. Вечером обстановка была такова: мы занимали самый перевал и две незначительные вершинки с той и другой сторон от него, красные же окопались по склонам с трех сторон. Нетрудно было догадаться, что они поджидают подхода остальных двух полков своей бригады и хронически запаздывавшей артиллерии.

Когда стемнело, наши части были сняты с позиции с соблюдением всяческих предосторожностей, и отошли в урочище Будун (18–20 верст от перевала), к перевозу через р. Селенгу.

Памятный отход… Налетела гроза, гроза в горах… Молнии чертили небо по всем направлениям. Грохот громовых ударов с безумной энергией волнами перекатывался по вершинам. А с беспрестанно разрывавшегося неба и с крутых склонов узкой пади обрушивались яростные лавины воды. В такт каждого взрыва грома всадники — монголы, словно былинки, пригибались к лукам своих седел. И до тех пор, пока гроза не утихла, то возвышая голоса до степени дикого воя, то понижая до чуть слышного бормотания, тянули они свои молитвы, а может быть, творили заклинания. В этом своеобразном хоре слышался ужас и стоны, и, порой, мольба номада, беззащитного перед столь устрашающими явлениями природы. Но почему так гневались старые боги? Да, вероятно, потому, что пришельцы учинили грубую бойню на священном перевале, у самого омбона, где столько поколений людей творило благочестивую молитву.

Гроза уходила на северо-восток. Дождь перестал. И только постепенно угасавшие зарницы напоминали о недавнем драматическом эпизоде в атмосфере, разыгранном с такой поражающей воображение экспрессией.

В седьмом часу 11 июня из оставленной нами ночью пади Дзун-Харьястай показались группы, а затем колонны пеших красноармейцев. В 8 часов цепи их были уже в 2000 шагов от наших постов. Позиция унгерновцев страдала крупными погрешностями. Правый ее фланг упирался в реку под углом в 50 градусов, а левый сливался со степью. Генерал Резухин до последней возможности не вызывал на позицию свою отдыхающую бригаду. По тревоге оба полка вынеслись вперед и заняли заранее намеченные места. Стрелковые цепи наших спешенных полков залегали на двух соединенных между собой

сопках, полого спускающихся в сторону противника. Левый же совершенно открытый со стороны степи фланг и свой тыл генерал оборонял лишь двух — орудийной конно-горной батареей поручика Балка, укрыв ее за маленькую круглую сопочку, которая находилась в одной — полутора верстах левее фланга основных позиций. Главнейшие опасности таились в том, что, в случае обхода противником левого фланга, некуда было отступать и, во избежание худших зол, пришлось бы броситься в Селенгу. Перспектива эта была не из приятных, так как река в том пункте имела до 150 саженей ширины, при скорости течения 12–15 верст в час.

Красные повели наступление силами в 4–5 батальонов (почти два полка). Третий же полк красноармейской бригады (или же недостающие батальоны от тех двух полков) отправился в обход, но по счастью запоздал. Он вышел на сцену лишь в сумерках, когда схватка была определенно решена в нашу пользу. Ввиду того, что генерал Резухин вызвал на позицию оба полка, в резерве осталась только одна лишь 5–я оренбургско-забайкальская сотня 2–го полка и два горных орудия поручика Виноградова. Вскоре после начала боя из соседней пади, которая выходила в долину Селенги верстах в двух — трех к западу от пади Дзун-Харьястай, выскочил трех — эскадронный отряд конницы противника. Он быстро пошел по направлению к батарее Балка, с намерением прорваться в наш тыл.

Эти эскадроны были встречены артиллерийским огнем и поспешно ретировались в ту же падь, из которой они имели неосторожность появится. Вся эта конная группа или, по крайней мере, два эскадрона перешли через горы обратно в падь Дзун-Харястай и после 13 часов оказались против нашего левого фланга.

К тому времени на этом фланге создалась угроза удара во фланг и тыл нашего 2–го полка, потому что красноармейцы начали накапливаться на своем правом фланге. Для парирования задуманной красными операции, командир 5–й сотни, сотник Слюс, удлинил фронт налево двумя своими спешенными взводами. Около 14 часов красный конный дивизион разделился на две части. Одна осталась на месте, на линии своего правого фланга, за бугром, а вторая часть в составе одного эскадрона начала заходить по дуге в охват левого фланга полусотни Слюса. Последний предпринял попытку воспрепятствовать этому маневру огнем своего спешно выброшенного вперед третьего взвода, но красные и под обстрелом продолжали свое захождение по дуге до тех пор, пока не добрались до небольшого холмика, с которого они и открыли огонь по 5–й сотне на короткой

дистанции.

Подполковник Островский, принявший команду от вновь раненого генерала Резухина, послал Слюсу одну пушку поручика Виноградова и 4–й взвод его сотни. Виноградов обстрелял тот эскадрон, который оставался на месте, против правого фланга красных, после чего эта конная честь поскакала на присоединение к своему ранее ушедшему в обход эскадрону. Здесь, на фланге, красные спешились и вступили в перестрелку с сотней Слюса. Следовало с минуты на минуту ожидать конной атаки красных. Поэтому, когда они прекратили огонь, Слюс приказал подать лошадей его сотни и немедленно следовать за ним. Сам же сотник с семью офицерами и всадниками бросился вперед и с того пригорка, с которого недавно еще стреляли красные, увидел, что оба эскадрона садятся на лошадей в 200 шагах от него. Не задерживаясь ни на секунду, восемь всадников с шашками наголо дважды пролетели через дивизион противника вперед и назад, чем внесли полное расстройство в ряды оторопевших от неожиданности врагов.

Красноармейские кавалеристы так и не успели оправиться от полученного шока, потому что на них неслась уже вся 5–я сотня. Они ускакали в падь Дзун-Харьястай. Подполковник Островский поддержал порыв Слюса 6–й сотней 3–го полка (единственная сотня из всей дивизии, которая имела пики).

С двумя сотнями и одним орудием сотник Слюс ударил во фланг пехоты, с угрозой их тылу; и красноармейцы вместо того, чтобы охватить наш фланг, сами оказались обойденными. Они были вынуждены загнуть свой правый фланг. С целью побудить противника к отступлению по всему фронту, Островский трижды бросал в конную атаку дивизион сотника Очирова против центра и левого фланга красных, но последние искусно отразили эти атаки огнем своих пулеметов. Подполковник Островский не дал противнику возможности оправиться от этих атак, а также и не допустил ликвидировать угрозу Слюса в отношении правого фланга. Он перешел в общее наступление в пешем строю девятью сотнями. Завязался жаркий бой, в котором обе стороны крепко дрались за каждую складку местности. В конце концов, красноармейцы не выдержали напора и медленно покатились назад. Они отходили в полном порядке и, цепляясь за каждый пригорочек, успешно оборонялись с помощью пулеметов, которые тащили на плечах.

К концу дня у горловины Дзун-Харьястай атака захлебнулась. Островский вынужден был бросить вперед свой последний резерв — сотню, составленную из тех бывших красноармейцев, которых мы взяли в плен в разных боях несколько дней тому назад. Из

вполне понятных опасений он до последней возможности держал эту сотню подле себя, под своим непосредственным надзором. Но сомнения были напрасны. Новые унгерновцы дрались, как львы (по выражению подполковника Островского). Никто из них не перешел обратно к красным. В то же самое время сильно вырвавшийся вперед дивизион Слюса открыл ружейный и артиллерийский огонь в тыл противника, а два взвода пушкаревской сотни поднялись до полугоры в горловине пади Дзун-Харьястай. Красные были сломлены и наконец-то побежали врассыпную, побросав пулеметы и обоз.

Бой в урочище Будун тянулся до вечера. В сумерках, когда остатки разбитых полков скрылись в глубине пади, из той же смежной пади, откуда утром выходила конная группа, отбитая огнем батареи поручика Балка, показалась крупная пехотная часть. Можно думать что она должна была появиться на сцене несколькими часами раньше и нанести сокрушительный удар по нашему флангу и тылу, чтобы прижать к реке. Сотник Слюс повернул своих казаков на 180 градусов и открыл огонь по этой красноармейской части с близкой дистанции. Обходная колонна не ожидала, что у самой горловины пади она нарвется на унгерновцев. От внезапности она смешалась и быстро укрылась в свою падь. Нашими трофеями оказались пленные, пулеметы и обоз, в котором нашелся драгоценный груз в виде нескольких лазаретных двуколок с перевязочными материалами и медикаментами. В горловине пади Дзун-Харьястай стояли 4 полевых пушки с порубленными постромками. Нам они не подходили ни с какой стороны. Поэтому мы оставили их на месте со спокойной совестью. Пленные показали, что советское командование было убеждено в победе. Большевики не сомневались в том, что потопят нас в Селенге. Но опоздание некоторых частей — артиллерии и обходной колонны — спутало их карты.

После боя у Будуна красные потеряли активность на левом берегу реки Селенги и на целый месяц оставили нас в покое. Ночью подполковник Островский отошел от пади Дзун-Харьястай. Он повел бригаду на юго-запад, вверх по р. Селенге, мимо озера Цаган-нур, Цацына, хурэ Номын-хана, Хулустена, нашей пасхальной стоянки и хурэ Барун-Дзасака, делая небольшие переходы, с продолжительными кормежками, чтобы поправить конский состав. 20 июня бригада подошла к мосту, который наши саперы построили у Ергина, верстах в 5–6 выше хурэ Барун-Дзасака (165–170 верст от Будуна). К этому времени генерал почти оправился от раны.

21 июня он перевел 2–й полк на правый берег реки Селенги с

целью произвести глубокую разведку в сторону Троицкосавска, потому что у него не имелось сведений ни о бароне, ни о размерах красно — партизанского движения среди монголов на той стороне реки. По выполнении задачи, 25 июня полк возвратился на левый берег.

В подтверждение давно уже поступивших через монголов темных слухов о поражении барона под Троицкосавском, Резухин получил письмо, в котором “дедушка” извещал о своей неудаче и о том, что он недели через две подойдет к нашему мосту.

27 июня бригада выступила вверх по реке Селенге и вплоть до 11 июля кочевала вдоль берега этой реки по падям левых ее притоков. Сравнительная монотонность этого периода жизни резухинской бригады разнообразилась строевыми и тактическими занятиями, а также ежедневными налетами одного — двух советских аэропланов, которые старались нам досаждать. Те дни ассоциируются с представлением о просторных зарослях, дававших укрытие от нескромных взоров вражеских авиаторов. Невольно также вспоминаются серо-синие волнистые дали, открывавшиеся с перевалов, и печально — прекрасные глаза молодой косули, пойманной во время полкового учения. Один из дней, а именно 6 июля врезался в память по причине поразительных гаданий, совершенных во 2–м полку. Об этом гадании — в другой главе.

Пока же позволяю себе отвлечь внимание читателя от последовательного изложения событий разбором рейда генерала Резухина. Рейд генерала Резухина следует рассмотреть, прежде всего, в связи с общим стратегическим планом барона, а затем — с точки зрения выполнения генералом его отдельной задачи. Барон изложил свой стратегический план в приказе № 15 от 21 мая 1921 г. В основных чертах он сводится к следующим положениям:

1) В Приморье и возле ст. Маньчжурия наступают войска атамана Семенова.

2) На станицу Мензинскую и дальше на Петровский завод идет Тубанов.

3) Барон с главными силами берет направление на Верхнеудинск через Троицкосавск.

4) Генерал Резухин движется параллельно с бароном по левому берегу реки Селенги до Татауровского моста Забайкальской железной дороги.

5) Полковник Казагранди вторгается через п. Модонкульский Цакирской станицы и должен прорваться к ст. Култук Кругобайкальской железной дороги, чтобы захватить тоннели.

6) Из Улясутуя через Урянхайский край наступает через

Минусинск на Красноярск атаман Енийсейского казачьего войска Казанцев.

7) Есаул Кайгородов из Кобдо захватит Алтай и начнет развивать дальнейшие успехи в Западной Сибири при поддержке казаков Сибирского войска, в направлении Семипалатинска и Омска.

По поводу этого плана ничего не скажешь иного, как только, что он поистине грандиозен, так как от Маньчжурии до Кобдо 3000 верст. Что же мог сделать барон Унгерн, и какими силами он располагал для осуществления своих колоссальных замыслов?

Вследствие отсутствия у барона штаба, средств связи и по некоторым личным причинам, его директивы подчиненным начальникам ограничивалось лишь рассылкой по гарнизонным стоянкам Монголии приказа № 15, в котором имелись распоряжения лишь самого общего характера. Генералу Резухину, Тубанову и Казагранди он дал кое — какие дополнительные указания и назначил приблизительные сроки для того, чтобы выступление этих групп носило согласованный характер, а именно: он приказал им вторгнутся на русскую территорию 1–2 июня и идти по казачьим станицам. Остальные начальники секторов (по терминологии приказа № 15) — Канзанцев и Кайгородов — были инструктированы еще меньше. Казанцев, например, почти не имел никакой связи с бароном, отделенный от него тысячеверстной пустыней. Относительно же Кайгородова в конце июня 1921 г. выяснилось, что тот вообще отказался подчиняться Унгерну.

Таким образом, весь план барона основывался на его вере в солидарность с ним Сибири и Забайкалья. Барон Унгерн был твердо убежден в том, что к нему потекут тысячи добровольцев, стоит, дескать, лишь ему самому или кому-нибудь из его подчиненных выйти на русскую территорию. Барон был до безумия отважен и решителен, но наивным его назвать нельзя. Ясно, что он не предполагал сокрушить большевизм своими собственными силами, к тому же раздробленными на маленькие самостоятельные группы. Он знал, что в одной ведь только 5–й армии, в Забайкалье, насчитывалось в то время до 30000 бойцов.

Состав бароновских отрядов был приблизительно следующий. В отряде Туба- нова три сотни; у барона — бригада 1500–1600 всадников; бригада Резухина (около 2500 всадников); “бригада” из 4 сотен у Казагранди; человек 170 у Казанцева. Если сюда присоединить проблематичного Кайгородова с его 200 инородцев-алтайцев, то получалась общая цифра в 5000 бойцов первой линии[28]. Кроме того, барон имел наскоро сформированный монгольский полк из шести сотен есаула

Ванданова (посланного в Улясутай) и, как главнокомандующий монгольскими войсками, располагал некоторыми силами территориальной милиции, находившейся в ведении хошунных князей. После неудачной попытки прорваться в Забайкалье через Троицкосавск, барон честно осознал свои ошибки и обвинял только лишь одного себя.

Обратимся же теперь к операциям генерала Резухина. “Идти по казачьим станицам до Железнодорожного моста через Селенгу, у д. Татаурово и двигаться параллельно”, — таковы были инструкции барона генералу Резухину. Эту формулу лучше было бы прочесть так: “Моей задачей является посильная помощь барону в основной операции — захвате Троицкосавска, и что только успешность операции барона определяла внедрение моей бригады внутрь Забайкалья”. Резухин полагал достаточным привлечь на себя возможно больше сил и внести расстройство в глубоком тылу противника, чтобы считать свое задание выполненным на полный балл. При всех своих прекрасных качествах генерал Резухин не мог отрешиться от привычной психологии начальника конно — партизанского отряда, каковым он был на Русско — германском фронте.

Партизанскую задачу он, действительно, выполнил блестяще, а армейскую — в весьма слабой форме. Прежде всего, Резухин выбрал неудачное направление для удара. Вероятно, выгоднее было бы прорываться возле берега Селенги, например, на станицу Цаган-Усунскую[29].

В том пункте, правда, стояло не менее батальона пехоты, но, с другой стороны, именно из этого района 6 июня красные перебросили в Троицкосавск спешно собранный ими полк, решивший судьбу боя на правом берегу реки.

Если же генерал Резухин нашел для себя более приемлемым прорвать первую линию советских войск у Боссия, всего правильнее было бы ему расширить прорыв вправо, в сторону Троицкосавска, чтобы так легче связаться с бароном. Странно, что и сам Унгерн и офицеры его отряда во время боя под этим городом жаждали увидеть Резухина возле берега реки. Пока противник подтянул бы подкрепления из второй своей линии (в 50–60 верстах от границы), за двое суток, при свойственной нам предприимчивости, можно было создать у большевиков впечатление о серьезности наших намерений и, во всяком случае, осложнить вопрос о переправе советских войск на Усть-Кяхту. Резухин устремил удар, в сущности, в пустоту. Его движение — кишкой на 90–100 верст вглубь советской территории — не нанесло существенного удара противнику, но собственный отряд поставило в весьма опасное положение.

ГЛАВА XIX

С наступлением весны 1921 г. вполне определились успехи красно — партизанского движения в секторе, тяготеющем к Троицкосавску. Неспокойно также было и на западе от Урги, где в Улясутайском и Кобдосском районе замечено было брожение, направленное против барона Унгерна. Проникшая туда из Сибири пропаганда большевизма нашла благоприятную почву для своего развития среди монголов, а также и у русских колонистов. Успех красной пропаганды в Улясутае объяснялся не только одними не политичными действиями унгерновского губернатора атамана Казанцева[30].

Чрезвычайно испортил там репутацию барона его контрразведчик капитан Безродный, который, пользуясь полной неприкосновенностью, творил “Шемякин суд”, ничем не прикрытые убийства и ограбления (см. книгу “Черный год” Носкова).

Перед тем, как в Улясутай прибыли бароновские эмиссары: полковник В. Н. Дорожиров[31] с отрядом в 15 человек, а также Казанцев и Безродный, многострадальная русская колония понесла большие жертвы во время восстания прежнего китайского гарнизона. Уцелевшие от безродновских и китайских избиений колонисты впоследствии перебиты были монголами унгерновского полка войскового старшины Ванданова в момент перехода их на сторону так называемого Народно-революционного правительства Монголии.

Барон Унгерн, вторгшийся в Монголию с целью пройти через Ургу на Троицкосавск, чтобы поднять антисоветское восстание, ни на минуту не оставлял этой основной своей мысли несмотря на то, что крупнейшие события отвлекли его в сторону от прямого пути. В предвидении, что задуманный “крестовый поход” может окончиться неудачно, он очень рано, с марта месяца 1921 г. начал готовить для Богдо и правительства новую резиденцию, которая заменит Ургу в том случае, если он потерпит поражение под Троицкосавском. Его внимание привлек Улясутайский округ. В то время, как Урга будет тотчас же поставлена под прямой удар противника после отступления от Троицкосавска и, без сомнения, станет легкой добычей красных, хотя бы вследствие своей топографической доступности и близости к советской границе, Улясутай, казалось, мог бы еще держаться, так как он удален от Урги на целую тысячу верст и отделен от Сибири громадным пространством дикого, гористого

Урянхая.

В этих видах барон отдал под контроль Казанцева обширную территорию, простирающуюся от Урги на запад чуть ли не до Кобдо, и представил ему самые широкие полномочия, полагая, что Казанцев сумеет создать там оплот, куда при случае можно укрыться. Отпуская из Урги Казанцева, барон бросил ему следующую фразу: “Ну, прощайте, а может быть, до свиданья! Если у меня ничего не выйдет здесь (Троицкосавск), то я приду к Вам. Вместе пойдем через Урянхайский край в Красноярск”. В мае месяце барон послал в Улясутай монгольский полк Ванданова, что являлось следующим шагом в том же направлении.

Далее требовалось перевести в Улясутай правительство и самого Богдо-хутухту. Но это было не так то просто, потому что в Монголии политика тесно переплеталась с религией. Разве мыслимо было без какого-нибудь чрезвычайного давления оторвать Богдо от всех главных святынь? Ведь это не только отразилось бы на его бюджете, но и нанесло бы ущерб его божественному авторитету. Да и во имя чего, спрашивается, побежит старый, почти совершенно слепой Богдо со всеми чадами и домочадцами из своего насиженного священного Огурда-Гадзара в неуютный Улясутай?

Для монголов того времени красные и белые в одинаковой степени являлись русскими людьми, а кто из русских лучше, кто хуже, и из-за чего они между собой дерутся — едва ли эти вопросы были доступны монгольскому пониманию. Богдо-гэгэн и политически мыслящие монголы-националисты готовы были дороже расценивать ту русскую политическую группировку, которая более способна в каждый данный момент защищать монгольскую государственность от каких бы то ни было посягательств со стороны поработителей — китайцев. С этой точки зрения, конечно, лучшей из двух враждующих русских партий являлась для монголов та сторона, которая окажется на положении победителя. Но эта концепция слишком поздно проникла в сознание барона — когда все уже было потеряно для него в Монголии. В свое время он не приложил достаточных усилий к тому, чтобы закрепить за собой горячие симпатии монгольского населения, а также не заботился подвести какую-нибудь понятную, хотя бы для грамотного монгола, идеологию под свою политическую платформу — борьбу с русским коммунизмом и социализмом вообще.

Затронутые вопросы о взаимоотношениях между бароном и Монголией не могут быть изложены во всей полноте в настоящей главе. Но думается, что приведенных соображений вполне достаточно, чтобы объяснить, почему, именно, барону

совершенно не удалась сделанная им перед выходом на Троицкосавск попытка перевести в Улясутай хутухту и правительство. Накануне отъезда из Урги, барон Унгерн вручил своему помощнику по хозяйственной части, В. К. Рериху, текст прощального письма Богдо-гэгэну, с приказанием перепечатать на машинке (почерк барона с трудом поддавался чтению) и отдать для перевода Жамболону. Последний же должен был передать этот документ в руки Богдо точно через сутки после выезда барона из города.

В совершенно корректной форме и с соблюдением обычного этикета барон высказывал Его Святейшеству рад горьких истин и предупреждений. Барон напоминал хутухте о своих заслугах перед Монголией, а именно, об освобождении страны и установлении в ней порядка и спокойствия; указывал, что он, барон Унгерн, восстановил Монголию, как царство, и короновал Богдо-гэгэна. Не слишком ли скоро все это забылось? “Я неоднократно слыхал от Вас слова о том, что Ваше положение обязывает Вас к непротивлению злу. Теперь я понял, что под этими красивыми фразами Вы прятали от меня Ваш переход в красный лагерь, Вы изменили свое отношение ко мне и к тому делу, за которое я борюсь. Берегитесь! Вы скоро погибнете от руки большевиков и погубите страну. Мне не остается иного выхода, как покинуть пределы Монголии. Я возвращаюсь на русскую территорию”28.

Военная и политическая обстановка вынудила барона заблаговременно перевести дивизионное интендантство с реки Барун-Тэрэлдж (50 верст от Урги) в сравнительно менее опасный район. Таким местом, по справедливости, считалось тогда лишь расположение генерала Резухина на р. Селенге, потому что тот район тщательно наблюдался, и там имелись достаточные силы. В конце апреля 1921 г. интендантство оборудовало обоз в количестве 1500 бычьих и верблюжьих подвод и 1000 вьючных верблюдов. Эти транспортные силы подняли интендантский груз и в мае месяце доставили его на Селенгу. Интендантство разместилось в одной из живописнейших падей, на правом берегу реки верстах в пятнадцати выше моста. Здесь барон намечал соединение обеих бригад на случай неудачи под Троицкосавском и отсюда, как мы скоро увидим, он отправился в свой последний поход.

ГЛАВА XX

Во второй половине мая месяца 1921 г. барон Унгерн отдал своим боевым частям приказание выступить из Урги на север, с целью перенести военные действия в русские пределы.

Первым вышел отряд сотника Тубанова, который ловко выкрал Богдо-гэгэна. Тубанов, имевший три сотни — чахарскую, китайскую и монголо-бурятскую — получил от барона инструкцию взять станицу Мензинскую (220 верст на юго-восток от Троицкосавска и почти столько же на северо — северо-восток от Урги). Ввиду того, что к этой станице нет колесных дорог со стороны Монголии, а также что по русской территории в мензинском районе нельзя ездить в повозках, Тубанов взял лишь легкий исключительно вьючный обоз и минимальное количество пулеметов. Станица была занята без боя. Тубанов объявил в ней мобилизацию, давшую ему одну сотню из местных казаков. С этими скромными силами он выступил из Мензы на север, потому что, в соответствии с приказом № 15, должен был развивать наступление на Петровский завод (в 10 верстах от станицы).

Возлагая такое сложное задание на Тубанова, барон строил расчет, конечно, не на силы подчиненного ему отряда, а на вооруженную поддержку казачьего населения. Из этого предприятия, к сожалению, ничего не вышло, так как примыкают только к сильным: Тубанов был разбит девееровцами неподалеку от Мензы, после чего ушел в Маньчжурию с несколькими десятками всадников, а его отряд разбежался.

Географическим пунктом, куда барон Унгерн направлял свой главный удар и, таким образом, ключом всего стратегического плана являлся город Троицкосавск. Город расположен в котловине реки Кяхты, в 3–4 верстах от русско-монгольской границы и 27–30 верстах к востоку от реки Селенги. Троицкосавск почти соединился теперь с некогда самостоятельным городом Кяхтой, стоящим на самой границе. В полуверсте от Кяхты, на монгольской территории находится китайский город Маймачен. С запада и юга от Троицкосавска лежит песчаная степь, местами закрытая жалким травянистым покровом, а с севера и востока он охвачен полукольцом лесистых гор.

Для овладения этим городом и для развития дальнейших операций на Верхнеудинском направлении барон вывел из Урги все наличные силы, оставив лишь монгольское военное училище, комендантскую команду Сипайлова, интендантские мастерские и лазарет. В отряд барона вошло 20 сотен довольно слабого состава

(от 60 до 65 всадников в каждой) при 7 орудиях и 20 пулеметах. Из указанного числа 2 сотни составляли отдельный казачий дивизион сотника Нечаева, далее шли 3 русские сотни не казачьи, 2 бурятские, 1 башкирская и 1 татарская, 4 китайских, 3 монгольских, 2 тибетских и 2 чахарских. Главные силы, выступившие из Урги 20 мая под командой полковника Парыгина через деревню Мандал, прииск Дзун-модэ, через долины рек Харагол и Шара — гол и прииск Куйтун, должны были выйти к заимке Карнакова на реку Иро, где намечался сбор всех частей перед началом операции. Лишь один чахарский дивизион пущен был бароном по тракту Урга — Троицкосавск.

Из приведенного маршрута видно, что барон вел отряд параллельно с трактом. Этим маневром, с одной стороны, обеспечивалась скрытность движения, а с другой — хорошие корма для лошадей. Барон Унгерн догнал отряд на автомобиле и сразу же в пути занялся реорганизацией своих частей. Он сформировал два полка: 1–й конный полк полковника Парыгина и 4–й — войскового старшины Маркова. В состав 1–го полка барон включил 1 башкирскую, 1 русскую и 4 китайских сотни, а 4–й полк составил из 2 русских, 1 татарской и 2 бурятских сотен. Остальные сотни числились, как отдельные дивизионы: Нечаевский, Монгольский Бишерельту-гуна, Тибетский и Чахарский.

Чахарский князь Найден-ван решился на сепаратный налет на Маймачен по соображениям, не имеющим ничего общего с воинской доблестью. Воспользовавшись тем, что находился на тракте, вне поля зрения барона, 3 июня утром он сбил девееровскую заставу Сретенской кавбригады на первом от Троицкосавска уртоне Ибицык, а затем на хвосте у нее ворвался в город Маймачен. В упоении от своего блестящего успеха, чахары с полным самозабвением отдались родной стихии — грабежу. Но в 14 часов того же дня они были с треском выбиты из Маймачена, причем Найден-ван получил ранение, а его помощник попал в плен. Тем не менее, за короткий срок своего хозяйничанья чахары проявили столько разбойничьей распорядительности, что, в буквальном смысле слова, превратили в развалины то, что было еще не закончено в марте месяце китайскими солдатами. Молодцы Найден- вана перебили всех жителей — китайцев, которые не успели убежать в Троицкосавск. Путешественник П. К. Козлов в 1923 г. записал в путевом дневнике: “После унгерновского (следует читать — китайского и чахарского) разгрома Маймачен стоит в развалинах и совершенно покинут жителями”.

Чахары отхлынули от Маймачена в полнейшем беспорядке,

потому что Сретенская бригада обошла их со стороны Монголии. Своим паническим видом они произвели крайне невыгодное впечатление на подошедшие к тому времени к Ибицыку унгерновские части. 4 июня барон тут же на Ибицыке отдал чахарам весь остаток полноценного ямбового серебра и отправил их в Ургу, якобы на формирование. В действительности же он, к общему удовольствию, прогнал их от себя. Не задерживаясь в Урге, чахары ушли на родину.

Что же касается собственно унгерновских войск, то они 3 июня, дойдя до Кар- наковской заимки, разделились на две группы. 4–й полк, монголы, тибетцы и один китайский дивизион вышли на тракт к Ибицыку, где и расположились в ожидании дальнейших распоряжений. Вторую группу барон повел в Кударинскую станицу (50 верст на восток от Троицкосавска). С ним шел 1–й полк и дивизион сотника Нечаева, составленный из кударинских казаков. В тот же день станица была занята без боя.

На следующий день, 4 июня барон ускакал из Кудары, предварительно приказав полковнику Парыгину вести полк и Нечаевский дивизион в поселок Киранский (20–25 верст от Троицкосавска) и там ожидать подхода остальных частей бригады. Вследствие странного, на первый взгляд, похода на Кудару, Унгерн потерял два драгоценных дня — 3 и 4 июня, и лишь 5 июня подошел к Троицкосавску.

Если припомнить, что все казаки — перебежчики из Забайкалья и кударинцы, в частности, внушали Унгерну уверенность в возможность быстро поднять противоположное восстание — стоит, дескать, барону выйти на русскую территорию, и что он взял с собой влиятельного местного казака Нечаева, то можно найти правдоподобное объяснение для такого непростительного промаха, как “сложное фланговое движение” на Кударинскую станицу. Вероятно, понятно и без объяснений, что барон добровольцев не получил, а от мобилизации отказался по принципиальным соображениям…

Разочарованный в кударинцах и крайне раздраженный этой первой открытой неудачей, барон под вечер 4 июня прискакал на Ибицык. Здесь он пришел в состояние совершенной ярости, когда узнал о бестолковой самовольной вылазке чахар, нарушавшей все его планы. В первую очередь, “дедушка” налетел на командира полка Маркова. На долю последнего “отломилось” (употребительное выражение в дивизии) немало ташуров — за остановку на плохом корму и за чахар. В той или другой степени крепко влетело всем, кто имел несчастье подвернуться под руку грозного начальника дивизии. Трудно было в тот момент понять, что именно ставил барон в вину Маркову — то ли, что не удержал

чахар, или же то, что своевременно их не поддержал. Удержать чахар от авантюры Марков не мог, но, правда, не очень много и сделал в смысле выручки их из трудного положения. Когда Марков вышел на тракт и узнал о продвижении чахар в Маймачен, он послал вслед за ними бурятский дивизион Галданова; последний же не проявил никакой распорядительности и до Маймачена не доходил.

5 июня барон Унгерн обошел Троицкосавск. Его части расположились полукольцом на сопках с севера, востока и юго-востока от группы трех городов: Троицкосавска, Кяхты и Маймачена, причем правым флангом унгерновцы касались тракта на Усть-Кяхту и Верхнеудинск, а левый находился в двух — трех верстах к югу от Маймачена. Своим маневром Унгерн отрезал гарнизон от сообщения с базами.

5 и 6 июня в Троицкосавске чувствовалась растерянность, потому что до вечера 6 июня там находились лишь девееровцы в количестве 500 сабель Сретенской кавбригады, 250 штыков пехоты, около 700 необученных, плохо вооруженных монголов Сухэ-Батора и всего только 2 конно-горных орудия. Барон, вероятно, переоценивал силы противника. Но и враги, в свою очередь, чрезвычайно преувеличивали численность бароновских войск — они полагали, что барон привел 3500 всадников, тогда как в действительности у него было около 1500 человек. В своих исчисленьях девееровцы исходили из длины линии нашего фронта, растянутого на 12 верст. На самом же деле войска барона имели сколько-нибудь сосредоточенное положение лишь на 4–верстном участке против северо-восточного и восточного фаса города Троицкосавска.

По совершенно непонятным соображениям барон начал бои за обладание Троицкосавском вяло, как-то неуверенно, то есть в несвойственном ему стиле. Чем это объяснить? Может быть отсутствием у него соответствующего настроения?

Ночью с 5 на 6 июня барон производил личную разведку, в которую ездил вдвоем со штаб-ротмистром Забиякиным. Они проникли вглубь расположения противника и выяснили, что девееровцы отошли на последний перед городом кряж. Эта ночь протекла в подготовке к прыжку на притаившегося противника, с одной стороны, и в тревожном прислушивании, не подходит ли помощь от Усть-Кяхты — с другой.

Утром 6 июня загремели выстрелы по всему фронту наступления. Барон направил удар на северо-восточную окраину города Троицкосавска. Девееровцы за ночь перегруппировались. Сретенская бригада ушла в Кяхту, и оттуда в продолжение всего этого дня вела повторные атаки на левый фланг унгерновских

войск. На смену им подошли пехотные части и монголы — партизаны, на долю которых выпала нелегкая задача защищать северо-восточный участок их линии обороны. На этом участке унгерновцы успешно продвигались по направлению к городу. В 17–18 часов 6 июня русский дивизион 4–го полка под командой Забиякина сбил противника с последней позиции и подошел вплотную к окраине Троицкосавска. С сопки Забиякин рассмотрел, что солдаты митинговали на площади. Не трудно было догадаться, что они обсуждали вопрос о сдаче города. Он тотчас же доложил обо всем барону через штаб-ротмистра Частухина и просил разрешения войти в город. Но барон приказал оставаться на месте. Характерен для барона ответ, который он дал Забиякину, лично прискакавшему к нему с вторичным докладом о том же самом: “Я на митинги не хожу, и тебе не советую”…

Итак, еще один, при этом последний день потерян… С наступлением темноты из Усть-Кяхты прорвался в город переправившийся с левого берега Селенги один из полков 35–й советской дивизии. Иными словами, гарнизон увеличился на 1500 штыков, с пулеметами и полковой артиллерией. Красноармейцы оттеснили монгольский дивизион, охранявший тракт, и восстановили нарушенное бароном сообщение с Усть-Кяхтой.

Ночь с 6 на 7 июня “дедушка” спал в сотне Забиякина, на одной из сопок во втором ряду гор. На рассвете он проснулся, осмотрелся, прислушиваясь к звукам редкой и далекой стрельбы, и приказал идти в наступление. Отдохнувшие за ночь русские и мусульманские части бодро бросились в бой и вновь дорвались до самой околицы города. Но тут они были встречены энергичным пулеметным и артиллерийским огнем и отхлынули на сопки. В 7 часов утра красноармейцы повели ожесточенные контратаки против нашего правого фланга со стороны города и Усть-кяхтинского тракта. Невзирая на значительное численное превосходство красных, все атаки отбивались, и к 12 часам активность их иссякла. Этот пятичасовой бой не дал противнику решительного успеха, по причине особой энергии командиров некоторых сотен, а также и пулеметчиков. Сотни и пулеметная команда метались по фронту, то с целью усилить стрелковую цепь в каком-нибудь слабом пункте, то чтобы восстановить только что утраченное положение контратакой и, выполнив одну задачу, сразу же вновь скакали в другой угрожаемый район.

Барон Унгерн прилагал максимальные старания к тому, чтобы вовремя лично поспевать повсюду, желая сохранять возможный контроль над боевыми действиями. С 12 до 16 часов

обе стороны отдыхали. Каждый из противников производил в эти часы перегруппировки, в соответствии со своими дальнейшими планами, под прикрытием ружейной и артиллерийской перестрелки. В 16 часов Унгерн первый перешел в наступление. Дважды он лично водил свои сотни на занятые противником высоты восточного фаса обороны города, но обе эти попытки успеха не имели.

В 19 часов 7 июня красные повели наступление на наш левый фланг. Они незадолго перед тем получили из Усть-Кяхты свежее подкрепление, в виде двух батальонов пехоты и 4–орудийной батареи. На этом участке бой гремел до наступления темноты. Доблестный полковник Парыгин отбил все атаки, вероятно, со значительными потерями на стороне противника. Ночью окрестности города затихли. До рассвета не раздалось ни одного выстрела.

Но для нас, превратившихся за истекший день из нападающей стороны в обороняющуюся, в этой затаившейся тишине вырастали тревожные призраки. Вместе с туманом они ползли из падей вверх по склонам занятых нами гор. Мы чувствовали, что активность противника повышается и предвидели большие осложнения в самом недалеком будущем. Начальник троицкосавского гарнизона правильно рассудил, что лобовыми атаками барона разбить трудно, во всяком случае, это стоило бы больших жертв. Для облегчения своей задачи он решил прибегнуть к диверсии в наш тыл Сретенской бригады с двумя горными орудиями. Под покровом темноты сретенцы прошли хорошо знакомыми им глубокими лесистыми падями через наш слабо охраняемый юго-восточный участок фронта и заняли улус Аршан — Суджи.

Этим маневром красные отрезали единственную дорогу на юг, на Карнаков- скую заимку, которая шла именно через падь Суджи (тракт на Ургу красные могли в любой момент закрыть). Сложившиеся положение было чрезвычайно опасно для барона, но само по себе далеко еще не убийственное, потому что Сретенская бригада имела в своих рядах не более 400–420 бойцов. Трагедия заключалась в том, что появление красных кавалеристов в нашем тылу явилось полнейшей неожиданностью для всех чинов унгерновского отряда.

Последний акт троицкосавской трагедии начался тем, что 8 июня советские войска повели энергичное наступление на наш левый фланг, со стороны Ургинского тракта, силами полка пехоты. На северном и восточном участках они ограничивались перестрелкой. Унгерновцы стойко оборонялись и барон, видимо, комбинировал в голове какой-то контрманевр. Но около 8 часов

все быстро изменилось после того, как сретенцы открыли из своей засады артиллерийский и ружейный огонь по нашему обозу. В тылу поднялась паника. Обозники порубили постромки повозок и устремились через сопки на юг, без дорог, по кратчайшему направлению. В разбросанных по отдельным вершинам и не связанных между собой сотнях создалось представление, что мы окружены: помилуйте, глубоко в тылу гремит неприятельская артиллерия. Красноармейцы учли наше неустойчивое состояние духа и с удвоенной силой перешли в общее наступление по всему фронту. Унгерновцы начали отходить…

На некоторых участках отступление приняло беспорядочный характер, но большинство сотен и пулеметчики отходили с боем. В момент катастрофы барон находился в центре своего расположения, возле артиллерийского дивизиона. Возможно, что он принял бы меры к тому, чтобы спасти часть пушек, но получение им слепого ранения в седалищную часть туловища — ранения легкого, но весьма болезненного, отняло у него на время всю энергию.

При отступлении от Троицкосавска мы побросали 6 орудий, несколько пулеметов, весь обоз, денежный ящик, икону Ургинской Божией Матери, до 400 голов рогатого скота, а также всех убитых и раненых. Пленными мы потеряли 100 человек, по преимуществу монголов и китайцев. Невзирая на всевозможные “страсти” в виде обхода, паники и прочего, русские сотни понесли в боях и при отступлении сравнительно ничтожные потери.

Героическим усилием воли барон Унгерн заставил себя после ранения самостоятельно сесть на коня. Когда же он выскочил из опасной зоны, то приказал помочь ему сойти с седла. Выглядел тогда барон, как тяжело больной, осунулся, совершенно пожелтел, и после перевязки с полчаса лежал без движения. “Носилки начальнику дивизии… Подать носилки…”, — слышались голоса. Но барон отказался от носилок. Он поехал верхом. Всего лишь три дня он позволял себе роскошь садиться на коня и слезать с помощью вестового. Унгерн проклинал свою рану — и не только потому, что она лишила его необходимых сил в самый критический момент: он считал подобное ранение оскорбительным для офицера. “Лучше бы меня ранили в грудь, в живот, или куда угодно, но не в это позорное место”, — говорил он не раз в первые дни после Троицкосавска.

Чтобы совершенно закончить повествование о злосчастной бароновской ране, позволю себе передать рассказ доктора Рябухина, которого “дедушка” вызвал к себе тотчас после соединения с бригадой генерала Резухина. Доктор нашел рану

барона в порядке и предложил извлечь пулю, которая отчетливо прощупывалась возле позвоночника. Барон в ужасе замахал руками:"Что Вы, что Вы," — воскликнул он — "я ужасно боюсь боли и упаду в обморок от одних приготовлений к операции".

Немного осталось теперь добавить к изложенному драматическому эпизоду. При отступлении унгерновцы разделились на три группы: некоторые сотни шли через сопки в обход пади Суджий и вышли на Карнаковскую заимку: другие отходили с боями на Ибицык параллельно с трактом, а третьи, стоявшие на правом фланге, вынуждены были обогнуть Троицкосавск с запада между городом и рекой Селенгой. Эта последняя группа с боем пробилась через речку Бурэн-гол (в 16 верстах на юг от Кяхты) и благополучно, без потерь присоединились к бригаде на уртоне Ибицык.

При разборе троицкосавской операции барона Унгерна, прежде всего, поражает то обстоятельство, что он не воспользовался блестящей возможностью заблаговременно выслать своих разведчиков вперед, в самый Троицкосавск, для получения точной информации о силах противника. Только этим можно объяснить осторожные, почти медлительные действия барона 5 и 6 июня. Если бы он знал, что в гарнизоне находиться только 650 русских солдат, то неужели он не налетел бы на них в самом лучшем партизанском стиле? Барон Унгерн имел свою собственную логику.

Казалось бы, все надежды на успех в борьбе с коммунистами он возлагал на поддержку казачьего населения. Мысль эта находит подтверждение в том, что он не пошел сразу на Троицкосавск, а направился в Кударинскую станицу, потому что сотник Нечаев и другие кударинцы обещали барону сразу же выставить целый полк, обнадеживая его, что у них все уже заранее подготовлено, и добровольцы тотчас же вступят в ряды унгерновцев, когда барон появится в станице. После же того, как "дедушка" лично убедился в неосновательности подобных заявлений, а из расспросов местных жителей удостоверился во вздорности проникавших в Монголию слухов об антибольшевистских восстаниях в Забайкалье, у него должно было бы отпасть главное основание к захвату Троицкосавска — надежда вызвать этим актом новое местное восстание против Советской власти. Тем не менее, барон идет из Кудары на Троицкосавск и три дня дерется за обладание городом.

Вероятное объяснение такого расходящегося с логикой образа действий барона кроется в том, что, помимо свойственного ему спортивного интереса к битве, он желал захватить в городе оружие и интендантские запасы, а также и раздобыться

некоторым количеством необходимой ему валюты. Что же касается самих боевых действий, то они велись в характерном для Азиатской конной дивизии “эпизодическом” стиле. На 12–верстном фронте, в крайне пересеченной местности, без средств связи, без штаба, барон не мог сделать большего, что доступно силам одного человека. Бой шел почти без всякого управления, по инициативе командиров сотен.

Отсутствие штаба не давало себя остро чувствовать в борьбе с китайцами, но тотчас же проявилось в самой неприятной форме, как только барону пришлось столкнуться с первым до известной степени организованным противником. И в Урге у барона не было Штаба. Сидел там за штабным столом помощник присяжного поверенного Ивановский. Но это лицо могло именоваться начальником штаба лишь в весьма относительном смысле слова. Если после печального для него опыта барон вскоре завел подобие штаба из военных специалистов, то все же начальники его штаба, по справедливости, могли считать себя лишь хорошо грамотными писарями и, в лучшем случае, офицерами для составления сводки сведений по войсковой разведке, или же для экстраординарных поручений. Все операции барон вел самостоятельно, и чаще всего действовал без предварительной подготовки.

Его оригинальная логика ярко проявилась также и в вопросе о добровольцах. В той же самой Кударе станичный сход заявил, что казаки готовы пойти с бароном добровольно, но требуют лишь некоторой гарантии неприкосновенности их семей на случай большевистских репрессий, в виде приказа о мобилизации (они, дескать пошли под угрозой оружием). Барон Унгерн категорически отказался от такого компромисса: “Или ступайте добровольцами, или же мне вас не нужно”, — заявил он казачьей делегации. Вследствие решительного отказа от мобилизации, ни к барону, ни к Резухину пополнений так и не поступило, несмотря на явное в иных местах сочувственное отношение к ним. Барон Унгерн искренне считал, что если он с жертвенным жестом протягивает руку братской помощи казачьему населению, жаждущему освобождения от Советской власти, то никто не имеет права отказаться от принятия этой жертвы. Он верил, что повсюду “найдутся честные русские люди” (терминология приказа № 15), готовые бескорыстно встать под его знамена, для самозабвенной борьбы против поработителей — большевиков.

Из нашего “прекрасного далека” давно уже стало видно, что барон не имел в то время реальных оснований думать таким образом, потому что русские люди в 1921 г. еще не “переболели” большевизмом. В тот год многие политики разделяли

заблуждение барона Унгерна об антисоветских настроениях среди казаков и крестьян. Несомненно, что под Троицкосавском барон получил жестокое разочарование в своих возможностях. Он убедился, что его “я со своими монголами дойду до Лиссабона”, как заявил он в Урге генералу Комаровскому, на практике не осуществимо.

ГЛАВА XXI

Противник почти не оказывал давления при нашем отходе от Троицкосавска. Часть 1-го полка, правда, подверглась на тракте преследованию красного монгольского отряда Сухэ-Батора, но на хребте севернее Ибицыка монголы были основательно потрепаны, после чего отказались от дальнейшей погони.

Раздробленная при отступлении бригада барона стягивалась к Карнаковской заимке и уртону Ибицык. В то время, когда раненый барон в крайнем раздражении, может быть даже, почти в отчаянии, метался от одной своей части к другой, собирая и организуя выходившие вразброд сотни, к нему прибыл с докладом комендант города Урги, скверной памяти подполковник Сипайлов.

Если считать, что кто-нибудь, например, генерал Резухин, являл собой идеальный лик Азиатской конной дивизии, то Сипайлов олицетворял оборотную сторону того самого лица и вообще всего дела барона Унгерна. Отрицательная сторона вооруженной борьбы с ее жесткостью, хитростью и озлоблением соответственно преломились у Сипайлова: хитрость — в мрачное коварство, жестокость — в садизм, а озлобление — в кровожадность. Этот моргающий, подслеповатый урод продолжительное время пользовался большим доверием барона, который знал, что люди, подобные Сипайлову, находятся во вражде с окружающей средой, почему у них, по мнению барона, никогда не могло явится оснований что-либо утаить от своего начальника. Как верный пес, такой человек уцепится в горло каждого, на кого укажет ему хозяин.

Позволяю себе остановиться на такой специфической фигуре, как Сипайлов, только потому, что многое из области, так называемых “унгерновских зверств” должно быть всецело отнесено на единоличный счет этого человека.

В Карнаковке Сипайлов доложил барону, что он нашел в Урге три с половиной пуда золота, похищенного из кассы Ургинского банка войсковым старшиной Архиповым, незадолго перед тем вступившим в командование 4–м полком вместо смещенного за оплошность с чахарами Маркова. Своим докладом Сипайлов попал в самую чувствительную точку: с одной стороны, барон, как известно, относился в высшей степени нетерпимо ко всякого рода недобросовестности, а с другой — деньги в тот момент приобретали в его глазах неожиданную ценность в связи с тем, что его денежный ящик погиб под Троицкосавском. Здесь же, на

Ибицыке Архипов был арестован. Его крепко пытали, невзирая на чистосердечное признание, а когда прибыли на реку Иро, то голого привязали к дереву у реки и отдали на съедение комарам. Перед отъездом же с р. Иро корнет Степаненко по приказанию барона удавил то, что после старательной работы комаров и оводов лишь отдаленно напоминало тело войскового старшины Архипова.

Несмотря на то, что нам было известно личное бескорыстие барона и его фанатическое отвращение к стяжательству, все же случай с Архиповым произвел неизгладимое впечатление на всю дивизию. Не лишено интереса то обстоятельство, что барон в ту пору принял решение расстаться с Сипайловым. Он отдал генералу Резухину письменный приказ повесить Сипайлова тотчас же, как только последний доставит на Селенгу архиповское золото (барону по необходимости пришлось вернуть Сипайлова в Ургу за этими деньгами). Сипайлов своевременно пронюхал о своей опале и благоразумно убежал в Маньчжурию. Перемена отношения к Сипайлову объяснялась тем, что барону донесли о злоупотреблениях коменданта города, проявленных им после ухода оттуда бригады в Троицкосавск.

На реке Иро у Карнаковской заимки барон Унгерн привел в порядок свой собравшийся отряд. Здесь, в глубокой горной долине, на берегу быстро шумящей реки отряд отдыхал три дня. На переправе через Иро барон сорвал остаток своего троицкосавского раздражения на старшем враче дивизии, докторе Клингенберге, после того, как один из раненых пожаловался на то, что его не перевязали. Кроме того, на несчастье доктора, в реке во время переправы перевернулась на глазах барона повозка с ранеными. За эти упущения по службе “дедушка” настолько основательно “отташуровал” доктора, что повредил ему ногу. После этого случая доктор Клингенберг эвакуировался в Ургу.

От реки Иро барон свернул на Орхон и, перейдя через эту реку медленно потянулся по направлению к мосту на реку Селенгу.

По некоторым признакам, барон вел в то время какую-то политическую работу. Несмотря на бодрую уверенность в успехе, возвещенную в приказе № 15, барон Унгерн учитывал заранее и возможную неудачу под Троицкосавском и то, что Советское правительство, приняв брошенный вызов, введет свои войска в Монголию.

Для парирования советского удара барон наметил вывезти Богдо-гэгэна в Улясутай, о чем кратко уже упоминалось. Унгерн желал создать в том районе новую базу для продолжения борьбы с коммунистическим наступлением на Монголию, но натолкнулся

на противодействие Богдо. Перенося борьбу в Западную Монголию, барон имел в виду усилить себя, главным образом, за счет отряда генерала Бакича[32], а также поглотить сравнительно крупный отряд Казагранди. Генерал Бакич переживал в то время свои очень тревожные дни в концентрационном лагере в Чугучаке (западнее Кобдо, в Китайском Туркестане) и, вероятно, охотно пошел бы на соединение с бароном. Полковник Казагранди, хотя формально входил в орбиту барона, фактически, вел самостоятельный образ действий в контакте с одним из самых значительных перевоплощенцев Западной Монголии, Пандита-гэгэном.

В конце мая 1921 г. барон послал в Улясутай председателя Совета министров Джалханцза-хутухту и военного министра Хатан-Батор — вана Максаржава[33]. Последнего барон не без основания считал своим ставленником и расценивал как лично ему обязанного и поэтому преданного человека. Большевистские эмиссары проникли в Кобдосский округ из Сибири, пожалуй, даже раньше, чем они появились в хошунах, тяготеющих к Троицкосавску. Из Кобдо красно — партизанское движение перекинулось в Улясутайский район.

Джалханцза-хутухта прожил в Улясутае не долго. Он возвратился в Ургу до выступления самого барона в поход на Троицкосавск и сделал ему доклад, вероятно, вполне соответствовавший планам барона. Максаржав же остался в Улясутае. Он быстро связался с главарями нового монголо — большевистского политического течения и при первом удобном случае, воспользовавшись уходом отряда Казанцева из города, поднял восстание против того правительства, в которое он сам входил, как военный министр. Улясутайское восстание сразу же получило общегосударственное значение, потому что предпринято было с ведома членов правительства, да, вероятно, не составляло тайны и от самого “непротивленца” Богдо-хутухты. Военный министр удачно забежал вперед перед новой властью, идущей на смену уже, по существу, павшему барону Унгерну.

Обстановка момента постепенно выявлялась перед бароном. Он скоро почувствовал, что хошунные власти повсюду смотрят на него, как на политически конченого человека и ищут путей для сближения с новой, более сильной стороной. Чтобы закончить повествование о городе Урге, которая, начиная с этого времени, не будет играть никакой роли в судьбах Азиатской конной дивизии, можно добавить, что барон поручил защиту подступов к нему со стороны Троицкосавска хорунжему Немчинову.

Барон дал Немчинову тибетский дивизион и несколько пулеметов. Регулярная советская конница и монгольские

партизаны выступили из Кяхты на юг по тракту 26 июня. На следующий день Немчинов имел бой на р. Иро, в котором со стороны красных участвовал один полк 5–й Кубанской казачьей дивизии и монголы. Вторую попытку задержать противника Немчинов сделал на перевале у Манхотая (150 верст к северу от Урги). Здесь он был разбит и бежал одиночным порядком. Из Урги Немчинов выехал вместе с советником барона Жамболон-ваном и несколькими спутниками по направлению к озеру Буир-нур. Жамболон в пути отстал от группы Нечинова, потому что ему жалко было бросить медленно идущий караван из семи верблюдов, груженых благоприобретенным в Урге имуществом. Вместе со своими верблюдами Жамболон — ван попал в руки красных монголов, был опознан и вскоре расстрелян где-то возле Урги.

Бегство Немчинова произвело в Урге эффект разорвавшейся бомбы. Комендант города Сипайлов, как известно, скрылся в первую голову. Но все же он нашел минутку, чтобы с помощью какого-то ловкого маневра удушить донесшего на него барону начальника военного училища, войскового старшину Лихачева, единственного человека, который смог бы организовать эвакуацию раненых из города. Благодаря предательскому образу действий Сипайлова, в Урге погибли 200 раненых, а также офицерские семьи. Никем не обороняемая Урга занята была советскими войсками 9 июля.

Еще так недавно, всего лишь пять месяцев тому назад, барон вошел в Ургу с триумфом, как желанный освободитель. Но, увы, не прочны были симпатии монголов… В чем нужно искать объяснений быстрой перемены их настроений? По некоторым данным, монголы ждали от барона могучей военной и финансовой поддержки, при условии полного невмешательства в их внутренние дела. Если это так, то, конечно, они должны были получить быстрое разочарование. Когда барон вошел в Ургу, монголы убедились в том, что слухи о его “несметных” силах являются лишь простым преувеличением, свойственным номадам: с ним пришла горсточка в 500–600 русских. Этих сил было явно недостаточно для того, чтобы создать в Урге впечатление о военном могуществе барона.

Финансово — экономическая сторона вопроса также была не блестяща. Правда барон ввез в Монголию звонкую монету и раздавал ее преимущественно монголам. Но разве возможно было наполнить страну полноценными денежными знаками при тех слабых ресурсах, которыми располагал барон? Неудивительно также, что реквизиции, производимые — не скажу для русских, но даже для собственно монгольских частей — в глазах народа

превратились в простое расхищение их скудного достояния. У самого Богдо-хагана и у правящих кругов имелись особые основания к неудовольствию. Вместо ожидаемого невмешательства, они убедились в том, что барон вторгается во все главнейшие политические вопросы и ведет неусыпное наблюдение за деятельностью правительства через своего особо уполномоченного Жамболона. На печальном опыте монгольские князья узнали, что с бароном нужно очень и очень считаться, во избежании длительного знакомства с его ташуром. Известно, что у самого восьмого перевоплощенца Джэбцзундамбы, царя — повелителя всей Монголии, появлялась лихорадка, когда ему докладывали о визите барона. Не по душе пришлось Ургинскому правительству также и то обстоятельство, что барон вступил в переписку с некоторыми китайскими генералами.

Таким образом, катастрофа наступила, в сущности, раньше, чем барон вышел в поход на Троицкосавск.

В разгар кипучих приготовлений к походу до слуха барона дошли разговоры об ургинской легенде, связанной с “местным” (то есть стоящим в иконостасе церкви) образом Ургинской Божией Матери. Пожертвовавший икону старец — епископ якобы предсказал, что “Лютые испытания постигнут нашу родину. Когда пробьет час, то в Ургу явится полководец, который призван спасти Россию. Он пойдет на север, и успех будет сопутствовать ему при условии, что он возьмет с собой этот образ”. Несмотря на незамысловатое содержание, это поверье как нельзя лучше гармонировало со своеобразной мистической настроенностью барона.

Для перевозки иконы сооружен был кивот, установленный на специальную троечную повозку, которая должна следовать при артиллерийском дивизионе. Образ Ургинской Божией Матери оставлен был вместе с пушками на позиции под Троицкосавском.

Разочарование в этой легенде, созданной, как, вероятно, думалось барону, “попами”, рикошетом отразилось на судьбе того скромного иеромонаха, который скрасил русским воинам пасхальные дни в бригаде Резухина. Этот простец — инок был в достаточной мере самоотверженным священником, и в первую очередь повел решительную борьбу с чудовищным сквернословием, вошедшим в повседневный обиход. Под влиянием, отчасти, раздражения, направленного оптом против всего православного духовенства, якобы создавшего лживую ургинскую легенду, отчасти в связи с его проповеднической деятельностью, барон тотчас удалил священника, как только соединился на Селенге с бригадой Резухина. “Поезжайте куда-нибудь в другое место преподавать хороший тон, а у меня Вам

делать нечего”, — сказал барон. В “жесте” барона заключалось много скрытой суровости, потому что одинокому путнику трудно было выбраться из враждебной уже тогда для белых страны, и изгнание ставило священника в опасное положение, несмотря на то, что барон снабдил его значительной суммой денег в серебряных китайских долларах.

ГЛАВА XXII

Барон прибыл к Ергину 11 июля. Здесь, у моста через Селенгу, произошло в тот же день соединение бригады барона с полками генерала Резухина. Ровно неделю имела дивизия для подготовки к продолжению начатой уже борьбы с Советской властью в Забайкалье. Лагерная жизнь кипела ключом. Шли тактические занятия, производилась подготовка к длительным походам и тяжелым боям. Самый лагерь, разбитый в правильном порядке вдоль берега реки, тщательно охранялся от нападений воздушного врага, с помощью орудий и пулеметов на самодельных зенитных установках. После того, как один из аэропланов сделал вынужденную посадку, летчики в дальнейшем ограничивались поспешным сбрасыванием нескольких бомб с большой высоты, а затем удалялись на северо-восток.

Из событий, относившихся к тому периоду времени, припоминается уход сотника Нечаева. Этот офицер убедил барона отпустить его с дивизионом казаков, уроженцев причикойских станиц, назад на родину, в помощь Тубанову и для партизанской работы в тылу красных. Осенью того же года Нечаев и его казаки были переловлены и расстреляны. Гибель Нечаева и всех вообще казаков из приграничных станиц, служивших в Азиатской конной дивизии и в отряде полковника Казагранди, объясняется тем, что они мнили себя неуловимыми партизанами, которые годами могут скрываться от красных в родной тайге, сохраняя одновременно связь со своими семьями.

Вспоминается также печальный конец одного из наших врачей, павшего жертвой доноса (трудная для подчиненных и опасная черта в характере барона была эта его податливость на доносы!). Не везло Унгерну с врачами. Старшего врача дивизии он “эвакуировал” с р. Иро, другого достаточно неэстетично “кончил” на Селенге, а третий из них, доктор Рябухин, сыграл существенную роль в антиунгерновском заговоре.

В те дни подготовки ко второму походу в Забайкалье, барон проделал опыт заряжения снарядов ядовитыми газами. Для этой цели он приказал разрядить несколько шрапнелей и вложить внутрь стакана цианистый калий и трубку с серной кислотой. Если такой снаряд перевернуть незадолго перед выстрелом, кислота растворит тонкую цинковую пластину, с помощью которой был запаян верхний конец трубки, и, соединившись с цианистым калием, образует синильную кислоту. По этому рецепту в начале Великой войны германцы фабриковали ручные

гранаты и снаряды для бомбометов. К артиллерийским же снарядам, рассчитанным на обязательное рассеивание, данный способ неприменим, потому что синильная кислота оказывает на человека отравляющее действие при условии наполнения каждого кубического метра воздуха не менее чем пятью граммами яда, что практически неосуществимо. Действие снарядов барон испробовал на лошадях, пасшихся в стороне от лагеря. Опыт оказался неудачным.

В то время барон поддерживал еще связь с некоторыми влиятельными феодалами Монголии. Но, нужно полагать, получал от них самые неутешительные известия, как то: занятие красными Урги, исчезновение его сторонников с политической арены, слухи об аресте Богдо и т. д. Совершенно также неудовлетворительны были известия о деятельности отрядов, оперировавших к западу от Азиатской конной дивизии, то есть о полковнике Казагранди, атамане Казанцеве и есауле Кайгородове.

В соответствии с общим планом войны, первый из них в начале июня 1921 г. должен был вторгнуться в Забайкалье через Мондокульский район с тем, чтобы развить наступление на Иркутск. Но Казагранди предпочел ограничиться пассивными действиями близ п. Модонкуль, рассчитанными лишь на то, чтобы получить формальное оправдание перед бароном и, вместе с тем, не понести лишних жертв. Второй из них, Казанцев, составил отряд из 170 человек и вошел в мае в Урянхайский край. Но под Тарлакшином, в 25 верстах от русской границы, отряд был захвачен красными врасплох и совершенно уничтожен. Что же касается Кайгородова, то он открыто отказался от подчинения барону Унгерну. Кайгородов являлся вождем и вдохновителем народно — партизанского движения в Русском Алтае, которое имело ясно выраженный демократический оттенок. Ему в то время было не по пути с монархически настроенным бароном.

Затем, к числу больших неприятностей, переживаемых бароном в первой половине июля 1921 г., должно отнести захват красными монголами Улясутая, переход к ним унгерновского гарнизона и гибель там командира полка, Ванданова. И, наконец, последней каплей огорчительных известий было донесение командира казачьего полка из бригады Казагранди, есаула Петрова, в котором он писал, что после отхода от п. Модонкуль, Казагранди перешел Селенгу и углубился в Монголию вместо того, чтобы идти на присоединение к барону, как это было ему приказано. В виде слуха сообщалось, что Казагранди принял решение уходить в Тибет.

Перечисленных и только крупных неудач было бы вполне достаточно для того, чтобы испортить настроение самого

уравновешенного человека. При нервности же Унгерна каждая неприятность переживалась им особенно остро. Не удивительно, что, начиная с того момента, он стал раздражаться в большей степени, чем это наблюдалось у него в прежнее время. В связи с этими оттенками настроения начальника, жизнь личного состава дивизии значительно осложнилась.

Чтобы упоминание о Казагранди и отрядах в Западной Монголии имело совершенно законченную форму, достаточно будет выписать лишь несколько слов из книги о концах дел человеческих. Кайгородов и Казанцев находились вне досягаемости. Барон не мог протянуть к ним свою карающую руку. Если оба белоповстанческих начальника и были в чем-нибудь повинны, то, во всяком случае, честно заплатили жизнью за свои ошибки. Казанцеву удалось спастись во время улясутайской резни. С несколькими спутниками он выбрался в Кобдо и в течение некоторого времени работал с Кайгородовым. Оттуда он проехал к генералу Бакичу, словно в погоне за смертью. Говорят, в момент сдачи отряда Бакича советским войскам, монголы растерзали Казанцева[34]. Кайгородов погиб смертью героя в следующем году, в партизанской борьбе на Алтае.

Что же касается полковника Казагранди, то барон Унгерн нашел способ самостоятельно расправиться с ним за ослушание. Как известно, половина отряда Казагранди состояла из казаков-джидинцев. Они откровенно не одобряли уход Казагранди на юг, потому что, по общей всем казакам — белопартизанам психологии, мечтали перезимовать в горных приграничных дебрях, где-нибудь неподалеку от своих станиц. Барон использовал этот раздор внутри отряда, чтобы захватить Казагранди при посредстве его собственных подчиненных.

Унгерн послал вдогонку за Казагранди сотника Сухарева, который ранее служил у Казагранди и по этой причине имел достаточное количество друзей среди казаков того отряда. Отправляя Сухарева в командировку, барон вручил ему запечатанный пакет, с приказанием вскрыть после выезда из лагеря на Селенге. В пакете значилось: “Казагранди расстрелять, а отряд привести на соединение с дивизией”. Сухарев выполнил лишь первую часть полученного им предписания. Именем барона он арестовал Н. Н. Казагранди и приказал расстрелять.

Удивляет во всей истории то, что безусловно храбрый и решительный в прошлом боец Казагранди позволил себя легко, без борьбы арестовать, отлично сознавая, что вслед за арестом обязательно и быстро последует смерть. Но таково уж свойство настоящего, большого террора, что он прежде всего парализует

желание бороться за свою жизнь, а затем — даже и за честь.

Отряд полковника Казагранди находился не менее чем в 500 верстах от Ергина (где был построен мост на р. Селенге) и верстах в 180–200 юго-западнее хурэ Дзаин-гэгэна (иначе Дзаин-шаби), когда Сухарев догнал отряд. Во исполнение распоряжения барона Унгерна, Сухарев встал во главе отряда и повернул на север; но на 7–8–й день похода его убедили отказаться от мысли о присоединении к барону. Тогда Сухарев повел желающих следовать за ним в Приморье через Маньчжурию. Сухарев проскочил мимо Урги (через Чойрын), но до места не дошел. По недостатку опыта и по причине отсутствия у него выдержки, он ввязался в ненужный бой с китайцами возле ст. Куаньченцзы, бывшей Китайско — Восточной железной дороги. В неравном бою погибло 50 % крошечного отряда, а сам Сухарев дошел до такой степени отчаяния, что убил свою случайную подругу, сестру милосердия Громову, и затем застрелился.

На этой фразе можно закончить краткое сообщение о судьбе отдельных отрядов, так или иначе связанных с монгольской эпопеей, и в дальнейшем излагать лишь то, что имеет самое непосредственное отношение к барону Унгерну.

12 июля конный полк перешел на левый берег р. Селенги. Через несколько дней туда же были переведены три сотни 4–го полка. С этого момента на правой стороне реки оставалось лишь интендантство, вверенное охране дивизиона 4–го полка. Необходимую и, так сказать, портативную часть запасов быстро перебросили на правый берег. Остальное же интендантское имущество барон приказал вывезти в западную Монголию — в Улясутай или в другой какой-нибудь пункт, в зависимости от обстановки. Барон предвидел опасности, с которыми придется столкнуться г. г. интендантам сразу же, как только они оторвутся от боевых частей дивизии, но с другой стороны — куда же прикажете деваться? Выбора не было.

На Селенге барон расформировал свой штаб, состоявший из войскового старшины Львова и адъютанта есаула Макеева. Вновь назначенный начальник штаба полковник Кастерин не без юмора передавал некоторые детали, связанные со вступлением в новую должность. Так, например, получив словесное распоряжение начальника дивизии — приступить к исполнению обязанностей, он доложил о своей полной неосведомленности в штабной работе, к которой он, к тому же, не чувствовал ни малейшего призвания. На эти доводы барон с живостью возразил, что именно по этой причине Кастерин и должен считать себя самым подходящим начальником штаба, так как и он в свою очередь не терпит настоящих штабных офицеров.

Кастерину ничего не оставалось, как только поблагодарить барона за честь. Полковник взял затем смелость испросить инструкций хотя бы на первое время, но барон отмахнулся рукой и только отрезал: “Да делайте, что хотите!” На основании этих, весьма общих указаний Кастерин отправился принимать должность от своего предшественника. Не найдя его в палатках штаба дивизии, обратился к ординарцам, которые с готовностью указали деревья, где сидели арестованные Львов и Макеев. От имени начальника дивизии Кастерин освободил их от наказания, а затем стал расспрашивать о том, что у них здесь делается и в чем состоят обязанности начальника штаба при бароне. В ответ па эти слова войсковой старшина Львов с мрачным видом снял фуражку и, показывая голову, сказал: “Вот что у нас делается…” После столь убедительной аргументации Кастерин ни о чем уже больше не допытывался, но в дальнейшем, являясь к барону, прятал, по его словам, в левый рукав маленький “Маузер”.

12–15 июля в верхнем и среднем течении Селенги пролились сильные дожди. Река вздулась и вышла из берегов. Временный мост, не рассчитанный на бурное повышение уровня рек, был смыт и унесен течением с легкостью соломинки. Переправа строевых частей через реку не вызывала осложнений, потому что барон основательно вытренировал своих солдат в плавании, не только рядом с лошадью, а также — и сидя в седле. Он выдавал крупную денежную награду, если всадник при этом не замочит седельной подушки. Интендантское же имущество после разрушения моста перевозилось на батах (монгольские челноки) без каких бы то ни было затруднений.

Но вот с быками пришлось основательно повозиться, прежде чем удалось перегнать их на левый берег, потому что они упорно не желали плыть, невзирая на усиленные к тому побуждения со стороны нескольких десятков погонщиков. Надлежало же во что бы то ни стало переплавить через Селенгу несколько сотен быков, и барон очень был озабочен этим вопросом, потому что мясо рогатого скота являлось единственным предметом питания дивизии. Первое служебное поручение нового начальника штаба дивизии заключалось в руководстве переправой животных. Мрачно взирал он на открывавшуюся перед ним картину: на могучую реку, зажатую лесистыми сопками, дым костров и суетливую толпу копошащихся в воде, дико орущих людей. Вероятно, полковнику не по душе пришлась роль погонщика скота. Может быть, по этой причине за весь первый день перетащено было на другую сторону лишь два — три десятка из всего гурта. К общему удовольствию — и барона, и его наштадива, и измученных продрогших пастухов — к месту

переправы 16 июля подошел ротмистр Забиякин.

Со своей сотней он ходил “на уртонских” догонять коменданта Ван-хурэ, капитана Толстова, чтобы забрать 2 орудия, оставленные там бароном. Забиякин догнал Толстова на втором уртоне за хурэ Дзаин-гэгэна (Дзаин-шаби) и вовремя доставил обе пушки. Посылая ротмистра в эту экспедицию, барон пояснил, что Забиякин должен рассчитать свое возвращение таким образом, чтобы прибыть обратно не позднее вечера 16 июля; если он не попадал в Ергин к указанному сроку, то должен был уходить с Толстовым на запад.

Барон приказал этому энергичному офицеру заняться быками, что и было выполнено за одну ночь. Утром 17 июля весь гурт пасся уже на левом берегу.

Теперь все было готово для похода. Дивизия имела 4 полка (22 сотни), отдельный дивизион хорунжего Шеломенцева — Бишерельту-гуна (3 сотни), 40 тяжелых пулеметов (в строю), разбитых на 4 команды и артиллерийский дивизион из 8 орудий конно-горного типа (непригодные к горным дорогам французские пушки и снаряды к ним взорвали).

Из вышеприведенного приказания, данного ротмистру Забиякину, можно сделать вывод, что барон наметил выступление в поход на 17 июля. У барона имелись сведения, что красные вливались в Монголию по тракту Кяхта — Урга. На левом же берегу Селенги конные красноармейские части в продолжение последней недели 10–17 июля ежедневно беспокоили нашу сотню, стоявшую в заставе на Баян — голе, у Сухаревской заимки (пасхальная стоянка генерала Резухина). От лагеря дивизии до Баян — гола насчитывалось около 20 верст.

Барон много гадал в тот период своей жизни; и это казалось вполне естественным, если принять во внимание, что он не начинал никакого, даже незначительного, дела, не справившись предварительно через гадальщика об успешности будущего предприятия. Тем более, конечно, внимания он должен был уделять гаданиям, приступая после троицкосавского разгрома к новым боевым операциям.

16 июля барон вызвал к себе начальника штаба и приказал ему подготовиться к походу. На вопрос полковника Кастерина о том, в каком направлении и на какое расстояние намечается поход, барон пояснил, что идет верст на пятьсот. Для определения же направления он вывел полковника из палатки и показывая рукой вдаль спросил: “Видите это дерево? Теперь возьмите от него налево два пальца. Пойдем по этому направлению”.

По рассказу наштадива, он тотчас же сориентировался по

карте и убедился, что на этом направлении дорог не имеется. По недостатку опытности в обращении с бароном, Кастерин с картой в руках отправился к нему и доложил о встретившимся затруднении. Унгерн бегло взглянул на карту. “Как нет дорог”, — воскликнул он — “а это что? Видите — вот же дорога!” — “Это — тальвег, Ваше Превосходительство” (водораздельная линия), пытался возразить начальник штаба. “Вот и отлично”, — закончил беседу барон —”мы пойдем по тальвегу”. Может быть, барон желал подчеркнуть, что его дивизия пройдет повсюду, даже там, где нет никаких путей… Но полковник Кастерин, передавший приведенный разговор, искренне был убежден в том, что барон слабо читал карты, да и не любил сообразовываться с их показаниями.

Действительно, даже и в отношении карт Унгерн был большим оригиналом. Он постоянно держал в кармане своего тарлыка свернутую рулоном полосу, вырезанную, вероятно, из карты Российской империи. На этой “походной” карте барон в любой момент мог легко отыскать и Владивосток, и Москву, и Варшаву, и все крупные промежуточные города. При грандиозности планов барона ему неудобно было пользоваться картами иного, более крупного масштаба. Полковник Кастерин вскоре якобы выяснил, почему барон избрал такое направление (на два пальца от дерева) — так указано было гадальщиком. Впоследствии начальник штаба, по его словам, в сношениях с гадальщиком прибегал к системе выдачи “авансов”, чтобы гадания не слишком расходились с боевыми интересами дивизии.

К тому же периоду настороженного сидения на берегах реки Селенги относиться рассказ ученого агронома В. К. Рериха, в котором освещается обстановка, сложившаяся в те дни в Монголии. В. К. Рерих покинул Ургу, как можно полагать, 6 июля по новому стилю. Утром 8 июля он был в дацане на реке Орхоне, где барон Унгерн назначил ему свидание. Но барона уже не оказалось в том пункте. Он ушел на реку Селенгу, оставив Рериху письменное приказание вывезти в новую базу интендантские грузы, все денежные средства, а также пригнать 1200 быков и 2000 лошадей. В записке барон указал идти вместе с дивизионом сотника Нечаева и соблюдать на походе осторожность “так как дорога пересекается красными”.

Рерих привез на Селенгу 22 ящика билонного серебра, несколько ящиков банковского и ямбового серебра и 1 ящик с китайскими бумажными долларами. Барон имел встревоженный вид. Он приказал Рериху выспаться с тем, чтобы утром следующего дня скакать в Ургу, так как требовалось эвакуировать на запад интендантство и лазарет, а также уничтожить

радиостанцию. “Если будете нажимать, успеете придти в Ургу до красных”, — пояснил Роман Федорович. В тот же день Рерих получил от барона два пакета, первый из которых он должен вскрыть в Урге, а второй — вручить есаулу Жамболон-вану. Получил он также и зару, то есть предписание на монгольском языке, за печатью Богдо о том, что монголы обязаны оказывать подателю сего свое полное содействие, предоставлять лошадей и давать пропитание. Утром 13 июля Рерих выехал “ургой” (по табунам) в сопровождении вестового и монгола — ламы.

“Нажимал” он по семь уртонов в день, то есть скакал по двести с лишним верст, несмотря на то, что все броды и средства переправы через значительные реки уже были под контролем красных. За рекой Орхоном наши всадники наткнулись на колонну тысячи и в три красноармейцев, посаженных на коней. Они двигались из Троицкосавска в Ургу по старому тракту. Желая выиграть двое суток у встреченной им советской пехотной бригады, Рерих приказал проводнику вечером быть на уртоне Аргал, расположенном в 25–30 верстах к северу от Урги. Но улач (ямщик-проводник) умышленно уклонился к западу, объяснив впоследствии, что в тот вечер на уртоне Аргал стояли красные. Он привел Рериха к унгерновскому мосту на реке Толе — также, как оказалось, занятому противником.

Рерих ночевал в двух верстах от моста, в одной юрте со знакомым монгольским чиновником, который был командирован новой властью из Урги в Дзаин-шаби, к учителю Богдо. Этот чиновник сообщил Рериху о занятии города красными. О Богдо-гэгэне же он с грустью поведал, что старец на словах и на деле придерживается прежней политики непротивления злу.

Перед В. К. Рерихом таким образом захлопнулась дверь в Ургу. Он должен был или пробираться на восток, в Маньчжурию, или же возвращаться на Селенгу к барону. И он выбрал последнее. На р. Орхон, близ Ван-хурэ он встретился с комиссаром — бурятом и благополучно разъехался. Рерих прискакал к барону в ночь с 18 на 19 июля и тотчас же явился к нему. “Дедушка” крепко спал. Пришлось потрясти его за плечо. “Кто здесь?”, — спросил он. “Я, Рерих”. При этих словах барон вскочил, и вычеркнув спичку, внимательно всмотрелся в лицо визитера. “Это Вы? На самом деле Вы? Живой? А не Ваш дух?”, — расспрашивал Унгерн, потому что едва ли рассчитывал увидеть Рериха живым и невредимым.

ГЛАВА XXIII

В ночь на 19 июля генерал Резухин выступил из лагеря вниз по Селенге, вдоль левого ее берега с 1–м, 2–м и 3–м полками, 30 пулеметами и всей артиллерией. К тому времени барон уже знал, что красноармейская пехота на этом направлении находиться в двух переходах от нас. Начальник дивизии задержался у Ергина с 4–м полком. На правом, покинутом строевыми частями берегу интендантские чиновники, совершенно готовые к выступлению, с понятным нетерпением ожидали последних распоряжений. Генерал Резухин решил дать встречный бой на отличной пасхальной позиции.

Около 9 часов 19 июля красноармейцы открыли огонь по нашим заставам и густыми цепями повалили вслед за отходившим охранением. Через полчаса после первого выстрела завязался горячий бой по всему фронту, то есть от скалистых гор до берега реки. На правом фланге, у реки, в лесу залег 1–й полк Парыгина. В центре разместилась артиллерия и пулеметные части. Левый фланг оборонял 2–й полк Хоботова. 3–й полк Янкова получил задачу охранять Баянгольскую падь и левый фланг позиции от обхода со стороны скалистых сопок. В первые часы боя красноармейцы вели наступление на участке 1-го полка. Мелкий лес и кустарники, разросшиеся у реки, позволили противнику подойти на 500 шагов к стрелковым цепям китайского дивизиона, но все дальнейшие атаки разбились о прекрасную позицию 1-го полка, и к полудню бой на правом фланге стал затихать. Около 14 часов красные ввели сильные резервы, вероятно, еще один, уже третий полк своей бригады[35], и принялись громить позицию левого фланга из 8 полевых орудий и одной гаубицы[36]. По счастью, красные не умели в ту пору хорошо стрелять шрапнельными снарядами. Очевидно, батареями у них командовали прежние унтер — офицеры, которые вели огонь меткий, но недостаточно грамотный.

В продолжение нескольких часов командная сопка, занятая одним из дивизионов 2–го полка, плавала в облаках черного дыма от бризантных снарядов, с грохотом рвавшихся среди камней. Под прикрытием артиллерийского огня, противник стал накапливаться против 2–го полка и затем продвигаться вперед с тем, чтобы вечером нанести нам сокрушительный удар.

Положение приняло здесь угрожающий характер: цепи красноармейцев окопались на дистанции прямого выстрела, а их артиллерия, разделенная на две батареи, безостановочно била и

по нашей позиции, и по коноводам. По временам, правда, наблюдались довольно эффективные попадания гранат, но все же следует признать, что шрапнельный огонь был бы действительнее. В то же самое время наши горные пушечки, дававшие при почти беззвучном разрыве шрапнелей лишь легкое белое облачко, производили чувствительные опустошения в цепях противника. Часам к девятнадцати бой достиг степени высшего напряжения. Чувствовалось, что красные вот — вот бросятся вперед, в атаку, которую нам уже не отбить.

Но тут внезапно, как “Deus ex machina” греческой трагедии, появился на сцене барон. Он залетел на командную сопку, мгновенно оценил положение и поскакал по гребню гор вдоль всей позиции, по направлению к реке, на свой правый фланг. Темнело. “Ну, Корнелий Иванович, выручай!”, — приказал барон командиру 1–го полка — “Переходи в наступление”. Через самый короткий промежуток времени этот полк, под предводительством барона и Парыгина, энергично ударил по левому флангу красной бригады, сбил стоявшую против него часть и погнал к перевалу Улин-даба. Хороша была и сама по себе мысль барона о контрударе, да и проведена она блестяще. В то время наш левый фланг переживал весьма тяжелые минуты. Под покровом сгустившейся темноты красные ворвались в падь, лежащую между позицией 2–го полка и скалистыми сопками. Они легко сбили монгольский дивизион, стоявший на левом фланге полка, и дорвались до коноводов. Лошади, подгоняемые криками бегущих вслед за ними перепуганных монголов, мчались вниз по баянгольской пади, создавая беспорядок среди сосредоточенных тут же, непосредственно за позициями, повозок артиллерийского парка, а также и полковых вьючных обозов, топча разложенных на земле раненых.

В тот критический момент генерал Резухин находился на круглой командной сопке. Возле него, в десяти шагах, лежала цепочка ординарцев штаба дивизии и стреляла в ту сторону, где еще недавно размещались цепи левого фланга 2–го полка, но откуда теперь гремели залпы красноармейцев. В двухстах шагах ниже генерала, за сопкой, укрывался единственный резерв — 5–я оренбуржско-забайкальская сотня. Генерал вызвал резерв и приказал командиру сотни, подъесаулу Слюсу: “В атаку, скорей, скорей!”… “Куда прикажете направить сотню?”, — спросил Слюс. “Вот туда”, — Резухин сделал жест рукой в том направлении, куда стреляли ординарцы.

“Скорей! На конях!”, — добавил он вслед, но тут же переменил первоначальное решение и приказал наступать в пешем строю.

Когда эта сотня спускалась с сопки, ей прежде, чем дорваться до противника, следовало проскочить узенький перешеек. Нелегкая это была задача! Если пригнуться к земле, то можно было рассмотреть, что на противоположной стороне стояла шеренга красных и безостановочно стреляла в нашу сторону. Казаки замялись: ступят несколько шагов и опять назад. Появились убитые и раненые. Первым упал капитан Веселовский. Один из сраженных наповал тяжело покатился по склону…

Командиру сотни не оставалось иного выхода, как гнать людей ташуром. “Вперед, вперед!”, — кричал он, перебегая от одного к другому. Когда казаки проскочили через перешеек, противник побежал, 5–я сотня спустилась с сопки и последовала за красноармейцами, не позволяя им остановиться. Генерал поддержал порыв 5–й сотни спешно собранными полковником Островским несколькими сотнями 2–го полка. Тогда создалась возможность перейти в наступление уже по всему фронту. К тому времени барон на нашем правом фланге оттеснил противника версты на три и захватил батарею из четырех полевых орудий.

Красные отошли за перевал Улин-даба и увели с собой вторую свою батарею. Захваченные пушки барон приказал привезти в негодное для стрельбы состояние и бросить на месте, потому что он не имел никакого желания возиться с громоздкими полевыми орудиями. Около 1 часу 20 июля бой затих. Барон подсчитал, что бригада генерала Резухина потеряла не менее 80 человек убитыми и свыше ста ранеными, и отказался от мысли пробиваться вдоль левого берега р. Селенги, несмотря на то, что так было указано гадальщиком.

1–й, 2–й и 3–й полки снялись с позиции и пошли назад, вверх по р. Селенге. С ними ушла артиллерия и обоз. На баянгольской позиции расположился 4–й конный полк, которому барон дал задачу задержать противника на сутки. Разбитая накануне красноармейская бригада лишь поздно утром 20 июля появилась на перевале Улин-даба и осторожно вновь пошла в наступление. Войсковой старшина Марков не мог обороняться против трех полков пехоты, да, к тому же, его нервировало то обстоятельство, что на противоположном берегу Селенги показались крупные конные части противника. Он начал отходить во второй половине дня, задерживаясь на всех перевалах, чтобы выиграть время до наступления ночи. Выполнив задачу, Марков пошел на присоединение к дивизии, успевший за сутки отскочить верст на 50 от места боя.

ГЛАВА XXIV

После полудня 21 июля 4–й полк догнал дивизию. Усталые, голодные, с не погасшими еще возбуждением в глазах вновь прибывшие делились впечатлениями последних арьергардных боев. Невольно сжалось сердце, когда они сообщили о появлении красной конницы на правом берегу реки, в тревоге за судьбу раненых, переправленных накануне на тот берег в дивизионных обоз. Этот обоз снялся с места лишь вечером 20 июля и, таким образом, находился в полупереходе от красных. Предпринимая партизанский налет на Забайкалье, барон не мог обременять себя длинным транспортом раненых. Он приказал погрузить их на подводы и везти вместе с интендантством в сторону Улясутая. В той обстановке для раненых барон сделал все, что только было возможно: положил их в удобные, приспособленные повозки и поручил надзору двух фельдшеров, снабженных перевязочными материалами и медикаментами. Недели через три к дивизии присоединились два казака, которые входили в ту группу эвакуированных раненых. Они сообщили, что 23 или 24 июля весь унгерновский обоз был захвачен отрядом Щетинкина. Из их слов следовало, что все унгерновцы погибли под шашками озлобленных партизан и лишь только они одни спаслись, потому что им удалось отползти в сторону и спрятаться в высокой траве.

Вечером 21 июля Азиатская конная дивизия круто свернула от реки Селенги на север. Барон направил свои части вверх по реке Шабур-голу (левый приток реки Селенги). Ушли полки. Скрылась длинная вереница обоза. С железным тарахтением укатили пушки. Замолкли шумы. Там, где недавно кипела лагерная суета, сидел одинокий человек в засаленном тарлыке. Подле него паслась стреноженная лошадь. Медленными затяжками тянул он свою неизменную трубку, время от времени привычными пальцами доставая из догоравшего костра уголек, сверкающий злым, красным блеском.

Барон задумчив. Сегодня еще у него имелся выбор — или уходить в знакомую и не вполне еще чуждую Монголию, или же прыгнуть через каменные барьеры в Забайкалье. И он принял второе решение несмотря на то, что этим шагом навсегда захлопывалась страница его монгольской великодержавности. Не угнетало ли в тот день по — особенному сильно его гордое одиночество? Или, кто знает, не вставало ли в памяти с новой яркостью предсказание ургинской цыганки, определившей гибель через 100 дней после выхода из Урги и, может быть, сердце его

впервые заговорило о том, что приходиться бросить все, ничего, в сущности не сделав…

Солнце закатилось за круглую, зеленую сопку, широко сидящую на противоположном берегу Шабур-гола, когда подошла сотня остававшаяся в заставе, и барон очнулся от тягостных раздумий. Не спеша он подтянул подпруги, снял путы с ног своей лошади; коротким движением вскочил в седло и поскакал вслед за дивизией.

Исчезли из памяти действующие лица и детали событий, но фон, на котором они развертывались, природа, ее краски — они сохранятся до конца дней… Тем- ный — темный надвинулся вечер. Мохнатые звезды щедро рассыпались по совершенно черному небу. Угадывались нависшие со всех сторон горы. Казалось, что замаскированные великаны, склонившись над тропинкой, рассматривали дерзких пришельцев пустыми, немигающими глазами; это ощущение вызывало безотчетную тревогу. Неожиданно из темноты выросла предо мной фигура. Последовал обычный взаимно недоверчивый опрос. — Кто едет? — Кто спрашивает? — Это был милейший штаб-ротмистр Исаак, вышедший с дивизионом в заставу.

За поворотом открылись огни, сотни кучками разбросанных точек — знакомая до мелочей, но всегда желанная картина бивака. В тумане раннего утра 22 июля покинули мы приютившую нас на несколько часов падь Ихэ-Ацан с тем, чтобы взять вправо от р. Шабур-гола и начать подниматься на Модонкульский голец.

Характер всех гольцов, как пограничных, так и южнобайкальских, приблизительно, один и тот же: нижний пояс покрыт хвойным, по преимуществу сосновым лесом. Выше сосна сменяется лиственницей, а местность принимает вид заболоченной, трудно проходимой тайги. Отдельные вершины Модонкульского гольца достигают высоты 1000–1100 саженей. И часто, даже в начале июля месяца, сверкают полосами свежевыпавшего снега. Перед тем, как преодолеть последний подъем, барон дал коням отдых в пади Ихэ-Шаран. Дивизия лентой разлеглась по пригорочку, вдоль тропы, которая с утра вилась по самому обрезу правого склона пади. Выше бивака дорога исчезла. Дальше шла лишь тропинка, которая широкой дугой переходила на левую сторону болотистой пади и упиралась в густо — зеленую отвесную стену.

У барона обедал гость, бывший лейтенант германской службы Гижицкий. Во время моего доклада он лежал в подчеркнуто непринужденной позе, что совершенно не вязалось с нашими представлениями о военной дисциплине и невольно

наталкивало на обидные размышления.

С места последнего ночлега барон выслал вперед дивизион с топорами и пилами для того, чтобы проложить дорогу через перевал. Подъем был исключительно тяжел. Местами лошади с трудом карабкались вслед за всадниками, тянувшими их на поводу по той промоине, которая лишь отдаленно походила на дорогу. Хотя пушки и все повозки пришлось поднимать на руках, все же та часть пути была несравненно легче, чем спуск с перевала по заболоченным падям верхнего течения реки Желтуры. За перевалом работа кипела. В лихорадочном темпе устилались гати через пади и распадки и одновременно прокладывались обходные дороги по склонам сопок для того, чтобы дивизия не утратила сообщенного ей бароном темпа движения, из-за случайной задержки в одном каком-нибудь пункте. Строго говоря, в том районе не было дорог, даже для вьючных повозок, да едва ли кому-нибудь и требовалось проезжать теми тропинками, кроме сравнительно редких охотников за пантами или, может быть, контрабандистов.

Наверху, в затененных местах глыбился никогда не растаивающий лед; откуда-то несло пронизывающей сыростью. С вершины перевала можно было любоваться темно — зелеными, фиолетовыми и желтыми горами, рядами отступавшими на юго-запад, по направлению могучего Хангая, и вдали сливавшимися с сероватой синевой горизонта. Точно океан, разволнованный Унгерном, представлялась отсюда Монголия с ее грядами горных цепей, уходящих далеко за горизонт.

По северному склону Модонкульского хребта осторожно и вразброд поползли вниз невысокие кедры и лиственницы. В полугоре они столкнулись с первыми робкими сосенками и березками и, быстро с ними перемешались, сплелись в один таежный клубок. Снизу доносился смутный гул, временами поднимавшийся до степени болезненного стона. По этим звукам можно было догадаться о многих трудностях, с которыми преодолевался спуск к Желтуре. Путник, который проехал бы теми же падями после прохода по ним дивизии, невольно задумался бы над тем, каким способом протащены здесь пушки и весь обоз.

Разгадка этого недоумения последовала бы на первом же биваке в Желтуринской пади, где у костров делились впечатлениями о том, как барон “подбадривал” застрявших в грязи. В рассказах не слышалось ни обиды, ни озлобления. Скорее, можно было уловить в них оттенок восхищения перед исключительной энергией барона и, может быть, легкую иронию над собой по поводу чрезвычайных усилий, сделанных из страха

перед бароновским ташуром.

Красноармейцы не смогли пройти по нашим следам. По данным разведки, какая-то воинская часть (не из бригады ли Щетинкина?), преследовавшая нас с одним орудием и легким обозом, застряла в тех падях на неделю и пережила несколько неприятных дней из-за того, что у нее не хватило продовольствия.

Дивизия ночевала на левом берегу реки Желтуры, у подошвы Большого Цежинского гольца. Утром 23 июля мы двигались вдоль р. Желтуры в направлении на северо-восток, пока не подошли к тому ее левому притоку, из вершины которого можно было перевалить к истоку речки Цежей (правый приток реки Джиды, впадающей у одноименного поселка 1–го военного отдела Забайкальского казачьего войска). После четырехчасового отхода, в 15 часов дивизия начала подниматься в Большой голец. По главному гребню этой горной цепи проходит русская граница. Барон накануне выслал сильную разведку в направлении станицы и только лишь перед самым выступлением с этого бивака получил донесение начальника разведывательного отряда о том, что наш прорыв через гольцы явится полным сюрпризом для красного командования. Красные, видимо, искали нас где-то в другом месте, потому что даже воздушная разведка дня на три — четыре выпустила нас из-под наблюдения.

Война и революция ослабили в русском народе прежнее уважение к государственным границам. Но, в данном случае, все же можно было заметить по разным признакам непривычно серьезное отношение к переходу родного рубежа. Выявлялось оно также и в повышенной потребности к гаданиям о своей судьбе.

Особенным и вполне заслуженным успехом пользовалась в дивизии ворожба молодого гэгэна — “Гэгэчина”, как мы называли его, являвшегося представителем Богдо при особе барона Унгерна. Гэгэчин гадал быстро и уверенно и, как ни странно, достаточно правдоподобно. Он брал в руку несколько монет или просто камешков, глубокомысленно, а, может, и молитвенно подносил их к своему лбу, затем дул на них и быстро выбрасывал из горсти на землю. Основываясь на известных ему “знаках”, он, глядя на расположение выброшенных предметов, давал ответы на любой животрепещущий вопрос: будет ли вопрошающий человек убит или же останется невредимым, увидится ли с семьей и т. д. В ответах Гэгэчина, даже при слабом знакомстве с языком, улавливались различные оттенки. Одному, например, лицу он давал ясный и твердый благоприятный ответ, другому отвечал уклончивой общей фразой, а третьему говорил приблизительно следующее: “Тебе будет не хорошо, но ты не бойся”. по-видимому, гадальщик склонен был облекать в вежливую форму дурные

предсказания.

Русскую границу перешли в 20–м часу. Закатное солнце осталось за перевалом, улыбнувшись последний раз золотыми бликами на стволах могучего кедровника. На нашем теперь уже северном склоне сгустились вечерние тени. Размытая дождевыми потоками лесная дорога толчками и извивами быстро сбежала с круч и привела к первым на русской стороне двум домикам. Здесь недавно еще стоял пост пограничной стражи, а теперь в оцепенелой тишине чувствовался холод смерти.

Прошли еще верст пять, и остановились для ночлега. От этого пункта насчитывалось не более 20 верст до первого крупного казачьего поселения, п. Цежей Цакирской станицы.

ГЛАВА XXV

Унгерн нагрянул столь неожиданно для коммунистов, что районный комиссар пограничной охраны не успел скрыться. Теперь он лежал на залитой лунным светом полянке, молодой, круглолиций, в свеженькой светло — серой гимнастерке — френче.

Вечер 23 июля в смысле преобладающих настроений сильно разнился от полуденной поры. Тогда, перед границей ощущалось повышенно — серьезное отношение к опасному шагу. Теперь же каждый приобщился к радости — чувствовать себя вновь на русской земле. На лесных полянах весело потрескивали костры. Возле них шла оживленная суетня: варилось мясо, кипятился чай, и все перебивал вкусный запах шашлыка. С сердцем, полным бессознательного счастья, засыпали мы в тот вечер под приветливый шелест забайкальских деревьев, и проснулись по утру с тем же чувством душевного уюта.

24 июля снова, как и накануне, барон сделал короткий переход, верст в пятнадцать — двадцать, а затем объявил дневку. Верстах в 3–5 от поселка дивизия широко раскинулась для отдыха на мягких лужайках, отделенных одна от другой густыми зарослями. День 24 июля был “легкий”, по выражению русского человека, то есть пасмурный и не душный. На листве охватывавших нас плотной стеной кустов дрожала капельками влага, оставшаяся от утреннего тумана.

Барон имел вкус к природе, сказывавшийся во всегда удачном выборе для ставки. По царственно возвышающейся над всеми деревьями района гигантской лиственницы не трудно было догадаться, что именно здесь раскинул он свою палатку. Пришли казаки из поселков повидаться с земляками и даже молодые казачки с пестрыми праздничными платками на головах показывали из-за кустов свои любопытные носики. Запахло свежеиспеченным хлебом…

В этот день барон собрал достаточные данные о противнике. Он выяснил, что по станицам и поселкам верхней Джиды стоят лишь небольшие отряды пехоты, не свыше полуроты в каждом отдельном пункте. Более же значительные силы красных размещены ближе к Селенге. О слабости противника в том районе можно сделать вывод из того обстоятельства, что полусотня, посланная вверх по Джиде на 40–45 верст, в станицу Цакирскую, беспрепятственно заняла станицу и захватила там автомобиль Центросоюза. На следующее утро полусотня возвратилась к

барону со своим трофеем. К сожалению, автомобиль этот пришлось на другой же день бросить, за отсутствием у нас бензина.

Утро 25 июля было свежее, солнечное, с ясными далями. Переходили реку Джиду против одной из улиц селения, по полутораршинному броду, и пошли трактом вдоль левого берега, вниз по течению.

Кормили у станицы Атаман — Никольской до 19 часов. По заведенному бароном порядку, в селениях размешались лишь комендантские команды и интендантство. Строевым чинам не разрешалось заходить в дома. Но изредка, под благовидным предлогом, офицеру можно было проникнуть за запретные стены частных жилищ, конечно, с известным риском нарваться на самого “дедушку” — барона.

Один почтенный с виду, бородатый и более, чем скромно одетый офицер разговорился со стариками в станице на военные и казачье — крестьянские темы. После того, как эти казаки почувствовали доверие к своему собеседнику, они изложили любопытный взгляд на Советскую власть. О ней говорили казаки, правда, без энтузиазма, но жаловались лишь на то, что им недостает при этом режиме свободной торговли. С остальными особенностями строя они готовы были тогда мириться. В заключение казаки поинтересовались, для чего мы воюем и что, так сказать, начертано на наших знаменах. Этот, казалось бы, естественный вопрос поставил унгерновского офицера в затруднительное положение. Что должен был он ответить, кроме малоубедительного для населения станицы в тот политический момент — мы воюем против Советской власти и социализма!

Знаю, что некоторые из унгерновцев отделывались на подобные вопросы шуткой, например, такого сорта: “Мы привыкли воевать” или “После германской и гражданской войн мы взяли “разгон” и вот теперь не можем остановиться”. Ввиду того, что у барона отсутствовали лозунги, понятные простому народу, нам трудно было беседовать с казаками и крестьянами; действительно, не отвечать же им популярной лекцией по политической экономии и государственному праву.

Дело в том, что барон вышел на русскую территорию в очень неудачный политический момент. Весной 1921 г. по Сибири и России прокатилась волна крупнейших крестьянских восстаний, на которые власть ответила, с одной стороны, жесточайшим террором, а с другой — декретом о НЭПе. Во второй половине июля месяца перед нашим “визитом” в Забайкалье население знало о переходе к свободной торговле, и временно было удовлетворено этим правительственным мероприятием. При

таком положении дела барон, в лучшем случае, мог рассчитывать лишь на прохладное равнодушие широких казачьих масс к его партизанскому налету.

Под утро 26 июля дивизия остановилась вблизи с. Торейского. Переход этот прошел без инцидентов, хотя у барона существовало опасение, что против поселка Нарын — Горохонский нам закроют дорогу два батальона, накануне стоявшие еще там гарнизоном. 26 июля прошли Торейское, Укырчалон и кормили коней до вечера. Отсюда барон повернул на северо-восток; до того же времени он двигался по Джидинскому тракту. Вечером выступили в том же северо-восточном направлении и шли до 12 часов 27 июля. За этот большой переход мы миновали ряд крупных по масштабу поселений, как-то: Бургалтай, Чемуртовское и Ичеты. Через селения мы проходили с песнями. Пели их лихо, с присвистом, с гиканьем. Но тщетно взывали мы: “Марш вперед, друзья, в поход… К вам бароновцы идут — наливайте чары”. Барон все эти дни ехал в авангарде и лично, без участия штаба, руководил операциями головного полка в неизбежных стычках с красными заставами.

27 июля отдыхали до 21 часа, а затем снова двигались всю ночь, не изменяя направления. Часов в 7 утра 28 июля остановились и кормили коней до 12 часов. Теперь мы вошли на так называемый Купеческий тракт, соединяющий Троицко- савск со станцией Мысовой на Кругобайкальской железной дороге, и пошли прямо на север. На рассвете 29 июля Азиатская конная дивизия подходила со стороны Боргойской степи к д. Ново-Дмитриевке, лежащей на речке Иро верстах в четырех от впадения ее в реку Темник. За время с 25 по 29 июля барон сделал около 200 верст и, во исполнение своего основного плана — поднять антикоммунистическое казачье движение, прошел по самому населенному казачьему району. Красноармейские гарнизоны отходили вглубь страны почти без сопротивления. Они отступали в восточном направлении, к реке Селенге, чтобы собраться там в полки и бригады.

После вторжения барона красное командование не могло не встревожиться, что оно не в состоянии воспрепятствовать Унгерну углубиться на сотни верст внутрь страны. Пока разбросанные по поселкам части соберутся в полки, барон Унгерн успеет натворить много неприятностей на Кругобайкальской железной дороге. В частности же, когда определилось движение Азиатской конной дивизии, то красные увидели, что не прикрыта ст. Мысовая со стороны старого Купеческого тракта. Для того, чтобы заткнуть эту щель, ведущую из Монголии прямо на ст. Мысовую,

большевики были вынуждены спешно бросить на это направление последний резерв — Иркутский комендантский батальон. На рассвете 29 июля этот батальон подходил к деревне Ново-Дмитриевке с севера в то самое время, как головные сотни унгерновской дивизии вошли в эту деревню с противоположной стороны. Получив от разведки донесение о встречном движении пехотной части, барон выслал вперед 4–й полк, с приказанием занять все полевые укрепления данного района до прихода противника.

В 1920 г., когда на правом берегу Селенги было неопределенное положение, красное командование на левом берегу построило значительное количество полевых укреплений временного типа, с проволочными заграждениями, блиндажами и пулеметными гнездами. Этими укреплениями оно прикрывало все дороги, ведущие к дороге со стороны реки Селенги и монгольской границы.

Горное дефиле у Ново-Дмитриевки было укреплено следующим образом: первая линия проходила южнее деревни, примерно в полуверсте. Здесь были окопы, блиндажи и проч. Вторая и третья линии находились севернее деревни.

Через всю падь, имеющую в том районе около версты в ширину, шли проволочные заграждения, а склоны сопок изрыты были окопами.

Батальон успел занять третью линию окопов с западной стороны пади одной из своих рот. После того, как командир головной сотни, штаб-ротмистр Исаак вошел в соприкосновение с противником, он направился вправо от дороги, к сопке, чтобы обеспечить за собой восточную сторону пади. По близорукости он не заметил, что другая рота красноармейцев бежит к той же сопке, и вел сотню в пешем строю. За этот грубый промах ему тут же крепко влетело от барона. Положение исправил командир следующей сотни штаб-ротмистр Забиякин. Он влетел на сопку в конном строю, опередив Исаака и красноармейцев. Благодаря этому удачному маневру, красные потеряли возможность затянуть бой. Для ускорения развязки барон приказал поднять на правую сопку одно орудие, чтобы открыть из него огонь вдоль занятых противником окопов.

Две спешенных сотни подхватили пушку и с поразительной легкостью внесли ее на вершину по крутому и безлесному склону. Красноармейцы имели большие потери от шрапнельного огня, направленного им во фланг, и скоро утратили способность сопротивляться.

Бой закончился эффектной конной атакой монгольского дивизиона, бросившегося на противника в лоб, вдоль дороги.

Монголы вылетели на пригорок, где лежала одна из сотен 4–го полка. Здесь они попали под ружейный и пулеметный огонь красных и замялись. Тогда наш Гэгэчин выскочил вперед на своем великолепном сером коне, крикнул несколько заклинаний, плюнул в ладонь и этой рукой сделал движение, как бы бросавшее его слюну во врагов. По этому сигналу монголы с боевым кличем лавиной обрушились на красноармейцев. Они прорвали лошадьми проволочные заграждения и доскакали до окопов противника. Тогда красноармейцы бросили винтовки и подняли руки. В этом бою барон взял в плен 100 здоровых красноармейцев и столько же примерно раненых, да захватил 5 исправных пулеметов.

Барон умел пронизывать взглядом. Нелегко было спрятать затаенную мысль от его цепких, холодных глаз. В отношении же разоблачения партийных большевиков, пытавшихся раствориться в беспартийной массе, барон Унгерн обладал особым чутьем, почему всегда лично осматривал пленных. Мобилизованных и беспартийных красноармейцев барон отпускал на свободу. Если кто-либо из бывших врагов обращался с просьбой принять его в качестве добровольца, барон не всегда удовлетворял такие ходатайства — одних принимал, а другим отказывал.

Любопытная подробность: с Иркутским комендантским батальоном шел артиллерийский дивизион, из 8–ми полевых орудий. Пушки, конечно, запоздали к началу боя, потому что по горной дороге они не могли поспевать за пехотой. Когда же артиллеристы услыхали стрельбу, то вместо того, чтобы бросится на помощь своим товарищам, они повернули назад и без передышки нахлестывали коней до самого Байкала.

После этого боя открылась дорога на Мысовую, до которой насчитывалось 50–60 верст от деревни Ново-Дмитриевки. Это направление могло привлечь внимание барона по тем соображениям, что ему теперь представилась возможность выйти на Кругобайкальскую железную дорогу, чтобы разрушить несколько тоннелей и этим способом перервать единственную советскую коммуникацию, ведущую в Забайкалье. Свободен также был и проход по реке Темнику, выводящий к Гусиному озеру, а оттуда — и на Верхнеудинский тракт и дальше, к Татауровскому мосту.

Барон избрал второе направление, что было совершенно правильно. Генерал Унгерн учитывал, что в район Мысовой легко зайти, но трудно оттуда выбраться. По причине особых географических условий, с Кругобайкальской железной дороги его едва ли выпустят назад. Он, во всяком случае, не желал облегчать задачу для своих врагов. И второе — в том горном,

безлюдном краю он не может рассчитывать ни на антисоветские восстания, ни на прилив добровольцев. Возле же Гусиного озера, думалось барону, пойдут казачьи станицы и, как знать, не поднимутся ли они по его призыву против поработителей?

На основании этих соображений Унгерн отказался от очень соблазнительного для убежденного партизана акта — разрушения такой важной в стратегическом отношении железной дороги, как Кругобайкальская. Некоторую также роль в разрешении вопроса в пользу движения на Верхнеудинск сыграло желание барона согласовать свои действия с атаманом Семеновым, ведущим, по слухам, наступление на Забайкальской железной дороге со стороны могущественной державы. В сундуке штабной повозки он тщательно хранил какие-то письмена, начертанные непонятными нам иероглифами. Барон придавал исключительное значение тем документам, о чем не раз говорил разным лицам[37].

Выступление Иркутского комендантского батальона в роли боевой части говорило за то, что красное командование выбросило уже на борьбу с бароном Унгерном все наличные силы. Из опроса пленных и показаний местных жителей было установлено, что для уничтожения дивизии барона и намеченной оккупации Монголии между Байкалом, рекой Селенгой и монгольской границей сосредоточено две пехотные дивизии (18 полков), 18 эскадронов дивизионной конницы при 50 полевых орудиях. Кроме того, по Монголии, тяготеющей к Урге и Ван-хурэ, гуляла уже бригада Щетинкина из трех родов оружия и 3–го полка Кубанской кавалерийской дивизии. Вторая бригада Кубанской дивизии высаживалась в те дни (конец июля 1921 г.) на станции Верхнеудинск.

Автор оговаривается, что он не имел возможности проверить данные о силах противника по советским источникам. По нашим сведениям, к 29 июля ниже г. Новоселенгинска, по р. Селенге и по нижнему течению р. Джиды красные сосредоточили два кулака, каждый из 3 полков пехоты. Слыхали мы также, что несколько не столь значительных отрядов, с артиллерией и пулеметами, якобы, посланы уже по всем направлениям, чтобы закрыть барону путь отступления в Монголию. Следует воздать должное искусству барона в том, что он сумел с честью выйти из этого весьма сложного положения.

ГЛАВА XXVI

В четыре часа утра 30 июля унгерновского дивизия снялась с лагеря и длинной лентой начала втягиваться в ущелье, пробитое рекой Темником в горах Хамбинского хребта. От д. Ново-Дмитриевки до Гусиноозерского дацана насчитывается около 50 верст. Из того числа не менее 30 верст приходится следовать вдоль р. Темника. Первый привал барон сделал в 12–18 верстах от Ново-Дмитриевки, у каких-то бурятских домиков, с целью дождаться присоединения дивизиона 3–го полка, ходившего в погоню за убежавшим на север артиллерийским дивизионом красных. Сотни возвратились кратчайшим путем, через горы. Они неожиданно появились над нашими головами, за рекой, и картинно сползли в долину по почти отвесному склону. Под вечер 30 июля перешли реку и ночевали на левом берегу, неподалеку от брода, в 16–17 верстах от дацана, на уютных лужайках, прекрасно укрытых со всех сторон горами и кустарниками. От места ночлега недалеко уже было до выхода на простор Гусиноозерской впадины.

К утру 31 июля барон имел исчерпывающие сведения о противнике: в дацане квартировал батальон с двумя орудиями, прибывший туда накануне из г. Новоселенгинска. Два батальона того же полка 30 июля стояли еще в городе. На юг от озера, ни в Селенгинской Думе, ни в д. Билютай — красноармейцев не было. В 6 часов дивизия выступила в дальнейший поход. Утро предвещало пасмурный день. Плотный туман долго не расходился в пади. Когда же тепловые излучения оттолкнули его из низин, он поднялся к вершинам гор и прочно зацепился за них. В начале восьмого часа лента дивизии вынырнула из теснин р. Темника и поползла на север. Обогнув круглую концевую сопку, стоящую в юго-восточном углу Хамбинских гор, мы перевалили затем два увальчика и остановились на покатом склоне. Отсюда открылась широкая долина, простирающаяся до самого горизонта, заполненная посередине мутно поблескивающим стеклом.

Это было Гусиное озеро, приобретшее зимой 1920 г. грустную известность в связи с предательским нападением чахар на своего начальника дивизии, генерала Левицкого, и избиением всех офицеров отряда. Северный берег тонул в туманной дымке. До него было, вероятно, верст тридцать (озеро имеет 24 версты в длину и 10 верст в ширину). Возле берега, в ближайшем к нам юго-западном углу озера тускло желтели позолоченные крыши

кумирен, вокруг которых группировались бревенчатые домики монастырского поселка.

Барон Унгерн прежде всего принял меры к тому, чтобы красноармейцы не убежали вдоль западного берега озера. С этой целью он приказал командиру 2–го полка, шедшего головным, быстро занять увал, господствующий над дацаном с севера. Во время атаки 1–й полк держал направление на юго-западную окраину поселка, где сосредоточены главные средства обороны — стояли пушки и большая часть пулеметов. 3–й полк занял высоту 280, оттуда он обстреливал южный край поселка и все пространство, лежащее между высотой и берегом озера. 4–й полк в бою не участвовал.

Красные открыли артиллерийский огонь по дивизионной колонне еще до того момента, когда 1–й и 3–й полки отделились от нее. В ответ на это 2–й полк двинулся на дацан в конном и пешем строю. С севера, вдоль берега озера, 5–я сотня подъесаула Слюса и с запада 2–я сотня подъесаула Куща пошли в конном строю. Сотня Куща, правда, была отбита ружейным и пулеметным огнем красных, стрелявших из-за заборов. Все же она блестяще выполнила задачу привлечения на себя внимания противника, так как благодаря этому маневру сотня Слюса проскочила в поселок со стороны озера. После нескольких достаточно острых боевых схваток в улицах дацана, Слюс дорвался до пушек и захватил их со всей прислугой, не успевшей отскочить от орудий. Почти одновременно с 5–й сотней к дацану прибежал спешенный дивизион 1-го полка.

Красноармейцы побросали тогда пулеметы. Они высыпали на южную окраину поселка и там остановились в нерешительности. Небольшая группа, человек сорок, побежала на восток по болоту, у самой воды. Один из беглецов неуклюже скакал на тяжелом, но сильном коне. Никто из чинов 1–го полка не мог преследовать бегущих, потому что все внимание их было поглощено теми 250–300 красноармейцами, которые то бросали винтовки, то вновь схватывались за них. Спешенные всадники 1-го полка прекратили огонь и в ожидании, что красные начнут сдаваться, медленным шагом подходили к ним.

В этот, всегда очень ответственный момент боя один из татар неосмотрительно крикнул своему командиру сотни: “Господин поручик, у нас нет патрон!”… Красноармейцы услыхали ту фразу и в отчаянной последней надежде открыли огонь в упор по подошедшему к ним дивизиону. Тут было убито и ранено около 30 наших бойцов, в частности, и тот “господин поручик”, которого так опрометчиво окликнул всадник — татарин. По счастью, одна из сотен 1–го полка подходила в конном строю.

Полковник Парыгин лично бросился с этой сотней на красных и принудил их к сдаче. Командир 3–го полка, войсковой старшина Янков, вызвал сильный гнев барона тем, что выпустил из дацана весь комсостав и политических комиссаров (бежавших через болото). Янков был тотчас же смещен на должность старшего офицера 1–го полка, а на его место назначен есаул Очиров. Этот скромный казак- бурят, неграмотный по — русски, счастливо сочетал в себе блестящее мужество с поразительной для того времени душевной кротостью.

Красноармейцы потеряли в бою 100 человек убитыми и столько же ранеными. Нами захвачены 2 пеше-горных орудия трехдюймового калибра со снарядами, 6 пулеметов, канцелярия и денежный ящик. Раненые из пленных, получившие перевязку совместными усилиями нашего и красного медицинского персонала, были сданы на попечение последнего. Здоровым же Унгерн приказал возвратиться в дацан. Не вернулись туда лишь 24 коммуниста. Барон снабдил красноармейцев продовольствием на три дня и отошел на отдых в урочище Тамчи, где были разбросаны группочками маленькие бурятские домики и сенные сараи. Многие из пленных обращались к барону с просьбой о принятии их добровольцами в дивизию, но “дедушка” отказывал всем в самой категорической форме. Он полагал, что имел уже достаточное количество рядов в русских сотнях и, с другой стороны, справедливо опасался разжижать дивизию большим количеством не вполне понятных и малонадежных людей (справедливость требует пояснить, что все вступившие в ряды дивизии бывшие красноармейцы служили барону верой и правдой и ни в чем не заслужили упрека)32. Из разговоров с красноармейцами мы узнали, что их полк только что возвратился из Тобольской губернии после ликвидации грандиозного восстания, охватившего всю Западную Сибирь.

Эти двадцатилетние дети, все новобранцы — сибиряки, с невинным видом поведали нам жуткую повесть о том, как они “расколошматили” своих отцов, боровшихся за кровное крестьянское достояние. Мы искренно удивлялись тогда искусству Советского правительства, организовавшего усмирение крестьян руками их собственных сыновей. Барон не проявил никакого интереса к документам батальонной канцелярии. Он приказал сжечь все бумаги, а заодно и 4 миллиарда советских денежных знаков.

31 июля полковник Кастерин обратился к барону с просьбой освободить его от должности начальника штаба дивизии. Унгерн отпустил его в полк, а вакантную должность предложил полковнику Парыгину. “Идите ко мне начальником штаба”, —

сказал барон — “Не думайте, что я бью всех начальников штаба. Вас я бить не буду”. “Да я и не позволю”, — возразил ему Парыгин. Характерным жестом барон вскинул голову и пристально посмотрел на полковника. “Вот вы какой? А я и не знал”. Парыгин решительно отклонил лестное предложение, сославшись на недостаточное образование. На эту должность был назначен Генерального штаба полковник Островский, состоявший до того времени штаб-офицером для поручений при генерале Резухине.

Из урочища Тамчи барон Унгерн вышел утром 1 августа и направился на восток, к г. Новоселенгинску, отстоящему в 30–35 верстах от Гусиноозерского дацана. В семи верстах от города дивизия остановилась. Отсюда барон отправил в город генерала Резухина, с приказанием уничтожить все средства переправы на нашей стороне.

После ухода бригады (3–й и 4–й полки) барон отошел на север, в урочище Цаган-Джемган. Вечером того же дня полки возвратились из экспедиции, и дивизия выступила в дальнейший поход на север, по тракту Новоселенгинск — Верхнеудинск. Генерал Резухин доложил, что к моменту подхода его к городу красные батальоны почти полностью эвакуировались на правый берег Селенги. На возвышенностях перед городом его обстреляла с большой дистанции рота красноармейцев. Но рота эта, не приняв боя, поспешно перебралась на девееровский берег в заранее заготовленной барже. Горожане рассказывали, что беглецы из дацана навели накануне столь отчаянную панику, что командир полка счел за благо немедленно ретироваться на противоположный берег реки. Унгерновцы стояли в городе ***3–4*** часа. Жители довольно радушно угощали их (ведь мы расплачивались полноценной валютой!), но держали себя подчеркнуто осторожно. Чувствовалось, что они до ужаса боятся и нас, и последствий нашего визита.

Утром 2 августа дивизия прибыла в Загустай. Так именуется урочище на северном берегу озера. Барон объявил здесь дневку. Длительная стоянка в Загустае объясняется не столько потребностью в отдыхе для лошадей, как тем, что настал час ответственного решения: барону требовалось время, чтобы получить все необходимые сведения и хорошенько обдумать свои дальнейшие шаги. Вполне достаточно было 260–280 верст похода по Забайкалью, чтобы посеять в душе барона сомнение в сочувственном отношении казаков к его идее возобновления борьбы против коммунистов. До очевидности также сделалось ему понятно, что весенние восстания повсюду основательно подавлены. Немного, таким образом, осталось надежд на долю

барона… Что же ему следовало делать? Может быть, осуществить логичный для партизана акт взрыва железнодорожного моста у деревни Татаурово, до которого теперь было свыше 100 верст?

Вероятно, барон и держал в мыслях это намерение вплоть до того времени, пока не получил точных сведений о походе к Верхнеудинску 2–й бригады Кубанской дивизии. Это был очень серьезный противник, обладавший одинаковыми свойствами подвижности и, может быть, превосходящий нас по силе, потому что две трети бароновской дивизии состояло из монголов, китайцев и прочего небоеспособного материала. Отдавая приказание о предстоящем наутро выступлении назад, по западному берегу озера, барон сделал попытку “сохранить лицо”. Он довел до широкого сведения, что, конечно, он взорвал бы мост, если бы нашел это нужным. Но добровольно отказался от этого плана, так как полагал, что железная дорога потребуется для наступающих уже на Иркутск войск атамана Семенова.

3 августа мы повернули на юг, в Монголию. Барон не чувствовал уверенности в том, что сможет проскочить мимо Гусиноозерского дацана. Был момент, когда он направил уже голову колонны по дороге, выводящей из озера на Купеческий тракт Мысовая — д. Ново-Дмитриевка, через Хамбинский хребет, минуя дацан и опасное ущелье р. Темника. Дивизия кормила коней, пока головной отряд производил разведку дороги. По дивизии сразу же поползли слухи о том, что барон выходит на новое направление с целью взорвать тоннели на Кругобайкальской железной дороге. Но, конечно, предположения эти ни на чем не были основаны. Барон один раз уже отказался от этого плана, когда обстановка более ему благоприятствовала. Ясно, что и теперь он нисколько не интересовался тоннелями: он лишь просто нащупывал безопасные пути, ведущие в Урянхай. В 17 часов командир разведывательной сотни доложил о полной непригодности дороги через Хамбинский хребет для артиллерии и обоза, и барон тотчас же выслал 3–й полк на дацан. В 18 часов 3 августа дивизия тронулась с бивака, чтобы продолжать свое движение вокруг озера.

Какая-то конная часть противника без выстрела отходила впереди наших дозоров. На фоне темнеющего неба маячили фигуры красных кавалеристов. Дивизия шла с предельной быстротой, равняясь на гурт скота (воображаю, что за работа выпала в ту ночь на долю сосланных в команду Бурдуковского офицеров-погонщиков скота!..), потому что барон спешил проскочит мимо дацана и, вообще, поскорее оставить за собой участок пути, отделявший его от горловины пади реки Темника. У него были основания полагать, что к этой географической точке с

трех сторон стягиваются красноармейские полки, чтобы захлопнуть ловушку, созданную самой природой.

О степени опасности нашего положения на походе мы судили по “позиции” барона: если он находился в головной части, это всегда означало, что ожидаются серьезные события. Тот вечер и всю ночь на 4 августа Унгерн ехал рядом с командиром разведывательной сотни, иными словами — вел дивизию по лично им самим обследованному пути. Вероятно, кое — где вдоль пройденной за ночь дороги прятались красные заставы или отдельные посты, потому что утром мы не досчитались десятков двух чинов дивизии, имевших неосторожность выехать из строя с целью достать молока или хлеба в домиках поселян. А может быть, красноармейцы здесь были не причем. Впоследствии мы убедились, что в некоторых районах жители по собственной инициативе предательски убивали наших одиночных “фуражиров”, или же сдавали их красным властям.

С одной получасовой передышкой, в пахнувших свежестью прибрежных кустах загадочно шумящего Темника, переход длился с 18 часов 3 августа до 6 часов следующего дня. После непродолжительной стоянки, объяснявшейся необходимостью скрытно подойти к красной заставе, мы снова тронулись дальше вверх по Темнику. В ту ночь барон был озабочен вопросом о том, какими силами занята д. Ново-Дмитриевка. Он знал, что там стоит какая-то воинская часть, но до захвата заставы точной информации не имел.

Чем опаснее положение, тем, казалось, полнее дышал барон всей грудью, потому что чувствовал себя в родной стихии. В течение перехода от озера до деревни он был прост, приветлив и спокоен настоящей выдержкой храбреца. Чрезвычайно также характерно, что в искусстве разведки он обладал тончайшей интуицией и чутьем подлинного хищника. Так и в данном случае Унгерн издали почуял красную заставу (неподалеку от того места, где был бой с Иркутским батальоном) и очень точно, без выстрела снял ее. Захваченные в деревне врасплох две роты противника поспешно ретировались тогда в сторону станицы Боргойской, откуда, как мы узнали, уже спешила к Ново-Дмитриевке целая бригада советской пехоты.

ГЛАВА XXVII

Около 8 часов с тех невысоких безлесных сопок, которые поднимаются в версте на юг от деревни и, быстро понижаясь, скоро переходят в плоские холмы, загремели выстрелы 3–го полка по красноармейцам, подходившим густыми цепями. Барон прибыл в 3–й полк перед началом боя. Окинув взглядом свою позицию, сразу же вызвал наверх, на сопки и 2–й полк, считавшийся до того момента в резерве. Можно было с большой вероятностью предположить, что в первый момент боя силы противника равнялись шести батальонам.

Перед тем же, как отправиться к есаулу Очирову (командир 3–го полка), барон вызвал к себе командира 1–го полка, полковника Парыгина, и приказал немедленно вести полк по дороге на Покровское с тем, чтобы занять перевал через хребет Бурин-хан и перенести разведку за перевал. Примерно час спустя после начала боя красные ввели в дело до 9 батальонов. Судя по огню, они имели 8–9 орудий, из числа которых 3 орудия были конно-горного типа, калибра меньше трех дюймов. Во вторую же половину дня они усилились полком пехоты, подошедшим со своей артиллерией к месту боя со стороны станицы Селенгинская Дума.

Интересна лишь первая половина этого боя, когда барон вел активную оборону. К 12 часам все уязвимые части дивизии миновали уже опасную зону, то есть вышли на дорогу в Монголию, поэтому бой принял арьергардный характер. Красные залегли в 2000 шагах. Но несколько рот подошло гораздо ближе, и дружно принялись работать лопаточками шагах в 600–800 от нашей позиции. Опасно было допускать красноармейцев окопаться в такой непосредственной близости, поэтому барон приказал русскому дивизиону 2–го полка отбросить противника атакой в конном строю. Тотчас же три сотни дивизиона есаула Слюса скатились по крутому склону к коноводам, а через несколько минут вынеслись на гребень сопки и распластались на своих маштачках, развертываясь на намете в лаву. Через минуту всадники проскочили ближайшие к нам цепи красных, не понеся при этом никаких потерь. В свою очередь, и они не рубили красноармейцев, потому что те побросали винтовки и подняли руки вверх.

Но, как это часто случается в конных атаках, где обстановка меняется с кинематографической быстротой, никто не позаботился о том, чтобы отогнать сдающихся в плен врагов от их

оружия. Есаул Слюс не имел к тому никакой возможности, барон же и командир полка прозевали момент. Поэтому, когда две сотни проскочили через первые цепи и устремились дальше к следующему полку, оставшиеся позади красноармейцы вновь схватились за винтовки и открыли огонь в спину казакам 4–й и 5–й сотен. Последние повернули тогда вправо и, обогнув по большой дуге стрелявших по ним красноармейцев, заняли бугор за нашим правым флангом, удлинив тем самым линию обороны. Здесь, на правом фланге, есаул Слюс находился до конца боя, ведя перестрелку с непрерывно атаковавшим нас противником.

Третья же из ходивших в конную атаку сотня подъесаула Куща пущена была в охват правого фланга красных. Когда Кущ выскочил на тракт, он очутился нос к носу с бронеавтомобилем: их разделял лишь небольшой участок поля и… изгородь из жердей. Тем не менее, Кущ пошел на броневик, так как в столь затруднительный момент он не видел иного выхода из положения. Как ни странно, автомобиль повернул назад и, отстреливаясь из пулемета, уполз за бугор. Сотня Куща доскакала до забора, а затем вернулась к своему полку. Эта конная атака все же дала некоторый положительный результат: во — первых, она вызвала отход автоброневого взвода (второй автомобиль в момент атаки Куща был за бугром, сзади правого), затем повлекла отступление красноармейских частей, не желавших подвергаться новым атакам и, кроме того, на некоторое время сократила наступательную энергию противника. После нескольких удачных попаданий унгерновской артиллерии броневой взвод укатился в тыл и не только до конца этого боя, но и вообще больше нигде не показывался.

В начале боя барон вызвал на позицию 6 орудий. Одно орудие он послал в атаку вслед за дивизионом есаула Слюса, но при спуске с горы пушка перевернулась. Сама судьба таким способом разрешила вопрос о том, что артиллеристам нет места в конной атаке. 1–я батарея поднята на гору в начале боя, 2–я же батарея из трех орудий оставалась в резерве до того момента, пока не появились на сцену бронеавтомобили; тогда командир 2–й батареи, поручик Виноградов поднял по своей инициативе два орудия и преследовал броневики метким огнем.

Не лишена оригинальности встреча, устроенная бароном подъесаулу Кущу: “Почему не взяли броневика?”, — налетел на Куща барон с поднятым ташуром — “Говори, почему?” Несмотря на гневный тон речи, барон не ударил Куща. Он сознавал, что требование его было невыполнимо хотя бы по той причине, что в сотне не имелось ни одной ручной гранаты.

После того, как красные получили подкрепление,

подошедшее со стороны Селенгинской Думы, они снова перешли в наступление по всему фронту. На этот раз барон бросил в контратаку 3–й полк Очирова в пешем строю. Очиров оттеснил левый фланг противника за тракт и вскоре возвратился на прежнюю позицию. За тот период времени, когда очировский полк занимал участок только что оставленный противником, по ошибке в наше расположение въехал какой-то красный командир из состава чинов штаба дивизии. Он назвал себя весьма громкой русской фамилией, бывшим кадровым офицером гвардии и т. д. Унгерн терпеливо выслушал краскома, после чего приказал ему спустить галифе. Со всей очевидностью проявилось его еврейское происхождение.

Около 16 часов красноармейцы усилили свою активность. Они открыли энергичный обстрел позиций 2–го и 3–го полков примерно из 12 орудий. По счастью, и на этот раз они стреляли исключительно гранатами, почти не приносившими вреда унгерновцам, укрывшимся за камнями.

Под грохот пушек красные повели наступление и вынудили нас отойти через Иройскую падь, за дацан, на следующую гряду гор. Но барон отказался от продолжения боя на новой позиции. Обозы, артиллерия и половина строевого состава дивизии были уже далеко. Барон считал, что его задача — задержать противника — выполнена блестяще и, вероятно, испытывал полное удовлетворение от этой азартной игры со смертью. Поэтому он приказал своим сотням отходит по дороге на с. Покровское.

Между тем начало смеркаться. Некоторые из сотен, находившиеся на левом фланге, связь с которыми нарушилась, не заметили отхода дивизии и оторвались. В этом не было ничего странного, потому что в унгерновской дивизии, при крайне ограниченных средствах связи, многое делалось исключительно “на глаз”, по принципу: “Смотри в оба! Не зевай! Но и сохрани тебя Боже от паники!” Отрезаны были следующие сотни: японская и монгольская сотни 3–го полка и две китайских 1–го полка. Кроме того, в тылу противника оказались две сотни 4–го полка ротмистра Забиякина, которые стояли на сопке над деревней, для охраны левого фланга от обходов. С Забиякиным разделила учесть пулеметная команда штаб-ротмистра Аргентова.

Вечером 4 августа барон находился в отвратительном настроении. Его волновала судьба отрезанных 6 сотен — выйдут они или не выйдут из боя? Ему не нравилось решительно все: сильно заболоченный подход к подъему через перевал, крутая дорога с глубокими промоинами, натуженные усилия артиллерийских и обозных коней, слишком медленно

вползающих в гору, и усталый вид людей в сотнях (еще бы не усталый! Ведь лошади не брали в эту крутизну даже пустой телеги; пушку тянуло 40 человек и каждую повозку поднимали на руках; лишь к утру одолели мы подъем).

Свое раздражение он сорвал на генерале Резухине. Найдя его спящим у костра, возле вершины перевала, барон весьма неделикатно разбудил его. “Я послал тебя вперед делать дорогу, а не спать”, — кричал барон и, по словам полковника Кастерина, при этом четыре раза ударил генерала своей увесистой палкой. Очевидцы этой сцены были, якобы, неприятно удивлены тем, что генерал Резухин не придумал ничего иного, как вытянуться перед грозным бароном с рукой у козырька фуражки. Этот тягостный случай имел самые печальные последствия для Б. П. Резухина. Через 12 дней он поплатился за него жизнью… Но об этом после.

Впоследствии убийцы генерала говорили, что ему представлялся блестящий шанс спасти свою жизнь и крепко взять в руки дивизию. В минуту естественной деморализации, вызванной крайним переутомлением всего личного состава, начиная от командиров полков и кончая обозниками, любой эксцесс по отношению к барону был бы оправдан, и Резухин приобрел бы такую популярность, что его буквально носили бы на руках. Но… упущенный случай не повторяется.

Заслуживавшая постоянного подчеркивания бароновская хозяйственность проявилась и тут: весь подъем на перевал и спуск в долину, откуда хорошо, по-родному тянуло запахом свежескошенного сена, был иллюминирован кострами. За хребтом барон сделал остановку для того, чтобы подтянулся хвост дивизионной колонны. Весь переход мы усиленно пылили по дороге, ведшей к реке Джиде, по кратчайшему направлению. В 10 часов утра втянулись в очаровательные сосновые перелески, каждый из которых окаймлял поляну, засеянную ритмично качающимися золотыми колосьями ржи. Все эти отдельные “планы” сцены связывались между собой и оживлялись торопливо пробегающей речкой, которая своей свежестью смягчала крепкий, пьянящий запах разогретых солнцем смолистых деревьев. От этого уютного уголка Забайкалья остались в памяти широкие солнечные пятна — поляны, и игра лучей на зеленых кронах, и яркие блики света там и сям, на земле, под деревьями.

По установившемуся уже порядку, днем мы отдыхали и выкармливали коней. Под вечер же часов около двадцати, прошли через большое село Покровское. Вероятно, день был праздничный, потому что по селу из конца в конец носились звуки гармонии, и народ толпился на улице. Крестьяне встретили нас низкими поклонами и внешне охотно делились хлебом. Но,

кто знает, что лежало на душе жителей с. Покровского. Ведь, далеко опережая дивизию, бежала тысячеустая молва, разукрасившая и личную жестокость нашего начальника, и так называемые “унгерновские зверства” чинов дивизии. Не являлась ли приветливость лишь маской, за которой скрывались чувства опасения за свою жизнь?

Перед рассветом барон сделал короткий привал у какой-то речки, вероятно, Капчеранки. Возле нее стлался густой, холодный туман. Солнце еще не поднялось над горизонтом и лохмотья облаков плавали над долиной, когда затрещали частые выстрелы там, впереди, где сошлись вплотную лесистые сопки. Пули с сердитым шипением пролетали вдоль колонны. Одной из них чувствительно ранен дивизионный интендант, весельчак Россианов. В виде самоутешения, он мог гордится, что получил столь же деликатное ранение, как и “дедушка” — барон в бою под Троицкосавском.

Когда туман расползался по горам, в самой вершине пади, в полуверсте от подтянувшейся со всеми обозами дивизии показались домики деревушки Капчеранки. Она раскинулась по склону сопки, у самого перевала, за которым начинался уже медленный спуск к реке Джиде. Вскоре выяснилось, что произошла довольно обычная для нас история: разведывательная 1–я татарская сотня 1–го полка спокойно вошла в деревню; когда же она полностью втянулась в нее, из домов выскочили красноармейцы, разбуженные топотом коней, и начали в упор расстреливать татар. Одной из первых пуль был смертельно ранен командир сотни, хорунжий Мухаметжанов, а вслед за ним упали с коней убитыми и ранеными около половины наличного состава сотни. Уцелевшие всадники проскочили через деревню и залетели в гору. Оттуда они открыли беспорядочный огонь по деревне, а заодно уже и по своим, потому что дивизия стояла на продолжении прямой, по которой они стреляли по неприятелю. Татары продолжали вести огонь в этом направлении до тех пор, пока командир полка, полковник Парыгин, лично не пробрался к ним и не взял их в свои руки.

По силе огня противника можно было вывести заключение, что количество красноармейцев не превышало 200 человек. Барон послал в лобовую атаку на деревню дивизион 1–го полка, а трем сотням 2–го полка приказал обойти красных по горе, с правой стороны. После упорного боя, длившегося чуть ли не 4 часа, красноармейцы были оттеснены за гору. В этом незначительном по размерам, но весьма показательном боевом столкновении мы потеряли 50 человек убитыми. Прекрасная иллюстрация к выказанному положению, что красное командование имело

блестящие возможности поймать нас в одном из бесчисленных горных проходов Забайкальской области.

Только в девятом часу дивизия миновала деревню Капчеранку.

После перехода какой-то реки по глубокому броду дивизия в 11 часов остановилась в пади Уссуга. В 14 часов двинулись дальше на юго-запад, к п. Нарын. Казалось бы, что теперь настало время облегченно вздохнуть. Ведь обе советские бригады, переназначавшиеся для ликвидации барона Унгерна, остались далеко позади, и им нас уже не догнать! Почувствовавший ослабление давления противника после деревни Капчеранки, барон использовал свой сравнительный досуг для того, чтобы со всей энергией заняться внутренними делами дивизии.

Выражаясь деликатно — он усилил репрессии. Стали исчезать люди. На каждом привале бросалось по нескольку трупов, изуродованных шашками. Уже на ближайшем ночлеге погибла значительная группа офицеров и всадников. При осмотре покинутого лагеря чины моей команды нашли их тела возле стоянки Бурдуковского, и после того случая каждый день я находил своих зарубленных сослуживцев. Гнет все увеличивавшейся со дня на день бароновской нервности и ожидание неизбежной, бесславной смерти под шашками молодцов из команд Бурдуковского или же Безродного, лишали офицеров выдержки и разлагающе действовали на настроение вообще всех чинов дивизии.

Припоминается следующий случай. На одном привале я разместился по соседству от дивизионного интенданта и принял его любезное приглашение пообедать. Во время чаепития к нам прибежал ординарец начальника дивизии и доложил, что интенданта требует к себе барон. Этот немолодой уже поручик, замещавший раненого Россианова, побледнел и после минуты молчания приказал подать ему лошадь. Показалось странным, что интендант поехал не в ту сторону, где была разбита ставка начальника дивизии, а поскакал вверх по пади, на север. Через несколько минут поручик наметом взлетел на гору, а затем его поглотил лес. Я мало знал убежавшего офицера, но думаю, что ему — пусть даже не строевому офицеру — нелегко было решиться на тот шаг: ведь это равнялось самоубийству, являясь, может быть, самой мучительной формой такового. Весьма показательно, что трепет перед гневом барона сделался страшнее иной опасности.

На рассвете 8 августа дивизия подходила к большому поселку. Это был Верхний Нарын, то есть тот географический пункт, к которому стремился барон Унгерн, чтобы почувствовать,

наконец, себя совершенно свободным от угрозы окружения. Верхний Нарын стоит на Джидинском тракте, в двух — трех десятках верст к северу от границы и достаточно далеко от реки Селенги, возле которой группировались главные силы красных. Дальше шли уже знакомые места. Через Нарын мы проходили дней десять тому назад в обратном направлении. Теперь противник находился позади и, таким образом, нам могли угрожать только арьергардные бои.

ГЛАВА XXVIII

Красные войска, двинутые от р. Селенги по Джидинскому тракту, опоздали к Нарыну на несколько часов. Они в тот же день догнали нас (пехота на подводах) и, выражаясь профессиональным языком — сели нам на хвост. Первый арьергардный бой барон вынужден был дать в 11 часов дня, в районе станицы, на покатом в строну противника склоне. Левый фланг полка упирался в скалистую сопку, а правый доходил до реки. Позиция представляла много выгод для оборонявшегося, потому что левый фланг был обеспечен от обхода, с фронта трудно было бы наступать по открытому склону, и только правый фланг вызывал опасения, в смысле обхода его по другому берегу реки.

На правом фланге полка, у реки, залегла 6–я сотня, составленная из лам и доведенная до 250 всадников, один взвод, который переправился на противоположный берег Джиды для наблюдения за флангом. Красные начали бой силами двух батальонов. Они спустились с бугра, на котором стоит Атаман — Никольская, и довольно дружно двинулись вперед, чтобы сбить нас лобовой атакой. Но вынуждены были настолько плотно залечь на дистанции 1000–1200 шагов, что не смогли подняться, несмотря на пополнение их цепей резервами. До наступления темноты противник вел энергичную ружейную и пулеметную перестрелку с нашим полком. Вечером красные со стороны реки обошли правый фланг барона, 6–я сотня оказалась отрезанной от полка и почти целиком уничтожена. Уцелел лишь тот взвод, который находился на правом берегу Джиды и, таким образом, первый подвергся нападению обходной колонны противника. Гибель сотни в значительной степени зависела от того, что ею временно командовал прапорщик Кузнецов, бывший секретарь Улясутайского консульства, скоропалительно произведенный бароном в офицерский чин, без достаточного боевого стажа.

В 20 часов барон вывел свои части из боя. В бою убит помощник командира 3-го полка, подъесаул Бородин, являвшийся одной из колоритнейших фигур дивизии, с навыками профессионального вестового, у которого, вместе с производством в офицерский чин, проявились его первобытные инстинкты. Его труп удалось вынести из боя лишь в сумерках, вследствие интенсивности огня красных.

После десятичасового боя барон снял 3–й и 2–й полки (последний во время боя у станицы охранял 3–й полк от

глубокого обхода со стороны излучины реки в урочище Саркетуй) и повел их на запад к Харацаю, где его ожидал генерал Резухин. Урочище Саркетуй имеет в поперечном сечении, то есть от гор до гор (с запада на восток), около 5 верст. Оно заполнено глубокой излучиной реки Джиды, сильно забежавшей в этом пункте на север и также круто возвратившейся у своему общему стремлению на восток. И дорога, повинуясь течению реки, делает широкую дугу, а затем полого втягивается в гору, заросшую густым лесом. На перевале, у высоты “529” барон огляделся. “Вот прекрасное место для засады”, — вероятно, подумал он и для этой цели укрыто расположил дивизию 3–го полка с обеих сторон лощины, по которой дорога поднимается к перевалу.

Утро 9 августа, влажное и тихое, не успело еще вступить в свои права, когда на изгибе дороги в урочище Саркетуй показались красноармейские части. Солнышко, перегнувшееся через каменный барьер, озолотило пылившую колонну пехоты и быстрым темпом погнало вверх туман, который окутывал ночью берега беспокойной Джиды… Между тем, батальон подходил все ближе и ближе; каждая рота перед нами, как на ладони. Когда же разведчики поравнялись с нашими притаившимися пулеметами, тут не выдержали нервы начальника команды, штаб-ротмистра Озерова. Он открыл огонь по колонне с дистанции 200 шагов, в то время как условия позволяли ему подпустить противника на самую короткую дистанцию. Под влиянием внезапности, красноармейцы приостановились, затем дрогнули, как-то раздались вдруг вширь, и бодрой поступью стремительно покатились вниз. С полсотни шевелящихся или уже затихших тел осталось там, где находилась голова батальонной колонны.

В продолжении нескольких последующих дней неизменно повторялся тот же порядок: через час — полтора после выступления дивизии в поход красноармейцы показывались в районе нашей последней стоянки и вступали в перестрелку с арьергардом. Унгерновцы отходили, не принимая боя. В то время, когда дивизион 3–го полка стоял в засаде возле высоты 529, барон отходил на запад вверх по течению реки Джиды. Утром с 9 до 12 часов кормили лошадей верстах в десяти на восток от Харацая под вечер прошли поселок Харацайский и ночевали на пологом, обширном склоне горы среди реденького соснячка.

День 9 августа завершился сырым вечером. Костры отбрасывали лишь ограниченные круги тускло — желтого цвета, поглощаемого обычным для того края холодным туманом. Невзирая на то, что было начало августа (по новому стилю), здесь ощущалось первое дыхание осени. С гольцов всю ночь тянуло столь резкой сыростью, что тут мы на собственном опыте узнали,

почему местные жители в продолжении года ни на одни сутки не расстаются с шубами.

В 4 часа 10 августа зашевелилась наша десятиверстная “гидра контрреволюции”. Как всегда в походе по вражеской территории, сперва потянулся авангард. Это была одна из сотен того полка, которому выпала очередь идти в голове колонны. Через полчаса на дорогу вытянулись полки, пулеметные команды, артиллерия и несколько сот повозок дивизионного обоза. В стороне от дороги проходили табуны, которых гнали всадники команды Бурдуковского. Дальше десятка два пеших, босоногих оборванцев, под наблюдением конных “бурдуковцев”, энергично поторапливали хворостинами и криком быков, устало передвигавших ноги.

Эти жалкие погонщики скота относились к разряду заживо погребенных офицеров и всадников, которые имели несчастье в чем-либо провиниться или же подпасть под подозрение. Часть из осужденных на изгнание из строя сразу же погибала, а некоторым счастливцам удавалось зацепиться на время за жизнь в качестве поднадзорных погонщиков. В категорию подобных отщепенцев попал наш единственный кадровый конно-артиллерист, капитан Оганезов за то, что во время какого-то боя имел неосторожность обстрелять сопку, на которой находился сам “дедушка” — барон. В оправдание незадачливого командира батареи следует сказать, что его ошибка была не так уж груба, по причине отсутствия в дивизии средств связи. Через несколько дней после этого случая, в босой растерзанной фигуре я с трудом признал бравого капитана, еще так недавно щеголявшего своими тишкетами.

Под вечер 10 августа к дивизии присоединились еще 6 сотен, оторвавшихся в бою под Ново-Дмитриевкой. Этот отряд привел ротмистр Забиякин. Он шел параллельным курсом, без дорог верстах в десяти севернее реки Джиды. Отряд несколько раз предпринимал попытки прорваться на тракт для соединения с дивизией, но до 10 августа каждый раз натыкался на красных, двигавшихся вслед за бароном. Во время боя у станицы Атаман — Никольской до нас дошли слухи по бурятскому “беспроволочному телеграфу” об отряде, прошедшем верстах в десяти к северу от станицы; с того времени мы поджидали Забиякина на каждой остановке. Барон казался заметно обрадованным. Он обласкал Забиякина и произвел в чин подполковника. Горячо благодарил также и начальника пулеметной команды, штаб-ротмистра Аргентова за то, что последний вывез все пулеметы, невзирая на отсутствие дорог. Людям в возвратившихся сотнях барон дал двухдневный отдых от нарядов.

Краткая запись в дневнике о событиях 11 августа гласила:

“Двинулись на Хамней. В 14 часов кормежка, не доходя 8 верст до этого поселка. Прошли Хамней и ночевали”. Бивак для ночлега выбран был в 10 верстах за поселком Хамней, у реки того же наименования. На этой стоянке барон разделил дивизию на две части. Он решил оставить генерала Резухина в арьергарде с первой бригадой, двумя орудиями и четырьмя пулеметами. Что же касается самого барона, то отсюда он ушел на запад с 3–м и 4–м полками, с отдельным отрядом Бишерельту-гуна, доведенным до 5 сотен монголов, артиллерийским дивизионом (8 орудий), пулеметными командами, обозами и лазаретом.

На рассвете загремели выстрелы. К заставе подходили красные. Генерал Резухин приказал полкам занять гребень гор на левом берегу реки Хамней, чтобы задержать противника на один день и этим позволить барону оторваться от нас на переход в 25–30 верст. Со стороны красных наступал полк пехоты. Привыкшие уже к тому, что мы не принимали арьергардного боя, красноармейцы несколько раз бросались в атаку через падь и предпринимали также попытки охвата правого фланга нашей позиции со стороны реки, неся заметные потери. Во время боя прекрасно, безотказно работали батарея поручика Балка и пулеметная команда подъесаула Иванова. Отличились, по обыкновению, казаки оренбуржско-забайкальской сотни, неоднократно бросавшиеся в контратаки. Под вечер подошли к красным какие-то подкрепления и батарея. Но было уже поздно что-нибудь исправить в их положении, потому что к этому времени красноармейский полк понес столь чувствительную убыль в рядах, что утратил боеспособность.

В сумерках бригада Резухина снялась с позиции. Ночью она прошла станицу Цакирскую, а на рассвете, после двадцативерстного перехода переправилась через р. Джиду против пади речки Хайки (правый приток Джиды). За тот короткий промежуток времени, пока полки брели через реку, генерал произвел беглый осмотр местности. Требовалось дать урок вежливости противнику, сделавшемуся до неприличия назойливым, хотя бы для того, чтобы иметь возможность спокойно подняться на Модонкульский голец.

К большому удовольствию генерала, тут же непосредственно у брода возвышалась отвесная сопка, поросшая сосной. На ней генерал расположил 1–й полк, все пулеметы и одно из орудий. 2–му же конному полку он приказал отойти вверх по пади и укрыться от взоров противника. К тому времени, когда все приготовления закончились и люди отведены от винтовок, красные подошли к переправе.

Пятнадцать — восемнадцать конных красноармейцев выехало

на левый берег Джиды и долго, минут двадцать, исследовало место переправы. Затем они перешли на нашу сторону, внимательно осмотрели занятую нами сопку и, наконец, вернулись на свой левый берег. В тот же момент сквозь узкую, вырытую специально для дороги к крутому берегу траншею на прибрежный песок хлынуло несколько сот красноармейцев — одни пешком, другие на подводах. Когда вся эта воинская часть сгрудилась у переправы на дистанции не свыше 400–500 шагов от наших пулеметов, генерал подал команду: “Огонь!”

В красноармейской группе поднялась типичная паника. Люди метались в поисках выхода. Но бежать некуда: высокий, обрывистый берег крепко замкнул своих жертв, а единственный выход — дорожная траншея — в первый же момент оказалась плотно забитой повозками. В инстинктивном порыве перебраться через двух-трехсаженный барьер берега живые взгромождались на сраженных соратников с тем, чтобы, в свою очередь, уступить место новым быстро сменившимся фигурам в защитной одежде. Вероятно, лишь незначительной части красноармейцев, попавших в засаду, посчастливилось выскочить из этой переделки. Этот прощальный жест генерала Резухина очень не понравился красноармейскому командованию. После того случая оно остановило преследование, что позволило бригаде беспрепятственно удалиться в пределы Монголии.

ГЛАВА XXIX

После незначительного отдыха, который настоятельно требовался коням перед подъемом на Модонкульский голец, бригада выступила в 12 часов вверх по речке Хайке. В соответствии с одним — другим поворотом горной речки, за нами закрылась навсегда долина р. Джиды, и нельзя уже было в просвете пади видеть темно — зеленые массивы левого берега. Одновременно с тем, в силу привычной военной психологии, утонули в бездне сходных воспоминаний: и только что разыгравшаяся на прибрежном песке трагедия советского батальона, и самое представление о преследовавшем нас противнике. Моя мысль вернулась в колею своих “унгерновских” проблем, которые, как я знал, сильно заботили в те дни многих офицеров дивизии. Я был настолько поглощен вопросом о чрезвычайной сложности положения, создавшегося в дивизии, и об особой пикантности своей собственной позиции, что против обыкновения почти не обращал внимания на подчеркнуто нежную прелесть отдельных уголков на фоне могуче — грубого горного ландшафта, на уют маленьких распадочков и мягкость красок там и сям вкрапленного в картину лиственного леса, чуть обожженного уже ночными холодами.

По следам, протоптанным тысячами ног прошедшего накануне бароновского отряда, бригада свернула от р. Хайки на юго-запад. Длинным и крутым косогором, покрытым редким лесом, мы поднялись на первый хребет. С перевала открылась перспектива постепенно снижающихся хребтиков, уходивших направо, на север, туда, где угадывался кусочек России. Влево же поднялась зеленая стена, столь прочная по виду, что, казалось, сказочный великан держит ее сзади могучим плечом.

За перевалом кормили до 18 часов. Вечерний переход был непродолжительным. Настроение портил мелкий — ну, совсем петербургский дождик, не переставая моросивший весь вечер. Через 4 часа генерал приказал остановиться, потому что к этому времени, следуя вверх по течению реки Долон-Модон, мы подошли вплотную к водораздельному хребту Моднокульских гор, так называемым Монихотовским толгоям, вдоль которых проложена государственная граница. Этот пункт представляет некоторый интерес для географа, так как здесь сходятся границы России, Монголии и Урянхайского края.

В 2 часа 14 августа бригада поползла на хребет. Нелегкий был переход… В том, почти альпийском районе нет иных дорог,

кроме чуть приметных в обычное время тропинок, которыми пользуются местные жители для передвижений в охотничьих или контрабандных целях. Но и это подобие дороги исчезало на южном склоне, при спуске в Монголию. Подъем осложнялся тем неприятным обстоятельством, что почва всех верхних падей и склонов гор представляет собой сплошное болото, по которому пара лошадей с трудом тянет пустую провозку.

В 10 часов поднялись на хребет и остановились верстах в полутора от перевала. Монихотовские толгои отходили отсюда на запад. Ближайшая вершина, в форме солидного конуса, отчетливо вырисовывалась темно — серыми деталями на фоне голубого неба. Пологое плато, на котором широко разбросался лагерь, спокойным подъемом уходило на запад, по направлению к конусообразной вершине.

По должности я был до некоторой степени осведомлен о нарастании в дивизии опасных настроений. Чтобы разобраться в сложившейся обстановке, следует возвратиться далеко назад — к рейду генерала Резухина и разгрому барона под Троицкосавском.

В дни похода генерала Резухина впервые в умы офицеров запало сомнение в целесообразности немедленного возобновления борьбы против Советской власти. Думалось: не рано ли мы выступили? Может быть, еще недостаточно болезненно проявила себя перед казаками и крестьянами оборотная сторона большевизма… Далеко не все население встречало нас сочувственно, а именно: после восторженного приема 4 июня в приграничной станице Боссий, в тот же вечер мы получили враждебный привет от крестьянского, кажется, даже старообрядческого населения деревни Энхор. Всего же показательнее, что к нам не примкнуло почти ни одного добровольца. В бою под Троицкосавском трудно было не разглядеть, что безумная отвага должна пасовать перед реальной силой красных и планомерностью их действий. Для кадровых даурцев, пребывавших до того момента под магическим обаянием личности своего вождя, троицкосавское поражение сделало первую брешь в их вере во всемогущество барона.

Далее, за время второго похода по Забайкалью все унгерновцы — коренные и мобилизованные — имели много случаев убедиться в весьма осторожном к себе отношении как крестьянского, так и казачьего населения пройденного района. Каждый, кто в свое время хотя бы и в слабой степени разделял надежду генерала Унгерна зажечь восстание в Забайкалье, имел возможность удостовериться в необоснованности своих мечтаний. Не подтвердились также и усиленно распространявшиеся среди нас перед походом слухи о наступлении белой армии вдоль

линии железной дороги Маньчжурия — Чита и об иностранной интервенции в Забайкалье. Уже у Гусиного озера стало нам до трагичности понятно, что здесь, в западном Забайкалье, Унгерн может рассчитывать лишь на свои скромные силы, а почему и все дело его обречено на скорую гибель.

Не оставалось также никаких иллюзий относительно Монголии. В период отступления от Гусиного озера в дивизию поступили достаточные данные для того, чтобы считать Монголию потерянной для белых. Некоторые из нас знали о вводе внутрь этой страны крупных красных сил, исчисляемых, по последним разведывательным данным, в две дивизии пехоты и дивизию (6 полков) конницы. Следовательно, нигде в Монголии красные не позволят барону Унгерну остановиться на сколько-нибудь продолжительный срок. С другой стороны, в Новоселенгинске мы получили информацию о том, что в Приморье произошел антикоммунистический переворот при могущественной поддержке некой державы. Это известие имело исключительно важное значение в жизни дивизии.

Если сопоставить все вышеизложенные данные, то станет понятно, почему одни совершенно сознательно, а иные, быть может, бессознательно стремились вырваться из сгущенной атмосферы унгерновской дивизии, и почему потянуло на восток тех из нас, в ком горела еще решимость продолжать борьбу против комиссародержавия на Руси.

День 4 августа (бой у деревни Ново-Дмитриевки) может считаться поворотом в сторону усиления антибароновских настроений в дивизии.

После боя совершенно определилось, что Унгерн отказался от мысли драться с красными на русской территории и что он спешит выйти на просторы Монголии.

Но, вот вопрос: каковы были дальнейшие планы барона, и куда он поведет нас для продолжения его идеологической борьбы с социализмом? Одно было, во всяком случае, очевидно, что он не пойдет на восток. В этом смысле барон не раз высказывался в совершенно определенном духе.

По мере того, как Унгерн уклонялся на запад, по дивизии поползли слухи о том, что им принято решение уходить в Урянхайский край, на зимовку. Эта догадка приобрела характер уверенности к моменту подхода дивизии к поселку Хамней, то есть к 11 августа, потому что по водораздельному хребту, до вершины недалекой уже реки Модонкуль идет граница восточного Урянхая. Можно честно сознаться в том, что весть об урянхайских дебрях была принята с чувством крайней тревоги, в силу простого самосохранения, свойственного даже и беспечным

по природе людям. Никто не ожидал ничего утешительного от похода в тот край. Барон остро интересовался вопросом, пойдут ли за ним в Урянхай. Он спрашивал об этом нескольких офицеров и, конечно, получал самые бодрые ответы, которые отогнали прочь, может быть, зарождавшееся по временам в его душе неприятное сомнение в верности ему старых даурцев.

Таким образом, у барона складывалось представление, что нет ничего серьезного — колебался лишь его личный авторитет, в чем виновны мобилизованные ургинцы. Поэтому он и приложил всю энергию к укреплению своего положения по испытанному уже в мрачные дни под Ургой способу — усиления физического воздействия; стал щедрее также на казни. Наиболее интересными объектами моего наблюдения в те жуткие дни являлись начальник объединенных пулеметных команд, полковник Евфаритский и помощник командира 2–го полка, полковник Кастерин. Только эти два лица казались мне способными взять на себя инициативу антиунгерновского выступления.

Под вечер 14 августа я объезжал лагерь. 2–й конный полк раскинулся в полугоре, возле очень старого лиственничного леса, крепко вросшего в самый хребет перевала.

Подъезжая к полку, я издали заметил, что возле штабного костра сидят все старшие офицеры, а также и командир 1-го полка. Присутствие последнего чрезвычайно меня заинтересовало; это было уже явно неспроста… Я понял, что в тот момент происходило совещание между командирами полков; не трудно также было догадаться и о теме их собеседования. Я спешился и, ведя коня в поводу, медленно побрел в гору, внимательно всматриваясь в заинтриговавшую меня группу. Обращало внимание, что возле этих офицеров не было поблизости ни одного вестового. Полковник Кастерин встретил меня ироническим вопросом: не собираюсь ли я, дескать, арестовать кого-нибудь из них. Я ответил в тон вопросу, а именно — что в данный момент у меня не имеется соответствующих приказаний, и что, в силу наших добрых отношений, я заранее обещаюсь смягчить предстоящие неприятности. В вопросе полковника Кастерина я прочел подтверждение своих подозрений.

В 2 часа 15 августа полки выступили в дальнейший поход. Генерал Резухин поднялся на вершину перевала и здесь, на самом рубеже России пропускал бригаду, сидя на поваленном бурей дереве. Он чувствовал себя достаточно скверно. Когда я подъехал к нему, то услыхал совершенно не бодрый разговор, который он вел с кем-то из офицеров. Заканчивая начатую до меня беседу по поводу только что проделанного похода по Забайкалью, генерал

сказал следующее: “Будь я проклят, если когда-нибудь и что-нибудь сделаю для них (казаков и крестьян). Я искренно хотел помочь им сбросить большевиков, но — раз они не поддержали нас — пусть сами и разделываются с большевиками”. Устало помолчав несколько минут Резухин добавил: “Эх, хотя бы месяц пожить под крышей… А сейчас принять ванну и улечься в мягкую постель с чистым бельем… Ну ладно, поехали, господа!” — прервал он самого себя, вставая.

Я был бы очень удивлен, если бы оказалось, что генерал Резухин не мечтал в тот момент об уходе в Маньчжурию и даже — весьма вероятно — о том или ином конце жизни барона Унгерна, так как генерал не мог не отдавать себе отчета в том, что лишь смерть одна успокоит мятущуюся героическую душу барона.

Спускаясь с перевала в Монголию, в продолжение некоторого времени я ехал рядом с командиром бригады для того, чтобы получить летучее интервью, воспользовавшись его подавленным настроением. Я предложил тогда ряд осторожных вопросов о том, какое направление считает он самым подходящим для нас, то есть, отойдем ли мы в Западную Монголию, или Тибет, или же Китай (я умышленно не упомянул Урянхая). Из ответов генерала можно было сделать вывод, что в планы барона он не посвящен. Не без задора в голосе (ведь ему было не более 36 лет!) генерал выразил уверенность, что он с бригадой пройдет где угодно и, если потребуется, то возьмет Пекин и Тяньцзин. Показательно, что Резухин холодно отнесся к мысли о Монголии и Тибете, но, как было только что отмечено, достаточно остро реагировал на вопрос о наших возможностях на Дальнем Востоке. И весьма также любопытно, что генерал говорил только о себе, совершенно не упоминая имени барона.

В продолжение всего дня мы спускались с гор. На южной стороне Модонкульских гольцов появилась дорога, сухая и торная, и наши 4 пулемета и 2 орудия со звоном отсчитывали на ней корни деревьев, камни и промоины. К вечеру спустились с хребта в долину р. Иерена (левый приток р. Ури) и здесь ночевали. 16 августа бригада продолжала движение на юго-запад. Когда мы подошли к широко раскатившейся между пологими берегами р. Ури, солнце заходило за довольно крутые лесистые сопки противоположного ее берега. Вздувшаяся от дождей вода мгновенно вскипала в пену, враждебно налетая на боровшихся с течением лошадей и, миновав их, с таинственным шумом спешила в Селенгу и, затем, дальше — в пределы раскрасневшейся от революционного возбуждения России, словно ей нужно было поделиться с кем следует последними новостями

дня.

Я оставался на левом берегу до подхода арьергарда, сперва наблюдая за переправой полков, переходивших реку по отлогой дуге глубокого брода, а потом, когда все ушли по направлению к горам, в тревожном раздумье, всматриваясь в мутноватые быстрины переката. Я медлил до тех пор, пока у меня окончательно не сложился весьма ответственный доклад генералу. Бригада генерала Резухина имела ночлег верстах в двух — трех от реки, в урочище Харун. Здесь проживало несколько семей полуоседлых монголов, занимающихся сенокосом, и стояли их деревянные сараи. Это была первая встреча с монголами после возвращения из Забайкалья. Любопытно было узнать их настроение. Перед докладом я пил поэтому чай у монголов и нащупывал политические темы, но убедился лишь в полном их равнодушии к событиям.

17 августа бригада продолжала поход по следам барона. То поднимаясь по зеленым извилинам падей на живописные лесистые горы, то сползала с них вдоль звенящих ручейков, полки плавно скользили на юго-запад. За день бригада сделала обычный 4–5 верстный переход и вечером подошла в р. Эгийн-голу, где суждено было разыграться одной из самых ненужных трагедий нашей эпопеи — погиб доблестный Б. П. Резухин.

Вечером 16 августа я сделал обстоятельный доклад, в котором изложил генералу почти все те соображения, которые указаны в предыдущей главе, и добавил, что в нашей бригаде с каждым днем смелеет отрицательное отношение к урянхайским планам барона. Я передал, что даже самые наши надежные бойцы — мусульмане — не хотят идти в Урянхай, так как полагают, что оттуда красные никого не выпустят живыми.

Генерал Резухин имел подавленный вид. Мне показалось, что для него являлось в равной мере неожиданностью и желание барона укрыться на зиму в дебрях Урянхая, и стремление многих из чинов дивизии в Приморье. После размышления генерал приказал мне срочно доложить обо всем барону и к докладу присоединить личную его, Резухина, просьбу не идти в Уряхайский край. Борис Петрович решил, что половину следующего дня и я еду с его бригадой. Когда же он в полдень остановиться кормить лошадей, я должен без промедления выехать дальше, чтобы догнать барона в тот же вечер.

Конечно, было не очень разумно посылать с таким важным докладом офицера, занимавшего третьестепенное положение в дивизии, но, с другой стороны, генерал не имел права оставить свой пост в столь тревожный момент. По тем же соображениям он не мог послать полковника Парыгина. Резухин не спросил у меня

ни одной фамилии; со своей стороны, и я не указал ему никого персонально. Я не допускал мысли, что у кого-нибудь поднимется рука на самого популярного в дивизии человека, который никому не причинил зла[38].

До моего отъезда генерал не изменил своего решения и ничего не добавил к данным им накануне инструкциям. На привале я оставался не дольше, чем это требовалось для того, чтобы переседлать коня и посадить на свежих лошадей тех всадников, которых брал с собой.

Генерал Резухин вечером 17 августа перешел р. Эгийн-гол со 2–м полком, а 1-й конный полк по каким-то соображениям оставил на левом берегу. Почему генерал расставил полки на ночь таким способом? Опасался ли он красных (хотя накануне мы говорили о том, что бригада регулярной советской конницы находится на Селенге, верстах в 100–150 от нас), или же желал предохранить пока еще вполне надежный 1–й полк от воздействия на него более разложившегося 2–го полка? Если это так, то понятно станет, почему Резухин переправился со 2–м полком: долг службы требовал держать этот полк в сфере своего непосредственного наблюдения.

Генерал выбрал для своего бивака очаровательный уголок. Расположился он на ночлег у опушки рощи, заполнившей извилину реки, саженях в пятидесяти от 4–й забайкальской казачьей сотни. Взошла луна, и на освещенной ею южной стороне неба четко обрисовались зубцы недалекой горной цепи. Генерал Б. П. Резухин и его личный адъютант, ротмистр Нудатов прилегли у костра и вскоре задремали под нежный шелест листьев и мягкие всплески реки о прибрежные камни. Когда лагерь успокоился, в палатку командира 2–го полка явились по его вызову старшие офицеры.

Помощник командира, полковник Кастерин предложил собравшимся немедленно порвать все сношения с бароном Унгерном. Полковник изложил в общих чертах обстановку, которая позволяла изменить утром маршрут и пойти не вслед за бароном, а самостоятельной дорогой, придерживаясь кратчайшего направления на восток. Но подчеркнул, что в разрешении этого вопроса встречалось существенное затруднение: было трудно рассчитывать на согласие командира бригады, ведь никто не знал и не мог взять на себя смелость предрешить, как отнесется генерал к предложению уйти от барона, к тому же выраженному в категорической форме.

Собравшихся членов “инициативной группы” главным образом беспокоило то, что Резухин неоднократно демонстрировал свою исключительную преданность Унгерну, и

особенно показателен был случай оскорбления его действием на перевале, после боя у Ново-Дмитриевки, когда барон позволил себе нанести генералу несколько ударов. В заключение помощник командира полка резюмировал свою мысль следующими словами: “Всем нам, господа, жаль Резухина, но что же делать?.. Если он останется в живых, разве мы можем поручиться, что он согласится на наше требование вести нас на Дальний Восток? Если он не расстреляет нас теперь, то, вероятно, уничтожит при первой же возможности. Поэтому пусть умрет один Резухин, чем погибнут многие”.

Высказанные слова вполне соответствовали умонастроению большинства из присутствовавших офицеров и… возражений не последовало. Выполнение убийства возложено было, в порядке дисциплины, на войскового старшину С., двадцатилетнего юношу, сделавшего головокружительную боевую карьеру в бароновских частях. С. приказал прапорщику — забайкальцу Хлебникову с несколькими казаками-оренбуржцами следовать за ним и стал красться по направлению генеральской ставки. На опушке леса заговорщики поползли. Ординарцы слишком легко позволили разоружить себя. Хотя никто из них не сделал попытки предупредить генерала об опасности, все же получилось некое подобие борьбы и генерал, услышав шум, громко спросил: “Кто здесь?” Войсковой старшина С. с маузером, а Хлебников с карабином бросились к генералу.

Генерал Резухин и ротмистр Нудатов побежали к ближайшей сотне. Командир бригады закричал: “Полковник Хоботов, 2–й полк, ко мне!” Хлебников некоторое время преследовал генерала, стреляя по нему вдогонку. Резухин отстреливался из карманного маузера и одним из выстрелов раздробил ложе карабина прапорщика.

Звуки выстрелов мгновенно всколыхнули лагерь. На обоих берегах Эгийн-гола люди схватились за оружие, полагая, что произошло нападение красных. Генерал Резухин и Нудатов побежали в 4–ю сотню. Генерал был ранен (вероятно, в восемнадцатый раз). Казаки-забайкальцы засыпали его вопросами: “Ваше Превосходительство, что случилось? Что с Вами? Вы ранены?” и т. д. “Позвольте Вас перевязать”.

Резухин сел на пень. Войсковой старшина С. не преследовал генерала. Он бросился к 5–й сотне и скомандовал: “По коням! Садись!” В сотне все уже было подготовлено и кони поседланы, потому что эта сотня, именно, и учитывалась как сила, с помощью которой свершиться переворот. Захватив из сотни урядника-оренбуржца, С. побежал в 4–ю сотню. Он мгновенно охватил глазом картину и, видя, что все спокойно, подошел к группе

казаков, тесным кольцом окружавшей генерала. Вручая свой маузер сопровождавшему его уряднику, С. приказал ему застрелить командира бригады. Тотчас же рука с маузером протянулась через головы казаков, сгрудившихся перед генералом, и почти в упор хлестнула его выстрелом в лоб. Ротмистр Нудатов выхватил наган, чтобы застрелить убийцу, но войсковой старшина С. удержал Нудатова словами: “Успокойтесь, успокойтесь, все кончено”. И ротмистр в состоянии полной прострации отошел в сторону.

До крайней степени странно, что никто, кроме личного адъютанта, никак не реагировал на это откровенное убийство. Офицеры и казаки разошлись по сотням, словно ничего особенного не случилось, будто всему именно так и надлежало произойти. Такое равнодушное отношение к убийству ближайшего сотрудника барона показывает, насколько безнадежной казалась унгерновцам идея продолжения борьбы с красными, как на монгольской территории, так и в Урянхае, и что настало время расплаты за злоупотребление ташуром.

Командир 1–го полка так излагает свои воспоминания, относящиеся к данному моменту: “Я крепко спал, когда раздалась стрельба. Я вскочил, как дикий, и бросился к сотням. Меня задержал полковой адъютант, поручик Федоров. — Нужно узнать, в чем дело, — приказал я ему. Через несколько минут ко мне прибежал ординарец генерала с докладом, что Резухин убит. Вскоре приехал с той стороны полковник Кастерин. Он осведомился, все ли у меня в порядке, а на мой вопрос о генерале ответил, что кто-то не то убил, не то ранил Резухина. Через некоторое время после отъезда Кастерина явился войсковой старшина С. и передал мне приглашение от имени полковника Хоботова немедленно приехать в штаб бригады. Затем послан был за мной ординарец с той же просьбой. Но я не поехал, потому что один из моих ординарцев предупредил, что мне, по его сведениям, плохо будет, если я ночью поеду во 2–й полк. Туда я прибыл лишь утром. Полковник Хоботов встретил меня вопросом, буду ли я ему подчиняться, как начальнику отряда. Я ответил, что подчиняться я умею, и учить меня не придется. Присутствовавшие при этой сцене полковник Кастерин и войсковой старшина С. не проронили ни слова”.

Командир 1–го полка подтвердил, что 14 августа на Модонкульском перевале он участвовал в совещании с командиром 2–го полка по вопросу об уходе от барона и дал тогда принципиальное согласие на этот шаг при условии, что нас поведет на восток генерал Резухин.

Утром 18 августа 1–я бригада Азиатской конной дивизии,

переименованная с того дня в отряд полковника Хоботова, повернула на юг, к ближайшему перевозу через Селенгу, у кумирни Монты (верст 70 на юго-запад от последней стоянки на р. Эгийн-гол), в соответствии с решением идти на восток, по кратчайшему направлению, с тем, чтобы проскочить особенно опасный ургинский район севернее города.

Г. г. полковники правильно рассчитали, что красные будут ловить нас где-нибудь к югу от Урги, так как менее всего ожидали что мы намерены проскочить перед самым их носом. Конечно, теоретически отряд Хоботова должен был бы обходить Ургу с юга, потому что на тысячеверстном гобийском раздолье легче уклониться от встреч с противником, чем в узких горных лазейках южного Хэнтэя. Полковник Кастерин, руководивший оперативной частью, весьма искусно провел отряд. Он замаскировал свои подлинные намерения остроумной диверсией на юг, предпринятой после переправы через реку Толу (в 150 верстах на запад от Урги). Благодаря этому маневру красные войска поставили заслоны с запада и юго-запада от города. На самом же деле, приблизившись к ургинскому району, Кастерин круто повернул на северо-восток. Быстрым шагом он пересек Троицкосавский тракт вблизи почтовой станции Бургалтай (60 верст на север от Урги) и сравнительно благополучно прошел в Маньчжурию, правда, побросав пушки, пулеметы и даже весь вьючный обоз.

ГЛАВА XXX

Мои личные воспоминания прервались на том, что 17 августа днем я поспешил с докладом к барону. После 18 часов я догнал хвост бароновской колонны. В арьергарде шел 4–й полк, и я присоединился к ехавшему позади коменданту полка, есаулу Макееву. Мое появление не осталось незамеченным. Чувствовалось, что некоторые офицеры поглядывали на меня с плохо скрытым недружелюбием. Должен сознаться, что в принципе они, конечно, были правы, потому что внезапное появление коменданта дивизии в столь серьезный момент могло предвещать любую неожиданность.

Макеев явно растерялся. Он залебезил, услужливо подхихикивая, со свойственной ему странной манерой. Мне не понравилось упорное желание Макеева выудить от меня сведения о том, что означает мое прибытие в отряд барона. Я был осторожен, так как знал, что Макеев всячески втирался в доверие барона, путем нашептывания ему “агентурных сведений”, а также кое-что слышал уже о том, что он одновременно ведет игру с анти-унгерновской группировкой, по принципу: потрафляй тому и другому — неизвестно чья возьмет…

После остановки отряда на ночлег я явился к начальнику штаба дивизии, Генерального штаба полковнику Островскому, объяснил ему причину моего приезда и просил принять на себя тяжесть доклада барону. Полковник отказался: “Такого доклада начальнику дивизии я делать не стану, потому что не имею желания быть повешенным. Докладывайте сами”.

За кратковременное пребывание в отряде барона я достаточно наслушался рассказов о новых настроениях нашего грозного начальника для того, чтобы иметь полное основание не подвергать себя неприятностям, связанным со столь рискованным докладом. Мы решили, что я возвращусь к Резухину с тем, чтобы доложить о полной невозможности разговаривать теперь с бароном на такую острую тему, как отказ дивизии от повиновения, и что я буду просить генерала лично повидаться с Унгерном. Для нас не очень, так сказать, убедительна была изложенная комбинация со стороны ее целесообразности, но ведь что-то нужно было предпринимать; может быть это было наивно, но мы оба предпочитали легальные средства иным, более энергичным способам воздействия на барона.

От начальника штаба я направился к барону, для краткого доклада о прибытии. В эту последнюю встречу — больше мне не

суждено было видеться с ним — барон Унгерн произвел на меня самое тягостное впечатление. Меня поразил и ка- кой-то "отсутствующий" его вид и помутившиеся зрачки глаз. В память врезались все детали, относящиеся к данному эпизоду. Не закрывая даже глаз, я отчетливо и теперь вижу барона таким, каким он сидел тогда на пригорке, у костра, откуда ему легко было наблюдать весь лагерь. Помню белый крестик на засаленной гимнастерке и зеленые нашивные погоны с вензелем "А. С.".

Из штаба я пошел в лазарет, на ночлег. "Вы знаете", — сказал я доктору Рябухину под свежим впечатлением — "с бароном не благополучно, он имеет вид сумасшедшего". Доктор громко рассмеялся: "Ну, и поздравляю Вас, можете считать его таким, если это Вас в свое время утешит". Впоследствии, в Харбине доктор дополнил свою мысль так: "…если это Вас утешит в тот момент, когда Вам скрутят за спиной руки и начнут рубить, со смаком, с толком, с расстановкой".

18 августа унгерновские части вышли в поход до восхода солнца. Я остался на месте поджидать бригаду генерала Резухина. С выбранного пункта (бывшая ставка барона) отлично видна была дорога назад. После 12 часов я начал волноваться, потому что не заметно было никаких признаков резухинской бригады. В восемнадцатом часу вечера, выслав на восток дозор, я поехал навстречу генералу. Уже сумерки начали окутывать флером долину, когда впереди на одном из безлесных хребтиков я заметил силуэты двух всадников. Поскакал к ним. У обоих винтовки висели за плечами "по-унгерновски", то есть прикладами вверх — значит свои. Всадники сообщили, что бригада ушла на юг, и привели к заставе.

К крайнему удивлению, там я увидел своего подхорунжего из комендантской команды штаба дивизии. Я спросил, что он здесь делает и получил смущенный ответ о назначении его младшим офицером в сотню. Подхорунжий сослался на приказание "начальника отряда". И мне мгновенно все стало понятно до конца… Командир сотни сообщил, что начальником отряда является Хоботов. Резухина с ними нет. Относительно же меня, по его словам, не имелось специальных распоряжений.

Все же он оставил моих всадников при сотне, под предлогом необходимости усилить заставу, а со мной отправил двух своих людей. Слово "арест" произнесено не было. Верст через восемь я подъехал к темной стене леса, теряющейся где-то там, вверху, откуда доносилась заунывная песня — стон. Это поднимали орудия на перевале через хребет Хото-хоче. Из замкнутой пади звезды казались ближе и ярче, а небо глубже обыкновенного. "Кто едет?", — раздался голос, когда я въезжал под черный свод

деревьев. “А кто спрашивает?” — “Комендант отряда.” — “Едет комендант дивизии”, — в последний раз назвался я по прежней должности.

Бывший комендант 2–го полка, капитан Кайдалов встретил с любезностью парижанина (он окончил университет в Париже). Но мне было не до светских разговоров, и я на русском языке в упор спросил его: “Г. капитан, имеете ли Вы приказание “кончить” меня или нет?” Кайдалов запротестовал, и я понял, что он говорит правду. Он охотно информировал о событиях предыдущей ночи на Эгийн-голе. Относительно же моей ближайшей судьбы пояснил, что я смело могу ехать в штаб отряда, так как никто, по его сведениям, не затрагивал вопроса о моей ликвидации (правда, меня и не ждали назад от барона).

По освещенной кострами дороге я поднялся на вершину перевала. Здесь стало заметно светлее, потому что деревья поредели, и взошла луна. Отряд приютился на южном склоне хребта, у самого перевала. Выехав вдоль из леса, я увидел десятки огней, вереницей скатывавшихся вдоль неширокой поверхности горного лога. У костров — копошащиеся фигуры. По серебряной траве щедро рассыпаны кони. Эпическим покоем и величием веяло от высоко — вершинных сосен, которые в молчаливом созерцании с трех сторон обрамляли лагерную стоянку. Снизу тянуло свежестью, напоенной ароматом трав и смолистой хвои и вкусным дымком, с запахом жарящейся баранины.

“Триумвиры” — полковники Хоботов, Кастерин, Торновский, совместно командовавшие отрядом, с повышенным интересом допросили меня как о цели поездки от Резухина к барону, так и о причинах возвращения. В особенности же о том, что видел я в отряде барона. Я был вестником из остро интересного мира, к сожалению, принесшим для них разочарование, так как ничего не знал о том, прошел или нет переворот в бароновском отряде. Привезенные мной сведения о том, что до утра 18 августа в частях барона все оставалось по — старому, очень озаботили распорядительный совет отряда. Полковники решили форсировать события путем посылки на утро двух — трех десятков добровольцев в погоню за унгерновским отрядом. Группа из 22 всадников оренбуржско-забайкальской сотни утром 19 августа ушла с пути на запад, под командой сотника Маштакова, который увез с собой задание ликвидировать барона.

Молоденький казачок-оренбуржец, Маштаков получил производство в офицерский чин от барона за боевые отличия. Он понравился “дедушке” своей личной храбростью и расторопностью, и после боя под Гусиноозерским дацаном был взят на своеобразную должность личного адъютанта начальника

дивизии. Обязанности адъютанта при бароне сводились, в сущности, к тому, чтобы находиться безотлучно с ординарцами, ездить на походе во главе ординарской группы и иногда лично отвозить приказания начальника дивизии; барон же по — прежнему скакал в одиночестве. Во время похода вверх по Джиде 6 или 9 августа М. принял решение убить барона. На одной из стоянок он настроил себя соответствующим образом и вошел в палатку начальника дивизии. Унгерн сидел по-монгольски, и было очень странно и также не похоже на него, бравировавшего свой безудержностью, что возле него лежал браунинг. Маштаков не выдержал взгляда барона и смущенно ретировался… “Дедушка” тотчас отослал его в сотню.

Прежде, чем говорить о всех перипетиях отхода унгерновских частей на Дальний Восток, позволю остановиться на некоторых подробностях заговора. Выше уже отмечалось, что после боя под деревней Ново-Дмитриевкой когда появились надежды на свободный выход в Монголию, заметно усилился естественный раскол между даурцами и унгерновцами, а у некоторых офицеров и всадников, настроенных пассивно, сознательно или же бессознательно зародилась мысль о том, что было бы, в сущности, очень неплохо перейти на мирное положение. Многие из нас состояли на военной службе 6–7 лет без перерыва и чувствовали понятную усталость от скитаний по разным фронтам. Эту мысль прекрасно сформулировал генерал Резухин в беседе с офицерами на Модонкульском перевале, а именно: видеть над головой крышу, иметь чистую постель и хотя бы месяц не думать о войне. Но мечта эта, ограниченная до поры до времени рамками умонастроениями, требовала внешнего толчка, чтобы претвориться в действие. Такой толчок, повлекший уход от барона всей дивизии, дан был 5–й оренбуржско-забайкальской сотней 2–го полка.

После боя под Ново-Дмитриевкой, когда определилось направление движения барона на запад, то есть в противоположную сторону от Маньчжурии, 5–я сотня решила бежать на восток в одну из ближайших ночей. Сотня попросила своего бывшего командира, войскового старшину С. принять ее вновь под свою команду и вести в Маньчжурию. С. изъявил согласие, но, прежде чем уйти, поделился планом с помощником командира полка, Кастериным. Последний раскритиковал проект, как недостаточно продуманный, и в свою очередь предложил организовать уход от барона силами, достаточными для того, чтобы не бояться встречи с красными отрядами; предполагалось осуществить это намерение в первый подходящий момент.

О заговоре узнал от одностаничников командир пулеметной

команды 2–го полка подъесаул Иванов. Он заявил, что вся команда безоговорочно присоединяется к сотне. Когда же слух о планах оренбуржских казаков дошел до командира одной из батарей, сотника Шестакова, то он обратился к полковнику Кастерину и войсковому старшине С. с просьбой присоединить к будущему отряду его батарею. Таким образом, теперь создалась уже сильная группа из конных, пулеметных и артиллерийских частей. Пока заговорщики медлили в ожидании подходящего момента, барон разделил дивизию. 2–й полк очутился в арьергарде у Резухина. Знал о заговоре оренбуржский казак, доктор Рябухин. Наконец, узнал о нем от доктора и начальник всех пулеметных команд, полковник Евфаритский. Последний, как человек волевой, принял решение убить барона и этим способом упростить задачу.

ГЛАВА XXXI

Вечером 18 августа бригада барона остановилась на краю лощины, откуда открывался широкий вид на восток. В южной стороне серела невысокая горная цепь, и плотной массой стали впереди зеленые горы. Туда, в середину их вела дорога- лазейка, по которой барон должен был выступить завтра с рассветом. Вправо от дороги, у самого устья пади расположился монгольский отряд, костры которого скоро запылали по склону полого спускающейся в лощину лесистой горы. В версте или, может быть, даже в полутора верстах на юго-восток от монголов раскинулись полки, батареи, команды пулеметчиков и обозы. В районе расположения унгерновского бивака дорога разветвлялась. По странной случайности барон и его монголы стали вдоль дороги, ведущей на запад, то есть в весьма опасную в данный момент неизвестность; бригада же расположилась фронтом к тому пути, который уходил на юг, к переправе через Селенгу.

Согласно подмеченному за последнюю неделю обыкновению, барон разбил свою ставку с таким расчетом, чтобы монголы служили буфером между ним и полками. Он не доверял уже русским. Унгерн и на походе и на биваке держался в непосредственной близости от этой монгольской части, которую он довел до весьма значительного состава — не менее пяти сотен. Погода с вечера хмурилась и в воздухе чувствовалась острая сырость, может быть, вызванная близостью больших масс холодной воды Хубсугула (озеро, имеющее в длину 130 верст и до 40 верст в ширину, поверхность которого приподнята на 758 саженей над уровнем моря).

В лагере по внешнему виду все обстояло благополучно, то есть горели костры люди варили на них свое обычное мясо, кипятили чай, и лошади мирно паслись по долине. Но было бы весьма опрометчиво в данном случае делать какие-нибудь выводы на основании одной только общей картины внешне спокойного бивака. В унгерновском лагере было отнюдь не благополучно. Хуже всего чувствовали себя офицеры, а их тревожное настроение последних дней не могло не сообщиться и всадникам. В солдатской среде шло брожение, которое впервые проявилось числа 15 августа. Вечером 18 августа в русских и татарских частях шепотом передавалось из уст в уста сообщение “пантофельной почты” о том, что в бригаде генерала Резухина очень нехорошо.

Какие-то монголы, якобы, привезли сообщение об убийстве генерала самими унгерновцами. Вероятно, в связи с этим обстоятельством и в бароновских полках 18 августа тревожные симптомы настолько усилились, что многие из офицеров не могли не почувствовать это нарастание опасных настроений. Татары — пулеметчики, например, предупредили своего командира, что кто-то подал в полках идею перебить всех офицеров и уходить на Дальний Восток: “Но ты, г. капитан, не бойся, мы спрячем тебя и не выдадим”, — говорили татары. Так оно или нет, но, во всяком случае, нижние чины достаточно определенно показали во многих сотнях свое отрицательное отношение к урянхайским планам барона.

Иными словами, в бригаде барона Унгерна к вечеру 18 августа сложились типичная для гражданской войны картина разложения воинской части. Дальше же должен был последовать неизбежный взрыв…

Три палатки бароновской ставки были разбиты в полугоре, шагах в двухстах на запад от монгольского дивизиона. Около 12 часов ночи в палатку начальника штаба дивизии полковника Островского вошел начальник объединенных пулеметных команд полковник Евфаритский. Он осветил дремавшего начальника штаба электрическим фонарем и заявил: “Полковник, Вы арестованы. Одевайтесь немедленно и идите в пулеметные команды!” Евфаритский затем приказал вестовому начальника штаба поседлать лошадей, вести их за полковником, и утонул в ночи.

Островский быстро натянул сапоги — больше-то ведь одевать было нечего — и направился к лагерю полков. Его сопровождали вооруженные карабинами татары — пулеметчики. Минут через десять полковник Островский услыхал револьверные выстрелы в той стороне, где стояли палатки барона. Прошло еще несколько минут — вспыхнула беспорядочная ружейная стрельба. Кто и в каком направлении стрелял, установить было невозможно, но казалось, что пули летели в сторону монгольского лагеря и ставки барона. То стихая, то вновь разгораясь, стрельба длилась не менее четверти часа.

В лагере в это время происходила суматоха. Спешно седлались, запрягали обозных лошадей. Откуда-то раздался крик: “Вытягивайся по дороге назад!” Некоторые части пошли, но большинство чинов отряда оставалось еще на местах своих лагерных стоянок. Когда же издали донесся знакомый, очень высокий и резкий фальцет, произведший на многих мгновенное отрезвляющее действие, стрельба прекратилась. Все замерли; каждый в тот момент подумал в магическом зачарова- нии:

“Барон, вот пойдет-то расправа!..” Таково именно было первое впечатление от неожиданного появления барона Унгерна.

Он громко звал к себе: “Очиров, Очиров! Дмитриев! Марков!” Но никто не отозвался: одни из старших чинов попрятались, а иные убежали. Унгерн скакал вдоль лагеря на своей прекрасной серой кобылице. Возле артиллерийского дивизиона он заметил полковника Дмитриева и осадил лошадь. “Ты куда собрался бежать? Испугался того, что несколько дураков обстреляло мою палатку? Поворачивай назад! Не в Маньчжурию ли тебе захотелось?” — и пушки, вытянувшиеся было на дорогу, послушно стали загибать в сторону своей последней бивачной стоянки.

Барон поскакал дальше. “Евфаритский! Марков!”, — кричал он, проезжая мимо пулеметчиков, по направлению к 4–му полку. Но ни тот, ни другой не откликнулись. “Бурдуковский, ко мне! Бурдуковский! Бурдуковский!” — пронзительно призывал барон своего верного телохранителя и последнюю опору. Этот не в меру ретивый исполнитель суровой воли Унгерна только что крепко взят был в шашки несколькими налетевшими на него всадниками и разрублен на части за тот короткий промежуток времени, пока падал с коня на землю. Одновременно с Бурдуковским погибли личный ординарец прапорщик Перлин, вахмистр ординарческой команды Бушмакин и капитан Белов. Если Бурдуковский и Со. поплатились за свое усердие в исполнении смертных приговоров, то убийство Белова не может быть оправдано никакими доводами. Белов, державшийся с большим достоинством, боевой офицер, командовал японской сотней 3–го полка. Он виновен лишь в том, что к нему, как образцовому офицеру, барон начал за последнее время посылать офицеров на исправление.

Возле пулеметных команд навстречу барону выскочил Макеев и сделал по нему выстрел из нагана. Не обратив на это внимания, барон поскакал дальше, к голове колонны, но, встреченный огнем стрелявших с колена пяти — шести пулеметчиков, был вынужден круто повернуть лошадь в сторону сопок. За ним поскакало несколько всадников — вероятно, полковник Евфаритский, сотник Седловский, капитан Сементовский, один из прапорщиков артиллерийского дивизиона и, может быть, капитан Штанько (никто из них не вернулся).

Выстрелы сделанные по Унгерну, всколыхнули лагерь: разгорелась двухсторонняя перестрелка. Стреляли и по монголам, и со стороны монгольского бивака. Командир монгольского отряда, хорунжий Шеломенцев впоследствии объяснил, что он лишь отвечал на огонь, полагая, что произошло нападение красных партизан. Через 15–20 минут поручик Виноградов

открыл артиллерийский огонь по монгольскому лагерю. Теперь, когда заговорили пушки, ружейная перестрелка стала утихать.

Перед самым рассветом к полковнику Островскому явилась депутация в составе воинского старшины Костромина, подполковника Забиякина, капитана Мысякова, есаула Макеева и поручика Виноградова с просьбой принять командование и вывести бригаду в Приморье. Островский, хотя и возражал, что он, как новый человек в отряде, не считает себя вправе командовать унгерновскими частями, все же был вынужден вступить в командование отрядом, так как ни один из кадровых даурцев не решался принять на себя эту чрезвычайно ответственную в данной обстановке роль.

Первым распоряжением полковника Островского было отправить одну сотню на поиски пропавших офицеров. К тому моменту уже выяснилось, что не могут найти полковника Евфаритского, командира 4–го полка воинского старшину Маркова и 8–9 офицеров разных частей.

За исключением одного лишь Маркова, выбравшегося в конце — концов вместе со своим вестовым в Китай, все убежавшие офицеры попали в руки монголов, были переданы ими Советской власти и, конечно, погибли в подвалах Чрезвычайки (определенно лишь известно, что Евфаритский и Седловский убиты в Иркутске).

Немного остается теперь добавить… После того, как он предпринял некоторые предохранительные меры в отношении начальника штаба, полковник Евфаритский двинулся быстрым шагом к бароновской ставке. С ним шли штаб-ротмистр Озеров и поручик Хлебин. Сзади же офицеров шагало шесть пулеметчиков в полной боевой готовности. От палатки Островского было не более полуверсты до того пункта, к которому стремился непривычно взволнованный Евфаритский.

Ставка начальника дивизии не охранялись часовым. Унгерн, видимо, считал совершенно достаточным для своей безопасности одного того, что между ним и бригадой стоят пять преданных ему монгольских сотен. Это обстоятельство значительно облегчало задачу полковника Евфаритского. В первую очередь, он приказал бесшумно обезоружить монгольского гэгэна и его свиту, занимавших одну из палаток ставки барона. Затем в ту палатку, где, по предположению находился сам Унгерн, была брошена граната, по счастью не взорвавшаяся — в противном случае, спружинив от полотна палатки, она побила бы самих заговорщиков. “Ваше Превосходительство, выходите!”, — крикнул Евфаритский, держа маузер в руке. “Я здесь, кто меня спрашивает? Я здесь. В чем дело?”

Но барон вышел не из той палатки, на которую напряженно

смотрели те, кто пришли с целью во что бы то ни стало пролить его кровь. Голос, раздавшийся сбоку, был столь неожиданным, что Евфаритский выстрелил без надлежащей тщательности по внезапно выросшей перед ним из темноты фигуре. Унгерн прыгнул в сторону и побежал в гору. По нему вдогонку стреляли не только лишь из револьверов, но и из карабинов.

А дальше все было более чем просто. После того, как Евфаритский и его спутники убежали назад, барон осторожно подошел к своим палаткам. Убедившись, что ничто ему здесь не угрожает, он приказал ординарцам поседлать Машку и поскакал на ней, весь горя безудержным гневом против бунтовщиков.

Лишь утром разыскал барон своих убежавших по дороге на запад монголов. По словам хорунжего Шеломенцева, Унгерн был взбешен. Соскочив со взмыленной лошади, он с рычанием сорвал фуражку и стал топтать ее ногами. “Мерзавцы”, — кричал он — “обманули казаков и погнали их на Дальний Восток, чтобы глодать кости…”

Много чрезвычайно красочных выражений, на которые, к слову сказать, барон был превеликим мастером, вылилось тогда из глубины оскорбленного его сердца по адресу восставших против него офицеров. Монголы с неподдельным страхом наблюдали с почтительной дистанции эту чрезвычайно бурную вспышку гнева своего вчера еще очень могущественного хубилгана.

Наконец, Унгерн несколько поуспокоился. Снова заработала его постоянно творческая мысль. Он приказал хорунжему Шеломенцеву подогнать к новой стоянке гурт и табун, брошенные ушедшей от него бригадой. “Накорми хорошенько монголов. Дай им столько, сколько они могут съесть — без ограничения”. Выполнить это распоряжение оказалось вполне возможным, потому что красный монгольский отряд ушел по долине вслед за полковником Островским к Селенге, не заметив отскочивших ночью вверх по пади унгерновских монголов.

“Не все еще потеряно”, — вероятно, думалось барону, вновь охваченному никогда не покидавшей его энергией — “Ведь со мной целый, в сущности, полк верного мне князя и десятка два казаков — русских и бурят, готовых разделить мою судьбу до конца. Я пройду с ними в Тибет. Там живут воинственные племена, не чета этим вот монголам, разбежавшимся от нескольких выстрелов взбунтовавшихся дураков. Я объединю тибетцев. Мне поможет Далай-лама, которому не напрасно же я послал в подарок 200 000 даянов, и могущественный Джа-лама, недавно еще заславший ко мне послов с призывом к совместной антикоммунистической работе”34.

Таков был, вне сомнения, ход мыслей барона, потому что за чаем, остро смотря в глаза, Унгерн в упор спросил монгольского князя: пойдет ли тот за ним в Тибет? Не заметил на этот раз барон быстрой искры мрачного огонька, тотчас же утонувшей в глубине непроницаемых зрачков степного хищника, за тот короткий момент, пока он с почтительностью склонял голову, в знак своей неизменной готовности следовать за бароном-джанджином хоть на край света.

Унгерн не трогался в течение всего дня 19 августа из района последней стоянки своей ушедшей на восток бригады. Он приказал подобрать все брошенное имущество, могущее пригодиться для дальнейшего похода, и лишь только утром 20 августа выступил в западном направлении.

Дальнейшая судьба барона известна лишь из советских источников, потому что последний из унгерновцев, который видел барона живым, командир монгольского отряда хорунжий Шеломенцев дальше не пошел. По его словам, “дедушка” предложил ему и другим офицерам немедленно решить вопрос, хотят ли они следовать за ним, или же уйти от него. Шеломенцев и два офицера изъявили желание покинуть барона. Барон, якобы, не удерживал их и не запугивал трудностями скитаний по красной уже теперь Монголии. Он сердечно простился с ними и пожелал счастливо добраться до своих семей.

Группа из 6 всадников (3 офицера и 3 вестовых), отделившаяся от барона 20 августа, сравнительно удачно проскочила между многочисленными монгольскими и советскими отрядами, стягивавшимися к Тункинскому тракту, для намеченной красным командованием ликвидации отрядов барона Унгерна. Шеломенцев, потеряв в пути лишь одного из вестовых, на десятый день догнал отряд полковника Островского.

С бароном остались прапорщик Попов и прапорщик Шишилихин, последний — в качестве переводчика, да еще 18 урядников и вахмистров — русских и бурят, плюс 3 ординарца штаба дивизии.

Один из участвовавших в операции против Унгерна красных командиров писал в журнале “Вестник Монголии” за 1924 г., что Бишерельту-гун решил арестовать барона на первом же переходе и с большим козырем в руках переметнуться в красный лагерь. Заблаговременно сговорившись со своими нойонами, князь на походе подъехал к Унгерну, якобы за спичками, чтобы закурить трубку. Когда же барон опустил руку в карман, князь схватил генерала и стащил с лошади. Затем барона крепко скрутили веревками. Нападение на барона послужило сигналом к убийству русских и бурятских инструкторов монгольского отряда. Все они

пали под ножами[39].

Барон Унгерн был доставлен в штаб отряда достаточно известного по краснопартизанской работе в Сибири Щетинкина, который в 1921 г. находился в Монголии и командовал отдельной сводно-партизанской бригадой. Он стоял примерно в двух переходах от барона. “Здорово, барон!”, — приветствовал бывший штабс-капитан Щетинкин бывшего есаула Унгерна. Роман Федорович медленно, тяжелым взглядом окинул с ног до головы подходившего к нему расфранченного краскома с офицерским “Георгием” на груди, и отвернулся. “Был ты Щетинкин, а теперь…” (далее следовало образное выражение, трудно переводимое на литературный язык).

Один из свидетелей этой сцены рассказал мне впоследствии, что барон держался с подчеркнутой суровостью и большим достоинством, и таково было обаяние его имени, что никому из красных не пришло в голову открыто издеваться над своим злейшим, но теперь уже беспомощным врагом. Унгерн был доставлен в Троицкосавск, а оттуда перевезен на автомобиле в Вехнеудинск.

По приказанию кого-то из высших властей, по всей видимости, большого мастера по части театральных эффектов, у автомобиля барона скакало две сотни из кубанской дивизии, с лихо заломленными папахами и развевающимися красными башлыками. В Верхнеудинске Романа Федоровича посадили в звериную клетку (довольно дьявольская мысль) и в ней на открытой платформе доставили в Ново-Николаевск. Те же “театральных дел мастера” не позволили снять с барона его генеральских погон и ордена Св. Георгия, чтобы преподнести почтеннейшей публике заключенного в клетку “человека — зверя” в самом лучшем его оформлении.

ГЛАВА XXXII

Вернувшаяся после бесплодных поисков сотня донесла новому начальнику отряда, что монголы и штаб барона разбежались, побросав свои палатки. Полковник Островский выступил около 6 часов утра по дороге, ведущей к р. Селенге. Утро, напоенное предосенней свежестью, сулило ясный день, что как нельзя лучше гармонировало с общим повышенным настроением. Еще не миновали опасности, много предстояло впереди испытаний, но даже у тех, кто считал себя лично преданным барону Унгерну, не могла не появится мысль, что самое тяжелое, слава Богу, позади!.. Островский поставил своей ближайшей целью подальше отскочить от места только что разыгравшейся трагедии, потому что утром его застава вошла в соприкосновение с красным отрядом, в котором, наряду с монголами, находились также и русские всадники.

Первый марш уходившего на Дальний Восток отряда равнялся примерно 50 верстам, а в 12 часов следующего дня он подходил уже к Селенге. Высланный накануне к переправе разведывательный отряд собрал все баты, которые имелись в том районе, и подготовил плот. Для обеспечения спокойной переправы полковник Островский дал подполковнику Забиякину 3 сотни, 2 орудия поручика Виноградова и 4 пулемета с приказанием разбить преследовавших по пятам красных.

Забиякин занял позицию в полутора верстах на север от реки. Он подпустил противника на короткую дистанцию и здесь совершенно его растрепал. Затем посадил свои сотни на коней и отогнал врагов на несколько верст, после чего возвратился к переправе. В целях облегчения обоза, были сожжены лишние и поврежденные повозки; утоплены в реке 2 орудия, к которым не имелось снарядов, и снаряды, не подходившие к орудиям, а также брошены в реку неисправные пулеметы. Строевые части пошли вплавь; повозки и грузы переправлены на батах и плотах, пушки же были перетащены по дну реки на канатах (в том месте Селенга имеет до 90 саженей ширины).

За рекой отряд расположился на отдых. Полковник Островский принял решение обойти Ургу с юга. Он вел отряд спокойными маршами до тех пор, пока не подошел к району трактов, уходящих от Урги на юг и юго-восток. Здесь пришлось крепко “нажимать”, чтобы проскочить опасную зону. Шли не меньше, чем по 60 верст в сутки.

Командир 3–го конного полка, войсковой старшина Очиров

обратился на подходе к начальнику отряда с просьбой отпустить бурят и монголов его полка по домам. “Вы”, — сказал Очиров — “уходите в Маньчжурию или Приморье. Вы идете к своим. А что мы будем там делать?” С чувством подлинного сожаления расставались унгерновцы со стариком Очировым, с которым успели сродниться. И у него дрожали слезинки на ресницах, когда он пожимал в последний раз руки своих боевых товарищей. С Очировым ушло 300 всадников. После того в отряде Островского осталось около 600 человек, сохранивших достаточную боеспособность. Имелось 6 орудий и 16 пулеметов.

Когда отряд миновал опасные места, даурская группа затеяла интригу против полковника Островского, обвиняя его в превышении власти: Островский, как некоренной унгерновец, не имеет, дескать, права требовать подчинения даурцев. Полковник Островский охотно уступил честь командования отрядом старшему из даурцев войсковому старшине Костромину.

Представитель китайского командования встретил унгерновцев в 40 верстах южнее Хайлара, чтобы купить наше оружие. Стороны быстро договорились на том, что каждый офицер отряда получает по 75 серебряных долларов и всадник — по 50. Кроме того, китайцы обязались для всех желающих дать бесплатный проезд в Приморье.

В бригаде генерала Резухина создалась более сложная обстановка. Дисциплина пала и некому было заботиться о поддержании ее. В связи с этим проявился дух разложения, который в первые же дни жизни нового отряда и не заметили одни лишь г. г. триумвиры. Затем на Селенге в момент переправы изменил монгольский дивизион 2–го полка. Эти монголы, в соединении с местными партизанами, напали на нас под предводительством того Дугар-Мэрэна, который некогда первым перешел на сторону барона. Монголы, правда, были отбиты с потерями на их стороне и случай этот мог бы пройти бесследно, если бы не отвлек на время внимания полковников от переправы. В момент боя пущен был вплавь через реку русский дивизион. По нераспорядительности сотни поплыли в беспорядке, без соблюдения интервалов. На середине реки кони сбились в кучу и стали тонуть, а с ними погибло до 40 всадников.

В районе китайских заимок, верстах в 100 на северо-запад от Урги одна из сотен китайского дивизиона ушла из сторожевого охранения, предательски убив инструкторов — татар. Командира же сотни, поручика Соколова живым бросили в костер. Случайно уцелевший татарин был свидетелем этого происшествия. После этого случая оставшиеся две китайские сотни были разоружены, а их офицеры расстреляны.

В 45 верстах к северу от Урги, перед подъемом на хребет Хангай, мы бросили обе наши пушки и два пулемета, потому что обстановка требовала особой подвижности при проскакивании ургинского района. По счастью, красные прозевали[40], и, благополучно обогнув город, мы вышли к реке Толе. Только лишь с этого момента представилась возможность взять направление на восток.

В 60 верстах от города монгольский отряд с русскими инструкторами закрыл нам дефиле. После часового боя мы отскочили на северо-восток в горы и, перевалив через них, ночью вышли в верховья реки Керулен. Скверно лишь, что на месте боя бросили двух тяжело раненых офицеров — Маштакова (последнего, неудачного бароновского адъютанта) и прапорщика Анциферова. Неприятно также было оставлять на позиции два последних пулемета, хотя и со снятыми замками.

То отступая от реки Керулена, то снова приближаясь к нему, следовали мы так до г. Сан-бэйсэ (300 верст на юго-запад от ст. Маньчжурия). В 10 верстах от этого города красные вновь напали на наш отряд. На этот раз они были рассеяны энергичной атакой в конном строю. Через двое суток после Сан-бэйсэ мы вышли в пределы Барги и разоружились.

Лишь немногим удалось бежать из Урги перед занятием ее красными. Беглецы сгруппировались у оз. Буир-нура там, где стоял небольшой отряд, обслуживавший связь Унгерна с атаманом. Туда приехали на автомобиле Ивановский и Коковин с остатками денег барона. Добрался до этого пункта доктор Клингенберг с двумя сестрами лазарета. Прибыл полковник Циркулинский с пятьюдесятью легко ранеными казаками. При дележе остатков бароновских денег каждый из унгерновцев получил по 50 золотых рублей. Полпуда золота успели увезти Ивановский и Коковин, все остальное конфисковали китайцы. Полковник Циркулинский быстро сошелся с одной из сестер, героиней громкой истории с Черновым, и по ее настоянию расстрелял ее начальника, доктора Клингенберга (может быть, в смерти доктора отчасти были повинны золотые монеты, зашитые в его меховую куртку)37. Этими последними, никому не нужными выстрелами и закончился один из самых героических эпизодов эпохи гражданской войны.

В Новониколаевской Чрезвычайке глухо стукнул еще один выстрел, прервавший жизнь барона Романа Федоровича Унгерн фон Штернберга. Но этот выстрел не убил барона — он лишь переместил его в другое измерение. Непосредственно из жизни барон перешел в легенду. Живет он и в сердцах многих из нас, во образе тибетского монаха, обитающего в недоступной ритоде

(горная келья), ищущего там покоя для своей мятущейся средневековой души.

Да и для монголов он не умер. По свидетельству профессора Ю. Н. Рериха, подвиги барона сделались любимой темой их эпоса. По многочисленным айлам (становищам) монголов звучат песни о том, что барон — джанджин чутко спит в недоступном для смертных убежище, в самых глубинах Тибета, в царстве Шамбалы. В предначертанный день этот могучий батор, огромный как гора, пробудиться, встряхнется так, что заколеблется мир, и поведет сплотившиеся под его знаменами народы всего монгольского корня на подвиги небывалой Славы и Чести.

30 июня 1941 года Харбин, Маньчжу-ди-го.

М. Г. Торновский

События в Монголии — Халхе в 1920–1921 годах. Военно — исторический очерк (воспоминания)

От АВТОРА[41]

С чувством полной ответственности перед историей приступил к изложению событий 1920–1921 гг. в Монголии, в каковой период времени генерал барон Сарыл-гун-хурэ перевернул страницу истории монгольского народа и положил начало новой эры Халхи.

Больше двадцати лет прошло со времени событий. За это время о монгольских событиях написали: профессор (?) Фердинанд Оссендовский — “Звери, люди и боги”, есаул Макеев — “Барон Унгерн — бог войны”, Д. П. Першин, К. И. Лаврентьев, К. Носков, Н. Н. Князев, атаман Семенов, И. И. Серебренников. Они полностью или частично в своих воспоминаниях уделяют внимание генералу Унгерну. На французском языке в журнале Университета Аврарги (Шанхай) за ноябрь 1942 г. П. Дюжур поместил большую статью о генерале Унгерне. Борис Уваров написал большую книгу — роман “В дебрях Монголии”, в которой генералу Унгерну, а особенно есаулу Кайгородову уделяется много места. События изложены без дат, что умаляет ценность труда, как исторического.

Перечисленные повествователи о генерале Унгерне — люди разного общественного ранга и интеллекта. Большинство авторов дают неверный облик генерала Унгерна и освещение событий. Я не хочу сказать, что они писали неправду. Наоборот, все они, кроме Ф. Оссендовского (самореклама) и мало знавшего события П. Дюжура, писали правду, как она им казалась и рисовалась по времени написания, но в исторической перспективе, без учета всей обстановки — их труды не отражают точно событий в Халхе и грешат односторонностью. Пожалуй, один Д. П. Першин рассматривает события в исторической перспективе, но как глубоко штатский человек и сторонний наблюдатель не мог знать многого, почему и труд его — не полноценный.

Особо нужно остановиться на книге, написанной Н. Князевым — “Легендарный барон”. По времени выхода в свет (1942 г.) она

последняя и по объему солидная. Детально разбирать книгу Н. Князева не входит в мои планы, и нет в этом надобности. Укажу лишь, что автор не знаком, или не хотел познакомиться, или игнорировал все то, что было написано о генерале Унгерне до него, благодаря чему допустил крупные ошибки и не осветил многие важные события. Не использовал в должной мере многочисленных свидетелей-унгерновцев, проживающих в Харбине, путем перекрестных опросов, так как каждый в отдельности свидетель, за давностью времени, не свободен от ошибок в изложении. Как сам Н. Князев, так и его информатор "по магайло" не свободны от предвзятости и крайней односторонности.

Будучи мало военным человеком, напрасно взялся писать чисто военную книгу, почему и допустил ряд крупных ошибок и противоречий. Он, как человек с достаточным образовательным багажом, волей рока попавший в Комендантскую команду подполковника Сипайлова, естественно, был свидетелем или знал обо всех эксцессах, совершенных его командой в Монголии. Несомненно, Н. Князев знал обстоятельства и мотивы смерти достойнейшего полковника Казагранди, ветврача Гея и других, и он жестко, как один из унгерновцев, мог бы полностью осветить эксцессы, чем внести историческую правду в историю революции России и событий в Монголии 1921 г. Н. Князев предпочел написать книгу — гимн генералу Унгерну и в лучах его славных дел рассеять тьму, которая сопутствовала ему и которая привела к поражению. Но генерал Унгерн в исторической перспективе не нуждается в сокрытии правды. Для моей работы книга Н. Князева дала весьма ценные коррективы, за что я ему признателен.

За прошедшие 20 лет ко мне обращалось много лиц, прося дать материалы о событиях в Халхе 1920/21 годов, участником которых я поневоле очутился, но все просьбы я отклонял, так как у самого меня не выкристаллизировалась беспристрастная оценка многих событий. Историческая правда выясняется лишь спустя много времени. Участникам событий трудно отрешиться от личных взглядов. И мне нужно было бы подождать писать на эту тему еще лет десять, но боюсь, что не проживу их, тогда как, пожалуй, я единственный участник, оставшийся в живых, могущий более или менее верно изложить события в Халхе 1920/21 гг., кои имеют историческое значение для России, так как Внешняя Монголия — Халха возвратилась в орбиту влияния России боевыми трудами и кровью чинов Азиатской конной дивизии под начальством генерала Унгерна.

Горсточка героических людей в холодную зимнюю пору изгнала из Внешней Монголии 15000 китайских солдат,

прекрасно снабженных и располагавших отличной техникой, с ними изгнала и весь хорошо налаженный китайский административный аппарат и возвратила власть и страну законным владельцам. Уяснить монгольские события в полной мере возможно лишь при условии знания (хотя бы самого поверхностного) Монголии, почему в начале книги я даю краткое описание Монголии, уделяя значительное место политической обстановке и религии, как главным факторам в событиях.

Все то, что относится к истории Азиатской конной дивизии до 3 февраля 1921 г. и случаев, коих я сам не наблюдал, изложено мною по тем документам, кои были в моем распоряжении и проверялись путем опроса старых унгерновцев. За точность материалов ответственности нести не могу, но полагаю — они близки к истине. То же самое и в отношении описания событий в Западной Монголии (Кобдо, Улясутай).

Неоценимую услугу в написании книги оказал капитан Н. Н. Мысяков, один из коренных культурных офицеров Азиатской конной дивизии, который безотлучно находился в дивизии с февраля 1920 г. по день ее распада. Н. Н. Мысякову посчастливилось не участвовать в эксцессах. Он занимал хозяйственную должность. Добрый и хлебосольный человек. У него все офицеры дивизии в минуту жизни трудной находили приют, ласку и часто кружку ханы или магайло. Перед ним развязывали языки и открывали души. Вследствие указанных причин Н. Н. Мысяков знал почти все, что делалось в Азиатской конной дивизии и то, что было скрыто от взоров многих.

Полон благоговейного преклонения к памяти покойного управляющего Ургинской конторой Центросоюза Ив. Ал. Лаврова, который кропотливо, много лет собирал материал об ургинских событиях на предмет написания книги, но смерть помешала осуществить намерение. Весь собранный им материал дан был Софьей Орестовной Лавровой в мое распоряжение и благодаря им я избежал крупных ошибок.

Нужно отметить очень существенное обстоятельство в трудности сбора материалов — участники кровавых событий (эксцессов) наложили на себя запрет что-либо говорить о подробностях эксцессов, кроме одного есаула Макеева, который не всегда точен в описании и, пожалуй, взял на себя грехов больше, чем их совершил. Это обстоятельство не позволило с полной точностью осветить ряд существенных событий. Некоторые унгерновцы в похвалах всего, что бы ни совершал генерал Унгерн, затемняли смысл исторической правды и завуалировали свое участие в антигуманных поступках, хотя в большинстве случаев они бессильны были предотвратить их.

В изложении возможны неточности в деталях тех или иных событий, свидетелем коих я сам не был, а записал со слов участников. Возможны ошибки в фамилиях и хронологических датах, так как хронология из дневника сотника С. Бочкарева грешит. Но все недостатки не имеют существенного значения при верной общей картине событий.

Не знаю, когда мой скромный труд увидит свет. Возможно, после моей смерти, но когда-то и кем-то он будет использован. Если кто-либо к тому времени из чинов Азиатской конной дивизии останется жив и, прочтя написанное, останется недовольным, то пусть простит, но я писал книгу с чистым сердцем и, по крайнему своему разумению, не преследовал никаких целей, кроме правды.

Начал писать 1 августа 1940 г., окончил 1 июня 1942 г.
Шанхай, 1942 г.

P. S. Политическая и экономическая обстановка ко времени окончания первой черновой сводки — 1 июня 1942 года — существенно изменилась в худшую сторону. Рукопись требует перепечатки на машинке и перепечатанная подвергнуться стилистической и другой обработке. Сумею ли я сам все это сделать — не знаю. Если же мне самому не суждено будет выполнить, то тех, в руки коих попадет рукопись, прошу рукопись по существу не изменять, а выправить лишь стилистически и выпустить в свет, так как мой труд — единственный наиболее правильно освещающий события в Монголии в 1920/21 гг., и он представляет ценность для истории Монголии и России.

Монголия — Халха

От Зайсана (на Алтае) на северо-восток до станции Маньчжурия КВЖД к границе России прилегает полузависимая ныне (1942 г.) Монгольская Народная Республика. Границы Монголии заключены между 37–54° северной широты и 85–124° восточной долготы, занимая площадь земли в 3400000 кв. км. Пустыня Гоби, тянущаяся с востока на запад в центре Монголии почти параллельно русской границе, делит Монголию на Внешнюю Монголию, или Халху[42], и Внутреннюю Монголию. Халха занимает пространство примерно 1500000 кв. км. Поверхность — высокое плоскогорье от 4500–6000 футов над уровнем моря. Климат крайне континентальный и более суровый,

чем в тех же широтах Европы. Зимою холода достигают до 45° по R. Воды в Монголии мало. Большие реки — Селенга с притоками, Керулен и 7–8 больших озер. Атмосферных осадков выпадает весьма незначительно.

Халха, занимая громадную площадь Центрального Азиатского плоскогорья, в своем рельефе представляет весьма резкие очертания: южную границу очерчивает пустыня Гоби, характер коей — дно высохшего моря, и покрыта не сыпучими песками, а дресвой, с едва пробивающейся растительностью в период дождей. В остальном рельеф Халхи переплетается между собой то рядом горных цепей, с лесными и безлесными падями и подпадками, а в них долинами, то тянутся длинные степные отроги гор, иногда с озерами и болотами.

Огромная и разнохарактерная страна населена чисто монгольскими племенами, коих насчитывает в начале XX века примерно около 2000000 человек, из них во Внешней Монголии 80000038 и Внутренней 1200000 человек. Монголы Халхи, как основная масса монгол — халхасцы — потомки орд, сплотившихся некогда около великого Чингисхана. Они имеют одно наречие и исповедуют единую веру. Монголы занимаются главным образом скотоводством, кочуя с табунами и стадами летом по распадкам и предгориям, а зимою по падям и подпадкам, защищенными горами от северных холодных ветров.

Халха в начале XX века не выходила из периода пастушеской жизни. По понятиям культурных людей — страна скудная. 800000 человек халхасцев владели: лошадей 1500000, крупного рогатого скота 1500000, баранов и коз 4500000 и верблюдов 50000. В скоте все богатство и благополучие монгол, главным образом, в рогатом скоте. Лошади не имеют большого экономического значения за неимением рынка сбыта. Если все количество скота перевести в звонкую монету, считая стоимость взрослого быка 15 зол. руб., барана 2–3 руб., то стоимость всего рогатого скота и баранов выразится цифрой около 45 млн. зол. руб. и, разверстав их на душу, 45 зол. руб.

Нужно еще принять во внимание, что не меньше половины скота принадлежало многочисленным князьям и монастырям. Общая масса монгол неимоверно бедная. Глядя на них, удивляешься, как мало нужно иметь человеку, чтобы быть здоровым, жизнерадостным и дееспособным.

Добывающая и обрабатывающая промышленность почти совершенно отсутствовала. Все привозилось из России, а большая часть — из Китая. В недрах обширной страны лежит много богатств, и они ждут своей очереди.

Хлебопашеством монголы почти не занимались. В начале XX

века китайцы по рекам Орхону, Хара и Иро успешно занимались хлебопашеством при арычной системе поливки полей.

Озера и реки кишат рыбой, а на поверхности воды — сплошное птичье царство. Монголы ни рыбу, ни птиц не ели.

Жизнь и смерть монгола принадлежала великому удельному князю. Правовые нормы Чингисхана, изложенные им в “Ясе”, оставались в силе до позднейших времен, но значительно изменились в степени жестоких наказаний (отмена смертной казни) под влиянием буддизма. В общей массе монголы крайне невежественны, почти неграмотны и суеверны. В духовном отношении находятся во власти лам. Благодаря бедности и ламаизму большинство мужчин остается неженатыми, и излишние женщины пользуются свободой. К жизни и смерти относятся легко. Беспечность их удивительная. Но одновременно монголы по природе умные люди, обладают большой сметкой, наблюдательностью и насмешливостью. Любопытство монгола не имеет границ. Доброта — главная основа учения Будды — основное свойство монгола. Воинственность монголы утеряли с принятием ламаизма.

Взаимоотношения монгол и русских

Больше двухсот лет (1241–1480) Россия была улусом империи Чингизидов. Свергнув монгольское иго, русские как бы отгородились невидимой стеной от Монголии и постарались забыть ее, хотя шаг за шагом, из года в год, отбирали у монгол подчиненные ими когда-то земли и народы, как царства Казанское, Астраханское, Сибирское, Забайкальское и даже Кобдосский и Урянхайский округа, создавая на развалинах великой империи Чингизидов великую Россию в Азии.

Правильные торговые отношения русских с монголами установились лишь в 1634 г С 1881 г., по договору с Китаем, русской торговле в Халхе обеспечивались широкие права: беспошлинный ввоз и вывоз товаров, право покупать и продавать земли, иметь свою почту, консульства и другие преимущества. К началу XX века торг России с Монголией выражался в год: 25 млн. руб. ввоз и 20 млн. вывоз, тогда как с Китаем эти цифры почти удесятерялись.

За последнее девятнадцатое столетие дружба между монголами и русскими весьма окрепла. Монголы дорожили добрососедством с Россией, ценя справедливость русских монархов. Екатерину Великую Богдо-гэгэн с ламами и князьями при торжественной обстановке объявили Цаган Дарь-Эхэ, что в

переводе означает “Белая Добродетельная Дева”. Всех последующих русских царей монголы именовали “Добродетельными Хубилганами” Монголы много терпели от китайского владычества и верили, что настанет время, когда их от китайцев освободит “Белый Царь”.

До 1917 г. русским в Монголии жилось исключительно хорошо. Тихое мирное житье, полное материального благополучия при минимуме труда. В стране не было ни грабителей, ни убийств.

Характеристикой отношений между русскими и монголами служит такое явление: надоело малолетнему сынишке колониста сидеть без товарищей-сверстников на своей заимке, где-нибудь на Эдин-голе, он хочет повидать и поиграть с товарищами своих лет, живущими за 200–300 км. Недолго думая, с разрешения родителей, мальчонка усаживается на переднюю луку проезжающего монгола (обязательно заедет на заимку выпить чаю и съесть лепешку) и поедет, куда ему нужно, пересаживаясь от одного монгола — попутчика к другому — километров через 25ˆЮ, проезжая за сутки 80–100 км. Ребенок, доставленный по назначению, возвращался к родителям тем же порядком. Родители оставались спокойными за свое “чадо”, зная, что монголы его накормят, обласкают и сохранят. Такая услуга монголами оказывалась, конечно, бесплатно, а отчасти — от скуки, так как переотправка “мальца” вносила разнообразие в монотонную повседневную жизнь монгола.

Религия

Религия монгол — ламаизм, пронизавший всю духовную и материальную жизнь страны. Не зная сущности ламаизма, нельзя сколько-нибудь верно судить о монголах-халхасцах.

Провиденью угодно было в IV-V веках до Р. Х. щедрой рукой подарить человечеству величайших людей от сотворения мира. В Индии родился Будда, в Азии — Лаоцзы и Конфуций, в Греции — Сократ, Платон и Аристотель. Для всех этих колоссов человечества “Небо” и “Любовь” были источником благ человечества.

Будда и Лаоцзы создали религиозно — философские доктрины, вылившиеся в буддизм и даосизм, Конфуций создал политико — экономический порядок на основе семьи (культ предков). Сократ, Платон и Аристотель отбросили языческих богов. Все же вместе, в разных концах вселенной и времени приняли за основу мировоззрения “Небо” и “Любовь”, как

отправную точку — милости Неба. У бодхисатвы[43] понятие “Любовь” особенно ярко выражено в словах: “Пройди мимо “козявки” и не раздави ее, ибо и она хочет жить”.

Царевич Сиддхартха (Будда), изучив брахманизм, нашел его несовершенным и стал учить:

1) любви ко всему живущему;
2) незлобивости;
3) нестяжательству;
4) отречению от человеческих страстей;
5) отречению от привязанностей;
6) терпению;
7) предприимчивости;
8) размышлению;
9) знанию;
10) уединению.

Человек, выполнивший 10 основных заповедей, достоин вечного покоя, погружается в нирвану — состояние полного покоя. Ученикам своим заповедовал не лениться, чтобы не иметь привязанностей и не нуждаться в материальных благах. Эти заповеди положили основание монашеской общине лам.

Часть учеников Шакьямуни (Будды) затемнили ясное учение, внесли в него брахманизм и выдвинули понятие, что Шакьямуни был не первый Будда, то есть не первый святой, посланный в мир для спасения людей, а пятый и после него есть и будут Будды. Первым Буддой является Ади-Будда, который всегда был и будет. Шакьямуни — человек, достигнув совершенства, погрузился в нирвану, как и его четыре предшественника.

Но, чтобы не оставлять человечество без божественной помощи, Будда оставил после себя божественных заместителей — бодхисатв, кои пребывают в мире духов, воплощаются в человека при рождении и через воплощение живут среди людей, как воплощенные боги.

Позднее, в начале первых веков христианской веры, учение Будды в одной из монгольских общин выкристаллизировалось в “ламаизм”, сущность коего: простому смертному при тяжелой трудовой жизни нет ни времени, ни возможности отдаться выполнению основных заповедей Будды, а, следовательно, они не достигнут нирваны. На помощь им пришли ламы, кои за себя и за своих близких взяли бремя молитв, постов и совершение добрых дел. Отсюда установился порядок в ламаистских семьях отдавать на служение Небу старшего или одного из сыновей, зачисляя его в орден лам, дабы он за себя и всю семью выполнял заповеди Будды, чтобы все достигли нирваны.

Из Индии в Тибет ламаизм проник через монаха Цзонхаву[44]

— святого и основоположника святости лхасского Далай-ламы (“Океан Драгоценностей”). К учению ламаистов в Тибете примешалось много из шаманизма.

В Монголию ламаизм проник еще при Хубилай-хане (Пагба-лама), но господствующей религией стал в начале XVI в. Первый ламаитский монастырь — Эрдэни-Дзу построен был в 1586 г. Монах — летописец монастыря Эрдэни — Дзу отмечает: “Вера Будды, как солнце, просияла над Монголией. Животворные лучи его согрели души халхасцев и смирили их жестокие нравы. Люди вступили на путь добродетели…” Китайский император Канси, разбив князя Амурсану, наложил твердую руку на Монголию, но в утешение монгол покровительствовал ламаизму, как вере, убивающей в народе воинственный дух Великого Монгола.

На практике беспрерывность жизни духа бодхисатвы в людях — гэгэнах осуществляется так: как только гэгэн умирает, или тело его дряхлеет, так старейшины- ламы по книгам и своей прозорливостью отыскивают в стране, в благочестивых семьях младенца, в коего, по их убеждению, переселилась или переселится душа гэгэна.

Первым заместителем Будды на земле признается Далай-лама, вторым — Панчен-лама (Тибет) и третьим — Богдо-гэгэн Монголии в Урге. Эти три гэгэна властвуют над душами всего ламаистского мира.

Во время богослужения в храме Богдо-гэгэн сидит на престоле с тиарой на голове, украшенной драгоценными каменьями, в богатых парчовых одеждах, расшитых золотом и жемчугами. Он неподвижен, с устремленным взором к Небу и с беспристрастием на лице выслушивает мольбы людей. Одной рукой (левой) он касается свитого из конского волоса каната, обшитого красным сукном, в правой руке держит четки, перебирая их. К этому канату стремится прикоснуться каждый молящийся и, как по электрическому проводу, получает благодать от живого бога, при этом повторяя без конца: “Ом, мани падме хум”. По окончании молитвы Богдо-гэгэн простирает руки над молящимися и просящими, благословляя безмолвно их на добрые дела.

В Монголии Шабинское ведомство (Дамское) делится на три основных класса, кои, в свою очередь, делятся на много ступеней и ячеек по целям и надобностям. Шабинское ведомство свободно от всяких налогов, обязанностей и живет за счет населения, владея лучшими земельными угодьями.

Первый класс лам — дзурены (прорицатели). Путем многолетних духовных и физических упражнений, к глубокой старости достигают прозорливости. Их обязанности при Богдо-

гэгэне заключаются в том, чтобы не допустить к нему недобрых и недостойных людей, предупреждать об опасности и предотвращать их. Дзурены принимают главное участие в отыскании новорожденного младенца, в которого вселилась душа умершего гэгэна.

Второй класс — да-ламы (доктора)41. Тибетско-монгольские доктора всю свою жизнь, часто весьма продолжительную, изучают медицину, не прибегая к вивисекции. Тщательно и долго наблюдают и изучают мир животных, растительность, явления природы, животный магнетизм. В конечном результате многие да-ламы достигают высокого искусства врачевания. Из наиболее искусных и верных да-лам образуется ячейка “лам отравителей”. Богдо-гэгэн при их помощи устраняет со своего пути неугодных ему людей. И ничего не спасет жертву. Появление да-ламы в том или ином месте Монголии среди народных масс наполняет ужасом сердца местных князей или гэгэнов, так как это — верный показатель, что кто-то из них переселится в лучший мир.

Третий класс — самый большой — просто ламы, из коих отсортировывают наиболее способных, выдвигая их на разного рода административные должности.

Все три класса лам Шабинского ведомства порывают связь с семьями.

Четвертый класс — ламы семейного очага. Они лет до 12–13 в ближайших монастырях изучают заповеди Будды, научаются читать, писать и считать. Затем в праздники принимают участие в общем молении, но в повседневной жизни слитно с семьей и несут все обязанности по дому.

Ламы Монголии и Тибета хранят много такого, что остается скрытым от европейцев и могущего повлиять на европейскую культуру, но ламы, как египетские жрецы, скорее умрут, чем согласятся раскрыть врученные им тайны. В области медицины тайн больше. Тех ядов, кои известны ламам и хранятся в сундуках да-лам, европейцы не знают. В конце прошлого века буддизм и близкий ему по духу даосизм (учение Лаоцзы) проник во многие европейские страны и нашел себе последователей.

Ламы Монголии, преследуя свои кастовые цели, сослужили своему народу плохую службу. Они больше чем на два века задержали прогресс. Учили всему, кроме 10 заповедей Будды, и к XX в. монголы остались в пастушеском состоянии.

Осуждая лам, нужно указать, что буддизм в чистом его основании, как религиозное учение является величайшим нравственным фундаментом для человечества и думается, что нет оснований говорить о его законе в наш материалистический век. Пройдут годы, и настанет время, когда миллионы людей будут

стекаться к подножию Будды.

Урга

Урга — не монгольское наименование. Монголы свою столицу именуют Да-хурэ. Слово Урга — произвольное от монгольского слово “орго” — ставка. Урга лежит географически примерно на 107° восточной долготы и 43° северной широты. Урга раскинулась на правом берегу р. Толы, притока Орхона. Она представляет собой три самостоятельных поселения на протяжении примерно 5–6 км: “Курень” (Хурэ), через 1 ‘/2—2 км на восток “Консульский поселок” и еще 1 1/2—2 км на восток “Маймачен”. Ургу опоясывают горы: на севере возвышенность Чингильту, на востоке отроги Хэнтэй, с юга Богдо-ула. Все горы, кроме Богдо-улы вблизи Урги безлесны. Богдо-ула же покрыта вся сплошь многовековыми соснами и кедрами. Лес заповедный. Ни птицу, ни деревья никто не имеет права уничтожать под страхом тяжелого наказания. Богдо-ула — строжайший заповедник.

Маймачен

Маймачен — главная резиденция китайцев в Монголии. Обнесен высокой и крепкой глинобитной стеной. Улицы узки, неправильные, конечно, не мощеные. Большинство китайских резидентов внутри города укрывались в своих загороженных импанях. Словом, типичный глухой, но богатый китайский городок. Жителей — китайцев 2000, монгол примерно 1000 и европейцев несколько человек.

Консульский поселок

Консульский поселок вытянулся в одну главную улицу протяжением около километра вдоль дороги из Хурэ в Маймачен. Здесь разместились европейцы: Русское Генеральное консульство в двухэтажном доме, здесь самое большое ургинское здание — Монголор (Монгольская золотопромышленная компания), здесь консульская православная церковь, типография, почта, квартиры русских офицеров конвоя, школа монгольских драгоманов и много домов, деревянных и каменных, но маленьких — русских

резидентов. Началась строиться вторая улица к северу от главной. Число жителей: русских до 250 душ и монгол не больше 100 человек, ближе к Хурэ, у переезда через речушку Сэлби.

Курень, или Хурэ

В центре города лежит один из древнейших в Монголии храмов и, пожалуй, самый красивый, с золотыми главами — Майдари-хурэ. К нему прилегает Цокчин-хурэ — усыпальница Богдо-гэгэнов. Оба хурэ весьма примечательны, как древнейшее зодчество. В них живет до 2000 лам, наиболее заслуженных. Главным же храмом считается Да-хурэ. Он стоит на окраине города к северо-западу от Урги. Начал строиться в 1912 г. на деньги, которые дало Русское императорское правительство, как заем Монголии в 500000 руб., из коих Богдо-гэгэн ухлопал в постройку Хурэ до 2 млн. зол. руб. В Да-хурэ поставлена самая большая статуя (поясная) Будды. Она величиной, вероятно, метров 6–7, отлита на русских заводах из меди, и вся золоченная. В Да-хурэ размещено до 10000 Будд разной величины и значения. В Да-хурэ проживает до 20000 лам. Хурэ строилось Джэбцзундамба — хутухтой для умоления Неба о возвращении ему зрения.

В остальном, Урга не представляет из себя сколь-нибудь примечательного и похожа на большое торговое село. Пять — шесть улиц и торговая площадь — Захадыр. Лучшее здание — Китайско — монгольский банк фирмы Андерсен — Мейер, Швецовых. Дома преимущественно деревянные, одноэтажные, мало благоустроенные. Многочисленные китайские фирмы — в импанях.

Тем не менее, в Урге имели конторы пять фирм американских, три английские, две датские, до 20 русских и больше 100 китайских. Ни водопровода, ни канализации, ни мостовых, ни освещения. Санитарной частью заведовало солнце, ветер, холода, собаки и чистый воздух. Благодаря им в Урге почти не было инфекционных заболеваний. Самой же главной достопримечательностью Урги была резиденция Богдо-гэгэна. На правом берегу Толы, точно на юг от Майдари — хурэ, примерно в 2 км лежит монастырь Дучин — Галабыйн — Сумэ — двухэтажное здание — зимняя резиденция Богдо-гэгэна. Здание простое, но сделано основательно и очень большое, в котором сосредоточены все органы управления ламаистского культа. Около главного здания еще 8–10 построек и службы.

На другой стороне Толы, через деревянный мост, в предгорьях Богдо-улы разбросано до двух десятков домиков и один дом побольше. Здесь Богдо-гэгэн со своими ламами — советниками живет лето. С наступлением рассвета с Дучин — Галабыйн подается первый сигнал в гонг, его подхватывают ургинские монастыри — так начинается день в Святом Городе.

Число жителей в ургинском населенном районе в 1920 г. было примерно таким: лам до 30000, монгол 5000, русских 1000, европейцев 200–300, китайцев 20000- 25000, а всего не свыше 65000 душ, считая 12–15 тыс. китайских солдат.

Краткая историческая справка

В начале XIII века по Р. Х. маленький полудикий народ монголы — халхасцы, ведомые гениальным Чингисханом, достиг такой высоты и могущества, каким не пользовался ни один народ до того времени. При талантливых преемниках Чингисхана — Хубилай-хане, Бату и других монголы владели всей Азией, частью Индии, всей Малой Азией и большей частью Европы. Упадок монархии Чингизидов начался в XV веке, а в XVII веке Монголия потеряла свою самостоятельность.

В 1691 г. на Далайнорском сейме Монголия признала своим сюзереном китайского императора, и произошло разделение Монголии на две части — Внутреннюю и Внешнюю — Халха. Первая почти полностью была оккупирована китайцами, а вторая сохранила свою внутреннюю самостоятельность во главе с Богдо-гэгэном в Урге. Внешнюю Монголию-Халху составляли четыре княжества — аймака: Цзасактуханский, Тушэтуханский, Цэцэнханский, Сайннойонханский и области Куку-нор, Илийский, Южно-Алтайский, Кобдо и Барга. В свою очередь, главные аймаки делились по княжеским родам на 87 удельных мелких княжеств.

В 1792 г., после неудачного джунгарского восстания был заключен новый договор с Китаем, по которому китайцы отобрали у монгол Илийский край, Джунгарию, Южный Алтай. Кроме того, Внешняя Монголия должна была принять цзяньцзюня с большими полномочиями и допустить на территорию Халхи китайских солдат.

Цзяньцзюни постепенно, за много лет, расширяли свои права за счет удельных князей и в течение века стали полноправными хозяевами в Халхе. На плечи бедного населения Монголии легло непосильное бремя: содержать китайских чиновников, китайских солдат, своих князей и лам. Князья, в свою очередь, обеднели и попали в неоплатные данники к китайским купцам.

Указанные причины породили среди монгол крайнее недовольство и рано или поздно должно было произойти восстание против Китая. Последний первосвященник Монголии Джэбцзундамба-хутухта искал путей освободить монголов от китайского ярма.

Джэбцзундамба-утухта

Джэбцзундамба-хутухта, по непроверенным данным, родился в 1871 г. в Тибете от бедных, но благочестивых супругов. В нем рано обнаружились черты волевого и умного человека. Он не стал игрушкой в руках лам, а наоборот, держал их в своих руках. С юных лет он мечтал если не восстановить великое царство Чингисхана, то хотя бы освободить Монголию от китайцев и сделать самостоятельной. Удельные князья и ламы его боялись, народные массы любили, и слава его далеко шла за пределы Монголии. Самостоятельный, умный первосвященник — правитель не был приемлем ни для Тибета, ни для китайцев.

В начале XX в. из Пекина было отправлено к Богдо-гэгэну особое посольство, монголы знали, что среди посольства находится один из знаменитых лам — отравителей. Джэбцзундамба до приезда неугодных гостей выехал из Урги на запад и вернулся в Ургу тогда, когда пекинские гости уехали из Урги. Немного позднее, примерно в 1909–1910 г. прибыло посольство из Тибета, в числе коих также было два да-ламы. Нового посольства Богдо-гэгэн не испугался и достойно встретил, угостив роскошным ужином, но с ужина оба да-ламы не вернулись, а прямыми путями отправились в нирвану, трупы же их торжественно были отправлены в Тибет.

Китайцы народ мудрый, терпеливый. Они решили подождать естественной смерти Джэбцзундамбы с тем, чтобы после его смерти не допустить замещения престола. Они принудили второго по святости первосвященника Пандиту — гэгэна из Утая и старейших лам “вычитать”, что Джэбцзундамба — последний носитель духа бодхисатвы и находится в последнем, 31–м перерождении, и что с его смертью в Монголии не будет больше первосвященника, а для народа наступит “новая эра”.

Богдо-гэгэн понимал, куда клонится политика китайцев. Мечты его юных лет о самостоятельности Монголии могут обрушиться. Опровергать “вычитанное” было невозможно, чтобы не подорвать веру. Он с дзуренами засел в свою богатейшую ламаистскую библиотеку, и после трехмесячной работы отыскали: “В Лхасе имел случай, когда один первосвященник был женат,

имел сына и передал ему первосвященничество". Этот прецедент Далай-ламы давал право Джэбцзундамбе жениться. Жена была возведена в божеское достоинство, имела сына, и Богдо-гэгэн успокоился за Монголию в отношении престолонаследия, нарушив козни китайцев.

В частной жизни Богдо-гэгэн был невоздержанным человеком. Он много пил. В результате злоупотребления спиртными напитками он ослеп. Есть основание предполагать, что недобросовестные поставщики спирта подсунули спирт — денатурат. Сивушное масло безвозвратно разрушило глазные нервы Богдо-гэгэна.

Пекин и Лхаса обрадовались слепоте Богдо-гэгэна и хотели его устранить под предлогом слепоты, но первое время Джэбцзундамбу поддержали свои ламы и князья под давлением народных масс. Кроме того, они думали, что слепой Джэбцзундамба будет послушным орудием в их руках, но все они глубоко ошиблись.

Богдо-гэгэн через головы своих врагов вел весьма конструктивно и умело переговоры с Русским императорским правительством о помощи Монголии и сумел сплотить вокруг себя группу князей, сочувствующих идеи освободиться от китайцев при помощи России.

В Китае в 1910–1911 гг. произошла революция. Богдо-гэгэн не мог не воспользоваться столь благоприятным моментом. Монгольские цзяньцзюни, амбани, чиновники не стали получать из Пекина денег. Среди солдат и чиновников начались волнения. Чтобы как-то уплатить им жалование, цзяньцзюни разрешили солдатам добывать себе жалование теми средствами, кои они найдут нужными. Начался грабеж монгол[45].

В июне месяце 1911 г. в Урге состоялось тайное большое совещание князей и лам под личным председательством Богдо-гэгэна, на котором провозгласили: "Монголию считать отныне самостоятельным царством и повелителем ее Джэбцзундамба-хутухта — хана". Было сформировано правительство.

Наутро к ургинскому амбаню Сандо прибыли члены нового Монгольского правительства и потребовали от него сдачи всех дел и отдачи приказа о том, чтобы все китайские чиновники и солдаты немедленно оставили пределы Монголии. Амбань Сандо не имел средств сопротивления и вынужден был исполнить требование монгол. Передав дела, сам Сандо отдался под покровительство ургинского русского консула. Все китайцы из Урги и других пунктов покинули пределы Монголии через русскую территорию под защитой русских, так как боялись расправы с ними монгол. Некоторые шероховатости произошли в

Кобдо и Шара-сумэ. Только в Барге, населенной солонами, баргутами и даурами, учинена была резня китайцев.

18 ноября 1911 г. за подписью Богдо-гэгэна был обнародован манифест, суть коего сводился:

1. Связь Китая с Монголией, осуществлявшаяся через императора, за устранением последнего по воле китайского народа, прерывается и Монголия свободна и самостоятельна.

2. Объявляется новая система правления Монт ши на основе религии. Чиновники будут ламы. Оставшимся в Монголии китайцам предлагается принять ламаизм.

3. В празднества и различные церемонии вывешивать монгольский национальный флаг.

4. Высшие чиновники должны носить русского образца мундир, мелкие — монгольский национальный костюм.

5. Старые пошлины отменяются. Будут введены новые налоги, кои не минуют последовать, по разработке их в согласии с Россией.

16 декабря 1911 г. на монгольский престол торжественно возведен Его Святейшество Джэбцзундамба-хутухта — хан, с присвоением его правлению титула “Многими Возведенного”.

21 октября 1912 г. был заключен договор России с Монголией (подписано русским генеральным консулом в Урге Коростовцевым и всеми монгольскими министрами). По этому договору Россия признавала самостоятельность Внешней Монголии (Халхи), обещая охранять ее от посягательств Китая. Русским предоставлялись в Монголии широкие права консульской юрисдикции, свобода передвижения, беспошлинная торговля и прочее. Урянхайский край, который фактически никому не принадлежал, был присоединен к России.

7 июня 1913 г. в Кяхте было подписано тройное соглашение между Россией, Халхой и Китаем. По этому договору Китай сохранял над Монголией сюзеренные права, но признавал ее автономной, отказавшись от колонизации и прочих прерогатив. Китайские сановники в Урге, Улясутае, Кобдо могли иметь конвой для своей охраны. Барга отходила навсегда к Китаю. Россия давала Монголии 5 млн. руб. заем и создавала Монгольский народный банк, откомандировав в Монголию финансистов. Для создания монгольской армии из России были командированы офицеры и унтер — офицеры в качестве инструкторов.

Монголы были недовольны таким договором, но скрепя сердце согласились подписать его, рассчитывая навсегда порвать с Китаем, как только будет создана армия.

Время с начала 1912 по июнь 1914 г. монголами

использовано было очень плохо. Пятимиллионный заем частью ушел на постройку Да-хурэ, частью разошелся по карманам лам и князей и очень мало — на улучшение экономики Монголии. Формирование армии шло также малоуспешно за неимением средств. В Монголии не оказалось просвещенных и выдающихся людей. К началу 1–й Великой войны жизнь в Монголии по-новому, лучшему, не наладилась. Во время войны 1914–1917 гг. России было не до монгольских дел, и монголы почти за шесть лет самостоятельности не сделали ничего, чтобы своими силами противостоять посягательству Китая.

Когда в России в 1917 г. разразилась революция, китайцы в Монголии нажали пресс и постепенно стали возвращать свои утраченные права, но гуманный цзянь-цзюнь Урги Чэнь И действовал очень осторожно и постепенно. Китайское правительство было недовольно его действиями и послало в Монголию войско во главе с генералом Сюй Шучжэном (маленький Сюй, член клуба Аньфу, офицер Генерального штаба, окончивший в Германии академию) с огромными полномочиями и наименованием Генерал-губернатора северо-западных провинций Китая. Ему вменялось в обязанность провести в жизнь план Сунь Ятсена, сущность коего сводилась:

1. Должен был быть создан большой порт в Чжилийском заливе, от которого пойдут рельсовые пути на северо-запад в Монголию. Главный двухколейный рельсовый путь должен пролегать до Далай-нора и от него.

2. От Далай-нора рельсовый путь на Хайлар — Мохо (на Аргуни).

3. От Далай-нора на Акшу.

4. От Далай-нора на Ургу, Улясутай — Урянхай.

5. От Шанхая, Нанкин — Лач и Кобдо, Жу — Хами;

6. Хами — Турфан — Урумчи.

План намечал переселить в Монголию и Китайский Туркестан десятки миллионов людей из Внутреннего Китая с тем, чтобы монгольское население растворилось в нем и навсегда перестало существовать[46].

Генерал Сюй в 1919 г. прибыл в Ургу, отстранил Чэнь И от дел и, обвинив в бездействии, отправил его на суд в Пекин. Он свергнул Богдо-гэгэна с престола хана и взял управление Монголией в свои руки. Монголия вновь потеряла свою самостоятельность. Генерал Сюй повел политику полновластного хозяина Монголии и, конечно, восстановил против себя всех монгол назревало стихийное восстание. Китайское правительство зорко следило за настроением монгол и, бессильное материально и морально провести в жизнь планы Сунь Ятсена, немедленно

решило ослабить в Монголии режим и вновь отправило туда мудрого администратора Чэнь И, а генерала Сюя отозвало из Монголии.

Когда в начале 1920 г. Чэнь И прибыл в Ургу и стал проявлять свою власть, то против него восстали оставленные Сюем генералы и делали, что хотели. Между китайцами началась скрытая и открытая борьба. Как цзяньцзюнь Чэнь И, так и Сюй, не зная сущности большевиков, но, признавая их за сильную власть, старались ладить с ними в ущерб белым русским, проживавшим в Монголии и следовавшим с запада через Монголию на Дальний Восток. В свою очередь, монгольские патриоты, еще меньше разбиравшиеся в русских делах, возлагали упования на русских, кои стоят ныне у власти. Группа несомненных патриотов, с благословения Богдо-гэгэна, в местечке Алтан — Булаке (вблизи Кяхты) вошла в сношения с большевистскими эмиссарами, которые в развитии мировой революции охотно обещали монголам все, что они хотели.

Жизнь русских в Монголии до октября 1920 года

С занятием вновь Халхи китайцами в 1919 г., конечно, жить в Монголии русским стало хуже, но поскольку моральные права русских императорских консулов еще, по традиции, были сильными, то китайцы явной несправедливости в отношении русских не проявляли. Русским жилось еще хорошо, и большевистская буря их миновала.

Большая и малая борьба между китайцами шла поверх голов русских и, пожалуй, была им на руку.

Чтобы иметь представление о жизни русских в Монголии с 1918 по 1921 гг., по возможности, коротко опишу свою жизнь в Монголии. Я прибыл в Ургу 18 апреля 1920 г. в группе офицеров генерала И. Ф. Шильникова, направлявшейся из Чугу-чака в ставку верховного правителя адмирала Колчака из Южной армии. В Урге русский генеральный консул Орлов сообщил о расстреле адмирала Колчака в Иркутске 7 февраля 1920 г., и что остатки его армии ушли в Забайкалье. Каждый из нас, старых офицеров, имел и самостоятельное предписание и поручение в Ставку Со смертью адмирала Колчака наши командировочные задания теряли силу, и мы оказались свободными от всяких обязательств и вправе были располагать собою по своему усмотрению.

Большая часть нашей группы и сам генерал Шильников решили пробираться в Маньчжурию, я же остался в Монголии —

Урге, так как близость Урги от Иркутска давала какие-то надежды выручить из него мою семью — жену с тремя маленькими детьми. Я приехал в Ургу, имея в кармане один серебряный доллар и рваное обмундирование. По счастью, в Урге встретил своего бывшего юнкера — поручика.

Н. Н. Владимирова, которому в начале его военной службы сделал благодеяние, а с его отцом сохранились старые приятельские отношения. Н. Н. Владимиров приютил меня в своей семье, обмыл, одел и накормил. У него я и основался до лучших дней.

Коренная русская колония Урги насчитывала человек 200–300. Скоро со всеми перезнакомился. Большая часть были простые русские люди из Забайкалья и Сибири. По просьбе русского генерального консула Орлова принял обязанности старосты церкви, настоятелем коей был протоиерей Феодор Парняков.

В начале мая в Ургу из Иркутска приехал Ив. Ал. Лавров с семьей, назначенный Правительством ДВР на должность управляющего конторой Центросоюза для всей Монголии. Меня с семьей Лавровых связывала исключительно старая дружба. Приезд Лавровых в Ургу был для меня приятным и в том отношении, что от них я узнал о том, что семья моя жива, здорова и знает, что я в Урге.

В первые же дни своей работы И. А. Лавров в частной беседе сетовал на судьбу, что у него не хватает транспорта на перевозку товаров по отделениям в худонах (провинциях). Русские не хотят заниматься таким мелким делом, а с монголами трудно вести дело из-за их легкомыслия. Я поделился этой мыслью с Н. Н. Владимировым, который ухватился за эту идею и советовал мне немедленно взяться за это дело, предлагая свою помощь или участие в деле. Ни у Владимирова, ни особенно у меня не было ни гроша за душой, но у первого были большие связи с монголами.

Когда я предложил И. А. Лаврову свои услуги по перевозке тяжестей Центросоюза, то он охотно заключил со мною контракт.

Монголы пригнали Н. Н. Владимирову в кредит на 4 месяца первый бычий обоз в 100 подвод с 10 запасными быками по цене 21 долл. за подводу и 14 долл. за запасных быков.

На 100 подвод погрузили чай Центросоюза до Улясутая по 12 серебряных долл. за подводу и заключен был контракт с фирмой Швецовых везти из Улясутая до Урги шерсть по 11 долл. с подводы. Следовательно, за рейс Урга — Улясутай и обратно каждая подвода зарабатывала 23 долл., то есть окупала полностью себя с дорожными расходами и стоимость обоза 2100

долл. оставалась чистым заработком за два месяца легкой работы.

С обозом в Улясутай пошел Н. Н. Владимиров, я же остался в Урге налаживать второй бычий и верблюжий транспорт и по другим срочным делам, главная же работа оставалась — выручить из Иркутска семью.

Заняв 500 серебряных долл. через верных евреев, перевел их старому знакомому в Иркутск еврею Ж., прося его отправить семью в Монголию. Деньги всегда и при всех обстоятельствах — великий двигатель, а в то время в Иркутске чисто серебряные 500 “юаныиикаев”, умело им данных, имели немалую ценность для иркутских комиссаров. Серебряные доллары сделали свое дело, и моя жена получила от ГПУ, как его агент, командировку в Троицкосавск. С некоторыми трудностями и, конечно, волнениями она доехала до Троицкосавска и, не задерживаясь в нем, перешла границу у Кяхты и очутилась в гостеприимном доме консула Лавдавского, уничтожив при нем все свои большевистские документы. В сентябре прибыла в Ургу.

Начиная с июня месяца в Ургу из Джунгарии и Западной Монголии поодиночке и группами густо двигались белые русские люди, спасаясь от большевиков, пробираясь в Маньчжурию. Большинство русских, из солдат или простого народа, в Урге шли ко мне, чтобы получить информацию и совет. Мой совет был для всех — осаживаться в Монголии, где имеются пока все возможности не только жить, но заработать деньги, так как они лежали всюду, нужно только было приложить трудовые руки.

В Урге, несмотря на близость лесных дач, не хватало дров, и ценились они высоко. Одну из партий в 12 человек, послушавших меня остаться в Монголии, снабдив топорами, пилами, пятью упряжными быками и продовольствием, отправил в лес. Через неделю в Урге регулярно через 3–4 дня появлялись пять подвод дров на захадыре — базаре. Через месяц партия уплатила мне долг и зажила своей сытой жизнью.

Другую партию в 15 человек отправил в сталактитовые пещеры в отрогах Хэнтэя, в которых находились богатейшие залежи горного хрусталя высокого качества. В партии был специалист — уралец по горному хрусталю. Он, приезжая с работ, рисовал мне сказочные перспективы с продажей горного хрусталя в Китай. Возможно, что мечты его и осуществились бы, если бы в Халхе не появился генерал Унгерн.

Одну большую партию сколотил к эксплуатации рыбных богатств. Заготовляли снасти, лодки, бочонки, соль с тем, чтобы, проработав весну на лове и засолке рыбы, сплавить по Орхон — Сунгари в Забайкалье. Ургинские купцы брались по хорошей цене

ее реализовать.

Намечался еще ряд верных дел. Открывались мастерские. Сам лично организовал аппарат (5 партий по 2 человека) для рассылки по худонам скупать чистое 100 % коровье монгольское масло по цене 5 долл. за пуд, но приготовленное примитивным путем и имевшее резко — неприятный запах, без нарушения вкусовых качеств. Масло предполагалось в октябре отправить в Тяньцзин, где ученый химик, мой приятель, брался его очистить от запаха и выпустить на рынок по цене не меньше 20 долл. за пуд, когда себестоимость его с очисткой и доставкой в Тяньцзин не превышала 10–11 долл. за 32 фунта.

Зная, что с запада будут прибывать все новые и новые партии беженцев, принимали меры как-то их удержать в Монголии и приспособлять к хлебным делам. Большая часть русских людей и Генеральное консульство в Урге очень сочувственно относились к такой идее и всемерно помогали.

Не так посмотрела группа русских — большевиствующих людей во главе с протоиереем о. Парняковым, наборщиком Кучеренко и др. К октябрю месяцу жизнь в Урге русских значительно ухудшилась. Большевики в Урге крепко засели в Русской торговой палате, где секретарем был Чайванов. Священник Парняков, Чайванов, Кучеренко были головкой большевиствующих ургинских резидентов. Генерал-губернатор Чэнь И, противник большевиков, знал о деятельности большевиков в Урге, но он опирался на 15000 штыков — они ему были не страшны.

В худонах и на заимках русские жили совершенно спокойно, далекие от политики, приумножая свои капиталы. Лично я имел самые радужные перспективы впереди. Жил в торговой части Урги в доме Щапова.

В конце сентября консул Орлов конфиденциально сообщил мне, что генерал Унгерн во главе дивизии стоит лагерем в низовьях Керулена и о том, что среди влиятельных монгол идут споры о том, с кем идти против китайцев — с Советской властью или Унгерном. Консул полагал, что Богдо-гэгэн склоняется на сторону Унгерна.

Появление Азиатской конной дивизии в пределах Восточной Халхи сразу отразилось на положении “белых русских” в Монголии, так как китайские генералы и чиновники стали рассматривать белых русских как союзников генерала Унгерна— своих врагов. Ургинские большевики в китайском Ямыне были первыми людьми. Они дали список русских, коих нужно немедленно арестовать, как лиц ненадежных для китайцев. В этом списке на первом месте стояла моя фамилия. Генерал Чэнь

И, а особенно чиновник по русским делам Ню хорошо знали всех коренных русских жителей Урги и никого из большевистского списка не арестовали.

Жизнь в Урге стала тревожной. 1 ноября рано утром ургинцы услышали орудийные выстрелы за высотами Богдо-улы. Часов в 8 утра несколько трехдюймовых снарядов упало между Консульским поселком и Маймаченом. Шел серьезный бой между китайскими войсками и Азиатской конной дивизией генерала Унгерна. Только днем 3 ноября стало известно, что унгерновцы с большими потерями были отогнаны на восток.

В Урге было объявлено военное положение и власть от Чэнь И перешла в руки китайских генералов. Чайванов и Ко пролезли в военный штаб и передали списки неблагонадежных русских. Генерал Го отнесся к доносчикам с полным вниманием. В ночь с 5 на 6 ноября дом Щапова был окружен целой ротой китайских солдат. Человек 10 во главе с офицером вошли в дом в поисках меня. Ареста я ожидал, а потому ни сам, ни семья особенно не волновались. Китайский офицер дал мне возможность одеться, но при выходе из квартиры руки мне связали назад крепкими ремнями. Привели меня в штаб полка, размещавшийся на одной из главных улиц Урги, и посадили во дворе штаба в холодную амбарушку, где уже сидело человек двенадцать монгол.

В последующие дни арестовано было человек 30 русских, в том числе Д. П. Першин, мой квартирный хозяин Щапов и др. Они содержались в тюрьме. Небольшая ургинская тюрьма, скудно оборудованная, была переполнена до отказа. Нар не хватало. Спали под нарами на голом земляном полу. Довольствие состояло в день из трех чашек вареной чумизы и горячей воды, которую давали два раза в день. Передачу возможно было получать при условии уплаты одного доллара тюремщику за каждую передачу.

Первые пятьдесят дней я просидел в амбарушке при штабе полка. Не было ни нар, ни соломы для подстилки, ни света, и довольствия не давали, но разрешили жене приносить термосы с пищей и чаем. Морозы стояли 25–35° по R. Теплая одежда и горячая пища в термосах и молодость спасли от замерзания. Как ни плохо было в тюрьме, но я мечтал туда попасть.

После того, как меня навестил чиновник по особым поручениям Ню, китайские солдаты стали относиться ко мне лучше и стали допускать посетителей. В конце декабря месяца посетил меня консул в Кобдо А. П. Хионин — прекрасный дипломат и душевный человек. Он сообщил мне, что на днях уезжает в Калган, оттуда в Пекин, где и постарается вызволить меня и всех русских из беды.

В начале января, по неизвестной мне причине, меня перевели в тюрьму, где я просидел около недели, так как 10 или 11 января была получена из Пекина телеграмма от военного министра освободить пять или шесть человек русских, в том числе меня, и указывалось в телеграмме освобожденных лиц не преследовать.

В тюрьме сидело много народу, захваченного китайцами по пути из Улясутая в Маньчжурию. Здесь я встретил много знакомых офицеров по Оренбургской армии, в том числе полковников братьев Доможировых и других.

По освобождении из-под ареста я не узнал лика Урги: в Консульском поселке и в самой Урге в частных домах стояли китайские солдаты. Солдат всюду было много. Возникал вопрос, откуда их столько взялось? Их раньше мы почти не видели. Оказалось, что генерал Го и, частично, генерал Ма вывели их из казарм Худжира и расквартировали в самой Урге. Солдаты совершали явные и тайные грабежи.

За неимением свободной квартиры я с семьей поселился в юртах в одном из пустующих дворов, обнесенного двухсаженым частоколом. Во дворе поставил две войлочных юрты, данных мне И. А. Лавровым. Одна из юрт была прекрасная, с деревянным полом, шелковой отделкой внутренних кошм. Поставил железную печку, обложил ее кирпичом. В другой юрте рядом сложил плиту. В ней помещалась прислуга — монголка и склад. Зажил хорошо и тепло.

Все мое имущество — скот на заимке, экипажи и прочее китайцы конфисковали, как только меня арестовали. Искать его не было смысла. Слава Богу, что сам легко отделался. Счастлив был тем, что в первый же день ареста Н. Н. Владимиров распорядился, чтобы монголы, продавшие мне бычий обоз и верблюдов, не пригоняли на заимку вблизи консульской дачи на Толе.

Церковь была разграблена и стояла опечатанная. Сохранились лишь иконы.

Все, кто мог и не были связаны делами в Монголии, уезжали из Урги по путям на Калган, так как боялись ехать на Хайлар, зная, что будут задержаны унгерновцами и зачислены в дивизию. В Монголии русские отрицательно относились к деятельности атамана Семенова в Забайкалье, и по наследству неприязнь перешла к генералу Унгерну.

С ноября месяца 1920 г. по 1 февраля 1921 г. на просторах Монголии китайскими солдатами было убито больше 100 человек русских, пробирающихся с запада от Кобдо в Хайлар. Имен их не знаю. Последними была расстреляна партия в 11 человек в самой Урге — беженцы из урянхайского кооператива и среди них

минусинский городской голова Солдатов. Трупы расстрелянных зарыты были вблизи монгольской казармы. Вина за расстрел русских людей в Урге и ее окрестностях лежит, главным образом, на Чайванове, священнике Парнякове и К°. Они же были виновниками жестокого содержания русских и в тюрьме.

Биография барона генерал — лейтенанта Романа Федоровича Унгерн фон Штернберга

Написать сколько-нибудь правдивую биографию генерала Унгерна оказалось нелегко. Я прочитал 5–6 биографий генерала Унгерна, но все они в основном не отвечали истине. Сплошной вымысел в изложении Ф. Оссендовского и списанное у него есаулом Макеевым. Наиболее правдивая написана Н. Н. Князевым.

Только послужной список или данные брата Р. Ф. Унгерна — барона Константина Федоровича Унгерна могли бы дать верные биографические материалы, но послужной список погиб, а с бароном К. Ф. Унгерном автору не посчастливилось встретиться в эмиграции. В эмиграции (в Шанхае) пребывает дальний родственник генерала барон Р. Сарыл-гун-хурэ, который имеет полную родословную дома Унгариа (изд. 1940 г. в Риге). Барон Р. Унгерн был так любезен, что уделил на справки несколько часов и прочел все, что касается Романа Унгерна, но, к сожалению, ему в семейной хронике отведено немного места.

Биография в нижеизложенной вариации в какой-то степени верна, но страдает целым рядом “провалов”, кои заполнить не удалось за неимением источников или разноречивости таковых.

Примерно в начале XII в. из Венгрии в Галицию переселились два родных брата де Унгариа. Оба они женились на родных сестрах славянского князя ливов. Отсюда пошли два старейших рода Унгернов и Ливиных, впоследствии светлейших князей. Из Галиции де Унгариа с семьей переселились в Прибалтику.

Во время владения Прибалтикой ливонскими рыцарями де Унгариа становятся баронами Унгернами, а во времена владычества в Прибалтике шведов, услужливый историк, писавший семейную хронику, прибавил к фамилии “Штарнберг”, отыскав какое-то родство рода Унгариа с чешским графом Штарнберг. Основная кровь рода Унгернов — венгеро — славянская. С течением времени к ней в большой дозе примешалась кровь германская и скандинавская.

Во времена ливонских рыцарей в Прибалтике многие из дома

Унгернов переселились в Пруссию. Во времена шведского владычества Унгерны переселились в Швецию. Таким образом, в истории Пруссии и Швеции с XIII–XVII веков часто встречается фамилия Унгерн-Штернберг на высоких постах.

Основоположником русского дома баронов Унгернов-Штернберг является барон Рено. При завоевании царем Петром Прибалтики барон Рено Унгерн оказал царю большое содействие по освоению русскими вновь завоеванного края. С другой стороны, барон Рено Унгерн выговорил у царя Петра много привилегий для края, особенно для дворянства. Он был первым предводителем дворянства Прибалтийского края. У барона Рено было много сыновей, откуда и пошел большой дом баронов Унгернов. Все они владели в Прибалтике значительными земельными угодьями и даже островами в Балтике. Так, остров Даго принадлежал одной из ветвей баронов Унгернов.

Все бароны Унгерны пользовались полным доверием и близко стояли к престолу русских императоров в течение двух веков до самого конца — 1917 года. Больших постов бароны Унгерны в России не занимали. Они предпочитали оставаться у себя в Прибалтике — на своей земле, занимая по выборам высокие посты, но часть баронов Унгернов служила в армии и в дипломатическом корпусе.

Барон Роман Федорович Унгерн-Штернберг родился в декабре месяце 1885 г. в г. Граце (Германия)[47], где временно проживала его мать. Все детские и юношеские годы прожил в Прибалтике у себя в имениях. Образование, по программе средней школы, закончил с домашними учителями. Научно — умственный багаж его к 17 годам был достаточным. Знал хорошо русский, немецкий, французский языки и удовлетворительно английский язык. Ум его способен был разбираться в сложных философских вопросах[48].

В 1903 г. поступил в Морской кадетский корпус, в младший гардемаринский класс.

Началась Русско-японская война. Гардемарин барон Унгерн с большим трудом выходит из Корпуса и поступает добровольцем в один из пехотных полков, отправляющихся на театр военных действия в Маньчжурию. По одним сведениям, доброволец барон Унгерн принимал участие в нескольких сражениях против японцев и был награжден знаком отличия военного ордена 4 ст., по другим, более верным — что полк, с которым прибыл Унгерн, достиг Маньчжурии лишь в конце лета 1905 г. и не принимал участие в боях. Полагаю, что последняя версия верна потому, что не видал на груди генерала Унгерна солдатского Георгия. Если бы он его имел, то уверен в том, что он с гордостью его носил бы.

В 1906 г. с полком вернулся из Маньчжурии в Россию, выйдя из полка, вернулся домой в разгар революционного движения в Прибалтике. Барон Федор Унгерн (отец генерала Унгерна) во время беспорядков был убит, что положило в сыне глубокую ненависть ко всякого рода “социализму”.

Время требовало, чтобы барон Р. Ф. Унгерн определился на жизненном поприще. В 1906 или 1907 г. он поступил в Павловское военное училище, которое, как свидетельствует барон Врангель, окончил с “великим трудом”[49].

По специальному ходатайству, по окончании Павловского военного училища, барон Унгерн был произведен в офицеры с зачислением по Забайкальскому казачьему войску, назначен в 1-й Аргунский казачий полк и, по прибытии в полк, приписан к Цаган-Олуевской станице 2–го отдела Забайкальского казачьего войска[50].

С зачислением в казачье сословие хорунжий Унгерн как бы порывал связи с прибалтийскими баронами Унгернами. Какие мотивы заставили хорунжего сделать столь серьезный шаг — неизвестно. Разгадку нужно искать в складе характера. В бытность в Маньчжурии и Забайкалье, барону Унгерну приглянулись просторы и дебри Забайкалья, где мятущаяся душа и склонность к авантюрам могли бы найти выход.

Первые служебные офицерские шаги в полку хорунжего Унгерна были не блестящими: много пил, был буйным во хмелю, с товарищами близко не сходился, не любил повседневной размеренной жизни, безудержно — вспыльчивый, замкнутый, гордый, самолюбивый. В умственном отношении стоял выше среднего уровня офицеров — казаков — жил в стороне от полковой жизни. По пьяному делу оскорбил сотника М. и в ответ получил сабельный удар по голове. Рана скоро зажила, но ранение в голову впоследствии вызывало головные боли. Оба виновника скандала должны были оставить полк.

Хорунжий Унгерн был переведен в 1–й Амурский полк, стоявший в г. Гродеково в Приморской области, куда отправился одиночным порядком, верхом, в сопровождении лишь охотничьей собаки. Путь почти в 1000 км по горам и долам, без запаса продовольствия. Жизнь и условия службы в Амурском полку хорунжего Унгерну не понравилась. Он стал просить начальство о переводе его в Верхнеудинский казачий полк, часть которого стояла в Кобдо (Монголии). Монголия привлекала хорунжего Унгерна. Вероятно, из-за некомплекта офицеров в Амурском казачьем полку в переводе Унгерну отказали. Получив отказ, он вышел в запас и уехал в Кобдо.

Совершенно невыясненным остается пребывание барона

Унгерна в Кобдо. По одним сведениям, он имел какое-то касательство к службе дивизиона Верхнеудинского казачьего полка, в котором служил хорунжий Б. П. Резухин, с которым он дружит, по другим сведениям, он остается запасным офицером и живет своей свободной жизнью, разъезжая по Монголии. Так или иначе, но барон Унгерн провел в Кобдо 1913 и 1914 гг. до начала Русско-германской войны. За это время он хорошо изучил монгольский язык, завел большие знакомства с монгольскими князьями, гэгэнами и влиятельными ламами. Изъездил Халху вдоль и поперек и по праву мог считать себя монголоведом.

Он не был ревностным сыном христианской церкви (лютеранской). Некоторые полагают, что в период времени 1913–1914 гг. он принял ламаизм, но официально не порвал с материнской церковью.

Надо думать, что за эти годы в голове Унгерна созрела фантастическая идея восстановить великую Монгольскую империю, и сложилось все его мистическое мировоззрение, которое грубо формулируется так: “При помощи монгол-конников восстановить в Китае императорский престол. При помощи монгол и китайцев восстановить в Европе феодально-рыцарский строй и народные массы объединить в цехи”.

Мистика Центральной Азии, монгольские мифы, сказания наложили неизгладимое влияние на всю последующую жизнь барона Унгерна.

В 1914 г., при объявлении Германией войны России, барон Унгерн из Кобдо спешит в г. Читу с тем, чтобы с первым отходящим казачьим полком уехать на театр военных действий. Но в Чите выяснилось, что забайкальские казаки не предназначаются к отправке в первую очередь, ввиду не определившейся позиции Японии, и когда забайкальцы пойдут на войну и пойдут ли еще — неизвестно. Барон Унгерн едет самостоятельно на запад и поступает в один из второочередных полков Донского казачьего войска, действующего на Австрийском фронте.

В первых же боях сотник Унгерн выказывает примерную храбрость. Он один из первых офицеров полка — георгиевский кавалер. На него сыплются награды и ранения, по счастью, не тяжелые. Время поправки от ран он проводит не в прекрасных полевых госпиталях, а в обозе 2–го разряда полка. Как только в состоянии был сидеть на коне, шел в бой и раненый вновь ехал в обоз 2–го разряда.

Когда полки родного Забайкальского войска прибыли на театр военных действий — на Кавказский фронт, подъесаул Унгерн поспешил возвратиться в свое войско и был зачислен в

Нерчинский казачий полк, действовавший в районе озера Урмия. Революция 1917 г. и развал армии на фронте заставил офицеров думать об укреплении фронта посторонними, не русскими силами. Есаул Унгерн сформировал из добровольцев — горцев[51] отряд и с ними нес всю разведывательную службу впереди “митингующего” полка.

Здесь, в Нерченском полку, есаул Унгерн близко сошелся с есаулом Г. М. Семеновым — георгиевским кавалером. Есаула Семенова характеризовали начальники и сослуживцы как ловкого, не столь умного, сколь хитрого и умеющего вовремя схватить “быка за рога”. Общим между Унгерном и Семеновым было: оба георгиевские кавалеры, оба монголоведы, оба молоды и с инициативой.

Есаул Семенов родился на границе с Монголией. С детства знал монгольский язык. Служа в консульском конвое в Урге, он создал себе большие знакомства среди влиятельных монгол. Был замешан в монгольские дела по свержению китайцев, по каковой причине был удален из конвоя в полк.

Барон Унгерн и есаул Семенов, как монголоведы, при развале армии естественно подумали о создании бурятско — монгольских конных корпусов, кои сумеют подпереть разваливающийся фронт. Идеологом этой идеи был есаул Унгерн, а есаул Семенов взялся осуществить идею.

В апреле или начале мая месяца 1917 г. есаул Семенов прибыл в Петроград, где представил военному министру два доклада. В первом докладе излагался план: при помощи юнкеров задавить большевизм, а во втором излагался план создания бурятско-монгольских частей для подкрепления фронта. Первое предложение есаула Семенова правительством было отвергнуто, а второе принято.

В июне месяце 1917 г. по новому стилю Семенов получил от военного министра большие полномочия на сформирование бурятско-монгольских частей войск и выехал в Забайкалье, вызвав с фронта есаула барона Унгерна, на что имел специальное разрешение.

К моменту прибытия в Забайкалье обоих есаулов, большевистские эмиссары уже сумели обработать местное население, и спокойным уголком оставался район, прилегающий к ст. Маньчжурия. Есаул Семенов обосновался на ст. Даурия. Сюда прибыл и Унгерн.

Нужно было организовать надежную первичную ячейку. За это взялся есаул Унгерн. Из военнопленных добровольцев, содержавшихся в даурских казармах, Унгерн сформировал полицейскую команду и при ее помощи установил контроль на

линии железной дороги от ст. Оловянная до ст. Маньчжурия.

В последних числах декабря месяца 1917 г. есаул Семенов, есаул Унгерн, подъесаул Резухин, сотник Погодаев, есаул Тирбах, сотник Фирсов, есаул Глебов — всего в числе семи человек, ночью, на ст. Маньчжурия ворвались в казармы русской запасной дружины, захватили ружейные пирамиды, чем обезоружили их, а наутро дружинников посадили в вагоны и отправили в Россию, чему дружинники были рады. Есаулу Семенову все захваченное имущество дружины и казармы послужили материальным базисом для формирования Особого Маньчжурского отряда (ОМО).

Полковник Унгерн стал правой рукой и идейным руководителем всех начинаний полковника Семенова, уже именовавшегося “атаманом”. Полковник Унгерн приступил к формированию Азиатской конной дивизии, кадрами которой были: буряты, монголы, татары, корейцы и праздношатающиеся японцы. Русские офицеры во вновь формируемых частях были лишь как инструктора, они не вмешивались во внутреннюю жизнь войсковых единиц.

Весь 1918–1919 гг. генерал Унгерн в Даурском районе являлся почти полновластным хозяином, творя много темных дел при посредстве коменданта ст. Даурия подполковника Лауренца. Едва ли кто из большевиков благополучно миновал ст. Даурию, но, к сожалению, немало погибло и мирных русских людей. С точки зрения общечеловеческой морали, нормального времени, станция Даурия 1918–1920 гг. — черное пятно на Белом движении, но в мировоззрении генерала Унгерна это оправдывалось теми высокими идеями, коими была полна голова барона.

Панмонгольская идея атамана Семенова и генерала Унгерна была осуществлена в июне месяце 1920 г. Всемонгольским съездом на ст. Даурия. Так генерал Унгерн был выдвинут событиями на арену монгольских событий 1920–1921 гг.

Идея восстановления в Китае монархии не покидала головы генерала Унгерна. Он едет летом 1919 г. в Пекин для ознакомления с монархическими группировками. Пребывание Унгерна в Пекине ознаменовалось двумя событиями: первое — грандиозный скандал, учиненный им в старом русском посольстве, и второе — женитьба на принцессе Цзи. За неимением подлинных документов, остается неясным как первый, так и второй случай. Первый послужил лишь к веселым рассказам, но второй — женитьба — не пустой звук.

Исторически остался в семейной хронике баронов Унгернов след: “Барон, генерал Р. Ф. Унгерн-Штернберг женат первым

браком на принцессе Цзи, рожденной в 1900 г. в Пекине и в браке именовавшейся Еленой Павловной", вот и все. Баронесса Елена Павловна жила на ст. Маньчжурии, в то время как супруг жил на ст. Даурия, когда не был в походах против большевиков. Изредка супруг навещал баронессу. В 1920 г. в мае или июне месяце генерал Унгерн, снабдив жену приличными денежными средствами, отправил в Пекин, "в отчий дом". Многое говорит за то, что судьбой своей жены генерал Унгерн не интересовался.

Кто, при каких условиях познакомил генерала Унгерна с принцессой Цзи, какую цель преследовал генерал Унгерн, женясь — остается невыясненным. Был ли брак совершен гражданским или церковным порядком — неизвестно[52]. По непроверенным слухам, баронесса Е. П. Унгерн в 1941 г. проживала в Чаньчуне (Сянзине) при дворе императора Пу И.

Генерал Унгерн был большой враг женщин и надо полагать, что женитьба его на принцессе Цзи имела чисто политический характер и вытекала из назойливой идеи: "реставрация китайской монархии", и женитьбой он приближался к претендентам на китайский законный императорский трон.

Жизнь и деятельность генерала Унгерна с 1920/21 года до конца его дней полно и правдиво изложены в настоящем труде.

В заключение нужно остановиться на характеристике барона Унгерна, данной его непосредственными начальниками — генералом бароном Врангелем и атаманом Семеновым[53].

Последний в своих воспоминаниях отводит генералу Унгерну много места. По мнению Семенова, Унгерн — выдающаяся интеллектуальная личность, одаренная от природы всеми свойствами "вождя". Характеристика в изложении атамана Семенова — сплошной гимн генералу Унгерну. Небольшую, но яркую характеристику дает генерал барон П. Н. Врангель (напечатана в журнале "Белое дело", том 5). Привожу ее полностью. "Подъесаул барон Унгерн-Штернберг или "подъесаул барон", как его звали казаки, был тип интересный. Такие типы, созданные для войны и эпохи потрясений, с трудом могли существовать в обстановке мирной полковой жизни. Обыкновенно, потерпев крушение, они переводились в пограничную страну или забрасывались судьбой в какие-либо полки на дальневосточную окраину и Забайкалье, где обстановка давала удовлетворение их беспокойной натуре.

Из прекрасной дворянской семьи лифляндских помещиков, барон Унгерн с раннего детства оказался представленным самому себе. С детства мечтал о войне, путешествиях и приключениях. Барон Унгерн с возникновения Японской войны, бросает Морской корпус и зачисляется вольноопределяющимся в армейский

пехотный полк, с которым рядовым проходит всю компанию. Неоднократно раненый и награжденный солдатским Георгием, он возвращается в Россию и, устроенный родственниками в военное училище, с превеликим трудом оканчивает таковое.

Стремясь к приключениям и избегая обстановки мирной строевой службы, барон Унгерн из училища выходит в Амурский казачий полк, расположенный в Приамурье, но там остается недолго. Необузданный от природы, вспыльчивый и неуравновешенный, к тому же любящий запивать и буйный во хмелю, Унгерн затевает ссору с одним из сослуживцев и ударяет его. Оскорбленный шашкой ранит Унгерна в голову. След от этой раны у Унгерна остался на всю жизнь, постоянно вызывая сильные головные боли, что, несомненно, отразилось на его психике. Вследствие ссоры оба офицера должны были оставить полк.

С начала Русско — германской войны Унгерн поступает в Нерчинский полк и с места проявляет чудеса храбрости. Четыре раза раненый в течение одного года, он получает орден Св. Георгия, георгиевское оружие и ко второму году войны представлен уже к чину есаула.

Среднего роста, блондин, с длинными, опущенными по углам рта рыжими усами, худой и изможденный с виду, но железного здоровья и энергии, он живет войной.

Это не офицер в общепринятом значении этого слова, ибо он совершенно не только не знает самых элементарных уставов и основных правил службы, но, сплошь и рядом, грешит и против внешней дисциплины и против воинского воспитания — это тип партизана-любителя.

Оборванный и грязный, он спит всегда на полу, среди казаков сотни, ест из общего котла и, будучи воспитан в условиях культурного достатка, производит впечатление человека совершенно от них отрешившегося. Тщетно пытался я пробудить в нем сознание необходимости принять хоть внешний офицерский облик. В нем были какие-то странные противоречия: несомненный, оригинальный и острый ум и рядом с этим поразительное отсутствие культуры и узкий до чрезвычайности кругозор, поразительная застенчивость и даже дикость и рядом с этим безумный порыв и необузданная вспыльчивость, не знающая пределов расточительность и удивительное отсутствие самых элементарных требований комфорта.

Этот тип должен был найти свою стихию в условиях настоящей русской смуты.

В течение этой смуты он не мог не быть, хотя временно, выброшен на гребень волны и с прекращением смуты, он также

неизбежно должен был исчезнуть”.

Памятка: генерал — майор Борис Петрович Резухин

Никто из нас, унгерновцев, проживающих в Шанхае, не знает биографии Б. П. Резухина и не представляется возможным добыть материалы для ее написания, тогда как в истории Монголии в значительный 1921 г. нельзя обойти молчанием колоритную фигуру Б. П. Резухина, как ближайшего помощника генерала Унгерна.

Известно, что Б. П. Резухин — не коренной забайкальский казак, а приписной по окончании какого-то военного училища. Вероятно, в 1909 или 1910 г. вышел во 2–й Верхнеудинский казачий полк Забайкальского войска и зачислен младшим офицером в сотню подъесаула Н. М. Комаровского, которая квартировала в Кобдо Западной Монголии.

Когда барон Унгерн прибыл в 1913 г. в Кобдо, то здесь между хорунжими Унгерном и Резухиным установились дружественные отношения, кои сохранялись до 14 августа 1921 г.

Маленького роста, рыжеватый блондин, с рыжими пушистыми усами, ясным, настойчивым взглядом — он располагал людей к себе. Крепкий духом и телом. По натуре был замкнутым человеком, хотя в общежитии веселый, доступный. Любил веселую компанию, послушать анекдоты, песни и поухаживать за женщинами, но в отношении последних был робким и, кажется, не имел постоянных любовниц. Всегда чисто, даже щеголевато одетый, любил комфорт, вкусно поесть и выпить, но пьяным не напивался. Кейф за рюмкой ликера и кофе и приятная беседа доставляли ему истинное удовольствие. Мало говорил. Службу всегда нес исправно. Прекрасный наездник. Он был типичным кавалерийским офицером хорошего, старого кавалерийского полка и не подходил к казачьей среде. Как истый кавалерист — воин, в его жизни деньги и сама жизнь не имели довлеющей ценности. Русско-германскую войну закончил в чине подъесаула, отмеченный наградой ор. Св. Владимира 4 ст. с мечами и бантами. Был женат. Жена застряла в Москве.

Политическая обстановка в Забайкалье в 1920 году

Остатки белых армий адмирала Колчака под командованием

генерала Войцеховского закончили свой длительный крестный путь с переходом оз. Байкал, попали в Забайкальскую область, контролируемую атаманом Г. М. Семеновым при поддержке японских войск. Очаги большевизма в Забайкальской, Амурской и Приморской областях были густо насажены, но с ними еще справлялись. Население, хотя беспокойно, но жило старым укладом.

Армия генерала Войцеховского насчитывала 300 тыс. человек, но большая часть их была больна тифом или выздоравливала от него. Армия была почти раздета, голодная, физически и нравственно потрясенная и не представляла ценности как боевая сила.

При жизни у верховного правителя адмирала Колчака было отрицательное отношение к атаману Семенову из-за различных взглядов на японскую военную помощь, но, отдаваясь в Иркутске в руки большевиков, адмирал Колчак все свои полномочия передал атаману Семенову, понимая, что только он один на Дальнем Востоке мог спасти отходящую армию и вести борьбу против большевиков.

Армия Войцеховского, прибыв в Забайкалье, безоговорочно признала атамана Семенова как правителя, который, в свою очередь, командование над всеми войсками, в том числе и его Особым Маньчжурским отрядом, передал в руки генерала Войцеховского и вновь сформированного военного штаба. Часть войсковых начальников Особого Маньчжурского отряда подчинилась приказу атамана, часть ушла в эмиграцию, а генерал барон Сарыл-гун-хурэ отказался подчиняться кому бы то ни было, кроме атамана Семенова.

Атаман Семенов, связанный с генералом Унгерном узами близкой дружбы, прошлой боевой и политической деятельностью и, выделяя его из среды окружающих генералов, как крупную активную величину, нашел выход для Азиатской конной дивизии Унгерна, дав ему особое, самостоятельное задание — идти из Даурии в Акшу, где закрепиться и ожидать лучших времен и его указаний.

Летом 1920 г. Японская экспедиционная армия стала уходить из Забайкалья и Амурской области, сосредоточиваясь в Приморье. Пятая советская армия Уборевича в 100000 бойцов стала вытеснять из Западного Забайкалья армию генерала Войцеховского. Атаману Семенову и генералу Войцеховскому становилось ясным, что своими силами им не сдержать наступления 5–й советской армии и нужно отходить на восток. Отход начался по путям Чита — Карымская — Благовещенск — Хабаровск- Владивосток, а маленькие части пошли от Карымской

к ст. Маньчжурия, задерживаясь на каждом рубеже.

Имеются данные утверждать, что японское экспедиционное командование заверяло атамана Семенова, что они не навсегда уходят и что Япония поможет Семенову из Забайкальской, Амурской и Приморских областей создать буферное государство весной будущего, 1921 г. Основанием к такому утверждению служит глубокая уверенность у офицеров Азиатской конной дивизии, что Японское императорское правительство весною будущего года пошлет большую армию на помощь атаману Семенову для борьбы с большевиками.

Под влиянием неуспеха борьбы с 5–й советской армией и, вероятно, под диктовку генерала Унгерна, атаман Семенов в июне месяце 1920 г. на ст. Даурия созвал “Всемонгольский съезд”, на который съехались представители от Внутренней Монголии, Барги и бурят. Халхасцы (Внешняя Монголия) воздержались от присылки делегатов. В результате работы съезда было избрано временное Всемонгольское правительство во главе с Нэйсэ-гэгэном. Военной силой, на которую должно было опираться правительство, являлась Азиатская конная дивизия генерала Унгерна.

Таким образом, уход Азиатской конной дивизии в Акшу имел глубокий политический и стратегический смысл.

В Акше 9 августа 1920 г. Азиатская конная дивизия под командой генерал-майора Резухина выступила в поход на Акшу через Монголию в составе:

1)	**1–й Татарский полк, командующий — подполковник Лихачев, заведующий хозчастью капитан Россианов. Сотен 4, офицеров 12.**	**всего сабель. 350.**
2)	**2–й Анненковский полк, командующий — подполковник Циркулинский.**	**180.**

	Сотен 2, офицеров 6.		
3)	Даурские стрелковые сотни, временно командующий — капитан Мысяков, вместо отсутствующего штабс — капитана Шайдицкого Сотен 3, офицеров 18.	стрелков.	200.
4)	Азиатский дивизион, из бурят и монгол. Сотен 2, офицеров 6.	сабель.	150.
5)	Пулеметная команда, командующий — капитан Евфаритский. Пулеметов 16, офицеров 5.	пулеметчик.	104.
6)	Артиллерийский дивизион: 1- я батарея капитана Дмитриева; 2- я батарея капитана Попова. Орудий 6, офицеров 8.	артиллерия.	126.
7)	Японская конная рота, командующий — капитан Судзуки. Офицеров 2.	штыков.	74 (осталась в Даурии в распоряжении подполковника Лауренца)

8)	**Комендантский дивизион*, командующий — подполковник Лауренц. 1 эскадрон под командой ротмистра Исаака при офицерах поручике Забиякине, корнете Попове. 1 сотня под командой капитана Безродного при офицерах прапорщиках Чернове, Степаненко.**		**166 (150 остались с. подполковником. Лауренцем)**
9)	**Дивизионный обоз (оставляли 100 повозок)**	**при числе обозных.**	**104.**
10)	**Санитарная часть: медицинский фельдшер Лагунов, ветеринарный фельдшер Левенгарц.**		**30.**
И)	**Табуны запасных коней и гурты скота, под начальством урядника Жамболона.**		**300.**
12)	**Продовольствием дивизия была**		

обеспечена на 10 дней. Всего в дивизии числилось: офицеров 53, бойцов 1213, нестроевых 165, пушек 6, пулеметов 16. В боевой части насчитывается 900 сабель.

***Комендантский дивизион при уходе из Даурии разделился: половина сотни осталась в Даурии с Лауренцем для ликвидации дел, 1 взвод с Безродным пошел при обозах 2–го разряда, 1 взвод с Черновым — при госпитале, 1 эскадрон Исаака пошел с дивизией в Акшу.**

Семьи чинов Азиатской конной дивизии полковник Ефтин (начальник штаба дивизии) увез в Приморье через Маньчжурию по КВЖД. Командир Даурских сотен полковник Курсиков, получив четырехдневный отпуск на ст. Маньчжурия перед походом и 2000 зол. руб., в дивизию не вернулся. Перед походом из дивизии выбыло 7 человек офицеров. Из штаба атамана Семенова прибыл подполковник Сипайлов и оставался при обозе 2–го разряда.

Переход из Даурии в Акшу был совершен по границе России и Монголии, больше по территории первой, затем десять дней прошли благополучно и спокойно при хорошей погоде.

19 августа Азиатская конная дивизия стала лагерем вблизи г. Акши, на берегу р. Онон, имея хорошие пастбища в долине реки. В конце августа на аэроплане в Акшу прибыл генерал Унгерн из Читы. 26–27 августа из Даурии снялись остатки унгерновцев. Обоз был большой, более 100 подвод. Начальствовал над обозом подполковник Сипайлов. Обоз шел под охраной 1 китайской сотни, 1 взвода Комендантской команды и конной роты японцев. В числе подвод с грузом шла “черная телега” с 300000 руб. золота.

На седьмой день пути командир китайской сотни поручик Гущин доложил подполковнику Сипайлову, что в его сотне не все благополучно. Он боится бунта китайской сотни и понял в разговорах, что она намерена захватить “черную телегу”. Сипайлов принял меры охраны “черной телеги”, поручив пяти офицерам с наступлением темноты “черную телегу” отделить от

обоза и с ней уехать вперед по пути следования на Акшу.

Японская конная рота и один взвод Комендантской команды изготовились к бою. Действительно, под утро китайская конная рота, убив поручика Гущина, бросилась в обоз искать “черную телегу”, но ее не нашли, а встречены были огнем. Китайцы не вступили в бой. Они сели на коней и скрылись в степи в предрассветном тумане. “Черная телега” отстоялась на заимке Токмаковых до подхода обоза. Охранники “черной телеги” впоследствии были щедро награждены генералом Унгерном.

В первых числах сентября месяца из лагеря под Акшой бежали к большевикам почти все всадники двух даурских сотен. Из других сотен бежало 30–40 бойцов. Всего из акшинского лагеря бежало около 200 человек. Приток добровольцев в дивизию, на которых так рассчитывал генерал Унгерн, был незначительный — не больше 30–40 человек. Семеновцы в Акшинском районе не пользовались доверием населения.

Для старших начальников было ясно, что надо принять меры к удержанию бойцов в дивизии и отвлечь мысли их от дум о будущем. Азиатская конная дивизия снялась и перешла на постой в самый городок Акшу, где сравнительно удобно расквартировалась. Улучшено было продовольствие. Выдали новое обмундирование. Сотни по вечерам собирались на песни. Даже поставили два спектакля. Словом, приказано было развлекаться, как кто может, но не пьянствовать.

Из-за бегства даурских сотен офицеры остались без подчиненных. Прибыли офицеры с обозом и одиночным порядком из тыла. Не у дел оказалось около 40 офицеров. Из них был сформирован отдельный офицерский взвод под командой поручика Глумова. В Акше было выдано первое жалование в золоте по нормам: для офицеров 25–40, для всадников 7.50–12 р. в месяц.

Не видя способа пополнения дивизии офицерами и бойцами в районе Акши, генерал Унгерн рассчитывал привлечь добровольцев из полосы отчуждения Китай- ско — Восточной железной дороги, где болталось немало праздных людей. Столь ответственную задачу генерал Унгерн возложил на штабс — капитана Шайдицкого, поручика Кузнецова и поручика Бенерадского, снабдив их деньгами. Перед отъездом из Акши указанных офицеров скептик штабс — капитан Мысяков задал вопрос Шайдицкому: “А вернетесь ли Вы сами в дивизию?” Шайдицкий всей своей высоченной фигурой выразил протест и сказал: “Если я не вернусь, то при встрече разрешаю плюнуть мне в физиономию”. Все три офицера не вернулись в дивизию. Ни одного офицера или солдата не завербовали.

Оставаться зимовать в Акше не улыбалось генералу Унгерну, так как она со всех сторон обложена была большевиками. Фуража для коней было мало. Расчеты на пополнение бойцами дивизии провалились. Нужно было на зимовку уходить в более спокойное место. Оно заранее было предусмотрено в долине р. Керулена, где прапорщик Эпов заготовил сено. Вопрос о нарушении суверенных прав Китая генерала Унгерна не беспокоил, так как он мало считался с международными нормами при всяких обстоятельствах.

На Керулене

В середине сентября 1920 г. был отдан приказ по Азиатской конной дивизии готовиться в поход на р. Керулен. 20 сентября дивизия стала лагерем на границе с Монголией у селения Кыра.

Азиатская конная дивизия с уходом в Монголию теряла постоянную связь с атаманом Семеновым, и генерал Унгерн становился полным хозяином жизни и смерти людей, кои пошли за ним. Суровый и даже жестокий начальник, когда над ним висел контроль атамана Семенова, став самостоятельным, в полной мере проявлял свою волю и наказывал офицеров особенно жестоко. Так при переходе через р. Онон на бивуаке три лучших унгерновских офицера плотно, с “ханой”, поужинали и стали петь “веселые солдатские песни”. Унгерну стало известно “бражничество” и всем пирующим офицерам он приказал идти через реку на другой берег для ночлега. Один из офицеров, капитан Россианов стал тонуть. Унгерн, наблюдавший лично за переправой, приказал своему адъютанту подпоручику Веселовскому вытащить Россианова и переправить на противоположный берег. Все три виновных офицера в мокрой одежде просидели холодную осеннюю ночь на открытом берегу, и только к утру им было разрешено развести костер. Так, мерой наказания для офицеров, в дополнение к “дедушкину ташуру”, было установлено “купание” в реке, а зимой — “сидение на льду”.

По пути из Акши в Монголию через Кыру Азиатская конная дивизия вела два боя с красными. В п. Мангут стояли две сотни красных казаков. Бой с ними был короткий. Они бежали в горы через заимку Шильникова. 22 сентября Азиатская конная дивизия подходила к п. Бырца. Здесь красных оказалось шесть сотен, и в них влились бежавшие из Акши унгерновцы. Бой длился 4–5 часов. В бой введено было два полка. Красные, понеся большие потери, отступили на северо-запад, в направлении на Мензу.

Когда дивизия стояла в Кыре, подходил обоз с мукой и, переправляясь через реку на низких монгольских телегах, муку подмочили. Узнав об этом, Унгерн приказал чиновника — начальника транспорта пороть ташурами и утопить в реке, что и было исполнено.

В поселке Алтан священник не сочувствовал семеновцам, но не был и большевиком. Генерал Унгерн приказал священнику немедленно выехать из Алтана, а когда он выехал, то по приказанию Унгерна его нагнал взвод Комендантского эскадрона штаб-ротмистра Забиякина, и священника повесили.

В поселке Кыра остатки Даурского дивизиона были влиты во 2–й Анненковский полк. В поселке Алтан был выделен особый отряд из двух сотен под командой Галданова при двух пулеметах и отправлен в направлении ст. Менза для охранения правого фланга.

Путь Азиатской конной дивизии был таким. Выступили из Алтана 30 сентября. Границу Монголии перешли 1 октября у Булуктуя. Двигались степью Булуктуй до р. Балджи. Перевалили Ханкорский дабан[54] и пошли вверх по верховью Онона. Перевалили Барха-дабан, и вышли в долину р. Керулена. 13 октября стали лагерем на р. Тэрэлдж, притоке Керулена. Вблизи ставки князя Ван-гуна (Толстого вана) прапорщиком Эповым было заготовлено сено.

Лагерь лежал на главном пути из Урги в Хайлар. Никто не мог проехать, не попав в руки унгерновцев. Только далекими южными путями можно было объехать унгерновцев.

Отношение китайцев и монгол к генералу Унгерну

Пребывание Азиатской конной дивизии на р. Керулене, в центре Цэцэнханского аймака, не могло не вызвать осложнения с китайцами — хозяевами страны. Уходя в Монголию, генерал Унгерн, конечно, преследовал какие-то неясные панмонгольские цели, но имел ли твердое намерение выгнать китайцев из Халхи — неизвестно. Скорее, нужно думать, что об изгнании он не мечтал, подтверждением чего служит посылка письма с Керулена генералу Го в Ургу, где предлагал китайским войскам в Халхе идти вместе с ним против большевиков и заверял китайцев в своей дружбе[55]. Как и следовало ожидать, генерал Го ответил, что он не уполномочен решать первостепенной важности государственные вопросы, высокий же комиссар северо-западных провинций Китая Чэнь И требует, чтобы генерал Унгерн со своим

войском немедленно оставил пределы Монголии.

Китайские генералы, получив такое письмо, усилили охрану Богдо-гэгэна — вместо одной охранной роты поставили батальон. Гарнизон привели на военное положение, выдвинув охранение Ургинского района на 18–20 км на восток от Урги к Налайхе.

Монголы, как видно из политического обзора Монголии 1918–1920 гг., были крайне недовольны китайцами, искали выхода. Часть монгольских патриотов еще в 1918 г. сделала ставку на Советскую Россию и в Алтан-Булаке с большевистскими эмиссарами намечала пути освобождения Монголии от китайцев. Богдо-гэгэн, хотя и дал свое неофициальное согласие на переговоры с большевиками, но его сердце не лежало к ним. Ни он, ни его окружение не понимали сущности большевизма, но они знали одно — что большевики “устранили Бога”, а, следовательно, они люди для монгол неподходящие.

Приход Азиатской конной дивизии на Керулен под командой известного многим монголам барона — ламаиста воскресили у большинства монгол надежду на возможность при посредстве войск генерала Унгерна освободиться от китайцев. Ставка Ван-гуна стала центром переговоров князей с генералом Унгерном. Почти ежедневно группами и поодиночке ламы разных степеней и князья съезжались в ставку князя.

Одним из первых приехал к генералу Унгерну и остался при нем князь Лувсан-улс-тусулакчи-гун.

Приехал непосредственно от Богдо-гэгэна глава Шабинского ведомства Хушиктен-лама, известный как “нечесаный лама” (дал обет не чесать волос). “Нечесаный лама” привез Унгерну благословение Богдо-гэгэна на борьбу с китайцами и предсказание лам — прорицателей, что в феврале месяце 1921 г. он победит китайцев. Хушиктен-лама пробыл в лагере часа два и пил все время чай, держа на коленях китайской породы маленькую собачку, с которой почти никогда не расставался. Он сообщил Унгерну, что Богдо-гэгэн дал благословение князьям на сформирование монгольской армии ему в помощь. Приезд “нечесаного ламы” утвердил в решении генерала Унгерна изгнать китайцев из Халхи и возвратить ее законному владыке — Богдо-гэгэну. Мечта о панмонгольском владычестве рисовалась в голове Унгерна с полной реальностью, хотя планы и не выдерживали сколько-нибудь математических расчетов. Для выполнения плана необходимо было подвинуться ближе к Урге.

В двадцатых числах октября месяца Азиатская конная дивизия налегке снялась и двинулась в сторону Урги и, сделав шесть дневных переходов, остановилась в южных предгорьях Хэнтэя, в местечке Барун, отстоящем на 60 км от Урги. 26 октября

в сторону Урги был выслан отряд из двух сотен с приказом: “Не ввязываясь в бой с китайцами, выяснить силы и расположение китайских войск в районе Урги”. Все дороги из Урги на восток и юго-восток от Урги взяты были под наблюдение. Всех едущих по этим дорогам, особенно европейцев, задерживали и доставляли в лагерь на Баруне.

Лагерь на Баруне был неблагоустроен, но сена было много. Его заготовили для своего скота буряты — беженцы из России. Топлива было достаточно. Размещались по землянкам и в юртах. В лагере на Баруне дивизия получила значительное подкрепление за счет задержанных проезжавших беженцев с запада на восток. Из района Мензы прибыла сотня в 80 всадников под командой прапорщика Намсаранова. В Хэнтэе был перехвачен взвод забайкальских казаков в 30 человек под командой урядника Кобылкина, следовавший из района Хары в Хайлар.

Генерал Унгерн утвердился в мысли, что все русские люди, противники большевиков, способные носить оружие, обязаны активно с ними бороться, а потому всех попавших к нему русских белых безоговорочно зачислял на службу в дивизию.

Трехдневный бой за Ургу

Прибывавшие из Урги в лагерь на Барун русские в ярких красках, преувеличивая число, описывали расстрел русских китайскими солдатами и жестокое содержание тысячи человек русских в ургинской тюрьме, коих ждет скорая смерть.

Чувство ли жалости (сомневаюсь), чувство ли расчета получить большое пополнение для Азиатской конной дивизии (вернее) — но генерал Унгерн решил выручить из беды русских в Урге. Более же верная гипотеза — пробиться через Ургу на Троицкосавск, так как пути через Хэнтэй на Русь через Мензу в зимние месяцы закрыты — недоступны. Был отдан короткий приказ: “На Ургу! Ничего с собой тяжелого не брать. Идти переменным аллюром. Обозам и тылам оставаться на месте”.

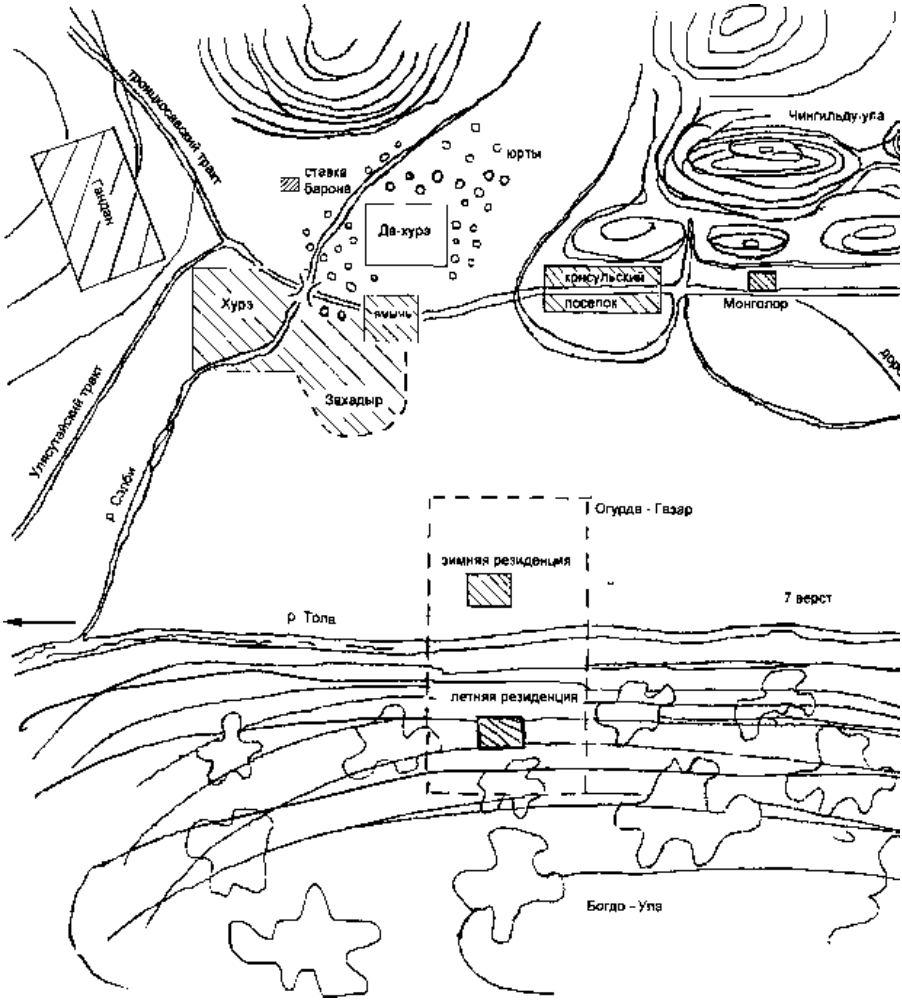
В поход выступили:

1- й Татарский полк в числе 350 сабель.

2- й Анненковский полк — 300.

Артиллерийский дивизион, 6 орудий — 80.

Верхний Мадрын
Нижний Мадрын
Калганский тракт
Белые казармы
Мавзолей
Радио станция



Район Урги.

цев. Хушиктен-лама пробыл в лагере часа два и пил все время чай, держа на коленях китайской породы маленькую собачку, с которой почти никогда не расставался. Он сообщил Унгерну, что Богдо-гэгэн дал благословение князьям на сформирование монгольской армии ему в помощь. Приезд “нечесаного ламы” утвердил в решении генерала Унгерна изгнать китайцев из Халхи и возвратить ее законному владыке — Богдо-гэгэну. Мечта о панмонгольском владычестве рисовалась в голове Унгерна с полной реальностью, хотя планы и не выдерживали сколько-нибудь математических расчетов. Для выполнения плана необходимо было подвинуться ближе к Урге.

В двадцатых числах октября месяца Азиатская конная дивизия налегке снялась и двинулась в сторону Урги и, сделав шесть дневных переходов, остановилась в южных предгорьях

Хэнтэя, в местечке Барун, отстоящем на 60 км от Урги. 26 октября в сторону Урги был выслан отряд из двух сотен с приказом: “Не ввязываясь в бой с китайцами, выяснить силы и расположение китайских войск в районе Урги”. Все дороги из Урги на восток и юго-восток от Урги взяты были под наблюдение. Всех едущих по этим дорогам, особенно европейцев, задерживали и доставляли в лагерь на Баруне.

Лагерь на Баруне был неблагоустроен, но сена было много. Его заготовили для своего скота буряты — беженцы из России. Топлива было достаточно. Размещались по землянкам и в юртах. В лагере на Баруне дивизия получила значительное подкрепление за счет задержанных проезжавших беженцев с запада на восток. Из района Мензы прибыла сотня в 80 всадников под командой прапорщика Намсаранова. В Хэнтэе был перехвачен взвод забайкальских казаков в 30 человек под командой урядника Кобылкина, следовавший из района Хары в Хайлар.

Генерал Унгерн утвердился в мысли, что все русские люди, противники большевиков, способные носить оружие, обязаны активно с ними бороться, а потому всех попавших к нему русских белых безоговорочно зачислял на службу в дивизию.

Трехдневный бой за Ургу

Прибывавшие из Урги в лагерь на Барун русские в ярких красках, преувеличивая число, описывали расстрел русских китайскими солдатами и жестокое содержание тысячи человек русских в ургинской тюрьме, коих ждет скорая смерть.

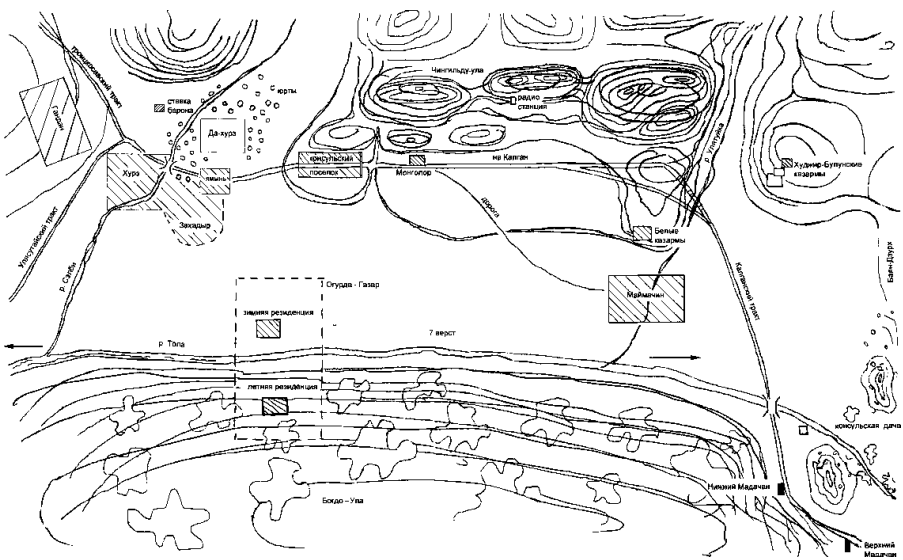
Чувство ли жалости (сомневаюсь), чувство ли расчета получить большое пополнение для Азиатской конной дивизии (вернее) — но генерал Унгерн решил выручить из беды русских в Урге. Более же верная гипотеза — пробиться через Ургу на Троицкосавск, так как пути через Хэнтэй на Русь через Мензу в зимние месяцы закрыты — недоступны. Был отдан короткий приказ: “На Ургу! Ничего с собой тяжелого не брать. Идти переменным аллюром. Обозам и тылам оставаться на месте”.

В поход выступили:

1- й Татарский полк в числе 350 сабель.

2- й Анненковский полк — 300.

Артиллерийский дивизион, 6 орудий — 80.



М. Г. Торновский. События в Монголии — Халхе в 1920–1921 годах **203**.

Район Урги.

Пулеметная команда, 10 пулеметов — 60.

Всего 761 боец, 6 орудий, 10 пулеметов.

4 октября китайцы повели энергичное наступление на правый фланг унгерновцев от Да-хурэ. В контратаку они бросили свежих

5–6 рот пехоты, жидкие цепи Анненковского полка вынуждены были отступить.

От Консульского поселка китайцы повели контрнаступление большими силами (не менее 2000 пехоты), и генерал Резухин стал отходить. К ночи 4 октября генерал Унгерн отступил по всему фронту, собрал разбившуюся дивизию и увел ее на Барун-Тэрэлдж.

26 октября Азиатская конная дивизия была в верховьях р. Толы. Дивизия разделилась. Генерал Резухин с 1–м Татарским полком и 1 орудием, перейдя горы, вышел и занял возвышенность Баян — Дзурх к востоку от Маймачена и здесь оставался весь день 27 октября. Генерал Унгерн со 2–м Анненковским полком и батареей капитана Попова пошел правее генерала Резухина, вышел в падь речонки Улятуйки, спустился по ней и в 2 часа ночи с 26 на 27 октября оказался в районе радиостанции. Унгерн приказал немедленно открыть артиллерийский огонь в юго-западном направлении, а сам исчез в темноте ночи, не отдав никаких распоряжений отряду.

Как только стало светать, китайцы оглядели расположение унгерновцев и повели наступление, застав унгерновцев чуть ли не в походной колонне. Сами офицеры вразброд заняли позиции и стали отступать на северо-восток. В критическом положении оказалась батарея капитана Попова. По ней били из пулеметов на постоянном прицеле. Одну пушку сумели благополучно скатить и взять на передки, а две вывезти не могли, так как капитан Попов был убит, один офицер выбыл раньше раненый, оставался раненый поручик Виноградов, которого вестовой сумел вывезти, когда на батарею вбегали китайцы. Части войск самостоятельно отходили. Конвойцы пытались спасти пушки, но китайцы отбили контратаку и завладели пушками.

Когда 2–й полк был в 3–4 верстах от места боя, прискакал генерал Унгерн. Он был очень опечален неудачей, но никого не винил. Оказывается, он ночью побывал в Маймачене и других местах, отыскивая генерала Резухина.

Китайцы отступающих не преследовали. Отряд отступил на северо-восток. Здесь простояли около двух суток. Отогрелись. Сменили подбившихся коней. Генерал Унгерн лично вел усиленную разведку подступов к Урге с севера.

Новый план атаки Урги сводился к следующему: атаковать ее с севера в створе между речками Сэлби и Улятуйки, захватив ключ позиции — гору Мафуску. На правом фланге в долине Сэлби повел атаку 2–й Анненковский полк, а по долине Улятуйки — 1–й Татарский полк.

2 октября генерал Резухин занял гору Мафуску, и дивизия

вплотную приблизилась к северной окраине Урги и Консульского поселка.

3 октября бой шел по всему фронту с переменным успехом. Потери Азиатской конной дивизии: командир батареи капитан Попов, есаул Швецов, сотник Кичигин, тяжело ранен подполковник Циркулинский и 8 офицеров. Всадников убито 50, раненых 90. Потеряли 3 орудия (батарея капитана Попова). Много офицеров и всадников было обморожено.

Причин неудачной атаки было много. Главные из них:

1. Не было выработано плана атаки. Начальники узнавали задания в сфере огня.

2. Горсточка людей вела атаку на разных 2 пунктах, отстоящих друг от друга на 4–5 км. Связь между атакующими была плохая. Один другого никак не могли поддержать.

3. Плохо одеты и обуты, отсутствие правильного продовольствия и воды.

4. Главная же причина — малочисленность атакующих и то, что они уступали в технике обороняющимся.

Неуспех боя под Ургой нанес огромный нравственный ущерб Азиатской конной дивизии. Офицеры и всадники потеряли веру одолеть китайцев. Лютость генерала Унгерна после неудачного наступления на Ургу усугубляла подавленное настроение в дивизии.

Легально оставить ряды Азиатской конной дивизии не представлялось возможным. Бежать — риск быть догнанным и разрубленным. С Баруна попытался бежать офицерский взвод и почти все офицеры Анненковского полка в числе более 40 человек офицеров и всадников. В пути офицеры разделились на две группы, убив поручика Глумова. Вдогонку беглецам на свежих конях были посланы чахары. Нагнали обе партии офицеров и всех перерубили. Анненковский полк был расформирован и вместо него был сформирован 2–й Конный полк под командованием подъесаула Хоботова.

С Баруна бежал командир Японской конной роты капитан Судзуки. По слухам, он бежал в Ургу, но в Урге его следов не находили. Куда он исчез — неизвестно. Вероятнее всего, он уехал по южным путям на Калган. Бежал личный адъютант генерала Унгерна поручик Ружанский, предварительно получив по подложному документу 15000 зол. руб. Печальная участь супругов Ружанских рисуется так. Получив деньги, поручик Ружанский на плохом коне с тяжелыми переметными сумами поехал в госпиталь в Бревен-хийде, где у него оставалась жена. В погоню за Ружанским спустя сутки отправлена была полусотня на свежих конях, по кратчайшей дороге через горы, и она прибыла в

Бревен-хийд раньше, чем подъехал Ружанский. Золото было отобрано, жена арестована, изнасилована и оба вместе изрублены.

Дивизия переживала кризис и экономический. Не хватало продовольствия, муки не было совершенно. Питались одним мясом в ограниченном количестве. Не было табаку, спичек и другого мелкого солдатского обихода.

Китайские купцы в Пекине и Калгане, не осведомленные о положении дел в Халхе, посылали караваны с товарами в Ургу. Подъесаул Хоботов, находясь в далекой разведке на юго-западе от лагеря на Баруне, захватил караван в 100 верблюдов и привел его в лагерь. Кладь каравана состояла, главным образом, из предметов продовольствия: рис, консервы, табак, вино, ханшин, магайло и прочее. Снедь и магайло подняли настроение чинов в Азиатской конной дивизии.

На Барун прибыла Тибетская сотня под командой хорунжего Тубанова в составе 80 сабель. Всадники были на хороших конях, прекрасно обмундированы и вооружены. Комендантский полуэскадрон штабс-капитана Забиякина был влит в 1- й Татарский полк.

Чахары Найден-гуна появились на службе у генерала Унгерна в середине ноября. Они пришли с Хары, где служили у китайцев в качестве охраны на хлебных заливных полях и, когда китайцы бежали с Хары в Маймачен, чахары остались не у дел и прибыли наниматься к Унгерну. Генерал Унгерн знал Найден-гуна еще по Даурии. Из Даурии чахары ушли на службу к генералу Левицкому и с ним вместе ходили на усмирение повстанцев. На Гусином озере в феврале 1920 г. чахары убили генерала Левицкого и русских инструкторов — офицеров, и ушли в Монголию. В конце концов, они опять пришли к Унгерну в числе 170 всадников — 2 сотни. Генерал Унгерн рассчитывался с чахарами золотом и ямбовым серебром.

Уход на Керулен

19 декабря 1920 г. обозы Азиатской конной дивизии с Баруна ушли на Керулен. 29 декабря строевые части дивизии на Керулене стали лагерем вблизи местности Гун — Гулутай. Люди расположились частью в юртах, частью в наскоро вырытых землянках. Начали рубить лес и выстроили несколько примитивных деревянных зданий и бани. Как только люди мало — мальски устроились, был отдан по дивизии приказ о производстве ежедневно занятий.

За время стоянки на Керулене прибыло много разного люда: доктор Клингенберг, подполковник Дубовик, статский советник Голубев с женой и много других. Все прибывающие получали

назначения. О судьбе всех прибывших писать долго и нет смысла, но о судьбе перечисленных лиц нужно упомянуть, как характерных.

Доктор Клингенберг — хороший, опытный хирург — врач, и прибытие его в дивизию было большим благом. Он назначен был заведующим госпиталем и с присущей ему энергией и знанием, насколько позволяли медицинские средства и обстоятельства, наладил дело врачевания.

Подполковник Дубовик — кадровый офицер, окончивший ускоренный курс Академии Генерального штаба в Томске — ценный офицер. Прямого назначения по штабной службе не получил, а был причислен к штабу генерала Резухина. Только после взятия Урги он получил назначение заведовать оружием.

Статский советник Голубев — в прошлом крупный интендантский чиновник. Отличался говорливостью и любил давать советы. Ни того, ни другого генерал Унгерн не выносил. Статский советник был назначен всадником в одну из сотен 1–го Татарского полка, а его молодая, миловидная и легкомысленная жена — отправлена в обоз 2–го разряда. В обозе г-жа Голубева, конечно, стала объектом вожделения многих офицеров, но она предпочла характерного красавца прапорщика Чернова, и между ними скоро установились интимные отношения.

В дивизии ничего не было тайного, что бы не стало явным, и отношение г-жи Голубевой к Чернову было известно всем и, в первую очередь, Унгерну и Резухину.

Прапорщик Чернов был волевой, неглупый человек, но буйный во хмелю и жестокий. Под винными парами по собственному произволу, за малое упущение он расстрелял двух всадников. Из госпиталя и обоза, находящихся в его ведении, стали разбегаться люди, бросая повозки и имущество.

Генерал Унгерн за время зимней стоянки большей частью отсутствовал из лагеря, разъезжая по ставкам ближайших князей. На Керулене хозяйничал генерал Резухин. Он стал получать донесения из обоза о зверствах, чинимых прапорщиком Черновым. Резухин отдал приказание явиться Чернову в штаб дивизии и, когда тот явился, то Резухин изрек: “На лед эту сволочь!”

О проступках Чернова он донес Унгерну в ставку “Толстого вана”. Генерал Унгерн в ответ прислал прапорщика Бурдуковского с полномочиями: “Прапорщика Чернова пороть и сжечь на костре”.

Приказ выполняли: штаб-ротмистр Забиякин, хорунжий Мухаметжанов и прапорщик Бурдуковский.

Чернову было дано 200 ударов ташуром. Во время страшной

экзекуции Чернов не впал в бессознательное состояние, не проронил ни одного звука и нашел силы подняться со скамейки. Губы свои искусал до крови. Среди лагеря рос огромный кедр. К этому дереву исполосованного Чернова привязали веревками на полторы сажени от земли, у подножия расположили огромный костер из дров и хвороста и подожгли его. Когда на Чернове загорелась одежда, близко к костру подошли Забиякин и Мухаметжанов. Чернов нашел в себе силы сгустком слюны — крови плюнуть в Мухаметжанова, а Забиякину сказал: “А за тобой, Забиякин, я приду с того света”. Без стонов и криков потерял сознание. Перегорели веревки, и обуглившийся труп упал в потухавший костер. Бурдуковский труп сволок в откос р. Керулен.

Прапорщик Чернов был верным и преданным слугой генерала Унгерна и жуткая участь его произвела на чинов дивизии сильное впечатление. Но этим не окончилось дело Чернова. По наущению ли отвергнутых претендентов, по собственному ли разумению, Унгерн потребовал г-жу Голубеву в штаб и, когда она явилась, был вызван из сотни статский советник Голубев, которому Унгерн в присутствии есаула Макеева сказал: “Ваша жена вела себя непристойно. Вы должны сами наказать ее. Дайте ей 50 ташуров, а ты, Макеев, наблюдай за экзекуцией. Если муж будет плохо бить жену — повесь их обоих. Идите…” Экзекуцию Голубев произвел над женой с полным усердием, чтобы не быть повешенным. Госпожа Голубева мужественно ее перенесла, сама поднялась и ушла в поле. Когда Макеев доложил Унгерну об исполнении его приказания, то последний сказал: “Хорошо… Пусть Голубева идет на лед и там посидит ночь…” Женщина как автомат пошла на лед р. Керулен. Уже поздней ночью Унгерн разрешил для Голубевой развести костер.

Наутро генерал Унгерн отдал приказ: “Голубеву отправить в госпиталь в распоряжение доктора Клингенберга, где она уходом за ранеными и больными искупит свои прегрешения. До госпиталя пусть идет пешком…” По словам есаула Макеева, он нашел смелость доложить Унгерну, что он сомневается в том, что подполковник Сипайлов в госпитале оставит в покое Голубеву и упустит случая принудить ее к сожительству. “Ну, ну, я покажу этому старому ослу…” Действительно, Сипайлов, зная угрозу Унгерна, оставил в покое г-жу Голубеву, но ей стала угрожать опасность со стороны Бурдуковского, который безграмотными записочками принуждал г-жу Голубеву к исполнению его желаний.

Одна из таких записок попала в руки Унгерну. Был вызван Бурдуковский. Из юрты Унгерна Бурдуковский был вынесен в

бессознательном состоянии, избитый ташуром. Сослуживцы долго возились с огромной тушей Бурдуковского, пока не привели его сознание. После этих случаев г-жу Голубеву оставили в покое.

На Керулен прибыли две сотни под начальством есаула Архипова и Нечаева в составе 13 офицеров и 130–145 всадников, и были влиты во 2–й полк. Сотни прибыли из верховьев р. Хара, откуда вели партизанские налеты на Русь. С Мензы вернулись 2 сотни Галданова и Галимова.

Генерал Унгерн в полной мере вошел во вкус полновластного распорядителя жизни и смерти подчиненных ему людей. Он их казнил и изредка миловал, разжаловал и производил. Путем жестоких репрессий и усиленными занятиями боеспособность Азиатской конной дивизии, пошатнувшаяся после ноябрьского наступления на Ургу, в полной мере была восстановлена.

Февральское наступление на Ургу

За прошедшие два месяца со времени неудачных ноябрьских боев за Ургу, Азиатская конная дивизия отдохнула, значительно пополнилась и частично реорганизовалась. Силы ее выражались так.

1- й Татарский конный полк, под командованием есаула Парыгина — 350 сабель.

2- й Конный полк под командованием есаула Хоботова — 300 сабель.

Артиллерия капитана Дмитриева, 4 орудия — 60 человек.

Пулеметная команда капитана Евфаритского, 12 пулеметов — 80 человек.

Японская конная рота — 40 человек.

Монгольский дивизион, 2 сотни — 180 человек.

Итого: 1010 чел.

Отдельный дивизион хорунжего Тубанова (1 тибетская сотня, 1 бурятско — монгольская) — 170 человек.

Чахарский дивизион Найден-гуна — 180 человек.

Итого: 350 человек.

Всего: 1460 человек.

Где-то формировались монгольские части.

Перед генералом Унгерном стояла одна задача: взять Ургу, не откладывая до весны. Монголы муссировали слухи, что Унгерн формирует большую монгольскую армию, чему сами охотно верили. Поверили этому слуху и китайцы в Урге, считая силы Унгерна не меньше 5000 бойцов.

Подполковник Дубовик, от скуки ли, по заданию ли генерала Резухина, составил доклад с приложением “диспозиции” взятия Урги. Генералы, рассмотрев диспозицию, признали ее “отличной”. Были собраны старшие войсковые начальники для обсуждения диспозиции и с некоторыми поправками ее приняли. В основе диспозиция была проста и ясна: произвести диверсию наступления на Ургу в том же направлении, что и в ноябре, то есть атака Урги с севера, тогда как главный удар направить на дефиле у Мадачана. Заняв Мадачан, нанести удар с севера на Маймачен и, взяв его, атаковать Ургу.

Так как писаная диспозиция не давалась на руки начальникам, то немало времени отняло у подполковника Дубовика втолковать малограмотным командирам отдельных частей “их маневр”.

Приготовление похода на Ургу, а тем более время похода держалось в большом секрете, так как монголы по своей болтливости и непунктуальности могли разболтать то, что не должны были знать китайцы в Урге. Большая часть чинов Азиатской конной дивизии при уходе с Керулена не знали, куда и зачем идут. 28 января Азиатская конная дивизия стала бивуаком в урочище Убулун, в 40 км на востоке от Урги.

Бой за Ургу имел три периода: подготовительный, взятие Мадачанского дефиле и взятие Маймачена — Урги.

Подготовительный период

Лично сами генералы проверили и осмотрели конский состав, вооружение, обмундирование. Прибыла конная команда тибетцев в 80 всадников. Тибетцы были отменно здоровые, сильные люди, на отличных конях, хорошо вооружены и одеты. Их причислили к сотне бурята хорунжего Тубанова, образовав отдельный дивизион — Тибетско-бурятско-монгольский.

Еще с Тэрэлдж (Керулена) 26 января генерал Унгерн отправил сильный отряд в 5 сотен в верховья р. Хары для того, чтобы выяснить, какие силы китайцев стоят на Харе, постараться их разбить и разогнать, чтобы они не могли напасть с тыла на унгерновцев, когда они будут атаковать Маймачен с севера, и показать китайцам, что генерал Унгерн идет на север от Урги. Другой отряд в 2 сотни 26 января с Тэрэлдж отправлен был по степям южнее Богдо-улы на Улясутайский тракт с тем, чтобы выяснить обстановку в этом направлении и произвести впечатление больших сил унгерновцев, могущих окружить китайцев со всех сторон.

Первый отряд за два дня сделал переход больше 120 км через горы на Хару, и неожиданно напал на батальон гоминьдановцев. Китайцы, не приняв боя, разбежались. Захватив оружие и снаряжение, отряд 30 января вернулся на Убулун. Отряд Галданова, сделав рейд на Улясутайский тракт, не встретил китайских войск, но захватил табуны коней китайской кавалерии и пригнал 31 января на Убулун больше 1000 отличных коней.

26 января был отправлен дивизион под командой Нечаева в сторону каменноугольных копий Налайхи с тем, чтобы он сбил сторожевое охранение китайцев и отогнал их к дефиле. А дальше до подхода главных сил оставался бы перед позициями у Мадачана — Богдо-улы и ежедневно ночью тревожил бы китайцев, приучая их к несерьезности наступления.

29 января в Убулун прибыл от Богдо-гэгэна важный лама. Он привез генералу Унгерну благословение на изгнание китайцев из Монголии. Оно написано было на ярко-желтом шелке с приложением личной печати. Он же на словах передал распоряжение и план похитить Богдо-гэгэна из-под ареста китайцев, каковой план Унгерн принял и для выполнения его назначил дивизион Тубанова. Для выполнения столь важной задачи хорунжий Тубанов вышел с Убулуна 31 января в сопровождении ламы.

31 января генерал Унгерн еще раз осмотрел сотни, нашел все в порядке и всем был доволен. Дивизион чахар Найден-гуна оставил в тылу, поручив ему охрану тыла и наблюдение за путями Урга — Хайлар и Урга — Калган. В поход брали вьючный верблюжий обоз. Колесный обоз отправлен был на Тэрэлдж.

Второй период

Для наступления и взятия Урги генерал Унгерн фактически располагал не больше, чем 900 бойцами. Согласно диспозиции, для боя в ночь с 31 января на 1 февраля есаул Хоботов с 3 сотнями двинулся на север, перевалил горы и рано утром 1 февраля появился на возвышенности Баян — Дзурх.

В ночь на 1 февраля вышла из Убулуна одна сотня монгол на юго-западный склон Богдо-улы. Сотня должна оставаться на месте до особого распоряжения.

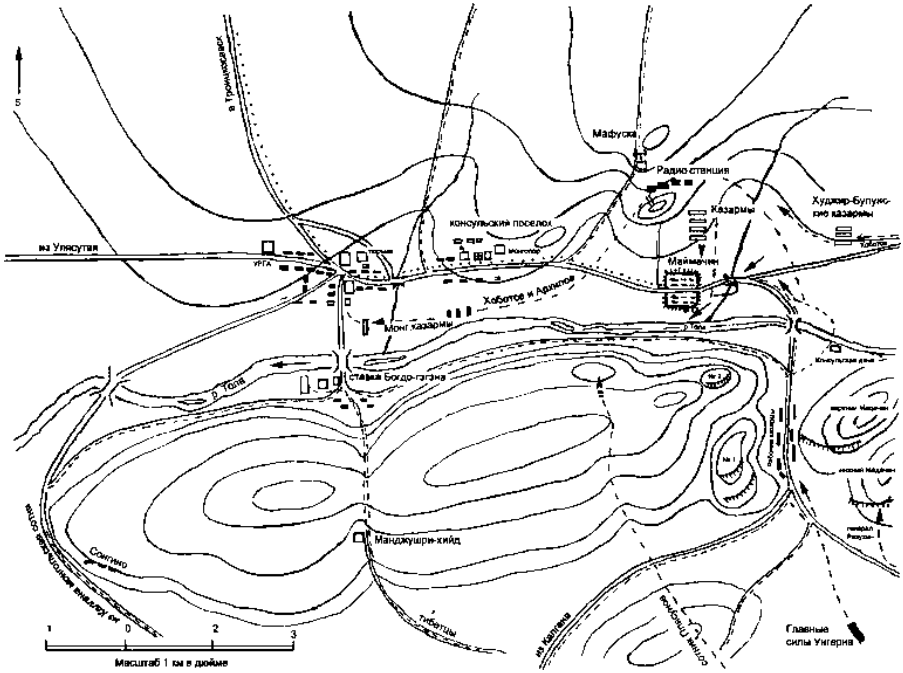
Главные силы под командованием Резухина 1 февраля в 3 часа дня появились перед главными позициями мадачанского дефиле и к вечеру сбили китайские части с позиции Малого Мадачана. Китайцы отступили на главные позиции Большой Мадачан — Богдо-ула.

За 1 февраля есаул Хоботов выбил китайцев из Худжир-Бушунских казарм. Они бежали в Маймачен. В ночь на 2 февраля Хоботов получил подкрепление — 2 пушки и 2 пулемета с приказом повести энергичное наступление на радиостанцию и занять ее.

Рано утром 2 февраля генерал Резухин повел наступление на главные позиции китайцев, оборонявших дефиле. Бой был упорный. Нехватка сил сказывалась на всех пунктах. Превосходство в силах и технике китайцев было на всех пунктах атаки.

Успех боя решил поручик Плясунов. Еще до света Резухин приказал Плясунову с сотней постараться обойти правый фланг позиций китайцев, занимавших сильные позиции по юго-восточному склону Богдо-улы. Плясунов задание выполнил блестяще. Он на рассвете провел сотню к западу от китайских позиций, у них в тылу, и утвердился на высоте № 3, с которой и открыл огонь по тылам и флангу от сопок №№ 1 и 2. Китайцы вынуждены были очищать сопки № 1 и 2, а за ними отступили и с позиции Большого Мадачана. Еще до наступления темноты сотни разместились на ночлег в рабочих казармах Мадачана. Есаул Хоботов за 2 февраля, перейдя речонку Улятуйку, занял высоты к северу от Маймачена и здесь оставался.

Тем временем дивизион хорунжего Тубанова достиг Малого Хурэ, что приютился на южном склоне Богдо-улы. Ночью со 2 на 3 февраля сотня перевалила через Богдо-улу и произвела сильный шум, напав на спавший китайский охранный батальон в ставке Богдо-гэгэна. Китайцы в панике метались по Хурэ, ища убежище. Тибетцы, пользуясь паникой китайцев, усадили Богдо-гэгэна с семьей в карету и увезли вверх по руслу замерзшей речонки, но вынуждены были скоро бросить карету, высоких особ пересадить на коней и благополучно доставить их в Малый Хурэ. Заняв позицию на вершине Богдо-улы, охраняя Богдо-гэгэна от китайцев, они перевалили на южный склон Богдо-улы. Рано утром 3 февраля весть о том, что Богдо-гэгэн освобожден унгерновцами из китайского плена, с неимоверной быстротой улетела далеко за пределы Урги и произвела огромное впечатление на монгол и китайцев.



Взятие Урги Р. Ф. Унгерном.

В ночь со 2 на 3 и с 3 на 453 февраля по хребтам Богдо-ула, Мадачан, Баян-Дзурх и отрогам Мафуски запылали сотни костров. Генерал Унгерн всю ночь со 2 на 3 скакал по всем пунктам расположения своих войск. Загнал не одного коня.

3 февраля Азиатская конная дивизия не вела никаких наступательных операций, вопреки здравому смыслу и военной истине: порыв не терпит перерыва. Одни унгерновцы объясняют бездействие “желанием генерала Унгерна дать людям и коням “передышку”, другие утверждают, что “ламы нагадали” Унгерну, что 3 февраля “несчастливый” день для наступления, а наступать он должен 4 февраля и предсказывали ему победу”. Эта версия имеет под собою полное основание[56].

Что же делали китайские генералы Го и Ма в Урге? Не преувеличиваю, в их распоряжении в Урге было 3 пехотных полка по 9 рот — 4000 гаминов, 1 кавалерийская дивизия генерала Го — 2900 сабель, 3 батареи по 6 орудий — 18 орудий, 3 пулеметных роты — 72 пулемета. Гамины были хорошо одеты, вооружены. Жалование им было уплачено. Это были войска генерала Сюя и считались лучшими в Китае.

Занятие унгерновцами Мадачанского дефиле, увоз Богдо-гэгэна и бесчисленные костры, опоясавшие Ургу с трех сторон, произвели угнетающее впечатление на всех китайских начальников. На совете, собранном у генерала Чэнь И, все

китайские войсковые начальники высказались о невозможности задержаться в Урге и необходимости отойти на север и через Маймачен — Кяхтинский — Верхнеудинск уходить в Маньчжурию.

В ночь с 3 на 4 февраля (в 1 час ночи) отряд генерала Резухина, двигаясь на север, перешел по льду через Толу около Консульской летней дачи, ведя коней в поводу Большую опасность представляло фланговое движение восточнее Маймачена, на расстоянии 1000–1200 шагов от глинобитных стен Маймачена, откуда растянувшуюся колонну так легко было засыпать огнем артиллерии и пулеметов. Колонна двигалась по обледенелому полю, от р. Улятуйки. Но китайцы спали, а караул прозевал движущуюся в темноте колонну. Она двигалась без ошибки на большой костер, где стоял есаул Хоботов.

В 5 часов утра все унгерновское войско, до 900 бойцов, стояло севернее боевых казарм в 400–500 шагах от северного фаса. Здесь спокойно спало около 2000 гаминов — пехотинцев. Ворота импани были закрыты. Внешний караул у северных ворот тихо был унгерновцами “ликвидирован”.

В 5.30, когда еще было темно, северные ворота были разбиты бревнами, и унгерновцы бросились в расположение казарм, бросая в окна казарм ручные гранаты. Паника среди гаминов поднялась невообразимая. Они в большинстве в одном белье выскакивали из казарм и через южные ворота убегали в Маймачен. К рассвету казармы унгерновцы заняли, захватив много военной добычи.

Отсюда генерал Унгерн двинул генерала Резухина для взятия Маймачена, а есаулов Хоботова и Архипова — в промежуток между Маймаченом и Консульским поселком на Толу с тем, чтобы они заняли монгольские казармы и от них повели наступление на центр Урги.

Бой за Маймачен носил иной характер. Он обнесен крепкой, в 3–4 метра глинобитной стеной. Гарнизон вместе с бежавшими сюда из белых казарм гаминами превышал три тысячи человек. Генерал Резухин приказал капитану Дмитриеву выстрелами из орудий разбить южные ворота, что он и выполнил. Закипел уличный бой, продолжавшийся до 12 часов дня. Часть гаминов была перебита, большая часть бежала, а около 500 человек сдались на милость победителей.

Есаулы Хоботов и Архипов без потерь и задержки достигли монгольских казарм и часов в 9 утра отдельными кучками входили в Ургу. Китайцы не оказывали никакого сопротивления. Они уходили из Урги. Хоботов бросился к тюрьме и освободил всех заключенных, до 200 человек. Архипов занял Китайско —

монгольский банк и Захадыр, обстреливая уходящих китайцев.

Имелись сведения, что китайские власти отдали распоряжение начальнику тюрьмы отравить всех русских заключенных, и только спешное бегство тюремной охраны спасло русских заключенных от смерти.

Мы, жители Урги, с раннего утра 4–го наблюдали из-за заборов отход китайцев и появление кучек унгерновцев, бежавших в расстегнутых полушубках и кричавших во все горло “Ура!” и ждали прихода главных сил, а их не было. Виденные нами кучки унгерновцев и были “войско”. В 2 часа дня по улицам Урги проехал генерал Унгерн с конвоем. В 4 часа дня в Маймачене он вызвал китайского торгового старшину и приказал ему при помощи пленных китайцев к вечеру 5 февраля закончить уборку и похоронить китайские трупы, что и было исполнено. Рано утром 5 февраля генерал Резухин с 1–м Татарским полком и чахарами выступил на преследование китайцев.

Трофеи

При взятии Урги взято в плен больше 1000 человек гаминов с майором Ли, исправных пушек 4, без замков 12 (замки потом нашли), пулеметов исправных 30, баз замков 30. Винтовок новых 2000 без затворов (их потом нашли), винтовок старых 3000. Патронов ружейных больше 500000, очень много обмундирования, склады продовольствия и прочего имущества. В банке денег: серебра билонного на 700000, золота 4 пуда, ямбового серебра и банкнот 500000 и американских долларов 2000.

Причины и следствия успешных боев Азиатской конной дивизии за Ургу

Живущим в Урге зиму 1920/21 года не видно было мероприятий китайских генералов улучшить оборону Ургинского района. После ноябрьского наступления на Ургу генерала Унгерна лишь усилились репрессии против ни в чем не повинных русских людей. Не вели даже разведки и не знали, что делается на востоке дальше Налайхи. Когда 2 февраля есаул Хоботов занял Худжир-Булунские казармы, то китайское командование не попыталось его атаковать и прогнать, а генерал Го своих кавалеристов увел в западную часть Урги, в район Да-хурэ.

Враг проломил входную дверь в Ургу с занятием

Мадачанского дефиле 2 февраля, есаул Хоботов занял Худжир-Булунские казармы, 3–го — высоты около радиостанции, а два батальона, расквартированные в казармах на склоне горы вблизи Маймачена, рано утром 4 февраля спокойно спали.

Действия тибетцев с увозом Богдо-гэгэна, многочисленные огни на горах с трех сторон Урги ввели в заблуждение китайское командование, как малых детей, о численности войск наступающих. Они посчитали силы генерала Унгерна в 5000 бойцов и не приняли никаких мер к выяснению настоящих сил противника.

Решение китайцев 3 февраля оставить Ургу почти без боя не укладывается в понимание военного человека. Принимая столь ответственное решение, генерал-губернатор Чэнь И, генералы Го и Ма понимали, что с оставлением Урги они теряют Халху, крайне нужную Китаю для колонизации.

На позициях Мадачана они почти не использовали свое превосходство в артиллерии и пулеметах. Действия китайских генералов были преступны. Пожалуй, один только полковник Лян Шу (за точность не поручусь), командовавший арьергардом, при уходе из Урги на Троицкосавск проявил некоторую воинскую доблесть — не дал возможность генералу Резухину смять колонну китайцев на походе, потеряв лишь незначительную часть огромного обоза.

Переходя к оценке действий Азиатской конной дивизии, нужно отметить на первом месте следующее.

1. Высокий наступательный дух унгерновцев, понимавших, что спасение их в победе, а потому каждый проявил максимум духовных и физических сил.

2. План взятия Урги, составленный подполковником Дубовиком, был вполне рациональным. Хотя от него частично отступили 3 февраля, но в целом он прово- необходимости отойти на север и через Маймачен — Кяхтинский — Верхнеудинск уходить в Маньчжурию.

В ночь с 3 на 4 февраля (в 1 час ночи) отряд генерала Резухина, двигаясь на север, перешел по льду через Толу около Консульской летней дачи, ведя коней в поводу. Большую опасность представляло фланговое движение восточнее Маймачена, на расстоянии 1000–1200 шагов от глинобитных стен Маймачена, откуда растянувшуюся колонну так легко было засыпать огнем артиллерии и пулеметов. Колонна двигалась по обледенелому полю, от р. Улятуйки. Но китайцы спали, а караул прозевал движущуюся в темноте колонну. Она двигалась без ошибки на большой костер, где стоял есаул Хоботов.

В 5 часов утра все унгерновское войско, до 900 бойцов,

стояло севернее боевых казарм в 400–500 шагах от северного фаса. Здесь спокойно спало около 2000 гаминов — пехотинцев. Ворота импани были закрыты. Внешний караул у северных ворот тихо был унгерновцами “ликвидирован”.

В 5.30, когда еще было темно, северные ворота были разбиты бревнами, и унгерновцы бросились в расположение казарм, бросая в окна казарм ручные гранаты. Паника среди гаминов поднялась невообразимая. Они в большинстве в одном белье выскакивали из казарм и через южные ворота убегали в Маймачен. К рассвету казармы унгерновцы заняли, захватив много военной добычи.

Отсюда генерал Унгерн двинул генерала Резухина для взятия Маймачена, а есаулов Хоботова и Архипова — в промежуток между Маймаченом и Консульским поселком на Толу с тем, чтобы они заняли монгольские казармы и от них повели наступление на центр Урги.

Бой за Маймачен носил иной характер. Он обнесен крепкой, в 3–4 метра глинобитной стеной. Гарнизон вместе с бежавшими сюда из белых казарм гаминами превышал три тысячи человек. Генерал Резухин приказал капитану Дмитриеву выстрелами из орудий разбить южные ворота, что он и выполнил. Закипел уличный бой, продолжавшийся до 12 часов дня. Часть гаминов была перебита, большая часть бежала, а около 500 человек сдались на милость победителей.

Есаулы Хоботов и Архипов без потерь и задержки достигли монгольских казарм и часов в 9 утра отдельными кучками входили в Ургу. Китайцы не оказывали никакого сопротивления. Они уходили из Урги. Хоботов бросился к тюрьме и освободил всех заключенных, до 200 человек. Архипов занял Китайско — монгольский банк и Захадыр, обстреливая уходящих китайцев.

Имелись сведения, что китайские власти отдали распоряжение начальнику тюрьмы отравить всех русских заключенных, и только спешное бегство тюремной охраны спасло русских заключенных от смерти.

Мы, жители Урги, с раннего утра 4–го наблюдали из-за заборов отход китайцев и появление кучек унгерновцев, бежавших в расстегнутых полушубках и кричавших во все горло “Ура!” и ждали прихода главных сил, а их не было. Виденные нами кучки унгерновцев и были “войско”. В 2 часа дня по улицам Урги проехал генерал Унгерн с конвоем. В 4 часа дня в Маймачене он вызвал китайского торгового старшину и приказал ему при помощи пленных китайцев к вечеру 5 февраля закончить уборку и похоронить китайские трупы, что и было исполнено. Рано утром 5 февраля генерал Резухин с 1–м Татарским полком и

чахарами выступил на преследование китайцев.

Трофеи

При взятии Урги взято в плен больше 1000 человек гаминов с майором Ли, исправных пушек 4, без замков 12 (замки потом нашли), пулеметов исправных 30, баз замков 30. Винтовок новых 2000 без затворов (их потом нашли), винтовок старых 3000. Патронов ружейных больше 500000, очень много обмундирования, склады продовольствия и прочего имущества. В банке денег: серебра билонного на 700000, золота 4 пуда, ямбового серебра и банкнот 500000 и американских долларов 2000.

Причины и следствия успешных боев Азиатской конной дивизии за Ургу

Живущим в Урге зиму 1920/21 года не видно было мероприятий китайских генералов улучшить оборону Ургинского района. После ноябрьского наступления на Ургу генерала Унгерна лишь усилились репрессии против ни в чем не повинных русских людей. Не вели даже разведки и не знали, что делается на востоке дальше Налайхи. Когда 2 февраля есаул Хоботов занял Худжир-Булунские казармы, то китайское командование не попыталось его атаковать и прогнать, а генерал Го своих кавалеристов увел в западную часть Урги, в район Да-хурэ.

Враг проломил входную дверь в Ургу с занятием Мадачанского дефиле 2 февраля, есаул Хоботов занял Худжир-Булунские казармы, 3–го — высоты около радиостанции, а два батальона, расквартированные в казармах на склоне горы вблизи Маймачена, рано утром 4 февраля спокойно спали.

Действия тибетцев с увозом Богдо-гэгэна, многочисленные огни на горах с трех сторон Урги ввели в заблуждение китайское командование, как малых детей, о численности войск наступающих. Они посчитали силы генерала Унгерна в 5000 бойцов и не приняли никаких мер к выяснению настоящих сил противника.

Решение китайцев 3 февраля оставить Ургу почти без боя не укладывается в понимание военного человека. Принимая столь ответственное решение, генерал-губернатор Чэнь И, генералы Го и Ма понимали, что с оставлением Урги они теряют Халху, крайне нужную Китаю для колонизации.

На позициях Мадачана они почти не использовали свое превосходство в артиллерии и пулеметах. Действия китайских генералов были преступны. Пожалуй, один только полковник Лян

Шу (за точность не поручусь), командовавший арьергардом, при уходе из Урги на Троицкосавск проявил некоторую воинскую доблесть — не дал возможность генералу Резухину смять колонну китайцев на походе, потеряв лишь незначительную часть огромного обоза.

Переходя к оценке действий Азиатской конной дивизии, нужно отметить на первом месте следующее.

1. Высокий наступательный дух унгерновцев, понимавших, что спасение их в победе, а потому каждый проявил максимум духовных и физических сил.

2. План взятия Урги, составленный подполковником Дубовиком, был вполне рациональным. Хотя от него частично отступили 3 февраля, но в целом он проводился. Начальники знали предметы, цели атаки, почему было взаимодействие частей войск и не было больших разрывов.

3. Удачные действия сотника Плясунова, вышедшего на фланг и тыл китайских позиций на юго-восточных склонах Богдо-улы заставили китайцев без боя очистить сильные позиции.

4. Лихие действия тибетцев — увоз Богдо-гэгэна — подействовали удручающе на китайцев и подбодрили дух наступающих, особенно монгол и бурят.

5. Грубая ошибка генерала Унгерна против истины военного искусства — бездействие Азиатской конной дивизии все 3 февраля — послужила на пользу: скрыло истинное количество наступающих войск и китайцы, не разгадав эти силы, решили уйти из Урги, не дав решительного боя.

Генерал-губернатор северо-западных провинций Китая Чэнь И со своими чиновниками выехал из Урги ночью с 3 на 4 февраля. Генералы Го и Ма со своими войсками уходили рано утром 4 февраля. Уход на Троицкосавск диктовался теми соображениями, что уходить через Гоби в феврале месяце — верная смерть. Китайцы рассчитывали, что правительство Москвы всех их пропустит в Маньчжурию через Забайкалье, но они глубоко ошиблись. Ленин приказал пропустить лишь Чэнь И с небольшой свитой. Чем руководствовалось Правительство СССР, не давая согласия пропустить безоружных китайцев через Забайкалье, остается пока без ответа, но сколько-нибудь существенных оснований не видно[57].

Победа Азиатской конной дивизии под Ургой дала монгольскому народу Халхи полную, хотя и короткую, самостоятельность от кого бы то ни было. Генерал Унгерн перевернул новую страницу Монголии, на которой записано его имя.

Как было указано, в преследование китайцев, уходивших на

Троицкосавск, пошел генерал Резухин с 1–м Татарским полком. 8 февраля наскоро сформированный 3–й Конный полк сотника Янкова выступил на Хара-гол. Он разбил китайские отряды на “тракте” и передовые его части заняли урочище Мактуй. 2–й полк полковника Хоботова, благодаря освобождению им русских из тюрьмы и мобилизации, скоро пополнился до 6–сотенного состава. За 20 дней полк успел хорошо одеться, переменил подбившихся коней и был в полной мере боеспособным. 25 февраля 2–й полк вышел на север на смену 3–го полка Янкова, которому надлежало идти в Ургу на формирование. Хоботов не остановился на Хара-голе, а с боями продвигался дальше на север и к 1 марта занял линию Иро, выдвинув передовую заставу к Ибицык.

Поход в пустыню Гоби на Чойрын — Удэ

Недолго Азиатская конная дивизия отдыхала в Урге. Стало известно, что Китайское правительство отправило в Монголию через Калган крупные войсковые части для борьбы с Азиатской конной дивизией. По слухам, китайские войска через Гоби двигались эшелонами по одному батальону примерно по 1000 человек.

Расстояние от Калгана до Урги через Гоби равняется примерно 1000 км. Основных путей на Ургу три: западный — Сайр — усу — Бургастай, центральный — Чойрын — Удэ — Бургастай и восточный — Эрги — Худжирты — Бургастай.

Центральный путь, вдоль которого проложена территориальная линия — лучший. Колодцы вдоль пути отстоят друг от друга на расстоянии 25–40 км (дневного пути), воды в них достаточно на караван в 100 верблюдов и они поддерживаются в исправном виде. Вдоль пути оборудовано 4 газолиновых станции. Так как по центральному пути происходит самое большое движение караванов, то пастбища вблизи колодцев скоро вытравляются, почему караваны, следующие без подкорма скота, предпочитают другие, хотя и более длинные пути.

Монголы донесли Унгерну, что первый эшелон китайской армии в 1000 штыков подошел к Чойрыну. Генерал Унгерн правильно решил — не допускать скопиться китайским войскам к югу от Урги, вблизи ее. Необходимо эти эшелоны разбить по частям в походном порядке.

Стояла глубокая, холодная зима. Поход предстоял в самое

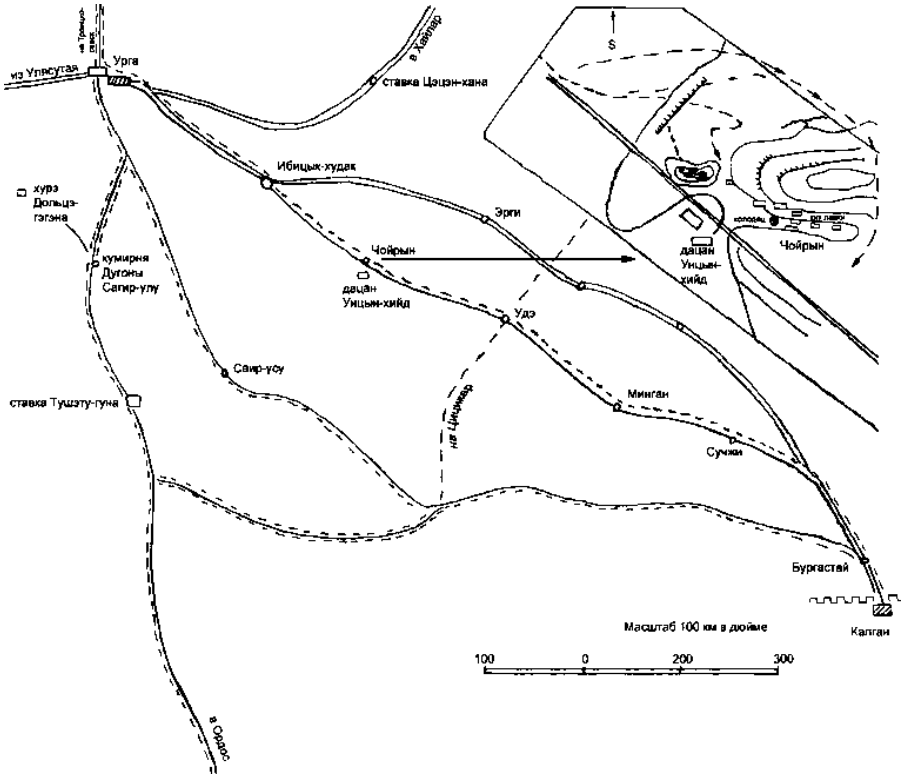
сердце пустыни Гоби. Чины Азиатской конной дивизии отдохнули, переорганизовались, пополнились, имели свежих коней. Всадники тепло одеты. 1 марта 1921 г. в поход пошли под личным командованием Унгерна 8 сотен, 2 отдельные монгольские сотни, 2 орудия и 8 пулеметов, примерно 900 бойцов. Обоз вьючный — на верблюдах. По пути в дацане Ибицык отряд подменил подбившихся коней. 11 марта передовые сотни подошли к Чойрыну.

Китайцы, занимавшие Чойрын, были осведомлены о приближении унгерновцев. Они не думали уходить и готовились принять бой на позиции сильной для обороны. Передовая позиция вынесена была на север от Чойрына и шла вдоль сухого русла реки. Вырыты были окопы в рост человека.

11 марта Азиатская конная дивизия атаковала передовые китайские позиции. Китайцы стойко защищались. Ночью с 11 на 12 марта китайцы оставили передовые позиции, отойдя на главную позицию: среди пустынной равнины возвышалась горная гряда с котловиной в центре, где расположен был самый поселок и колодцы. Выход из котловины был обращен на юг. На запад от гряды, на расстоянии 1 км возвышалась отдельная, скалистая, почти недоступная сопка, у подножия коей с южной стороны притулился хурэ.

12 марта рано утром генерал Унгерн повел атаку на правый фланг позиции китайцев. Только к полудню удалось закрепиться у подножия скалистых гор. Началась атака самих гор. Бойцы поодиночке, группами карабкались на скалы под сильным пулеметным и ружейным огнем китайцев. Для подбадривания бойцов Унгерн объявил бойцам и отдельным взводам и сотням денежные награды за преодоление горных рубежей. К ночи бойцы Азиатской конной дивизии кучками накопились на склонах гор, где и заночевали.

В час ночи 13 марта генерал Унгерн повел своих бойцов в атаку на вершины гор. С наступлением темноты 12 марта артиллеристы сумели втащить одно орудие на отдельно стоящую скалистую, казалось, неприступную сопку. Когда Унгерн в час ночи повел наступление, из орудия с горы прямой наводкой открыли огонь по тылу китайской позиции — по Чойрынскому поселку, вызвав в нем панику как среди китайских солдат, так и мирного населения. Говорят, что в панике был убит китайский начальник гарнизона Чойрына. Уже в 6 часов утра 13 марта китайцы под прикрытием своей кавалерии стали уходить из Чойрына.



Бой за Чойрын.

В 8 часов утра генерал Унгерн вступил в Чойрын.

В ночь с 12 на 13 марта Унгерн выслал бурятскую сотню в обход Чойрына на юг, дабы перерезать пути отступления китайцам. В преследование отступающих китайцев были посланы чахары. Немного уцелело китайцев. Из 2500 человек гарнизона Чойрына не больше 500 успело благополучно убежать. Сдалось в плен около 1000 человек. Генерал Унгерн, снабдив их продовольствием и перевязочными средствами, отправил в Калган.

В Чойрыне генералу Унгерну досталась богатая добыча. Одного рису из Чойрына было отправлено на верблюжьих вьюках 3000 пудов.

Разгромив китайцев у Чойрына, Унгерн двинулся дальше на юг, но, пройдя с отрядом 100–120 км, передал командование отрядом полковнику Парыгину, а сам на автомобиле уехал в Ургу. Парыгин дошел до Удэ, но в Удэ китайских войск оказалась лишь одна рота, которая бежала при приближении унгерновцев к Удэ.

Артиллерию и чахарский дивизион 14 марта генерал Унгерн отправил обратно в Ургу, куда они прибыли вечером 19 марта. Сам Унгерн прибыл в Ургу на автомобиле 18 марта.

Слух о высылке в Монголию больших китайских сил не подтвердился. Идти дальше на юг не имело смысла. Спокойствие в Монголии — Халхе ничем не могло быть нарушено в ближайшее время.

Отряд генерала Унгерна из Удэ обратно не пошел по старому пути. Он повернул на запад и пошел по пути ставка Тушэту — гуна — Мара — Мурэн и в конце марта месяца вернулся в Ургу. В тысячекилометровом походе в сердце пустыни Гоби всадники сменили несколько раз коней, а некоторые сотни, артиллерия и пулеметная команда вернулись на верблюдах.

Месячный поход генерала Унгерна в Чойрын-Удэ, без базы, на одном мясе, в стужу 25–30°R — выдающийся исторический кавалерийский рейд, где дух войск победил врага и природу. Рейд генерала Унгерна в Гоби помимо материального поражения Китайскому правительству нанес огромное моральное поражение, убедив его, что им не справиться с Унгерном. Помимо того, рейд заставил всех юго- западных монгол поверить в непобедимость Унгерна.

Бой С КИТАЙСКИМИ ВОЙСКАМИ

К середине марта месяца военная обстановка для Азиатской конной дивизии была такова.

1. Генерал Унгерн с 1–м Татарским полком, чахарами и монголами, всей артиллерией и почти всеми пулеметами был в Гоби.

2. Наскоро сформированный 2–й конный полк полковника Хоботова в составе 6 сотен занимал сторожевую линию на севере от Урги по Иро-гол, по фронту почти 70 км.

3. В Ургинском районе в распоряжении генерала Резухина оставались:

1- й пополняемый полк подъесаула Янкова — 210 сабель; 1 вновь сформированная монгольская сотня — 60 сабель; 1 вновь сформированная бурятская сотня — 45 сабель;

Комендантская команда — 50 человек; 1 орудие Гочкиса под командованием капитана Сементовского, 20 человек (к орудию было только 10 снарядов); пулеметный взвод (2 пулемета) — 20 человек.

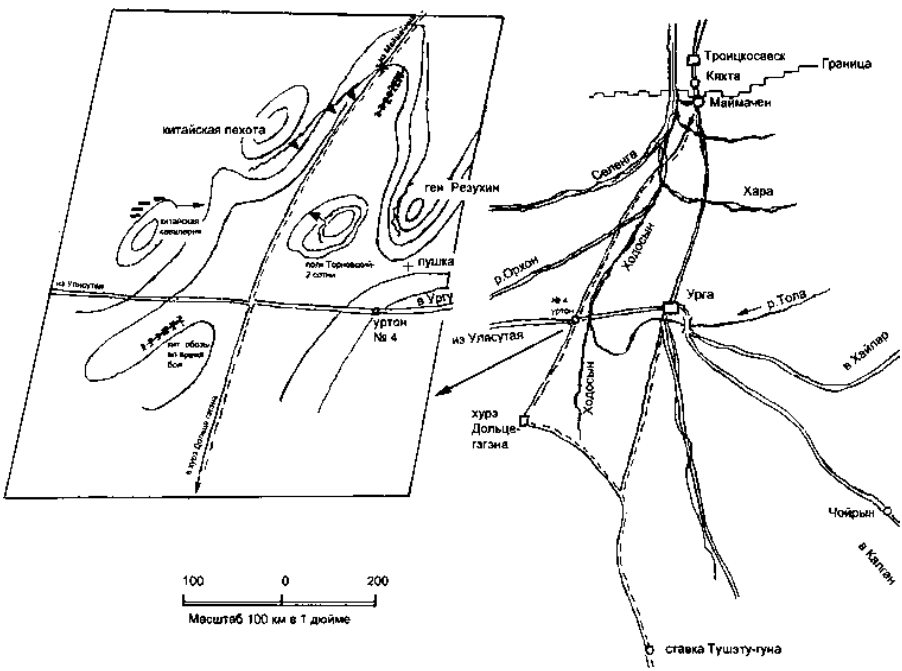
Всего: 405 бойцов, 1 орудие, 2 пулемета.

4. Китайские войска, ушедшие из Урги 4 февраля, стояли в районе Маймачена — Кяхтинского. Не получив от Правительства СССР разрешения пройти через Забайкалье в Маньчжурию, они

рано или поздно должны были попытаться уйти в Китай юго-западными путями от Урги.

Уход генерала Унгерна с главными силами в Гоби и малочисленность войск, оставшихся в Урге, дало основание генералу Ма уйти из Маймачена, не встретив на пути сильного препятствия к западу от Урги. Возможно, были и инструкции из Пекина, чтобы Ма вел войска, так как ему на выручку посланы войска из Калгана. Унгерн должен будет вести бои против посылаемых войск и он, Ма, спокойно пройдет на Хух-хото.

Мною, как начальником штаба генерала Унгерна, 12 марта были получены от монгол сведения, что китайские войска из Маймачена-Кяхтинского ушли в неизвестном направлении.



Бой с китайцами 18–20 марта вблизи 4–го уртона из Урги в Улясутай.

Командир полка, запрошенный о том, что ему известно об уходе китайских войск из Маймачена, донес: “Мне ничего неизвестно, но если они пойдут по путям, охраняемым его полком, то он своими малыми и разбросанными силами не может задержать их”.

В ночь на 15 марта генерал Резухин, оставив в Урге лишь Комендантскую команду подполковника Сипайлова в 50 человек, с остальными 355 бойцами выступил на север.

16 марта у Хара-гол на походе было получено донесение от

полковника Хоботова, что китайские войска, ушедшие из Маймачена, не идут по путям на Ургу, а пошли где-то западнее, вероятно, по левому берегу Орхона, перейдя его в устье, но где они теперь находятся, неизвестно, так как буран мешает разведке.

Ночью, при свете свечи, совместно с Резухиным мы прикинули по карте, где теперь могут быть войска генерала Ма. Выходило, что за 4–6 дней форсированного марша они должны подходить к Барун-хурэ. Генерал Резухин, не медля ни минуты, двинулся на юго-запад, чтобы выйти на Урга-Улясутайский тракт. Шли дни и ночи 16–17 марта, дойдя до урочища Ходисын, где и задержались. Монголы ничего определенного о движении китайцев не знали. Они словно исчезли с лица монгольской земли.

Всю ночь с 18 на 19 марта я с генералом Резухиным искали выхода из положения, и было решено, что с рассветом я пойду с разъездом искать китайцев.

Со взводом забайкальских казаков я пошел на северо-запад от Ходисына. Пройдя километров пятнадцать, повстречал разъезд китайской кавалерии, который стал преследовать, донеся генералу Резухину: “Китайские войска здесь, где-то близко, преследую разъезд”. Километров 5–6 шло преследование разъезда, который вывел меня на движущуюся колонну китайских войск и обозов в юго-западном направлении. Сомнений не оставалось, что это китайцы, уходящие из Маймачена на Хух-хото.

Генерал Резухин со всем отрядом спешил ко мне. До подхода Резухина я оценил обстановку: путь, по которому двигались китайцы, лежал в огромной долине, идущей с северо-востока на юго-запад. Северные и восточные склоны заключены были горным массивом. С юга долина запиралась двумя отдельными возвышенностями, причем одна, более низкая, лежала в 1–1,5 км от дороги, по коей двигались китайцы. Силы китайцев, растянувшихся на 3–4 км, определить было трудно из-за большого обоза, но по приблизительному подсчету конных было до 2000 человек, пеших до 3000 человек, мирных китайских купцов до 2000 человек, обоз из 200–300 груженных монгольских подвод.

На скором совещании с генералом Резухиным решили: Резухин займет юго-восточные высоты, я с монгольской и бурятской сотней сотника Очирова займу отдельную юго-западную высоту и не буду ввязываться в бой, так как силы слишком ничтожны в сравнении с китайцами, а посмотрю, что предпримет китайское командование и подожду подхода сотен 2-го конного полка, которые должны быть где-то близко.

Заняв сопку, наименованную № 1, рассыпал монгольскую сотню в цепь по склону сопки, пулемет на вершине горы, бурятскую сотню спрятал у подножия горы с юго-восточной стороны, как резерв, готовый действовать немедленно в конном строю. Резухин занял высоты № 2, пушка стала на позицию у подножья западной стороны горы.

Китайцы остановили движение обозов и сгруппировали его в двух пунктах. Китайские части стали строиться в боевой порядок. Первыми открыли ружейный огонь по сопке № 1, занимаемый мною. Я приказал пулеметчику — офицеру (фамилии не помню) первыми очередями определить прицел до кавалерийских и пехотных целей, которые определились: до пехотных 1200, кавалерии 1800.

Стали ожидать. Отделились китайские цепи примерно силой до двух батальонов и тремя последующими цепями повели наступление на сопку № 1. Кавалерия строилась в боевой порядок для атаки к югу от сопки № 1.

Положение становилось серьезным. Надежда на монгол, кое-как рассыпанных в цепь, была плохая. Они плохо были обучены, и на стойкость их рассчитывать было нельзя. Все упование возлагал на пулемет и бурятскую сотню. Сопка № 1, хотя и была высокой, но склоны ее были пологи, не круче 15 градусов, и была доступна для атаки кавалерии в конном строю. Пулеметчику — офицеру приказал держать китайскую кавалерию под огнем и не давать им возможности построиться в боевой порядок для атаки, а сам с офицерами, бегая по цепи монгол, руководил огнем их против китайских пехотных цепей. Китайские цепи, не неся почти потерь от огня монгол, приближались к сопке № 1. Китайские офицеры на конях скакали по своим цепям и подгоняли ташурами китайских солдат. Цепи наступали как на параде. Первая цепь приблизилась шагов на 400–500 к подножию горы.

Приказал бурятской сотне идти в атаку, а пулеметчику — офицеру перенести огонь на первую цепь. При первых же очередях пулемета по цепи она залегла, а офицеров с коней сдуло как ветром (кони под ними были убиты). Пустил в атаку бурятскую сотню с фланга и первая цепь побежала, вторая и третья спокойно отходили и, отойдя шагов на 800–1000 от сопки, залегли. Монголы приободрились, стали стрелять спокойнее, нанося китайцам урон, и видно было, как уходили и ползли раненые китайцы в тыл.

Молчание пулемета против кавалерии в течение 20–30 минут дало возможность части китайской кавалерии построиться в боевой порядок и пойти в атаку с дистанцией 1500–1800 шагов, но с первыми же очередями пулемета, с дистанции 1000–800

шагов скосившего сотню всадников, кавалерия повернула обратно, оставив на поле боя больше 100 убитых. Кони носились по полю.

В цепях пехоты появилось 5–6 пулеметов, и действительным прицельным огнем стали “поливать” горку № 1. Подумать о самосохранении с монголами было некогда, когда они, неся потери от пулеметного огня, в любую минуту стадом могли бежать с горы.

Существенную моральную пользу принесли пять выстрелов из пушки Гочкиса по атакующей кавалерии при второй атаке. Больше капитан Сементовский не нашел возможным стрелять, так как пять оставшихся снарядов приберегал на крайний случай.

В 2 часа 30 минут дня меня ранили в ногу. Пуля пробила голенную кость левой ноги навылет. Командовать сопкой передал сотнику Очирову. Оставляя сопку, я напомнил Очирову и пулеметчику — офицеру постараться вывести из строя китайские пулеметы. Увезли меня на конных носилках и доставили в примитивный перевязочный пункт в 1–1,5 км к юго-востоку от сопки генерала Резухина. Перевязочный пункт был в наскоро поставленной юрте. Ни фельдшера, ни санитарной сестры милосердия не было. Их заменял санитар — доброволец, который был знаком с элементарными правилами перевязок. Кроме меня было еще три монгола, раненых с моей сопки. Но было относительно тепло, имелся горячий чай с ромом и перевязочные материалы. К ночи привезли еще человек 10 раненых с моей же сопки, и от них получил сведения, что китайцы еще делали две попытки атаки горы, но не дошли до нее, а вечером сопку генерал Резухин приказал очистить и отойти к его сопке.

В ночь на 20 марта пережили жуткую минуту, когда в обозе и на перевязочном пункте поднялась тревога и панические крики: “Китайцы! Китайцы!..” Оказывается, один эскадрон китайской кавалерии погулял в тылу генерала Резухина, но, не причинив никому вреда, ушел на запад. Рано утром 20 марта всех раненых на бычьих монгольских подводах отправили в Ургу и через пять дней движения полузамерзших доставили в госпиталь, а меня на свою квартиру.

Со слов других, бой с китайцами 20 и 21 марта рисуется так: к вечеру 19 марта китайцы осмелели и повели наступление на высоты, кои занимал генерал Резухин, но были отбиты. Рано утром 20 марта стали подходить сотни 2–го Конного полка Хоботова, ведя бой с арьергардом китайцев, чем внесли в главные силы китайцев беспокойство. С подходом 2–го полка в 4 сотни, 2 орудия и 4 пулемета (20 остались в сторожевой охране на Иро) положение генерала Резухина улучшилось. Сопку № 1 китайцы

заняли вечером 19 марта. Утром 20 марта китайцы повели наступление на правый фланг позиции генерала Резухина, но подошедший 2–й полк их отбросил.

Унгерн прибыл в Ургу из Гоби ночью 18 марта и, узнав, что Резухин где-то на западе, на Улясутайском тракте, бьется с китайцами, немедленно приказал подогнать для чахар и артиллерии свежих коней и рано утром с запасными конями двинул их по пути на запад, а сам вечером 19 марта выехал на автомобиле, но, благодаря снежным сугробам по падям, подоспел на место боя часам в 10 утра 20 марта, а чахары подошли к ночи 20, сделав пробег за 1,5 суток около 130 км.

При отбитии атаки на правый фланг попал в плен офицер — китаец в чине капитана. Первое, что сделал Унгерн по прибытию на позицию — вызвал китайского капитана и предложил ему поехать к своему начальству и предложить сдаться на условиях: сложить все оружие, сдать воинское обмундирование и имущество, а за это он, генерал Унгерн, пропускает на юг всех солдат и мирных жителей с их имуществом и дает продовольствие и нужное число подвод. Китайский капитан заверил генерала Унгерна, что такие условия для китайского командования будут приемлемы, и обещал через 3–4 часа дать ответ. Но не в характере Унгерна было сидеть и ждать ответа от китайцев 3 часа. Он потребовал коня и один поскакал в лагерь китайцев. Был обстрелян китайцами с сопки № 1, но благополучно проскочил, увидал старшего китайского начальника полковника Чжоу и с ним договорился об условиях сдачи оружия утром 21 марта. Вернулся поздно ночью.

Еще до света 21 марта пронеслась команда: “По коням!” Оказывается, китайские кавалерийские начальники не пожелали разоружаться и сдавать все кавалерийское имущество, и с вечера тихо ушли на юго-запад. В китайском лагере было большое смятение из-за нарушения договора. Генерал Унгерн приказал чахарам и 3 сотням 2–го полка во главе с есаулом Нейманом догнать беглецов и разбить беспощадно. Полковник Хоботов с одной сотней был назначен для приема оружия от китайских не убежавших войск. Резухину с 3–м полком было приказано идти в преследование на поддержку Неймана и чахар.

Целый день 21 марта шла сдача оружия и имущества, военного и конского снаряжения. Отделили для китайцев обоз и продовольствие. У мирных купцов ничего не было отобрано, и их подводы были особо выделены.

При сдаче оружия многие китайские солдаты обращались к генералу Унгерну с предложением принять их на службу. Унгерн из числа желавших отобрал 600 человек и отправил их в Ургу на

сформирование конного полка.

23 марта генерал Унгерн нагнал колонну генерала Резухина, который вел бой с китайцами за перевал. Здесь был убит один из храбрейших офицеров есаул Нейман. Ночью на 24–е китайцы ушли с перевала. Гоняться за горсточкой ушедших китайских кавалеристов не имело смысла.

Вечером к перевалу прибыл из Урги на автомобиле Жамболон — ван с каким-то важным донесением. Оба генерала долго совещались. Утром части 2–го и 3–го полка ушли в направлении Ван-хурэ.

В преследование китайцев были посланы чахары. Путь бежавших китайцев устлан был трупами людей и скота. Профессор Оссендовский в своих воспоминаниях о виденном им поле боя (19–21 марта) картинно описывает его и, действительно, к нему в полной мере подходят слова А. С. Пушкина: “О поле, поле чистое, кто усеял тебя костями…” Так бесславно погибли последние войска генерала Сюя. Профессор (?) Оссендовский в своих воспоминаниях ярко характеризует “поле усеянное, неубранное от трупов людей и коней”, когда он проезжал по нему спустя много времени после боя.

Генерал Резухин захватил большую и богатую добычу. Бои генералов Унгерна в Гоби и Резухина к югу от Барун-хурэ имели решающее значение крепкому занятию Халхи “белыми русскими”. У Китайского правительства не оставалось иллюзии о ее возврате. Генерал Унгерн спокойно перешел созидательной работе в Халхе.

Генерал Унгерн в Урге

Жуткие дни переживали русские люди в Урге с 1 по 7 февраля 1921 г. Было известно, что китайские генералы решили издать приказ об уничтожении в Урге всех русских. Высокий комиссар Чэнь И сумел воспротивиться изданию такого приказа генералами.

Увоз Богдо-гэгэна тибетцами в монастырь хубилгана Манджушри убедил китайцев в том, что вся Халха восстала против них и им нужно уходить оттуда за неимением сил к сопротивлению против всех народных масс. 3 февраля начался исход. Русские заперлись в своих домах, вооружились, чем кто мог, чтобы в случае нападения гаминов продать жизнь дороже.

Из 12000–15000 человек гарнизона района Урги в Маймачен (у Троицкосавска) пришло не больше половины, так как часть бежала на юго-запад при выходе из Урги, часть отделилась по пути на Троицкосавск, уходя хунхузничать по Орхону и Селенге. Много погибло, не имея теплой одежды. С китайцами ушли русские большевики, как Чайванов, но Парняков и Кучеренко, по неизвестной причине, остались в Урге.

Перед наступлением на Ургу генерал Унгерн отдал приказ: “При занятии Урги всех коммунистов и евреев уничтожать на месте, имущество их забирать. Одну треть забранного сдавать в штаб, а две трети оставлять в свою пользу”.

Унгерновцы, заняв Ургу, первым делом учинили избиение евреев всех полов и возрастов. Сохранилась одна маленькая девочка, кажется, из семьи Задовских, которую русская няня прикрыла своим старым телом, не дав изрубить ее, и потребовала, чтобы ее вели к “старшему”. Когда ее привели в штаб в помещение банка, то она заявила, что девочку она удочеряет, и здесь же произведен был упрощенный обряд крещения.

Группа евреев укрылась в запретном монгольском районе. Они сидели смирно три-четыре дня, но не высидели долго и показались за оградой запретной зоны. Агенты подполковника Сипайлова неотлучно следили за ними и, как только они появились, схватили их и перерубили. Дольше других оставалась в живых красивая, молодая еврейка Шейнеман, согласившаяся быть наложницей Сипайлова, но эта большая жертва не спасла ее. Через неделю она была задушена самим Сипайловым.

Первые три дня в Урге унгерновцами творились великие и скорбные беззакония.

Генерал Унгерн в первый же день занятия Урги часа в 4 дня обедал у барона Витте, на котором присутствовала семья барона Фитингофа и барон Тизенгаузен с женой. Этот обед в шутку назвали “обед четырех баронских семей”.

В первый же день изрублен был наборщик Кучеренко и Цветков, бывший комиссаром на Германском фронте. Протоиерей Федор Парняков арестован и заключен в подвал при Комендантском управлении в здании банка. 6 или 7 февраля, после долгих допросов, с протоиерея Парнякова сняли наперсный крест и изрубили шашками. Умер Парняков, как говорили очевидцы, мужественно. Наперсный крест передал мне Жданов.

За 4 и 5 февраля пронесся первый шквал унгерновских репрессий в Урге. Мирные жители стали вылезать из своих нор. Проходя через Захадыр (торговая часть), видим повешенного человека на перекладине китайского магазина (при входе), одетого в тарлык с погонами. Это один из многих — повешенный за мародерство. Вешали, рубили и расстреливали не только мародеров, но и лиц, сеявших панику. За панические слухи был расстрелян неизвестный мне подполковник Дроздов.

Какое количество людей попало в унгерновскую мясорубку в первые дни занятия Урги, сказать затруднительно, но не свыше 100 душ.

Уже 5 февраля на стенах домов и заборах на Захадыре были расклеены объявления генерала Унгерна, призывающего поступать на службу в Азиатскую конную дивизию. Было ясно, что пока просит “честно”, а потом погонит ташуром. Нужно было являться на призыв, хотя и не лежало сердце к семеновцам, деятельность коих мне была хорошо известна по 1918 году, когда я нес обязанности начальника снабжения всех белых формирований в полосе отчуждения КВЖД (Дальневосточный комитет защиты Родины и Учредительного собрания, председатель — консул Панов).

Регистрация добровольцев шла 5–6 марта в доме “Монголор” — Консульском поселке и Маймачене. Утром 7 февраля я поехал в Маймачен. В штабе генерала Унгерна не застал, а представился генералу Резухину, который принял меня любезно и предложил занять при нем должность начальника его штаба.

В тот же день Унгерну представлялись генерал Янов — старик, участник Памирских походов 1906–1907 гг., генерал Комаровский — инвалид, генерал Никитин и многие другие. Всех троих генералов барон Унгерн освободил от службы и предоставил им свободу передвижения. Генералу Комаровскому, как сослуживцу по Забайкальскому войску и полному инвалиду, Унгерн выдал солдатское денежное пособие и дзару на уртонских коней до Хайлара. Генерал Никитин тоже, кажется, получил некоторую “мзду” и уехал в Маньчжурию. Генерал Янов остался в Урге, так как страдал аппендицитом. Доктор Клингенберг сделал запоздалую операцию и генерал Янов умер, не приходя в сознание после операции.

8 или 9 февраля была объявлена мобилизация всего русского мужского населения, способного носить оружие. На площади Урги собралось человек двести народу. Сам генерал Унгерн обходил явившихся, расспрашивал. Многосемейных освободил. Всех ему понравившихся он зачислял в дивизию, или в другие части войск, или в хозяйственные учреждения. Несколько человек без всяких причин освободил от несения службы. Все освобожденные из тюрьмы 4 февраля, способные носить оружие, сами сразу же пошли на службу в части войск. Большинство из них пошло во 2–й Конный полк, так как есаул Хоботов их освободил.

Не ожидая мобилизации, большинство служащих Центросоюза, в числе 22 человек, спасаясь от репрессий против центросоюзников и ища спокойной тыловой службы, явились к подполковнику Сипайлову, прося его зачислить к нему на службу. В их числе были поручики Панков и Жданов, заслужившие плохую славу, хотя по — существу они были глубоко мирные

люди.

Часть офицеров и казаков уже после регистрации и явки в полки бежали из Урги. В числе бежавших был мой бывший полковой адъютант поручик А. И. Орлов — в прошлом преподаватель Читинской гимназии, и сотник Забайкальского казачьего войска Патрин. Бежали они ночью, верхами направляясь в горы Хэнтэй, где их изловить было трудно. Впоследствии доходили слухи, что Орлов и Патрин благополучно добрались до Читы. Причины бегства — крайняя враждебность к семеновцам. Они оба в 1919 г. уехали от атамана Семенова на фронт к адмиралу Колчаку. Решение их бежать для сохранения жизни было, пожалуй, правильным, так как рано или поздно Сипайлов или Безродный узнали бы их прошлое, и генерал Унгерн едва ли пощадил бы их.

9 февраля те китайские купцы, кои не бежали из Урги, открыли магазины и лавки. Имущество их оставалось в целости.

Генерал Унгерн поселился в самой Урге, в брошенной китайцами импани. Во дворе были поставлены три больших юрты. Одну занял сам Унгерн, в другой поместилось человек 5–6 лам — прорицателей, и третья юрта предназначена была для штаба генерала Унгерна. Конвой разместился в фанзах.

В здании Монголо-китайского банка разместилось Комендантское управление подполковника Сипайлова. Помещение китайского ямыня заняло интендантство. В Урге же разместилась артиллерия, вновь сформированное юнкерское училище, швейная, оружейная мастерская во главе с подполковником Дубовиком и другие подсобные учреждения. Штаб генерала Резухина остался в Маймачене. В Консульском поселке в доме Парыгина разместился госпиталь. 1–й Татарский полк расквартирован был в Маймачене. 2–й Конный полк, по смене его с Иро 3–м Конным полком, вновь сформированным, расквартирован был частью в Маймачене, частью в китайских казармах. Вновь формируемый 4–й Конный полк войскового старшины Маркова располагался в китайских казармах.

Между штабами генералов Унгерна и Резухина установлено было разграничение работ: первый ведал всеми политическо-административно-хозяйственными делами, а второй — оперативными, формированием и снабжением войск и дальней разведкой.

Получив назначение на должность начальника штаба генерала Резухина, я спешно устроил семью в Консульском поселке (дом начальника конвоя), и приступил к работе. Большая фанза внутри импани. Одну половину занимал Резухин, другую штаб, где я застал за какими-то подсчетами капитана Россианова

и сотника Бочкарева. Оба дружески встретили меня.

Генерал Резухин ясно и просто объяснил мне мой круг работы, подчеркнув, что главное внимание мое должно быть сосредоточено на руководстве работой 2–го Конного полка полковника Хоботова, который несет сторожевое охранение на севере — против китайцев в Маймачене Кяхтинском и против большевиков. Вторая задача — следить за выполнением приказаний генерала Унгерна по сформированию и снабжению вновь формируемых частей войск. В его отсутствие его именем делать срочные распоряжения. При всех обстоятельствах возможно меньше писать и не разводить “канцелярщины”, которой не терпит Унгерн.

Со своей стороны, Россианов и Бочкарев заверили меня в полной их готовности помочь мне в работе, и должен отметить, что оба офицера оказали мне немалые услуги в смысле ориентировки в обстановке Азиатской конной дивизии и часто выручали меня советами.

Пришлось всему уйти в работу штаба, проводя в нем с 8 часов утра до 9–10 часов ночи, налаживая работу 3–го полка: направление дальней разведки, более рациональное размещение основных застав сторожевого охранения, снабжение и пополнение 3–го полка, который отправлен был для выполнения сложных и ответственных заданий в период формирования.

Командир полка, сотник Янков, из чиновников, был дельный офицер, но неопытный в военном отношении и к тому безграмотный. Выручал его помощник подполковник Островский — кадровый офицер, окончивший ускоренный курс Академии Генерального штаба.

Была налажена прочная связь с 3–м полком. Сотни расположены были на главных направлениях. Дальняя разведка разъездами налажена. Сторожевое охранение перехватывало все пути с севера. Поступали регулярно срочные донесения. Через неделю работы каждое утро (в 9 часов) у генералов Унгерна и Резухина на письменных столах лежали срочные донесения с фронта обо всем, что произошло за сутки и вопросник, требующий их указаний.

Мне удалось получить от геодезиста Лисовского составленную им на кальке новую, еще не выпущенную карту Монголии, 10 км в дюйме, но весьма точную. Геодезист Лисовский по распоряжению Российского картографического отделения три года провел в Монголии на исправлении карты и та карта, которая была в моих руках — один их первых экземпляров.

Эту карту на кальке я размножил в 3 экземплярах для обоих

генералов и командира 3–го полка. По этим картам отмечались все известия с фронта, что устраняло всякие недоразумения в понимании и уточняло связь. Насколько помню, 12 февраля монголы донесли, что к Урге из Калгана по юго-западным путям подходит караван в 400 верблюдов, охраняемый китайскими солдатами. Генерал Резухин с 2 сотнями пошел навстречу каравану и встретил его в 20–25 км от Урги. К юго — западу от Богдо-улы произошел короткий бой с китайской охраной каравана. Часть охраны была перебита, часть разбежалась.

В клади каравана было много ценного. Самым ценным были 500 новых, японского образца, винтовок, 100000 патрон к ним и 20 лотков артиллерийских снарядов к трехдюймовым японским орудиям. Много было мануфактуры, консервов и прочего добра. Груз 400 верблюдов по стоимости трудно определить, но он выражался в сотнях тысяч серебряных лан.

В один из первых вечеров после захвата каравана (14 или 15 февраля), после ужина, сидя за кофе с ликером, генерал Резухин сказал мне: “Подумайте о мероприятиях закрепления русских в Монголии и свои соображения очень кратко изложите письменно”.

Через три дня представил доклад на двух страницах, суть коего в следующем.

1. Командование 5–й армии в Иркутске, придравшись по незначительному поводу к Монгольскому правительству, перейдет монгольскую границу. Азиатская конная дивизия не в силах будет задержать в десятках тысяч 5–ю советскую армию. На формирование монгольской армии в 100 000 всадников потребуется минимум год. Едва ли большевики оставят на такой длительный срок генерала Унгерна в покое.

2. Немедленно все пограничные пункты занять монгольскими частями с бурятскими инструкторами. Русские на границе не должны появляться.

3. Для “белого русского дела” необходимо, чтобы в Ургу вернулся генерал Чэнь И со всем административным аппаратом и договориться с монголами об автономном управлении под сюзеренным владением Китая. Китайские войска отправить в Китай, а для охраны Монголии сформировать монгольскую армию в 100000 всадников. Инструкторами в армии — чины Азиатской конной дивизии. В этом случае Правительство СССР не рискнет на осложнение с Китаем и оставит Монголию в покое, что даст возможность создать сильную монгольскую армию и, опираясь на нее, как монголы, так и генерал Унгерн могут решать крупные проблемы.

4. Высокий комиссар Чэнь И не может отказаться от

предложения сговора, так как сохранение Монголии для Китая — вопрос жизненный. Будут недовольны монголы, но они должны согласиться на временную меру, пока не будет сформирована армия и не наладится новая жизнь автономной Монголии, чтобы обороняться от китайцев и большевиков.

5. Если 5–я советская армия нарушит нейтралитет и перейдет границу Монголии, то монгольскую армию под командованием генерала Унгерна поддержит китайская армия, что является мечтой Белого движения.

Доклад мой имел успех. Меня рано подняли с постели и приказали с черновика генерала Резухина составить письмо Чэнь И в двух экземплярах. Суть письма: “Высокому комиссару в Монголии Чэнь И предлагается вернуться в Ургу и с Богдо-гэгэном заключить соглашение о полной автономии Монголии под сюзеренным владычеством Китая. Власть Китая над Монголией будет осуществляться советником при Богдо-гэгэне лично Чэнь И. Охрана границ и внутреннего порядка возлагается на монгольскую армию под командованием генерала Унгерна. Содержание армии на счет Монгольского правительства, все же снабжение оружием предоставляет Китайское правительство. Китайские войска без оружия должны быть отправлены в Китай. Внешнюю политику Монголии осуществляет Китайское правительство”.

Составление писем в трех экземплярах и перевод их на китайский язык занял сутки.

Встал вопрос, как письмо доставить Чэнь И. Я предлагал свои услуги ехать к Чэнь И для переговоров, но генерал Унгерн по каким-то причинам не согласился и приказал везти письмо двум ламам — одному по пути Урга — Иро — Кяхта, другому — Урга — Менза — Кяхта. Один посланец был мне известен — лама Бодо, который в ургинской русской консульской школе преподавал монгольский язык. Другого ламу я не знал, но он был близок ко двору Богдо-гэгэна. Оба ламы, получив письма, при мне бережно завернули их в кушаки, сели на коней и в сопровождении улачин из Маймачена уехали на север.

Я не знал о том, что лама Бодо играл большую роль в Монгольском правительстве в Алтан — Булаке. Вероятно, не знали об этом и оба генерала. Вообще, о существовании и работе революционного Монгольского правительства в Алтан — Булаке я ничего не знал в бытность в Монголии и ни от одного из генералов ничего о нем не слышал. Конечно, знай Унгерн о причастности ламы Бодо к такому правительству, он не назначил бы его посланником к Чэнь И. Последующие события показали, что Чэнь И письма Унгерна не получил, ибо как умный и

дальновидный политик он ухватился бы за всякую мысль сохранить для Китая Монголию-Халху, пойдя даже на большие уступки для монгол.

Об обоих ламах — посланцах не было ни слуху, ни духу. Только в эмиграции, разбираясь в обстановке Монголии того времени, мне стало ясным, что письма попали в руки Сухэ-Батора, возглавлявшего революционное Правительство Монголии в Алтан-Булаке, действовавшее по указке большевистских эмиссаров.

Меня удивляла в деле посылки письма Чэнь И безучастность обоих генералов к судьбе посланцев. Ни один из них ни разу не заикнулся о посланцах, словно трехдневной напряженной работы не было и столь существенных вопросов не поднималось. Напоминания мои о посылке на пограничные посты монгольских частей остались без ответа. Я понял, что на этот вопрос Унгерн, а за ним и Резухин изменили мнение.

Первого или второго марта Резухин, возвращаясь от Унгерна, заявил мне: “Мне жаль, Михаил Георгиевич, расставаться с Вами, но генерал Унгерн назначил Вас начальником штаба Азиатской конной дивизии и Вы должны завтра утром начать работать в его личном штабе. За Ваш полезный труд в моем штабе примите мою искреннюю благодарность”.

Мне было жаль оставлять штаб генерала Резухина, так как за его спиной жилось и работалось спокойно на общее благо Белого дела. Знал, что меня ожидает в штабе генерала Унгерна, но избежать или уклониться от назначения не было средств и, положившись на милость в моей жизни Провидения, явился, кажется, 3 марта к генералу Унгерну в его юрту. Принял он меня сухо и сказал: “Во дворе стоит юрта штаба. В нее никто из посторонних без дела не должен входить. Не разводите канцелярщины. В мое отсутствие будьте всегда в своей юрте. Вас касаются только военно — операционные дела. В мое отсутствие из Урги обо всех военно — операционных вопросах совещайтесь с генералом Резухиным. Мне докладывайте только о важном. Мелочами не отнимайте у меня время…”

Вошел в пустую юрту штаба, где кроме маленького китайского на низеньких ножках столика ровно ничего не было. Ничто здесь не напоминало работающего штаба. В распоряжении начальника штаба не было ни одного человека. В юрте следил за печкой, чтобы она не потухла, один из конвойцев, по любезному распоряжению поручика Веселовского — личного адъютанта генерала Унгерна.

Пригласил поручика Веселовского и просил его и всех лиц направлять мне бумаги, касающиеся мобилизационных и

оперативных вопросов, а я уже буду докладывать генералу Унгерну. Это Веселовский добросовестно и выполнял. На меня этот офицер произвел хорошее впечатление и думаю, что Оссендовский и Макеев неверно судили о нем в своих воспоминаниях.

Я просил генерала Резухина передать в мое ведение неоконченные дела мои в его штабе по снабжению отрядов полковника Казагранди и атамана Енисейского казачьего войска Казанцева, на что Резухин охотно согласился. Так сам создал себе какую-то полезную работу.

Заняло немного время и срочные распорядки по подготовке отряда в поход на Чойрын-Удэ.

За короткий период времени исполнения мною должности начальника штаба имел лишь один острый разговор с генералом Унгерном. За три дня до похода на Чойрын вечером прискакали два монгольских всадника (из состава какой-то маленькой монгольской части, не входившей в состав дивизии) и доложили, что к северо-востоку от Мандала — красная сотня.

Горный массив Хэнтэя в северо-восточном углу от Урги никем не охранялся. Меня он давно беспокоил, но генерал Резухин с обычной своей усмешкой на мои опасения говорил, что красные не такие дураки, чтобы зимой лазить по Хэнтэю. В его замечании была доля правды, но не исключалась возможность появления красного партизанского отряда с этой стороны, чтобы произвести переполох в Урге и нарушить мирное течение жизни.

Получив донесение и опросив по отдельности обоих монгольских всадников, у меня не оставалось сомнений, что какие-то части появились. Оставить невыясненным вопрос в срочном порядке нельзя было. Унгерн эту ночь ночевал, кажется, у “нечесаного ламы”, а Резухин был болен — осложнилась рана на руке.

В распоряжении штаба была формируемая сотня из бурят, которой еще не дали назначение. Командир сотни, хорунжий из бурят (фамилию не помню) — боевой, толковый офицер. Срочно вызвал его, дал подробные инструкции и приказал немедленно выступить, имея двух проводников — монгольских всадников, кои прибыли с донесением. Перед утром проводил сам лично полусотню в 55 всадников. Только с рассветом заснул в юрте штаба, не раздеваясь.

Проснулся от громкого разговора в юрте. Открываю глаза и вижу сердитого генерала Унгерна. “Куда и зачем, полковник, загнали бурятскую полусотню? Не знаете разве, что мне сейчас каждый всадник нужен?” Я обстоятельно доложил о посылке полусотни в Хэнтэй и подчеркнул, что северо-восток от Урги меня

давно беспокоил, но генерал Резухин не находил это направление опасным. Не уверен в том, что там появились большевики, возможно, что монголы посчитали за красных идущих белых с Руси, чтобы присоединиться к нему, генералу Унгерну и если это так, то формируемой сотне неплохо сделать пробег в 50–60 км для тренировки и боевой спайки. “Не много ли, полковник, философии?” Повернулся и вышел из палатки.

Вечером на другой день было получено донесение от командира полусотни, что он встретил русско — бурятскую группу в 62 всадника, идущих в Ургу на службу к генералу Унгерну и с ними вместе возвращается. Пошел доложить приятную новость Унгерну. Выслушав доклад, Унгерн сказал: “Хорошо, можете быть свободным…” Вот, пожалуй, один из характерных случаев отношения Унгерна к работе своего начштаба. Уходя в поход в Гоби, не давал никаких инструкций, и его слова были: “В походе в Гоби Вы мне не нужны. Во всех затруднительных случаях совещайтесь с генералом Резухиным”.

Я старался возможно меньше видеться и говорить с генералом Унгерном. Ежедневно вечером, на восьмушке листа в рапортичке кратко, четко писал о том, что сделано за сутки. Такой порядок нас обоих устраивал. Между других дел заняло у меня два дня производство дознания о действиях подполковника Лауренца, о чем речь будет в следующей главе.

Мое ранение в бою 17 марта вывело меня из строя больше, чем на два месяца. За это время совершилось много событий, но я в них не принимал участия, а был лишь сторонним наблюдателем. Офицеры, навещавшие меня, передавали, что делается в дивизии и Урге. Ни Унгерн, ни Резухин не нашли нужным навестить меня и поинтересоваться состоянием здоровья и моими нуждами. Со своей стороны, и я ни разу ни с чем не обращался к ним. Знаю, что выдавали очередное жалование, но мне его послать, очевидно, забыли, а я не напоминал. Жил на то, что собрал после ограбления меня китайцами. Жена зарабатывала искусной иглой, да любезностью интенданта Рериха, отпускавшего по моим требованиям мясо, муку и рис.

Работа штабная, боевая и ранение не вызвали ни порицания, ни одобрения со стороны генерала Унгерна. Такое безучастное отношение к личной жизни сотрудников не было только в отношении меня, а вытекало из сущности натуры Унгерна.

Жизнь в Урге

Указом Богдо-гэгэна были сформированы пять министерств: внутренних дел, военное, финансовое, юстиции и иностранных дел. Председателем Совета министров назначил популярного перерожденца Манджушри-ламу, военным министром — Сун-дуй-гуна.

Манджушри — лама в своей жизни далеко стоял от всяких гражданских, а тем более, военных дел. Не имел никакого административного опыта. Все министры по европейским понятиям были люди малокультурные и неопытные. В качестве советника к Манджушри — ламе был прикомандирован барон Витте — агроном по образованию, человек высокой культуры и порядочности во всех отношениях. На его плечи и легла вся организационная работа всех министерств, но он сам в большинстве вопросов не разбирался, и вышло, что хромой вел слепого. Органы монгольской власти во всем были послушны генералу Унгерну.

Первой и главной работой Монгольского правительства было добыть деньги, а их добыть было неоткуда. Вероятно, по совету барона Витте и с согласия генерала Унгерна к министерству финансов был прикомандирован в качестве советника финансист и большой администратор И. А. Лавров. Через месяц И. А. Лавров выпустил денежные знаки на сумму, если не изменяет память, 250000 “янчан” (рублей). Чтобы подкрепить “бумажки”, сделаны были шаги к началу разработок золотых приисков “Монголор” в отрогах Хэнтэя.

Брошенные китайцами хлебные поля по Орхону и Иро приказано было взять на учет. Дело это попало в умелые руки некоего Котельникова, который при благоприятной обстановке сумел бы использовать хлебные поля в лето 1921 г., но последующие события изменили все начинания правительства. Тем не менее, Котельников уберег от порчи водяные мельницы, собрал и сохранил зерно, наладил выпечку хлеба. Ему в помощь мною был назначен поручик Н. Н. Владимиров.

В Урге китайцами построена была мощная радиостанция на горе Мафуска. При уходе из Урги китайцы наспех попортили аппараты станции. В Урге нашлись русские радисты, которые сумели привести в порядок радиоприемник, но машины радиоуправления за неимением частей бездействовали. Радисты наладили прием мировых телеграмм, и они ежедневно размножались на литографском камне и поступали в части войск и в министерства без обработки. Ни Монгольское правительство, ни его советники, ни генерал Унгерн не понимали важности пропаганды.

Я пытался наладить дело пропаганды, будучи в штабе

генерала Резухина. В Урге при Русском императорском консульстве была прекрасно оборудованная с русскими и монгольскими шрифтами типография. Китайские солдаты за время хозяйничанья в Консульском поселке и при бегстве рассыпали кассы со шрифтами и попортили машины. Машины исправить удалось скоро, но на разборку сваленного в кучу 150–200 пуд. шрифта потребовалось долгое время. Назначил К. И. Лаврентьева заведующим типографией. Он усердно взялся за приведение ее в рабочее состояние, но с назначением в распоряжение атамана Казанцева сдал типографию Смолеву (член городской управы Троицкосавска), который так и не закончил приведение ее в рабочее состояние до сдачи Урги большевикам. Они, выписав специалистов из Верхнеудинска, уже через месяц после занятия Урги выпускали десятки тысяч пропагандистских листовок на монгольском языке. Большевики понимали силу пропаганды.

Имелся в Урге большой кожевенный завод, принадлежавший Русско — азиатской компании и, как еврейское предприятие, был конфискован и пущен в ход большим специалистом — стариком Гордеевым. Гордеев — в прошлом крупный кожевник — заводчик на Волге. Он быстро и продуктивно наладил работу завода, благо сырья было реквизировано у китайских купцов огромное количество. Пошивочные мастерские изготовляли из замши и шавро отличные куртки и галифе. Сапожные мастерские из юхтовой кожи шили сапоги. Когда Гордеева за маловажный проступок повесили, то завод принял ургинский абориген Попов.

Единое командование в Халхе

На всей территории Халхи к марту 1921 г. находились самостоятельные белые отряды. В Урге и на восток и юг от нее господствовала Азиатская конная дивизия. В районе Ван-хурэ и на север от него — полковник Казагранди. В районе Улясутая — Хубсугула — группа офицеров во главе с подполковником Михайловым. В районе Кобдо до границы России — есаул Кайгородов. Последние три группы в силу вещей и обстоятельств охотно подчинились большому и сильному в моральном и материальном смысле генералу Унгерну.

Полковник Казагранди по своему почину уже в феврале прислал офицера к генералу Унгерну с докладом и изъявлением подчинения и просил помочь его отряду посылкой оружия, патронов и зимнего обмундирования. Все просимое ему было послано. Посланы были ему полномочия на производство мобилизации и от Монгольского правительства — полномочия на реквизицию для военных надобностей.

В Улясутае шла большая склока среди отдельных начальников. Туда был послан атаман Енисейского казачьего войска Казанцев с большими полномочиями, а немного раньше него — капитан Безродный — чинить суд и расправу над офицерами в Улясутае. Атаман Казанцев увез с собою все вооружение и обмундирование на 300 человек. Район действий Казанцева указан был как Улясутай — Хубсугул — Урянхай. В конце апреля месяца или в мае была установлена связь с отрядом есаула Кайгородова. От него приезжал полковник Сокольницкий.

Таким образом, к маю месяцу все белые отряды, действующие в Монголии, подчинились единому командованию генерала Унгерна, имели твердую и прочную материальную и, пожалуй, моральную базу.

Разбросанные по Монголии белые отряды ежедневно получали пополнения, так как приток беженцев с Руси не приостанавливался. Даже скептики начинали верить, что через год Азиатская конная дивизия в 800 сабель вырастит в многотысячный корпус и армию, совместно с Казагранди и другими она будет грозной силой против большевиков.

Первосвященник и неограниченный глава Монголии Джэбцзундамба-хутухта-хан возносит молитвы в древнейшем храме. Ламы — прорицатели вычитали, что торжественное моление должно быть совершено в первый весенний месяц, ждали только возвращения из похода генерала Унгерна.

Русские в Урге торжественное моление назвали “коронацией”. Никакой коронации, в нашем европейском понятии, не могло быть, так как Богдо-гэгэн в своем 31–м перерождении находился в высшей степени божества, а, следовательно, выше всех земных царей. Назначенные торжества имели другой смысл — показать всему монголо-ламаистскому миру начало новой счастливой эры в Халхе.

За несколько дней до торжеств в Ургу стали стекаться со всей Монголии князья всех рангов, гэгэны монастырей и ламы. Становища князей на берегах Толы близ Урги представляли красочную картину, которая достойна кисти талантливого художника.

Части Азиатской конной дивизии, расквартированные в Ургинском районе, в новом цветистом обмундировании, при оружии, в пешем строю выстроились по пути следования Богдо-гэгэна от его дворца за Толой до монастыря, имея на правом фланге оркестр музыки. Частям войск пришлось ожидать проезда Богдо-гэгэна долго, ламы вычитали, что Богдо-гэгэн должен выехать из дворца не в 6 часов утра, как предполагалось раньше, а лишь в 9 часов утра. Офицеры разбрелись по ближайшим русских домам, а всадники грелись около костров. В 8 часов 45 минут строй зашевелился. Слышны были команды. Многочисленная толпа монгол стояла позади шпалер войск. Ровно в 9 часов утра шествие открыл хор трубачей человек в тридцать. Они сидели на белых конях. Пронзительные звуки огласили окрестности. Они разгоняли злых духов с пути Хутухты-хана. За трубачами по четыре в ряд шло несколько сот лам, бормоча молитвы.

Показалась огромная, грубо сколоченная треугольная колесница, везомая 12 парами белых коней, коих вели под уздцы придворные конюхи. В центре колесницы был укреплен шест метров 6–8 высотой и на вершине его прикреплен монгольский национальный флаг огромных размеров, сшитый из шелковых материй.

Следом за колесницей с флагом в белой золоченой карете (московской работы), запряженной 6 парами белых коней, с седоками в седлах ехал сам первосвященник и неограниченный повелитель. На нем были красивые и богатые одежды желто — оранжевого цвета, украшенные драгоценными каменьями. Сидел он неподвижно и напоминал статую Будды.

Карету Богдо-гэгэна окружали верховые князья на прекрасных конях. Одежды их, седла, шапки с павлиньими перьями — все это было в дорогих оправах драгоценных каменей, жемчуга, золота и серебра. Группа князей человек в семьдесят, благодаря

горячности коней представляла волнующую и переливающуюся волну вокруг кареты Богдо-хана. Весь кортеж в целом, несомненно, был интересным, своеобразным и незабываемым, но, к сожалению, не был заснят на кинопленку за неимением киноаппарата.

Когда карета Богдо-гэгэна въехала во двор монастыря, то генералы Унгерн и Резухин последовали во двор монастыря, отдав распоряжение: “Греться”. Примерно через час из монастыря вышел генерал Резухин и присоединился к офицерам. Генерал Унгерн выехал из монастыря на новом белом коне, в ярко — желтом меховом тарлыке, в собольей монгольской шапке, увенчанной кроваво-красным шариком — знак княжеского достоинства высшей степени. С этого дня до смерти Унгерн не расставался с тарлыком. Грамоту на княжеское достоинство получил и Резухин. Кортеж Богдо-гэгэна обратно проследовал в том же порядке.

Войсковые части вернулись к себе на квартиры около часу дня. Вечером того же дня по полкам был разослан приказ, в коем перечислялись награды офицерам, пожалованные Богдо-гэгэном за их труды на пользу Монголии — Халхи. Офицеры возводились в разные степени чиновников Монголии, дающие большие преимущества получившим награду, если они останутся жить в Монголии.

Княжеский титул какой-то степени получил бурят, бывший старший пастух скота и табунов Жамболон, который стал именоваться Жамболон-ван. Правда, нужно сказать, что он был умный, а больше хитрый азиат, сумевший заслужить доверие генерала Унгерна и Богдо-гэгэна, заняв при его дворе прочное положение, играя в монгольских делах того времени немалую роль. Ожидали выпуск Богдо-гэгэном декларации ко всему миру, но таковой не было обнародовано. Выяснилось, что Монголия в своем внутреннем укладе жизни вернулась к старым хошунным управлениям и ничего нового и прогрессивного внесено не было.

Попутно надлежит отметить, что за взятие Урги генералом Унгерном были произведены: есаулы Парыгин и Хоботов — прямо в полковники, есаулы Архипов.

Марков, Евфаритский, Дмитриев и другие — в подполковники или войсковые старшины. Большинство обер — офицеров получили следующий чин. Многих всадников повысили в высшие звания и выдали денежные награды. К чести новых штаб-офицеров дивизии надлежит отметить, что, хотя большинство их по своему образовательно- воспитательному уровню были несовершенными штаб-офицерами в общепринятом понимании, они были храбрыми и дельными офицерами.

Дела Улясутайские

Высшую власть Китая в Улясутайском районе в начале 1921 г. возглавляли комиссар Ван Сяоцун и помощник Фу Сяньтай. Законный владелец Сайннойонханского аймака князь Голтун, на территории которого стоял Улясутай, китайскими властями был устранен от дел. Китайский гарнизон в Улясутае состоял из двух рот человек в 250–300.

Город Улясутай лежит на юг от Иркутска в 300–400 километрах и связан с ним телеграфной линией.

Улясутайский район и весь Сайннойонханский аймак издревле считался мясной и сырьевой базой для Иркутской губернии и Якутской области. По аймаку было разбросано много русских факторий: братьев Кронкевич, Игнатьева, Бурдукова, Швецовых, Ериных и других. Много иностранных фирм, главным образом, американских, имели свои торговые представительства в Улясутае. Русский консул Вальтер оставался в Урге до ноября 1920 г.

К февралю месяцу 1921 г. в Улясутай съехалось до 70 человек белых офицеров и солдат. Старшим по чину и службе оказался полковник Михайлов, но кроме него было еще 5–6 штаб-офицеров, претендовавшие на старшинство. Они разбились на группы, враждовавшие между собой. Каждый “полковник” добивался власти.

В Улясутае в середине февраля не знали точно, что произошло в Урге. События в Кобдо 21 февраля, где китайский гарнизон учинил резню и разгром русского населения, заставил улясутайцев позаботиться о спасении своих шкур.

Китайское командование раздало оружие, хранившееся на складах, китайским кули (чернорабочим) китайских фирм, чем увеличило силы китайского гарнизона до 400 бойцов. Поведение китайцев было вызывающим. “Полковники” оставили на время свои распри и подчинились Михайлову. Все русское население Улясутая вооружилось, чем только было возможно. Иностранная колония во главе с г-ном Блонским (управляющим фирмой Андерс и Майер) также вооружалась и свои действия и мероприятия согласовывала с русскими.

Сайт Чултун-бэйсэ, лучше всех осведомленный о событиях в Урге, вступил в переговоры с комиссаром Ван Сяоцуном, предложив ему и всем китайцам удалиться из Улясутая в Китай, взяв свое все движимое имущество, и гарантировал китайцам

спокойный и безопасный уход из Монголии.

Возможно, что переговоры скоро и благоприятно для обеих сторон закончились бы, но в дело вмешались, с одной стороны, большевистские эмиссары при посредстве колониста Бурдукова, а с другой, некий проф. (?) Оссендовский, считавший себя польским гражданином, но почему-то вмешавшийся в русские дела. Переговоры сайта и комиссара затянулись до 11 марта. Суть договора: 1) комиссар Китая Ван Сяоцун всю полноту власти в Сайннойонханском аймаке передает сайту Чултун-бэйсэ; 2) китайский гарнизон с оружием, купцы со всем своим движимым имуществом уходят из Улясутая в Китай; 3) сайт гарантирует полную безопасность жизни и имущества уходившим. Под соглашением подписались представители иностранной колонии в лице г-на Блонского и русский полковник Михайлов.

Китайцы выступили из Улясутая 16 марта в сопровождении монгольского чиновника. В день выступления китайцев из Улясутая полковник Михайлов получил предписание от полковника Доможирова не выпускать китайцев из Улясутая, разоружив их.

Сайт не допустил исполнения приказа полковника Доможирова, а полковник Михайлов, сам подписавший соглашение, не настаивал на отмене соглашения и дал возможность уйти китайцам из Улясутая, донеся Доможирову о невозможности выполнить его приказ. Полковник Доможиров в экстренной эстафете, угрожая карами, предписал догнать китайцев и разоружить.

Не исполнить такого грозного приказа Михайлов не мог. Он послал вдогонку китайцам отряд в 200 всадников под командой поручика Стригина. Китайцы были догнаны километрах в 60–70 на юго-западе от Улясутая, и Стригин учинил разгром каравана. Часть китайцев бежала, часть была перебита и малая часть возвращена в Улясутай. Награбленные у китайцев ценности в незначительном количестве были сданы сайту, а большая часть разошлась по карманам отряда. Некоторая доля попала в руки супругов Михайловых, послужив главной причиной их смерти. Сайт и монголы были возмущены поступком русских, но были бессильны.

Полковник Михайлов, покончив дела китайские, взялся за улясутайских большевиков. Арестованы были Салтыков, Фрейман, Новак и причастные к убийству семьи колониста Боброва в Хытхыле-Канин и Пузиков. Сам Пузиков был расстрелян поручиком Ивановским в самом Хытхыле. Собранный полевой суд постановил Канина и Пузикова повесить, и приговор был приведен в исполнение. Салтыков бежал, вероятно, при

содействии Бурдукова. Комиссаров Новака и Фреймана отправили в Ургу на суд генерала Унгерна, но дорогой они были убиты за попытку бежать.

Наладившуюся жизнь в Улясутае нарушила вновь прибывшая группа офицеров во главе с полковником Полетико. Он предъявил какие-то документы “от Центрального российского комитета по борьбе с большевиками” и на основании своих полномочий потребовал сдачи ему власти в Улясутае. Ругал Семенова, Унгерна, и поведение его было крайне вызывающим. Полковник Михайлов домогательства Полетико отклонил и наступила новая, недолгая распря.

24 марта в Улясутай прибыл полковник Доможиров в сопровождении А. И. Заплавного и тоже потребовал от полковника Михайлова сдачи власти, но последний, опираясь на сайта, отказался выполнить приказ. Доможиров без надобности надолго задержался в Улясутае, как и вообще по пути следования из Урги в Джунгарию, куда он был отправлен генералом Унгерном для связи с генералом Бакичем.

Полковник Доможиров — оренбургский казак, командовал полком. Отличный рубака и человек, но страдал пристрастием к крепким спиртным напиткам и под винными парами был неблагоразумным. Когда он уезжал из Урги, его предупреждали по — приятельски воздержаться от “выпивки”, наказывали А. И. Заплавному следить за ним, но, очутившись на свободе и без узды, он зачертил и пил на каждой большой остановке, забыв про возложенную на него большую миссию — вывести с р. Эмиль русские части. С приездом в Улясутай полковник Доможиров не умиротворил распри, а лишь их усугубил.

10 апреля в Улясутай прибыл атаман Енисейского казачьего войска Казанцев с членом правления К. И. Лаврентьевым и группой офицеров. Собрал большой сход, на который прибыли офицеры, солдаты и жители Улясутая. Атаман Казанцев предъявил свои полномочия от генерала Унгерна и Богдо-гэгэна и потребовал полного себе подчинения. Никто не посмел возражать против несомненных полномочий атамана.

Казанцев приказал: полковнику Михайлову с женой, полковнику Полетико, поручикам братьям Игнатьевым, статскому советнику Рыбакову, капитану Зубову, профессору Оссендовскому и другим, всего 15 человек, немедленно выехать из Улясутая в Ургу, что ими и было исполнено. В Улясутайском районе наступило мирное и сносное житье под начальством атамана Казанцева, временно нарушенное прибытием капитана Безродного, но Казанцев его скоро спровадил из Улясутая, пригрозив ему “веревкой”.

По возвращении Унгерна из похода в Чойрын-Удэ, заведующий контрразведкой капитан Безродный доложил ему о делах, творящихся в Улясутае и других западных пунктах Халхи, где невозбранно работают большевистские агенты. Унгерн приказал Безродному с сотней Ванданова идти на запад и навести там порядок, не останавливаясь в выборе средств, а с улясутайцами поступить особенно строго. Полковник Доможиров рапортовал из Улясутая в штаб генерала Унгерна о делах улясутайских очень нелестно. По его мнению, полковник Михайлов и многие другие чуть ли не большевики.

Безродный встретил партию Михайлова где-то недалеко от Дзаин-шаби. Был произведен у всех повальный обыск. У Михайлова в вещах нашли китайские ценности, у Полетико — какие-то бумаги за подписью большевистских комиссаров. Словом, у большинства нашли какие-нибудь зацепки, кои дали основания Безродному одиннадцать человек расстрелять. Остались живыми профессор Оссендовский и два брата Филипповых. Оссендовский бросился в Ван-хурэ под защиту полковника Казагранди, один Филиппов остался на службе у Казагранди, а старший Филиппов — мой бывший офицер — приехал ко мне в Ургу.

Те, кто были расстреляны, в той или иной мере чем-то были виноваты — один перед Богом, другие перед местными власть предержащими, третий против “добрых знакомых”, но, конечно, высшей меры наказания они не заслуживали; а за таким, как полковник Михайлов, были и немалые заслуги.

По прибытии в Улясутай Безродный передал Доможирову приказ Унгерна немедленно вернуться на уртонских в Ургу, что тот немедленно и исполнил, следуя под конвоем. По слухам, капитан Безродный был уполномочен “вывести в расход” сайта Чултун-бэйсэ. Он пригласил его на пирушку и, когда сайт опьянел, то был задушен как лицо, не одобрявшее действий генерала Унгерна. Словом, после пирушки у Безродного сайт исчез навсегда.

Полковник Доможиров под конвоем прибыл в Ургу. В добрую минуту явился к Унгерну, чистосердечно покаялся в пьянстве, был прощен и вновь командирован с той же миссией на запад в Кобдо и Джунгарию, но его следа я больше ни в Монголии, ни в эмиграции не видал. Как будто бы он остался жив.

Во всех улясутайских делах была непонятна роль профессора (?) Оссендовского. Во — первых, профессором он не был, а был молодым приват — доцентом Томского университета. Раз он принял польское подданство, то почему принимал такое деятельное участие в русской склоке в Улясутае, Хытхыле,

задержался у Казагранди в Ван-хурэ, искал милости генерала Унгерна и прочее, и прочее — когда он имел полную возможность еще до взятия Урги, пользуясь покровительством китайских законов, как иностранец, беспрепятственно проехать через всю Монголию в Китай, а оттуда в Америку или Польшу, не подвергая себя риску и лишениям? Так бы поступил всякий солидный человек с профессорскими мозгами, но не так поступил Оссендовский. Очевидно, в нем сидел большой бес авантюриста.

Капитан Безродный с Вандановым ходил по Западной Монголии больше двух месяцев, ища крамолу и большевиков. Вернулся в дивизию в мае месяце, когда дивизия стояла на Селенге, имея в своей папке много обличительных материалов против офицеров, мобилизованных в Халхе.

Ургинские страшные ночи

Все страшные и темные дела в Урге творились в Комендантском управлении, где царил подполковник Сипайлов с помощником капитаном Безродным.

Связующим постоянным звеном между генералом Унгерном и подполковником Сипайловым был прапорщик Бурдуковский. Личные адъютанты Унгерна — есаул Макеев и поручик Веселовский — выполняли экзекуции экстренного порядка, по указанию самого Унгерна. В Маймачене-Ургинском было отделение комендантской команды, где суд и расправу чинил прапорщик Степаненко. Контрразведкой ведал поручик Н. Князев под контролем капитана Безродного.

Подполковник Сипайлов в Азиатской конной дивизии был новым человеком — ставленник атамана Семенова. Говорят, что до 1917 г. он состоял на службе в почтово — телеграфном ведомстве. Подполковником он стал волей Семенова. Маленького роста, худой, подвижный, со злыми, постоянно бегающими глазами. Жестокосердный, с уклоном садиста. Крайне падок на женщин. Свою жестокость в отношении большевиков оправдывал тем, что будто они убили его отца.

Капитан Безродный — коренной унгерновец и прошел большую школу экзекуций под начальством подполковника Лауренца на ст. Даурия. По натуре жестокий человек и трус. Был предан “дедушке” и пользовался его доверием.

Есаул Макеев и поручик Веселовский — обыкновенные, среднего уровня офицеры военного времени, волей обстоятельств попали на роль палачей. Оба имели доброе сердце, были готовы

для товарищей сделать доброе дело. Макеев, кроме того, был впечатлительный, нервный и неуравновешенный, но храбрый офицер.

Ядро Комендантской команды составили добровольцы Ургинской конторы Центросоюза в числе 14–16 человек во главе с поручиками Ждановым, Панковым и Новиковым. В Комендантской команде насчитывалось до 100 человек. Большинство Комендантской команды состояло из нормальных, среднего уровня людей, по натуре своей не склонных к жестокостям. Как только эти люди перешли вновь на мирное положение беженцев, они ничем не отличались от общего уровня нормальных людей. Тогда как в Урге под руководством подполковника Сипайлова они уподобились первосортным чекистам ГПУ, потеряв душу и человеческий образ, и творили — “страха ради иудейска” — страшные дела.

По прочтении воспоминаний К. И. Лаврентьева и других, складывалось впечатление, что главным виновником ургинских эксцессов являлся подполковник Сипайлов. Конечно, такое заключение неверное: Сипайлов был лишь усердный стрелочник и подсказчик у начальника станции — Унгерна. Ничего не делалось в дивизии без его ведома и одобрения и те, кто поступал даже по неведению иначе, жестоко наказывались. Генерал Унгерн имел свои взгляды на способы борьбы с большевиками и со всеми теми, кто не подходил ему. Эти способы борьбы на ст. Даурия, осуществляемые через подполковника Лауренца, понятны всем, кто проезжал через Даурию в 1918–1920 годах.

В Монголии генерал Унгерн, став неограниченным властелином, свои даурские методы лишь сделал законом. Нужно отметить одно важное обстоятельство: у большинства беженцев с Руси в период времени 1918–1921 гг. имелись документы, подписанные ответственными большевистскими комиссарами. Только благодаря столь солидной подписи владельцы документа могли достигнуть границ Монголии. Примером служит моя жена, которая выехала из Иркутска в Троицкосавск, имея документ за подписью главного политического комиссара 5–й армии. По документу она командировалась в Троицкосавск, как особо важная сотрудница ГПУ. Жена такой важности документ порвала немедленно, перейдя границу Монголии, но было много людей, которые по легкомыслию этого не сделали. Найди в моем доме такой документ Сипайлов или Безродный или даже знай о том, к каким мерам прибегала моя жена, чтобы вырваться из большевистского рая — наверное, я не писал бы свои воспоминания.

Многие русские беженцы в Монголии, кои не уничтожили

комиссарских документов или были невыдержанны на язык о способах выезда с Руси при содействии большевистских комиссаров — поплатились жизнью. О числе смертных эксцессов в Урге никто точно не знает, даже Сипайлов, так как некоторые совершены были помимо него, по непосредственному распоряжению Унгерна.

Есаул Макеев в своих воспоминаниях дал далеко неполный список. Мне известны следующие случаи.

Зарублен протоиерей Федор Парняков. Его я хорошо знал как церковный староста. Как он сам, так и его сыновья уже в 1905–1906 гг. были причастны к террористической группе революционеров. Один из сыновей Федора Парнякова в 1906 г. был повешен в иркутской тюрьме. Отец не снял с себя сан священника после этого случая, а предпочел уйти в Монголию, в Ургу, заняв хлебную и спокойную должность настоятеля консульской церкви. Как священник, Федор Парняков был нетерпим: пьяница, похабник, несомненный атеист. Он с первого дня революции 1917 года вошел в контакт с большевиками и работал для них, по старости, лености и пьянству не был активным, а лишь подбадривал и наставлял таких, как Кучеренко, Чайванов и другие. С первого же дня своих обязанностей церковного старосты я искал священника на замену, но не находил и терпел Ф. Парнякова. Остается загадкой, почему Ф. Парняков не уехал из Урги, когда бежали китайцы, Чайванов и другие. Объяснение остается одно: что он рассчитывал, что его священнический сан спасет от смерти, а своим пребыванием в Урге будет полезен большевикам. Его арестовали в первый же день занятия Урги. Два или три дня сидел в подвале Комендантской команды. Был допрашиваем с пристрастием, но никого не выдал. Изрубили его шашками. Смерть принял храбро. Его нагрудный крест мне передал, кажется, поручик Панков. Смерть Парнякова ни у кого из ургинцев не вызвала сожаления, так как много принес зла и смертей русских беженцев.

Купец Носков считался одним из старейших резидентов Монголии и, пожалуй, одним из богатейших купцов. Монголы его ненавидели за обманные способы торговли и считали хуже китайских купцов. Не любили его и русские, но его капиталы и влияние на монгольском сырьевом рынке принуждали с почтением относиться к нему. Его арестовали по настоянию монгол. Посадили в яму, и монголы стерегли его. Есть давали ржавую сельдь и не давали воды. Подполковник Сипайлов допытывался, где спрятаны у него деньги, но, несмотря на танталовы муки, он не сказал, где деньги. Его заморили. Склады товаров реквизировали. Денег не нашли. Они составляют клад,

который когда-нибудь и кем-нибудь будет найден. Полагают, что клад содержит серебро в ланах и, несомненно, есть бумажные “янчаны” на крупную сумму, которые истлеют от времени и превратятся в труху.

Повешен врач тибетской медицины Цыбыктаров. Врач был знаменитый на всю Монголию своим удачным врачеванием. Он резко отличался от монгол своей культурностью. Жил как европеец. Ничто не указывало, что он просоветский. Смерть его была, скорее всего, сведением личных счетов кого-то из крупных лам, а может быть и желание реквизировать его богатства, так как все считали Цыбыктарова очень богатым человеком[58].

Кореец — зубной врач Ли — был обвинен в причастности к большевикам. Какие к тому основания — не знаю. Насколько помню, он не принимал активного участия в работе ургинской большевистской ячейки. Возможно, что он с ними жил в дружбе и только. Ли считался богатым человеком, и не это ли послужило основанием его смерти? Ночью квартиру Ли окружили. В дом вошли Сипайлов, Макеев и еще шесть человек из Комендантской команды. Начался тщательный обыск. Денег не нашли. Открыв один из шкафов, извлекли большую коробку и когда ее открыли, то в ней лежала мумия умершей маленькой дочки врача Ли. Отец на коленях умолял Сипайлова не осквернять праха его дочери, но Сипайлов выбросил мумию. Доктор Ли был задушен. Задушили и двух боев — китайцев. Трупы вывезли за Ургу и зарыли. Распустили слух по Урге, что врач Ли сбежал из Урги, но такому слуху, конечно, никто не поверил. Все происшедшее в квартире Ли сильно подействовало на Макеева и он стал “психовать”. Его поместили в госпиталь.

Гордеев заведовал кожевенным заводом. Благонравный, дельный старик, принесший большую пользу дивизии тем, что за несколько дней пустил в ход кожевенный завод и наладил работу. Обвинили его в том, что он украл какие-то 2500 долл. и какое-то количество сахару у китайских купцов. Его повесили около завода.

Подполковник Яхонтов прибыл в Ургу с запада, перейдя границу Монголии где-то в районе Хубсугула. В прошлом студент, окончивший ускоренный курс Иркутского военного училища в 1915 г., числился у меня в партии старшим на практических занятиях по топографии. Узнав, что я в Урге и лежу раненым, он пришел меня проведать. Стали вспоминать хорошее прошлое, и он рассказал все свои мытарства. Говорил о службе в полку и своих успехах на военно — боевой службе. Офицер ускоренного выпуска 1915 г., он к 1917 г. был подполковником, имел золотое оружие. Просидел у меня до поздней ночи и

пообещал, что завтра придет к обеду. Долго назавтра его ждали к обеду. Он не пришел. Вечером зашли офицеры и сообщили, что ночью подполковник Яхонтов удушен. В то время, когда Яхонтов сидел у меня, Сипайлов произвел тщательный осмотр вещей Яхонтова и нашел документ, подписанный каким-то большим советским комиссаром. Что было написано в бумаге — не знаю, но вероятно, нечто подобное, что было написано в удостоверении моей жены. Труп Яхонтова вывезли за город на съедение собакам.

Когда убивали евреев в Урге, то молоденькая жена Шейнемана, чтобы спасти свою жизнь, согласилась на сожительство с подполковником Сипайловым. Через неделю сам Сипайлов ее удушил. На смену еврейке Шейнеман появилась молодая, пригожая Дуся. Как и откуда он ее достал и принудил к сожительству — не знаю[59]. Сипайлов любил пображничать и угостить офицеров в отсутствие из Урги генерала Унгерна. Была очередная пирушка, на которой было человек 10 офицеров. Дуся любезно ухаживала за гостями, даря их улыбками и терпя щипки и похлопывания. Когда пили кофе с ликером, Сипайлов исчез. Минут через десять из его спальни раздались характерные сипайловские смешки и голос, призывающий “соратников” полюбоваться на “сюрприз”, специально для них приготовленный. Полупьяная компания гурьбой ввалилась в спальню и увидала на кровати Дусю задушенной. С многих сбежал хмель, и они поспешили оставить гостеприимный дом.

В один из первых дней, когда я изображал начальника штаба Азиатской конной дивизии, я был позван к Унгерну и от него получил короткий приказ: “В Маймачене на крыше фанзы генерала Резухина сидит подполковник Лауренц. Он обвиняется в ограблении монгол, в превышении власти, а главное в том, что хотел перетравить всех раненых и больных, находившихся в тыловом госпитале. Дознание произвести в двухдневный срок”. Еду в Маймачен. Вхожу в импань и вижу на крыше скорчившуюся большую фигуру со штаб-офицерскими погонами. Ясно было, что это и есть знаменитый Лауренц. Допрашивал Лауренца часа три. Обвиняемый на меня произвел впечатление очень толкового, обстоятельного, спокойно — уверенного в себе человека. На все вопросы отвечал коротко и ясно. Все обвинения легко опровергал ссылкой на свидетелей и директивы, данные ему лично генералом Унгерном. Самым убедительным доводом было, что при его аресте у него не нашли никаких ценностей. Все, что он ни делал, делал лишь в интересах генерала Унгерна. Фельдшер Логунов, пьяница и дурак, чтобы свалить на кого-нибудь свои проступки, не постесняется никакими средствами клеветы. За краткостью данного времени не мог опросить фельдшера

Логунова и других, находившихся за сотни километров от Урги.

Через два дня представил дознание листах на двадцати. Генерал Унгерн долго, молча мял бумагу в руках и изрек: “Что же, полковник, Вы думаете — я смогу прочесть все здесь написанное?” Я молчал. “Ваше заключение?” Как мог, коротко доложил, что окончательного заключения на дело, не допросив фельдшера Логунова, высказать не могу. Грабежа монгольского населения не усматриваю. Были обычные реквизиции для нужд Азиатской конной дивизии, а не в его, Лауренца, пользу. Денег и ценного имущества у Лауренца при аресте не нашли. Думал ли подполковник Лауренц бежать из дивизии — ничем не подтверждается, но я допускаю, что такая мысль у него была, иначе незачем ему было быть на путях в Хайлар, далеко от тыловых учреждений Азиатской конной дивизии.

Генерал Унгерн внимательно слушал доклад, теребя нервно усы. “Можете идти”… Через день я узнал от прапорщика Степаненко, что подполковник Лауренц расстрелян. Позднее поручик Веселовский мне передавал подслушанный им разговор между генералами Унгерном и Резухиным, суть коего сводилась к тому, что “Лауренц хорошо пожил, хватит с него”… Есаул Макеев в своих воспоминаниях картинно и откровенно описывает его трусливый расстрел Лауренца и свидетельствует, что умер Лауренц мужественно. Его последние слова: “Передайте барону, что я ему служил честно до конца дней своих”… заслуживают глубокого внимания. Доклад Макеева о приведении в исполнение приговора Унгерн выслушал, отвернувшись от него.

Расстрелянного Лауренца никто в дивизии не любил. Его боялись больше, чем “Макарку душегуба” — Сипайлова, так как он был умнее и обстоятельнее последнего. Расстрел подполковника Лауренца произвел на офицеров дивизии сильное впечатление. Всем стало ясно, что у генерала Унгерна нет офицеров, коими он дорожил бы и ценил заслуги, и что жизнь каждого из них для Унгерна — ничто. Какие же побудительные причины заставили Унгерна отдать приказ расстрелять своего верного многолетнего сотрудника? Ответ на этот вопрос мог бы дать только один Унгерн. Есть основание предполагать, что Лауренц хотел сбежать из Азиатской конной дивизии. Унгерну нежелательно было иметь на свободе свидетеля деяний семеновцев на ст. Даурия за время 1918–1920 гг.

Ургинская контора Центросоюза

У всех унгерновцев, когда они появились в пределах Монголии, сложился единый взгляд на Центросоюз — в нем засели большевики, но по мере приближения в Урге предвзятое мнение до некоторой степени менялось: они узнали, что в нем укрепилось много и белых. У генерала Унгерна имелся список служащих Центросоюза с отметкой, кто большевик. Список составил бывший служащий Центросоюза, который попал в ряды Азиатской конной дивизии, когда она стояла на Керулене. К его чести нужно отметить, что список с отметками им был составлен верно.

Во главе ургинской конторы Центросоюза, как раньше отмечалось, стоял И. А. Лавров — примечательный человек. Он происходил из дворян Новгородской губернии. Окончил Петроградский университет и поступил на службу в министерство финансов. За 14 лет службы выдвинулся на должность управляющего Иркутской казенной палаты, одной из наиболее ответственных в России. Молодой, энергичный, высококультурный управляющий казенной палаты сразу вошел в культурно — просветительную жизнь Иркутска, пользуясь уважением и признательностью за умение разрешать сложные и запутанные вопросы в местной культурной жизни города, примиряя непримиримое и успокаивая страсти людей. Всегда спокойный, доброжелательный, с находчивым живым умом, ясный и логичный оратор, стоя вне партий и личных интересов, И. А. Лавров был приемлемым и приятным для людей всех положений, взглядов и возрастов.

В мартовские дни 1917 г. — ликование свобод в Сибири, когда сама общественность выдвигала людей на всякие посты — люди Иркутской губернии на должность губернского комиссара выдвинули И. А. Лаврова, несмотря на то, что он был беспартийным, каковым оставался до самой смерти. Он умело вел корабль Иркутской губернии до декабря 1917 г. — до захвата города и губернии большевиками, когда пришлось бежать из Иркутска.

Прибыв в Харбин, И. А. Лавров немедленно принял самое деятельное участие в противобольшевистских организациях, группировавшихся поначалу около генерального консула Г. К. Попова, а потом вошел в группу сибирских областников на Дальнем Востоке и впоследствии возглавлял их. Как только на западе Сибири образовалось правительство адмирала А. В. Колчака и коренная группа сибирских областников во главе с П. В. Вологодским признала единую власть адмирала Колчака, то Лавров распустил группу дальневосточных сибирских областников, поддерживая тем самым единую национальную

власть по всей Азиатской России. Сам он ушел навсегда от политической работы и вернулся в Иркутск как мирный рядовой гражданин.

После второго иркутского переворота в 1919 г. Временное правительство ДВР пригласило И. А. Лаврова к работе, но он уклонился, а принял предложение Центросоюза возглавить в Монголии его контору, куда и отбыл. В новом деле, в новой обстановке Лавров проявил себя недюжинным коммерсантом, самых честных правил, и снискал любовь и уважение монгол и дал приют и работу сотне русских беженцев.

По приказу ли генерала Унгерна, или кого-либо другого, но 9 февраля И. А. Лавров был арестован. Мне об аресте Лаврова стало известно лишь вечером 9–го. Обратился с ходатайством к Резухину, прося его ходатайствовать перед Унгерном за Лаврова, и получил заверение, что не позже утра 10 февраля он будет иметь разговор с Унгерном относительно освобождения Лаврова, так как он сам знает, что арестованный не большевик.

Но последующий вечер изменил в корне обстановку. И. А. Лаврова держали под арестом не в Комендантском управлении, а в одном из домов, занятых под оружейные мастерские. Часов в 8–9 вечера пришли 6–7 казаков — забайкальцев и потребовали, чтобы И. А. Лавров шел с ними, они его доставят к “дедушке”. На дворе стояла ночь. Кое — где в домах светился огонь. Казаки вели Лаврова по главной улице Урги на запад. Поравнявшись с домом (кажется, здание Ургинского кооператива), где временно поселился генерал Унгерн, конвой, вместо того чтобы повернуть к дому, окружив арестованного крепким кольцом, повел его дальше в направлении к Гандану. Лавров понял, что его ведут для “вывода в расход”, категорически отказался идти дальше и потребовал, чтобы его вели к “дедушке”. Казаки не ожидали столь решительного сопротивления и, опасаясь шума против дома “дедушки”, ввели его во двор, занятый конвойцами. Лавров сам, не удерживаемый растерявшимися конвойцами, вошел в дом и направился в комнату, занимаемую генералом Унгерном. Запотевшие стекла пенсне не позволили рассмотреть Лаврову, кто находится в комнате, но он услышал грозный окрик: “Кто Вы и по какому поводу без доклада врываетесь в комнату?..”

И. А. Лавров взволнованным, возмущенным и повышенным голосом доложил о незаконности ареста, и что его сейчас без суда и следствия вели на расстрел. Генерал Унгерн любил сильных людей. Голос его утих. “Садитесь!.. Курите!.. Рассказывайте!..” Через час Лавров выходил из дома Унгерна свободным, был отвезен домой на его автомобиле, облеченный полномочиями наладить в Монголии финансы и налоговые ставки.

К. И. Лаврентьев в своих воспоминаниях указывает, что освобождению из-под ареста Лаврова содействовали три барона — Витте, Фитингоф и Тизенгаузен. Положительно утверждаю, что своему освобождению и жизни Лавров обязан только самому себе и Провидению, которое его хранило.

Впоследствии не раз видели И. А. Лаврова в автомобиле Унгерна, который в добрые минуты любил с умным человеком обменяться мыслями на многие отвлеченные вопросы. Слушатель и оппонент Лавров был отменный, и между генералом Унгерном и им установились очень хорошие отношения.

И. А. Лаврову своим благополучием обязаны секретарь конторы Душенин, чиновник особых поручений Немиров, драгоман Заплавный и многие другие. Члена правления Центрального управления Центросоюза Глазунова выручил из беды К. И. Лаврентьев. С этого времени Центросоюз в Монголии официально не преследовался, но “власти на местах” в тех или иных пунктах громили склады Центросоюза и убивали служащих. Правда, среди служащих были и большевики.

Полковник Н. Н. Казагранди

К сожалению, лично полковника Казагранди я не знал и не видал, но вел с ним деятельную переписку о снабжении его отряда в Ван-хурэ. Материалы о нем у меня скудные и по памяти устанавливаю все то, что знаю или слышал о нем.

Н. Н. Казагранди происходил из старинного итальянского рода, давно осевшего в России. Перед самой 1–й Великой войной окончил, кажется, Казанский университет и как прапорщик запаса пошел в поход. За время войны был два раза ранен, награжден за боевое отличие всеми орденами, включая орден Св. Великомученика и Победоносца Георгия 4–й степени. В чине капитана при развале армии вернулся на Урал. Он один из первых уральских противобольшевистских партизан. Его партизанский отряд при верховном правителе адмирале Колчаке переименован был в 16–й Ишимский полк.

Во времена отхода Сибирской армии на восток Казагранди командовал дивизией. Во время Красноярской эпопеи — сдачи многих частей на милость большевиков — Казагранди с кучкой верных солдат ушел на северо-восток, но где-то в районе Киренска был схвачен большевиками, привезен в иркутскую тюрьму, из которой, не ожидая расстрела, сумел бежать на юг и вышел в Монголию в районе оз. Хубсугул.

Осенью 1920 г. в местечке Ханга полковник Казагранди нашел полковника Корюхова с группой солдат. Корюхов раньше знал Казагранди и сейчас же передал ему командование над партизанами, как более достойному и опытному партизану.

Консульский чиновник Улясутайского Русского императорского консульства Кузнецов и местные русские резиденты оказали партизанскому отряду полковника Казагранди всяческое содействие. В отряде был недостаток оружия и патронов. Иркутские казаки уговорили Казагранди сделать налет на п. Шишки. Налет был сделан, но очень неудачный. Пришлось от границы Монголии уходить дальше, и отряд ушел в Хытхыл. В Хытхыле имелся большой склад товаров Центросоюза. Большинство членов хытхылского Центросоюза были просоветские, что дало нравственное основание “тряхнуть” Центросоюз, добыв в нем для отряда продовольствие и теплую одежду.

Полковник Казагранди побывал на многих русских заимках, в том числе и на заимке братьев Сухаревых, где он и познакомился с сотником Сухаревым, у которого был отряд партизан человек 50–60 из забайкальских казаков. Сотник Сухарев изъявил согласие войти в подчинение к Казагранди. В Хытхыле выяснилась ненадежность многих партизан, и полковнику Казагранди пришлось отделить козлов от овец, чем он значительно ослабил свой отряд.

В первое время пребывания полковника Казагранди на территории Монголии ему оказал много неоценимых услуг ветеринарный врач Гей, который заготавливал мясо для России — сначала для Русской императорской армии, затем для адмирала Колчака, а когда в Иркутске установилась власть ДВР, то для нее. Он был чисто русский человек, беспартийный, большой специалист своего дела и при всех режимах делал честно свое дело, но был врагом большевиков по своим душевным качествам и сочувствовал Белому движению, хотя и не порывал связей с властью в России.

В ноябре или декабре 1920 г., когда в Монголии китайские власти, а особенно китайские солдаты стали убивать русских, Ван-хурэнские русские резиденты, наслышанные о прекрасном полковнике Казагранди, пригласили его прийти с отрядом на постой и для защиты в Ван-хурэ. Примерно в начале января 1921 г. Казагранди с отрядом в 80–90 человек прибыл в Ван-хурэ.

За короткое время отряд полковника Казагранди в Ван-хурэ значительно пополнился, и ко времени взятия Урги генералом Унгерном у Казагранди было вооруженных, хотя и плохо, до 200 бойцов. Благодаря наличию в Ван-хурэ организованных,

вооруженных русских китайский гарнизон не посмел грабить мирное население. Из Ван-хурэ был отправлен отряд в Дзаин-шаби для предотвращения китайского погрома. Из обоих указанных пунктов китайская администрация и гамины ушли спокойно и благополучно на юг, в Китай.

За это время полковник Казагранди высылал на север в сторону Желтуры мелкие партизанские отряды для сбора сведений, и каждая разведывательная партия приводила все новых и новых добровольцев в отряд. Как только Казагранди уверился во взятии Урги Унгерном, он немедленно послал в Ургу офицера (кажется, числа 10–11 февраля) с выражением полной готовности подчиниться ему, как главнокомандующему и просил помочь вооружить всех его добровольцев и дать теплую одежду. Все просимое Казагранди было послано немедленно: винтовок 200, патронов 50000, теплого китайского обмундирования 250 комплектов.

Пока полковник Казагранди не соприкасался лично с генералом Унгерном, их взаимоотношения были наилучшие. Шла общая согласованная работа, и Казагранди точно выполнял директивы Унгерна. Он высылал уже сильные отряды на север, на границу Руси и эти партизанские отряды наносили чувствительные поражения красным партизанам Щетинкина.

В конце февраля и в марте Унгерн был с инспекторской проверкой в Ван-хурэ, но первые два раза не застал полковника Казагранди — он был в Дзаин-шаби. Генерал Унгерн оставался довольным тем, что видел в Ван-хурэ и передавал деньги, правда, немного (2–5 тыс. руб.) для отряда.

Первая встреча Казагранди с Унгерном произошла в конце марта, когда туда шли 2–й и 3–й полки после разгрома китайцев у урочища Барун-хурэ вблизи уроч. Ходисын. Унгерн приехал в Ван-хурэ до прихода полков и имел длительную беседу с Казагранди. В начале апреля в Ван-хурэ прибыл Резухин, а за ним вскоре вновь прибыл Унгерн.

Военачальники имели длительное совещание. Все три разошлись расстроенными. Генерал Унгерн уехал в Ургу в самом плохом настроении. Что произошло между начальниками, никто не знал, и каждый из них хранил молчание, но с этого времени Унгерн и Резухин лишь терпели Казагранди.

Одной из причин разногласия послужил ветеринарный врач Гей. У обоих генералов имелись данные, что он находился в постоянной связи со штабом 5–й советской армии в Иркутске — а, следовательно, большевик и подлежит смерти. Полковник Казагранди стоял на другой точке зрения, но не сумел отстоять жизнь семьи Гея. Не знаю, по какой причине Гей с семьей (женой

и двумя детьми) оказался в начале апреля в Ван-хурэ, но когда он уехал оттуда, направляясь в Хытхыл, то по пути был настигнут посланцами генерала Резухина, которые ветеринарного врача Гея повесили на придорожной сосне, а семью передушили. Смерть Гея с семьей вызвала искреннее сожаление всех русских резидентов и монгол.

Между Резухиным и Казагранди ухудшились отношения и из-за добровольцев, кои прибывали в Ван-хурэ, коих Резухин зачислял на пополнение еще не вполне сформированного 3–го конного полка подъесаула Янкова.

Что Казагранди не понравился Унгерну — понятно, но непонятным осталось, что Резухин и Казагранди не нашли общего языка, а со стороны казалось, что они люди одного порядка. Объяснение одно: образцовым офицерам Русской императорской армии, привыкшим к законопорядку, “атамановщина” была чужда. Генерал Унгерн понимал интуицией это и ни одному кадровому офицеру-”несеменовцу” не дал ни одного ответственного и самостоятельного назначения.

Наряду с опалой Казагранди, представленный им Унгерну авантюрной складки приват — доцент Оссендовский осыпается милостями: получает рысистого верблюда, конвой, деньги и прочие милости. В Урге генерал Унгерн с неделю держал Оссендовского при себе, разъезжал с ним по окрестностям в автомобиле и вел долгие беседы на религиозно — политические темы. Причина милости к “пану” может быть одна — Унгерн знал, что Оссендовский за границей опишет его в ярких красках, достойных кинокартины. Он, конечно, в описаниях выставил себя как храбрейшего из храбрых, умнейшего из умных, но отдал дань и Унгерну на фоне феерической монгольской картины. Генерал Унгерн не ошибся в своих предположениях, если бы прочел “Звери, люди и боги”.

Положение в Халхе на май 1921 года

Власть Богдо-хана в четырех основных аймаках Внешней Монголии как будто бы осуществлялась полностью. Все данные указывали на то, что Китайское правительство в Пекине в данное время отказалось вооруженной силой вернуться в Халху. Правительство Халхи, возглавляемое Манджушри — ламой при содействии русских советников, налаживало внутреннюю жизнь страны. Военный министр Хатан-Батор — ван успешно вел формирование монгольских частей войск, получив от генерала

Унгерна вооружение и обмундирование из китайских запасов. Правительство Халхи было послушным Унгерну. Все антибольшевистские отряды, находившиеся на территории Внешней Монголии — Халхи, безоговорочно признавали и подчинялись Унгерну. Заканчивалось формирование 4–го Конного полка под командой войскового старшины Маркова.

Ежедневно через границу Монголии с Руси бежали русские люди, спасаясь от ГПУ. Все из бежавших, способные носить оружие, зачислялись на службу в Азиатскую конную дивизию или самостоятельно действующие отряды, увеличивая противобольшевистские силы. Одной из крупных партий прибыла группа казаков под начальством гардемарина Слюса. Приведенные Слюсом казаки стали ядром 5–й Оренбургской сотни, а Слюс из гардемаринов был переименован в сотники. Из пленных китайских солдат, пожелавших служить у генерала Унгерна, сформирован был конный китайский полк в 4 сотни под командованием майора Ли, при старшем инструкторе войсковом старшине Костромитинове. В китайский полк было назначено 6 русских офицеров и 24 урядника.

Офицерский состав в самой Азиатской конной дивизии, как и в подчиненных Унгерну отдельных отрядах, был хороший. Он был значительно лучше, чем имела дивизия при взятии Урги. Во всех полках помощниками командиров полков были кадровые, боевые офицеры, как полковники Кастерин, Островский и другие.

По мобилизации в Монголии в части войск попало много культурных людей, как Глеб Лушников (один из совладельцев фирмы Швецовых), студенты братья Волковы, Душенин и другие. Глеб Лушников, георгиевский кавалер за Германскую войну, был назначен командиром Монгольского дивизиона.

Продовольственная база управлялась интендантами Рерихом и Котельниковым, была хорошо налажена. Зерно, брошенное китайцами, собрано, водяные мельницы на Иро работали. Хлеб выпекался отличный. Мясная база была неограниченной. Бойцы вооружены и одеты были прекрасно за счет китайских складов, брошенных в Урге и добытых в боях. Сукон и бумажных материй, годных для белья, был огромный склад, и хватило бы на армию в несколько десятков тысяч человек. Денежные средства, отпущенные атаманом Семеновым в сумме 600000 зол. руб., как будто были израсходованы к этому времени. Захваченные деньги в Китайско- монгольском банке в Урге и реквизированное билонное серебро в Центросоюзе не представляли больших сумм, могущих хватить надолго, но выпуск И. А. Лавровым монгольских денежных знаков как-то временно разрешил финансовую проблему.

На границе с Советской Россией было спокойно. Советы явно не нарушали границ Монголии, но вели усиленную агитацию, имея главный штаб в Алтан — Булаке и Хытхыле. К сожалению, монгольская разведка и генерал Унгерн были плохо или совершенно не осведомлены о работе большевистских эмиссаров и не уничтожили очагов пропаганды. Капитан Безродный три месяца слонялся по Западной Монголии, ища крамолу среди русских, а просмотрел большевистский очаг в Хытхыле, а Н. Князев, сидя в Урге, не знал и ничего не предпринял против очага в Алтан — Булаке. Агитационной противобольшевистской работы ни Монгольское правительство, ни штабы генерала Унгерна никакой не вели и не пытались даже наладить ее.

Русские белые вожди в Приморье вели грызню. Атаман Семенов вынужден был отойти от дел и жил в Дайрене. Попытка его в мае 1921 г. вновь взять власть в свои руки в Приморье (Владивостоке) окончилась неудачей. Мы, жившие в Монголии, не знали всего, что творилось среди белых вождей на востоке, но сам генерал Унгерн, имея сношения с атаманом Семеновым, знал истинное положение и о том, что дело Белого движения — очень печальное. Не было никаких данных ожидать откуда-нибудь помощи при борьбе с большевиками в Сибири как для русских в Приморье, так и Унгерну в Монголии.

Японское командование, уведя своих солдат из Забайкалья и Амурской области, имело небольшую часть во Владивостоке, но оно ни меркуловскому, а тем более правительству генерала Дитерихса помощи ни в какой мере не оказывало. Общая политическая ситуация Белого движения, как теперь автору стало известно, была безнадежна. О ней никто, кроме Унгерна, в Монголии не знал, а он ни с кем и никогда не делился теми сведениями, какие получал с востока, даже с ближайшим своим помощником Резухиным.

Начальником штаба у генерала Унгерна числился бывший помощник присяжного поверенного К. Н. Ивановский — человек молодой, культурный, общительный и доброжелательный. Откуда и как он попал в Ургу — не помню. Делал ли он какую-нибудь штабную работу или нет — не знаю. Полагаю, что не делал, так как, будучи глубоко штатским человеком, он ее делать не мог. Не был причастен к экзекуциям. Вероятнее всего, он был приятным слушателем и оппонентом Унгерну, когда последнему хотелось пофилософствовать. Ивановский отредактировал наброски приказа № 15. Ивановский оказался одним из счастливых людей, благополучно отошедших от Унгерна. Когда Унгерн уходил в поход на Русь, он, снабдив Ивановского порядочной суммой денег и перевозочными средствами, отправил его с донесением к

атаману Семенову.

Настроение чинов Азиатской конной дивизии и в других отрядах было удовлетворительным. Многие, в том числе и автор, верили, что власть большевиков недолговечна, что народные массы ее ненавидят и ждут только толчка извне, чтобы дружно подняться против большевиков. Появись сильный противобольшевистский кулак на Руси, он будет расти, как снежный ком, катящийся по рыхлому зимнему полю, увеличиваясь и увеличиваясь в объеме по мере движения до размеров, страшных для большевиков. Ныне, по прошествии 20 лет, высказанные мысли кажутся смешными или детскими, но тогда мы верили в них и шли за осуществление их умирать.

Наряду с убежденными борцами с большевиками, большинство жило сегодняшним днем, не задумываясь о будущем. Прочитанный приказ № 15 по Азиатской конной дивизии не оставлял никакого сомнения, что скоро пойдем на Русь. Подготовка к походу на Русь велась открыто, и приказ № 15, конечно, скоро попал в руки большевиков. Большевики стали принимать экстренные меры к защите границы от Мензы до Хубсугула. Сами они опасались нарушать монгольскую границу без крайней нужды. Они сформировали из красноармейцев действительной службы партизанские отряды, выслав их в район 1-го казачьего отделения Забайкальского войска. Стали подтягивать к границе 30–ю пехотную дивизию и Кубанскую конную дивизию.

Для генерала Унгерна вся обстановка в Монголии с внешней стороны была как будто бы самая благоприятная, но ныне, по прошествии двух десятков лет, анализируя отношение монгол к Унгерну перед уходом его в пределы России для борьбы с большевиками, нужно признать, что хозяева страны — монголы — через четыре месяца полного владычества генерала над Монголией разочаровались в нем, и главные причины были следующие.

Правящий класс Монголии преследовал свои узко национальные цели. Для них было главным крепко забронироваться от векового врага — китайцев, изгнать их с территории Монголии, тогда как генерал Унгерн вел переписку с большими китайскими генералами и сановниками в Маньчжурии и Пекине. Монголы возмущались гуманным и покровительственным отношением Унгерна к пленным гаминам, часть их принял к себе на службу и заставил монгол плечо к плечу сражаться с ними за непонятные им идеалы. Они поняли, что Монголия для Унгерна недорога, а служит лишь средством и плацдармом для его личных целей.

Князья, чиновники, ламы и, говорят, сам Богдо-гэгэн испытывали животный страх при виде Унгерна и все лица, стоящие ниже Богдо-гэгэна, трепетали перед бароновским ташуром. Избегали видеться с ним, предпочитая вести все сношения с ним через Жамболона. Им была понятна смертная казнь за проступки, но непонятно и претило избиение нойонов ташуром, что противоречило основному принципу командования великого Чингисхана.

В Монголии в 1920–1921 гг. Шабинское ведомство (ламаистское) было вершителем всей жизни. Генерал Унгерн думал, что он щедрой рукой дает деньги ламам, раздав им 150–200 тысяч зол. руб., но для 150000 лам Монголии такая подачка была слишком незначительна. Нужны были десятки миллионов рублей, чтобы купить душой и телом лам и сделать их послушным орудием в своих руках. Таких денег у генерала Унгерна не было, а без денег он не нашел других средств привлечь сердца лам, хотя и был сам ламаистом. Ламы на 95 % плохо разбирались в “красных” и “белых”, тянулись к более сильным русским, которые дадут им защиту от китайцев, да и денег у сильного больше.

Была недовольна генералом Унгерном и общая народная масса монгол, особенно богатые князья за беспорядочные, непосильные налагаемые законные и беззаконные реквизиции.

Пожалуй, сам Богдо-гэгэн один из немногих больших лам Монголии понимал угрозу безбожного большевизма, но, вероятно, понимал, что находится в числе меньшинства, и не рисковал встать в оппозицию к массам. Когда Унгерн выдвинул проект переселения Богдо-гэгэна с семьей из Урги в Западную Монголию (в Улясутай), то этот проект показал монголам нежелание или неспособность Унгерна защищать Да-хурэ от советских войск, и второе — что Унгерн не есть непобедимый бог войны, а следовательно, нечего за ним и тянуться. Под разными предлогами Богдо-гэгэн на этот проект генерала Унгерна не дал ответа и остался в Урге, выжидая событий, предоставив Унгерну идти своей дорогой. Люди, жившие в Монголии в 1921–1924 гг., утверждают, что Богдо-гэгэн один из немногих остался верен генералу Унгерну, признавая его за истинного избавителя Монголии от векового китайского ярма.

Приказ № 15 не вызывал энтузиазма у офицеров, а тем более у всадников. Он был слишком длинный, туманно — мистический, малопонятный. На разборе приказа не будем останавливаться. Каждый его поймет под своим углом зрения. Нужно отметить лишь неоспоримые положения: 1) жестокость — смерть, смерть… во всех видах; б) отсутствие реального учета сил противника, с

которым генерал Унгерн малоуспешно боролся в Забайкалье и ушел от большевиков из района Акши; в) умышленно или по неведению он пишет о выступлении атамана Семенова, когда должен был знать (постоянная связь через курьеров), что во Владивостоке междуцарствие (большевики, японцы, белые, власть к братьям Меркуловым перешла лишь 26 мая 1921 г.) и что Семенов не у дел и сидит в Дайрене; г) девиз на знаменах: “Великий князь Михаил Александрович” — еще менее понятен, так как Унгерн не мог не знать, что великого князя Михаила Александровича нет в живых; д) непоследовательность его слов с делом: в то время как в руководящем приказе он точно говорил о базах секторов, на которые следует опираться, сам с легким сердцем оторвался и бросил свою базу — Ургу после Троицкосавского разгрома.

В приказе, как в зеркале, отразилось мировоззрение Унгерна, построенное на нереалистических предпосылках. Припоминаю разговоры о сути и характере приказа среди культурного офицерства дивизии. Тогда уже было ясно, что в приказе много передержек и нереальных предпосылок, но в полной мере его несостоятельность выявилась с течением времени.

Многие верили в счастливую звезду Унгерна и в то, что Провидение избрало его для совершения великих дел, и безоговорочно пошли за ним. Главное же — не приказ и не генерал Унгерн воодушевлял бойцов Азиатской конной дивизии, и не они двигали на великие жертвы, а ***вера в непрочность большевистского режима и правоту свою,*** каковая вера еще долго жила в эмигрантах после крушения.

Нужно думать, что в приказе уменьшена оценка сил противника, чтобы не испугать малодушных, тогда как об этом нужно было упомянуть, прежде всего, указав силы Красной армии на линии от Новосибирска до Читы, кои выражались в 4–й и 5–й советских армиях числом до 100000 бойцов. Нужно было дать директивы, как эти армии расчленить и бить по частям. Красная армия в 100 тысяч легко истребит мелкие партизанские отряды в 1000–2000 человек, плохо вооруженные, без достаточных огнестрельных припасов и далекой тыловой монгольской позиции. Очевидно и требование каких-то новых принципов ведения войны, чтобы горсточка людей, даже при сочувствии населения, могла бы противоборствовать силе Красной армии в Восточной Сибири.

Подготовка к походу на Русь

В конце мая 1921 года военные планы и силы генерала Унгерна вырисовывались так.

1) 1–я бригада Азиатской конной дивизии под личным начальством самого генерала Унгерна:

1- й и 4–й конные полки (Парыгин и Марков) — 10 сотен, 1000 бойцов.

1-я и 2–я батареи — подполковник Дмитриев — 8 орудий, 120 бойцов.

Пулеметная команда — подполковник Евфаритский, 22 пулемета, 120 бойцов.

Китайский дивизион — 2 сотни, 200 бойцов.

Монгольский дивизион — 3 сотни Бишерельту-гуна, 280 бойцов.

Чахарский дивизион — 2 сотни Найден-вана, 180 бойцов.

Отдельный Тибетский дивизион сотника Нечаева — 2 сотни, 200 бойцов.

Всего — орудий 8, пулеметов 20, бойцов 2100.

Объект действий — Троицкосавск — Селенгинск — Верхнеудинск.

2) 2–я бригада Азиатской конной дивизии под командой генерала Резухина:

2- й и 3–й конные полки (полковник Хоботов, сотник Янков) — 10 сотен, 1200 бойцов.

1 батарея — 4 орудия, 60 бойцов.

Пулеметная команда — 10 пулеметов, 80 бойцов.

Монгольский дивизион — 2 сотни, 120 бойцов.

Японская рота — 60 бойцов.

Всего — орудий 4, пулеметов 10, бойцов 1510.

Отряду перейти границу России в районе станицы Цежинской и действовать на левом берегу р. Селенги с выходом на Мысовск и станицу Татаурово и по тылам красных, взрывая мосты, туннели.

3) Отряд полковника Казагранди:

5–й конный полк — 3 сотни, 450 бойцов.

Взвод артиллерии — 2 орудия, 30 бойцов.

Пулеметная команда — 4 пулемета, 30 бойцов.

Всего — орудий 2, пулеметов 4, бойцов 510.

Район действий — Ван-хурэ — Мондукуль — Хубсугул — Иркутск.

4) Отряд атамана Енисейского казачьего войска Казанцева:

Конных рот — 3, 300 бойцов;

Пулеметная команда — 4 пулемета, 40 бойцов.

Всего — пулеметов 4, бойцов 340.

Район действий — Уряханский край — Красноярск.

5) Партизанский отряд есаула Кайгородова:

Сотен 4, 460 бойцов;

Пулеметная команда — 4 пулемета, 40 бойцов.

Всего — пулеметов 4, бойцов 500.

Район действий — в долине р. Иртыш.

6) Восточный отряд подъесаула Немчинова:

монголо-бурятских сотен — 2, 300 бойцов.

Пулеметный взвод — 2 пулемета, 20 бойцов.

Всего — пулеметов 2, бойцов 320.

Район действия — от станицы Мензинской в направлении Петровского завода.

7) Санитарная часть:

Главному врачу дивизии доктору Клингенбергу организовать полевой госпиталь для 1-й бригады — 20 человек;

Младшему врачу доктору Рябухину организовать госпиталь при 2–й бригаде — 20 человек;

Тыловой госпиталь фельдшера Логунова на Керулене — 20 человек.

8) Главное интендантство:

в каждой бригаде сформировать походные интендантства — 20 человек.

9) В Урге начальником гарнизона остается подполковник Сипайлов и в его распоряжении:

Комендантская команда — 150 человек.

Монгольское военное училище — 50 человек.

Интендантство с мастерскими — 160 человек.

10) Походная церковь при 1–й бригаде:

Священник, иеромонах отец Николай.

Из Ургинской церкви взять икону “Матери Божией Споручницы грешныя”, установить ее в карете и следовать за 1–й бригадой.

11) Жамболон — ван остается в Урге при Монгольском правительстве для связи.

Генерал Унгерн располагал следующими силами:

орудий 14, пулеметов 35, строевых 5280, нестроевых 440, а всего на территории Монголии — 5720 человек.

Все отряды были хорошо вооружены и обмундированы, имели глубокий тыл. Монгольское правительство всемерно помогало отрядам, агентурные сведения с Руси указывали, что командир 5–й советской армии Уборевич до приказа генерала Унгерна от 21 мая № 15 не усиливал своих гарнизонов по границе с Монголией, не допуская мысли, что белые из Монголии посмеют появиться на Руси. Только с отдачей приказа № 15 генералом Унгерном, красное командование обратило внимание на монгольскую

границу в должной мере и усилило агитационную работу в Алтан-Булаке, Хытхыле и Кош-Агаче.

Лично Богдо-гэгэн для моления за успех о предприятии бога войны и предотвращения напастей на него, прикомандировал к штабу генерала Унгерна 5–6 лам- прорицателей, а земной бог Солнца Тери-Бюрет провожал Унгерна от Урги до р. Хара-гол.

При подготовке к походу на Русь генерал Унгерн, стараясь сделать тайно, приказал все излишнее оружие (винтовки, шашки, револьверы), запаковав в прочные ящики, обильно смазать и схоронить в пещерах Хэнтэя, что и было исполнено. Сколько зарыли оружия — точно неизвестно.

Заслуживает особо быть отмечена посылка письма в Хайлар другу — китайскому генералу Чжан Куню. Унгерн приглашал почтенного китайского генерала присоединиться к нему в борьбе с большевиками. Если бы этот случай не был фактом, то он походил бы на анекдот плохого свойства. Монгольские правящие круги знали о посылке такого письма к их исконным врагам — китайцам и это обстоятельство и посылка письма раньше, к комиссару Чэнь И в Кяхту сыграли немалую роль в агитации против бога войны.

Отношение генерала Унгерна к атаману Семенову было подчеркнуто лояльным. Семенов, пожалуй, был единственным человеком, с мнением которого Унгерн считался. Связь с ним не была регулярной, но поддерживалась через посыльных офицеров. Был ли честно откровенен Семенов в сношениях с Унгерном и не вводил ли он его в заблуждение относительно политической обстановки на Дальнем Востоке и своего влияния среди белых войск — неизвестно.

Поход на Русь генерала Резухина

После разгрома остатков китайской армии в Монголии в районе Барун-хурэ 2- й и 3–й конные полки Азиатской конной дивизии пошли в Ван-хурэ, куда прибыли в первых числах апреля месяца. Генерал Резухин, побывав в Урге, прибыл в Ван-хурэ почти одновременно с полками. Третий Конный полк был в периоде формирования. Генерал Резухин всех прибывающих в Ван-хурэ русских, способных носить оружие, зачислял в 3–й Конный полк, мешая пополнению части полковника Казагранди. Вероятно, на этой почве между двумя начальниками усилилась скрытая неприязнь. 2–й Конный полк был полностью сформирован в составе четырех русско — бурятских сотен и двух

монгольских. Полк был достаточно сплочен, управлялся твердой рукой полковника Хоботова и представлял реальную боевую силу.

15 апреля 1921 г., согласно директиве генерала Унгерна, 2–й полк Хоботова в составе 6 сотен, 2 орудий и 8 пулеметов выдвинул на север. 18 апреля отряд переправился через Селенгу и двинулся в район реки Желтуры. 25 апреля он вышел на п. Нарын, а 27 апреля, после небольшого боя с красными, занял п. Желтуру. Не задерживаясь в Желтуре, полковник Хоботов ушел в пределы Монголии. Поход полковника Хоботова — разведка, которая выяснила, что по границе Монголии от оз. Хубсугул до Усть-Кяхты нет больших сил красных.

23 апреля из Ван-хурэ вышел 3–й Конный полк во главе с генералом Резухиным и вновь назначенным начштаба отряда подполковником Островским. Пасху 1921 г. бригада встретила на Баян — голе. После Пасхи на Селенгу в штаб отряда прибыл из Урги саперный офицер поручик Бабушкин для постройки моста через Селенгу. Резухин совместно с Бабушкиным наметили трассу моста через р. Селенгу у местечка Ергин. Через две недели мост на козлах был готов, но пользовались им меньше месяца, так как с поднятием уровня воды в Селенге течением снесло козла в середине реки. Пропало много трудов и денег. Местные старожилы предупреждали, что мост снесет и нужно строить паром, но раз “дедушка” приказал строить мост, то приказ должен быть исполнен.

Полки стояли раздельно, каждый ведя дальнюю разведку по границе с Русью. В малой деятельности бригада простояла почти месяц. Только во второй половине мая месяца Резухин двинулся на север, приказав 2–му полку идти на присоединение с ним, и повел ряд боев в дельте р. Джиды.

Бой на ручье Шибегый, притоке реки Желтуры, 29 мая

Этот бой для красных был совершенно неожиданным. Отряд состоял из 250–300 человек и двигался параллельно с севера падью с унгерновцами. Генерал Резухин приказал полковнику Хоботову атаковать их с фланга и сам с 3–м полком атаковал с фронта. Бой длился недолго. Часть красного отряда сдалась в плен, часть разбежалась по соседним горам. Трофеи: винтовок 200, пулеметов 4, пленных до 100 человек, из коих большинство пожелало служить в Азиатской конной дивизии. Из них 60 человек были зачислены в 3–й полк, составив отдельную сотню, которая впоследствии прекрасно дралась с красными. Оставшиеся в живых впоследствии ушли с унгерновцами на восток.

Бой за Желтуринскую падь — дефиле 1 июня

Отряд генерала Резухина вошел в узкую Желтуринскую падь — дефиле, уходившую на север, и замыкавшуюся у станицы Желтуринской при впадении Желтуры в Джиду. Отряд красных в 80–100 человек не был застигнут врасплох и спокойно, отражая унгерновцев, уходил на север. Преследуя отступающих, унгерновцы наткнулись на сильно укрепленную позицию с окопами в профиле в рост человека и проволочными заграждениями. Позицию защищали до батальона красных с пулеметами. Первая атака двух сотен 2–го полка показала, что позиция противника очень сильная и красные намерены ее упорно защищать. Ввязываться в длительный бой, брать укрепленную позицию и нести большие потери не входило в расчет Резухина, почему с наступлением темноты он ушел на юг по той же Желтуринской долине, слабо преследуемый красными.

Бой у станицы Боссий 5 июня

Станица стоит на правом берегу Джиды и как бы замыкает со стороны Монголии Боссинскую долину, но она не была сильным дефиле, как Желтуринская. Отряду генерала Резухина преградил путь красный отряд силой до 300 бойцов. Позиция красных не была неприступной, и не имелось проволочных заграждений. В 5 часов утра завязался бой и к 9 часам утра часть красных разбежалась, часть сдалась в плен. Трофеи: 100 винтовок, 6 пулеметов и до 60 человек пленных, из коих 30–35 человек было принято на службу в Азиатскую конную дивизию.

Примерно в 10–11 часам утра бригада входила с песнями в станицу Боссий под звон колоколов. Казаки очень сердечно приняли унгерновцев и угощали на славу. Унгерновцы не оставались в долгу и щедро отплачивали за хлеб и соль казачек: чаем, мануфактурой, сахаром и проч. Был собран станичный сход, который вынес постановление: “Если будет объявлена мобилизация, то они не уклонятся от ее выполнения”. Для генерала Резухина такое постановление было неприемлемо, так как по директивам генерала Унгерна в отряд можно было принимать только добровольцев, а мобилизации не производить. Боссинские казаки от добровольного вступления в отряд уклонились, опасаясь мести красных. Так, несмотря на сочувствие жителей, из станицы Боссий не поступило в отряд ни одного

казака. В 3 часа дня бригада ушла из Боссия и двинулась на северо-восток. 6 июня бригада имела два боя с красными и, не гоняясь в преследование за отступающими, шла к Билютаю.

Бой у Билютая 7 июня

К северу от Билютая лежали возвышенности. 7 июня бригада прошла поселок, и авангардная сотня донесла, что сильный отряд красных спешно идет к Билютаю. Ясно, что предстоял серьезный бой. Успех боя значительно зависел от занятия гор, кои лежали на пути противника. Оба противника спешили их занять один раньше другого. Сотни 2–го полка горы заняли раньше красных и, когда они карабкались на них, то были встречены пулеметным и оружейным огнем унгерновцев. Красные, понеся большие потери, стали уходить на северо-восток. С гор у Билютая виднелась на севере равнина до горизонта, и в бинокль в ясный день видно было Гусиное озеро. Никаких опасных естественных препятствий до Верхнеудинска на пути генерала Резухина не лежало. Открыт был путь и на город Мысовск.

Нужно было решать, куда и как идти, зная, что как Желтуринская, так и Боссинская пади теперь крепко заняты сильными отрядами красных. Идти на северо- восток для выполнения одной из основных задач — взрыва моста на Селенге у Татаурова, не зная, где и что делает с войском генерал Унгерн, было рискованно, так как отряд в 1400–1500 всадников слишком незначителен, чтобы бороться с частями войск 30–й пехотной красной дивизии и частями Кубанской конной дивизии.

Решение было одно — пока уходить на исходное положение, с возможно меньшими потерями по новым путям. Путь лежал через Зарубино — Цаган — Усинск- Будун.

Зарубино, 8 июня

Бригада, не доходя 4–5 км до Зарубино, расположилась на одном из островов р. Джиды для ночлега.

Рано утром 8 июня бригаду атаковал отряд красных силой свыше 1800 бойцов, с 4 орудиями и 10–12 пулеметами. Генерал Резухин решил не ввязываться в бой, а спокойно ушел через Зарубино на Цаган-Усунскую станицу.

Бой на перевале Дзун-Харьястай 10 июня

9 июня бригада генерала Резухина, покормив коней и напившись чаю в Цаган-Усунской станице, ушла в западном направлении вверх по Селенге. Когда бригада поднималась на перевал Дзун, то невооруженным глазам видны были войска красных, спешивших к перевалу, но он был уже занят унгерновцами, и закупорить их красным не удалось.

Пользуясь превосходством позиции, генерал Резухин 10 июня принял бой с красными и до вечера отражал все их атаки. Выяснилось, что красные располагают превосходством в числе и технике. Вечером Резухин ушел к Будуну. Перед Резухиным стояла задача нанести красным такое поражение, чтобы отбить у них охоту преследовать бригаду по пятам, поэтому на удобной позиции у Будуна он решил дать бой.

Центр позиции представляли две горы, соединенные седловиной, правый фланг упирался в Селенгу, а левый фланг повис в воздухе, но, в общем, позицию трудно признать хорошей. Правый фланг занял 3–й, левый — 2–й Конный полк. Центр занимала артиллерия и пулеметы. В резерве — 5–я сотня 2–го полка под командованием сотника Слюса и вновь сформированная сотня красноармейцев. Силы красных: не менее 4 батальонов пехоты, 3 эскадрона, 8 орудий и 12 пулеметов.

Как и ожидалось, красные в 7 часов утра повели наступление на левый фланг позиции против полковника Хоботова, накапливаясь у подножия и охватывая левый фланг. Из резерва пришлось выслать три взвода сотника Слюса для усиления позиции. В полдень генерал Резухин был ранен. В 2 часа дня два эскадрона красных обошли левый фланг позиции 2–го полка. Начальник штаба отряда подполковник Островский отправил Слюсу его последний взвод, бывший в резерве, орудие и пулеметы, рекомендуя попытаться самому атаковать красную кавалерию. Сотник Слюс с удивительным искусством и храбростью атаковал в конном строю красных и отогнал их. Слюс, не довольствуясь достигнутым успехом, ударил по тылам красных. Ему на помощь из 3–го полка была послана сотня Очирова, имевшая одно орудие.

Среди красных, на их правом фланге, произошло замешательство. В свою очередь, 3–й Конный полк, поддержанный красноармейской сотней, лихо перешел в контратаку. Красные побежали, бросая пушки, пулеметы и оружие. На поле боя осталось больше 300 трупов красноармейцев. С наступлением темноты бой закончился. Трофеи: 4 орудия, 6 пулеметов, до 350 винтовок, много патрон и большой обоз, в котором оказались перевязочные материалы, так нужные унгерновцам. Истинным героем этого боя был сотник Слюс со

своей 5–й сотней. Орудия, отнятые у красных, были приведены в негодность и брошены в Селенгу.

После боя у Будуна красные надолго оставили в покое бригаду генерала Резухина, которая ушла к Ергину и кочевала по обеим сторонам Селенги, переходя с пастбища на пастбище. Связь с генералом Унгерном, совершающим поход на Русь, была потеряна.

Оценка кавалерийского рейда генерала Резухина

Четырехсотенный километровый рейд генерал Резухин совершил артистически: почти без потерь, нанес ряд тяжелых поражений красным, захватил много пленных, оружия и военного имущества. Но задание — поднять население на борьбу с большевиками — не выполнил, так как обстановка для белых была неблагоприятная. Резухин оттянул на себя с правого берега Селенги большую часть красных сил — регулярных два полка пехоты, полк кавалерии и многочисленные партизанские отряды. Резухин благоразумно сделал, что не пошел ни на Мысовск, ни на Татаурово. В какой-то мере выяснены были силы и намерения 5–й красной армии.

Однако плохо работал штаб отряда, который потерял связь с генералом Унгерном и не знал, что делается на правом берегу Селенги. Штаб даже в Зарубино и Цагане не знал о положении дел под Троицкосавском, когда до него было так близко. Переправь у Зарубино 7 июня 2–й полк и брось его в тыл красным под Троицкосавском — положение сильно изменилось бы. Штаб не наладил никакой связи, и бригада бродила в потемках.

Поход на Русь генерала Унгерна 21 мая 1–я бригада Азиатской конной дивизии со всеми приданными к ней частями войск построилась на главной площади Урги в каре, и иеромонах о. Николай отслужил напутственный молебен. Генерал Унгерн на молебне не присутствовал.

Команда “По коням!” — и войско стало вытягиваться в походную колонну по тракту на Троицкосавск. Провожающие любовались войском, так как оно было красочное и внушительное: впереди ехали трубачи, а за ними музыканты, возглавляемые капельмейстером И. Д. Чижевым, исполнявшие бравурный марш. За музыкантами следовал штаб генерала Унгерна, возглавляемый подполковником Львовым. За штабом — конвой Унгерна, имевший распущенное знамя с вензелем и инициалами “Император Михаил Александрович”.

Дальше шел 1–й Татарский конный полк во главе с

полковником Парыгиным — лучший полк и лучший командир полка в дивизии. Все всадники одеты в светло- синие тарлыки с зелеными погонами и зелеными башлыками. 4–й Конный полк войскового старшины Маркова был одет в темно — синие тарлыки с ярко — желтыми погонами и башлыками. Каждая проходившая часть имела свое, отличительное красочное отличие. Кони под всадниками — “монголки” — мелкие, но в хороших телах и уходе и подобраны по мастям, если не во всей сотне, то повзводно. Солидно громыхали пушки в запряжках верблюжьих, чинно выступавших по гладкой, ровной дороге. Словом, уходившее войско было хорошим и вселяло веру в успех.

Генерал Унгерн встретил и пропустил отряд на перевале Таван-ула — первом от Урги, в обществе одного “Бога Солнца” — Тери-Бюрет-гэгэна. Генерал зычным и довольным голосом здоровался с проходящими частями, был в хорошем настроении и не допустил ни одного окрика.

На походе у генерала Унгерна была своя собственная уставная форма, суть которой в том, что авангарду, как бы он ни был мал, придавалась пушка и пулеметы. При столкновении с противником пушка и пулеметы выкатывались на линию стрелковых целей и открывали огонь. При этих условиях авангард имел преимущество в силе огня над встретившимся противником и почти всегда имел успех. В остальном войсковые начальники старались соблюдать уставные формы, принятые в казачьем войске. Обозы 2–го разряда, запасные табуны коней и продовольственные гурты скота двигались позади в одном переходе, охраняемые небольшой войсковой частью.

В зимнем походе на Чойрын-Удэ большую службу сослужили верблюды, особенно при перевозке орудий. Эта идея увлекла генерала Унгерна вообще заменить в пушках конную тягу верблюжьей, и в поход на Русь артиллерия выступила в верблюжьих запряжках. Командиры батарей осторожно предупреждали Унгерна, что верблюды хуже, чем кони, но разуверить и убедить барона — напрасная попытка. Предусмотрительные командиры батарей имели тайно заомуниченных коней, скрывая их в обозе 2–го разряда.

Опасения командиров батарей оправдались. На первом же большом перевале от Урги-Хунту, верблюды, привычные не ходить в парах и тянуть, а нести на себе груз — расписались. Артиллеристам пришлось срочно гнать из обоза 2–го разряда заомуниченных коней.

На втором или третьем переходе от Урги колонну генерала Унгерна нагнал в дорожном, сильном автомобиле сотник Еремеев, бывший адъютант Унгерна, состоявший в

прикомандировании у атамана Семенова. Еремеев пробыл с глазу на глаз с Унгерном часа три. Он избегал видеться со старыми сослуживцами. Зашел лишь к одному капитану Мысякову, пробыв у него около часу. Ничего определенного Мысяков от Еремеева не узнал, но можно было заключить, что он привез от Семенова Унгерну приказ вернуться с Азиатской конной дивизией в Маньчжурию, где генерал Чжан Цзолинь предоставлял частям войск Семенова спокойное расквартирование, подготовку войск к походу на Россию и надежную базу, взамен очищения Халхи и передачи ее китайцам[60].

Версия капитана Мысякова о цели приезда сотника Еремеева, несомненно, имеет под собой основание, если сопоставить все обстоятельства, переживавшиеся белыми на Дальнем Востоке в мае 1921 г.: междуцарствие во Владивостоке, борьба политических партий, борьба за главенство между генералами и потеря влияния атамана Семенова, вынужденного сидеть в Дайрене, в то время как его коренные маньчжурцы (ОМО) стояли в Гродеково и были в загоне.

Генерал-губернатор трех Восточных провинций Китая генерал Чжан Цзолинь был умный, дальновидный политик и большой патриот. Он отлично понимал значение Халхи для Китая и, возможно, сделал вышеизложенное предложение атаману Семенову, а последнему оно подходило, так как давало возможность вновь выплыть на поверхность русских дел на Дальнем Востоке.

Дальнейшие действия генерала Унгерна показали, что он пошел собственными путями: “Жребий брошен, перешел Рубикон”. Пожалуй, у него и не было другого пути, раз им была приведена в действие большая и сложная машина. Остановить и изменить ее работу было трудно без поломки. Ни есаул Кайгородов, ни атаман Казанцев, ни другие не послушали бы его приказа — прекратить борьбу с большевиками и уходить в Маньчжурию из Халхи.

С сотником Еремеевым приехал “Макарка ***душегуб***” (Сипайлов). Его появление ничего не предвещало хорошего. После отъезда Еремеева и Сипайлова офицеры бригады от адъютантов Унгерна узнали, что им приказал долго жить полковник Лихачев — их старый боевой товарищ. Прекрасный боевой штаб-офицер и доброй души человек, но горе его было в том, что время от времени он запивал и был “буйным во хмелю”. Сипайлова он презирал и не подавал ему руки, что Сипайлова приводило в бешенство. Подполковник Сипайлов имел инструкции от генерала Унгерна быть сугубо строгим ко всем нарушителям его приказов и особо беспощадным к пьяницам.

Полковник Лихачев был начальником ургинского военного училища для монгол. С радости ли, что ушел генерал Унгерн из Урги, с горя ли, что не взяли его в поход, но с уходом войска Лихачев “зачертил” и, чтобы израсходовать молодецкую казацкую силу — стал рубить бродячих собак. Тут как тут появился Сипайлов, арестовал Лихачева и, выполняя точно приказ Унгерна, расстрелял полковника.

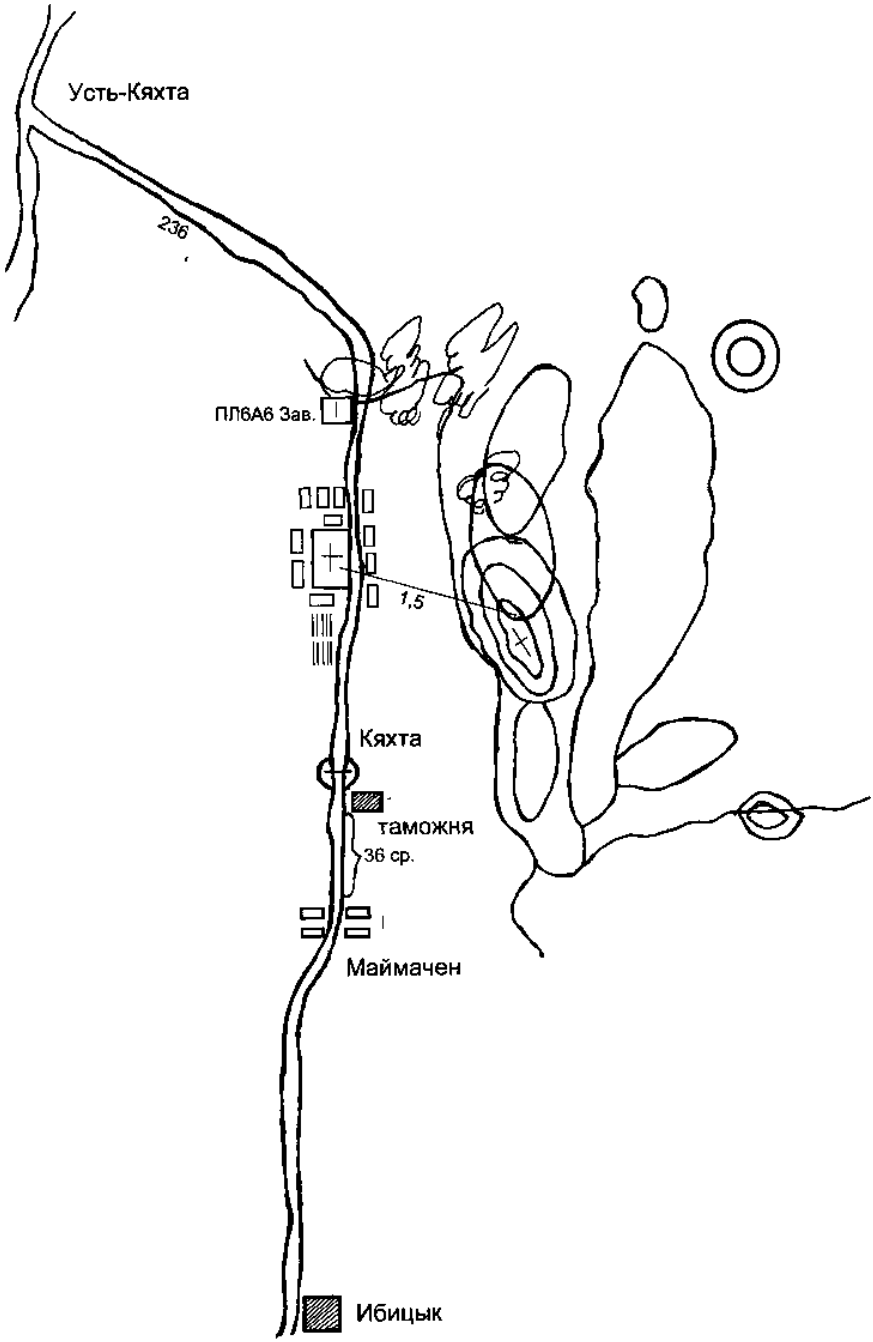
Есаул Макеев в своих воспоминаниях отмечает случай на походе в Троицкосавск — о конфискации транспорта с золотом весом примерно 180 пудов, принадлежавшим Харбинскому отделению Русско — азиатского банка. Все попытки установить этот факт не дали положительных результатов. Надо полагать, что конфискация и сокрытие 180 пудов золота, стоившего по тому времени 5 млн. сер. долл. была бы многим известна и, проходя через Хэнтэй на путях в Маньчжурию, полковники Парыгин и Хоботов легко уговорили бы меня сделать небольшой крюк для поиска золота, которое было бы нелишне офицерам и всадникам в изгнании. Думается, что 180 пудов золота — плод больного воображения есаула Макеева, но говорят, что эта его идея дала основание договориться с Московским народным банком в Шанхае поехать в Монголию для отыскания клада. Он благополучно вернулся в Шанхай, не найдя спрятанного клада.

Д. П. Першин в своих воспоминаниях упоминает, что большевики, вскоре по занятии Урги, нашли в Сонгино один из кладов генерала Унгерна большой ценности, а выброшенные романовские деньги усеяли долину Сонгино. Не смею отвергать его версию о кладах, но люди, близко стоявшие к казначейству дивизии, отрицают факт больших богатств дивизии. В походе на Русь уже ощущался недостаток денег. Возможно, что какую-то часть денег Унгерн припрятал где-то на всякий случай. О них понаслышке знал есаул Макеев и их-то ездил искать из Шанхая, но они были найдены большевиками раньше него, по указке какого-то Персандера60.

На подступах к Троицкосавску

Генерал Унгерн двигался от Урги к Троицкосавску, не спеша. Главные его силы двигались не по “большаку”, вдоль которого пастбища были потравлены, а проселочным путем через Мандал, прииск Дзун-модэ, Карнаковку (на р. Иро). По главному тракту, уступом вперед, двигался отряд, состоящий из Чахарского дивизиона при двух пулеметах. 2 июля генерал Унгерн дневал в Карнаковке. 3 июля войско было разделено на две группы: одна

большая группа с 4–м Конным полком, всей артиллерией и прочими частями под командой войскового старшины Маркова пошла на Ибицык. Другая группа — 1–й Татарский конный полк, 2 орудия, 4 пулемета во главе с самим Унгерном пошла на северо-восток, на станицу Кударинскую, которая отстояла от Карнаковки примерно на 50–55 км.



Район Маймачена и Кяхты.

Идти на Кударинскую соблазнили сотник Нечаев и кударинские казаки, которые заверили Унгерна, что стоит ему появиться в станице, как все казаки станицы, способные носить оружие, немедленно пойдут с ним, чем увеличат войско на

несколько сот опытных “фронтовых” казаков. В станице Кударинской красных не было. Рано утром 4 июля Унгерн “чаевал” в станице Кударинской. Казаки очень тепло встретили Унгерна с войском. Собрался станичный сход, на котором постановили: “Если генерал Унгерн объявит мобилизацию, то идти всем, способным носить оружие”. Такое постановление казаков противоречило принципу генерала Унгерна о “только добровольцах”, и он отказался объявить мобилизацию, а предложил поступить желающим. Добровольцев оказалось несколько человек (пять — шесть). Рассерженный Унгерн приказал полковнику Парыгину вести отряд в п. Киранский (в 23 км к востоку от Троицкосавска), а сам ускакал на Ибицык.

Ранним утром 3 июня Найден-ван со своими чахарами, разбив заставу красных на Ибицыке, с налету захватил Маймачен. Чахары занялись грабежом китайских купцов, кои еще не бежали. Грабеж длился всю ночь. Награбив и изрядно выпив, утром 4–го Найден-ван решил грабануть и в Кяхте, которая отстояла в полутора — двух километрах, и откуда не слышно было выстрелов. Чахары дружной толпой кинулись к Кяхте, но с близкой дистанции были встречены ружейным и пулеметным огнем и, потеряв до трети своего состава, спасая награбленное, драпанули в тыл. Сретенская конная бригада пошла в преследование чахар, но по пути на Ибицык встретила дивизион Галданова и, не приняв боя, ускакала обратно.

Когда генерал Унгерн под вечер 4–го прибыл в Ибицык, то увидал много бродивших по лагерю чахар. На вопрос к раненому и плохо перевязанному чахару, почему он не идет к доктору, чахар ответил, что доктор не хочет его перевязывать. “Доктора Клингенберга! Доктора…!”, — разнесся зычный голос Унгерна. Его зов повторился многими голосами по лагерю, и Клингенберг, как был в перевязочной, в халате, так и побежал на зов грозного начальника. Унгерн, не говоря ни слова подбежавшему доктору, стал наносить ему сокрушительные удары увесистым ташуром, а когда Клингенберг упал, то с ожесточением продолжал бить его ногами. В беспамятстве доктора унесли в госпиталь, а вечером со страхом санитар доложил, что положение доктора Клингенберга весьма опасное: сотрясение всего организма и переломлена кость ноги. “Отправить доктора с сестрой Швецовой в Ургу”, — последовал ответ на доклад.

В действительности, столь печальный инцидент для отряда рисуется так. С полдня на Ибицык стали прибывать раненые чахары. Доктор Клингенберг разбил перевязочный пункт и стал оказывать прибывающим раненым помощь. Больше десятка тяжелораненых лежало в госпитальных палатках. К вечеру

раненых стало меньше, и доктор, зная азиатскую манеру уклоняться от лечения у европейского врача, отправил двух санитаров ловить раненых чахар по биваку и перевязывал приводимых. Тот чахар, которого встретил Унгерн, был, очевидно, из уклонявшихся от перевязки и, чтобы уклониться от наказания, сказал, что доктор его не хочет перевязывать. Следствием же было то, что отряд перед боями лишился опытного врача — хирурга и лучшей сестры милосердия Швецовой.

Ночью Унгерн вызвал Найден-вана, уплатил чахарам жалование вперед за месяц и отправил в Ургу, освободив Найден-вана от обязанности служить ему, генералу Унгерну, пригрозив жестокой карой, если чахары будут заниматься грабежом.

После избиения доктора генерал Унгерн налетел на войскового старшину Маркова и стал его избивать ташуром, вменяя ему в вину, что он допустил разбить чахар. Унгерн отстранил его от командования полком, назначив командиром 4–го полка достойного, дельного войскового старшину Архипова.

Фактически войсковой старшина Марков ни в какой степени не был виновником в поражении чахар. Когда он с полком прибыл на Ибицык, то чахары были в Маймачене, где занялись грабежом, забыв, а вернее не желая донести в центр, дабы прибывшие не помешали им грабить. Войсковой старшина, чтобы связаться с чахарами, рано утром 4–го отправил дивизион Галданова, который подошел к Маймачену тогда, когда чахары, преследуемые Сретенской конной бригадой, бежали.

Галданов перестроил дивизион для атаки. Красные, увидав строящихся к бою унгерновцев, повернули обратно. Опытный, осторожный и хитрый хорунжий Галданов не бросился в преследование, зная, что на монгольских мелких конях не догнать красных кавалеристов, сидящих на русских казачьих конях. Галданов выставил сторожевые заставы, донес на бивак о том, что он видел, что сделал, и просил указаний на дальнейшие действия.

Генерал Унгерн поздно ночью 4 июня, оставив одну монголо-бурятскую сотню Галданова на путях Троицкосавск — Ургa, всем остальным приказал двигаться на северо-восток, в обход Троицкосавска с востока.

К югу от г. Троицкосавска, рядом с ним, лежит Кяхта, южнее которой в одной версте пролегает граница между Монголией и Россией, и сейчас же на рубеже границы лежит Маймачен-Кяхтинский. Все три населенные пункта лежат на довольно безотрадной равнине. С востока почти к самому Троицкосавску — Кяхте спускается гряда возвышенностей, которая командует над всеми тремя населенными пунктами.

Бой за Троицкосавск — Кяхту — Маймачен с 6 по 9 июня и его значение

Со стратегической точки зрения, Троицкосавск не играл первенствующего значения, так как на север от границы на Русь вело много дорог из Монголии, как и на юг в Монголию из России, но, тем не менее, взятие Троицкосавска для генерала Унгерна имело большое значение: победа укрепляла веру монгол в непобедимость бога войны, при внезапности атаки можно было рассчитывать захватить во всех трех пунктах два казначейства и два частных банка, где было немало ценностей и советских денежных знаков, кои при походе на Русь весьма пригодились бы тощей казне генерала Унгерна. Не менее ценным являлись для отряда перевязочные материалы и медикаменты. В госпитале Троицкосавска и двух аптеках их было достаточно. Троицкосавск лежал на прямых путях на Ургу и, владея им, можно было быть до некоторой степени спокойным за Да-хурэ, а следовательно — и за тылы унгерновских отрядов.

Силы красных: в Троицкосавске стояла Сретенская конная бригада до 500 сабель, пехоты до 250 человек, 1 батарея и пулеметная полурота— 8 пулеметов. Кроме того, военный комиссар Троицкосавска располагал монгольскими революционными войсками Сухэ-Батора — до 700 плохо обученных всадников, а всего до 1600 бойцов.

Генерал Унгерн располагал примерно 2000 бойцами высокого наступательного духа и хорошим кадром офицеров. К утру 6 июня все преимущества были на его стороне. Унгерн подошел к намеченным исходным рубежам для боя 5 июня и занял возвышенности, прилегающие с востока к Троицкосавску — Кяхте. Правый фланг позиций Унгерна упирался в шоссе Троицкосавск — Селенгинск, занятый частями 4-го полка. Центр занимали китайские части, артиллерия, пулеметы, тибетцы и прочие части. Левый фланг — наиболее важный — занимал самый надежный полк дивизии — 1–й Татарский. От главной сопки и левым флангом командовал полковник Парыгин.

Всю ночь с 5 на 6 июня генерал Унгерн и штаб-ротмистр Забиякин были в разведке подступов к Троицкосавску. 6 июня с рассветом Унгерн повел в атаку дивизион Забиякина на северо-восточную окраину Троицкосавска. К вечеру Забиякин занял окраину улицы Троицкосавска. Ему очень хотелось вести атаку на Соборную площадь города, но Унгерн, по причинам одному ему известным, приказал отходить на ночлег на исходную позицию. На других участках фронта атаки велись весьма вяло, и унгерновские офицеры удивлялись пассивности своего боевого

генерала.

В ночь с 6 на 7 июня унгерновцы, выставив охранение на горах, спокойно спали в долине. Утром 7 июня Унгерн приказал своему войску по всему фронту перейти в решительное наступление, но с первых же атак уяснили, что за прошедшие сутки к красным подошло сильное подкрепление — не меньше двух батальонов 30–й пехотной дивизии. Все атаки унгерновцев были отбиты, и Забиякину не удалось дойти до того рубежа, который он занимал вчера. Мало того, что красные отбили атаки унгерновцев, но они повели контратаку от Маймачена на левый, самый сильный фланг унгерновцев, однако Парыгин с большими потерями отбил атаку красных.

Унгерн, как ураган, носился по всей двенадцатикилометровой позиции, личным примером подбадривая бойцов. За день он загнал трех коней. Многочисленные атаки и контратаки за 7 июня не дали желаемой победы, и с темнотой бой затих. Противники остались на своих исходных местах.

Ночь с 7 на 8 июня была холодная. Дул северный ветер. Унгерн проявил милосердие и приказал своему войску спуститься на ночлег в долину, оставив на главной позиции китайский дивизион во главе с Парыгиным. Тем временем, когда утомленные унгерновцы спали в долине, красное командование, получив еще в подкрепление не меньше двух батальонов, артиллерию и пулеметы, готовились к наступлению.

Ночью Сретенскую конную бригаду послали в обход Маймачена с тем, чтобы она заняла улус Ортан — Суджи, в 5 часов утра заняла горы с востока Суджинской пади и открыла огонь по тылам унгерновцев. Колонна красных из Кяхты силой до двух батальонов пехоты — 1500–1600 штыков, в 5 часов утра тихо подошла к главной сопке, на которой сидели китайцы и, открыв по сопке орудийный огонь шрапнелью и гранатой, кинулась в атаку на китайцев. Полузамерзший, мало дисциплинированный и боеспособный китайский дивизион не оказал никакого сопротивления красным. Его словно ветром смело с горы, и красные заняли ключ ко всей позиции — гору. Установили орудия, пулеметы и открыли огонь по проснувшемуся от выстрелов лагерю унгерновцев.

Почти одновременно Сретенская конная бригада, точно выполнившая маневр, с восточных гор открыла огонь по тылам унгерновцев. Паника произошла неописуемая. Все бросились бежать на юг. Унгерн сидел около батареи и проклинал все на свете за полученную рану в мягкую заднюю часть — ранение с точки зрения военного не эстетическое. Едва удалось его усадить

в седло и вывезти из опасной зоны. Вне опасной зоны его сняли с седла, уложили в носилки и отправили в Карнаковку, куда он прибыл лишь вечером 8 июня.

Разбежавшиеся части генерала Унгерна, выйдя из полосы огня, стали группироваться около старших начальников. Все они держали путь на Карнаковку. К вечеру 8 июня в Карнаковке собралась большая часть войска, а войсковой старшина Архипов сумел почти весь 4–й полк провести в обход Троицкосавска — Кяхты — Май- мачена с юго-запада, и полк был полностью в хорошем состоянии, немедленно выставил сторожевое охранение, прикрыв лагерь у Карнаковки, и отражал все попытки красных дойти до Иро.

Генерал Унгерн потерял 6 орудий, 8 пулеметов, весь обоз с денежным ящиком, осталась в плену икона “Божьей Матери Споручницы грешных”, оставили всех убитых и раненых. Пропало без вести примерно сто всадников, преимущественно монгол, и гурт скота в 450 голов. Надо полагать, они просто сбежали к Сухэ-Батору. По поверке в частях войск вечером 10 июня в строю было 1560 всадников.

Причины поражения были следующие.

Отсутствовал работающий штаб, почему генерал Унгерн не знал ни сил противника, ни обстановки местности. По той же причине не было разработанного плана атаки Троицкосавского района. Войсковые начальники не знали “своего маневра”, а о “меньшей братии” и говорить нечего — она блуждала в потемках. Все ждали указки “дедушки”, а ее не было, так как он носился по двенадцатикилометровой позиции, и получить вовремя указания не было физической возможности. Двенадцатикилометровая исходная позиция для боя была несоразмерно велика для двухтысячного отряда. Ни в одном пункте Унгерн не имел кулака в 1000 бойцов, которые, вероятно, и решили бы исход боя еще 6 июня. В голове военного человека не укладывается отказ Унгерна развить достигнутый успех Забиякина, который рвался закончить бой победой. Одна — две сотни ему в помощь и огонь артиллерии по центру Троицкосавска — победа. Такому образу действия Унгерна не находится сколько-нибудь удовлетворительного объяснения. Старые унгерновцы говорили, что они “дедушку” видели первый раз таким пассивным в бою, и они же объясняли эту пассивность тем, что “ламы нагадали” генералу Унгерну счастливым днем, днем победы не 6 июня, а 7 и 8 июня, почему он и отложил взятие Троицкосавска до 7 июня и, не взяв его 7–го, уверен был во взятии 8 июня. От такого объяснения веет средневековьем, но это объяснение имеет под собой основание.

Роковой же ошибкой генерала Унгерна были две причины: он

не атаковал троицкосавский населенный плацдарм ночью с 3 на 4 июня, следом за Найден-ваном, и потерял три дорогих дня, за которые красное командование подтянуло до трех, а через 4 дня — до 5 батальонов 30–й пехотной дивизии с артиллерией, и Унгерн оказался со значительно меньшими силами против регулярной, победоносной над белыми дивизией. Но, несмотря на это, войско могло спокойно, без потерь отойти, растянуть красные войска и бить их по частям. Но в ночь с 7 на 8 июня генерал Унгерн не вовремя проявил милосердие — увел от холода войско в долину спать, оставив мало боевую китайскую часть, совершенно не учитывая того, что каждый час передышки усиливал красных подходом все новых и новых подкреплений и, получив их, узнав за два дня боя истинные силы Унгерна, они обязательно перейдут в наступление на его левый фланг, который к тому же остался без прикрытия.

Ушли унгерновцы без больших потерь в бойцах лишь потому, что вновь прибывшие красные начальники не знали точно, есть ли у генерала Унгерна резервы в тылу, и висел на фланге в 50–60 км генерал Резухин, который всюду наносил им ощутимое поражение и мог, переправившись через Селенгу, ударить им в тыл и правый фланг. Потеря всякой связи между генералами Унгерном и Резухиным имела весьма отрицательное значение для ведения боя против регулярных частей Красной армии. Если бы связь пикетами через 20–30 км существовала между генералами, на что потребовался бы расход до двух сотен монгол, то Резухин 4 июня со станицы Боссий, переправившись у Цаган-Усунской через Селенгу 6 июня, отрезал бы тыл красных в Троицкосавске, и городки сдались бы на милость победителя почти без боя.

Общее заключение о бое вытекает из сказанного — он велся не только бесталанно, а просто плохо. Бой за Троицкосавск имел огромные последствия для Белого движения и еще больше — лично для Унгерна. Проиграв бой за Троицкосавск, белые потеряли прекрасный, спокойный и сытый плацдарм. Монголы, руководимые красными из Алтан — Булака, и Сухэ-Батор с быстротой 200 км в сутки разнесли весть о разгроме войск так называемого бога войны. Генерал Унгерн потерял перед восточными народами “лицо” бога войны — он победим. Как бой за Ургу выдвинул генерала Унгерна на вершину славы, и имя его будет вписано в историю Монголии как освободителя монгол от китайцев, так бой под Троицкосавском развенчал его, как белого вождя и военачальника.

Две недели на берегу Иро

После троицкосавского разгрома унгерновцы, казалось бы, надолго перестали быть силой. Но фактически бригада в два-три дня пришла в полный порядок, и когда Сухэ-Батор 11 июня подошел к Ибицыку, то получил от унгерновцев такой удар, который отбил охоту у монгол лезть второй раз.

Когда я с костылями 14 июня явился к генералу Унгерну в Карнаковке, то в отряде я не видел ни растерянности, ни уныния. Отряд был сильным и полон наступательного духа. Унгерн встретил меня если не дружественно, то и не враждебно, безучастный к состоянию моего здоровья и личным семейным делам, хотя и знал, что я имею большую семью. Он видел, что для службы в строю я не гожусь, и назначил меня “походным интендантом” отряда, но интендантства фактически не было. Поручик Нагорный и два десятка пастухов — монгол при гуртах рогатого скота и отарах баранов — вот все, что составляло брюхо бригады.

В бытность мою еще начальником штаба генерала Резухина, по просьбе интендантства я назначил поручика Н. Владимирова (старый резидент Урги) организовать хлебопекарни по Харе и Иро, где были запасы зерна китайских землеробов: на реках стояли водяные мельницы. Поручик Владимиров был хозяйственный мужик, отлично знал условия и, дорожа спокойным местом, приложил много трудов, знания, чтобы наладить хлебопечение и достиг в этом отношении полного успеха, снабжая дивизию прекрасным печеным хлебом.

17 и 18 июня я узнал, что бригада пойдет на запад на соединение с генералом Резухиным. Было ясно, что, вероятно, на Иро мы не вернемся, и здесь хозяевами будут красные, а потому в спешном порядке весь запас печеного хлеба приказал пустить на сухари, а муку отправить в Ван-хурэ, но ее оставалось очень мало (300–400 мешков). Сухарей и муки для дивизии в 3000–3500 человек могло хватить лишь на короткое время. Чем кормить дальше — неизвестно. Много мяса — на него я возлагал все надежды, и на то, что каждый командир части со своим начхозом напитают своих всадников, зная, что в складах интендантства нет ничего. В дальнейшем так и случилось.

Когда стало известно, что бригада уходит на запад, оставляя незащищенной Ургу, где остались семьи офицеров и всадников, мы, семейные, переживали тяжелые минуты за участь своих семей. Старые унгерновцы нас утешали тем, что, наверное, Унгерн отдаст распоряжение в Ургу, чтобы семьи были эвакуированы под охраной в Маньчжурию, как это было, когда Азиатская конная дивизия уходила из Даурии. Будучи пленниками воинского долга и барона, мы положились на волю

Провидения и пошли по путям, кои были угодны генералу Унгерну. В наших сердцах еще не угасла вера в успех Белого движения.

Смерть войскового старшины Архипова

Дня за четыре до выхода бригады с Иро в лагерь прибыл на автомобиле подполковник Сипайлов. Пробыл он в отряде несколько часов и также незаметно исчез, не повидав никого. Его появление в отряде всегда несло кому-нибудь смерть. Избранником оказался храбрейший и любимец солдат — войсковой старшина Архипов.

Между Сипайловым и Архиповым была лютая вражда из-за сестры Архипова, которую Сипайлов пытался принудить к сожительству. Сипайлов долго и настойчиво доискивался причин погубить Архипова. Были слухи, что Архипов при занятии Урги, когда он реквизировал ценности Китайско — монгольского банка, не сдал всего золота в “казну”, а часть его утаил, но доказательств к этому не было.

По уходе дивизии из Урги вестовой Архипова по какой-то причине остался в Урге и под пьяную руку сболтнул, что он вместе с Архиповым спрятал 2 пуда золота. Подполковник Сипайлов арестовал вестового войскового старшины Архипова, допросил его с “пристрастием” и выудил признание, что у Архипова много золота, но где оно и сколько его — не знает. Такое “досье” Архипова Сипайлов преподнес Унгерну.

Войсковой старшина Архипов срочно был вызван из сторожевого охранения, сдав командование полком войсковому старшине Маркову. Архипова Унгерн передал в руки прапорщика Степаненко. Конечно, его били, пытали, несмотря на то, что Архипов сразу же сказал, что он утаил примерно 17–18 фунтов золота, которое и прожил за 4 месяца, благодаря чему он, его сестра и любовница жили хорошо и ни в чем не нуждались. В бригаде ходили слухи, что после пыток Архипова подвесили к дереву, росшему в камышах на болоте, где его день и ночь грыз болотный “гнус”. В день ухода с Иро его, едва живого, удушили китайской “закруткой”. Позднее мне передавал офицер из нечаевского дивизиона, ушедший последним с Иро, что они нашли письмо войскового старшины Архипова — своего большого и любимого начальника и, несмотря на страх перед Унгерном, с воинскими почестями предали земле прах храброго воина.

Большинство в отряде, уходя с Иро, не знало о последней трагедии на Иро. Отсутствие Архипова объясняли дачей ему

специального задания Унгерном. Когда же факт его смерти не оставил сомнений, то он вызвал глубокое возмущение в душах всех чинов дивизии, так как ни за какие деньги нельзя было купить такого партизана, офицера и командира. Хороший был казак… Так не был пощажен один из лучших начальников, много содействовавший Унгерну в успешных боях ради “принципа”.

Поход на запад

23 или 24 июня бригада снялась с удобного, сытого лагеря на Иро и стройной колонной пошла на запад вниз по Иро. К вечеру второго дня бригада вышла на берег Орхона, выше впадения в него Иро. Орхон в этом месте не имел бродов. Нужны были мост, плоты или паромы, но не было леса на постройку средств переправы. Один выход — плыть через Орхон. Трагическое положение было для монгол, боявшихся воды и не умевших плавать. Не умели плавать почти все буряты и многие русские.

Но раз отдан приказ “дедушкой” переправляться вплавь, нужно плыть. Всадники сняли одежду, вооружение — все приторочили на седла, подобрав стремена. Сотня за сотней подходили к берегу Орхона, входили в воду, держа коней справа от себя за перекинутые через переднюю луку поводья узды. Первыми начали переправляться русские сотни, их примеру следовали остальные. Картина переправы достойна кисти художника. Через 2 часа все войско было на левом берегу Орхона. Слышался смех, говор, шутки. Тянули канатами пушки и пулеметные двуколки по дну реки, благо дно его было твердое — галечное.

Табуны коней, скот переправили без особых затруднений. Затруднение составляло переправить монгольские арбы с продовольствием и имуществом, но наскоро из монгольских телег соорудили плоты и на них переправляли имущество и таких калек, как я. К вечеру вся переправа была закончена, и у костров до поздней ночи слышались веселые казачьи песни.

Было известно, что Резухин где-то у Ергина. К нему можно было пройти сравнительно спокойно, переваливая небольшие хребты, но Унгерн повел бригаду вдоль правого нагорного берега Селенги, вдоль которого вилась пешеходная тропа среди прибрежного кустарника и леса. Впереди бригады двигалась созданная саперная команда человек 150 с лопатами, топорами, кирками. Они расчищали путь, способный пропустить пушки и обоз. Шли очень медленно. Люди и кони сильно выматывались из сил. Расстояние всего в 200 км по прямой дороге бригада могла

пройти в 4–5 переходов, а мы шли почти две недели. Какие цели преследовал Унгерн, ведя бригаду избранным им тяжелым путем — неизвестно. 7 или 8 июля с нагорного берега увидали палатки 2–й бригады. Марш был закончен. Что ждало впереди — никто не знал. Никто и ничего не знал, что творится вне точки стояния бригады.

На реке Селенге

Прибывшая бригада расположилась биваком на правом нагорном берегу, на узкой прибрежной полосе. Бивак растянулся километра на два. Перейти на луговой левый берег не могли, так как мост через Селенгу в середине был разорван. Плохое место для бивака не позволили красиво и гигиенично разместиться частям войск, что вызывало дикий гнев генерала Унгерна. Он набрасывался на чинов своего жалкого штаба, на начхозов частей и офицеров.

Здесь, на Селенге, у генерала Унгерна родилась в голове новая мера дисциплинарного взыскания — сажать виновных офицеров на деревья. Какая из четырех мер наказания (купать, на лед, крыша, деревья) более жестокая — сказать трудно, не испытав их, но были офицеры, кои испытали все четыре и, по их мнению, сидение на дереве — самая худшая. Представить себе физическое состояние наказуемого просидеть суток трое — четверо на тонкой ветке высокого дерева, преимущественно на колючей сосне в 2–2,5 сажени от земли в дождик или непогоду, когда ветер качает и гнет сосну, как тростинку и наказуемый руками и ногами удерживается за колючие ветви, чтобы не упасть.

Первыми жертвами нового наказания были начштаба подполковник Львов, есаул Макеев, а третьего офицера фамилию не помню. В вину штаба поставлено было, что он не досмотрел, что в пределах бивака валялся разлагавшийся труп быка. Макеев сидел на сосне, которая стояла близко от палатки Унгерна, два других офицера ближе к моей палатке. С наступлением темноты подул сильный ветер, и сосны сильно качались. Макеев не выдерживал и “скулил”. Когда Унгерн потушил свет, то Макеев начал бросать в его палатку ветки, не давая ему заснуть. За полночь Унгерн вышел из палатки и подошел к сосне, на которой сидел Макеев. “Макеев, ты жив?!” — “Скоро умру, Ваше Превосходительство” — “Прыгай! Иди спать!” Утром подполковник Львов упал с сосны и, сильно ушибленный, был отнесен в палатку, а третий офицер просидел двое суток и был

снят с дерева, так как сам слезть не мог.

Через 4–5 дней бригада стала переправляться на левый берег Селенги в двух переходах выше стоянки. Способ переправы был тот же, как переправлялись через Орхон.

Первый раз после взятия Урги Азиатская конная дивизия с добавочными частями была собрана на одной стоянке. Бивак был красиво расположен и представлял из себя красивую картину. Численный состав войска, по моим интендантским запискам (по числу мясного рациона), определялся в 2700 человек. По цифрам выходит, что дивизия понесла убыль за месяц убитыми, ранеными и без вести пропавшими примерно 700 человек.

В лагерь на Селенге приехал (еще из Урги) настоящий интендант В. К. Рерих. Привез последнее выдаваемое жалование в калганских бумажных долларах. В. К. Рерих пробыл недолго в дивизии и, получив срочное задание от генерала Унгерна, уехал. Дня через три или четыре он опять на короткое время появился в лагере и вновь исчез, и встретили его уже в эмиграции.

Его срочные приезды и отъезды вытекали из распоряжений генерала Унгерна: первый отъезд — побывать в Урге, если она не занята красными, и передать председателю Совета министров письмо генерала Унгерна. Но Рерих в Ургу не пробрался, письмо не передал и вернулся с докладом к Унгерну. Затем он получил от генерала все инструкции, где держать интендантство во время предстоящего его похода на Русь. К чести В. К. Рериха, глубоко штатского, но хорошего и честного человека, нужно отметить полную заботливость о нуждах чинов дивизии и готовность всячески удовлетворить посильно просьбы частей войск и отдельных чинов. Он до последнего дня оставался на своем посту и не позволил никому и ничего разграбить из вверенного ему имущества и, думается, ничем не воспользовался сам.

В штабе генерала Унгерна произошла перемена. Вместо подполковника Львова начальником штаба был назначен полковник Кастерин — георгиевский кавалер за Германскую войну, командовавший полком во время Гражданской войны в армии генерала Белова (южной). До этого он был помощником командира 2–го Конного полка у полковника Хоботова. Из прапорщиков запаса, опытный боевой офицер, проведший всю службу с 1914 г. только в строю. Он не был подготовлен к штабной работе, не знал ее и, как человек умный, постарался от этой должности отделаться. Благодаря георгиевскому кресту ему это удалось сделать в ближайшие 10 дней, так что многие и не знали, что полковник Кастерин был начштаба. Позднее, уже в походе по Джиде, Унгерн взял в начальники штаба подполковника Островского.

Подполковник Львов был назначен помощником командира 4–го Конного полка. Дня через три или четыре, как прибыла часть интендантского обоза на Селенгу, я сидел в палатке, углубленный в цифры и оторвался от скучных и никому ненужных подсчетов нечеловеческим криком и матом, несшимся с западной стороны. На вопрос к своему вестовому Джамсарову: “Что такое там делается, Джамсаров?”, — получил ответ: “Жгут доктора, иди посмотри…” Смотреть я не пошел, но предсмертные крики доктора могли свести с ума нервного человека. Сожжение производилось тем же порядком и способом, как и прапорщика Чернова на Керулене. Причина? Медицинский фельдшер из г. Омска в дни “свобод” примкнул к “освободителям” и в первые дни революции играл какую-то крупную роль в Омске. Когда в Омске установилась власть адмирала Колчака, он бежал в Монголию и добрался до Урги, где осел, начав успешно лечить монгол. Всякий лекарь в Монголии именует себя “доктором”. Стал этим званием называться. Пришли унгерновцы, он добровольно явился на службу и был зачислен зубным врачом в тыловых учреждениях, при интендантстве. Фельдшера лично знал в Урге. Он не примыкал к большевиствующей группе Ургинской коммерческой управы. Стоял в стороне от политики, занимаясь своим делом, главным образом, рвал зубы и прививал оспу.

Когда прибыла на Селенгу с Рерихом часть интендантского обоза, то с ним прибыл и зубной врач. В Азиатской конной дивизии в числе мобилизованных в [Монголии оказались жители Омска. Они сразу опознали фельдшера, игравшего такую роль в дни революции в Омске, и донесли об этом Унгерну. Самозванство и причастность к “освободителям” послужили причиной столь жестокого наказания[61].

Прибыл в лагерь на Селенгу из долговременной поездки капитан Безродный. Офицеры, заходившие ко мне, говорили, что приехал Безродный, который привез много документов, компрометирующих офицеров, живших в Монголии до прихода Унгерна в Ургу и что, вероятно, некоторым офицерам не сдобровать. Такому разговору я не придал никакого значения.

Вскоре я зашел к генералу Резухину, чтобы его навестить и узнать хоть что- нибудь об обстановке. Резухин после первых слов приветствия в обычной шутливой форме заявил: “Капитан Безродный привез документ, изобличающий Вас, М. Г., в преклонении перед Лениным и сочувствующим его идеалам и деятельности”. Понимая слова Бориса Петровича как шутку, я отделался шуткой, выпил чаю с ромом и ушел к Корнелию Ивановичу Парыгину. Полковник Парыгин серьезно мне передал, что “вчера вышла крупная размолвка между генералами из-за Вас.

Генерал Резухин категорически отказался признать справедливыми документы, привезенные капитаном Безродным, обвиняющие полковника Торновского в причастности к большевизму, так как он с первого дня большевизма стоял в рядах борцов против них, а в Урге “большевики” запрятали его в китайскую тюрьму. Последний довод спас Вам жизнь”.

Суть же дела такова: проживая в Монголии с 18 апреля 1920 г. и занимаясь коммерческими делами, я много ездил по Монголии и в своих скитаниях попал на заимку братьев Ериных. Обитатели заимки рады были новому человеку, да еще торговому. Меня хорошо приняли. Не отпускали два дня, угнав моих коней далеко па пастбище. За два дня много было съедено, еще больше выпито. Говорили без конца до хрипоты. Главной темой разговоров были события на Руси. Люди все были хорошие и простые. Все поносили Ленина и считали его исчадием зла, кретином, идиотом и прочее, и прочее.

Черт меня дернул “расточать бисер перед свиньями” и высказать мысль, что во многом я с их мыслями согласен, но не согласен с тем, что Ленин “кретин” и “идиот”. Как бы Ленин ни кончил жизнь, но его имя войдет в историю наряду с реформаторами. “На истории России Ленин оставит глубокий след”. Слова мои были равносильны разорвавшейся бомбе и почти до утра служили темой разговоров. Наутро мы все забыли горячий вчерашний спор и дружески расстались.

Вот к этим же братьям Ериным на заимку попал и капитан Безродный в своем вояже по Западной Монголии. Очевидно, началось с попойки, и в разговорах пришел на память братьям Ериным полковник Торновский и высказанные мною мысли. Капитан Безродный потребовал от А. Ерина письменного подтверждения моих слов, и А. Ерин дал какие-то письменные показания. Что было написано — точно не знаю, но полуграмотный А. Ерин написал, что я ставил Ленина наряду с Лютером, Гусом и даже Христом. Эти показания А. Ерина чуть не привели меня на костер, и только твердое заступничество генерала Резухина спасло меня от лютой и незаслуженной ни с какой стороны кары. Генерал Унгерн даже не изменил моего служебного положения, хотя моя должность и не была нужна, но, наверное, причислил меня к числу “ненадежных”.

Смерть полковника Казагранди

Дня за три-четыре до ухода Азиатской конной дивизии на Русь в лагерь прибыл с сотней Сухарев. Он стал на правом

нагорном берегу Селенги, палаток не ставил, кони были расседланы и казаки ели у костров. Видно было, что сотник Сухарев здесь временно и скоро уйдет. Отдельно от бивака, на круче обрыва сидел генерал Унгерн и с ним рядом сотник Сухарев. Долго сидели. К вечеру Сухарев с сотней ушли, и мы его больше не видали ни живым, ни мертвым.

Много позднее, когда мы уходили с Селенги в Монголию, мне рассказали следующее.

Генерал Унгерн в отряде полковника Казагранди имел своих офицеров, кои обязаны были негласно следить за деятельностью начальника отряда. Эти же обязанности возложены были и на сотника Сухарева. Казагранди, согласно приказу № 15 от 21 мая, со своим отрядом из Ван-хурэ ушел в сектор района, назначенного для его деятельности — к востоку от Хубсугула — Караул — Шара — Азаргинской. На границе он получил сведения от своих разведчиков и русских поселян, что все пути из Иркутска в Монголию в направлении Улясутая забиты советскими войсками, и красные знают о движении его отряда в сторону Иркутска. Попытка Казагранди взять п. Шара-Азаргинский не увенчалась успехом. Оставаться с небольшим отрядом на долгое время в районе отведенного ему сектора было небезопасно и бесполезно. Для Казагранди, хорошо знавшего местные условия и настроения крестьян Иркутской губернии, было ясно, что еще не настало время для борьбы с большевиками. Нужно, чтобы крестьяне испытали на своей шкуре власть Советов и ГПУ и, когда крестьяне возьмутся за вилы, тогда и придти им на помощь, а пока нужно уйти в спокойное место, сохранить отряд и ожидать своего часа.

В конце июня месяца полковник Казагранди отвел свой отряд к юго-западу от Дзаин-шаби.

Поручик из отряда Казагранди доносил Унгерну об уходе полковника Казагранди вглубь Монголии, а сотник Сухарев прибыл на Селенгу с личным докладом об этом и добавил, что Казагранди собрался увести свой отряд на границу Тибета и, если обстоятельства потребуют, то и в Тибет. Решение Казагранди принял самостоятельно.

Генерал Унгерн, выслушав доклад сотника Сухарева, отдал ему приказ: “Немедленно скачи в отряд полковника Казагранди и уничтожь его, а отряд приведи ко мне, приняв его под свою команду. За неисполнение приказа снесу тебе голову”. Свой приказ Унгерн подтвердил письменно, на листочке полевой книжки.

В каком месте сотник Сухарев нашел отряд Казагранди — точно неизвестно, но где-нибудь в районе Цэцэн — гун-хурэ.

Каким образом он сумел убить начальника отряда среди многих преданных полковнику Казагранди офицеров и бойцов — тоже неизвестно, так как я в эмиграции не встречал людей из его отряда — свидетелей кровавой драмы, но не подлежит сомнению факт смерти доблестного полковника Казагранди.

После смерти Казагранди за Сухаревым последовало человек двести пятьдесят, а остальные рассеялись. Сотник Сухарев стал именоваться “атаманом”. Он не повел отряд к Унгерну, а, передвинувшись с ним к югу от Дзаин-шаби на границу Гоби, стал выжидать событий.

Вопрос — имел ли право генерал Унгерн рассматривать полковника Казагранди как изменника — спорный. Полковник Казагранди, как и есаул Кайгородов вели самостоятельно, на свой страх и риск, борьбу с большевиками из пределов Монголии. Как тот, так и другой, для пользы дела и согласованности признали общее командование Унгерна, как старшего и наиболее сильного. Получили от него часть оружия, обмундирования и немного денег (5–6 тыс. руб.). В свою очередь, Унгерн отобрал у Казагранди немало офицеров и солдат в Ван-хурэ, лишив его возможности увеличить отряд.

Больше всех зависел от генерала Унгерна атаман Казанцев, которого фактически Унгерн и создал, и этот атаман спокойно ушел от Унгерна к Кайгородову. Но ни Кайгородова, ни Казанцева генерал Унгерн достать рукой не мог, они были в пределах недосягаемости, а Казагранди был досягаем. Когда-нибудь выяснится правда, а всех, кто знал или соприкасался с полковником Казагранди, его смерть опечалила, и многие белые его оплакивали, так как погиб прекрасной души человек, убежденный борец за Белую идею и храбрый солдат[62].

С лагеря на Селенге — в поход на Русь: обстановка

Уходя с тракта Троицкосавск — Урга, генерал Унгерн оставил на этом пути отряд сотника Нечаева с его дивизионом, придав ему тибетскую сотню. Недолго задержался Нечаев на пути. Красное командование, получив точные донесения от монгол Сухэ-Батора, что Унгерн ушел с Иро на запад, 26 июня двинуло на Ургу отряд: монгол Сухэ-Батора — 700 всадников, полк 5–й Кубанской красной дивизии — 650 сабель, Сретенскую конную бригаду — 500 сабель, одну батарею — 6 орудий, пулеметную команду — 12 пулеметов, а всего около 2000 всадников при 6 орудиях и 12 пулеметах. Сотник Нечаев, конечно, не мог оказать сколь-нибудь серьезного сопротивления и, дав арьергардный бой

красным на Хара-голе, повел сотни на запад на присоединение с Азиатской конной дивизией, а тибетская сотня пошла в Ургу к Богдо-гэгэну.

Урга была оставлена унгерновцами 5–6 июля. Последними уехали Жамболон-ван с Немчиновым, но скоро расстались, так как вьючный обоз Жамболона двигался медленно. Немчинова не устраивало такое медленное движение, и он уехал нормальной скоростью и достиг Хайлара. Жамболон же со своим грузом попал в руки красных монгол, был ограблен и убит.

Госпиталь с доктором Клингенбергом выехал из Урги 2 или 3 июля. Двинулись на восток, не подобрав обозы и раненых на Керулене, дошли до оз. Буир-нура. Туда позднее прибыл подполковник Циркулинский (раненый), подобрав на своем пути всех раненых и больных, лежавших на Керулене, коих не взял с собою доктор Клингенберг. На этой почве между Клингенбергом и Циркулинским произошла крупная ссора и Циркулинский лично застрелил Клингенберга и сестру милосердия Швецову[63].

Все тыловые учреждения хозяйственного порядка с Комендантской командой подполковник Сипайлов увел на запад и стал лагерем к западу от Дзаин-шаби, но не пошел на Селенгу. Он избегал встреч с Унгерном, так как имел данные полагать, что из ближайшего свидания с Унгерном не вернется.

Семьи офицеров и мирные жители Урги, для коих власть Советов была неприемлема, были брошены на произвол судьбы. Узнав о приближении красных к Урге, оставленные стали группами и поодиночке бежать по разным направлениям. Более благоразумные и дальновидные люди взяли сразу направление на Хайлар и большинство благополучно до него доехали. Большая группа, человек в 20 во главе с П. А. Витте, не пошла но этому направлению, а пошла в верховья Орхона, где они могли бы выждать событий, так как барон Витте верил, что Монгольское правительство и Богдо-гэгэн не допустят хозяйничать красных в Урге и к зиме можно будет вернуться в Ургу. В этой группе были семья И. А. Лаврова и моя жена с малыми тремя ребятами. Купцы и старые аборигены Урги разъехались в глухие места Монголии, к приятелям — монголам, которые их укрыли.

Председатель Совета министров Манджушри-лама с благословения Богдо-гэгэна попытался остановить движение красных на Хара-гол, а Временному революционному правительству Монголии во главе с ламой Бодо предложил прибыть в Ургу для сговора с Правительством. Конечно, такой приказ Временным революционным правительством Монголии по настоянию комиссара Васильева был оставлен без внимания, и 8 или 9 июня на площади Урги был первый митинг.

После митинга Временное революционное правительство Монголии и монгольские войска двинулись к резиденции Богдо-гэгэна для изъявления ему своего почтения и преданности. Построились перед дворцом и ждали выхода Богдо-гэгэна для благословения. Богдо-гэгэн не пожелал выйти, а ламы вытянули и протянули канат вдоль фронта, по коему шла благодать Богдо-гэгэна.

В Урге наступило двоевластие. Как уже упоминалось ранее, генерал Унгерн преданного себе военного министра Монголии Хатан-Батор-вана отправил в Улясутай с тем, чтобы он в Западной Монголии создал сильную конную группу. Действительно, князь, не покладая рук, создавал двухтысячный конный отряд. Когда до Хатан-Батора дошли слухи, что Унгерн разбит под Троицкосавском, то он немедленно вошел в сношение с Сухэ-Батором и изъявил согласие работать с Временным революционным правительством Монголии. Об измене Хатан-Батора Унгерну доложил Бишерельту-гун. Генерал Унгерн, получив такое известие, сутки не вылезал из палатки.

На Селенге от капитана Безродного генерал Унгерн узнал о поражении отряда атамана Казанцева и об уходе его к Кайгородову.

Резухин в первые же дни подробно доложил Унгерну о его походе на Русь и передал составленный маленький конспект о настроении казаков и крестьян в районе 1–го отдела Забайкальского казачьего войска. В этом докладе черным по белому было написано, что жители добровольно не пойдут на восстание в данное время против власти Советов, и лично Унгерн сам знал об этом на примерах Акши и Кудариинской станицы. Унгерну был вручен и перечень частей войск и партизанских отрядов, кои находились на левом берегу Селенги. Силы красных определялись примерно до 10000 человек. Главная масса их передвигалась по берегам Селенги, а в непосредственной близости находились 6 батальонов на перевале Дзун-Харьястай.

Из кратко очерченной обстановки, которая была скрыта от чинов Азиатской конной дивизии, но подлинно известна Унгерну, следовало, что новый поход на Русь не даст никаких положительных результатов и принесет вред, так как дивизия потеряет монгольский тыловой плацдарм, ибо Хатан-Батор и Сухэ-Батор при поддержке 5–й советской армии не дадут Азиатской конной дивизии вновь укрепиться на территории Монголии и выждать время.

У генерала Унгерна оставалась еще полная возможность, при наличии 3000 бойцов, уйти ускоренным маршем на Керулен, так как монгольские части и малочисленные красные части, занявшие

Ургу, не сумеют помешать движению унгерновцев на Керулен. Но Унгерн не хотел использовать последний шанс сохранить 3000 прекрасных белых бойцов, увлекаясь химерическими планами па восстание народных масс Сибири и неприступностью Урянхайской горной котловины, где он при нужде мог отсидеться, не зная хорошо условия Саянского горного плато.

Последний поход на Русь

Состав войск:

1-й, 2–й, 3–й и 4–й конные полки с дивизионом Нечаева — 23 сотни, 2350 всадников.

Китайский дивизион — 2 сотни, 210 всадников.

Монгольских дивизионов — 4, 320 всадников.

Японская конная полурота — 40 всадников.

Пулеметных команд — 4, 36 пулеметов, 210 человек.

Артиллерии — 6 орудий, 120 человек.

Всего: 3250 бойцов.

Запасных коней — 2000.

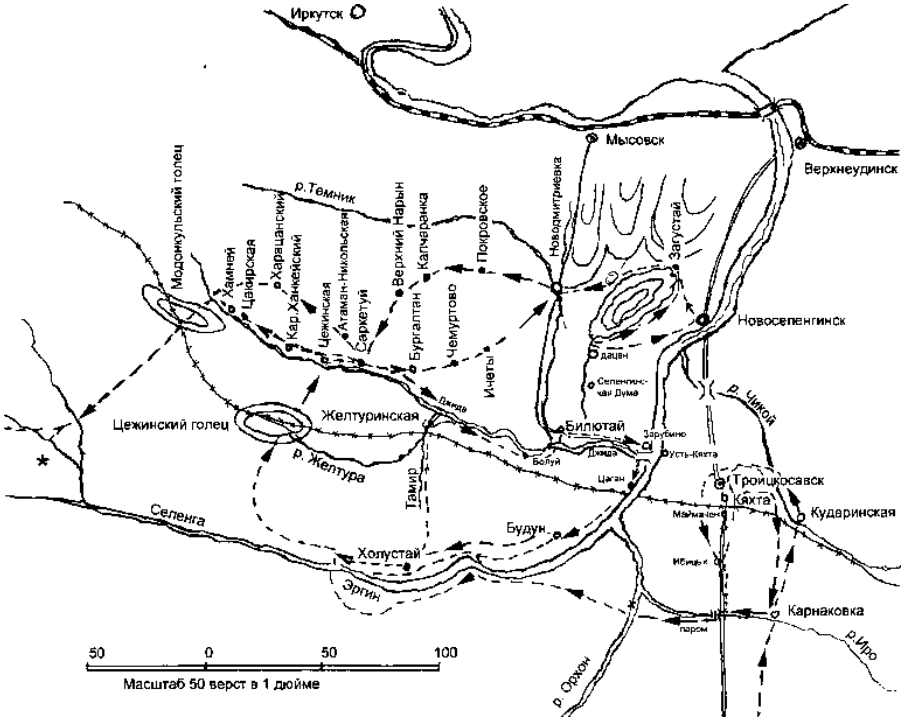
Гурты рогатого скота — 1200.

Обоз вьючный — 150 вьюков.

Как долго простоял бы генерал Унгерн в лагере на Селенге — неизвестно, но ежедневные утренние полеты аэроплана красных над лагерем до крайности раздражали его. 18 июля Азиатская конная дивизия снялась с бивака. Генерал Резухин с главными силами двинулся вдоль берега Селенги. Генерал Унгерн с 4–м полком остался в арьергарде.

Бой в Баяигольской долине

Утром 19 июля авангард генерала Резухина вошел в соприкосновение с частями войск 30–й пехотной дивизии 5–й советской армии. Резухин поспешил занять позицию перед долиной, довольно удобную. Правый фланг упирался в Селенгу, левый фланг был открыт. Силы красных определились из показания: до 7 батальонов пехоты, 1 полка кавалерии, 2 батарей из 12 орудий. Им шли на поддержку одна полевая шестиорудийная батарея и одна гаубичная 6–дюймовая четырехорудийная батарея.



Первый отдел Забайкальского казачьего войска.

Поход генерала Унгерна на Русь: выступил от Ергина 18 июля; бои: Баянгольская падь — 19; Цежинский — 23; Цикирская (1 сотн.) — 24; Атаман — Никольская — 25; Ново-Дмитриевка — 29; Гусиноозерский дацан — 1 августа; Загус-тай, Новоселенгинск — 1–2; движение по северному берегу Гусиного оз. — 3; Ново-Дмитриевка — 4; Капчаранка — 5; В. Нарын — 8; уроч. Саркетуй — 9; 5 сотен присоединились —10; Атаман — Никольская —11; дивизия разъединилась — 11; р. Хайка (последний бой) — 12; переход границы — 14; Эгийн-гол — 17. Поход генерала Резухина на Русь: выступил 19 мая; бои: р. Шибетый — 25; 2–й полк присоединился — 28; переход границы — 1 июня; Желтуринская падь — 2; Боссийская падь — 4; Билютай — 7; Зарубино — 8; Цаган — ус — 9; перевал Дзун- Харьястай — 10; Будун — 11; Ергин — 20.

Красные повели наступление на унгерновцев по всему фронту при мощном обстреле из артиллерии, но, к счастью для унгерновцев, стреляли гранатой и плохо. Центр тяжести удара направили на левый фланг позиции против 2–го полка. Атака на правый фланг велась меньшими силами, и 1–й полк легко ее отбил.

На левом фланге к полудню создалось угрожающее положение. Подъесаул Слюс с 5–й сотней в конном строю атаковал обходившие части, смял их и погнал. 3- й полк и

монголы усилили атаку Слюса и завернули правый фланг красных далеко назад.

Прибывший генерал Унгерн бросил 4–й полк в атаку, и он успешно отбросил за высоты левый фланг красных. Те красные, кои скопились против 2–го полка, вынуждены были спешно отступать, чтобы не быть окруженными. К вечеру красных отбросили далеко на восток. Батарею, захваченную 1–м Конным полком, вынув затворы и исковеркав прицельные приборы, спустили в Селенгу. Из опроса пленных выяснилось, что ожидается подход еще 3–4 батальонов красных с артиллерией.

Генерал Унгерн, несмотря на успешный бой, не пошел в преследование красных, а, оставив 4–й полк войскового старшины Маркова с приказанием задержать красных на сутки, вечером 19 июля увел дивизию вверх по Селенге.

Потери Азиатской конной дивизии за бой 19 июля составляли: убитыми около ста человек, в том числе капитан Веселовский, и ранеными около 110 человек, в их числе Глеб Лушников (совладелец очень большой торговой фирмы Швецовых). Раненых в ночь на 19 июля отправили на бычьем обозе в сторону Дзаин-шаби на присоединение к тыловым учреждениям во главе с подполковником Сипайловым. Днем 21 июля, где-то на дороге транспорт раненых нагнали партизаны Щетинкина и всех перерубили. Спасся один санитар, который и принес столь печальную весть. Нельзя было отправлять раненых без охраны, хотя бы с полусотней казаков.

Утром 20 июля красные, не видя и не испытывая преследования унгерновцев, осмелели и сами появились па вчерашних позициях и увидали, что унгерновцев на позиции мало, но, боясь засад, осторожно повели наступление на 4–й Конный полк. Все атаки унгерновцы спокойно отбивали. Красные, убедившись в том, что унгерновцев мало, с полдня повели энергичные атаки. Унгерновцы допускали их до прямого выстрела и волнами отходили на тыловые позиции. Так до самой ночи войсковой старшина Марков изматывал красных, а с наступлением темноты унгерновцы сели по коням и скрылись в ночной мгле. Азиатская конная дивизия за сутки ушла на 50 км. Красные потеряли след унгерновцев.

На Цежинский голец

Генерал Унгерн с дивизией, сделав два конных перехода вверх по Селенге, круто повернул на север и по речушке Шабур — гол, берущей начало с Цеженского гольца, пошел вверх по ней.

Путь был неимоверно трудный. Впереди шло посменно около 200 человек с топорами, кирками и лопатами, прокладывая путь на перевал. Пушки тянули смешанные полусотни. Преодолев все трудности пути, Азиатская конная дивизия 24 июля вступила в образцовом порядке в станицу Цежинскую.

Появление в Цежее унгерновцев для красных было столь неожиданным, что из нее не успели бежать комиссары и нашли здесь свою смерть.

Лагерем стали вне черты Цежей, на полянке. Жители с большой опаской приближались к лагерю. Застрельщиками были дети, коих обласкали и одарили. Казачки понесли к лагерю деревенскую снедь: яйца, молоко, творог, шаньги, хлеб и прочее, но к самому лагерю не подходили, а на пустыре между лагерем и станицей образовался базар. Казачки неплохо торговали за сутки, получая за свои продукты серебро.

Одна из сотен, не помню какая, не останавливаясь в Цежее на бивак, ушла в сторону станицы Цикирской и, проделав за сутки рейд в 60 км, утром 25–го вернулась, и командир сотни доложил, что ни в Цикирской, ни поблизости нет больших сил красных, а лишь на границе с Монголией стоят заставы.

Дивизионное вербовочное агитационное бюро

В Цежее я получил приказ из штаба дивизии, чтобы во всех населенных пунктах, через кои будет проходить Азиатская конная дивизия, я собирал сходы. На сходах информировать население о целях и задачах генерала Унгерна и призывать население вступать добровольцами в ряды борцов с III Интернационалом, поработившим русскую землю. В мое распоряжение назначено было два офицера. Мы трое составляли “агитационно — вербовочное бюро”.

Деятельность наша продолжалась дней пятнадцать. Собирали сходы в 5–6 населенных пунктах, около коих Азиатская конная дивизия задерживалась на несколько часов. Обычно картина была такова: предлагаю станичному атаману или сельскому старосте собрать сход. На сход народ валом валит без принуждения. Тянутся на сход и бабы с детьми на руках. За большими бегут и дети. Сход получается многоликий и красочный. Тишина и внимание полное. Говорить старался кратко и ясно, о целях и задачах прихода генерала Унгерна на Русь, призывал к борьбе с большевиками — поработителями. Минут 25–30 слушали внимательно, а затем ребятишки начинали кричать, молодежь громко разговаривать, ряды редели, и к концу часа на сходе

почти никого не оставалось. Старался вызвать ответы и вопросы. Таковых не было. Расходились молча. Сход редел и оставался в кругу местных властей, которым неловко было перед нами, что сход сам разошелся.

От одиночных жителей, в порядке частной беседы выяснили настроение жителей. Оно во всех случаях сводилось к формулировке: “Мы испытали шомпола и нагайки семеновцев, мы знаем и власть Советов, которая нам тоже не г. о душе, но она пока нас не трогает. Поживем, увидим. Сейчас с вами не пойдем"

Насколько помню, первый сход собрал в Атаман — Никольской станице. После схода зашел к генералу Резухину поделиться своей неудачей. Борис Петрович с обычной усмешкой мне ответил, что такие ответы он слышал в Акшинском районе, слышал их и в его недавнем походе в устье Джиды и не следует огорчаться. — Тогда я не понимаю смысла похода, раз он знал, что восстание населения не произойдет. Обычно с этой плоскости разговора генерал Резухин переводил разговор на другую тему.

Не отчаиваясь, “вербовочно-агитационное бюро” добросовестно собирало сходы и в результате 15–дневной работы завербовало трех добровольцев из числа людей, коим нечего было терять дома.

Когда дивизия пошла в обратный путь от Ново-Дмитриевки, я представил лично генералу Унгерну письменный краткий отчет, в котором точно написал, что население с нами не пойдет. Он не стал его читать, а в моем присутствии порвал и сказал: “Можете быть свободным, полковник…”

Как правило, войско генерала Унгерна располагалось биваком вне черты населенного пункта. За все покупаемое платили билонным серебром. Никаких притеснений и обид населению не причиняли. Наоборот, всемерно оказывали населению помощь. Не помню, в каком населенном пункте находилась большая кооперативная лавка Советов. Генерал Унгерн из нее взял для отряда соль, крупу и муку, а все остальное приказал раздать жителям. Уходя из населенного пункта, опрашивали местные власти: “Нет ли каких претензий со стороны жителей к чинам Азиатской конной дивизии?” И в ответ видим поклоны и благодарность за прекрасное отношение к населению и уверение в том, что унгерновцы не похожи на семеновцев, которые здесь “лютовали”64.

По первому отделу разбросано много бурятских становищ. Буряты жили ближе к горам, по долинам гор и в районе Гусиного озера. Бедных людей в Забайкалье вообще не было, и буряты, несмотря на невысокий культурный уровень, жили хорошо. К унгерновцам буряты относились очень хорошо. Они были

проводниками. Они же были и осведомителями о красных. Русское население скупо давало сведения о красных, тогда как буряты сами приезжали в отряд и осведомляли о появлении новых отрядов. Но, несмотря на симпатию к унгерновцам, добровольцами не поступали и ждали объявления общей мобилизации.

От бурят мы узнали, что штаб 5–й советской армии, кроме 30–й пехотной дивизии и 5–й Кубанской конной дивизии, направляет в район Гусиного озера 26–ю пехотную дивизию, и головные эшелоны выгружаются в Верхнеудинске.

Уходя из станицы штаб-офицеркой, генерал Унгерн оторвался от дельты р. Джиды и повел дивизию по скотопрогонному тракту на г. Мысовск, через Бургал-тан, Чемуртово, Ичеты, Ново-Дмитриевку. Буряты донесли, что у Ново-Дмитриевки стоит отряд красных особого назначения силою до 200 человек и что из Мысовки вышло много красных, и двигаются по тракту на Ново-Дмитриевку.

Бой со 109–й дружиной особого назначения.

Поселок Ново-Дмитриевка в рейде Азиатской конной дивизии имел первенствующее значение, так как около него произошло три боя. По своему географическому и топографическому положению он лежал в основании прибайкальского горного дефиле на Мысовск. Через дефиле протекала речонка, а с запада на юго-восток, как бы у подножия Прибайкальских гор, протекал Темник, в сухую погоду маленькая река, но в дожди бурная и многоводная.

В ночь на 29 июля Азиатская конная дивизия пошла переменным аллюром к Ново-Дмитриевке. Буряты — проводники провели авангард дивизии — 2–й Конный полк — в тыл 109–й дружине, безмятежно спавшей на поляне вблизи школы, которая стояла на косогоре.

Еще не поднимался туман от земли, когда унгерновцы со всех сторон напали на спавших. Никакого боя фактически не было. Большинство без сопротивления сдались на милость победителя. Некоторые пытались бежать, в их числе комиссары и коммунисты, и пали под ударами сабель казаков. В плен сдалось около 150 человек. Красноармейцы были народ молодой, красивый, хорошо обмундированный. Когда их выстроили, на них любо было смотреть. Когда со 109–й дружиной было покончено, то разъезды, посланные на север в дефиле, донесли, что к Ново- Дмитриевке подходит с севера, вероятно, от Мысовска, сильный отряд красных, не меньше чем 800–1000 бойцов. Генерал Унгерн послал 4–й Конный полк войскового старшины Маркова занять высоты к северу от поселка и за ним поспешил со всей дивизией.

Бой с Иркутским комендантским батальоном из Ново-Дмитриевки

Когда в 1-м отделе Забайкальского казачьего войска в июне месяце появился генерал Резухин, то командование 5–й советской армии обеспокоилось за стратегические пункты в этом районе. Одним из наиболее важных пунктов был поселок Ново-Дмитриевка, лежавший у основания дефиле Прибайкальских гор на пути на Мысовск, от которого начинались на запад туннели Кругобайкальской железной дороги. Отсюда понятна забота красного командования об укреплении Ново-Дмитриевки. Приехали военные инженеры, саперы и больше недели копали окопы, вбивали колья для первичных заграждений и прочее.

Иркутский комендантский батальон, спешно высланный из Иркутска, торопился занять укрепленную позицию, защищающую дефиле на Мысовск, но он опоздал, так как на полчаса раньше штаб-ротмистр Исаак[64] с дивизионом занял юго- восточные склоны дефиле, а штаб-ротмистр Забиякин с дивизионом — юго-западные склоны. Красные успели занять северные склоны. Красные лишились выгодной и укрепленной позиции и могли использовать только тыловую позицию.

Артиллеристы унгерновцев до начала боя затащили два орудия на позицию штаб-ротмистра Исаака. Они и открыли огонь прямой наводкой по позиции красных.

Загорелся бой. Здесь отличились монголы. Они в конном строю атаковали красных. Конная атака монгол носила стихийный характер: впереди сотен скакали нойоны во главе с Бишерельту-гуном и “Маленьким гэгэном”[65], который выкрикивал какие-то заклинания. За нойонами неслись монголы, прильнув к гривам коней. Вся масса в 320 всадников неслась на смерть или к победе. Смотря со стороны на лихую атаку монгол, думалось, что ламаизм не вытравил окончательно воинственный дух в монголах времен великого Чингисхана, и нужен лишь толчок пробудить воинственность от многовековой спячки.

Красные не выдержали стремительной атаки монгол и стали отходить по склонам гор на север. Но на их беду 1–й Конный полк, обойдя горы с юго-запада, вышел в долину речушки и отрезал путь отступления красным на Мысовск. Они стали сдаваться в плен. Группа начальствующих лиц и комиссары на конях проскочили на восточный склон дефиле и скрылись в горах. Есаул Янков не сумел задержать бежавших комиссаров. Генерал Унгерн жестоко избил Янкова за оплошность.

Так 29 июля ознаменовалось двумя победами с малыми потерями. Пленные были построены в две шеренги. Генерал

Унгерн обходил пленных, со многими милостиво разговаривал. Человек 25–30 из числа желающих принял на службу в Азиатскую конную дивизию, остальным приказал похоронить убитых красноармейцев, а раненых взять с собой и с миром идти по домам. Такой милости красноармейцы не ожидали и, когда дивизия вечером уходила от Ново-Дмитриевки на юг, то они как будто бы с сожалением провожали унгерновцев.

Из показания пленных явствовало, что ни в Мысовске, ни на Кругобайкальской дороге нет значительных гарнизонов красных. Генерал Унгерн не пошел на г. Мысовск, справедливо учитывая, что штаб 5–й красной армии в Прибайкальских горах дивизию уничтожит, но непонятно, как он не рискнул одной сотней во главе с лихим командиром, как Слюс или Исаак и др., и не послал взорвать ближайшие туннели от Мысовска. Сотня о двух конях могла бы совершить такой рейд в два дня, взорвать 5–6 ближайших к Мысовску туннелей, что поставило бы штаб 5–й армии в большие затруднения с посылкой войск на борьбу с генералом Унгерном.

В бою с красными у Ново-Дмитриевки взято было 4 пулемета и до 1 ООО винтовок. Дивизия вечером 29 июля пошла вниз по р. Темнику и, отойдя 10–12 км, на прекрасном лугу стала на дневку. Здесь, в предгорье, генерал Унгерн приказал зарыть лишнее оружие. Его было много. Оказались лишними пулеметы. Зарыто было 12 пулеметов и 1100 винтовок. Нашли ли потом красные оружие или нет — неизвестно.

Бой 1 АВГУСТА у Гусиноозерского дацана.

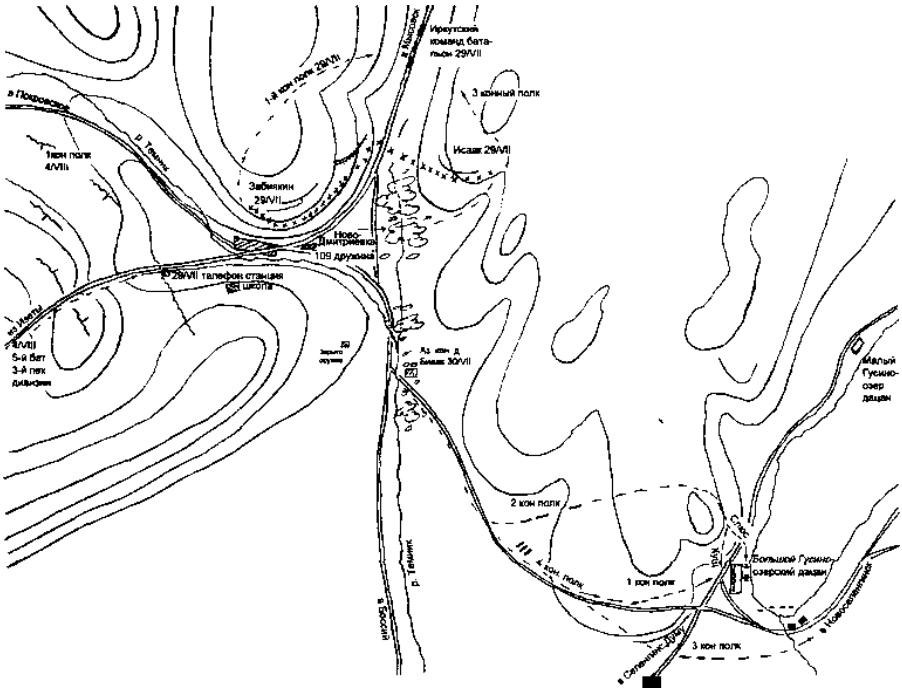
Опять буряты, жившие по берегу Гусиного озера, донесли Унгерну, что из-за Селенги прибыли красные к Большому Гусиноозерскому дацану. Силы красных — примерно до 800 штыков пехоты, 2 эскадрона кавалерии и 2 орудия.

31 июля ночью Азиатская конная дивизия пошла к дацану и, пользуясь горной местностью, к утру 1 августа обложила дацан с трех сторон, приперев красных к озеру. 2–й Конный полк пошел по падям северо-восточных возвышенностей и к рассвету оказался перед северной окраиной дацана. 1-й Конный полк вышел перед фронтом дацана с запада. 3–му Конному полку приказано было занять берег речонки, вытекающей из озера и тем отрезать отступление красных на Новоселенгинск или Селенгинскую Думу.

Первым атаковал дацан в конном строю подъесаул Кущ. Он доскакал до самой ограды дацана, но, встреченный огнем из пулемета, отскочил. Есаул Слюс повел атаку на северную оконечность в пешем строю. Обошел дацан с севера и по берегу озера, никем не задержанный, ворвался в дацан. Что первое встретилось — батарея. Пушки были приведены в негодность для

стрельбы, что значительно облегчило взятие дацана. Сотня прикладами и шашками лихо работала в дацане. Первый полк в пешем строю повел правильно наступление на дацан.

Красные не ожидали скорого появления унгерновцев и спали спокойно. 2–й кавалерийский эскадрон стоял биваком на берегу озера. Кони их паслись у речушки, вытекающей из озера.



Бои у Ново-Дмитриевки 29 июля и 4 августа и у Большого Гусиноозерского дацана 1 августа (кроки вычерчены на память).

При первой тревоге красные кавалеристы, в большинстве на неоседланных конях ускакали в направление Новоселенгинска до подхода к месту 3–го полка.

Лишившись артиллерии и кавалерии, красные оказались в безвыходном положении. Часов в 9 утра перед фронтом 1–го полка красноармейцы стали сдаваться в плен. Цепи 1–го полка прекратили огонь. В это время в 1–й сотне раздался голос: “Господин сотник, нет патрон”. Красноармейцы увидели в этом возможность продолжить бой и вновь открыли стрельбу Полковник Парыгин с сотней в конном строю атаковал их и изрубил. Возглас: “Нет патрон”… стоил жизни 20–30 человекам.

Частично красные стали отступать по южному берегу озера, а до 150 красноармейцев шло водой, многие по плечи, а многие до груди. Отступающими командовал комиссар, который бегал по цепи с револьвером в руках и наводил порядок. Правда,

красноармейцы отступали в порядке, но, дойдя до речонки, вытекающей из озера, они были встречены пулеметным огнем 3–го полка и залегли. Комиссар не мог поднять цепь и выстрелом в висок покончил с собой на глазах своих и врагов.

Те красноармейцы, кои шли водой, стали удаляться от берега, а так как озеро мелкое, то их головы были похожи на плавающие в воде арбузы. Унгерновцы открыли по “арбузам” огонь. Сколько убито и сколько их спаслось — неизвестно.

К 10 часам утра бой затих. В плен сдалось до 400 человек. Ни комиссаров, ни старших офицеров среди пленных не оказалось. Они частью бежали, частью были убиты. Трофеи: 2 орудия, 6 пулеметов, 500 винтовок, обоз. В обозе оказался денежный ящик и канцелярия полка (не помню я полка, но он из состава 26–й пехотной дивизии, вновь прибывающей). Генерал Унгерн приказал не разбираться в канцелярии, а тут же ее сжечь. Жаль. Много полезных сведений из бумаг можно было почерпнуть. В обозе нашлось много полезного: мука, гречневая крупа, соль и консервы. В денежном ящике советских денежных знаков оказалось немного — около 8000 руб. Их Унгерн приказал сжечь, а напрасно, так как они имели хождение в Забайкалье, и не нужно было бы тратить серебро на уплату местным женщинам за муку и хлеб. Пленных было около 400 человек. Унгерн обошел их, поговорил. Приказал похоронить убитых, подобрать раненых, и отпустил на все четыре стороны.

В час дня, пообедав, генерал Резухин с двумя полками пошел по дороге на Новоселенгинск. Генерал Унгерн около 5 часов вечера снялся с двумя полками, пошел по восточному берегу Гусиного озера, по пути Резухина, но, дойдя до разветвления дорог, не пошел на Новоселенгинск, а продолжал путь по берегу на Загустай.

Еще не закончился бой у Большого Гусиноозерского дацана, как разразилась гроза генерала Унгерна. Он налетел на командира 3–го полка подъесаула Янкова и стал его нещадно избивать ташуром. Измолотил его до полусмерти, вменив ему в вину, что он упустил 2–й эскадрон красной кавалерии и комиссаров, кои фактически бежали из дацана до подхода 3–го полка к Гусиному озеру Янков недели три поправлялся в обозе 1-го полка, в который он был зачислен командиром дивизиона.

Генерал Резухин путь в 30 км до Новоселенгинска прошел в 4–5 часов и вечером подошел к Новоселенгинску. Красные переправились на правый берег Селенги часа за два до подхода Резухина. Жители очень доброжелательно встретили унгерновцев, но добровольцев и здесь не нашлось. Разрушив все средства переправы — паром, лодки — Резухин, поужинав в

Новоселенгинске, ушел на присоединение к дивизии и утром 2 августа прибыл в Загустай.

Загустай — поселок небольшой. Он стоит на самой северной точке озера и знаменит тем, что вблизи него (к северу в 6–7 км) находится замечательное по мощности содовое месторождение. Знаменит для унгерновцев тем, что он оказался поворотным пунктом для идеи генерала Унгерна. В Загустае он решил, что идти дальше — смерть для дивизии и его идеи. За сутки, проведенные в Загустае, Унгерн решил, что борьба с 5–й советской армией ему не под силу и что нужно уходить из Забайкалья вновь в пределы Монголии. Борьба с 30–й пехотной дивизией, прибывшей всей 5–й Кубанской конной дивизией и прибывающей 26–й пехотной дивизией непосильна. Обменивался ли Унгерн с Резухиным своими думами — неизвестно, но, скорее всего, нет, так как Резухин на все вопросы отвечал незнанием планов Унгерна. Как тогда, так и теперь верю генералу Резухину.

Рано утром по лагерю послышалась команда: “По коням!” и дивизия тронулась по берегу Гусиного озера, огибая его с северо-запада. Дивизию генерал Унгерн вел переменным аллюром с предельной скоростью, допускаемой для движения обоза, табунов и гуртов рогатого скота. Сделан был большой привал у Малого Гусиноозерского дацана, новой постройки с золотыми куполами. Бивак расположился на охраняемых лугах (загороженный “поскотинами”). Трава была отличная. Кони быстро напитались. Подошли гурты. Дивизия пошла на Ново-Дмитриевку. Опять старое, памятное место.

Бой у Ново-Дмитриевки 4 августа

Опять буряты донесли, что к Ново-Дмитриевки подходит сильный красный отряд из Селенгинской Думы. Красноармейцы принадлежат к составу 30–й пехотной дивизии. Они занимают позицию к северу от Ново-Дмитриевки. Для Азиатской конной дивизии обстановка складывалась весьма неблагополучно: старый путь на Атаман — Никольскую станицу занят красными, с боем нужно пробиваться на Покровскую.

Генерал Унгерн в 8 часов утра приказал полковнику Парыгину со своим 1–м полком с предельной скоростью идти через Ново-Дмитриевку, вверх по Темнику, занять перевал Бурин, через который пролегал путь на Покровское и пропустить все обозы, гурты и табуны коней, удерживая перевал, во что бы то ни стало, пока не пройдет вся дивизия. Третьему Конному полку есаула Очирова занять высоты к юго-западу от Ново-Дмитриевки. Обозы были пущены следом за 1–м Конным полком.

Красные силой до 6 батальонов пехоты и 2 батарей, перевалив через хребет, с походного порядка перешли в боевой и энергично атаковали цепи 1–го Конного полка, но, встреченные пулеметным и ружейным огнем, задержались. 3–й Конный полк, чтобы облегчить положение 1–го Конного полка, перешел в наступление и отвлек силы красных на себя. Красные повели против 3–го полка энергичное наступление и ввели в бой отлично оборудованный броневой автомобиль. Унгерн выслал на поддержку 3–го полка дивизион 2–го полка под командой есаула Слюса, который в конном строю атаковал красных.

Горячий бой завязался к юго-западу от д. Ново-Дмитриевки. Конная атака Слюса, успешная вначале, задержалась из-за густой сети поскотен, кои помешали подъесаулу Кущу захватить красный боевик. 3–й Конный полк задержался на занятых высотах, и красные не могли проникнуть в деревню и перерезать дорогу, по которой шли обозы. К 2–м часам дня все обозы и тылы проследовали через Ново- Дмитриевку. Для генерала Унгерна не было смысла ввязываться в большой бой с превосходящими численностью красными войсками. С наступлением темноты части дивизии сворачивались и шли на Покровское. В арьергарде шел сам Унгерн с 4–м Конным полком.

Утром 5 августа в с. Покровском выяснилось, что отсутствуют: дивизион подъесаула Забиякина — 2 сотни, пулеметная команда штабс — капитана Аргентова, китайский дивизион и монгольская сотня 3–го полка, а всего пять сотен.

Отсутствие пяти сотен сильно волновало Унгерна и всех чинов дивизии. Жители Покровского встретили унгерновцев очень тепло и делились с ними всем съестным, что было у самих. Насколько помню, в Покровском был схвачен еврей — коммерсант и я впервые видел расправу унгерновцев с евреями.

Бой в деревне Капчаранка

Шестого августа в авангарде шел 1-й полк. В головном отряде шла татарская сотня сотника Мухаметжанова. Сотня шла без достаточной бдительности и целиком вошла в деревню. Всадники стали слезать с коней в надежде купить хлеба, молока, яиц и прочей снеди, но вместо яств на них посыпались пули из каждого двора. Как ошпаренные, татары выскочили из деревни. Оказалось, что в деревне сидели две роты красных. Подоспевший полковник Парыгин повел правильное наступление на деревню и привел татарскую сотню в порядок. Бой за деревню длился 4 часа. Красные отступили из деревни и заняли высокую, трудно одолимую сопку. Вся дивизия собралась у деревни. Генерал Унгерн долго смотрел на сопку, где засели две роты красных с пулеметами. Атаковать сопку он не захотел, и дивизия пошла на п. Саркетуй. Бой за д. Капчаранка стоил Азиатской конной дивизии только убитыми 50 человек, в их числе сотник Мухаметжанов и в числе раненых — капитан Россианов.

На рассвете 8 августа унгерновцы прошли Верхний Нарын и к обеду вошли в Атаман — Никольскую станицу. С этого момента дивизия была вне опасности окружения, и красные в своей массе были позади. Если бы дивизия двигалась с нормальной скоростью, то она была бы далеко от красных, но Унгерн вел дивизию медленно, оглядываясь назад, поджидая пять потерявшихся сотен. Их пока не было. Красные спешили по следам унгерновцев и медленное движение генерала Унгерна вынудило его принять бой с наседавшими красными у станицы Атаман — Никольской.

Бой с красными у штаб-офицеркой

Наседавшие красные раздражали генерала Унгерна. Он решил их проучить и заставить отказаться от преследования. По выходе из штаб-офицеркой станицы, на удобной для обороны позиции Унгерн оставил 3–й полк, расположив его влево от берега р. Джиды. Левый фланг упирался в сопку.

Красные обрадовались, что наконец-то они вынудили унгерновцев принять бой. Они энергично повели фронтальную атаку на 3–й полк и, подойдя на дистанцию 800 шагов, залегли. Они вынуждены были послать обходящую колонну на правый фланг унгерновцев, упиравшийся в Джиду. Обходящая колонна к вечеру переправилась через Джиду и была почти в тылу унгерновцев. Нужно было оттянуть первый фланг 3–го Конного полка уступом назад, но по малой тактической подготовленности в военном деле есаула Очирова он не распорядился этого сделать, и две правофланговые сотни понесли большие напрасные потери. Убиты были подъесаул Бородин и прапорщик Кузнецов (бывший чиновник Улясутайского консульства). С темнотой 3–й Конный полк отступил на Саркетуй. На перевале у высоты 529 генерал Унгерн оставил дивизион 3–го полка с пулеметной командой — 4 пулемета штабс — капитана Озерова. Позиция была отличная для засады.

Красные двигались по следам унгерновцев, несмотря на высланную вперед разведку, не обнаружили унгерновцев около перевала и спокойно в колоннах стали подниматься на перевал. Как только голова красной колонны приблизилась к перевалу, то унгерновцы с высоты 529 перевала и из-за гребня, что было 300 шагов ниже и западнее перевала, открыли ружейный и пулеметный огонь, смешав всю колонну в месиво. Красные понесли потери не меньше, чем в 50 % всего отряда. После этого случая красные не пытались уже сидеть на хвосте колонны Азиатской конной дивизии и держались на почтительном расстоянии.

9 августа Азиатская конная дивизия дневала в п. Харацанском. 10 августа был радостным днем для Азиатской конной дивизии, так как прибыли пять сотен, оторвавшихся в Ново-Дмитриевке. штаб-ротмистр Забиякин умело и спокойно вел их на запад по горным дорогам, имея направление на Мондокульские гольцы. Раньше он не мог присоединиться к дивизии, так как между ним и дивизией все время находилась сильная красная прослойка.

11 августа дивизия ночевала в п. Хамней. Здесь генерал Унгерн разделил дивизию на две колонны. В первую колонну под личным начальством Унгерна вошли: 3–й и 4–й конные полки, монгольский дивизион, артиллерийский дивизион с 6 орудиями, пулеметная команда подполковника Евфаритского, главный обоз, лазарет и все гурты. Запасные кони были разделены на два косяка. Во вторую колонну под командой Резухина вошли: 1–й и 2–й конные полки, китайский дивизион, взвод артиллерии с 2 орудиями (Шестаковича) и пулеметная команда с 4 пулеметами

(сотника Иванова).

Рано утром 2–я бригада с Унгерном ушла вперед, а 1 — я бригада выступала на 5–6 часов позднее и шла в арьергарде. В тот же день генерал Резухин имел с наседавшими красными короткий арьергардный бой на речонке Хамней: красные понесли большие потери.

12 августа бригада Резухина прошла п. Цикирский. При переходе вброд небольшой речонки Хайки, генерал Резухин обратил внимание на местность, как будто бы специально созданную для оборонительного засадного боя. Обстановка требовала дать красным основательную трепку, чтобы отучить их сидеть на хвосте унгерновских колонн.

От переправы через речушку по перпендикуляру на запад шло небольшое дефиле. Это дефиле занял 1–й Конный полк, орудия хорунжего Шестаковича и пулеметная команда Иванова. Западный берег был отлогий и до дефиле в 400–500 шагов представлял голую ровную местность без каких-либо укрытий. Наоборот, восточный берег был крутой и высокий.

Во второй половине дня показалась колонна красных. Дойдя до речки Хайки (приток Джиды), красная конница стала спешиваться. Подъехала на телегах пехота, и перед речкой скопилось в течение короткого времени до 2000 бойцов. Они начали переправляться через речку, не высылая никакой разведки вперед. Когда на западном берегу скопилась большая часть красных, то 1-й полк, артиллерия и пулеметы открыли огонь с постоянным прицелом, а артиллерия на картечь. Что получилось с первыми выстрелами шквального огня унгерновцев — представляю судить читателю. Красные устлали ровную поляну телами. Живые еще карабкались на крутой берег Хайки, но пули пришивали их к обрыву. Убегающих, немногих оставшихся в живых на восточном берегу реки и спешно уходивших преследовал огонь артиллерии. Нужно думать, что из 2000 красных ушло невредимыми не больше 500–600 человек.

Этот бой с красными был последним и, пожалуй, самым кровавым и успешным в пределах Руси. Красные надолго оставили унгерновцев в покое. В пределах Монголии красные приближались к ним с большой осторожностью.

14–15 августа дивизия находилась на Модонкульском водораздельном хребте и перешла государственную границу. 16 августа вышли на берег реки Ури. Пройденный путь был весьма труден. Дорог не было, были едва заметные тропы. Их приходилось расчищать, чтобы прошли орудия и повозки. Пушки поднимали и спускали на канатах. Кто проходил через Модонкульский хребет, для тех людей не существует

непроходимых горных мест.

Последний раз Азиатская конная дивизия вся вместе стояла на берегах Ури. Во второй половине дня 16 августа Унгерн со своей 2–й бригадой пошел на запад, к Эгийн-голу, а Резухин на юг и 17 августа стал биваком по обеим сторонам Эгийн- гола, оставив сотню 1-го Конного полка сотника Х. (к сожалению, фамилии не помню) в сторожевом охранении в 4–5 верстах от бивака. В этой сотне числился и я.

Резухин, оставляя сотню в сторожевом охранении, просил меня помочь командиру сотни в его распорядках по несению сторожевого охранения. К ночи сотня выставила три заставы. От правой фланговой заставы выслан сильный разъезд в сторону р. Селенги.

Генерал Резухин стал биваком на Эгийн-голе двумя группами: на левом берегу стал 1–й Конный полок, на правом 2–й Конный полк. Палатка Резухина была поставлена в предгорье, вблизи 2–го Конного полка. Унгерн со 2–й бригадой, перейдя Эгийн-гол, ушел на расстояние около 30 верст от 1–й бригады и стал биваком на дневку.

Итоги похода на Русь

Потери Азиатской конной дивизии с 20 июля по 14 августа, за время похода на Русь, весьма незначительны сравнительно с потерями красных.

Обстановка с 17–20 августа не позволила заниматься подсчетами, выводами, заключениями, и только в эмиграции, в беседах со старыми бойцами Азиатской конной дивизии выясняется до некоторой степени верная картина. Приходим к выводам, что потери Азиатской конной дивизии убитыми не превышали 200 человек, тяжело раненых, но находившихся в обозе доктора Рябухи на было не больше 50 человек, а сколько было легко раненых — никто не считал. Все способные сидеть на коне считались легко ранеными. Примером служит сотник Н. Вицев, который, несмотря на очень серьезное ранение ноги, не покинул своей 5–й сотни 2–го полка, и поправлялся на коне и в походе.

Много было бежавших бурят — всадников. Они бежали в последнее время пребывания на Руси, когда дивизия проходила по густо населенному бурятами району Цежинская — Цикирская, Харацанская — Хамней. Мой прекрасный вестовой Джамсаров давал мне понять, что пора “втекать”, обещая мне, что его сородичи меня укроют от красных. *Я* его выругал, он мрачным

ушел, а через день скрылся на своем Сивке, который, к слову сказать, поражал своим умом. Буряты — всадники своим диким животным инстинктом чувствовали печальный конец Азиатской копной дивизии и заблаговременно “втекали”, когда сложилась для них благоприятная обстановка.

Таким образом, потери Азиатской конной дивизии нужно считать примерно такими: убитыми 200 человек, бежавшими 120 человек, а всего 320 человек + 50 тяжело раненых. Но за это время дивизия получила пополнение из красноармейцев 100–120 человек. Следовательно, дивизия в своем составе почти не уменьшалась и была в полной мере боеспособной. Но горе было в том, что моральный дух в ней был убит, оставалось мало патрон, еще меньше артиллерийских снарядов и почти не оставалось перевязочных материалов.

Азиатская конная дивизия нанесла красным весьма чувствительные потери. Подсчитывая на память, во всех вместе взятых боях они потеряли убитыми не меньше 2000–2500 человек, а сколько ранеными — “Ты, Господи, ведаешь”. Особенно тяжелые потери красные понесли на реке Хайке и у Гусиноозерского дацана.

Заговор и бунт

Моральное состояние чинов Азиатской конной дивизии.

С того времени, когда Азиатская конная дивизия от Загустая (северный берег Гусиного озера) повернула назад и пошла в пределы Монголии, генерал Унгерн впал в дикую жестокость в отношении офицеров, особенно поступивших в дивизию в Монголии, не считаясь ни с заслугами их в дивизии, ни с чинами, ни с возрастом.

После боя 4 августа у д. Ново-Дмитриевка в обозе появились в качестве погонщиков скота бессапожные офицеры (сапоги с них снимали). Они шли в случайных “опорках” или заворачивали ноги в куски сухих бычьих кож. В числе бессапожных офицеров — погонщиков оказался прекрасный кадровый офицер, бывший курсовой офицер Михайловского артиллерийского училища капитан Оганезов. Он свое артиллерийское дело знал в совершенстве. Попал в число погонщиков за следующий проступок: в бою, кажется, у Капчаранки вел правильный огонь по высоте, на которой засели красные, с закрытой позиции. К батарее подскакал Унгерн и стал распекать Оганезова за то, что он стреляет с закрытой позиции, обвиняя его в трусости. Капитан

Оганезов с достоинством ответил: “Я, Ваше Превосходительство, одинаково хорошо стреляю как с закрытой, так и открытой позиции и, как изволите видеть, снаряды ложатся среди цепей красных. Не находил нужным становиться на открытую позицию и подвергать артиллеристов быть убитыми, хотя 5 шальными пулями”. Такой ответ привел Унгерна в бешенство и он, избив Оганезова ташуром, отправил его погонщиком скота.

До чего дошел страх у офицеров перед Унгерном иллюстрирует такой случай: на одной из ночевок сидела группа офицеров и говорила об ужасах, творимых Унгерном. К группе офицеров подбежал один из ординарцев Унгерна и передал приказ немедленно явиться к “дедушке” и добавил, что “дедушка” сильно сердитый. Тот, предчувствуя недоброе, вместо того, чтобы являться к Унгерну, сел на коня и скрылся во мраке ночи. Какова его судьба — неизвестно.

Не помню точно места, кажется, идя от Сактуя, на пути лежал трудно проходимый перевал, покрытый лесом. Дороги в полном смысле этого слова не было, а была тропа. Нужно было расчищать лес и на лямках поднимать пушки.

Генерал Резухин приказал развести на перевале и вдоль пути подъема костры и, сидя у костра на перевале, следил за подъемом орудий. Подъехав к Борису Петровичу, я спешился и подсел к нему, чтобы выкурить его приличную папиросу (у него еще был запас). Мы молча любовались красивой картиной военной жизни. Совершенно неожиданно перед нами появился на коне Унгерн и, не говоря ни слова, с искаженным от злобы лицом, с размаха ударил ташуром два раза Резухина и также неожиданно скрылся, как появился. Появление, избиение, исчезновение произошли в период времени 1–1,5 минут. Инцидент был диким, нелепым. Он нас обоих парализовал. Когда я пришел в себя, то незаметно отошел от Бориса Петровича, предоставив ему в одиночестве пережить великую драму позора.

Фактически, я болтался в дивизии не у дел. К строевой службе я был еще не годен, так как рана моя не зажила, и я с трудом ходил. От хозяйства дивизии я устранился, так как командиры полков об этом заботились сами, а в обозе был капитан Мысяков, который фактически и был дивизионным интендантом. На мои сетования на бездеятельность генералу Резухину он, улыбаясь, отвечал: “Конь у Вас спокойный, погода хорошая, места интересные — Вы турист и им оставайтесь…” У меня еще оставалось 3 казака и 1 офицер из агитаторской ячейки, и с ними я обычно ехал в хвосте строевых частей.

9 или 10 августа Азиатская конная дивизия двигалась по открытому плато длинной лентой. Я на обычном месте, а позади

меня тянулся обоз с ранеными. Слышу команду: “Смирно!” Скачет генерал Унгерн, нагоняя колонну. Поравнявшись со мною, он, молча, с размаху ташуром нанес два удара по шее моего Рыжки, так как я инстинктивно откинулся назад и вправо. Рыжка, не привыкший к столь грубому обращению, метнулся в сторону. Пока мы с конем приходили в себя, Унгерн был далеко впереди.

У меня осталась мысль, что очередь доходит до меня. Не прошло и полчаса, как ко мне подъехал прапорщик Бурдуковский и, отдавая честь, сообщил: “Господин полковник, “дедушка” приказал вам состоять всадником в 3–й сотне 1–го полка”. Столь милостивому наказанию (за что?) я обрадовался и через 10–15 минут ехал на правом фланге славной 3–й сотни 1–го Конного полка, которой командовал прекрасный сотник (фамилию, к сожалению, забыл). Полковник Парыгин позднее приказал мне следовать не на правом фланге сотни, а с “замыкающими”, с вахмистром, а в бою быть старшим над санитарами и следить за их работой, так как я не мог сам садиться в седло и, следовательно, к бою был негоден.

Не помню, при каких обстоятельствах, но примерно 8 или 9 августа стало точно известно, что дивизия идет в Урянхайский край. Такая весть была принята всеми чинами дивизии с большой тревогой. Все понимали, что, уходя в Урянхай, все будут обречены на гибель. Генерал Унгерн был убежден, что его коренные даурцы охотно пойдут за ним куда угодно и только “пришлые” офицеры, а особенно кадровые будут против, а потому их нужно “изъять” из дивизии. Недалекий Бурдуковский не сумел скрыть мыслей Унгерна и над офицерами, поступившими в дивизию в Монголии, нависла угроза быть убитыми своими же соратниками — белыми. “Квазимодо” — Бурдуковский похвалялся даже, что “дедушка” рекомендовал ему вывести в расход тех офицеров, которые гонят гурты скота, но он — Бурдуковский, ответил, что еще успеется.

Над дивизией нависла черная туча. Офицеры на биваках собирались кучками и обсуждали безысходность. Всадники тоже говорили о нежелании идти в Урян-хай. Унгерн чувствовал, что в дивизии идет брожение и, вызвав поручика Князева — своего политического осведомителя — приказал ему собрать сведения о настроении офицеров в дивизии.

Поручик Н. Н. Князев взялся за это дело крайне неумело. Кроме того, к нему отношение офицеров было отрицательное, и в его присутствии офицеры умолкали и держали язык за зубами. 14 августа Князев застал группу старших офицеров: полковников Кастерина, Хоботова, Парыгина, войскового старшину Слюса, около коих не было ни одного всадника. При приближении

Князева штаб-офицеры молча разошлись. Князев заключил, что здесь кроется заговор.

В своих воспоминаниях поручик Князев говорит о том, что даже генерал Резухин мечтал о чистой простыне на постели и пожить хотя бы месяц в условиях культурной жизни. Тот же Князев констатирует, что у него сложилось твердое убеждение, что ни офицеры, ни всадники не хотят идти в Урянхай, о чем он и доложил Резухину. Генерал Резухин таким докладом был поражен и приказал Князеву о таком настроении дивизии немедленно доложить Унгерну. Князев спешно стал догонять колонну генерала Унгерна. До какой степени все офицеры были наэлектризованы репрессиями и ожиданием своего ареста, служит следующий пример: Князев, нагоняя колонну Унгерна, достиг тыла 2–й бригады, где старшиной был Мысяков. Появление Князева в обозе и прибытие в его палатку Мысяков посчитал арестом и встретил Князева словами: “Вы, поручик Князев, прибыли меня арестовать?”

Поручик Князев не решился идти сам докладывать Унгерну, а явился к начальнику штаба подполковнику Островскому и доложил ему о настроении в дивизии и нежелании дивизии идти в Урянхай, прося его о сем донести до сведения Унгерна. Островский резко отклонил предложение Князева идти докладывать о сем Унгерну, ссылаясь на то, что жизнь ему еще не надоела. Князев пошел сам к Унгерну, но, увидав, в каком настроении тот находится, мог только рапортовать: “Поручик Князев прибыл” и, не получив на свой рапорт ни звука, удалился, не сделав столь важного для генерала Унгерна доклада. Он поскакал к генералу Резухину, надеясь, что тот доложит Унгерну о нежелании чинов дивизии идти в Урянхай.

Откуда же у поручика Князева сложилось столь твердое убеждение, когда офицеры ему об этом не говорили? Он вывел заключение из беседы с всадниками, кои не были так запуганы и загнаны, как офицеры и открыто заявляли о своем нежелании идти в Урянхай. Раз не желают идти всадники, то, естественно, не хотят идти и офицеры, в том числе и сам Князев.

Заговор

Я далек был от заговорщиков и от всех внутренних дел дивизии. С одной стороны, рана моя, хотя и затянулась, но кость не окрепла, и я сильно страдал от пешего хождения. С другой стороны, я держался в стороне и только изредка бывал у генерала Резухина, ведя с ним разговоры на посторонние темы, и оба

вместе мы отдыхали душой в хороших воспоминаниях.

Но заговор назревал, я это видел и чувствовал. Кто положил ему начало, трудно сказать, скорее всего, он зародился в головах многих, но душой и руководителем его являлся полковник К., а исполнителем — С.67. Заговорщики ставили целью “убрать” генерала Унгерна. Дивизию должен принять генерал Резухин и вести ее на восток, к генералу Семенову. За “устранение” Унгерна взялся поручик Маштаков, к слову сказать, один из офицеров, которого Унгерн ценил. Маштаков пытался “ликвидировать” Унгерна одиночным порядком, на походе, выстрелом в в упор, но, подъехав к нему на походе, не имел силы воли выполнить свое намерение и с поджатым хвостом отъехал.

Как же заговорщики мыслили устранить Унгерна, если (особенно полковник Парыгин) настаивали на том, чтобы уговорить Резухина пойти против Унгерна и принять дивизию, что может произойти без кровопролития? Но более реальные головы понимали, что Резухин на это не пойдет, а, следовательно, необходимость заставляет устранить и самого Резухина. На этом и порешили, и вырабатывали план его осуществления и ожидали подходящей обстановки. Так обстояло дело в 1–й бригаде.

Независимо от заговора, зародившегося в 1–й бригаде, совершенно самостоятельно зародился заговор и во 2–й бригаде. Во главе заговорщиков были подполковник Евфаритский и доктор Рябухин, но последний, как трусливый, был негодным для такой роли. Заговорщиками руководил умный, волевой Евфаритский. Всадники, несомненно, знали о заговоре господ офицеров, сочувствовали ему, и среди всадников не нашлось ни одного предателя офицеров. Значит, вся дивизия была согласна с тем, что идти путями генерала Унгерна она дальше не желает.

Унгерн, витая в пространстве, верил в свое особое назначение, хотя и догадывался о нежелании “постороннего элемента” идти в Урянхай, собрался их устранить, убежденный в том, что его коренные “даурцы” пойдут с ним, куда угодно.

Генерал Резухин из доклада поручика Князева был больше осведомлен о настроении в дивизии. Он готов был следовать за Унгерном до конца, по решительных мер против заговорщиков не принял, так как не считал, вероятно, доклад Князева верным в полной мере, а может быть, будучи фаталистом, предоставил грядущие события на волю Рока.

Бунт в бригаде генерала Резухина

В деталях его описывают по-разному. И сами участники

нетождественны в своих изложениях. Я был далеко от этого дела. Та версия, которую я принимаю — наиболее правдивая.

1–я бригада, как было указано раньше, стала на ночевку и дневку по обеим сторонам Эгийн-гола. На правом берегу стал 2–й полк, а на левом 1–й полк. Генерал Резухин приказал разбить палатку вблизи 2–го полка, в полугоре. Вечером подъезжал на неоседланном коне к палатке командира 2–го полка полковника Хоботова и говорил о разных хозяйственных делах.

Хоботов по отъезде Резухина вызвал командира 5–й Оренбургской сотни сотника Немцева и приказал, чтобы сотня была в боевой готовности. На вопрос сотника Немцева: “Для какой надобности, г-н полковник?” — получил ответ: “Об этом узнаешь потом”. Кони были заседланы, всадники легли спать одетыми, имея оружие при себе.

Лагерь стал засыпать. Настроение в лагере было жуткое. Неслышно было ни песен, ни шуток. Молитва в этот вечер пелась с каким-то особым вдохновением. Как только в лагере наступило успокоение, в палатке командира 2–го полка полковника Хоботова собрались полковник Кастерин и войсковой старшина Слюс и окончательно порешили, что генерал Резухин не пойдет против генерала Унгерна и, как ни жаль Резухина, но, спасая жизнь 2500 всадников и офицеров, нужно пожертвовать и им, другого пути нет. Откладывать принятого решения на долгий срок нельзя, так как в ближайшие же дни будут арестованы все неугодные офицеры, поскольку оба генерала, наверное, знают о заговоре.

На том и порешили. Приведение плана исполнения взял на себя храбрейший из храбрых, войсковой старшина Слюс. Он пошел в бывшую свою 5–ю сотню и вызвал прапорщика Хлебникова, урядника и еще двух казаков. Все взятые Слюсом были люди, преданные своему бывшему командиру сотни. Знали или нет эти всадники, куда и зачем ведет их Слюс — неизвестно, но, скорее всего, первые двое знали. Заговорщики двинулись к палатке Резухина. Проходя мимо крепко спавших ординарцев, они забрали винтовки и шашки конвойцев и спрятали в ближайших кустах. Перед входом в палатку Резухина догорал костерок.

По одним данным, генерал Резухин спал в палатке, по другим — у костра вместе с ротмистром Нудатовым, который выполнял при нем временные обязанности начальника штаба. Точно известно, что Резухин спал с обутой одной ногой, а сапог с другой ноги был у входа в палатку. Заговорщики приблизились к палатке генерала. По одним сведениям, Слюс вступил с проснувшимся Резухиным в переговоры о принятии в командование дивизии и

устранении Унгерна, на что последовал категорический отказ, по другим, наиболее верным, заговорщики, подойдя к палатке, открыли по ней огонь.

Резухин, будучи раненым куда-то в верхнюю часть тела (кажется, в предплечье), вскочил и бросился к лагерю, отстреливаясь от заговорщиков из браунинга, взывая: “Хоботов! Второй полк, ко мне!” Он пробежал 4–ю сотню и на границе между 4–й и 5–й сотнями остановился. Лагерь проснулся. Всадники, частью 4–й сотни, частью 5–й сотни окружили генерала Резухина, выражая ему свое соболезнование. Полковник Хоботов подбежал к 5–й сотне и скомандовал: “По коням!" Сотня села на коней.

Тем временем заговорщики не отставали от Резухина. Слюс, расталкивая всадников, окруживших кольцом Резухина, выдвинул вперед урядника и, передавая ему револьвер, приказал стрелять в голову. Раздался выстрел, и Резухин с простреленной головой (восемнадцатая рана) упал мертвым. Ротмистр Нудатов направил револьвер на урядника, но войсковой старшина Слюс отвел его руку и сказал: “Успокойтесь, успокойтесь… Все кончено…”

Казаки быстро исчезли и заговорщики одни остались у тела генерала Резухина. Полковник Хоботов одному взводу 5–й сотни и ординарцам приказал рыть в предгорье недалеко от палатки генерала могилу[66]. Она быстро была вырыта. Осторожно и бережно перенесли тело Резухина к могиле. Кто-то из офицеров ощупал тело Резухина и ничего при нем не нашел. С тела сняли только ладанку, которую впоследствии передали мне. Недостающий один сапог нашли около входа в палатку, принесли его к могиле и положили в могилу.

Когда тело генерала зарывали, прискакал на неоседланном коне полковник Парыгин. Через час — полтора на склоне горы появился сиротливый свежий холмик земли, приютивший останки хорошего человека, прекрасного начальника и храброго солдата.

Пятая сотня стояла в полной боевой готовности к действию. Около нее находился сам полковник Хоботов, на случай, если кто-либо не исполнит его приказаний, то привести непослушных в повиновение при посредстве 5–й сотни, но таковых не оказалось. Бригада понимала, что смерть Резухина освобождала их от Унгерна.

Мы, находившиеся в сторожевом охранении, примерно в полночь слышали выстрелы, раздававшиеся со стороны бивака, обсуждали их с офицерами. Но так как связь с биваком поддерживалась тремя летучими постами, и они ничего не сообщали тревожного, то мы у костра задремали.

Около 4–5 часов утра я сквозь сон услышал топот быстро бегущих коней и проснулся от громких выкриков: “Где полковник Торновский?!” — “Я здесь, что нужно?” — “Вас, господин полковник, немедленно просят прибыть в бригаду” — “Кто и зачем?” — “Пожалуйте, господин полковник, скорее ехать, а там, на биваке, узнаете…”

Сначала я подумал, что пришли мои последние минуты жизни, но подчеркнуто — вежливое отношение всадников, прибывших за мною и та поспешность, аккуратность в оправке седла на моем Рыжке прибывшими всадниками и помощь мне забраться в седло — меня как-то успокоили, и мы крутой рысью поехали на бивак.

Светало, когда я подъезжал к биваку. Бивак был в движении. Готовили чай. В стороне, на пригорке, сидела группа старших начальников бригады: полковники Хоботов, Парыгин, Кастерин, войсковой старшина Слюс и 2–3 командира дивизиона. Я подъехал к группе начальников и с коня спросил: “Кто меня вызывал?” — “Слазьте с коня, господин полковник, и садитесь к нам”.

Я слез и сел. Хоботов спокойно сказал: “Генерала Резухина нет в живых. Мы постановили уходить на восток. Вы среди нас старший и самый опытный. Мы просим Вас принять бригаду. Мы все охотно подчиняемся Вам”. Не нужно было никаких расспросов, так как свежий могильный холмик в 50 шагах рассказал о драме, совершившейся несколько часов тому назад. Сердце сжалось за участь моего, пожалуй, единственного защитника в чужой для меня обстановке.

“Дайте мне, господа, 5–10 минут на размышление. Я плохо уясняю обстановку”. Я встал и стал ходить, стараясь привести мысли в логическое состояние, отыскивая правильное решение, и дал ответ: “Принимать в командование бригаду мне не имеется оснований, так как для большинства унгерновцев я чужой человек и плохо знаю уклад жизни частей. Ни я, ни меня всадники не знают. Предлагаю себя в конно-вожатые, а каждый командир полка останется в полной мере начальником над своей частью. Я буду назначать время выступления, остановок, дневок, избирать маршруты и прочее, а все внутренние управления частями будет в ваших руках. Для меня потребуется 2–3 офицера и взвод всадников, и к штабу моему ежедневно присылать для связи по 2 урядника, через коих я буду передавать приказания. Постараюсь с наименьшими потерями привести бригаду на восток — в Хайлар”.

Мое предложение безоговорочно было принято. Тут же был сформирован мой небольшой штаб, в который включен был полковник Кастерин, и назначен взвод всадников, по моему

желанию, из 3–й сотни 1–го полка.

Первым моим приказанием было немедленно сниматься с бивака и принять меры к охране тыла. В арьергард была назначена 5–я сотня сотника Немцева, как самая надежная.

Через час, то есть примерно в 6–6.30 утра 17 августа бригада вытягивалась в походную колонну. Кастерин со взводом двинулся вперед по указанному мною маршруту к переправе на Селенге. На вопрос командиров полков о моем маршруте я ответил, что его я еще не имею. Главная задача — скорее перейти Селенгу и возможно на большую дистанцию оторваться от генерала Унгерна. Такой ответ в полной мере удовлетворил командиров частей.

Перед выступлением кто-то из офицеров, кажется, ротмистр Нудатов передал мне ладанку, снятую с шеи генерала Резухина. Я ее положил в полевую сумку и где-то на Орхоне, несколько дней спустя, рассматривая ладанку, обнаружил, что в шелк была зашита грамота Богдо-гэгэна о возведении ламаиста батора Резухина в княжеское достоинство. К великому сожалению, ладанка потеряна во время ночного движения в горах Хэнтэй, когда я утерял походную полевую сумку (оторвался ремень) и в ней погибла ладанка генерала Резухина, единственная подлинная карта Монголии, вычерченная геодезистом Лисовским и другие важные документы.

В воспоминаниях Н. Князева легкомысленно указано, что вещи генерала Резухина были разграблены. Ротмистр Нудатов все немногочисленные вещи Резухина раздал его ординарцам, а ценностей у генерала не оказалось. Нашлось около сотни китайских долларов и серебряная мелочь, и она была сдана в денежный ящик, заключавшийся в двух переметных сумах. Стоимость ценностей денежного ящика по курсу не превышала 3000 долл., коими и располагала бригада, двинувшись в переход, считая по птичьему полету 1200 верст, а в действительности — по маршруту в 1600 верст.

Мне не приходилось до сего времени встретиться в эмиграции с полковниками Хоботовым и Парыгиным. Передавали, что Парыгин категорически отвергает свое участие в убийстве генерала Резухина, но не отрицает участия в заговоре.

Бунт в бригаде генерала Унгерна

В ночь с 18 на 19 августа отряд генерала Унгерна стоял биваком на обширном плато вдоль дороги, идущей к оз. Хубсугул. Унгерн чувствовал, что в бригаде неблагополучно. Верный

монгол накануне еще говорил генералу, что в 1–й бригаде не все благополучно. Становясь на дневку, Унгерн разбросал бригаду на биваке. Отдельно поставил полки, а на большом расстоянии от них (1–1,5 версты) поставил монгольский отряд. Свои палатки разбил посредине, поближе к монголам.

Настроение во 2–й бригаде было еще хуже, чем в 1–й, так как с ними был сам Унгерн и, следовательно, опасность для каждого весьма неотвратимая. Совершенно определенно утверждаю, что заговорщики 2–й бригады не были связаны с заговорщиками первой. Наоборот, каждая из групп боялась проникновения сведений о заговоре в другую бригаду.

Заговорщики 1–й бригады считали невозможным довериться недостаточно серьезным людям из второй, а заговорщики 2–й бригады не допускали мысли, что такие столпы барона, как Парыгин и Хоботов пойдут на такое дело. Кроме того, в 1–м и 2–м полку было много коренных “даурцев” — думали, что они останутся верными Унгерну до конца.

Во главе заговора, как указывалось раньше, стояли подполковник Евфаритский и доктор Рябухин. Непосредственным исполнителем был капитан Сементовский. С внешней стороны заговорщики решали, что Унгерна нужно принудить сдать командование дивизией Резухину, но понимали, что пока он жив, не примет никаких условий и его неизбежно нужно “ликвидировать”.

Заговорщики точно распределили свои роли: Евфаритский и Сементовский брали на себя главную задачу — ликвидацию Унгерна. Рябухин взял на себя руководство перебить окружение Унгерна: прапорщика Бурдуковского, штаб-ротмистра Белова, вестового Перлина и ординарца Бушмакина. Опасались, что монгольские части встанут на защиту генерала Унгерна, а потому приготовили к бою один взвод артиллерии, поставив на позицию фронтом к монгольским частям. Из Пулеметной команды 4 пулемета встали на позицию и изготовились к бою, фронтом на палатки Унгерна.

Командир 4–го Конного полка войсковой старшина Марков устранил себя от непосредственного участия в экзекуциях, а командир 3–го полка есаул Очиров как-то незаметно стушевался. Оба отбыли согласно с действиями, предпринимаемыми Евфаритским. Оставался еще командир артдивизиона подполковник Дмитриев, но его заговорщики ни во что не посвящали, как человека некультурного и ненадежного, а чтобы обезопаситься от него, поручили одному из офицеров накачать его “до положения риз” ханой, что и было выполнено.

В начале второй половины ночи с 18 на 19 августа

Евфаритский вошел в палатку начштаба Островского, разбудил его и приказал ему немедленно идти в Пулеметную команду и там оставаться до его приказания. Островский без возражения пошел к биваку Пулеметной команды. Группа офицеров во главе с капитаном Сементовским, штабс-капитаном Озеровым, поручиком Хлебниковым и другими на конях подскакали к палатке генерала Унгерна и из парабеллумов открыли огонь по палатке. Были брошены две гранаты. Унгерн выскочил из палатки и скрылся в лесочке, по одним сведениям, а по другим — вскочил на свою лошадь Машку, которая паслась на приколе вблизи палатки, и на ней скрылся. Факт остается один: что стрелявшие офицеры не убили и даже не ранили Унгерна. Он исчез в близлежащем перелеске.

Выстрелы на биваке всполошили лагерь. Сотни, артиллерия, обозы — все пришло в движение и без команд, приказаний седлали коней, запрягали повозки. Полки и артиллерия вытягивались на дорогу в сторону востока. Кое — где по биваку раздавались выстрелы. Это группа заговорщиков “ликвидировала” прапорщика Бурдуковского, вестового и ординарца Унгерна. Взвод артиллерии открыл огонь по лагерю монгол. Несколько удачно разорвавшихся снарядов в самом становище монгол сдунули их, как ветром, с места стоянки и они скрылись в темноте ночи в западном направлении, полагая, что на лагерь напали красные, и к рассвету были в 15–20 километрах от ночного бивака.

В вопросе “ликвидации” приближенных генерала Унгерна, каковую роль на себя принял доктор “Кано”, получилась заминка. Доктор Рябухин струсил и не выполнил своих обязательств. По одним сведениям, эту “обязанность” выполнил есаул Макеев (он сам это утверждает) с чиновником Федоровым, по другим — поручик Псиол. Один только ординарец Бушмакин проявил попытку к сопротивлению, а Бурдуковский и Перлин были убиты без сопротивления. Упоминается еще есаулом Макеевым, что был убит штаб-ротмистр Белов, но капитан Мысяков утверждает, что он его спас от расправы. Белов благополучно здравствует где-то на западной линии Китайско — Восточной железной дороге, и Мысяков с ним в беженстве выпил не одну рюмку водки.

Вторая бригада, имея впереди 4–й Конный полк во главе с войсковым старшиной Марковым, вытягивалась в колонну. Одна лишь Пулеметная команда оставалась на позиции. Как гром с ясного неба раздался зычный голос Унгерна: “Марков, Бурдуковский, Очиров!!!” Он скакал вдоль вытягивающейся колонны на своей взмыленной Машке. “Куда, сволочи, собрались идти? В Маньчжурию локти кусать!?. Ты куда, старый дурак

(подполковник Дмитриев), собрался? Заворачивай!" Дмитриев стал выводить из колонны артиллерию и заворачивать.

Великий страх обуял офицеров. Зычный голос Унгерна убил у них волю. "Ты, слепой, куда собрался!?" — встретил окриком генерал Унгерн есаула Макеева, но в ответ получил выстрел из револьвера. Пуля Макеева не задела Унгерна. Он вздыбил Машку и, сделав крутой поворот, скрылся в тумане предрассветного утра. Посланные Макеевым вдогонку Унгерну несколько выстрелов не достигли цели.

Эти выстрелы и исчезновение генерала Унгерна навсегда от своих войск привели в сознание весь отряд, особенно офицеров, и 2–я бригада пришла вновь в движение на восток.

Но те несколько минут, кои генерал Унгерн провел около колонны, заставили бежать из бригады подполковника Евфаритского, войскового старшину Маркова, капитана Сементовского и еще 5–6 человек. Впоследствии из бежавших один только Марков одиночным порядком вышел в Маньчжурию, а судьба остальных неизвестна.

Наступал рассвет. Колонна 2–й бригады Азиатской конной дивизии стояла на дороге без начальника. Группа оставшихся старших начальников: подполковник Костромин, капитан Мысяков, ротмистр Забиякин и герой дня есаул Макеев порешили, что командование бригадой должен принять старший — подполковник Островский. Говорят, что его нашли в Пулеметной команде, точно выполнившего приказание исчезнувшего Евфаритского. Было решено идти в Хайлар, а оттуда пробираться в Приморье, к атаману Семенову. Вторая бригада в 6 часов утра 19 августа 1921 г. тронулась в свой длинный путь.

Генерал Унгерн среди своих монгольских частей

Кратковременное пребывание генерала Унгерна среди войск Бишерельту-гуна освещается разно. Заслуживают внимание две наиболее верные версии. Хорунжий Шеломенцев рассказывает.

19 августа части Бишерельту-гуна после ночного панического бегства из лагеря приводили себя в порядок на обширном лугу на берегу небольшой речки, спадающей в Селенгу. Часов в 10 утра мы увидали скачущего к нам на Машке генерала Унгерна. Соскочив с коня, с которого клочьями падала пена, он в великом раздражении ругал изменников, ушедших в Маньчжурию. Ругался виртуозно, как могут только ругаться строевые офицеры. Отойдя немного от гнева, он приказал хорунжему Шеломенцеву пригнать

гурты скота и выдать монголам мяса столько, сколько они могут съесть, полагая, что мясо размягчит сердца монгол: он был уверен, что монголы не изменят ему и пойдут с ним в Тибет к Далай-ламе, на дружбу которого полагался, так как не раз переводил ему крупные суммы чистого золота.

Монголы с удовольствием ели мясо, выслушивали планы генерала Унгерна, но мысли их были другие. Было приказано подобрать с бивака, где ночевала последнюю ночь 2–я бригада, все второпях брошенное имущество. К вечеру генерал Унгерн отошел от гнева и был настолько милостив, что предложил русским офицерам и всадникам, находящимся при монгольских сотнях в качестве инструкторов, кто желает, ехать в Маньчжурию самостоятельно или догонять бригаду. Хорунжий Шеломенцев с двумя офицерами выразили желание ехать, и были отпущены.

Через два дня хорунжего Шеломенцева догнали 3 офицера и 3 казака, и он рассказывал: 21 августа на походе к генералу Унгерну подошел пешим Бишерельту-гун и попросил у генерала спички. Генерал Унгерн опустил повода на шею коня и стал шарить в карманах тарлыка, ища коробку спичек. Использовав беспомощное положение на седле генерала Унгерна, Бишерельту-гун ловким движением стащил его с седла. Монголы связали Унгерна по рукам и ногам крепкими сыромятными ремнями, поставили палатку, положили в нее бога войны, укрыли тарлыком.

Покончив с генералом Унгерном, монголы бросились избивать русских инструкторов и перебили всех, кроме тех трех офицеров с вестовыми, кои увидали первыми поступок монгол с генералом Унгерном и, предчувствуя беду, “стреканули” в кусты. Монголы, покончив расправу, сели на коней и исчезли в западном направлении.

Другая версия, изложенная есаулом Макеевым, такова. Во второй половине дня 19 августа монголы издали увидели скачущего к ним генерала Унгерна. Бишерльту-гун рассыпал в цепь две сотни, и они встретили Унгерна беспорядочной стрельбой, не причинив ему вреда. Унгерн подскакал к монголам и зычно закричал: “Негодяи! И вы изменники?!” Монголы в страхе перед “богом войны” пали ниц, вымаливая прощение. Генерал Унгерн спокойно слез с Машки, сел на пень и сказал: “Дикие собаки, я вас прощаю…” Приказал принести воды и выпил почти весь монгольский жбан (больше двух бутылок). Затем приказал поставить майхан и принести магайло. Приказание было исполнено.

Выпив большое количество крепкой жидкости, генерал Унгерн лег спать и моментально уснул крепким сном, что было

ему свойственно (спал мало, но очень крепко). Старшие монгольские начальники сидели в стороне от палатки и о чем-то говорили. Уже в темноте монголы, как барсы, тихо подползли к палатке генерала Унгерна и кучей набросились на него, связали его по ногам и рукам и в таком виде оставили лежать в палатке, сели на коней и со своими частями скрылись в темноте ночной. Да, еще подробность: выходя из палатки, монгольские начальники кланялись низко генералу Унгерну, как богу войны.

Та или другая версия отвечает действительности, судить не могу. Склонен думать, что версия хорунжего Шеломенцева наиболее верная.

20 августа утром разъезд красного партизана Щетинкина, идущий по следам унгерновцев, увидел одиноко стоящую палатку. С большой осторожностью приблизились к ней и когда заглянули в нее, то увидали в ней связанного человека. Сняв с головы тарлык, они спросили: “Кто ты, товарищ?” — “Я начальник Азиатской конной дивизии, генерал — лейтенант барон Унгерн-Штернберг”. Красные партизаны оцепенели от таких слов, а затем на их лицах появилась великая радость. Сначала обыскали генерала Унгерна, а затем развязали и накормили. Обращение было самое лучшее. Затем усадили Унгерна в седло и, окружив его плотным кольцом, двинулись в пределы Руси.

Говорят, что при переправе через одну из больших речек на пути к Троицкосавску, генерал Унгерн делал попытку утонуть, но красные партизаны не допустили и в целости доставили его в штаб Щетинкина в Троицкосавске. В Троицкосавске Унгерн был принят подчеркнуто вежливо и на автомобиле отправлен в Верхнеудинск.

Причины бунта

Они для читателя ясны, но не лишним будет их конкретизировать. В перспективе двадцатилетней давности события 17–19 августа 1921 г. на Эгийн-голе следует отметить следующее.

Офицерский бунт в Азиатской конной дивизии не был задолго задуман. Он вытекал из последних действий генерала Унгерна и был неотвратим, как стихия. Большую роль сыграло избиение Унгерном генерала Резухина. Всем офицерам стало ясно, что для генерала Унгерна нет людей в дивизии, коих он при малейшей провинности пощадит. Утверждали, что Унгерн составил список офицеров, кои по пути в Урянхай должны быть

из дивизии изъяты. В списке внесены фамилии всех кадровых офицеров, офицеров, принятых в Монголии, и некоторых старших офицеров- даурцев. Прапорщик Бурдуковский по пьяной лавочке говорил о таком списке. Верен ли слух — утверждать не могу, но этот слух переполнил чашу человеческого терпения.

Уходя из пределов России, большая масса чинов Азиатской конной дивизии осознала, что в данное время с теми средствами, какими располагает генерала Унгерн, борьба с большевиками — химера. Идейно отошла от взглядов Унгерна, и их больше ничего не связывало, а попытка Унгерна насильно увести в Урянхай грозила неизбежной смертью от того, или другого, или третьего.

Бунт произошел вскоре после перехода границы. Офицеры понимали, что медлить нельзя ни одного дня, ибо смерть уже витала над теми 13 офицерами, кои гнали гурты скота и над теми, кто еще на свободе — но внесены в список 30–40 человек “обреченных”.

Заговорщики не хотели смерти Унгерна, а особенно Резухина, но понимали, что нельзя останавливаться перед крайними решениями, ибо в противном случае будут жестоко уничтожены сами.

Всадники в полной мере сочувствовали действиям офицеров. Не было ни малейшей попытки противодействовать офицерам. Наоборот — активно помогали. Их интересы были тождественны с интересами офицеров.

В монгольских частях, особенно среди нойонов давно не было преданности и верности богу войны. Причин недовольства было много. Главные из них следующие.

Монгольская армия жила заветами великого Чингисхана, по учению которого нойон не должен оскорблять не только действием, но и словом подчиненного нойона. За проступок его можно придать смерти, но не наносить личного оскорбления. Генерал Унгерн же постоянно нарушал Закон Чингисхана, а всякий нарушающий Закон Чингисхана достоин смерти. Но Унгерн признан Богдо-гэгэном богом войны и убить его — смертный грех, а потому нужно избавиться от него без кровопролития.

Монгольские начальники обвиняли генерала Унгерна в том, что он нарушил Закон Чингисхана, не выручив чахар в бою под Троицкосавском, где много чахар попало в плен к красным, и было ими перебито, в том числе один гун, помощник Найден-гуна.

Монголы уяснили, что для генерала Унгерна Монголия — не цель, а средство для проведения каких-то своих идей, чуждых для монгол. Вместо того чтобы защищать Ургу и Богдо-гэгэна от

красных — он уходит от главной задачи монгольских частей куда-то в неизвестность.

Генерал Унгерн не есть подлинный бог войны, так как убегает от красных, не победив их.

Знали ли все всадники — монголы о сформировании Временного революционного правительства Монголии во главе с Бодо — ламой, которое договорилось с Правительством СССР, и это правительство враждебно генералу Унгерну, но монгольские нойоны точно знали об этом. Новое Монгольское правительство — в Урге, и его признали князья и ламы, а, следовательно, они свободны от обязательств, возложенных на них старым правительством Монголии.

Нельзя не отметить, что генерал Унгерн совершенно не знал и не чувствовал сущности человеческой натуры. Подтверждений высказанной мысли много. Особенно поражает его незнание психологии монгол. После бунта во 2–й бригаде он, отпуская Шеломенцева и других русских в Маньчжурию, оставался одинок, отдавая себя в руки монгол. Он верил им, монголам, и хотел с ними связать свою судьбу, но они в течение нескольких последующих часов предрешили его печальный конец. Вывод: *жизнь 3000 молодых, здоровых людей имела право на самозащиту.*

Уход Азиатской конной дивизии в Маньчжурию

Дивизия уходила из пределов Монголии двумя самостоятельными колоннами, не ища путей к соединению. Причиной этому то, что убийство генерала Резухина произошло в ночь 17 августа, и бригада должна была спешно уходить возможно дальше от генерала Унгерна и затерять свой след. В 1–й бригаде офицеры не знали о заговоре офицеров во 2–й бригаде, а, следовательно, не могли терять времени на связь со 2–й бригадой, хотя все выгоды были на стороне соединения бригад. Если бы дивизия вся шла вместе, то ей ни в какой мере не могли бы быть страшными красные, и она спокойно ушла бы из Монголии. Тем более им не страшны были бы красные монголы.

Путь на восток 1–й бригады.

Бригада в образцовом порядке, переменным аллюром пошла на юго-восток, к р. Селенге. Настроение у всех было прекрасное. На походе в мой штаб колонновожатого привезли “казну”. Ее принял полковник Кастерин. Она оказалась тощей, помещающаяся в двух переметных сумах и заключалась, главным образом, в малоценном билонном серебре весом в 2–3 пуда,

отобранном когда-то у Центросоюза. Было около 200 китайских бумажных долларов (из них около ста — у генерала Резухина) и около 20 фунтов ямбового серебра. Ни золота, ни других ценностей не было.

Во время переправы через Селенгу, часов в 8–9 вечера прибыл командир 5–й сотни 1-го полка сотник Немцев и доложил мне, что при его сотне находится арестованный капитан Безродный. Как прикажу я поступить с арестованным? Оказывается, Безродный, по приказанию Унгерна, находился с частью Комендантской команды при Резухине, как глаза и уши Унгерна, но действительность показала: плохие глаза и уши у капитана Безродного. Его арестовал полковник Хоботов и передал в 5–ю сотню Немцева. Как и почему спасся Безродный при аресте, не знаю. Думаю, что полковник Парыгин рекомендовал его оставить для расправы мне, так как я едва не погиб из-за него. Меня он мало интересовал. Я был весьма занят переправой частей и, отпуская хорунжего Немцева, я отдал приказание охранять Безродного до первой дневки, на которой и будет собран военно — полевой суд, который только и вправе решить судьбу Безродного.

На следующий день мне доложили, что при переправе через Селенгу сотни Немцева в темноте сбежал Безродный. Грешный человек, я сразу подумал, что Безродный не сбежал, а всадники спустили его в воду на корм рыбам, но оказалось, что он действительно сумел бежать, бросившись в воду и, симулируя потопление, выплыл. По Селенге доплыл на ялике до Троицкосавска, где вымаливал у Щетинкина прощение, но красный партизан не внял его мольбам и расстрелял.

Переправа через Селенгу заняла всю ночь с 17 на 18 августа. Непосредственно переправой руководили полковники Хоботов и Парыгин. Я сидел у костра над картой и решал вопрос, по какому пути вести бригаду на восток. Путей было два. Один путь — пройти мимо Урги с севера, другой — с юга. Первый путь значительно короче, но, наверно, придется дать бой красным. Первый путь был лучше в смысле пастбищ и водопоя, что выдвигалось, как главное, так как сохранение коней — спасение людей, вверенных моим заботам.

Я наметил по карте оба пути, и после окончания переправы всех частей пригласил Парыгина и Хоботова к своему костру, изложил им все плюсы и минусы каждого пути и просил их высказаться. Оба полковника признали путь севернее Урги более приемлемым, и мы единодушно на нем остановились, причем путь движения оставался для всех остальных в глубокой тайне.

На этом же совещании порешили отпустить немедленно

монгольские сотни, так как они нам были не нужны. По пути на Керулене отпустили бурят, кои не пожелают идти в Маньчжурию, и они сумели рассосаться среди своих бурят, кочующих в большом числе в верховьях Керулена и юго-западным склонам Хэнтэя, спасаясь от красных в Забайкалье.

Здесь же установили определенный взгляд на свои цели, формулируя их так: “Признать для данного 1921 г. борьбу с большевиками для нас непосильной, когда население Забайкалья, не испытав большевистского режима, не на нашей стороне, а потому бригада не пойдет к атаману Семенову, а люди бригады вольны определить свою судьбу, как каждый найдет для себя лучшим. Мы связаны общими интересами и едины до выхода в безопасную зону от большевиков — до выхода на Керулен. Об этом решении пока не объявлять”.

Здесь же изучали на память свой путь, дабы в случае выбытия меня или кого- либо из нас троих, план пути был известен. Он лежал: к северо-востоку от Ван-хурэ на поселок Мандал, который отстоял в 45 верстах к северу от Урги. С Мандала перевалить южные отроги Хэнтэя и выйти в верховья Керулена, если не удастся выйти в верховья Толы. От Керулена взять круто на юг и, отойдя от него верст 70-100, повернуть на восток в переделы Барги. Ожидали встретить красных при пересечении тракта Троицкосавск — Урга и на Керулене. Весь намеченный путь превышал 1200 верст, кои на степных конях можно будет пройти 27–30 дней при 5–6 дневках. Чтобы скрыть путь следования, арьергардной сотне забирать с собою всех встретившихся на пути монгол и отпускать их только после Керулена, когда минует красная опасность.

Переправа через Селенгу, несмотря на темную ночь и спешку, совершена была с малыми потерями. Утонуло или бежало человек 5–6 монгол и слабосильный скот из табуна и гурта.

Часов в 8 утра 19 августа бригада двинулась на восток. 20 августа были отпущены 2,5 сотни монгол в полном вооружении и снаряжении. Им дали уставших коней из табунов и рогатый скот. Расстались друзьями. Взяли с них слово, что пойдут по направлению Дзаин-шаби и никому не скажут, где мы расстались. Исполнили ли они свое обещание, неизвестно.

За 19, 20 и 21 августа, меняя коней на привалах, прошли около 300 верст и стали биваком на р. Орхон вблизи красивого и богатого монастыря бога Солнца.

В составе 1–й бригады был китайский дивизион под командой прекрасной души командира майора Ли. В дивизионе насчитывалось до 240 человек, и они были разбиты, кажется, на 3 сотни. В качестве инструкторов в дивизионе было 4 офицера и 12

урядников. Майор Ли заверил меня, что китайцы останутся лояльны в полной мере новому командованию бригады, так как китайцев весьма устраивает уход в Маньчжурию, и они уйдут на службу к генералу Чжан Цзолиню. Тем не менее, зная мятежный дух китайских солдат и не имея возможности уплатить им жалование, которое они не получали 2 месяца, я приказал дивизиону на ночные биваки становиться отдельно, в расстоянии 0,5–1 версты. В ночь с 20 на 21 августа, на заре, я был разбужен шумом на биваке. На вопрос, что случилось, получил ответ: “Китайцы перебили русских инструкторов и ушли в неизвестном направлении в горы”.

Вскочил на коня, поехал на китайский бивак. Там уже хозяйничала дежурная сотня и был полковник Парыгин. Человек 80–100 китайцев стояло в строю без оружия. Майор Ли метался по биваку. Парыгин обратил мое внимание на изуродованные и полусожженные трупы 2 офицеров и 4 урядников, кои были при одной из китайских сотен, которая сбежала. Догонять и наказывать сбежавших китайцев не имело смысла. В наказание за товарищей было решено не вести с собою китайцев, а отпустить их на все четыре стороны, отобрав у них коней, амуницию и оружие. Майор Ли на коленях упрашивал разрешить ему следовать с 1-м Конным полком, п это разрешение ему было дано. Зверски умученных двух офицеров и урядников похоронили с подобающими почестями, могилы сравняли с уровнем земли, чтобы не были приметны и не подверглись бы осквернению. Команда: “По коням!” — и бригада пошла к Орхону.

У храма Солнца на Орхоне простояли полсуток. Здесь представилась возможность переменить уставших коней. Их было много. Гурты скота тоже отказались идти дальше, из 500–600 голов осталось не больше 100–150. При поверке в сотнях коней и в табуне оказалось, что нужно переменить до 1000 коней. Вступили в переговоры с настоятелем монастыря, который был весьма расположен к унгерновцам. После долгого торга он согласился за 1000 подбившихся коней и 150 быков дать 800 свежих коней и 100 баранов. Бригаду такая мена в полной мере устраивала.

Монголы подогнали неизвестно откуда взявшиеся табуны коней и чины бригады сами выбирали себе коней. Мне лично лама подарил своего верхового коня-иноходца, за которого я вечно благодарен ламе, так как конь оказался сильным, умным и не раз выручал меня из тяжелого положения в горах Хэнтэй. Баранов резали, мясо подсаливали и укладывали в сумы, как продовольствие на три — четыре дня.

22 августа бригада вытянулась в парадную колонну. Ни

табунов, ни гуртов скота не было. Запасных коней (приблизительно один запасной конь на два человека) вели в строю на недоуздке. Колонна раздалась немного вширь, но все сидели на вполне годных конях и имели запасных. Не помню точно, какого числа (23 или 24 августа) пересекли тракт Урга — Троицкосавск.

Есаул Нечаев не пожелал со своим дивизионом кударинцев идти в Маньчжурию и просил его отпустить партизанить в районе Кудары. Уговаривал его отказаться временно от борьбы с большевиками, но он не внял голосу благоразумия. Долго прощались, целовались с нечаевцами, и они провожали нас долгим взглядом, оставшись на биваке. Уже в эмиграции, много лет спустя, узнал, что с год есаул Нечаев партизанил в верховьях Иро — Чикоя, был пойман красными и расстрелян. Пусть в потомстве сохранится добрая слава о достойном начальнике и бескорыстном борце за Белую идею.

На пройденном пути заслуживает еще один факт, который надо отметить: на одном из ночлегов исчез из бригады командир 2–го дивизиона 1-го полка подъесаул Янков, бывший командир 3–го полка. Он ушел с вестовым и двумя вьючными конями при одном запасном коне. Что его толкнуло на тайное бегство и куда он бежал — неизвестно. В эмиграции он, как будто бы, не появлялся.

Попытка идти скрытно — напрасные были старания, так как след от похода бригады был слишком заметен. Остановка у храма Солнца на полсуток не могла быть скрытой от красных в Урге. Они знали, что мы где-то в районе Мандала и идем северным путем на восток. Выходы из Хэнтэя по карте совершенно ясно определялись: или в верховья Толы, или в верховье Керулена. Но вот и долина Мандала. Из нее выходы во все четыре стороны и в частности, из нее идет путь по южным склонам Хэнтэя в верховья р. Толы или Керулена, куда я и вел части.

Бригада двигалась в колонне по три. Авангард, поравнявшись с разрушенным поселком Мандал, был обстрелян с южных гор красными. Я ехал в авангарде. Задерживаться было нельзя, нужно было проскочить обстреливаемое место возможно быстрее. Вызвал артиллерийский взвод поручика Шестакова и приказал ему открыть из двух пушек шрапнельный огонь по сопке, где засели красные. Сколько их там было — неизвестно. Языка достать было неоткуда. Поручик Шестаков — отличный артиллерист и со второй — третьей очереди шрапнели стали рваться над цепями красных на сопке. Они заметались по сопке, ища укрытий. В бинокль определилось, что их на сопке до 200 человек. Подвернулся местный монгол и сообщил, что те

красные, кои сидят на сопке — косцы, которые здесь, в долине Мандала, косят сено. Они утром бросили поселок и ушли на сопки, так как получили сведения, что идут унгерновцы на Мандал. Тем временем бригада на рыси проходила обстреливаемое пространство и скрывалась на подъеме Хэнтэя. Бригада благополучно миновала опасное место, не потеряв ни убитыми, ни ранеными ни всадника, ни коня. Когда подходил арьергард, артиллерия снялась с позиции, и поручик Шестаков с грустью доложил, что в зарядном ящике осталось 3 снаряда. Стал вопрос, нужно ли для дела тянуть по горам 2 пушки и 2 зарядных ящика с тем, чтобы их сдать в Хайларе китайцам? На втором большом перевале выяснилось, что пушки нужно тянуть на подъемы на лямках людям. Посоветовавшись с Парыгиным и Хоботовым, приказал Шестакову вынуть замки, снять прицельные приборы, а пушки и зарядные ящики столкнуть в пропасть, что ими с великим прискорбием и было выполнено.

Шли без проводника по карте, которая оказалась весьма точной. Кроме того, в бригаде были буряты, жившие в Монголии и знакомые с этими местами. На тропе, где она раздваивалась на верховье Толы и верховье Керулена, решили идти в верховье Керулена, так как не оставалось сомнений, что красные в Урге знают о нашем движении и заняли ближайший выход от Урги (40–50 км) — Толу.

Пересекли Хара-гол, как Тола именуется в своем начале, и вышли на Керулен. Соблазняло спуститься по ней до знакомого унгерновцам Улан-дабана, перевалить его и выйти на Керулен где-нибудь вблизи и севернее Гун — Гулутая.

Стали спускаться до водораздела двух рек, перейдя на левый берег Хара-гол. Оторвались от реки и пошли горными долинами на юго-восток. Во второй половине дня, помнится, с головной заставой ехал полковник Кастерин. Послышались выстрелы. Первый полк пошел вперед. Когда я подъехал к 1–му полку, то он уже вел бой с красными. Обстановка была такова: дефиле из гор в долину Керулена было занято красными. Какие их силы и огневые средства — неизвестно. Полковник Парыгин повел энергично наступление тремя спешенными сотнями. Пулеметная команда подъесаула Иванова открыла огонь из 3–4 пулеметов. Наблюдая за боем, выяснил, что красные — регулярная кавалерия, числом до 400–450 бойцов при 6 пулеметах. Они заняли юго-восточные склоны дефиле и, чтобы сбить их, нужно делать большое обходное движение по горам. День склонялся к вечеру и до ночи обходная колонна не успеет закончить своего маневра, а, следовательно, к утру бригада окажется разобщенной в горах. К красным может подойти подкрепление за ночь. Было

двое тяжело раненых офицеров и два убитых всадника. Большой бой. который нам навязывали красные, не входил в наши расчеты. Наблюдая за ходом боя, чувствовалось, что наступление ведется без энтузиазма — далеко не так, как атаковали красных у Ново-Дмитриевки или в Гусиноозерском дацане. Бойцы явно берегли свои жизни. Становилось ясным, что нужно уходить, но куда? Даже на карте Лисовского не были показаны пути в горном районе Хэнтэя.

Когда я ломал голову над картой, из арьергарда привели маленького, захудалого ламу неопределенного возраста с плохеньким конем. На вопрос, откуда он, ответил, что едет из Бревен-хийда на Орхон. “Знаешь ли дороги на Бревен-хийда по горам?” — “Если бы я их не знал, то не был бы здесь. В этих горах я родился прожил всю жизнь”. — “Ты знаешь, кто мы?” — “Знаю — унгерновцы, и натт " — настырь молится Богу за успех вашего дела”. Стало ясно, что он знает дороги:. "Зудишь, что красные закрыли нам выход в долину Керулена?” — “Вижу. Мог нести вас другой дорогой в долину Керулена, где красных нет”. — “Веди“

Солнце склонялось к вечеру. Подъехав к полковнику Парыгину, я принудил не вести наступление вперед, а цепи задержать на месте до темноты и с темнотой уходить в арьергарде, а я поведу колонну по горам на север. Я со своим штабом двинулся с ламой вперед на север. Полковник Хоботов энергично перестраивал колонну и наводил порядок в ней, на что потребовалось немалое время, так как вся бригада сгрудилась в тесном месте, и перемешались кони и люди. Тут же сгруппировались и коноводы 1–го полка, который дрался с красными.

Два надежных урядника ехали около ламы, охраняя его. Лама же ехал уверенно, бормоча слова молитвы, перебирая правой рукой четки. Только к полуночи получил извещение, что 1–й полк оторвался от красных и идет в хвосте колонны. Двух тяжело раненых везут на носилках. Убитых не сумели вывезти с поля боя. Колонна как с вечера начала подъем, так и шла все выше и выше. Становилось холодно. Только к рассвету кончился подъем. Бригада растянулась на много верст, так шли гуськом, по одному, благодаря тому, что большинство всадников вели заенных коней.

С рассветом стала проясняться обстановка. Где мы — не знал. Ночью оторвалась у меня походная сумка и с ней погибла драгоценная карта Лисовского и др; важные документы. Вышли на плоскогорье. Когда часам к 10 утра туман рассеялся, то взорам представилась унылая картина: болотистое пространство, на котором кое- где виднелись чахлые сосны. Тропа шла среди болот, и опасно с нее было делать шаг в сторону. Часам к 11 утра

под конскими копытами почувствовалась твердая почва. Лама слез с коня и сказал, что здесь нужно кормить коней — трава хорошая. Велика была радость всадников и коней. Вся бригада подтянулась, и здесь всадники разобрались по своим частям, и каждая сотня стала на свое место. Трава была высокая, сочная и кони тут же между сотнями начали жадно есть.

Сухая трава и ближайшие сосны были достаточными, чтобы запылали костры и на шомполах начали поджаривать баранину, которая имелась в сумах. Через 1–2 часа бивак спал крепким сном. Спал, скорчившись, и лама — проводник около моего костра.

В 3 часа дня уже в полном порядке двинулись дальше. Большинство сотен шло пешими, ведя коней в поводу. Картина местности оставалась той же. К ночи прошли верст 12–15 и остановились, по указанию ламы — проводника, на ночлег на таком же сухом месте, как в обед. В лагере послышались песни, громкий говор, смех. Значит, люди не устали, настроение неплохое. Нечего спать. Нужно идти вперед.

Расспрашивая ламу, я и буряты убедились, что он знает места хорошо и может вести бригаду и ночью, тем более что ночи были еще светлые. Часов в 10 вечера, поужинав, вся колонна, ведя коней в поводу, двинулась дальше, и к рассвету прошла верст 20, а может быть и больше. Из арьергарда доносили, что нет никаких признаков красных.

Таким порядком мы шли по горному плато Хэнтэй двое суток, изредка попадались небольшие горные кряжи, а затем вновь болота. Из них-то и берут начало все реки, как Керулен, Тола, Иро, Шара, Хара и т. д.

30 или 31 августа приблизились к горному кряжу. Болота остались позади. Под ногами твердая почва и земля покрыта прекрасной высокой травой. Настроение в бригаде было хорошее. Нехватка баранины не печалила, так как в каждой сотне были подбившиеся кони, а зажаренная на шомполе конина — неплохое блюдо. На третьи сутки мы проходили довольно значительную речушку с топкими берегами, и лама объяснил, что это верховье Керулена, а южнее отсюда, верстах в 25–30 лежит Дзун-хурэ.

Отсюда бригада резко переменила направление движения и пошла на юго-восток. Пересекли хребет Цаган — дабан, южнее Бревен-хийда верст на тридцать, и твердыми увалами дошли до Керулена у монастыря Далайгун — хийд. В Далайгун-хийде оставили раненого. Монахам за уход оставили 20 фунтов билонного серебра. На Керулене не задерживались, хотя монголы точно утверждали, что ближе 50 верст красных нет.

От Далайгун-хийда двинулись на монастырь Лансар-Ганчжур,

где я и отпустил проводника — ламу. При расставании с ламой я ему отсыпал в его кожаную суму фунтов 10–15 билонного серебра. Лама от умиления плакал. Снабдил его и одним из трех собственных коней, “гнедком”, который подбил ноги при походе еще на Русь. Конь был очень хороший, но требовал длительного отдыха. Лама провожал бригаду, стоя на коленях, устремив взор к небу — молился за наше благополучие.

Достигли Улан — Худа, где и остановились на дневку. Место было удобное, пастбища прекрасные. Частые монгольские кочевья. Здесь мы покупали для довольствия не баранов, а быков, так как баранина и конина неохотно елась. Вызвал “сумное”[67] монгольское начальство и предложил ему мену коней, так как в бригаде оказалось до 400 подбившихся коней. Монголы стали торговаться и требовали сначала двух коней за одного, а потом трех коней за двух и, в конечном счете, согласились менять голову за голову, признав достоинство наших испытанных коней. Переменили только 320 коней, так как многие всадники предпочли оставить своих уставших, но надежных коней сырым и невыезжанным.

Вечером было собрано совещание старших начальников по “бурятскому вопросу”. Решили всех бурят, кои имеют по Онону родных или хороших знакомых, отпустить отсюда, а тех, кто таковых не имеют, распустить в районе оз. Буир-нур. По берегам озер Буир-нур, Далай-нор и речки Хуэ-гол кочует до 30 тысяч бурят, беженцев из Забайкалья.

Утром “…”70 сентября, когда построилась бригада для похода, выехали из строя те буряты, которые шли на Онон. Их ушло человек около 150–160 под начальством хорунжего (фамилии не помню). Они быстро сами распределились по двум сотням, взводам и строем провожали со слезами на глазах уходившую, поредевшую бригаду.

Дальнейший путь был безопасным в полной мере, и для многих старых унгерновцев был знаком. Скоро будут отпущены оставшиеся буряты, а, следовательно, в бригаде останутся русские и татары. Из последних многие изъявили желание остаться тоже в районе Маньчжурия — Хайлар, где жило много татар, занимаясь торговлей и среди сородичей — они скорее найдут труд.

Маршрут мой был на южную оконечность озера Буир-нур, обойти его с востока и выйти на Ганчжур — Хайларскую дорогу. С выходом 1–й бригады Азиатской конной дивизии на прямую, безопасную дорогу, я считал свою миссию “колонновожатого” законченной. Внутренние дела поредевших частей меня не касались. Там вершили дела полковники Парыгин и Хоботов. Мне

делать в бригаде больше было нечего. Я считал, что неплохо было бы и многим русским остаться в районе озер Буир и Далай и осесть до лучших времен, а не идти в полосу отчуждения КВЖД. Свои соображения я высказал Парыгину и Хоботову. Они согласились с тем, что я выполнил свою миссию, и тепло благодарили меня за труды колонновожатого. Я при потере всего шести человек вывел бригаду к пределам Маньчжурии, а дальше судьба каждого определялась самостоятельно.

Оставался неясным один вопрос — с китайцами в Хайларе. В Хайларе старшим китайским начальником был генерал Чжан Куню, друг генерала Унгерна и большой доброжелатель белых. Полковники Парыгин и Хоботов просили меня взять на себя миссию переговоров с генералом Чжан Куню, которые дали бы право чинам бригады — русским и татарам свободного проживания в полосе отчуждения, выдачи охранных грамот и позволили получить деньги за подлежащее сдаче оружие, коней и конское снаряжение. От этой миссии я не отказался и принял ее.

12 сентября я со своим штабом и конвоем отделился от бригады и пошел вперед. Идя о двух хороших конях, 16 сентября я был в 20–25 км от Хайлара, на берегу р. Именца-хэ. Отсюда послал Кастерина с двумя всадниками в Хайлар к Чжан Куню для предварительных переговоров. К вечеру того же дня из Хайлара к биваку подъехал большой дорожный автомобиль, в котором приехал полковник Кастерин, доверенное лицо генерала Чжан Куню — некий провокатор Жуч, приглашая меня ехать к генералу для детальных переговоров. Я приказал штабу двинуться утром 17 сентября в Хайлар, а сам сел в автомобиль и через 40–50 минут был в Хайларе.

Генерал Чжан Куню принял меня очень любезно. Долго расспрашивал о генерале Унгерне и беспокоился за его судьбу. Ничего утешительного я ему сообщить не мог, так как и сам не знал ни о судьбе Унгерна, ни 2–й бригады, которая была с ним.

Переговоры об интернировании унгерновцев заняли немного времени. Генерал согласился сразу же выдать всем унгерновцам, когда бы они ни пришли, независимо от числа, паспорта на право проживания в Маньчжурии. До поздней ночи шел торг о стоимости оружия, коней, амуниции. Здесь генерал выказал большие коммерческие дарования и хитрость. Еще до объявления цен за каждый предмет он оговорился, что он не располагает средствами, чтобы купить по справедливой оценке. Подлежали сдаче оружие, прекрасные кони и амуниция, на что потребовалось бы много десятков тысяч. Нужно испрашивать кредиты от правительства из Пекина и ответ может прийти месяца через два — три. Такой срок едва ли устроит унгерновцев. Он же по

“дружбе” из своих личных средств может предложить уплатить за все сдаваемое, независимо от его качества и количества лишь по 100 сер. долл. офицеру и 50 долл. всаднику. Я просил отложить вопрос до утра, и мы разошлись спать. Помещение было отведено в доме генерала. Чистые каны, чистые постели. Уснул, как убитый.

Утром бои притащили большие деревянные ванны, и первый раз за три месяца вымыл грешное свое тело. За обильным завтраком, с полковником Кастериным обсуждали всесторонне условия генерала Чжан Куню. Выхода у нас не было другого, как согласиться на его условия, о каковом решении я перед обедом и сообщил генералу, который удачную свою сделку нашел нужным спрыснуть шампанским.

17 сентября прибывший мой конвой стал сдавать оружие, коней и амуницию. Генерал Чжан Куню мне лично оставил обоих коней и оружие. Я высоко ценил подаренного мне ламой храма Солнца сивого иноходца. Этот конь был староват, ему было 12 лет, но он имел большую резвость и был очень умным. Своих коней имел неосторожность оставить на сохранение Жучу, но впоследствии, из Харбина, все мои попытки получить коней остались тщетными.

18 сентября я отправил двух урядников навстречу идущим полковникам Па- рыгину и Хоботову, уведомляя их об условиях интернирования, но оба урядника исчезли бесследно. Как оказалось потом, они не нашли бригады на намеченном пути, а нашли их только на берегах Далай-нора. Парыгин и Хоботов, не дойдя до южной оконечности Буир-нура, пошли к Далай-нору. Прождав бригаду 17, 18 и 19 сентября, переговорив с Чжан Куню, что он не изменит своего решения, когда бы ни подошла бригада, я решил ехать в Харбин, где рассчитывал найти свою семью.

18 сентября утром я просил Кастерина перед его отъездом в Харбин все оставшиеся деньги раздать конвойцам. Их осталось очень мало: около 10 фунтов билонного серебра и кусочки ямбового серебра. Выдача происходила в присутствии всех конвойцев, и они сами делили “казну”. Проделал эту ненужную операцию для того, чтобы потом не говорили, что я украл “пять пудов казенного золота “.

18 сентября вечером совместно с полковником Кастериным мы подписали письменное соглашение с генералом Чжан Куню. 18 сентября вечером уехал Кастерин, и я распустил свой штаб, получивший паспорта и деньги. 19 сентября уехал из Хайлара и я. Как впоследствии выяснилось, 1–я бригада пошла к Далай-нору. По пути были отпущены буряты. Много осталось в этом районе татар. В Хайлар сдавать оружие с Парыгиным и Хоботовым

пришло не больше 550 человек. Произошли мелкие инциденты под “пьяную лавочку”, но, в общем, Чжан Куню выполнил полностью свои обязательства. Унгерновцы должны быть благодарными к памяти благородного генерала Чжан Куню.

Путь на восток 2–й бригады

Во главе 2–й бригады оказался подполковник Островский — кадровый офицер, окончивший ускоренные курсы Академии Генерального штаба в Томске. Офицер он был знающий, но в нем отсутствовало волевое начало, а главное, он не понимал духа унгерновских частей. Как он, так и другие старшие офицеры бригады не отдавали себе ясного отчета в обстановке конца 1921 г. Они решили идти к атаману Семенову и насильственным путем старались удержать людей в частях войск. Ташур есаула Макеева и других офицеров безостановочно гулял по спинам всадников.

Бригада 19 августа пошла к переправе на Селенге. На хвосте бригады оказались партизаны Щетинкина. Было ясно, что, не дав им “щелчка”, переправа через Селенгу осложнится.

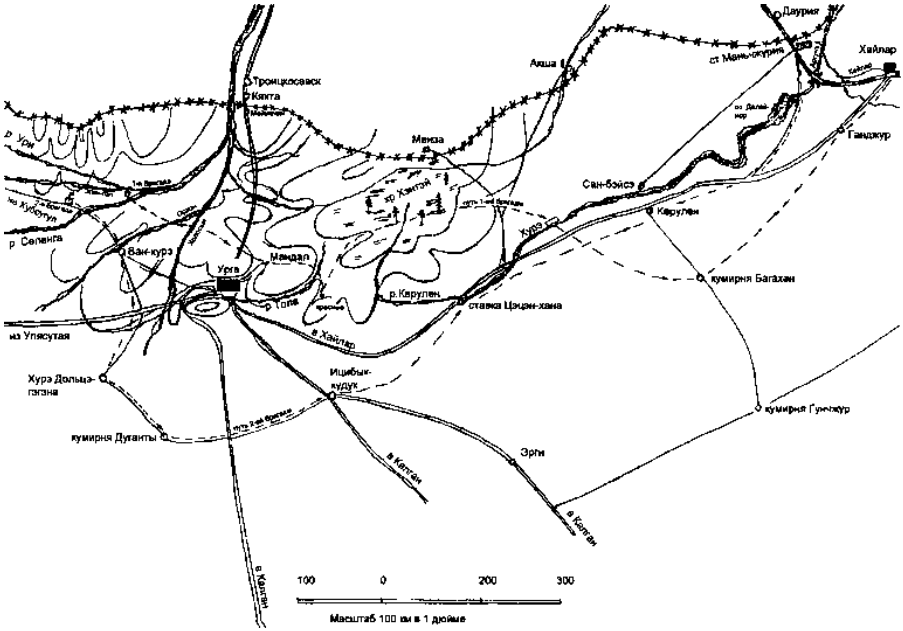
20 августа утром арьергард под командованием есаула Забиякина заманил красных партизан в узкое ущелье и разгромил их настолько основательно, что они уже больше никогда не соприкасались с унгерновцами. Бригада спокойно переправилась через Селенгу, двое суток простояла на ней, приводя себя в порядок после переворота и боя.

План движения был намечен такой: по южным путям в обход Урги с юга. Трасса движения намечена была такая: Эрдени — Дзу-хурэ Дольце-гэгэна — уроч. Хара-Толгой — Шилин-худук — ставка Цэцэн-хана — уроч. Малханай — по отрогам Батухан — по северо-восточному берегу Буир-нура — Ганчжур — Хайлар.

Такой маршрут нужно считать недостаточно правильным, так как не было нужды уклоняться на север и идти на Керулен, когда время года позволяло идти более прямым и совершенно безопасным путем через Шабортай — гоби (степь). Красное командование в Урге вначале посчитало движение 1–й бригады за всю Азиатскую конную дивизию и не следило за южными путями, и 2–я бригада обошла Ургу с юга совершенно спокойно. Где-то в районе хурэ Дольце — гэгэна остатки монгол, вкрапленные в части 2–й бригады, были отпущены.

В районе хурэ Батухан бежала сотня бурят Галданова. В бригаде шло брожение, так как большинство всадников не хотело идти к атаману Семенову. Старшие начальники такое настроение

посчитали за отсутствие твердой воли у начальника отряда подполковника Островского и устранили его от командования, и отряд принял подполковник Костромин.



Пути ухода Азиатской конной дивизии из Монголии в Маньчжурию.

Подполковник Костромин был храбрый солдат, но любил выпить. Он знал унгерновцев и благополучно довел их до места назначения Хайлар — Гродеково.

От Хара — Толгой 2–я бригада пошла на север к Керулену, как мне позднее объяснили, потому что благодаря засушливой осени 1921 г. на прямых путях на восток не было воды, и воду везли в бочонках. Был случай, когда двое суток кони не пили. Причина основательная к уклонению на Керулен.

Пересекая восточный тракт Ургa — Калган, был встречен отряд красных монгол, именовавшийся “номанхан — бароновский” (антибароновцы), кои везли 2 пушки в бычьих упряжках. К ним везли на монгольских телегах примерно 200 снарядов и черный порох в мешочках. Пушки у монгол отобрали. Из деревянных монгольских телег сложили костер, на него сложили порох, снаряды, деревянные части пушек и, уходя, подожгли. Через 30–40 минут унгерновцы услышали сильные взрывы. Рвались снаряды. Тела орудий бросили в разных местах в колодцы.

Вторая бригада имела по пути еще один бой с красными

монголами в районе песков, не доходя гор Батухан. В результате боя унгерновцам достался табун прекрасных гобийских коней.

Примерно 27–28 сентября 2–я бригада в составе 500 всадников при двух орудиях, с 6–7 пулеметами, табуном запасных коней и вьючным верблюжьим обозом стали лагерем на берегах Буир-нура. Для переговоров с генералом Чжан Куню о пропуске бригады в Приморье к атаману Семенову отправился есаул Макеев. Макеев в своей книге воспоминаний долго и пространно повествует о перипетиях и осложнениях переговоров с Чжан Куню. Фактически же все произошло гораздо проще, и только некоторые эксцессы и пьянство многих чинов 2–й бригады осложнили дело.

Генерала Чжан Куню самого не устраивало задерживать унгерновцев в Хайларе, и раз они решили организованными уйти из полосы отчуждения в Приморье, то тем лучше для него и Китайского правительства. За сдаваемое имущество он предложил те же условия, что и 1–й бригаде, хотя во 2–й бригаде оружия было больше. Особенно ценными были орудия и пулеметы. Торг о них, вероятно, был долгий и горячий, и Чжан Куню использовал свое положение и за них отдельно не заплатил деньгами, а в уплату снарядил для бригады отдельный воинский эшелон. Нужно признать — плата немалая. Генерал Чжан Куню сам старался скорее сплавить 2–ю бригаду из Хайлара, боясь нажить осложнений с красным командованием, имевшим свой штаб на ст. Даурия.

8 октября остатки 2–й бригады в числе около 500 человек были посажены в отдельный поезд, и он отошел от ст. Хайлар по особому графику. Поезд сопровождало несколько офицеров из дивизии генерала Чжан Куню во главе с капитаном Ван Цзолинем, свободно говорившим по-русски и жившим много лет в России. Довольствовались унгерновцы на деньги, отпущенные генералом Чжан Куню. Эшелон унгерновцев шел по особому графику. Ничего особенного в пути от Хайлара до Пограничной не произошло.

Был маленький инцидент на станции Старый Харбин: группа старших офицеров не могла оторваться от столиков харбинских ресторанов, а всадники, где есть китайские лавочки, всегда найдут “ханы”. Они под винными парами не проявили в отношении китайской охраны станции и поселка уважения, выгнав их со станции. Только наскоро прибывшие на автомобиле старшие офицеры усмирили воинственный пыл унгерновцев.

В двадцатых числах октября бригада прибыла на ст. Пограничную и в вагонах стала на запасной путь. В Гродеково, где стоял ближайший штаб белых войск, поехала делегация,

чтобы договориться с начальством. Старшим начальником в Гродеково оказался Сибирского казачьего войска генерал Глебов. Здесь делегация точно узнала, что атаман Семенов не у дел, семеновские части обезоружены. Но делегация добилась от Глебова обещания, что прибывшие унгерновцы останутся самостоятельной частью и будут именоваться Азиатской конной дивизией генерал — лейтенанта барона Унгерн-Штернберга. На станцию Пограничную генералом Глебовым был командирован генерал Немысский для приема унгерновцев.

Пока делегация ездила в Гродеково, офицеры бригады устроили в честь китайских офицеров генерала Чжан Куню банкет с соответственным “выпивоном”. Генералу Немысскому в Пограничной пришлось уплатить за довольствие и банкет около 750 зол. руб. Уплатив за унгерновцев, Немысский увез их в Гродеково.

Генерал Глебов, очевидно, посчитал, что раз он уплатил за унгерновцев целых 750 зол. руб., то они его собственность и он не обязан выполнять обещания, а разбил их партиями по 20–30 человек и разослал по разным частям, подчиненных ему.

Старшие начальники, как подполковники Костромин, Островский и еще 2–3 человека остались в полосе отчуждения КВЖД, а, следовательно, не осталось в бригаде людей, кои постояли бы за интересы унгерновцев. Последующие события показали, что рассеянные по разным частям 500 человек унгерновцев пользы Белому движению не принесли. Многие из них сложили головы в Приморье.

Ныне, по прошествии многих лет, приходишь к выводу, что старшие начальники 1–й бригады Азиатской конной дивизии действовали гуманно и правильно, распустив ее в Барге, Хайларе и Маньчжурии.

Движение на восток обозов Азиатской конной дивизии

В первых числах июля, когда к Урге подходили красные — Кубанская конная дивизия и монгольские части нового Революционного правительства Монголии — все тыловые части Азиатской конной дивизии под командой подполковника Сипайлова ушли на запад и стали где-то в районе Дзаин-шаби. Оставляя Ургу, Сипайлов совершил последнее каиново дело, задушив датчанина Олсена, выпытывая у него, где он спрятал свои капиталы.

Датчанин Олсен — старый резидент Монголии, ведший довольно крупные сделки с монголами. Маленький, юркий,

хорошо говоривший по-монгольски, прилично по-русски — пожалуй, один из немногих иностранцев, который не оставил Ургу перед приходом генерала Унгерна, надеясь, что под защитой иностранного флага он в мутной воде половит рыбу, то есть подберет товары крупных иностранных и русских фирм. Частично ему это удалось сделать. Я лично знал Олсена и предупреждал его о той опасной игре, которую он ведет, но голос благоразумия не доходил до него! Он считал, что датский паспорт — полная гарантия.

“Макарка душегуб” давно следил за куплей и продажей Олсена и, оставляя Ургу, на автомобиле заехал за Олсеном на квартиру, уговорил его проехаться с ним за город. Почти насильно тот был посажен в автомобиль, который под управлением капитана Федорова пошел на запад по Улясутайскому тракту, имея в предмете остановиться на скотопрогонно — прививочном ветеринарном пункте. Отъехав от Урги, Сипайлов стал допытываться у Олсена: “Где деньги?” Все угрозы и пытки Сипайлова остались без ответа. Олсен при содействии капитана Федорова был удушен. Тело его сволокли в придорожную канаву, а душегубы уехали дальше на запад.

Какими путями вел свой обоз Сипайлов на восток, точно не знаю, но южными и, скорее всего, теми, по коим только что прошла 2–я бригада. Сипайлов появился в Хайларе в октябре месяце, где перешел на эмигрантское положение. На каких условиях он передал генералу Чжан Куню ценный и большой обоз — не знаю.

В конце 1921 г. по настоянию датского посланника в Пекине Сипайлов был китайскими властями арестован и препровожден в Харбинскую тюрьму, где он до суда просидел больше года. Кажется, только в 1923 г. над Сипайловым состоялся суд, который приговорил его к 10 годам каторжной тюрьмы. Срок наказания отбывал в Харбинской тюрьме. В тюремной обстановке он оказался образцовым арестантом и за почтительность и благонравие был назначен старшиной[68]. Заведовал библиотекой, тюремной церковью. В общем, ему жилось в тюрьме неплохо. Из тюрьмы был освобожден в 1932 г., как только Харбин заняли японцы. Я от участия в процессе Сипайлова уклонился и никто меня не вызывал лично. Было приглашение общего характера к унгерновцам, но я не откликнулся. На многодневном процессе не был и всех подробностей удушения Олсена не знаю.

События в Западной Монголии (Кобдо — Урянхай — Алтай)

Есаул Кайгородов.

Он появился в конце 1920 г. в местечке Оралго, в верховьях р. Кобдо, в 150 км от г. Кобдо во главе небольшого партизанского отряда, вытесненного красными из Алтая.

Есаул Кайгородов в 1915 г. окончил ускоренный курс Тифлисской школы прапорщиков. До войны он служил в алтайской горной полиции. Во время революции явился на Алтай и, будучи непримиримым врагом большевиков, вступил на путь борьбы с ними. Кайгородов был приметный человек: высокого роста, широкий в плечах, жгучий брюнет, грубые черты лица, порывистый, храбрый, властолюбивый, решительный в действиях. Добро и зло перемешались в могучем человеке. Он был настоящий казачий атаман времен XVII–XVIII веков. Власть не только любил, но умел властвовать. “Всех строптивых и вольнодумных подчиненных, кто был недоволен им, он решительными мерами, вплоть до собственной ручной кулачной расправы приводил к повиновению. Не раз его нагайка гуляла по спинам тех, кто противился его воле. Нужно лишь отметить, что в большинстве она гуляла вправе” (Уваров).

На Оралго создался свой мирок — сечь. Отряд есаула Кайгородова быстро пополнялся, так как с Руси много бежало белых, они в своих странствиях в Западной Монголии набредали на кайгородовскую сечь и в ней бросали якорь. Кайгородов именовал свой отряд “Горно — Алтайский партизанский отряд есаула Кайгородова”. К началу 1921 г. отряд состоял из трех сотен и команды разведчиков.

Ежедневно производились занятия. Недоставало винтовок. Их заменяли самодельные пики. Полным ходом работали пошивочные мастерские, изготовляя одежду, разного рода конское снаряжение. Кузнецы с раннего утра до ночи ковали. Сечь жила лихорадочно — поспешно, готовясь к походам.

20 февраля 1921 г., когда отзвуки Ургинских событий дошли до Кобдо, китайский гарнизон Кобдо учинил резню белых русских. Спасаясь от китайцев, многие русские жители Кобдо бежали к есаулу Кайгородову под защиту, и все способные носить оружие стали в ряды его бойцов. В числе прибывших из Кобдо был старый кадровый полковник Сокольницкий, который и занял при Кайгородове должность начальника штаба.

Узнав об избиении русских в Кобдо, Кайгородов поспешил в Кобдо и занял его без боя, так как китайский гарнизон предпочел заблаговременно уйти из города и не испытывать расправы Кайгородова. В г. Кобдо стала налаживаться чисто русская жизнь. Пасха была отпразднована особенно торжественно. Вопрос с продовольствием в полуразрушенном Кобдо обострялся. Выручил

прибывший в Кобдо из глубин Китая караван, в котором оказалось много рису. Китайские купцы, идущие с караваном, не знали, что китайский гарнизон бежал из Кобдо. Был рис, было мясо. Жизнь входила в нормальное русло, и строились планы о засеве хлебных полей.

Есаул Кайгородов командировал полковника Сокольницкого в Ургу к генералу Унгерну с докладом о положении дел в Западной Монголии и доводилось до сведения Унгерна, что Кайгородов подчиняется ему как главнокомандующему в Монголии. Просил оружия и патрон. Унгерн дал отряду Кайгородову 100 винтовок, 20000 патрон к ним, 2 пулемета и 1 старую пушку с 50 снарядами. Сокольницкий знал, что пушка ни черта не стоит, но охотно принял ее, так как появление в кайгородовском партизанском отряде пушки имело моральное значение.

В свою очередь Богдо-гэгэн послал Кайгородову свое благословение и грамоту монголам оказывать всяческое содействие батору Кайгородову. Грамота имела большое значение для отряда. Пока Сокольницкий ездил в Ургу, бездействие томило атамана, и он от скуки рубил шашкой бродячих собак. Наконец до Кайгородова дошел приказ Унгерна № 15 от 21 мая 1921 г., в котором ему точно указывался район действия.

21 июля 1921 г. есаул Кайгородов выступил в поход на Русь в составе трех сотен, разведческой команды, пулеметной команды и одной пушки, а всего — около 500 бойцов. В начале августа Кайгородов имел два успешных боя с красными у Намирского и Барымского хурэ.

Было получено донесение, что из Кош — Агача на Кобдо двигается красный отряд под командой латыша Байкалова силою до батальона пехоты и двух эскадронов кавалерии, всего до 1000 человек. Есаул Кайгородов поспешил перерезать путь Байкалову, не допустив его в свои тылы на Кобдо. Первый бой с отрядом Байкалова произошел в начале сентября на берегу озера Толбо-нур, не дав победы ни той, ни другой стороне. К есаулу Кайгородову неожиданно подошло подкрепление в виде остатков от отряда атамана Казанцева. В отряд влилось больше 100 испытанных бойцов и 1 пулемет. Кайгородов перешел вновь в наступление против Байкалова, и последнему пришлось укрыться в Сарыл-гун-хурэ и спешно приспособить его к обороне, и красные прочно в нем укрепились за несколько дней бездействия Кайгородова. Бездействие Кайгородова объясняется тем, что он со дня на день ожидал подхода большого “войска” генерала Бакича.

19 сентября к Сарыл-гун-хурэ прибыл Бакич с “войском” в 7–8 тысяч человек. Людей было много, но из них было мало

вооруженных, они были плохо одеты, босые, уставшие и голодные. 21 сентября был назначен штурм хурэ. До рассвета части есаула Кайгородова спустились с гор к хурэ, при поддержке войск генерала Бакича сбили красных с их передовых позиций и остановились в нерешительности, ожидая приказаний и указаний Бакича — пункта для их атаки на хурэ. “Порыв не терпит перерыва” — и, пока Бакич с Кайгородовым рядили и судили о пунктах атаки на хурэ, красные оправились от первого поражения и с близкой дистанции наносили атакующим метким огнем большие потери. Атакующие стали отползать. К полудню атака приостановилась. Белые потеряли до 250 человек убитыми и ранеными. Причина неудачной атаки — отсутствие диспозиции для боя и руководства боем.

Что произошло вечером 21 сентября между Бакичем и Кайгородовым, неизвестно. Но на заре 22 сентября Кайгородов увел свой отряд на северо-восток, оставив Бакича самого справляться с Байкаловым. Есаул Кайгородов повел свой отряд на тыл красных в направлении Кош — Агача. По пути он разбивал и уничтожал мелкие красные отряды, поймал и изрубил монгольского сказочного Хас-Батора.

Границу на Русь перешел у Ташанты, около которой стояли пограничные столбы. Кайгородов знал от пленных красных, что в Кош — Агаче стоит небольшой гарнизон красных, но не знал, что вечером 1 октября в Кош — Агач прибыл большой отряд красных. В ночь с 1 на 2 октября он атаковал Кош — Агач, но наткнулся на полк “горных орлов”, полк “Маруси отравительницы” и пулеметную команду. В Кош-Агаче оказалось 2000–3000 красных. Конечно, Кайгородову непосильно было бороться с такими силами красных и он, понеся большие потери, с рассветом скрылся в горах. Кайгородов пошел в пределы Монголии, но не по старым путям, а ушел в юго-западный Алтай на зимовку.

Собираясь уходить в Медвежье логовище, он не потянул за собой всего отряда, а предложил лишь желающим идти за ним и разделить с ним судьбу. За ним пошло примерно около 150 человек, остальные же под командой полковника Сокольницкого усиленным маршем пошли на юго-запад, к Кобдо, недалеко от которого на берегу Хара — усу стояли обозы есаула Кайгородова, а при них были и некоторые семьи офицеров. При обозе Сокольницкий застал много пришлого люда и среди них бойцов Казанцева и некоторые части оренбургских казаков, ушедшие от Бакича из-под Сарыл-гун-хурэ.

Политическая обстановка для белых русских отрядов в Западной Монголии в октябре месяце 1921 г. складывалась очень неблагоприятно. Монголы знали, что Азиатская конная дивизия

ушла в Маньчжурию, сам генерал Унгерн попал в плен к красным. В Урге — новое правительство, руководимое советскими комиссарами. Даже монголы и ламы, самые доброжелательные к белым русским, чтобы не навлечь на себя немилость новой власти в Монголии, ушли в тень и оставались пассивными. Бичом же русских белых явился изменник — старший монгольский военачальник в Западной Монголии Хатан-Батор, перешедший на сторону большевиков, как только узнал, что Унгерн в походе на Русь не имел успеха.

Обстановка диктовала для русских один выход — уходить из Монголии. Тяжелую и ответственную миссию вывода русских из Монголии взял на себя Сокольницкий. Исход русских из района Кобдо начался в конце октября. В уходящей колонне насчитывалось: бойцов 488, женщин и детей 80, мирных жителей, не годных к строю и обозных 140, а всего — 708 душ.

Боевую и надежную часть составлял Оренбургский казачий дивизион (ушел от генерала Бакича), а самой надежной опорой — офицерский взвод в 35–40 человек, 2 сборные сотни и пулеметная команда. Обоз был вьючный, на верблюдах. За" отрядом двигался гурт рогатого скота в 200 голов и отары баранов в 2000 голов. Обоз и гурты скота связывали скорость движения отряда полковника Сокольницкого, но бросить их было нельзя, так как мясо являлось основой питания отряда.

В трех переходах к юго-западу от Кобдо уходящий отряд догнали передовые части Хатан-Батора. За ними следовал конный отряд в 1000 всадников. Он прислал парламентеров к полковнику Сокольницкому и обещал, что если ему будет сдано все оружие, то он не задержит отряда Сокольницкого, а наоборот, будет содействовать безопасному уходу в Китай белым русским. Посулы изменника не были приняты, и отряд твердо решил обороняться — благо, что монголы вооружены были плохо. В арьергард перешел офицерский взвод и пулеметная команда. Бока длинной колонны охраняли оренбуржцы, в резерве были две сборные сотни.

Монголы, обозленные тем, что от них уходит добрая добыча, как осы окружили отряд Сокольницкого, стремясь нанести главный удар на тылах колонны. Время от времени офицерский взвод останавливался, занимал позицию, подпускал на близкое расстояние монгол и угощал их свинцом, делая большие бреши в их скопищах. Положение отряда оказалось критическим, когда пошли горами, где монголы легко могли закупорить отряд в долине, но опасность придала силы русским, и они заняли важные горные перевалы Машан-даба раньше, чем монголы сообразили занять их, а когда отдельные отряды монгол

поспешили их занять, то с большими потерями были отбиты. Только спустившись в долину Булугуна в середине ноября, русские вздохнули более или менее свободно, так как монголы дальше Машан- даба не пошли.

На Булугуне, в провинции Гучэн, русским преградили путь китайские солдаты. Местные китайские власти потребовали сдачи оружия. Волей или неволей, но пришлось сдавать оружие и положиться на волю Провидения. Выяснилось, что до указания из Пекина, как поступить с русскими беженцами, местные китайские власти не позволят русским двигаться с Булугуна.

Русские не пришли в отчаяние от такого решения китайцев. Погода стояла отличная. Тепло. Место стоянки прекрасное. Строили землянки, ловили рыбу, строили бани, церковь, печи (китайские власти дали муку). При наличии муки, мяса, рыбы, дров жизнь в царстве “царя Булугуна” потекла не только сносно, но подчас и весело — построили театр. Так в царстве “царя Булугуна” прожили до весны 1922 г.

Наконец весной пришел приказ из Пекина — впустить русских беженцев в Северный Китай. За лето 1922 г. все люди отряда полковника Сокольницкого рассеялись по Китаю: в Пекине, Тяньцзине, Мукдене, Харбине. Все эти люди должны быть благодарны Сокольницкому за спасение жизней.

Есаул Кайгородов, отделившись от полковника Сокольницкого со 148 партизанами, вышел на Чуйский тракт и на нем наткнулся на отряд в 300 человек красноармейцев, которые шли на поддержку Байкалову. Произошел короткий бой. Красные были разбиты, побросали оружие и патроны. Оружие и патроны были очень нужны Кайгородову. Местные жители знали, где обосновался Кайгородов, относились к его отряду сочувственно, снабжая продовольствием. Со всех сторон шли к нему добровольцы, и отряд его вырос до 2000 бойцов.

Есаул Кайгородов шел на Бийск, разбивая и уничтожая по пути красные отряды и гарнизоны. Наступившие холода и глубокие снега в горах вынудили Кайгородова стать по деревням на зимние квартиры. На зимних квартирах у партизан стало не хватать продовольствия для людей и фуража для коней, что обессиливало отряд.

Многие партизаны уходили по своим деревням. Падала дисциплина. Зима разрушила блестящее дело Кайгородова.

Красные подтянули крупные резервы под командой Ледогорова, которые принудили Кайгородова уходить с зимних квартир в горы. Партизаны ушли в малодоступное ущелье Архит, где спокойно и отсиживались. Из своего горного убежища Кайгородов изредка выезжал в ближайшие поселки,

расположенные по озеру Бух- тарма.

По весне есаул Кайгородов приехал в один из поселков и заночевал у приятеля. В этом поселке скопилось до сотни человек алтайцев, желающих поступить в отряд Кайгородова. По подстрекательству ли большевистских эмиссаров, желая ли головой Кайгородова расплатиться с большевиками за свои долги перед ними, по прибывшие партизаны в ночь на 22 апреля 1922 г. окружили дом, где ночевал Кайгородов и открыли по нему огонь. Есаул Кайгородов выскочил из дома в одном белье и отстреливался от изменников. Расстреляв все патроны, он вошел в избу и, по одним данным, принял цианистый калий, по другим, — последний патрон пустил себе в голову. Изменники выволокли богатырское тело Кайгородова из избы, отрубили голову, посадили ее на длинный шест, повезли по деревням Алтая и передали красным.

“Поражу пастыря, и разбредутся овцы”. Так случилось и с кайгородовцами. Они разбежались.

Так закончил жизнь один из выдающихся партизан Сибири революционного времени 1919–1922 гг. Он заслуживает доброй памяти уже по одному тому, что, будучи непримиримым врагом большевистской власти в России, боролся с нею до последнего вздоха. Идя по тяжелым путям, он не насиловал других идти его путями. Был крутым, подчас жестоким, но справедливым человеком. Для себя ничего не искал, а полон был одним стремлением — к благу России, как он понимал благо ее.

Генерал Бакич

Генерал Бакич по рождению — чистокровный серб. Всю первую Великую войну провел на Русском фронте с сибирскими стрелками. Гражданскую войну, командуя корпусом, провел на Южном фронте (Оренбургском). Когда Южная армия (атамана Дутова) перешла границу Синьцзяна, была разоружена китайцами и расквартирована лагерем на реке Эмиль, то Бакич — один из немногих генералов — остался с армией, в которой еще насчитывалось до 30000 человек солдат и офицеров, и разделил с ними горькую судьбу в ожидании какого-то выхода из положения.

Автору неизвестно точно, при каких условиях и по каким причинам в Китайский (Восточный) Туркестан с 1 июня 1921 г. начался наплыв большевистских эмиссаров с согласия Китайского правительства. Положение белых русских в Синьцзяне, а особенно стоявших на Эмиле, становилось невыносимо тяжелым. Среди воинов началось брожение. Под влиянием агитации большевиков

большая часть решила сдаться па милость большевиков.

Генерал Бакич с непримиримыми 7600 человеками двинулся на восток. Без оружия, без средств, окруженный кругом врагами, отряд Бакича прокладывал себе путь самодельными копьями, а нередко одними камнями.

19 сентября отряд подошел к Сарыл-гун-хурэ, которое осаждал есаул Кайгородов. Последовал неудачный общий штурм хурэ 21 сентября. Кайгородов резко разошелся во взглядах с Бакичем и со своими партизанами ушел. Генерал Бакич в течение последующего месяца предпринял 2 штурма на хурэ. В первом штурме 1 или 2 октября, чтобы уменьшить потери, перед передовыми цепями катили тюки шерсти. Во второй атаке 11 или 12 октября впереди цепей гнали гурты яков. Но благодаря малому количеству ружей и патронов атакующие не имели успеха, и Байкалов удержал хурэ.

В половине октября к Байкалову подошло подкрепление в 2–3 тысячи человек с мощной артиллерией. Пришлось снять осаду и самим скорее уходить. Неудачи генерала Бакича под Сарыл-гун-хурэ сильно подорвали дух в отряде. Из отряда несколько частей дезертировало. Но, уходя от Сарыл-гун-хурэ, в отряде состояло на довольствии еще 6000 душ. Он представлял из себя некоторую силу.

По личному ли побуждению, под уговорами ли атамана Казанцева, страстного поклонника Урянхайского края, генерал Бакич повел свой отряд в Урянхай, где рассчитывал спокойно перезимовать с тем, чтобы по весне начать действия против большевиков в Красноярском направлении. План Бакича не осуществился. На пути в Урянхай красные с монголами большими силами окружили отряд Бакича. Оставалось два пути — сдача или смерть.

Генерал Бакич был высоко благородный человек. Он пожертвовал собой и старшими офицерами ради спасения “меньшей братии” и сдался с отрядом на милость красных.

Монгольские начальники потребовали от большевиков выдать им атамана Казанцева, что большевики охотно исполнили. Монголы предали лютой смерти Казанцева за то, что он по дороге из Улясутая в Кобдо сжег многие хурэ, перешедшие на сторону большевиков[69].

Генерала Бакича с начальником штаба генералом Степановым и шестнадцатью старшими офицерами доставили сначала в Ургу, откуда переправили в Троицкосавск, где в январе месяце 1922 г. судили и расстреляли.

Уход генерала Бакича с р. Эмиль, поход его безоружного, босого, голодного и холодного 7–8–тысячного отряда через

Джунгарию, Западную Монголию, через Южный Алтай, бои с киргизами[70], красными и последняя трагедия по снятии осады Сарыл-гун-хурэ составляют одну из тяжелых страниц Белого движения. Они ждут своего историка, так как я не располагаю документами, чтобы полно описать события[71].

Лично я мало знал генерала Бакича, так как по службе в Южной армии наши пути не сходились. Сужу о нем лишь по рассказам других, хорошо его знавших. Общий голос — генерал Бакич большой патриот, прекрасной души человек, но упрямства неимоверного, которое и погубило его, в стремлении во что бы то ни стало взять Сарыл-гун-хурэ. Он не мог не понимать, что взятие Сарыл-гун-хурэ не разрешало вопроса ни “русского дела”, ни интересов национальной Монголии, и что “дело белых русских” в Монголии с уходом Азиатской конной дивизии оттуда было проиграно на все 100 %. И только упрямство — сломать сопротивление латыша Байкалова — заставило потерять месяц и приблизило его лично и его отряд к сдаче на милость красных.

Нужно было спасать жизнь 6–7 тыс. человек, доверившихся ему — вместе ли с полковником Сокольницким, отдельно ли — когда еще пути у него не были закрыты. Несомненно, отряд мог бы свободно достигнуть Гучэна. Лично ли по своему упрямству, под влиянием ли атамана Казанцева — Бакич, как и Унгерн, возлагал надежды на Урянхайскую благодатную котловину, словно горы Саян могли спасти рушившееся Белое движение, упуская главное: что благодатная долина Урянхая — благодатна для мирной жизни, а в борьбе она — ловушка, из которой выхода нет.

Не имея тыла, источников пополнения боеприпасами, продовольствием, медикаментами, запертые в котловине стали бы легкой добычей красных, был бы новый бунт и новая сдача. Многие в отряде генерала Бакича, понимая безвыходность положения, ушли от него из-под Сарыл-гун-хурэ и присоединились к полковнику Сокольницкому, а часть разбежалась. От Сарыл-гун-хурэ Бакич увел отряд, не превышающий 5000 человек.

Теперь, по прошествии больше чем двадцати лет, в спокойной обстановке легко рассуждать и критиковать, хотя бы верно и доброжелательно. Но тогда еще во многих жила вера в торжество Белого движения, в него верил и генерал Бакич и тем допустил роковые ошибки. Как бы ни судили о Бакиче, надо признать, что он являлся одним из честнейших, благороднейших борцов Белого движения, и заплатил жизнью за счастье России, как он понимал это счастье для нее, забывая свои личные интересы, поручив Провидению заботу о своей молодой, хорошей жене и маленьком

сыне. К счастью, судьба к ним была милостива: генеральше Бакич удалось устроиться на службу в Харбине в управление Китайской Восточной железной дороги, что дало ей безбедное существование и возможность дать законченное высшее специальное образование для сына. Из него вышел дельный инженер.

Сотник Сухарев

Сотник Сухарев со своей сотней и остатками частей полковника Казагранди во время похода на Русь генерала Унгерна оставался где-то на юго-западе от Дзаин- Шаби. После убийства Казагранди он стал держаться обособленно и уклонился вести свой отряд к Унгерну в походе на Русь. Он знал настроение жителей в пограничной полосе и предугадал, что оно не пойдет на восстание против большевиков, почему постарался держаться от Унгерна и его дивизии в отдалении. Атаман Сухарев узнал о бунте в Азиатской конной дивизии лишь тогда, когда вся дивизия ушла на восток с линии Селенги. Он самостоятельно повел свой отряд южными путями на восток на Чанчунь, откуда рассчитывал пройти Гиринскую провинцию и выйти в Приморье.

В ноябре месяце 1921 г. отряд атамана Сухарева появился в районе Тао-нань-фу, к северо-западу от Чанчуня. Китайское командование предложило атаману разоружиться и обещало всех людей отправить в Приморье, но Сухарев не поверил китайцам и отказался сдать оружие. Он попытался силой оружия пробиться в Приморье, но силы китайских войск оказались значительными. Произошел жестокий бой. Как отряд Сухарева, так и китайцы понесли в бою большие потери. Сухарев был ранен. Не желая сдаваться в плен, он, предварительно пристрелив жену, выстрелом в голову покончил расчеты с жизнью. Китайцы, обозленные большими потерями с сухаревцами, почти весь отряд перебили. Говорят, что из 300–350 человек отряда осталось в живых 30–40 человек, коих китайское командование переправило в Приморье.

Расстрел генерала Унгерна

Только в октябре месяце генерала Унгерна доставили в столицу Сибири — Новосибирск. Разные источники о последних минутах жизни Унгерна почти тождественны. Как будто бы до

суда с Унгерном большевики обращались хорошо. В Новосибирске его содержали не в грязной тюрьме, а в особом доме под усиленным караулом.

Есть данные, что большевики предлагали генералу Унгерну службу в красной совдивизии, но это предложение им было отвергнуто. В день суда зал судебного заседания был переполнен военными и штатскими. На суде генерал Унгерн появился чисто выбритым, одет в неизменный свой княжеский тарлык с Георгием на груди. На вопросы суда отвечал коротко, определенно и выразил суду неудовольствие на ненужную судебную волокиту, так как он поступил бы с судьями гораздо проще и короче. Правда, и над ним суд был недолгим и вынес постановление: “К высшей мере наказания — расстрелу”.

Наутро следующего дня генерала Унгерна вывезли на грузовике за город и расстреляли. До самого конца жизни Унгерн оставался спокойным и смерть принял как храбрый солдат и буддист, веря, что смерть его — переход в лучшее состояние.

В Шанхае пришлось видеть фотографию, на которой были сняты трое лам. Один старый лама благообразный, почтенный. Это, как мне объяснили, настоятель одного из наиболее почитаемых монастырей где-то в Бирме. Другой — противоположность — маленький ламенок, так лет 15–17. Посередине высокий, худой лама лет 42–45 и до поразительности похож на Р. Ф. Сарыл-гун-хурэа. Молодой ламенок, типа “завки” (половинки), якобы является сыном генерала Унгерна от брака его с китайской принцессой.

Легенда говорит, что высшие ламы Монголии не остались безучастными к судьбе бога войны. Они следили за его жизнью и, когда его привезли в Новосибирск, то, зная заранее, что его там расстреляют, они купили алтайских шаманов, чтобы они теплое, еще не подвергнутое разрушению тело бога войны вывезли в горы, где их ожидали искуснейшие да-ламы. Они оживили его, залечили раны и через Тибет доставили в один из почитаемых и стариннейших монастырей в Бирме, куда был перевезен и сын генерала Унгерна из Пекина.

По существу легенды ничего не могу сказать. Но на фотографии, несомненно, подлинный Унгерн. Если это — искусная инсценировка фотографа, по чьему-то заданию, то ее нужно признать весьма удачной.

Не допускаю мысли, чтобы Новосибирское ГПУ, расстреливая генерала Унгерна, было так наивно, что не убедилось в его смерти и глубоко и, пожалуй, скрытно не закопало бы его тело. Слишком ответственная на них была возложена задача. Тем не менее, факт с фотографией остается фактом. Судя по времени,

когда я видел фотографию (1937 г.), его сыну — если он был и есть — могло быть примерно 16–17 лет.

Баронесса Е. П. Сарыл-гун-хурэ, внесенная в фамильную биографию (изд. 1940 г., Рига), вероятно, жива и, повидав ее, можно было бы пролить свет на легенду, но ни обстоятельства, ни средства не позволили этого сделать. Говорят, что она живет при дворе императора Пу-И в Чанчуне, на вдовьем положении.

Судьба русских семей, бежавших из Урги 3 или 4 июля ушли из Урги последние тыловые унгерновские части. Никто не подумал о судьбе тех русских, коим не улыбалось попасть в руки большевиков. Даже не позаботились о семьях своих офицеров, оставленных на произвол судьбы. Когда до Урги дошли сведения, что Карнаковку на Иро заняла Кубанская красная дивизия, то в ночь с 4 на 5 июля началось бегство из Урги.

Более просто думающие побежали из Урги по пути на Хайлар и все благополучно до него добрались. Большая же группа “высокомыслящих” решила двигать через Гоби на Калган. По пути длинному и трудному. Эту группу возглавлял барон П. А. Витте. В нее входили семья И. А. Лаврова — 2 человека, В. Ф. Торновской — 3 человека, барона Тизенгаузена — 2 человека, А. И. Заплавного — 2 человека, Попова — 2 человека и еще несколько человек, а всего насчитывалось до 20 душ обоего пола и разных возрастов, от 5 до 50 лет. Группа барона Витте пошла южными путями но, когда отъехала от Урги верст на 70–80, получены были сведения, что китайцы если и не убьют русских, то не пропустят в Калган. Тогда на совете было решено остановиться в верховьях р. Орхона, где много леса, воды, хорошие пастбища, вырыть землянки и перезимовать, дожидаясь лучшего времени. Но спокойно жить не давали мелкие вооруженные монгольские отряды, зараженные большевистскими идеями и способами расправы с белыми.

Группа П. А. Витте начала кочевать с места на место, спасаясь от монгольских банд. Так она прокочевала весь июль и август. Еще в начале похода отделился зять барона Фитингофа, Борис Волков, и прибыл в Харбин. От него я и узнал о печальной судьбе своей семьи. Заплавный и Попов также отделились, прибыли в Ургу на милость красных.

В начале сентября месяца большая группа красных монгол арестовала всех русских белых группы барона Витте, обобрала их и доставила в Ургу. В Урге главным комиссаром оказался некий Васильев. Нужно сказать правду, что он не был особенно свирепым и старался действовать в рамках законности. Никого из задержанных не посадил в тюрьму. Через несколько дней семьи И. А. Лаврова, баронов Витте, Тизенгаузена и Лисовского

отправили в Троицкосавск, предоставив им льготу ехать в собственных экипажах и лошадях под охраной.

Мою жену В. Ф. Торновскую вызывали раза два на допрос и в конечном результате сообщили, что “ее муж, полковник Торновский, благополучно привел отряд через горы Хэнтэй в Хайлар”. Поострил на этот счет не в свою пользу, что меня упустили. Больше ее не трогал, и она иголкой стала добывать себе и детям хлеб.

В Монголии в разных местах было арестовано до 30 человек, и большинство из них были отправлены в Россию. Из этих лиц, заслуживает быть отмеченным военный инженер подполковник Франкман. Прекрасный инженер и души человек. Он исправлял телеграфную линию в Цэцэнханском аймаке.

Только в Иркутске И. А. Лаврова и барона Тизенгаузена посадили в тюрьму, а из нее отправили в Новосибирск. Барона Витте с семьей в тюрьму не посадили, а отправили на родину, куда-то в район Новочеркасска. Впоследствии его назначили заведующим опытным полем (агроном по образованию) и он с семьей благополучно вышел из монгольской эпопеи.

Барона Тизенгаузена и подполковника Франкмана недолго продержали в новосибирской тюрьме и выпустили на свободу. Франкмана заставили работать по своей специальности военного инженера, но скоро опять арестовали за помощь белым. В тюрьме он заразился сыпным тифом и умер. Барон Тизенгаузен с женой уехали в Иркутск, где жена открыла “салон дамских нарядов”, а муж был при ней в качестве рассыльного.

Судьба И. А. Лаврова сложилась тернистой. Его как будто бы освободили по обвинениям в Монголии, но как крупного политического деятеля отправили в Москву в качестве свидетеля по делу партии эсеров. В Москве И. А. Лаврова заключили в Лубянскую тюрьму, из которой выхода не было. Но судьба была к нему милостива, и он через год был освобожден. В освобождении сыграла большую роль его высокая квалификация как финансиста. При образовании Бурятско — Монгольского правительства не оказалось подходящего человека (знание края и условий) для замещения должности министра финансов. Буряты, знавшие И. А. Лаврова по Иркутску, выдвинули его кандидатуру. ГПУ не видело препятствий к назначению, и Лавров из “смертника” превратился в министра финансов Бурятско — Монгольской республики в г. Верхнеудинске, в каковой должности он пробыл больше двух лет, наладив бурятам весь финансовый аппарат. Потеря зрения вынудила И. А. Лаврова уйти в отставку. Два сына и дочь, жившие в Америке, нажали все кнопки, дошли до сенатора Бара и добились того, что И. А. и

С. О. Лавровым был разрешен выезд из СССР и въезд в САСШ.

В 1932 г. Лавровы проездом оказались в Харбине и в нем застряли. Из Харбина перебрались в Циндао, где Ив. Ал. и скончался. Виктория Фридриховна Торновская с тремя детьми оставлена была в Урге, но жила она на положении “зачумленной”, так как русские избегали ее общества, боясь навлечь гнев новых хозяев страны. Ее приютила в полутемной комнатушке семья Першина[72]. Она зарабатывала хлеб шитьем белья на красноармейцев.

Я из Харбина перебрался в Калган, имея в кармане 2500 зол. руб. от продажи земельного участка на углу Церковной и<..>[73] улиц, который я случайно приобрел в 1918 г. В Калгане я вошел в соглашение с американской автомобильной фирмой “Неель”, которая за 1000 кантонских сер. долл. послала в Ургу специальный автомобиль за семьей и взяла на себя содействие получить разрешение на выезд, на что мною ассигновалось еще 500 зол. руб.

Комиссар Урги Васильев выпустил мою семью из Урги, и она благополучно в ноябре 1921 г. прибыла в Калган. Семьи Заплавного и Попова возвратились добровольно в Ургу. Оба они, как и многие другие (Владимиров и пр.), как монголоведы, оказались полезными большевикам и устроили свою жизнь неплохо.

Заключение

Излагать события в Монголии в 1920–1921 гг. гораздо легче, чем делать выводы. Как мог, с чистым сердцем, отбросив всякую предвзятость, я изложил пройденный путь Азиатской конной дивизии и ее начальника генерала Унгерна. Утверждаю, что события мною изложены верно, быть может, с мелкими ошибками, не имеющими существенного значения.

Делать же выводы очень трудно. Тем не менее, их нужно сделать, чтобы примирить те разногласия, которые существуют как в оценке самого генерала Унгерна, так и результатов, достигнутых им и чинами Азиатской конной дивизии, и причины неуспеха, несмотря на многие блестящие дела.

Первый вопрос, на который нужно ответить: “Был ли генерал Унгерн подлинным вождем Белого движения?”

Нет. Он не был вместилищем тех качеств, какие нужны большому человеку. Он не был обаятельным. По его слову люди умирали, боясь суровой кары, но не умирали с его именем на

устах, как умирали гренадеры Наполеона с возгласами: “Виват, император!” При появлении генерала Унгерна каждый старался не показываться ему на глаза, а спрятаться, иногда провалиться сквозь землю, а были случаи, что исчезали в неизвестность, лишь бы не предстать перед грозными очами “дедушки”.

У него отсутствовало чувство благодарности и привязанности к своим верным и ближайшим помощникам. Он их использовал по обстановке, и не только отбрасывал как ненужную ветошь, а уничтожал (подполковник Лауренц). Такого человека, как генерал Резухин, он не задумался оскорбить действием.

Решение его освободиться от “ургинских умных офицеров”77, которые верно и честно служили до него Белой идее и ему лично в период его власти — ничем и никогда не может быть оправдано.

Он не терпел в окружении себя людей независимых, умных, а тем более — ему противоречащих. Он снисходил к некоторым штатским людям, как И. А. Лавров, К. Н. Ивановский, доцент Оссендовский, но в той мере, как ему это было приятно. Он охотно с ними делился своими мыслями, планами, философским мировоззрением, выслушивал их возражения, но военных с умственным багажом он не выносил.

Полковника Казагранди, человека высокой доблести и интеллекта, генерал Унгерн приказал “изъять”. Изъяв его, он не нашел в себе гражданского мужества объявить о причинах “изъятия”, и смерть доблестнейшего борца с большевиками является самым тяжелым грехом Унгерна.

Генерал Унгерн, хотя и был кадровым офицеров, прошедшим теоретически и на практике военное дело, в полной мере оправдал характеристику, данную ему генералом бароном Врангелем, что в чисто военном деле он был “безграмотен”78. Ни один бой с регулярными войсками противника не был им лично глубоко продуман и принятый чужой план проведен до конца. Так, прекрасный план подполковника Дубовика взятия Урги он чуть-чуть не провалил. Если бы китайцы проявили больше упорства и поспешно не отступили из Урги, без основательных причин, то Урга не была бы взята. Такой блестящий бой, как под Чойрыном удался благодаря меткости и сверхлихости артиллеристов, сумевших втащить пушку на отвесную сопку, а иначе атакой в лоб крутых гор с уступами он уложил бы отряд.

Бой с китайцами 20–21 марта был выигран генералом Резухиным благодаря выдержке его. Бой же под Троицкосавском, где генерал Унгерн был всецело один, показал отсутствие в нем всякого военного дарования, и он допустил элементарные ошибки, непростительные простому кадровому поручику. Правда, в бою под Троицкосавском много навредили Унгерну ламы,

которые нагадали ему счастливые и несчастливые дни для боя. Но военачальнику непростительно верить вздору лам.

Старые унгерновцы, бывшие с генералом Унгерном в походах против красных в районе Нерчинского завода говорили, что там, где Унгерн действовал, как партизан, он имел успех, а где встречался с красными регулярными частями и его появление не было для них неожиданным — он уходил от красных.

То же явление наблюдалось и в походе на Русь с 19 июля по 14 августа. Брал внезапностью или численным превосходством. Долгого боя не принимал. Так он поступил в бою 20 июня у Баян — гола, и в бою под Ново-Дмитриевкой 4 августа, когда мы уходили от красных. Во всех боях, кои я наблюдал и коим был свидетелем, не было продуманности боя и отсутствовало руководство лично генерала Унгерна. При совместных действиях распоряжался большею частью генерал Резухин, а Унгерн как метеор носился по фронту, подбадривая ташуром идти вперед. Частные начальники знали, что указаний ожидать нельзя и действовали самостоятельно и очень хорошо.

Справедливо возразят, что я ошибаюсь в оценке, так как генерал Унгерн — георгиевский кавалер за Первую Великую войну, взял Ургу и прочее, и прочее. Верно — георгиевский кавалер: сотнику казачьего полка не дадут его зря. Он получил его по заслугам, за небольшое лихое кавалерийское дело, положенное по статусу для младших начальников в Галиции, но это дело имело местное значение, требующее не больших умственных военных талантов, а великую храбрость, каковой в полной мере был наделен генерал Унгерн. Урга была взята по плану подполковника Дубовика, проведенному командирами отдельных частей, даже полковник Хоботов точно действовал по диспозиции для боя.

Генерал Унгерн — типичный партизан: огромная сила воли, храбрость, выносливость, умение отлично ориентироваться ночью. Возможно, что он годился бы на роль начальника для крупного кавалерийского рейда в тыл противника и, конечно, провел бы его талантливее, чем генерал Мищенко на полях Маньчжурии в 1904–1905 гг. Но вождь, стратег, тактик, политик и администратор Унгерн был плохой[74]. Его Азиатская конная дивизия до взятия Урги была не кавалерийская, а лоскутная дивизия, плохо организованная и связанная между собою. Из дивизии группами и одиночно бежали офицеры и всадники. Сотни из одного полка переводились в другой, образовывались полки нового наименования и получали нового командира полка.

В Урге усилиями генерала Резухина и при помощи новых опытных боевых офицеров Азиатская конная дивизия

действительно стала кавалерийской дивизией. Неоспоримо — генерал Унгерн не был создан для роли военачальника.

В день организации тыла, забот о нем и прочего, генерал Унгерн не проявлял никаких административных дарований. Тыла и тыловых презирал и старался унизить их. Только работой инженера Рериха, старшего врача Клингенберга, заведующего мастерскими подполковника Дубовика и удачным подбором помощников тыл Азиатской конной дивизии был налажен. Пожалуй, некоторую долю в это дело внес и Макарка-душегуб (Сипайлов). Тылы Унгерн бросал на произвол судьбы, подвергая нападению, и сами начальники тыловых учреждений маневрировали и приближались к дивизии, а когда было опасно, то уходили от нее. Что же касается семей офицеров и мирных жителей в тылу, то о них он просто забыл.

Как политик генерал Унгерн был безнадежно плох и непостоянен[75]. Будучи от природы умным человеком и неплохо образованным, он вбил в свою голову бредовую идею возродить какой-то век феодалов-рыцарей с цеховым устройством населения при помощи полудиких монгол. С реальной же обстановкой считаться не хотел[76]. Ламаист, возведенный на высшую степень бога войны, генерал Унгерн, уходя из-под Троицкосавска на запад, не думал о защите очага ламаизма — Урги, а преследуемый бредовыми идеями ушел с пути защиты в неизвестность. Большевики поспешили захватить Ургу, разрушили очаг ламаистов, поспособствовали скорее Богдо-гэгэну переселиться на седьмое небо, а Шабинское ведомство впоследствии свели на нет. Во всяком случае, мир ламаистов не помянет генерала Унгерна добрым словом. Он не был предан монгольскому национальному делу, ведя переписку с китайскими генералами и сановниками, ища каких-то сговоров. Этого монголы не простили Унгерну и предали его[77].

Сердце, милосердие в нем отсутствовало. Сирых и убогих он не терпел. К женщинам относился жестоко и с презрением. С женой жил недолго и, снабдив ее деньгами, отправил в “отчий дом”, словно деньгами можно было поправить разбитую жизнь молоденькой принцессы. Говорят, что женился он из политических соображений, чтобы через жену закрепиться среди азиатского правящего мира и приобщить себя к азиатам. Но к азиатам он не приобщился, а до самой смерти оставался бароном, гордился своим родом, предками и титулом. Остается один невыясненный вопрос: ненависть к женщинам происходила из сущности его аскетической натуры или это явление патологическое. Не раз наблюдал генерала Унгерна, когда он избивал ташуром людей. Глаза его выражали больше эротическую

страсть, чем гнев[78]. Отсутствовала самокритика, анализ и дар предвидения. Походы в Нерчинском районе, около Акши, в Кударинском районе, кажется, должны были убедить генерала Унгерна, что население Забайкалья не пойдет не только с семеновцами, но и вообще с белыми против красных и, тем не менее, наперекор судьбе и стихии он шел искать союзников в 1–м отделе того же войска и не нашел их.

Не найдя их в Забайкалье, он решил уйти в Урянхай, перезимовать и по весне поискать в Енисейской области, забывая, что власть большевиков за зиму еще более окрепнет и ему с ней не справиться. Но самое удивительное — он возлагал абсолютную уверенность на то, что Урянхайская котловина даст ему возможность спокойно прозимовать. Он лично знал Урянхайский край и должен был знать, что это настоящая, совершеннейшая мышеловка, из которой он не выйдет, так как она плотно захлопывалась несколькими проходами и, конечно, большевики эти выходы крепко закрыли бы до момента, пока в дивизии не произошел бы бунт.

Критиковал ли он самого себя когда-нибудь в душе, но не знаю ни одного случая, когда бы он собрал начальников для обсуждения тех или иных вопросов. Сбор начальников для обсуждения диспозиции Дубовика перед взятием Урги не носил характера совещательного, а характер уяснения начальниками уже принятой генералом Унгерном диспозиции.

Он был уверен в том, что всадники пойдут за ним в огонь и в воду, но он в этом глубоко ошибся.

Ничьего авторитета он не признавал. Считался с одним атаманом Семеновым, но в ответственную минуту, когда Семенов приказал ему уходить из Монголии в Маньчжурию — он приказа не исполнил, тогда как для Семенова открывалась еще возможность опереться в Маньчжурии на твердую землю, для собрания сил против большевиков.

Офицерский бунт в Азиатской конной дивизии не был заранее обдуманным действием, он был стихийный и зародился одновременно в разобщенных бригадах. Все оставшиеся в живых унгерновские офицеры не раскаиваются в совершенном преступлении, а всадники одобрили действия офицеров и помогли им, признавая право борьбы за жизнь и протест против крайнего насилия над личностью и жизнью одного человека с бредовыми идеями.

У каждого, дочитавшего книгу до конца, а особенно выводы, останется тяжелое чувство, и большинство порицать будет главное действующее лицо книги — генерала Унгерна.

В действительности же такое заключение будет поспешным.

Почти все унгерновцы, даже кандидаты на тот свет, как капитан Оганезов, в своих воспоминаниях в устной или письменной форме сердечно вспоминают генерала Унгерна, а такие, как Н. Князев и К. И. Лаврентьев восторженно отыскивали оправдания и умалчивали его неразумные и жестокие действия.

Над разрешением противоречий я ломал голову много лет и пришел к таким выводам.

Люди, кои страдали от жестокости генерала Унгерна, простили ему прошлое, как герою Белой идеи, храбро принявшему смерть за свои идеи. Даже большевики отнеслись к нему с уважением — тем паче мы, его сподвижники (вольные или невольные) высоко ценили своего героя.

Прав он был или не прав в своих способах проведения Белой идеи — вопрос второстепенный, но он был ярко выраженный борец за эту идею до последнего вздоха, не терпевший компромиссов.

Высоко честный во всех отношениях, он служил везде и всегда примером выносливости, храбрости, мужества. Он ни от кого не требовал большего, чем делал сам. Один тарлык, одна смена поношенного белья, георгиевский крест — вот все его достояние. Спал и ел, где придется и что придется. Он поистине был подвижником борьбы против большевиков и все чины дивизии чутьем или сознанием осознавали это.

Одна же из главных причин теплых воспоминаний кроется в тех воинских доблестях, кои унгерновцы совершили в Монголии под водительством генерала Унгерна, кои не умрут в истории Монголии. Горсточка людей в 700–800 бойцов вошла в Монголию и, не имея тыла и средств пополнения, в холодную зимнюю пору одолела 12000 первосортных, до зубов вооруженных, хорошо снабженных китайских войск. Затем, с одной стороны, последовательными рейдами вглубь самой Гоби у Чойрына, а с другой — на путях из Кяхты в Хух-хото — окончательно добивает китайцев и освобождает монгольский народ от векового рабства у них. Каждый воин — участник этих блестящих боев и походов гордится тем, что и он был участником исторических дел.

Поход на Русь — исторический, блестящий кавалерийский рейд, когда за месяц исходили вдоль и поперек 1-й отдел Забайкальской области — страну, равную целому государству, делая в сутки по сто и больше верст, стиснутые превосходными, регулярными частями Красной армии, и не разу противник “не прищучил” и не побил унгерновцев, тогда как они били красных везде, нанося им огромный урон, и уходили безнаказанными.

Время изглаживает все тяжелое, темное и память сохраняет все светлое и героическое, чем жили и к чему стремились в

борьбе за лучшее будущее свое и Родины, как они понимали. Но главное лежит в другом: одни сознательно, другие чутьем понимали, что они совершили историческое русское дело, освободив Монголию навсегда от китайского ига. Унгерновцы подарили русскому народу богатую территорию в 1500000 кв. км без затрат и осложнений с китайским народом. Советская власть не только в 1921 г., когда она дышала на ладан, не посмела бы отбирать Монголию от Китая, но и много времени позднее. В освобожденную Монголию Красная армия вошла беспрепятственно. Монголия, как спелое яблочко, подкатилась ей, разутой, раздетой и болящей России, и это яблочко подкатили унгерновцы. Они окончательно завершили миссию русского народа — стать наследниками царства великого Чингисхана в Азии[79].

Смерть в Монголии одной-другой сотни людей, даже безвинных — слишком незначительная плата за Монголию для блага Родины. Генералу барону Р. Ф. Сарыл-гун-хурэу в этом деле, естественно, принадлежит первое место. Имя его войдет не только в историю Монголии, не только в историю Белого движения, но вообще в историю великого Государства Российского.

Личность генерала Унгерна многогранна, и к нему нельзя подходить с обычной меркой. Редеющая уже масса унгерновцев чтит своего начальника. “Глас народа — глас Божий”, и суд его правый. Вместе с коренными унгерновцами склоняю голову перед памятью генерала барона Романа Федоровича Унгерн-Штернберга.

Пройдут десятилетия, а может быть и века, когда уйдут в историю деяния людей, причастных к Октябрьской революции в России, и честный, беспристрастный историк в тиши своего научного кабинета воздаст должное истинным освободителям монгольского народа от их векового врага — китайцев и проложенным путям слияния монгольского народа с русским.

Комментарии

1 По М. Г. Торновскому, это был барон Рено.

Действительный текст послания Р. Ф. Унгерна Богдо-гэгэну несколько другой (см.: Кузьмин, цит. соч., с. 182–183).

Согласно другому свидетельству (Рибо, цит. соч.), Б. П. Резухин старался копировать у своего командира и друга Р. Ф. Унгерна палочную дисциплину, что стало причиной недовольства оренбургских казаков.

Версии Шеломенцева и Бишерельту-гуна, утвердившиеся в литературе об Унгерне, неубедительны: и тот, и другой были лично заинтересованы в определенном освещении событий. Более объективные сведения содержатся в отчете красного партизана Щетинкина, арестовавшего Унгерна, и в материалах допросов самого барона. Примечательно, что Князев — единственный из бывших соратников Унгерна, кто прямо пишет, что целью заговорщиков было именно убийство барона. Остальные старались отрицать это, сознавая, что заговор стал причиной ареста их командира красными. Отрицая свою вину, они списывали ее на монголов. Однако есть все основания полагать, что Бишерельту-гун хотел доставить Унгерна заговорщикам, но по дороге напоролся на разведгруппу красных, сам попал в плен, а потом оправдывался (подробнее см.: Кузьмин, цит. соч.).

По сведениям К. Гижицкого, Богдо-гэгэн издал тайный приказ помогать войску Унгерна, а большевиков вводить в заблуждение о перемещении бригад. Кроме того, белые получали информацию о местонахождении крупных отрядов красных (Gizycki K. 1929. Przez Uijanchaj i Mongolje. Lwow — Warszawa: wyd. Zakladu Nar. im. Ossolinskich).

Есть и другая версия, за что расстреляли А. Ф. Клингенберга (Голубев, цит. соч.).

По данным переписи 1918 г., общая численность монголов в Халхе составляла 542504 чел., китайцев — 100 тыс., русских — 5 тыс. (Майский И. М. 1959. Монголия накануне революции. М.: Вост. лит.).

В каждом монастыре, подчинявшемся Богдо-гэгэну, имелась должность шанцзотбы — должностного лица, ведавшего делами приписных крестьян (шабинаров). При шанцзотбе в монастырской канцелярии находились два да-ламы. Медицинские вопросы не входили в их компетенцию. Этим занимались другие люди — эмчи-ламы.

В действительности, Р. Ф. Унгерн не был награжден

солдатским Георгиевским крестом.

В оригинале — “Хутухта-лама”.

Эта версия впервые была озвучена Д. Алешиным (цит. соч.), одним из самых непримиримых противников Р. Ф. Унгерна. Более реалистической кажется версия Н. Н. Князева (см. выше), что задержка была связана с необходимостью дать отдых конскому составу, а также с опозданием подкреплений.

О деятельности Чжан Цзолиня подробнее см.: Лебеденко А. 1925. Чжан Цзо — лин и Фын Юй — сян // Звезда. № 5. С. 145–156; Каретина Г. С. 1984. Чжан Цзолинь и политическая борьба в Китае в 20- е годы XX в. М.: Наука.

Истории с поисками унгерновских богатств Ж. Персандером описаны И. И. Ломакиной (1999. Комментарии // Першин Д. П. Барон Унгерн, Урга и Алтан — Булак. Самара: Агни, с. 240–242) по архивным материалам (АВПРФ, ф. 3, оп. 8, п. 122, д. 52).

Эти сведения и выводы М. Г. Торновского важны для понимания того, почему, несмотря на положительное отношение забайкальского населения к Р. Ф. Унгерну и его походу, в добровольцы почти никто не шел. Таких данных нет в других мемуарах и документах. Кроме того, Торновский показывает, что унгерновцы уничтожали коммунистов, евреев и, вообще, “подозрительные элементы”, но массового террора в отношении мирного населения не было. Унгерновцы вели себя в целом более организованно, чем “лютовавшие” семеновцы.

Очевидно, имеются в виду полковник Кастерин и войсковой старшина Слюс.

Так в оригинале.

Р.Ф. Унгерн–лицеист из кн.: Князев Н.Н. 1942. Легендарный барон. Харбин.

Р. Ф. Унгерн в форме есаула во время Германской войны или в Даурии (?) из кн.: Князев Н. Н. 1942. Легендарный барон. Харбин.

Р. Ф. Унгерн в форме вольноопределяющегося 91–го пехотного Двинского полка, 1907 г. из кн.: Michalowski W. S. 1973. Testament barona. Warszawa.

Р. Ф. Унгерн в возрасте семи лет из кн.: Michalowski W. S. 1973. Testament barona. Warszawa.

Р. Ф. Унгерн в форме есаула во время Германской войны или в Дауриш (?) РГВА, ф. 39532, оп. 1, д. 60, л. 3.

Р. Ф. Унгерн во время допроса в штабе 5–й армии в г. Иркутске. ЦМВС, фотофонд, 3/3В981.

Р. Ф. Унгерн во время допроса в штабе 5–й армии в г. Иркутске.

ГМСИР, колл.: фото, № 19086/1356.

Р. Ф. Унгерн в сопровожденш П. Е. Щетинкина.

ГМСИР, колл: фото, № 1076/13–8–2.

/

Р. Ф. Унгерн во время допроса в штабе 5–й армии в г. Иркутске. ГМСИР, колл: фото, № 1076/109.

Группа офицеров и казаков Хамарского полка во главе с полковником Чупровым. Даурия, 1919 г. из собрания М. Ю. Блинова.

Г. М. Семенов на поезде "Семено- вец" в Приморье.

РГВА, ф. 40840, оп. 1, д. 28, л. 272.

Артиллерийский расчет поезда "Семеновец". РГВА, ф.40840, оп. 1, д. 28, л. 220.

Поезд "Семеновец".

РГВА, ф.40840, оп. 1, д. 28, л. 218.

Штаб Г.М. Семенова.
ГМСИР, колл.: фото, № 769/333б.

Военный совет семеновцев. ГМСИР, колл.: фото, № 769/333а.

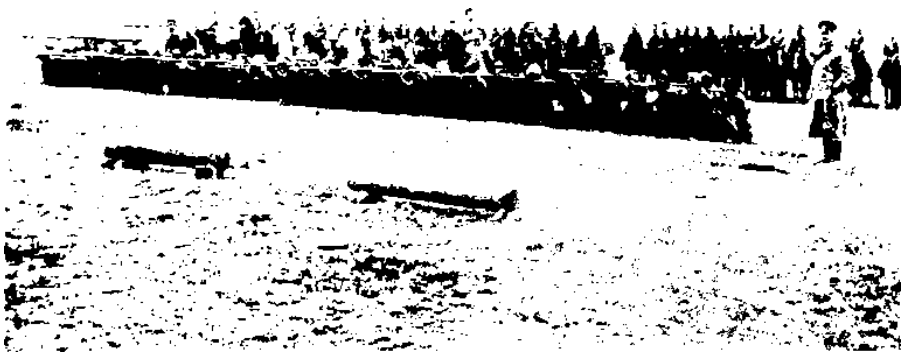
У юрты Г. М. Семенова. ГМСИР, колл.: фото, № 769/333 в.

В. А. Кислицын, из кн.: Соловьева Н. А. (сост.) 2003. Печатные

издания харбинской россики. Хабаровск: изд. Части, колл.

А. П. Кайгородов. http: //irbis.asu.ru/docs/ altai/history/rogov/ images/ images.html.

Полковник Казагранди (в первом ряду третий слева) со своим полком и с настоятелем Верхотурского Николаевского мужского монастыря архимандритом Ксенофонтом (Медведевым) на станции Кушва 6 (19) декабря 1918 г. http: //atlas ch. narod. ru/foto/ big/pr2 6.htm.



Монгольская бригада под управлением русских инструкторов (есаул Васильев), из кн.: Козлов П. К. 1920. Тибет и Далай-лама. Пг., 1920.

А. С. Бакич в плену у красных. ГМСИР, колл.: фото, № 19082/98.

В. К. Рерих (служивший у РФ. Унгерна) с братом и племянником. Слева направо: В. К. Рерих, Ю. Н. Рерих. Н. К. Рерих.

МЦР, ф. 1, № 7486 (вр.).

В. К. Рерих со своим братом Н. К. Рерихом и другими участниками Маньчжурской экспедиции 1934–1935 гг. (справа налево).

МЦР, ф. 1. № 641 (ер.).

П. Н. Врангель со штабом. ГМСИР, колл.: фото, № 19086/118.

Генерал Ренненкампф.

ГМСИР, колл.: фото, № 3308/320.

Б. В. Анненков.
ГМСИР, колл.: фото, № 19086/286.
А. И. Дутов.
ГМСИР, колл.: фото, № 19351/113.

Н. А. Лохвицкий (третий слева).
РГВА, ф. 1511. оп. 2, д. 127 (2), л. 9об„фото 4.
I.

Казаки отряда Нечаева, пришедшие в Тяньцзин с Чжан Цзолинем и юнкерами из Циндао. Согласно подписи на фотографии, они устроили пьянку и пытались сорвать флаг с советского консульства, но вовремя были остановлены иностранными властями.

ГМСИР, иностр. ф., № 3149/33.

Богдо-гэгэн VIII Джэбцзундамба-хутухта в молодости.

Козлов П. К. 1920. Тибет и Далай-лама. Пг., 1920.

Богдо-гэгэн VIII Джэбцзундамба-хутухта.

из кн.: Цултэм Н. Искусство Монголии с древнейших времен до начала XX века. М.

Жена Богдо-гэгэна VIII Джэбцзундамба-хутухты.

Тушэту — хан.

из кн.: Цултэм Н. Искусство Монголии с древнейших времен до начала XXвека. М. Архив РГО, ф. 18, оп. 7, № 657.

Чиновники кемчикского князя, Урянхайский край, из кн.: Каррутерс Д. 1914. Неведомая Монголия. Т. 1, Урянхайский край. Петроград: Переселенческое управление.

Китаец из г. Калган, из кн.: Грум — Гржимайло Г. Е. 1907. Описание путешествия в Западный Китай. Т. 3. СПб: тип. В. Ф. Киршбаума.

Солдат китайской республиканской армии в землянке. 1920–е гг.

ГМСИР, иностр. ф., № 4183/7.

Чжан Цзолинь (слева от него — его сын Чжан Сюэлян, справа — американский советник). ГМСИР, иностр. ф., № 15400/54а.

Правительство Дальневосточной республики (сидят слева направо: Бородин, Д. Шилов, Н. Матвеев, Чередников, неустановленные лица).

ГМСИР, колл.: фото, № 10255/279.

К. А. Нейман, начальник 35–й стрелковой дивизии, 1919–1920 гг.

ГМСИР, колл.: фото, № ВС4400/4.

К. К. Рокоссовский в группе участников партизанского дви- жения в Сибири Щетинкин. ГМСИР, колл.: фото, № 35651/1.

Руководитель операции против Р. Ф. Унгерна, 1921 г. ГМСИР, колл.: фото, № 4400/12.

Я. Н. Коротаев, командир Забайкальской кавалерийской дивизии, воевавшей против Р. Ф. Унгерна, и его помощник М. М. Якимов, 1921 г.

ГМСИР, колл.: фото.

Командный состав экспедиционного корпуса, действовавшего против Азиатской конной дивизии, г. Троицкосавск, август 1921 г.

ГМСИР, колл.: фото, № 4400/9.

Комсостав 307–го полка, отличившегося при разгроме Р. Ф. Унгерна, г. Троицкосавск, 1921 г.

ГМСИР, колл.: фото, № 4400/11.

Группа командиров, отличившихся при разгроме Р. Ф. Унгерна, 1921 г.

ГМСИР, колл.: фото, № 4400/10.

Отряд красных партизан под командой Н. Ларионова в период борьбы с бароном Унгерном.

ГМСИР, колл.: фото, № 4400/14.

Красный отряд идет на войну с бароном Унгерном.

ГМСИР, колл.: фото, № 4400/2.

Памятник в честь боев Хас — Батора и К. К. Байкалова с отрядами А. С. Бакича и А. П. Кайгородова в сентябре — октябре 1921 г. в районе оз. Тол- бо — нур в Западной Монголии. Перевод надписи: “В этом месте в 1921 г. Хас — Батор с Байкаловым воевали против белой банды. Построено в честь 5–го окружного слета молодежи 20 июня 1976 г.” фото А. В. Клюева, 2002 г.

Троицкосавск.
из кн.: Азиатская Россия. 1914. Т.1. СПб: Переселенческое упр.

Верхнеудинск.
из кн.: Азиатская Россия. 1914. Т.1. СПб: Переселенческое упр.

Дорога из Мысовска на Кяхту.
из кн.: Азиатская Россия. 1914. Т.1. СПб: Переселенческое упр.

Сгоревшие вагоны на ст. Даурия после отступления семеновцев. ГМСИР, колл.: фото, № 1948/981.

Взорванная церковь на ст. Даурия. ГМСИР, колл.: фото, № 289а.

Разрушенные казармы на ст. Даурия после отступления семеновцев. ГМСИР, колл.: фото, № 1948/980.

Центральный вокзал г. Харбин.

из кн.: Мелихов Г. В. 1991. Маньчжурия далекая и близкая. М.: Наука.

Представители Красной армии slтречают на границе высланных из Ма —. — журш советских граждан. ***1920–е — 1930–е гг.***

ГМСИР, колл.: фото, № 30202 495.

Аласуйская долина, Урянхай ***cKit:****.*

из кн.: Каррутерс Д. 1914. Не~-: ~ Монголия. Т. 1: Урянхайский край. Петрограо: Переселенческое упр.

Буддийский храм в Чеданской долине, Урянхайский край.

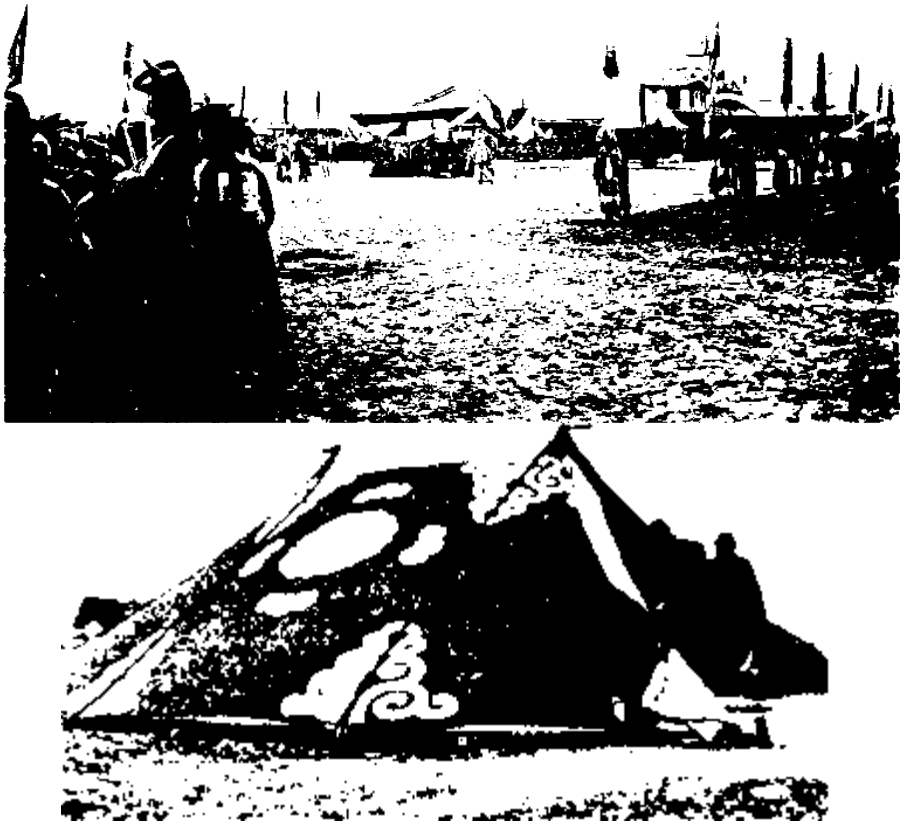
Монастырь Бревен-хийд в Монголии.

из кн.: Цултэм Н. 1986. Монгольская национальная живопись "Монгол зураг". Улан- Батор: Госиздат.

Дацан в Бурятии.

из кн.: Азиатская Россия. 1914. Т.1. СПб: Переселенческое упр.

из кн.: Каррутерс Д. 1914. Неведомая Монголия. Т. 1, Урянхайский край. Петроград: Переселенческое упр.

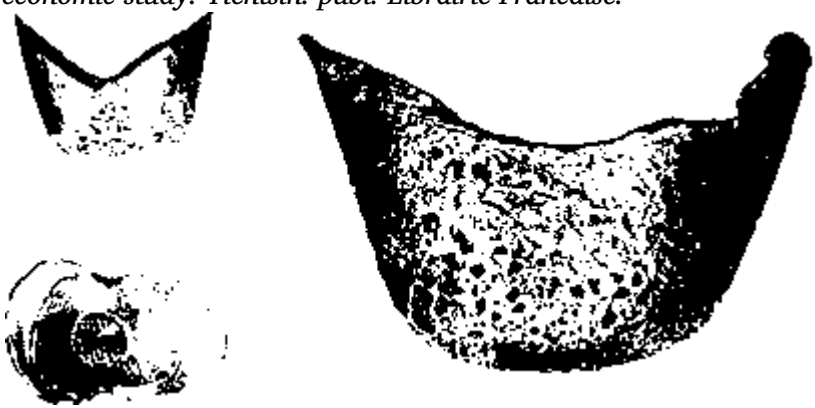


Монгольский праздник Цам в г. Урга напротив дворца Богдо-гэгэна. Архив РГО, ф. 18, оп. 7, № 679.

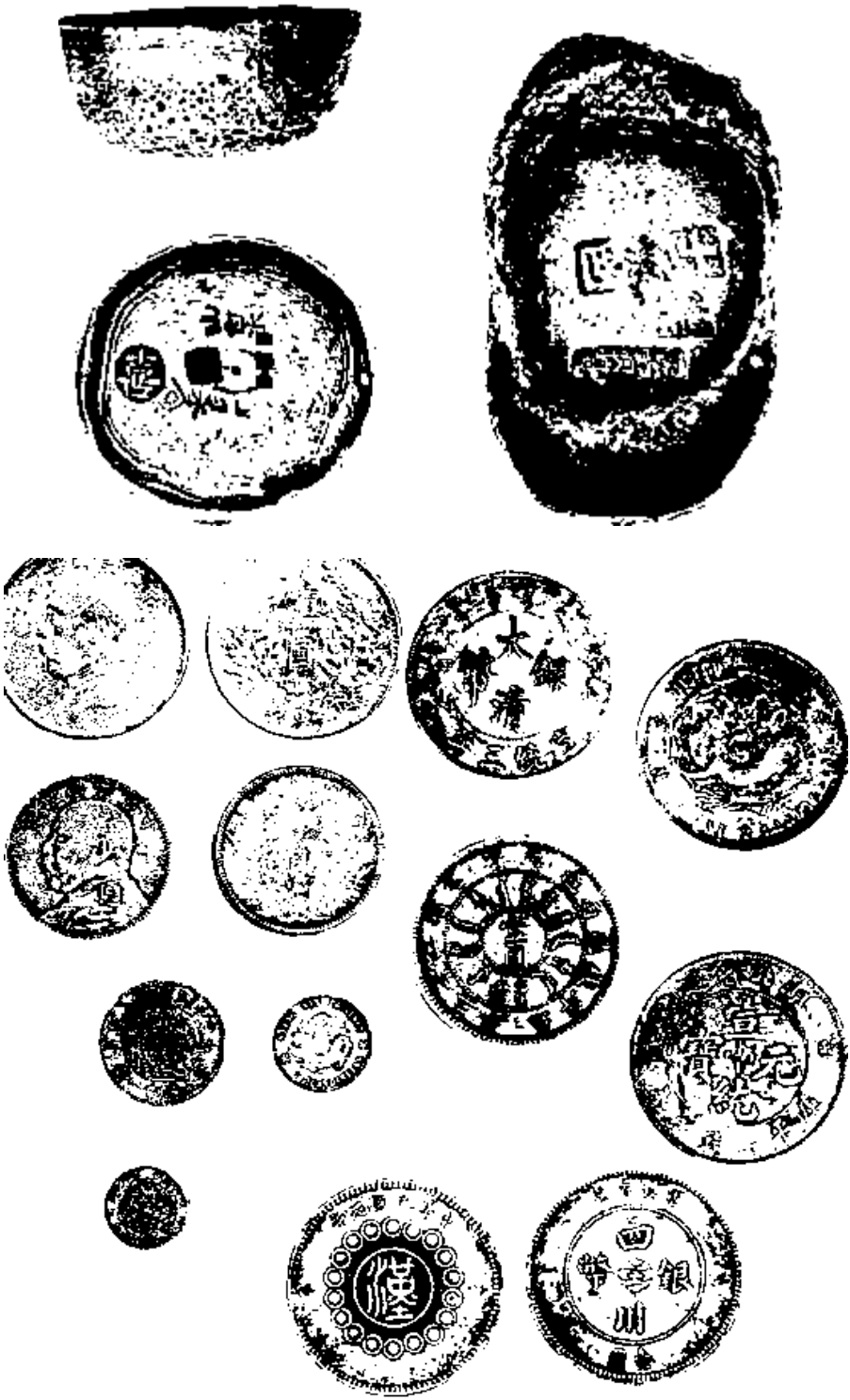
Монгольская палатка — майхан. из кн.: Цултэм Н. 1984. Искусство Монголии с древнейших времен до начала XX века. М.

Монгольский способ заарканить лошадь.

из кн.: KaramisheffW. 1925. Mongolia and Western China: Social and economic study. Tientsin: publ. Librairie Francaise.



Китайское ямбоеое серебро, имевшее хождение в Монголии и Китае в начале XX в. из кн.: Погребецкий А. И. 1929. Денежное обращение и финансы Китая. Харбин: изд. Экон. бюро КВЖД.



Серебряные доллары, имевшие хождение в Монголии и Китае в начале XX в. из кн.: Погребецкий А. И. 1929. Денежное обращение и

финансы Китая. Харбин: изд. Экон. бюро КВЖД.

notes

Примечания

1

Есть и другая версия: в период службы Унгерна в Приамурье (видимо, в 1913 г.) у него произошла ссора с другим офицером, в которой последний ранил его шашкой в голову, вследствие чего барон вынужден был уйти и из этого полка (Голубев. Hoover Institution on War, Revolution and Peace, Stanford, USA, DK254/ U7G662).

2

Орочоны — название, использовавшееся в прошлом для обозначения орочей и удэгейцев. В данном случае, очевидно, имеются в виду орочи — народ, живущий в Приморье и Хабаровском крае, в том числе на границе с Маньчжурией.

3

На международном уровне монгольская автономия была зафиксирована позже — в 1915 г. тройственным Кяхтинским соглашением.

4

Эту награду Р. Ф. Унгерн получил за то, что во время боя 22 сентября 1914 года (старого стиля), “находясь у ф. Подборек, в 400–500 шагах от окопов противника, под действительным ружейным и артиллерийским огнем, давал точные и верные сведения о местонахождении неприятеля и его передвижениях, вследствие чего были приняты меры, повлекшие успех последующих действий” цит. по: http://george-orden.nm.ai).

5

Это не так. Р. Ф. Унгерн получил первый орден Св. Георгия 4–й степени в 1914 г. (РГВИА, ф. 2137, оп. 1, д. 138, л. 16–21 об.), а второй — в 1918 г. (РГВА, ф. 39454, оп. 1, д. 2, л. 48).

6

Великая война — так раньше называли Первую мировую войну.

Имеется в виду атаман Г. М. Семенов.

8

Билонное серебро — от бэлэн (монг.) — наличный.

9

Амурсана (1722–1757) — джунгарский князь, боролся за ханский престол. Затем (в 1755 г.) поднял восстание против маньчжурского господства, потерпел поражение. После этого бежал в Россию, где умер от оспы. На требования Китайского правительства выдать его труп, правительство России ответило решительным отказом. Подробнее см.: Кузнецов В. С. 1980. Амурсана. Новосибирск: Наука.

10

Джалханцза-хутухта Дамдинбазар (1874–1923) — влиятельный лама из Западной Монголии, где ему принадлежали 28 монастырей и храмов. С 1921 г. до смерти Богдо-гэгэна — премьер-министр Монгольского правительства. Поддерживал связь с МНРП.

11

Урянхайский край — теперь Тува.

12

Это объяснение, почти общепринятое, сомнительно. Очевидно, Бишерельту-гун собирался доставить барона в уходившую в Маньчжурию бывшую бригаду Резухина, но напоролся на красный разъезд, а потом оправдывался (подробнее см.: Кузьмин С. Л. (сост.). 2004. Барон Унгерн в документах и мемуарах. М.: КМК).

13

ДВР — Дальневосточная республика.

14

Гаминами монголы называли китайских республиканских солдат (название партии “Гоминьдан” — от кит. гэмин — революция).

15

Тубанов был бурятом.

по-видимому, Князев имеет в виду ясновидение.

Эти сведения, по-видимому, недостоверны: они не подтверждаются остальными документами и мемуарами.

18

Ваннит — это высшая догматика северного буддизма, учащего, что каждый человек должен пройти длинный ряд перевоплощений, пока не достигнет состояния бодхисатвы, то есть идеала действительной любви ко всему сущему. Но и каждый бодхисатва проходит свои десять стадий перевоплощения, пока не достигнет состояния Будды (бодхисатва перевоплощается тремя отдельными частями — духом, словом и телом, поэтому в Монголии и Тибете можно найти трех хубилганов, то есть перевоплощенцев каждого бодхисатвы). Типичными перерожденцами бодхисатв являются гэгэны. Тантристы же учат, что совершенно необязательно проходить долгий путь перевоплощений для достижения совершенства. Их идеалом является слияние с могущественными сверхъестественными силами. Тантристы владеют волшебными достижениями волхвов и, может быть, по этой причине иногда мнят себя свободными от морального закона.

19

Хадак — “плат счастья”, является необходимейшим атрибутом каждого официального представления и подносится с поклоном, на протянутых руках, младшим старшему или равным равному во всех случаях, где имеется элемент уважения. Хадак представляет собой продолговатый шелковый платок белого или же голубого цвета, обычно без надписей и изображений. Но иногда, в например, в тех случаях, когда хадак подносится с благочестивыми намерениями, он снабжается изображением какого-нибудь божества. Размеры хадака самые произвольные, от формата носового платка до 2–3 маховых саженей. Барон получил множество хадаков, но постоянно держал при себе лишь один из них, поднесенный ему Богдо-гэгэном, так как этот шарф — хадак обладал особой мистической силой и имел какое-то историческое значение.

20

Р. Ф. Унгерн лично не участвовал в управлении Монголией (этим занималось Монгольское правительство), но давал советы министрам и участвовал в составлении некоторых внешнеполитических посланий правительства. Однако министры сами решали, что отправлять, а что нет. Унгерн занимал должность главнокомандующего. Однако обстановку в стране контролировали именно монголы. Поэтому считать его диктатором неверно.

21

Это неверно: Р. Ф. Унгерн признавал сюзеренитет над Монголией Маньчжурской империи (но не республиканского Китая). Одной из его целей было восстановление монархии в Китае.

22

Н. Н. Князев везде называет Срединным царством автономную Монголию. Это неверно: в своих письмах Р. Ф. Унгерн Срединным царством называл Маньчжурскую империю или, шире, наследие империи Чингисхана. Немного позже Князев пишет о том, что Богдо был провозглашен главой Срединного царства, хотя в действительности — только Монголии. В качестве же главы Срединного царства Унгерн хотел восстановить кого-либо из маньчжурской династии.

23

Что именно означал описанный обряд, остается неясным. Ниже (в главе XVI) Князев пишет несколько иначе: что “высшие духовные авторитеты подвели под него прочный религиозный фундамент, объявив его божественным перевоплощенцем величайшего из легендарных баторов”. Возможно, в обыденном сознании это было то же самое, что “бог войны” (подробнее о проблеме наречения Унгерна “богом войны” см… Кузьмин, цит. соч., с. 23).

24

А. С. Макеев (1934. Бог войны — барон Унгерн: Воспоминания бывшего адъютанта начальника Азиатской конной дивизии. Шанхай: книгоизд. А. П. Малык и В. П. Камкина) приводит другую причину: что этот дом раньше принадлежал богатым евреям. Подлинный текст приказа несколько другой, чем приводит Н. Н. Князев (см.: Кузьмин, цит. соч., с. 89).

25

Эти послания Г. М. Семенова отсутствуют среди документов Азиатской конной дивизии, захваченных красными в Урге (по крайней мере, в АВПРФ и РГВА, где находятся документы и их копии).

26

Имеется в виду так называемое восстание боксеров в Китае — восстание ихэтуаней 1899–1901 гг., направленное против иностранцев. Было начато тайным обществом “И-хэ-цюань” — “Кулак во имя справедливости и согласия”. Успех восстания (в июне 1900 г. был занят Пекин) привел к интервенции в Китай восьми крупнейших индустриальных держав, навязавших Китаю выгодный для них “Заключтельный протокол” 7 сентября 1901 г.

Это вряд ли было возможно: советское руководство, готовя революцию в Монголии, фактически предъявило ультиматум Ургинскому правительству, потребовав полностью прекратить сотрудничество с белыми.

28

Подсчеты численности войск Р. Ф. Унгерна и его союзников см. также в книге: Белов Е. А. 2003. Барон Унгерн фон Штернберг: биография, идеология, военные походы 1920–1921 гг. М.: Аграф.

29

Ст. Желтуринская находится в 95 верстах на запад от Троицкосавска, а ст. Боссинская в 55 верстах, считая по воздушной линии.

Барон дал Казанцеву исключительные полномочия, которыми облекаются Генерал-губернаторы вновь завоеванных областей. Любопытный документ получил он также и от Богдо-хагана: “Белому генералу (Казанцев имел звание подхорунжего и был нестроевым чином) Ивану Григорьевичу Казанцеву дана в том, что он может мобилизовать монголов, брать лошадей; монгольские власти должны его кормить, возить по уртонской почте и оказывать всякую помощь, которую он потребует (К. И. Лаврентьев, рукопись).

31

Полковник Доможиров прибыл из армии атамана Дутова. Барон послал его для связи с генералом Бакичем, но Доможиров не выполнил поручения.

32

Барон полагал, что полковник Доможиров убедит генерала Бакича идти на соединение с Азиатской конной дивизией.

33

В действительности Джалханцза-хутухта и Хатан-Батор Максаржав ездили в Западную Монголию не по приказу Унгерна, а по собственному желанию. Их задачей было укрепление контактов с красными.

По одним данным, И. Г. Казанцев был убит в августе 1921 г. около села Артамоновка в Урянхайском крае, по другим — погиб в декабре того же года при переходе советской границы (Белов, цит. соч.).

35

Советская дивизия состояла в 1921 г. из 9 полков, разделенных на 3 бригады. Полк имел 9 рот, рота — 3 взвода. В полку насчитывалось от 1000 до 1500 бойцов.

36

В том году в Красной армии приходилось по штату 3 орудия на полк.

Судя по документам Азиатской конной дивизии, захваченным красными, это были списки солдат и офицеров японской сотни и расписки о выдачах им жалования (сейчас хранятся в АВПРФ). по-видимому, Н. Н. Князев, писавший свою книгу в условиях японской оккупации Маньчжурии, лишний раз подчеркивал свою лояльность японцам.

Другие очевидцы сообщают другое: что унгерновцы пленных не брали, красные отстреливались до последнего и все погибли (Макеев, цит. соч.), или были расстреляны (Alioshin D. 1941. Asian Odyssey. London — Toronto — Melbourne — Sydney: Cassell and Co., Ltd.), или что коммунисты и красные добровольцы были расстреляны, а остальные вступили в ряды Азиатской конной дивизии (Riabukhin (Ribo) N. M. Hoover Institution on War, Revolution and Peace, CSUZXX697–A).

39

Запоздалое желание Р. Ф. Унгерна уйти в Тибет подтверждается и другими мемуарами. В той ситуации это было наиболее логичное решение (подробнее см.: Кузьмин, 2004, цит. соч.) — тем более что сам Далай-лама в свое время вел с царским правительством переговоры о помощи России Тибету и, в частности, просил прислать вооруженный конвой (Козлов П. К. 2004. Тибет и Далай-лама. М.: КМК). Однако он вряд ли Унгерн собирался уходить к Джа-ламе: он уже изменил свое отношение к последнему. Судя по письму к Палта-вану, барон предполагал, что Джа-лама — коварный и вредный человек.

41

Примечание: Автор — офицер выпуска 1904 года. Участвовал в Русско — японской, 1-й Великой войнах и гражданской. До 1–й Великой войны 5 лет состоял в Иркутском военном училище, командуя год 1-й ротой юнкеров. В гражданскую войну командовал 1-м Егерским полком Оренбургской армии. В первый период большевизма 1917–1918 г. в Маньчжурии при Дальневосточном комитете защиты Родины и Учредительного собрания занимал должность начальника снабжения всех воинских формирований Дальнего Востока.

42

Слово Халха означает “щит”. История Монголии более подробно изложена мною в моей книге “От Великого Новгорода до Великого океана”.

43

Бодхисатва — согласно учению северного буддизма, человек, достигший состояния нирваны, но сознательно остающийся в сансаре и подчиняющийся закону кармы, чтобы помогать в обретении спасения другим живым существам.

44

Цзонхава (Цонкапа) (1357–1419) — основатель школы гелугпа северного буддизма, главой которой является Далай-лама. Кроме Тибета, учение этой школы распространено в Монголии, Северном Китае и России (в основном — Калмыкия, Бурятия и Тува). Цзонхава был реформатором буддизма, но в Тибет эта религия проникла на много веков раньше.

В действительности, китайские солдаты выходили из подчинения самостоятельно — в результате революции и невыплаты жалования.

Отчасти этот план был реализован при Мао Цзэдуне: часть земель, населенных монголами, отделили от Внутренней Монголии, а к ней присоединили более обширные территории — но населенные в основном китайцами. Усилилась иммиграция китайцев.

47

В действительности, г. Грац находится в Австрии. Германия была указана автором потому, что в 1942 г. в нее входила Австрия в результате аншлюса гитлеровцами.

48

В некоторых биографиях указывается, что барон Унгерн учился в Лицее и из Лицея перешел в Морской корпус.

49

Утверждение Н. Князева, что барон Р. Унгерн окончил Павловское училище в 1907 г., неверно. С Маньчжурского театра войны он вернулся в 1906 г., следовательно, мог окончить училище самое раннее в 1908 г., а вернее — в 1909 г.

50

Р. Ф. Унгерн поступил в Павловское военное училище в 1906 г., окончил его и был зачислен в войсковое сословие Забайкальского казачьего войска в 1908 г. (РГВИА, ф. 400, оп. 11, д. 499, л. 17–23об.).

51

Из ассириицев.

52

Церемония бракосочетания Унгерна прошла в Харбинской церкви.

53

Эти материалы недавно переизданы: Врангель П. Н. 1991. Записки (ноябрь 1916 г. — ноябрь 1920 г.). Б. м. (М. — Пенза); [Семенов Г. М.] Атаман Семенов. 2002. О себе. Воспоминания, мысли и выводы. М.: АСТ.

Даваан (монг.) — перевал.

В действительности, это письмо было вызовом республиканцам: Р. Ф. Унгерн сознательно сообщал им о том, что он монархист и борется с революционерами (см. также мемуары А. С. Макеева, Н. Н. Князева и др.).

56

Здесь и ниже все даты, касающиеся взятия Урги, у М. Г. Торновского сдвинуты на один день: Богдо-гэгэн был освобожден 1 февраля, а Урга освобождена 3 февраля.

по-видимому, главным основанием было экономическое — проход тысяч деморализованных республиканских солдат и мирных китайских беженцев через ДВР, пострадавшую от гражданской войны. Кроме того, Советское правительство старалось избегать втягивания своего “буферного” образования в международные конфликты.

Эти предположения неверны: С. Б. Цыбыктаров, действительно, симпатизировал большевикам.

по-видимому, Дуся была родственницей атамана Г. М. Семенова.

Р. Ф. Унгерн стремился к восстановлению Срединной империи — наследницы державы Чингисхана под эгидой маньчжурской династии. Монголию и Китай он рассматривал как части этой империи. Об этом он писал монгольским феодалам и китайским генералам-монархистам.

по-видимому, описывается расправа со студентом — медиком Энгельгардт-Езерским, который в свое время занимал какую-то должность в комиссариате здравоохранения в Иркутске. Унгерну на него донес Сипайло.

62

Обстоятельства гибели полковника Казагранди и сотника Сухарева см. в кн.: Серебренников И. И. 2003. Гражданская война в Россиии: Великий отход. М.: АСТ — Ермак. Лестную оценку Н. Н. Казагранди не разделяли некоторые другие очевидцы (например, Д. Алешин).

63

Подполковник Циркулинский приказал расстрелять врача Клингенберга и медсестру Швецову. Приказ выполнили войсковой старшина Тысханов и прапорщик Козырев.

В оригинале здесь и ниже — “Исаков”.

65

Н. Н. Князев (“Луч Азии”, № 4, 1934, с. 23–28) писал, что наиболее приближенный к Р. Ф. Унгерну перерожденец, известный в дивизии как “Маленький гэгэн”, еще до похода барона в Забайкалье предсказал ему, что этот поход будет неудачным, один из больших нойонов будет убит, а все дело барона окончится крахом. Это предсказание полностью оправдалось.

66

Согласно Н. М. Рибо, вырыть могилу и закопать тело Резухина приказал не Хоботов, а Кастерин, который перед тем пришел в палатку генерала вместе с заговорщиками (Кузьмин, цит. соч., с. 510–511 и список опечаток).

67

От сум (монг.) — мелкая административно-территориальная единица во Внешней Монголии.

68

Есть сведения, что в харбинской тюрьме Л. Сипайло содержался отдельно от других заключенных, во избежание самосуда, и использовался в качестве главного провокатора (Залесский Б. [1932]. Маньчжурские записки. Л.).

В действительности, атаман Казанцев разгромил ряд монгольских монастырей и перебил много ни в чем не повинных монахов вне зависимости от их отношения к коммунизму. Он это сделал в отместку за резню русских беженцев в Улясутае, организованную бывшим членом Ургинского правительства Хатан-Батор Максаржавом, который перешел на сторону красных и таким способом решил выслужиться перед новыми властями (Серебренников, цит. соч., с. 160–161). Погром, организованный Казанцевым, в свою очередь, привел к новым нападениям на русских колонистов.

Киргизами в те времена называли казахов.

71

Эпопея генерала А. С. Бакича описана неоднократно (например, Серебренников, цит. соч., Петров В. И. 2003. Мятежное “сердце” Азии. М.: Крафт +).

Подробнее о Першиных см.: Ломакина И. И. 1999. Об авторе воспоминаний и его героях // Першин Д. П. Барон Унгерн, Урга и Алтан-Булак. Самара: Агни, с. 7–36.

73

В оригинале неразборчиво.

Эта оценка неверна: просто Р. Ф. Унгерн предпочитал партизанские методы ведения войны. Без полководческого таланта он, несомненно, не смог бы укрепиться в Даурии и освободить Монголию от китайцев. Примеры боев, приводимые далее, трактуются М. Г. Торновским тенденциозно (ср. их описания в мемуарах А. С. Макеева, Н. Н. Князева, К. И. Лаврентьева и др.).

Следует отметить, что в историческом и геополитическом отношении Р. Ф. Унгерн добился в Монголии гораздо больше, чем имевшие намного более крупные силы генерал А. С. Бакич — в Монголии, адмирал А. В. Колчак — в Сибири, атаман Г. М. Семенов — в Приморье и т. д.

Оценка М. Г. Торновским политических целей и действий Р. Ф. Унгерна говорит о том, что он их в основном не понимал (подробнее см.: Кузьмин, цит. соч.).

Судя по другим мемуарам, эти сведения весьма спорны.

Непонятно, как по одним глазам эротическую страсть можно отличить от других страстей… Тем более, что остальные свидетели пишут, что пущенный в ход ташур всегда означал приступ гнева.

В отличие от большинства других белых мемуаристов, М. Г. Торновский верно подметил, что Р. Ф. Унгерн хотел восстановить державу Чингисхана. В то же время, отмечая тягу барона к средневековью, он, как и другие авторы, не заметил того, что Унгерн во многом следовал порядкам, установленным Чингисханом. Сведения об этих порядках можно найти во многих книгах (Козин С. А. (пер.). 2002. Сокровенное сказание монголов. М.: КМК; Хара — Даван Э. 2002. Русь монгольская. Чингисхан и монголосфера. М.: Аграф; Храпачевский Р. П. 2004. Военная держава Чингисхана. М.: АСТ — ВЗОИ; и др.). Например, это равное уважение всем религиям без возвышения какой-то одной; опора на исторически сложившиеся родовые отношения; государственное строительство на основе сословной системы; приоритет личных контактов с наследственными правителями отдельных племен при создании государства; решающая роль личных качеств (а не родовитости или образования) при продвижении по воинской службе; личное руководство полководца боевыми действиями; строжайшая дисциплина в войсках, доходящая до круговой поруки; материальная заинтересованность личного состава в победах, в том числе раздача части добычи в качестве награды; строгие наказания вплоть до смертной казни за прелюбодеяние и воровство; ответственность всей семьи за провинность отдельных членов; широкое использование телесных наказаний. В то же время, и Князев, и Торновский подчеркивают нарушение Унгерном завета Чингисхана, что господина (нойона) можно казнить, но нельзя бить, чтобы он не утратил уважение подчиненных.